ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый при постоянномъ участіи въ редакціи
А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова,
П. Н. Сакулина и В. И. Семевскаго.

№ 7. Іюль. 1913.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва.—1913.

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

С. А. Корфъ. Павелъ I и дворянство 5
М. С. Коноплева. Марія Семеновна Жукова. 19
Л. П. Карсавинъ. Церковь и религіозныя движенія XII—XIII вѣковъ въ Зап. Европѣ 39

II. Воспоминанія:

В. М. Хижняковъ. Изъ разсказовъ бабушки. (Окончаніе). 62
В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки. (Окончаніе). 86
В. Н. Ольнемъ. Изъ репортерскихъ воспоминаній 123
Ѳ. Е. Коршъ. Изъ воспоминаній 160
Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. (Продолженіе). Перев. съ фр. Е. П. Чалѣевой. 174

III. Матеріалы:

А. К. Дживелеговъ. Черты провинціальной жизни на рубежѣ XIX в. 186
Письма А. И. Герцена къ Н. П. Огареву. Сообщ. *М. О. Гершензонъ* . 190
А. Ершовъ. Казанскій заговоръ. (Окончаніе). 199
А. Черткова. Изъ исторіи гоненій духоборцевъ въ закавказьи . . . 229

IV. Обзоръ журналовъ:

1. В. Кн. Константинъ Павловичъ и княжна Елена Любомирская — *В. И. Пичеты.* 2. Еще о Ростопчинѣ. Изъ крѣпостного быта.—*С. П. Мельгунова.* 3. Проекты народнаго представительства въ Россіи въ 1882 г.—*С. Г. Сватикова.* 4. О Гаршинѣ—Л. Ф. Пантелѣева 237

V. Критика и библіографія:

1) М. Н. Покровскій. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.—*В. И. Семевскаго.* 2) П. И. Ковалевскій. Завоеваніе Кавказа. — *С. Л. Аваліани.* 3) Grabiec Rok 1863. — *И. С. Рябинина.* 4) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Россійск.—*С. П. Мельгунова.* 5) Письма А. П. Чехова, т. III. *П. С. Попова.* 6) В. А. Верещагинъ. Русская карикатура III. А. Ѳ. Орловскій. *А. Ефроса.* 7) Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. *А. К. Дживелегова.* 8) А. Д. Удальцовъ. Свободная деревня въ Зап. Нейстріи въ эпоху Меровинговъ. *В. С. Протопопова.* **Факты и матеріалы.** 9) Дневники Н. И. Тургенева, *М. Вищницера;* 10) Изъ архіерейскихъ записокъ *С. П. Мельгунова.* 11) Н. Г. Чернышевскій въ Сибири. *Е. А. Колосова.* Новыя книги. 250

Стр.

VI. Хроника:

Къ шестидесятилѣтію В. Г. Короленко 277
Некрологи С. В. Соловьева, С. Н. Шубинскаго, Г. М. Фриденсона. Исторія открытія памятника Б. Хмѣльницкаго въ Кіевѣ. Выставка печати. Къ юбилею Франка. 278

VII. Рисунки:

Портретъ М. В. Жуковой и В. Г. Короленко (дуплексъ). Празднества въ Версалѣ (изд. XVII в.). Въ текстѣ: портретъ Франка, Соловьева, Шубинскаго, Фриденсона.

VIII. Приложеніе:

Лили Браунъ. Письма Маркизы . . . . . 161—192

IX. Объявленія:

Содержаніе вышедшихъ №№ «Голоса Минувшаго» и предположенія на вторую половину года. VI

Павелъ I и дворянство.

Въ нѣкоторой части нашей печати за послѣдніе годы ясно замѣтно стремленіе защитить и по возможности реабилитировать Павла. Фактъ этотъ очень легко объяснимъ, если вспомнить, что правительственная система Павла является лишь доведеннымъ до своихъ крайнихъ предѣловъ абсолютизмомъ. Какъ въ свое время Карамзину необходимо было съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на Иванѣ Грозномъ и примирять крайности Московской Руси съ идеей монархическаго принципа, такъ современнымъ эпигонамъ самодержавія приходится такъ или иначе объяснять и оправдывать правленіе Павла, хотя нельзя сказать, что при нынѣшнемъ состояніи исторической науки старанія ихъ имѣли бы большой успѣхъ. Защитники Павла, конечно, легко могутъ подыскать примѣры нѣкоторыхъ распоряженій императора, разбросанныхъ тамъ и сямъ на протяженіи пяти лѣтъ его царствованія, которыя, отдѣльно взятыя, могутъ быть признаны полезными, даже, можетъ-быть, симпатичными [1]); но развѣ, спросимъ мы, эти мѣры или факты характерны для Павловскаго режима? Куда болѣе характерными, по нашему крайнему разумѣнію, являются какъ разъ обратные примѣры, въ родѣ знаменитой резолюціи о примѣненіи къ дворянамъ тѣлеснаго наказанія, предварительно лишивъ ихъ сословныхъ привилегій. Основной чертой всей системы Павла была мысль «моему нраву не препятствуй», отсюда и проистекала та страшная, губительная безсистемность и случайность не только правительственной политики, но и всего законодательства; малѣйшее противорѣчіе или противодѣйствіе вызывало въ Павлѣ болѣзнен-

---

[1]) Такъ поступаетъ, напр., «М. К.» («Историч. Вѣстникъ», февраль, 1907 г., т. VII, стр. 675), указывая на «рядъ благодѣтельныхъ для государства» мѣръ (законъ о престолонаслѣдіи, указъ 5 апр. 1797 о трехдневной барщинѣ и т. п.).

ное желаніе настоять на своемъ; его гнѣвные импульсы не давали ему времени обдумать свои повелѣнія, сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія, а потому только слишкомъ часто случалось, что какія-нибудь предпринятыя въ пылу гнѣва мѣры или распоряженія кореннымъ образомъ противорѣчили наиболѣе дорогимъ ему самому идеаламъ. Это была одна изъ самыхъ страшныхъ сторонъ Павловскаго режима, вслѣдствіе которой абсолютно никто не зналъ, что ему готовитъ завтрашній день, не знала и Россія, въ ея цѣломъ, что ее ожидаетъ на завтра; и именно это обстоятельство, болѣе чѣмъ что бы то ни было, сгубило въ концѣ - концовъ самого Павла.

Итакъ, основной чертой Павловскаго законодательства и его политики являлись указанныя безсистемность распоряженій и случайность мѣръ и законовъ во всѣхъ безусловно областяхъ государственной дѣятельности, въ томъ числѣ и отношенія императора къ дворянству и дворянскому вопросу.

Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что у Павла вовсе не было государственныхъ и политическихъ идеаловъ. Совершенно наоборотъ, таковые идеалы у него имѣлись, и историкамъ безусловно необходимо съ ними считаться. Въ частности именно въ дворянскомъ вопросѣ Павелъ не разъ высказывалъ мысли, свидѣтельствующія намъ о наличности подобныхъ основныхъ идей; только его больная воля, къ несчастью, не давала ему возможности твердо держаться опредѣленной линіи; благодаря этому, вмѣсто политическаго плана получался хаосъ.

Этой основной черты Павловскаго правительства не понялъ, напр., М. Клочковъ, старающійся, повидимому, по силѣ мѣръ и возможности защищать Павла въ статьѣ, посвященной «Дворянскому самоуправленію» этого царствованія [1]); авторъ не различилъ, съ одной стороны, идеалы Павла и его политическіе принципы, съ другой — его разрозненныя распоряженія, изданныя подъ какимъ-нибудь минутнымъ впечатлѣніемъ, благодаря чему получилась трудно разбираемая путаница мыслей, разбавленная нѣкоторыми полемическими выпадами.

Присмотримся ближе къ отношеніямъ Павла къ дворянству, при чемъ будемъ имѣть въ виду его принципы и тѣ практическіе результаты, къ коимъ привела его политика; какъ мы только что указали, послѣдніе далеко не совпадали съ первыми.

Государственно - политическіе принципы Павла сводятся къ несложнымъ идеямъ, въ центрѣ коихъ, несомнѣнно, должна быть поставлена его теорія абсолютно безграничной царской власти; въ теченіе своей жизни, какъ до, такъ и послѣ восшествія на престолъ, Павелъ не разъ высказывался объ этомъ, постоянно повторяя

---

[1]) «Журналъ М-ва Народн. Просвѣщенія», декабрь, 1912 г.

и подчеркивая, что монархъ долженъ располагать абсолютной властью [1]): источникомъ же власти монарха была Божественная санкція. Изъ этой конструкціи власти неизбѣжно вытекали для Павла нѣкоторыя слѣдствія, на его несчастье оказавшіяся очень не современными послѣ эпохи царствованія Екатерины. Главнымъ слѣдствіемъ былъ взглядъ на отношеніе монарха къ подданнымъ, блестяще выразившійся въ фразѣ, сказанной императоромъ французскому посланнику [2]): «Sachez, Monsieur l'ambassadeur, qu'il n'y a de grand seigneur que celui auquel je parle et pendant que je lui parle»; здѣсь нашли себѣ выраженіе двѣ мысли, во-первыхъ, отрицаніе существованія какихъ бы то ни было исторически сложившихся сословныхъ или аристократическихъ привилегій, которыя могли бы ограничивать власть монарха (мысль эта похожа на отношенія Ивана Грознаго къ боярской вольности), а во-вторыхъ, убѣжденіе, что источникомъ всякихъ политическихъ преимуществъ можетъ быть единственно императорская власть.

Отсюда опять-таки съ логической неизбѣжностью вытекаетъ отрицаніе за русскимъ дворянствомъ какихъ-либо исторически закрѣпленныхъ привилегій; власть Павла могла все уничтожить, могла, съ другой стороны, создать любой новый порядокъ — таково основное убѣжденіе Павла, опять-таки не разъ, а постоянно имъ высказываемое [3]). А разъ источникъ преимущества и привилегій единственно «доброе желаніе» монарха, то достигнуть таковыхъ можно отнюдь не разсужденіемъ, а лишь службой, царской милостью.

И дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на исторію Павловскаго царствованія, чтобы убѣдиться, что все и вся должно было въ той или другой формѣ «служить»; служить обязано было и дворянство, по мѣрѣ же своей службы оно могло зарабатывать себѣ милость монарха въ видѣ различныхъ привилегій. Но необходимо помнить, и современное Павлу поколѣніе дворянства горькимъ опытомъ принуждалось помнить, что привилегіи, ему дарованныя, могли быть въ любой моментъ вновь отняты, что онѣ никоимъ образомъ не связывали или не обязывали императора; обѣщанія, подобныя той статьѣ жалованной дворянству грамоты, которая гласила, что «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», были по самому существу своему противны Павлу, скажемъ, даже ненавистны.

Итакъ, вотъ первый практическій результатъ Павловскаго міросозерцанія — дворянство должно было служить. Правда,

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ всѣ историки этой эпохи; ср., напр., Шильдера, Кобеко, Шумигорскаго, Шимана.

[2]) «Русская Старина», 1882 г., т. 36, стр. 497.

[3]) Эти разсужденія направлялись Павломъ, напр., противъ жалованной дворянству грамоты, какъ акта, стѣснявшаго абсолютную власть монарха.

дворянство никогда не отказывалось отъ службы, даже, наоборотъ, современныя историческія изслѣдованія твердо установили фактъ привязанности русскаго дворянства къ государевой службѣ. Когда, напр., въ серединѣ XVIII вѣка по случайному велѣнію судебъ оно было «отпущено» со службы манифестомъ 1762 г., дворянство весьма скоро затосковало по ней, и уже въ слѣдующее десятилѣтіе гурьбами стало возвращаться въ города, на службу, чтобы ею кормиться, ею зарабатывать себѣ и власть и почетъ. Но служба Павловская была иная, чѣмъ служба Екатерининская; въ теченіе долгаго царствованія императрицы дворянство привыкло къ почетной службѣ, благодаря коей оно дѣйствительно стало «первымъ сословіемъ въ имперіи», получило привилегіи не только сословнаго самоуправленія, но и главенствующаго положенія въ правительственной администраціи; по выраженію самой Екатерины дворянство «стало себя чувствовать», теперь же оказалось, что нужно было гнуть спину передъ всякимъ «гатчинцемъ», разными Аракчеевыми, Кутайсовыми, Эртелями [1]), и каждый изъ послѣднихъ, какъ и самъ императоръ, постоянно подчеркивали дворянамъ, «тыкали имъ въ глаза», какъ свидѣтельствуютъ намъ сами современники, что привилегіи, милости, почетъ,—все зависѣло отъ воли и мимолетныхъ желаній «начальства», что въ любой моментъ за орденомъ первой степени или генеральскимъ чиномъ могла слѣдовать Владимирка и ссылка въ мѣста отдаленныя; рады и довольны были тѣ, кто «попадалъ, вмѣсто Сибири, въ какую-нибудь подмосковную». Предъ царскою милостью, въ глазахъ Павла, всѣ абсолютно были равны; не существовало никакихъ препятствій никому для движенія не только вверхъ по іерархической лѣстницѣ, но также и внизъ по ней, и подобныя передвиженія въ обоихъ направленіяхъ совершались буквально ежедневно, при чемъ никто, начиная съ самаго Кутайсова или Аракчеева, не зналъ хорошенько, что готовитъ ему завтрашній день.

Идея о службѣ дворянства соединялась въ міросозерцаніи Павла съ двумя дополнительными идеями, во-первыхъ, о необходимости строгой, желѣзной служебной дисциплины, а во-вторыхъ, положеніе дворянина рисовалось ему съ извѣстной нравственной окраской: дворянинъ долженъ былъ быть рыцаремъ, защищать слабыхъ, женщинъ и т. п. Само собой понятно, что послѣдняя мысль, почерпнутая Павломъ изъ его путешествія по Франціи и изъ разсказовъ по исторіи среднихъ вѣковъ, была совершенно неприложима къ малокультурному русскому дворянству, а къ тому же и противорѣчила основнымъ образомъ вышеизложенной идеѣ о службѣ, дѣлавшей изъ дворянъ сословіе несвободное, которому вмѣнялось

---

[1]) Имя Павловскаго полицмейстера Архарова стало даже нарицательнымъ, «Архаровщина», «Архаровецъ».

въ обязанность рабское подчиненіе начальству. Отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ Павелъ тоже представлялъ себѣ въ довольно своеобразной формѣ; дворяне, какъ онъ самъ выражался, должны были являться «отечественными полицмейстерами»; но рядомъ съ этимъ Павелъ какъ будто унизилъ дворянство, потребовавъ отъ крестьянъ и крѣпостныхъ присяги; во многихъ мѣстностяхъ вслѣдствіе этого произошли волненія, такъ какъ крестьяне полагали, что близокъ часъ ихъ освобожденія; въ Петербургѣ испугались и начали разсылать разъяснительные циркуляры. Это одно изъ характерныхъ противорѣчій Павловскаго режима.

Въ области государственнаго строительства у Павла можно найти и другую основную идею, о необходимости централизаціи; легко усмотрѣть внутреннюю связь ея съ вышеуказанной идеей, касательно монаршаго абсолютизма [1]). Система управленія, какъ и административный строй, должны были быть основаны на строжайшей централизаціи; все государство представлялось пирамидой, во главѣ которой стоялъ монархъ. Централизація, по системѣ Павла, должна была проводиться во всемъ, а слѣдовательно, и относительно дворянства и его сословнаго управленія; при вышеизложенныхъ взглядахъ на дворянскую службу, Павла весьма мало интересовало дворянское самоуправленіе, если вообще онъ надъ нимъ когда-либо задумывался! Во всякомъ случаѣ, таковое не могло въ чемъ-либо ограничивать волю и власть монарха; оно было въ лучшемъ случаѣ только терпимо, поскольку не мѣшало политикѣ правительства и регулярной службѣ дворянства. Съ другой стороны, та же система крайней централизаціи должна была неизбѣжно усиливать полномочія правительственной администраціи, въ видѣ, напр., контроля генералъ-прокурора въ центрѣ и губернаторовъ на мѣстахъ; отсюда проистекали теоретически и логически подобныя мѣры, какъ введеніе губернаторовъ въ дворянскія собранія. Что при этомъ въ корнѣ подрывалась идея самостоятельности сословнаго управленія, нисколько не заботило Павла; съ его точки зрѣнія это было даже необходимо, такъ какъ независимость одного какого-либо сословія противорѣчила всей его абсолютистической системѣ.

Наконецъ, ко всему изложенному для правильной оцѣнки политическаго міровоззрѣнія Павла необходимо прибавить еще одно обстоятельство, нѣкоторую его страсть, въ которой чувство подавляло разсудокъ; мы имѣемъ въ виду ненависть ко всѣму, что касалось его матери,—ненависть, воспитанную въ немъ политикой самой Екатерины [2]) и приведшую къ ужасающимъ результатамъ:

---

[1]) Эта идея выпукло сказалась уже въ 1774 г. въ составленной самимъ Павломъ запискѣ «Разсужденія о государствѣ вообще...»

[2]) Правъ въ этомъ отношеніи, напр., Моранъ, старающійся объяснить душевныя страданія, которыя переживалъ Павелъ въ молодости, близорукой политикой матери.

безсмысленнаго, тупого, злого разрушительства. Эта страсть Павла къ разрушенію всего, съ чѣмъ было связано имя Екатерины, только слишкомъ часто заставляла его предпринимать дѣйствія, коренным образомъ противорѣчившія описаннымъ нами идеаламъ его міросозерцанія. Страсть эта, стало-быть, дѣйствовала параллельно и въ томъ же направленіи, какъ его гнѣвные импульсы, разрушая и подтачивая его собственную политическую систему; это были тѣ именно два фактора, которые приводили въ концѣ-концовъ къ общему хаосу и безпорядку.

Если мы, однако, отъ нихъ на минуту отвлечемся и будемъ имѣть въ виду лишь изложенныя нами теоретическія построенія, то мы обязаны будемъ признать въ таковыхъ логическую стройность, послѣдовательность, взаимную зависимость. Павелъ былъ автократомъ въ душѣ по всему своему міросозерцанію, по всѣмъ своимъ чувствамъ и идеаламъ. И именно этой цѣльностью, этой теоретической стройностью его политическихъ взглядовъ можно объяснить влеченіе къ нему и современныхъ защитниковъ абсолютизма. Къ несчастью, мало кто изъ послѣднихъ задумывается надъ вопросомъ, насколько не только логически, но и политически необходимой является при такихъ идеалахъ указанная конструкція дворянской службы, насколько, другими словами, обязательно подчиненіе дворянства не только главѣ—монарху, но и вообще «начальству», т.-е. іерархической лѣстницѣ. Въ міросозерцаніи Павла, повторяемъ, такое подчиненіе являлось безусловно необходимымъ.

Обязательства, въ родѣ данныхъ дворянству Екатериной въ жалованной грамотѣ 1785 г., были по самому существу своему противны Павлу; и дворянство не могло этого не знать и не чувствовать; какъ самъ Павелъ, такъ и его сподвижники старательно заботились о томъ, чтобы постоянно напоминать объ этомъ дворянамъ, унижая ихъ «гордость», давая имъ на каждомъ шагу чувствовать, «волю начальства» и прихоть «Гатчины» [1]). Также принципіально несовмѣстимымъ съ политическими теоріями Павла было какое бы то ни было самоуправленіе; даже децентрализація была неумѣстной; организація правительства требовала, по его мнѣнію, строжайшей централизаціи для возможно легкаго осуществленія воли монарха.

* * *

Такова была теоретическая конструкція власти и отношенія монарха къ дворянству въ политической системѣ Павла; и повторяемъ, ей нельзя отказать въ логической послѣдовательности.

---

[1]) Дворянъ по указу 3 января 1797 г. не только лишили тѣлесной неприкосновенности, но подвергли возможности наложенія позорныхъ наказаній, рванія ноздрей, заклеймленія, кнута и каторги; можно легко себѣ представить, какъ подобный законъ долженъ былъ отразиться на дворянской психологіи.

Иначе, однако, обстояло дѣла на практикѣ. Уже сама крайность подобной конструкціи абсолютизма не допускала житейскаго ея осуществленія; жизнь всегда боится крайностей, и требуются совершенно особыя условія, главнымъ образомъ, сила характера, чтобы воплотить такую крайнюю теорію въ практическую политику. А именно, силы воли меньше всего хватало Павлу; благодаря несчастному своему характеру, онъ не былъ и никогда не могъ быть послѣдовательнымъ, разрушая ежедневно, пожалуй, ежечасно, своими необдуманными, гнѣвными приказами свои же собственные идеалы. Его болѣзненно-раздражительная воля, его подозрительность и нетерпимость не давали ему никакой возможности держаться какой-либо опредѣленной линіи поведенія; благодаря его необузданнымъ волевымъ импульсамъ, отъ теоретическихъ построеній на практикѣ не оставалось камня на камнѣ; вслѣдствіе же этого законодательство Павловскаго царствованія, какъ и политика его правительства, вовсе не соотвѣтствовали въ своихъ результатахъ тому, что самъ императоръ считалъ основами государственности.

На дѣлѣ Павелъ руководился минутными впечатлѣніями, къ коимъ слѣдуетъ присовокупить гнѣвную ненависть къ Екатерининскимъ начинаніямъ. Въ обоихъ отношеніяхъ далека отъ насъ мысль винить въ этомъ Павла; таковъ ужъ былъ, къ его же собственному несчастью, его характеръ и наслѣдственность, таково было и его воспитаніе; сама Екатерина была больше кого бы то ни было виновата въ подобномъ ненавистническомъ отношеніи сына къ ея дѣламъ.

Немудрено, конечно, что, импульсивно преслѣдуя свои разрушительныя цѣли, Павелъ никогда не задумывался надъ послѣдствіями такой политики. Меньше же всего его должны были заботить какія-либо привилегіи, «пріобрѣтенныя» или «субъективныя» права, какъ выразился бы современный государственникъ, гражданъ его государства. Въ его міросозерцаніи вообще не могло умѣщаться понятіе гражданина; всѣ русскіе были лишь его подданными, начиная съ Кутайсова и дворянства и кончая послѣднимъ крестьяниномъ и крѣпостнымъ. Въ такой обстановкѣ не было также мѣста заботѣ о сословныхъ интересахъ дворянства. Послѣднее характернѣе всего сказалось въ исторіи упраздненія въ 1799 г. губернскихъ дворянскихъ собраній. Указъ 14 октября 1799 г. нанесъ жестокій ударъ дворянскому сословному управленію; имъ была уничтожена губернская дворянская корпорація, юридическое лицо, куда болѣе важное по своему политическому, равно и сословному значенію, чѣмъ корпораціи уѣздныя; этимъ актомъ, весьма мало продуманнымъ [1]), дворянство не только «лишалось возможности

---

[1]) Какъ то полагаетъ М. Клочковъ; цит. статья, стр. 339.

обращаться къ монарху отъ лица дворянскаго сословія всей губерніи» [1]), но и гораздо бо́льшаго, своей центральной организаціи, оплота своего сословнаго управленія, единявшаго его и скрѣплявшаго его сословные интересы; впредь оно не могло болѣе чувствовать себѣ «губернской корпораціей»; съ юридической точки зрѣнія, а также и интересовъ сословнаго управленія дворянства, указъ 14 октября произвелъ огромной важности переворотъ, подорвавъ основу конструкціи, задуманной Екатериной. На дворянство указъ долженъ былъ произвести удручающее впечатлѣніе; за долгое царствованіе императрицы, дворянство уже успѣло свыкнуться со своими привилегіями, со своимъ политически-выдающимся положеніемъ въ провинціи; функціонированіе институтовъ сословнаго управленія начало давать свои плоды; сословные интересы, благодаря послѣднему, кристаллизовались, опредѣлялись, оформлялись; дворянство къ тому же съѣзжалось на губ. собранія и выборы, какъ на большое провинціальное торжество, съ коимъ были связаны балы, вечеринки, обѣды, пріемы у намѣстника и т. д., и т. д.; извѣстно, что каждый изъ Екатерининскихъ намѣстниковъ старался подражать петербургскому двору въ своихъ пріемахъ, угощеніяхъ, всей обстановкѣ своей жизни, а губернскіе выборы давали имъ прекрасный случай блеснуть гостепріимствомъ, которымъ губернскіе дворяне съ радостью пользовались. И вдругъ все это, и удовольствіе, и сословная польза, уничтожалось, и при томъ съ точки зрѣнія дворянъ — безпричинно. Нѣтъ сомнѣнія, что окраска Екатерининскаго политическаго режима, которая отличала губ. выборы и собранія дворянъ, сыграла видную роль въ психологіи Павла, когда онъ съ такимъ легкимъ сердцемъ согласился на предложеніе своего генералъ-прокурора упразднить губ. двор. собранія [2]); можетъ-быть, и Куракинъ зналъ, на какой стрункѣ души Павла можно сыграть легче всего.

Мы указывали выше, что одной изъ основныхъ политическихъ идей Павла должна была являться идея централизаціи; таковую необходимо было проводить во всей системѣ управленія для полнѣйшаго торжества абсолютизма; она должна была, слѣдовательно, коснуться всѣхъ отраслей мѣстнаго управленія, считая въ томъ числѣ и дворянское сословное управленіе. Идея централизаціи

---

[1]) Внѣшнимъ предлогомъ упраздненія губ. собраній послужило то соображеніе Куракина, что не стоило будто бы для одного выбора губ. предводителя (sic!) съѣзжаться дворянамъ въ губ. города; о важныхъ послѣдствіяхъ этого указа для губ. дворянства, какъ юрид. лица, никто не заботился; малая же обдуманность мѣры свидѣтельствуется той большой путаницей, которая произошла во всемъ мѣстномъ управленіи послѣ изданія указа 1799 г., на что указывали уже многіе современники.

[2]) Ср., напр., съ циркул. письмомъ ген.-прокурора отъ 30 дек. 1797 г., приказывавшимъ сокращать и упрощать прежніе церемоніалы.

была чрезвычайно выгодна сотрудникамъ Павла; всякій изъ сподвижниковъ его правительства долженъ былъ старательно поддерживать стремленіе къ централизаціи системы управленія имперіи, въ чисто личныхъ цѣляхъ; система эта увеличивала власть правительственной администраціи и тѣмъ больше, чѣмъ выше по іерархической лѣстницѣ. Понятно, стало-быть, что помощники Павла всѣми силами и мѣрами способствовали осуществленію указанной системы централизаціи; можетъ-быть, благодаря этому, она находила себѣ лучшее воплощеніе въ жизни, чѣмъ другіе идеалы императора.

По поводу происшедшихъ на Лифляндскомъ дворянскомъ собраніи недоразумѣній, Павелъ предписалъ, чтобы впредь на дворянскихъ собраніяхъ присутствовали губернаторы, чѣмъ въ корнѣ подрывалась самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія. Въ этой мѣрѣ сказалась для дворянства чрезвычайно выпукло та огромная разница, которая отличала царствованіе Павла отъ царствованія его матери; Екатерина старательно ограждала интересы дворянскаго сословія и всѣми силами проводила идею независимости дворянскаго сословнаго управленія отъ воздѣйствія и власти правительственныхъ органовъ; для Павла подобной заботы не существовало,—дворянство же не могло этого не чувствовать. Характерно отмѣтить, что такая мѣра проводилась къ тому же въ оскорбительной для дворянства формѣ: губернаторамъ, говорится въ указѣ, слѣдуетъ присутствовать на двор. собраніяхъ для «добраго порядка». И въ данномъ случаѣ ближайшимъ сотрудникамъ Павла должно было казаться личнымъ удовлетвореніемъ содѣйствовать подобной политикѣ императора, унижая дворянскую гордость. Названный указъ далъ въ руки губернаторовъ огромную власть; двор. собранія оказались вполнѣ подчиненными его вліянію, а если вспомнить, что двор. собранія избирали судей и должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія, то, стало-быть, и на эти выборы теперь распространено было вліяніе губернатора [1]).

Система выборной службы также не могла быть симпатичной Павлу и его правительству; какъ бы низко она ни стояла (мы знаемъ, что выборная служба дворянства не отличалась большими достоинствами), все же выборные отъ дворянства должностные лица и судьи имѣли хоть нѣкоторую независимость отъ правительственной администраціи. И именно таковая не нравилась ни Павлу, ни его правительству.

Но и въ данномъ вопросѣ политика централизаціи и проведенія правительственнаго контроля осуществлялись опять-таки

---

[1]) Подробнѣе см. мою книгу «Дворянство и его сословное управленіе», стр. 240 и слѣд.

зря, безсистемно, безъ опредѣленнаго, продуманнаго плана, а случайными разрозненными мѣрами ad hoc, предпринимавшимися по поводу частныхъ происшествій; благодаря этому слѣдствія часто не соотвѣтствовали задуманному и приводили къ діаметрально противоположнымъ результатамъ. Такъ, проводя систему централизаціи и подтачивая корни дворянскому сословному управленію, Павловское правительство разрушало все административное зданіе, созданное Екатериной, подтачивало, другими словами, свое собственное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ озлобляло дворянство въ его цѣломъ.

Насколько мало устойчивы были настроенія императора, можно судить по судьбѣ указа 1799 г. о порядкѣ дворянскихъ выборовъ [1]); онъ продолжалъ дѣйствовать весьма недолго; 24 октября 1800 г. издается новый указъ, согласно коему предписывается выборы губ. предводителя производитъ путемъ переписки! Можно легко себѣ представить, что это означало на практикѣ и какъ «удобенъ» былъ для Петербурга такой новый способъ выборовъ главнѣйшаго и прежде бывшаго наиболѣе независимымъ представителя губернскаго дворянства.

Разительнымъ примѣромъ безсистемности Павловской политики можетъ служить судьба двор. депутатскихъ собраній. Возведеніе въ дворянское достоинство всегда обращало на себя особенное вниманіе Павла, что весьма легко объяснимо; подобный актъ, по его понятіемъ, являлся драгоцѣнной прерогативой монарха, способомъ, коимъ можно было вознаграждать подданныхъ за вѣрную службу; мы уже знаемъ, что императоръ считалъ себя единственнымъ источникомъ всѣхъ милостей, а слѣдовательно, и дворянскихъ привилегій. Его особенно интересовали гербовникъ и герольдія, которымъ онъ удѣлялъ немало своихъ заботъ, далѣе, уже 4 декабря 1796 г., т.-е. почти сразу по вступленіи на престолъ, издается указъ, которымъ самымъ категорическимъ образомъ предписывается «дабы никакое въ государствѣ нашемъ правительство собою не вводило въ дворянство и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство»; нѣкоторыя дворянскія собранія вслѣдствіе этого правильно усомнились, ужъ не отнято ли у нихъ вообще право не только выдавать свидѣтельства на дворянское званіе, но и вообще разсматривать доказательства права на дворянство. Вмѣсто того, чтобы оставить контроль за правильностью веденія дворянскихъ родословныхъ въ рукахъ самого дворянства, Павелъ переноситъ его на обязанность правительственныхъ чиновниковъ. Подобная мѣра была, конечно, явной ошибкой; ни одинъ другой

[1]) Г. Клочковъ говоритъ, что указъ 1799 г. «дышитъ практичностью и удобствомъ» (sic!), совершенно не принимая въ соображеніе его политич. и юридич. значенія для двор. сосл. управленія; указъ этотъ былъ дѣйствительно «удобенъ», но не для дворянства, а для правительства Павла.

органъ въ Россіи не могъ считаться болѣе подходящимъ для этого дѣла, чѣмъ дворянскія собранія и само дворянство. Кромѣ того, опять-таки въ этой мѣрѣ дворянство легко могло усмотрѣть и пренебреженіе его сословными интересами и высокомѣрное къ себѣ отношеніе. Благодаря названному распоряженію оказались въ бездѣйствіи двор. депутатскія собранія, которыя спеціально завѣдывали двор. родословными; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дворянство даже не считало болѣе нужнымъ избирать депутатовъ. У губернаторовъ же не могло быть особенныхъ стимуловъ, кромѣ приказовъ центральнаго правительства, не было и надежныхъ средствъ для успѣшнаго веденія этого дѣла, а главное — и для борьбы съ возможными злоупотребленіями.

Екатерина лучше понимала интересы дворянства и нужды сословнаго управленія, когда положилась на самостоятельность дворянства. Послѣдняя во многомъ не оправдала ожиданій императрицы, создательницы двор. сосл. управленія, но все же нельзя усомниться въ томъ, что двор. собранія куда лучше были приспособлены блюсти чистоту дворянскихъ родовъ, чѣмъ Павловскіе губернаторы и ихъ канцеляріи; послѣднимъ не было ни жарко ни холодно отъ того, существовали ли злоупотребленія грамотами на дворянство или нѣтъ.

* * *

Необходимо, наконецъ, отвѣтить на одно возможное возраженіе: намъ могутъ сказать, что если самъ Павелъ отличался болѣзненной импульсивностью и не былъ въ состояніи когда-либо проводить опредѣленной политической линіи, то за его спиной могло стоять нѣкоторое правительство, которое, представляя собой интересы какого-либо сословія, осуществляло бы извѣстную программу именемъ монарха; подобная политика была возможна, такъ какъ Павелъ въ сущности легко подчинялся постороннимъ вліяніямъ; его природная импульсивность не давала ему возможности хорошенько обдумывать свои поступки, чѣмъ могли пользоваться господа Кутайсовы, Аракчеевы, Обольяниновы и всѣ имъ подобные; такова могла быть и роль генералъ-прокуроровъ и въ особенности Куракина.

Противъ этого, однако, необходимо возразить, что, во-первыхъ, Павловскіе генералъ-прокуроры, какъ и всѣ прочія его должностныя лица, смѣняли другъ друга съ молніеносной быстротой [1])

---

[1]) За короткое царствованіе Павла смѣнилось 4 ген.-прокурора, изъ коихъ Куракинъ занималъ этотъ постъ около 21 мѣсяца (ноябрь 1796—авг. 1798), Лопухинъ —10 мѣс. (авг. 1798—іюль 1799), Беклешовъ—7 мѣс. (іюль 1799—февр. 1800), Обольяниновъ—13 мѣс. (февр. 1800—мартъ 1801).

и потому попросту не имѣли ни возможности, ни времени проводить какой-либо политической программы, а во-вторыхъ, можно смѣло усомниться была ли вообще у этихъ лицъ какая бы то ни было политическая программа; всѣ они были представителями личнаго режима, всѣ они преслѣдовали чисто личныя, эгоистическія цѣли, власти, карьеры, почета, не имѣя за собой опредѣленнаго политическаго міросозерцанія, считая Россію вотчиной, въ которой можно было свободно хозяйничать. О чистокровныхъ гатчинцахъ, въ родѣ Кутайсова, Аракчеева, Обольянинова, нечего и говорить, личности ихъ слишкомъ хорошо извѣстны. Но не лучше обстояло дѣло и съ такими людьми, какъ, напр., Куракинъ; въ дѣятельности послѣдняго, въ качествѣ ген.-прокурора, невозможно найти какой-либо программы и даже системы; въ частности, въ интересующемъ насъ вопросѣ положенія дворянства Куракинъ вовсе не являлся представителемъ и защитникомъ сословныхъ интересовъ и привилегій, что весьма характерно для родовитыхъ сотрудниковъ Павла; Куракинъ представлялъ собой типичнаго аристократа-бюрократа, которому тепло жилось въ Петербургѣ у власти и въ почетѣ и довольно безразлично было, «чувствовало ли себя» остальное дворянство или нѣтъ; и, конечно, онъ не сталъ бы пользоваться своимъ вліяніемъ для отстаиванія чуждыхъ ему сословныхъ интересовъ мелкаго дворянства.

Еще меньшаго вниманія къ таковымъ можно ожидать найти у прочихъ чиновъ высшаго Павловскаго правительства; ряды ихъ наполнялись такими ничтожествами, которыя не имѣли и не могли имѣть ни системы, ни тѣмъ болѣе программы; къ тому же, составъ высшаго правительства смѣнялся съ невѣроятной быстротой; новыя личности появлялись и исчезали почти ежедневно; благодаря этому, окружавшая Павла среда представляла собой пестрый калейдоскопъ самыхъ разношерстныхъ и разнообразныхъ элементовъ. Въ одномъ только всѣ они сходились; они были, естественно, продуктами и защитниками личнаго режима и абсолютной власти; какъ вѣрно замѣтилъ А. М. Тургеневъ: «лишь поднялъ Павелъ Петровичъ палку на дворянъ, все, что имѣло власть и окружало его въ Гатчинѣ, начало бить дворянъ палками» [1]). Люди по большинству низкаго происхожденія, безъ образованія, безъ нравственныхъ принциповъ, они не могли не относиться къ привилегированному дворянству отрицательно, съ завистью и даже ненавистью, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ принизить его, лишить его тѣхъ преимуществъ, которыя уже закрѣплены были за нимъ Екатерининской жалованной грамотой. Они должны были охотно помогать Павлу разрушать созданное его матерью, нисколько не заботясь о чувствахъ и интересахъ дворянства. Съ другой

---

[1]) «Русская Старина», 1885 г., томъ 47, стр. 388.

стороны, имъ также чрезвычайно пріятно было все то, что клонилось къ усиленію ихъ собственной власти и власти правительственной администраціи; послѣднее соображеніе относится въ полной мѣрѣ и къ Куракину, немало способствовавшему установленію личнаго режима.

А прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ подобной системы для дворянства было: во-первыхъ, исчезновеніе самостоятельности органовъ двор. сосл. управленія, во-вторыхъ, подрывъ основъ выборной службы, наравнѣ съ упраздненіемъ независимости выборныхъ должностныхъ лицъ, какъ административнаго, такъ и судебнаго вѣдомства, въ-третьихъ, нанесенъ былъ жестокій ударъ дворянскому сословію, какъ таковому; убиты были его сословные интересы, уничтожался престижъ званія «дворянинъ», отнимались одна за другой привилегіи, дарованныя и обезпеченныя сословію Екатериной, до тѣлесной неприкосновенности включительно. Дворянство вновь прикрѣплялось къ царской службѣ, при чемъ службѣ по преимуществу военной; всякое же преимущество дворянина зависѣло отъ монаршей воли и милости.

Въ одномъ мы вполнѣ согласны съ г. Клочковымъ; насъ нисколько не удивляетъ, что при такой обстановкѣ «дворянство встрѣтило общимъ неудовольствіемъ всѣ тѣ ограниченія, которыя посыпались на него со времени вступленія на престолъ Павла» [1]). Политика его была, конечно, несвоевременна; за царствованіе Екатерины дворянство успѣло привыкнуть какъ разъ къ обратному отношенію правительства; оно чувствовало и знало, что императрица считала дворянство опорой трона; оно никогда не отказывалось служить, но за предшествовавшія десятилѣтія привыкло смотрѣть на службу, какъ на право, даже привилегію, а не тяжелую обязанность, предпочитая при этомъ службу гражданскую болѣе обременительной службѣ военной; оно также уже успѣло хорошо свыкнуться со своими сословными и правительственными привилегіями; стараніями Екатерины стали даже обосновываться его сословные интересы, благодаря хорошо организованной и продуманной системѣ учрежденнаго императрицей сословнаго управленія. Съ конца же 1796 г. наступаютъ дни, когда всѣ эти принципы рушатся и водворяется какъ разъ обратная система; привилегіи дворянства являются теперь чѣмъ-то личнымъ, не обезпеченнымъ правомъ, временнымъ, легко утериваемымъ; служба становится невыносимо тяжелой; дворянъ силой влекутъ на военную службу и притомъ все время даютъ имъ чувствовать ихъ зависимость отъ начальства; сословными же ихъ интересами открыто пренебрегаютъ. Не даромъ большинство дворянства попряталось въ своихъ помѣстьяхъ, бѣжало отъ столь любимой имъ службы, боясь попадаться на глаза правительству; среди дворян-

---

[1]) Цит. статья, стр. 373.

ства стало расти и все увеличиваться прямо враждебное отношеніе къ правительству, которое, въ концѣ-концовъ, и явилось, несомнѣнно, важнымъ факторомъ въ печальной развязкѣ 11-го марта.

Только въ одномъ соображеніи можно бы понять отношеніе Павла къ дворянской службѣ; русское дворянство XVIII вѣка всегда было сословіемъ служилымъ; оно служило съ охотой и любовью, имѣя въ государственной службѣ надежный источникъ экономическаго благосостоянія и политическаго вліянія. Этого Павелъ не могъ не знать; онъ видѣлъ это съ дѣтства; съ другой стороны, онъ также не могъ не знать, что широкія массы дворянства находились еще на очень низкомъ культурномъ уровнѣ. Отсюда проистекало чувство нѣкотораго пренебреженія дворянствомъ, какъ сословіемъ [1]); любишь кататься, разсуждалъ Павелъ, люби и саночки возить, — любишь служить, люби и исполнять волю своего начальства, разсужденіе вполнѣ естественное съ точки зрѣнія абсолютнаго автократа...

Благодаря его несчастному характеру и ужасному воспитанію и несмотря на нѣкоторыя его хорошія качества (мы не можемъ отказать ему въ извѣстной добротѣ и даже въ проявляемомъ иногда великодушіи), Павелъ обреченъ былъ судьбой «приносить только зло своему отечеству». Безсистемность и случайность его политики (вспомнимъ хотя бы, напримѣръ, походъ въ Индію), хаотическое состояніе его законодательства, постоянные гнѣвные импульсы, препятствовавшіе ему обдумывать свои распоряженія,— все это вносило непоправимое зло во все управленіе страны и въ корнѣ подтачивало его же собственные идеалы и теоріи. Малѣйшее возраженіе вызывало немедленно болѣзненное противодѣйствіе, не считавшееся ни съ какими послѣдствіями. Окружавшимъ же его гатчинцамъ подобное положеніе вещей было чрезвычайно выгодно, благодаря чему они всѣми силами способствовали его дальнѣйшему развитію.

Если его теоретическимъ взглядамъ, въ особенности его понятію абсолютной власти, и нельзя отказать въ цѣльности и логичности, то на практикѣ, наоборотъ, его политическія идеи не находили себѣ должнаго примѣненія, благодаря отсутствію твердости воли; его же сподвижники, въ личныхъ интересахъ, эксплуатировали дурныя стороны подобной системы и привели таковую къ весьма печальному концу.

Проф. *С. А. Корфъ.*

---

[1]) То же чувство, но, пожалуй, гораздо болѣе развитое, находимъ мы у его сына Александра.

Марія Семеновна Жукова.

Что говоритъ теперь это имя? Большинству ровно ничего. Даже люди, занимающіеся исторіей литературы, удивленно открываютъ глаза. И только у небольшого кружка лицъ, изучающихъ русскую литературу 1830 — 1840-хъ гг., это имя вызываетъ кое-какія смутныя воспоминанія: оно нерѣдко мелькаетъ на страницахъ журналовъ на ряду съ именами другихъ писательницъ того времени: Ганъ, Каролины Павловой, Ишимовой, гр. Ростопчиной и др. А кому извѣстны произведенія Жуковой? Этого вопроса, пожалуй, лучше и не ставить, тѣмъ болѣе, что они теперь большая библіографическая рѣдкость. Между тѣмъ, при своемъ появленіи, они раскупались нарасхватъ и на слѣдующій годъ уже выходили вторымъ изданіемъ. Передо мной лежатъ шесть томовъ, изданныхъ отдѣльно, не считая повѣстей, очерковъ и романа, не вошедшихъ въ эти изданія и помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ.

Имя М. С. Жуковой, какъ писательницы, стало извѣстнымъ въ 1837 г., когда вышелъ первый сборникъ ея повѣстей «Вечера на Карповкѣ» [1]). Она скромно скрыла свое имя, но сборникъ обратилъ на себя вниманіе критики. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» [2]), въ «Сѣверной Пчелѣ» [3]) и «Библіотекѣ для чтенія» [4]) можно прочесть довольно подробные и благопріятные отзывы, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и слышится обычная для того времени нотка снисхожденія къ «сочинительницѣ - дамѣ». Такой оттѣнокъ носятъ статья Полевого въ «Сынѣ Отечества» [5]), и другая въ «Лит. Приб. къ Русскому Инвалиду» [6]). Но, несмотря на это, критики единогласно признали за авторомъ «Вечеровъ на

---

[1]) Списокъ извѣстныхъ сочиненій М. С. Жуковой приведенъ въ полномъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова, V, 560.

[2]) «Литер. Приб. къ Р. Инв.», 1837, № 19. (Списокъ критическихъ статей приведенъ въ «Источникахъ Словаря русскихъ писателей.» С. А. Венгерова)

[3]) «Сѣвер. Пчела», 1837, № 121; 1838, № 181 (о 2-ой ч. «Веч. на Карп.», ст. Н. Полевого.)

[4]) «Библ. д. Чт.», 1837, т. XXII.

[5]) «Сынъ Отеч.», 1838, т. II.

[6]) «Лит. Приб. къ Русск. Инв.», 1838, т. I.

Карповкѣ» талантливость, умъ, тонкую наблюдательность, искреннее теплое чувство, живой, увлекательный разсказъ и цѣломудренность мысли.

Авторъ замѣтки въ «Сѣверной Пчелѣ» говоритъ: «Вечера на Карповкѣ» — «одинъ изъ лучшихъ сборниковъ повѣстей и будетъ долго перечитываться. . . . . Послѣднее время выступаетъ много женщинъ на литературное поприще, гр. А. Р—на, Теплова, Ярцева, Ишимова; сочинительница «Вечеровъ на Карповкѣ» станетъ едва ли не выше своихъ соперницъ, если будетъ продолжать труды такъ же успѣшно, какъ начала». А когда въ 1838 г. появилась 2-ая часть «Вечеровъ», а 1-ая вышла 2-мъ изданіемъ, къ приведеннымъ отзывамъ присоединился и «Московскій Наблюдатель» [1]). «Первая часть этихъ «Вечеровъ»,—писалъ Бѣлинскій,—вышла въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ издана *вторымъ* изданіемъ; вторая вышла только въ нынѣшнемъ году, и теперь едва ли въ какой книжной лавкѣ можно найти ее. Успѣхъ необыкновенный и надо сказать правду—очень и очень не незаслуженный!.. Тутъ нѣтъ поэзіи, но есть жизнь, есть душа, чувство, умъ». Приведя длинную цитату изъ повѣсти «Нѣмая» [2]), рисующую помѣщичью жизнь, Бѣлинскій продолжаетъ: «Не отличается ли все это тонкою наблюдательностью, вѣрностью взгляда, оригинальностью выраженія?..» По поводу другой повѣсти, гдѣ героиня — бѣдная дѣвушка, воспитанная въ богатомъ аристократическомъ домѣ, онъ пишетъ: «Положеніе очень обыкновенное, очень простое; всякій можетъ на досугѣ выдумать тысячи такихъ положеній, но немногіе умѣютъ ими пользоваться, чтобы *высказать* à propos столько живыхъ задушевныхъ мыслей, согрѣтыхъ всѣмъ жаромъ чувства, всею поэзіей выраженія, какъ авторъ «Вечеровъ на Карповкѣ»... Эти мысли не холодныя разсужденія, а живое созерцаніе, глубоко прочувствованное, поэтически переданное.... Мы прочли «Вечера на Карповкѣ» съ живѣйшимъ удовольствіемъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. И они — произведеніе женщины; но дай Богъ, чтобы у насъ было побольше мужчинъ, которые бы такъ хорошо писали».

Такъ были приняты первыя произведенія М. С. Жуковой. Въ 1838—39 годахъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Сынѣ Отечества» были напечатаны еще три повѣсти, которыя въ 1840 г. вошли въ двухтомное изданіе «Повѣстей», появленіе которыхъ привѣтствовали почти всѣ лучшіе журналы того времени: «Отеч. Записки», «Литер. Газета», «Сынъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ» [3]). Авторъ статьи въ «Литер. Газетѣ», очень

---

[1]) «Моск. Набл.», 1838, ч. XVIII и соч. Бѣл. подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV.

[2]) «Веч. на Карп.», ч. II.

[3]) См. списокъ крит. статей въ «Источникахъ Словаря».

напоминающей по мыслямъ отзывъ о «Вечерахъ на Карповкѣ» въ «Литерат. Приб. къ Русскому Инвалиду», писалъ, что «Повѣсти» доставляютъ совершенно новое наслажденіе, какъ произведенія самобытныя, безъ признаковъ подражательности ни въ содержаніи, ни въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, ни въ манерѣ разсказа. Онѣ вводили читателя въ новый міръ: въ нихъ простодушно и вѣрно открывалось сердце женщины съ его сокровенными изгибами, человѣческими интересами, съ его внутренней глубокою жизнью, съ его тонкою наблюдательностью,—наблюдательностью *сердца*, а не ума». Большая статья Бѣлинскаго въ «Отеч. Зап.» [1]) давала подробную и глубокую оцѣнку дарованію М. С. Жуковой. «Однимъ изъ лучшихъ литературныхъ явленій новаго года, — писалъ онъ, — по справедливости должно назвать повѣсти г-жи Жуковой. Имя ея — почти новое въ нашей литературѣ по времени его появленія въ ней, но уже почетное и знаменитое по блестящему таланту, который подъ нимъ является... Многими прекрасными ощущеніями подарили насъ повѣсти г-жи Жуковой, и мы спѣшимъ подѣлиться результатами своихъ впечатлѣній съ читателями. Повѣсти г-жи Жуковой не принадлежатъ къ области искусства, не относятся къ тѣмъ высшимъ произведеніямъ творчества, которыя носятъ названіе *художественныхъ*, не къ этимъ вѣчно юнымъ, ознаменованнымъ печатью высшей дѣйствительности, созданіямъ принадлежатъ онѣ; это не произведенія творящей фантазіи, а произведенія воображенія, копирующаго дѣйствительность..... Полнота горячаго чувства, вѣрность многихъ положеній, истина въ изображеніи многихъ чертъ и оттѣнковъ женскихъ характеровъ, искусный, увлекательный разсказъ и, прибавимъ къ этому, прекрасный слогъ... вотъ достоинства повѣстей г-жи Жуковой».

Время съ 1837 г. по 1844 г., когда появились «Очерки Южной Франціи и Ниццы», надо считать расцвѣтомъ литературной дѣятельности Жуковой. Кромѣ уже названныхъ, въ этотъ періодъ были напечатаны въ альманахахъ и журналахъ повѣсти «Черный Демонъ», «Ошибка», «Сердце женщины», «Ландыши», «Двѣ сестры». Послѣ 1844 года имя М. С. Жуковой встрѣчается рѣже: въ «Отеч. Зап.» появились «Дача на Петергофской дорогѣ» и «Эпизодъ изъ жизни деревенской дамы», а въ «Современникѣ» въ 1853 году послѣдняя повѣсть «Наденька». Въ 1857 г. «Отеч. Записки» помѣстили романъ въ двухъ частяхъ «Двѣ свадьбы», найденный уже послѣ смерти автора совершенно законченнымъ и подготовленнымъ къ печати [2]).

М. С. Жукова умерла въ 1855 году 13-го апрѣля въ Саратовѣ, 51-го года, по словамъ г-жи З. [3]), отъ туберкулеза легкихъ,

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1840 г., т. IX, отд. VI, стр. 1 и Соч. Бѣлинскаго, т. V, 560.

[2]) «Отеч. Зап.», 1857. Примѣчаніе Редакціи.

[3]) Кромѣ печатныхъ источниковъ, я пользовалась воспоминаніями родственницъ покойной писательницы, Е. П. Зѣвакиной и М. В. Шарыгиной.

по некрологу [1]) — отъ водяной. Въ «Очеркахъ» встрѣчаются указанія на то, что М. С., дѣйствительно, страдала легкими. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «С.-Петерб. Вѣд.» былъ помѣщенъ одинъ и тотъ же краткій некрологъ, въ «Самарскихъ Вѣдомостяхъ»— сообщеніе о смерти «коллежской ассесорши М. С. Жуковой, извѣстной русской писательницы», и имя ея надолго исчезло изъ печати. Вотъ что говоритъ авторъ некролога, повидимому, лично знавшій Жукову: «У насъ, какъ вездѣ, даровитая писательница — рѣдкость, а можетъ-быть, еще больше, такая женщина, какъ покойная Марья Семеновна, соединявшая въ своемъ характерѣ такъ много достоинствъ, что ихъ трудно опредѣлить въ общихъ чертахъ. Всѣ знавшіе не могутъ не подтвердить этого. Лицо ея, не отличавшееся красотою и смолоду, внушало невольное почтеніе къ этой женщинѣ; голосъ ея увлекалъ искренностью, звучавшей въ немъ; бесѣда, всегда оживленная умомъ и интересомъ, обличала въ ней знаніе жизни и обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, которыми она занималась съ удивительною скромностью». Къ некрологу въ «С.-Петерб. Вѣд.» прибавлена заключительная фраза, которой нѣтъ въ «Отеч. Зап.», «мы постараемся сообщить болѣе подробную біографію этой замѣчательной женщины,—біографія которой не лишена будетъ, мы увѣрены, общаго интереса».

Къ сожалѣнію, этому доброму намѣренію не суждено было исполниться. И вотъ теперь, когда миновала уже столѣтняя годовщина со дня ея рожденія, въ распоряженіи тѣхъ, кто пожелалъ бы запоздало осуществить это намѣреніе, оказывается очень скудный матеріалъ: критическія статьи, почти ничего не дающія для біографіи, четыре письма или (вѣрнѣй) записки [2]) и воспоминанія родственниковъ, къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, очень бѣдныя точными указаніями, которыя дали бы возможность установить прочныя вѣхи на пути біографа. Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ остаются произведенія Жуковой настолько субъективныя, настолько «сросшіяся съ ея собственной жизнью», что въ нихъ нетрудно разглядѣть духовный обликъ самого автора, разсѣявшаго въ нихъ много реальныхъ черточекъ не только изъ жизни окружающихъ, но, главнымъ образомъ, своей собственной. Жукова, несомнѣнно, относится къ тѣмъ писателямъ, которые могутъ о себѣ сказать словами Гончарова: «Я писалъ свою жизнь и то, что къ ней прирастало». Но при этомъ у нея отсутствуетъ другое качество Гончарова — «выношенность» произведеній, ей именно свойственна «лихорадочная потребность выска-

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1855, май.

[2]) Три письма М. С. Жуковой къ И. Ю. Бецкому. Румянц. муз. Кот. 1, стр. 275, № 21. Письмо М. С. Жуковой къ Е. П. Фадѣевой, 1846 г. «Старина и Новизна», IX, 339.

заться по возможности немедленно» [1]). Эти черты ея дарованія отмѣтили въ свое время многіе критики. Одному изъ нихъ это дало поводъ замѣтить: «дамы любятъ говорить много и скоро, не гоняясь за приличнѣйшимъ выраженіемъ..... Авторъ не пересматриваетъ написаннаго и печатаетъ, отъ чего страдаетъ слогъ» [2]). Но такое обвиненіе не совсѣмъ умѣстно, такъ какъ и Полевой и Бѣлинскій указывали, что грубыми опечатками и даже искаженіемъ текста Жукова часто бывала обязана редакторамъ и издателямъ въ родѣ Сенковскаго и Полевого [3]). Эта «невыношенность» понижаетъ, конечно, до извѣстной степени достоинство ея литературныхъ произведеній, но зато помогаетъ отдѣлять «Dichtung» отъ «Wahrheit», легко различаемыхъ подъ этой прозрачной литературной оболочкой и выдѣлить нужные біографу элементы. Бѣлинскій въ разборѣ «Повѣстей» мѣтко и глубоко по обыкновенію охарактеризовалъ мотивы выступленія Жуковой на литературное поприще. «Процессъ явленія такихъ литературныхъ произведеній очень простъ,—говоритъ онъ.—У автора много души, много чувства, которыхъ обременительная полнота ищетъ выразиться въ чемъ-нибудь во внѣ; а если къ этому авторъ одаренъ живымъ и пылкимъ воображеніемъ, душою, которая легко воспламеняется и раздражается; если онъ много въ жизни перечувствовалъ, переиспыталъ самъ, много видѣлъ и зналъ чужихъ опытовъ, къ которымъ не могъ быть равнодушенъ, на которые отзывалась его душа, — онъ имѣетъ все, чтобы писать прекрасныя повѣсти. И вотъ онъ *придумываетъ* какое-нибудь либретто для мелодій своего чувства, составляетъ его изъ лицъ и положеній, которыя дали бы возможность высказать и то и другое, что таится въ его душѣ и безпокойной волною рвется наружу». Въ «Вечерахъ на Карповкѣ» мы находимъ подтвержденіе мыслей Бѣлинскаго, высказанное авторомъ: «Я увѣрена, что каждый изъ насъ, если только захочетъ порыться въ памяти, то найдетъ въ ней многое слышанное, видѣнное, происшествія, въ которыхъ былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ или зрителемъ,—словомъ, что-нибудь, могущее пріятно занять праздную лѣнь полубольного или досугъ деревенскаго жителя».

Несмотря на скромность цѣли, которую ставилъ себѣ авторъ, я думаю, все указанное, — отзывы критики и вниманіе, которое удѣлялъ Жуковой Бѣлинскій, — оправдываютъ мое намѣреніе сказать о ней нѣсколько словъ. Если въ нашей памяти послѣ долгаго забвенія теперь снова поднимаются образы Ганъ, Кохановской, Каролины Павловой, то М. С. Жукова вполнѣ заслужила

---

[1]) А. Ѳ. Кони, Рѣчь о Гончаровѣ въ Ак. Наукъ. Лит. Прил. къ «Нивѣ», 1912.

[2]) «Сѣвер. Пч.», 1838 г., № 181.

[3]) «Отеч. Зап.», 1841 г., т. 18, отд. VI, стр. 41, и «Сынъ Отечества», 1838 г., т. II, ст. Полевого.

стать рядомъ съ ними. Но задаваясь мыслью дать ея біографію, я попытаюсь здѣсь собрать библіографическія и біографическія данныя, насколько это будетъ возможно, и намѣтить тѣ нити, которыя связываютъ эти немногія, но все-таки до извѣстной степени установленныя вѣхи ея біографіи съ ея произведеніями.

М. С. Жукова родилась въ 1805 г. въ Нижегородской губ. Отецъ ея Семенъ Семеновичъ Зѣвакинъ служилъ уѣзднымъ стряпчимъ въ Арзамасѣ [1]). Въ этомъ уѣздномъ городкѣ и деревнѣ, принадлежавшей Зѣвакину, около Саровской пустыни [2]), прошли дѣтство и юность Марьи Семеновны. Зеленые холмы съ липовыми или дубовыми рощами, извилистая рѣчка, журча пробирающаяся среди поемныхъ луговъ, длинная аллея въ запущенной барской усадьбѣ екатерининскихъ временъ, пустынь на вершинѣ холма, уѣздный городокъ съ маленькими домиками, съ маленькими окнами, которыхъ стекла наполовину «закрыты розанелью и жасминами», — вотъ картины, которыя видѣли въ дѣтствѣ любимыя героини Жуковой: Серафима, Катя, Марія, Анюта и, конечно, она сама. Въ повѣсти «Инокъ» мы находимъ подробное описаніе городка, гдѣ она жила до замужества. «Если я прибавлю нѣсколько словъ о школѣ живописи, которой произведенія принимаются съ похвалою на нашей столичной выставкѣ художествъ, вы узнаете мой маленькій городокъ», кончаетъ свое описаніе Жукова. Да, конечно, мы легко узнаемъ его — это Арзамасъ, гдѣ въ 1812 г. была открыта А. В. Ступинымъ первая провинціальная рисовальная школа [3]), просуществовавшая до 1861 г. Это «арзамасская академія», надъ которой, можетъ-быть, не совсѣмъ справедливо смѣялись литературные «арзамасцы», и въ которой герой соллогубовскаго «Тарантаса» видѣлъ будущій разсадникъ русскихъ художниковъ. «Я провела почти всю свою молодость въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицы губерній», говоритъ про себя авторъ «Вечеровъ на Карповкѣ». Внимательно вчитываясь въ ея произведенія, дѣйствительно, убѣждаешься, что М. С. была «провинціалка», какъ и всѣ ея героини. Она прожила почти всю свою жизнь или въ Нижегородской губерніи или позднѣе въ Саратовѣ, куда перешелъ на службу ея отецъ. Она любила тихіе убаюкивающіе пейзажи Поволожья, и никакіе соблазны впослѣдствіи, ни шумная богатая впечатлѣніями жизнь столицы, ни красоты Шварцвальда, Южной Франціи, ни даже Италіи не измѣнили въ ней этой любви. Въ 1842 г. въ Провансѣ, посѣщая исключительныя по своей красотѣ мѣстечки и умѣя съ художественною чуткостью цѣнить эту красоту, она все-таки вспоминаетъ Волгу съ Увѣкомъ и Соколовою, а услышавъ въ Арлѣ

---

[1]) Мѣсяцесловы соотвѣтствующихъ годовъ.

[2]) Сообщеніе г-жи З.

[3]) «Нижег. Сборникъ» под. ред. Гацисскаго.

соловья, сравниваетъ его съ другими, слышанными въ «тѣнистой липовой рощѣ надъ ковромъ ландышей»... Она любила не только природу этихъ вдали отъ столицъ затерявшихся уголковъ, но и жизнь ихъ, порою милую, трогательную, порою затхлую и пошлую. Она прекрасно понимала ея неприглядныя и смѣшныя стороны, «но люди вездѣ одинаковы,—разсуждаетъ она,—провинціальная жизнь относится къ столичной, какъ первый грубый оттискъ гравировальной доски къ наилучшему: тѣ же предметы, только отдѣлка грубѣе». Ея повѣсти изобилуютъ мелкими подробностями, сценками, которыя не придумываются, но только берутся непосредственно изъ жизни. И отчаяніе Катерины Ивановны Картоминой [1]), которая нечаянно обошла имениннымъ пирогомъ столичнаго гостя Илашева, и пріѣздъ тетушки Татьяны Васильевны, которая, какъ deus ex machina, выписывается, когда грозовыя тучи скопляются на семейномъ горизонтѣ «кандидата въ предводители» Петра Алексѣевича Сарапаева [2]), и съѣздъ гостей къ именитому помѣщику, и горничныхъ, мечущихся съ утюгами, и дамъ, проѣхавшихъ десятки верстъ по осенней деревенской дорогѣ въ долотопныхъ колымагахъ, заваленныхъ картонками и появляющихся въ гостиной преображенными, какъ по волшебству, въ свѣжихъ, легкихъ туалетахъ [3]), — всё это *видѣла* Жукова и наблюдала внимательнѣй и дольше, чѣмъ петербургскіе великосвѣтскіе балы или жизнь наряднаго Баденъ-Бадена. Въ повѣсти «Наденька», написанной уже подъ конецъ жизни, Жукова говоритъ: «Сознаюсь въ пристрастіи моемъ къ нашимъ губернскимъ городамъ, и не къ тѣмъ, которые близко отъ столицы, засыпанные пылью большой почтовой дороги, кажется, только и добиваются, чтобы ихъ приняли за предмѣстье столицы. Нѣтъ! я признаюсь въ пристрастіи моемъ къ нашимъ, далеко въ широкую степь, хоть на берега Волги, напримѣръ, заброшеннымъ городамъ. Да, я люблю ихъ и люблю, несмотря на ихъ немощеныя улицы и плохіе тротуары, на ихъ площади, загроможденныя назначенными въ сломъ домиками, несмотря на ихъ бульвары съ вѣчно томящимися липками. Я люблю ихъ за эту широкую степь, которая, легко раскинувшись, какъ море, обнимаетъ городъ своими зелеными волнами, за ихъ голубое ласковое небо, ихъ темныя теплыя ночи, за ихъ широкую Волгу съ ея прибрежными горами и зелеными поемами, съ ихъ перелѣсками, свѣтлыми озерами и тополевыми рощами у самой подошвы горы. Люблю деревеньки и дачи съ ихъ садами и рощами, разбросанными по отрогамъ этихъ горъ, далеко углубившимися въ степь, и богатыя нивы, гдѣ спѣла золотая пшеница и тянется бахча съ

---

[1]) «Эпизодъ изъ жизни деревенской дамы».

[2]) Тамъ же.

[3]) «Черный Демонъ».

душистыми дынями, или высокіе подсолнечники, спускаясь стройными рядами по косогору, издали, на минуту обманываютъ воображеніе, напоминая своею темной листвою виноградные холмы богатой Бургони... Люблю такъ близко отъ города, гдѣ суетится и кишитъ дѣятельность человѣка съ его богатствомъ и нищетой, торжественную тишину этихъ пустынь, эти величественныя въ простотѣ своей картины природы, неподчиненной еще прихоти и нуждамъ человѣка, которому отдаетъ она свой избытокъ, не трудами и потомъ вымученный плодъ, — эту степь, гдѣ въ рѣдкость еще самое появленіе человѣка и гдѣ свободно, не опасаясь его, гуляютъ цѣлыя стаи дрофъ, вереницы дикихъ гусей или черныхъ баклановъ, съ шумомъ опускающихся на широкій отливъ, и степной орелъ въ величавомъ спокойствіи садится на пригорокъ.....».

Но если эту обстановку дѣтства и молодости Жуковой легко установить, то вопросъ о ея образованіи остается темнымъ, и воспоминанія родственниковъ не помогаютъ его освѣтить. Е. П. З-на сообщила, что въ дѣтствѣ Марью Семеновну училъ дьяконъ, а пополнила она свое образованіе за границей. Но за границу она впервые поѣхала, какъ это можно заключить изъ ея же словъ [1]), только въ 1838 году, т.-е. 33 лѣтъ, и уже послѣ появленія «Вечеровъ на Карповкѣ». Между тѣмъ уже въ этихъ повѣстяхъ сказывается многосторонннее образованіе автора. Поэтому едва ли Жукова такъ поздно стала пополнять знанія, преподанныя дьякономъ... Семья Зѣвакиныхъ была довольно большая: у Марьи Семеновны была сестра и два брата. Семенъ Семеновичъ занималъ въ теченіе 25 лѣтъ [2]) мѣсто уѣзднаго стряпчаго, что указываетъ на ограниченность средствъ. Чиновничья семья средняго достатка въ Арзамасѣ, въ началѣ XIX столѣтія — нѣтъ, тамъ многому не научишься! Конечно, остается чтеніе. Женщины тогда много читали, въ особенности въ провинціи. «Здѣсь получаютъ журналы,—пишетъ одна пушкинская героиня,—принимаютъ участіе въ перебранкахъ, попеременно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ». Теперь я понимаю, почему Вяземскій и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ ихъ истинная «публика» [3]). Положимъ, что Жукова принадлежала къ этой «публикѣ», но для чтенія нужны книги, а мы знаемъ, хотя бы изъ воспоминаній Кохановской [4]), съ какимъ трудомъ въ провинціи добывались тогда нужныя книги. Для такого знакомства съ русской и иностранными литературами, которое мы встрѣчаемъ у Марьи

---

[1] «Очерки», т. I, стр. 31.

[2]) Мѣсяцесловы соотвѣтствующихъ годовъ.

[3]) «Романъ въ письмахъ».

[4]) «Кохановская». Статья Платоновой, «Журн. М. Н. Пр.», 1908.

Семеновны, нужна была большая библіотека, а найти ее можно было только въ крупныхъ «дворянскихъ гнѣздахъ». Да и не всѣ знанія можно пріобрѣсти самостоятельно, однимъ чтеніемъ... Обратимся снова къ повѣстямъ. Какъ получаютъ образованіе духовно близкія автору героини - провинціалки? Онѣ всѣ хорошо образованы. Марія, Лиза, Маша, Софья Павловна, Параша, — всѣ онѣ дочери бѣдныхъ чиновниковъ или мелкопомѣстныхъ дворянъ, воспитанныя въ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ, какъ подруги дочерей. И всѣ онѣ получаютъ блестящее образованіе именно такимъ путемъ, другого точно и неизвѣстно Жуковой. Положеніе бѣдной дѣвушки въ семьѣ аристократовъ-благотворителей — одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ ея повѣстей, подсказанный, можетъ-быть, собственною жизнью. Конечно, образъ воспитанницы въ аристократическомъ домѣ не новъ. Пушкинъ коснулся его дважды въ «Пиковой дамѣ» и «Романѣ въ письмахъ». Но есть что - то особенное въ отношеніи Жуковой къ этимъ героинямъ: переживанія ихъ ей какъ-то исключительно близки и понятны и въ то же время она точно сдерживается въ слишкомъ откровенной ихъ передачѣ. Страданія Маріи въ «Медальонѣ» или сцена изъ «Самопожертвованія», отмѣченная Бѣлинскимъ, гдѣ маленькую Лизу впервые приводятъ въ домъ благодѣтелей, — одни изъ лучшихъ моментовъ въ повѣстяхъ по глубинѣ и искренности диктовавшаго ихъ чувства. Но и тутъ авторъ какъ будто боится, что сказалъ слишкомъ много, что это можетъ кого-то задѣть. Маленькая Лиза впервые поняла, что она «облагодѣтельствована». Лиза не умѣла отдать себѣ отчета въ томъ, что чувствовала, говоритъ авторъ, но ей было тяжело, и когда вечеромъ она поцѣловала руку графини, поцѣлуй ея былъ холоденъ, поклонъ неловокъ; графиня засмѣялась, передразнила ее. Она также засмѣялась, но смѣхъ ея былъ первымъ урокомъ притворства. «На что мнѣ ихъ благотворительность?—ворчала она сквозь слезы, надѣвая ночной чепчикъ. — Я не просила ихъ, мнѣ лучше было у маменьки!.. Простите ей: это говорила полудикая». Что значитъ эта послѣдняя фраза? Къ кому она обращена? М. С. вообще не боялась «словъ» и высказывала, не извиняясь, сужденія очень рѣзкія о свѣтѣ, «гдѣ лгутъ, какъ дышатъ воздухомъ». Почему же здѣсь ей показалось, что она можетъ кого-то задѣть, и боялась это сдѣлать? Не дадутъ ли отвѣта на всѣ эти вопросы слѣдующія обстоятельства? Въ «Словарѣ русскихъ писательницъ» указано, что княгиня Софья Алексѣевна Голицына, урожденная Корсакова, «покровительствовала» Жуковой. С. А. Голицына была одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, художница, писательница и «ужасная богачка», по выраженію Плетнева [1]).

---

[1]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 182.

Въ ея домѣ на Владимирской собиралось избранное, въ полномъ смыслѣ слова, общество [1]). Авторъ статьи въ «Русск. Архивѣ» [2]) говоритъ, что М. С. Жукова была «всегда въ пріязненныхъ сношеніяхъ» съ княгиней Голицыной. Первый трудъ, «Вечера на Карповкѣ», М. С. посвящаетъ ей же. Въ 1844 г. въ альманахѣ «Молодикъ», изданномъ при содѣйствіи Голицыной, ихъ имена встрѣчаются рядомъ. Родственники М. С. Жуковой подтверждаютъ, что она въ Петербургѣ часто бывала и даже жила въ домѣ Голицыныхъ на Владимирской. Повидимому, это была долгая дружба, уравнявшая неравенство ихъ общественнаго положенія. И, если предположить, что она началась съ дѣтства, что весьма вѣроятно, такъ какъ *Корсаковы* нижегородскіе помѣщики, и имя это часто мелькаетъ въ адресъ-календаряхъ одновременно съ именами Зѣвакина и Жукова, то вопросъ объ образованіи М. С. значительно проясняется. А также становится понятнымъ странное извиненіе автора, приведенное выше, боязнь М. С. задѣть семью, которой она многимъ была обязана. Домъ Корсаковыхъ могъ быть именно тѣмъ «дворянскимъ гнѣздомъ», гдѣ вмѣстѣ съ будущей княгиней Голицыной можно было изучать иностранные языки, музыку, живопись и разсуждать о «Гете, Шиллерѣ и Жанъ-Полѣ» [3]). Можно указать и еще одно обстоятельство, подтверждающее высказанное предположеніе: Жукова ни по рожденію ни по мужу не принадлежала къ высшему обществу, а между тѣмъ жизнь его ей была хорошо извѣстна и внушила полную горечи фразу «бѣги дружбы знатнаго и покровительства вельможи» [4]).

М. С. рано вышла замужъ, лѣтъ 17—18, во всякомъ случаѣ не позже 1822 г. [5]) за нижегородскаго помѣщика Разумника Васильевича Жукова. Съ 1824 по 1830 г. Жуковъ былъ выборнымъ уѣзднымъ судьей въ Ардатовѣ [6]), слѣдовательно, и замужемъ до 1830 г. М. С. жила въ провинціи. По словамъ родственниковъ, бракъ не былъ счастливъ: мужъ любилъ карты, кутежи и хотя имѣлъ средства, но запуталъ дѣла и послѣ смерти оставилъ долги. Г-жа Ш. характеризуетъ его словами: «игрокъ и bonvivant». Позднѣй они, повидимому, разошлись. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось собрать больше подробностей о мужѣ М. С., такъ какъ ни г-жа Ш. ни г-жа З. не знали его лично. Критики 40-хъ годовъ отмѣтили блѣдность и частью трафаретность мужскихъ характеровъ Жуковой [7]).

---

[1]) «Всемір. Иллюстр.», 1870, 21 ноября.

[2]) «Русск. Арх.», 1865 г., стр. 1172. «Словарь русск. писательницъ» Ник. Книжника.

[3]) «Медальонъ».

[4]) «Мои курскіе знакомцы», стр. 211.

[5]) Въ альбомѣ акварелей Ж—ой находится портретъ сына писательницы съ надписью: «1837, à 14 ans».

[6]) Мѣсяцесловы соотвѣт. годовъ.

[7]) «Литер. Газета», 1840 г., № 26.

Они иногда едва намѣчены, это просто статисты, присутствіе которыхъ необходимо, чтобы дать высказаться автору. Но это относится скорѣе къ типамъ положительнымъ. «Мечтать — не жить, а я живу, когда мечтаю», говоритъ Жукова въ повѣсти «Ландыши». И вотъ герои *этой* жизни, М. С. Занежскій, Вельскій, Минскій дѣйствительно блѣдны, какъ призраки, но герои реальные очерчены хотя и бѣгло, но живо. Отставной гусаръ, князь З. (пов. «Медальонъ»), почитающій за ничто всѣхъ, кто не записанъ въ 6-ую книгу и кто проживаетъ деньги, недобытыя потомъ крестьянъ, а своимъ собственнымъ. Графъ Л., вынесшій изъ своихъ многочисленныхъ путешествій одни воспоминанія о хорошихъ гостиницахъ, Сергѣй Антоновичъ, не замѣчающій, что жена умираетъ отъ любви къ другому, Ладошинъ и другіе, такъ же, какъ и образы скромныхъ тружениковъ, въ родѣ Иргина или Альмова, — все это мѣткія иллюстраціи къ той общей характеристикѣ, которую даетъ Жукова: «Мужчины пріѣзжаютъ обыкновенно въ деревни и уѣздные города отдыхать послѣ бурной молодости, растраченной въ столицѣ. Въ уѣздныхъ городахъ мужчины заняты службой, послѣдними указами, пріѣздомъ губернатора, доносами, отвѣтами на опросные пункты и проч. Кто не служитъ, у тѣхъ карты, охоты, праздники, часто расчеты по векселямъ отнимаютъ все время и потому, право, имъ некогда заниматься чувствами; сердце со всѣмъ приборомъ своимъ не по ихъ вѣдомству; это совсѣмъ особая статья, которая не входитъ ни въ настольный реестръ ни въ уставъ о банкрутствѣ»... [1]) Рисуя такими неприглядными красками провинціальное общество, Жукова вѣрна дѣйствительности. Припомнимъ хотя бы разговоръ изъ соллогубовскаго «Тарантаса» [2]). Иванъ Васильевичъ разспрашиваетъ хозяина постоялаго двора о составѣ мѣстнаго общества. «Извѣстное дѣло,—отвѣчаетъ тотъ,—городничій, судья, исправникъ и прочіе — весь комплектъ». — «А какъ они время проводятъ?»—«Въ присутствіе ходятъ, пуншты пьютъ, картишками тѣшатся»...

Нѣтъ никакихъ указаній на то, гдѣ провела Жукова время съ 1830 по 1837 гг. Вѣроятно, она тогда была въ Петербургѣ, жизнь котораго хорошо знала. Между тѣмъ это былъ важный періодъ, принесшій много перемѣнъ. «Прошедшая моя жизнь вся— чувство и мечты», говоритъ «Провинціалка» Катя, окунувшись въ столичную жизнь, и то же самое можетъ повторить про себя М. С. Въ эти годы отъ мечтаній въ провинціальной глуши пришлось обратиться къ «печальной существенности». Неудачное замужество ярко отразилось въ повѣстяхъ, тѣмъ болѣе, что выступленіе Жуковой, какъ писательницы, почти непосредственно слѣдовало за

---

[1]) «Провинціалка», 299 и 340.

[2]) «Тарантасъ», иллюстр. изданіе, стр. 90.

мучительными душевными переживаніями. Въ нихъ вылилась, вѣроятно, тяжелая накипь женскаго оскорбленнаго самолюбія, которую время не успѣло еще снять. Къ сердечнымъ разочарованіямъ и разстроенному здоровью присоединились матеріальныя затрудненія, какая-то тяжба, изъ-за которой М. С. приходилось много хлопотать, волноваться, «просить» въ то время, «когда негодованіе превышало силы, когда сердце изнемогало подъ необходимостью не любить» [1]). Всѣ невзгоды за разъ обрушились на ея голову.

Бѣлинскій въ разборѣ «Повѣстей» отмѣтилъ одну особенность автора: «она не опишетъ вамъ блаженство любви,—говоритъ онъ,—отъ ея разсказа не повѣетъ на васъ букетомъ этого чувства, какъ высокой гармоніи двухъ родственныхъ душъ. Она всегда съ такою увлекательностью говоритъ о несчастіи, утратахъ, о скорбяхъ запертаго въ себѣ сердца. Ей извѣстно высокое таинство страданія». Жукова иногда такъ увлекается въ порывѣ «высказаться», много разъ передуманныя, назрѣвшія мысли такъ неудержимо рвутся наружу, что она порой высказываетъ ихъ устами не совсѣмъ подходящихъ лицъ. Пессимизмъ, который у нея самой, много пережившей, является результатомъ «ума холодныхъ размышленій и сердца горестныхъ замѣтъ», кажется нѣсколько искусственнымъ, когда о 17-лѣтней Маріи («Медальонъ») авторъ говоритъ, что «она перестала требовать отъ людей искренняго чувства или чего-нибудь ждать прочнаго; если встрѣчала пріязнь, довѣренность, ласку, то принимала ихъ, какъ даръ нежданный... Она явилась въ обществѣ, какъ зритель, который не ждетъ ничего для себя въ разыгрываемой передъ нимъ драмѣ». Это настроеніе неоднократно возвращается въ особенности въ повѣстяхъ 39—40 годовъ: такъ же мрачно настроена Лиза въ «Самопожертвованіи». Особенно интенсивно оно въ «Черномъ Демонѣ», но нигдѣ нельзя угадать конкретныхъ причинъ, вызвавшихъ его у автора. Въ «Черномъ Демонѣ» завязкѣ придана таинственность: героиню (Серафиму) въ дѣтствѣ прокляла деревенская колдунья. Серафима только что вступаетъ въ жизнь и жадно ждетъ ея утѣхъ, когда въ ней просыпается холодный разсудокъ, во всемъ сомнѣвающійся, все подозрѣвающій. Этотъ «Черный Демонъ» ее всюду подстерегаетъ. Какъ цвѣты, срываемые этимъ безпощаднымъ спутникомъ, вянутъ и гибнутъ ея молодыя мечты. «Я перестала,—говоритъ Серафима,—вѣрить въ возможность добра и въ цѣломъ свѣтѣ видѣла только жалкое сборище личинъ. Благородство, безкорыстіе, самоотверженіе,—все погибло, все возбуждало злой хохотъ демона. Онъ ждалъ меня на порогѣ храмовъ, выглядывалъ изъ муфты старушки, набожно считавшей поклоны на перепутьѣ передъ входомъ церкви; сгибалъ спину вельможѣ, дружески

---

[1]) «Мои курскіе знакомцы».

тайкомъ пожимавшаго руку богатому сосѣду - ростовщику, прыгалъ карликомъ передъ знаменитостью, хромалъ передъ судьей, смѣялся изъ-за плеча либерала, грозно возставшаго противъ аристократіи, и какъ обезьяна кривлялся передъ поэтомъ, котораго я ждала съ трепещущимъ сердцемъ, думая на челѣ его увидѣть печать генія». Временно «Черный Демонъ» смолкаетъ — Серафима снова вѣритъ въ людей и любитъ. «Блаженъ, кто отъ веселой грезы, не пробуждаясь, перешелъ въ вѣчный сонъ,—говоритъ она,— я проснулась... Мой демонъ умѣлъ приподнимать завѣсы, подъ которыми человѣкъ отъ собственныхъ глазъ скрываетъ мысль свою, чтобы самому не устрашиться наготы ея». До извѣстной степени эту разочарованность слѣдуетъ, конечно, считать данью времени. Интересно отмѣтить въ этой же повѣсти чисто романическую черту характера героини: «горе, радость, испугъ,—словомъ, всякое впечатлѣніе овладѣвало душою моею такъ, что не оставляло мѣста другому чувству». Весьма вѣроятно, что эта же черта характера была свойственна автору, въ особенности въ молодые годы. Не даромъ она съ горечью говоритъ въ «Провинціалкѣ»: «для чего у насъ сердце больше, чѣмъ разсудка? Для чего страсти говорятъ громче, чѣмъ онъ?» [1]) «Но, несомнѣнно, эта разочарованность имѣла и реальныя основанія въ жизни писательницы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить нѣкоторые взгляды Жуковой, въ особенности въ началѣ ея литературной карьеры, и дѣйствительность, съ которой ей пришлось мириться. Завѣсы надъ этой дѣйствительностью для насъ все-таки до извѣстной степени приподняты. Надо помнить, что М. С. — ровесница Татьянѣ Лариной и женамъ декабристовъ: ей свойственны высокіе и чистые порывы любви и преданности долгу, но духовная жизнь женщины и кругъ ея дѣятельности въ ея глазахъ крайне ограничены. «Женщина создана единственно для семейства,—говоритъ она,—та, которая захотѣла бы искать счастія внѣ круга, ей назначеннаго, рано или поздно узнала бы, что преслѣдуетъ блуждающіе огни, завлекающіе странника въ мѣста непроходимыя.... Не станемъ обманываться, власть въ домѣ принадлежитъ мужчинѣ, который не пренебрегаетъ правомъ сильнаго и нерѣдко позволяетъ себѣ многое, несообразное съ понятіями о равенствѣ, о которомъ такъ часто толкуютъ намъ». Отсюда Жукова дѣлаетъ выводъ, что «женщина, утратившая любовь супруга, есть существо несчастнѣйшее въ мірѣ, потому что чего же можно ждать отъ человѣка, имѣющаго власть, но не имѣющаго любви?..» [2]) Жукова понимаетъ возможность любви замужней женщины къ другому мужчинѣ, но для нея нѣтъ *новой* жизни съ *новымъ* избранникомъ. Отвѣтъ Татьяны Онѣгину для нея непрелож-

---

[1]) «Провинціалка», стр. 378.

[2]) «Баронъ Рейхманъ».

ный законъ, а женщина, преступившая его, не имѣетъ права на счастье, для нея нѣтъ болѣе мѣста въ жизни — она должна уйти. Такъ искупаютъ свою ошибку Франческа, Лауретта, Полина. Жукова, высказывая такіе взгляды, оставалась на уровнѣ своего времени. Она впитала ихъ съ дѣтства и долго вѣрила въ ихъ непреложность, но ея тонкій, проницательный умъ, ея «черный демонъ», плохо мирившійся съ «существенностью», и тутъ порою нашептываетъ ей иное. Жизнь безжалостно толкала ее на дѣла совсѣмъ «неженскія», съ ея первоначальной точки зрѣнія; пришлось вести какое-то судебное дѣло, имѣвшее для нея важное практическое значеніе, испытать всю трудность сліянія поэзіи съ судебной палатой, заботиться о заработкѣ для содержанія себя, сына и даже уплачивать долги мужа [1]). Эта суровая школа заставила ее значительно измѣнить свой взглядъ; она поняла, что женщинамъ, вытолкнутымъ обстоятельствами изъ круга семьи, нужно найти мѣсто въ жизни. Вотъ что она говоритъ въ повѣсти «Мои курскіе знакомцы»: «Развѣ женщина не имѣетъ другихъ обязанностей, другой цѣли, какъ, привязавшись къ участи человѣка, которому угодно было возвести ее въ достоинство своей супруги, жить для его счастья и потомъ угаснуть, оставивъ по себѣ нѣсколько новыхъ существъ? Развѣ великая цѣль существованія человѣка не можетъ быть и ея цѣлью? Мнѣ скажутъ, но кто знаетъ, что эта за цѣль? Справедливо, однако, до сихъ поръ, сколько я знаю, никто еще не говорилъ, что человѣкъ рожденъ для того только, чтобы произвести себѣ подобныхъ; этимъ еще никто не ограничивалъ ни одного рода существъ... Почему же вы хотите ограничить подобною цѣлью существованіе женщины? Дайте женщинамъ одинаковыя нравственныя права съ вами, господа мужчины!.. Если женщина каждый день украситъ новымъ цвѣткомъ путь жизни отца, матери, друга, если примѣромъ, бесѣдою, убѣжденіемъ посѣетъ хоть въ одномъ юномъ сердцѣ полезную истину, любовь къ добру или научитъ находить счастіе въ собственномъ умѣ, если утѣшитъ печальнаго, оправдаетъ оклеветаннаго, возвратитъ къ добродѣтели заблудшаго, научитъ несчастнаго любить жизнь, то она способствовала общей пользѣ и имѣетъ право..... если не на Владимірскій крестъ, то, по крайней мѣрѣ, на ваше снисхожденіе». Такія мысли заставляютъ ее вывести нѣкоторыхъ своихъ героинь изъ заколдованнаго круга «семейственности». Наденька («Мои курскіе знакомцы») посвящаетъ свою жизнь служенію ближнему, а Лиза изъ «Самопожертвованія» открываетъ школу, содержитъ старуху мать. «Чувство независимости внушаетъ ей твердость»; она «была бы счастлива, если бы потеряла память о прошедшемъ», но при этомъ она сознается, что «душа изнемогаетъ подъ искус-

---

[1]) Письмо къ Бецкому (Рум. муз.).

М. С. ЖУКОВА.
(Портретъ Ф. Берже).

ственною дѣятельностью, и чувство противъ воли разбиваетъ свои оковы». «Не скоро разсудокъ убѣдитъ неугомонный умъ, не скоро пріучитъ сердце уживаться съ существенностью», говоритъ она дальше. Повидимому, этотъ новый взглядъ на положеніе женщины дался М. С. не легко. «Сердцу надобно перегорѣть въ страданіи,— говоритъ она,—чтобы понять, что за темнымъ кругомъ, въ центрѣ котораго вращается наше я, есть другой обширнѣйшій кругъ, гдѣ человѣкъ становится уже сыномъ великаго семейства, гдѣ для него начинаются новыя обязанности, новый кругъ дѣйствій. Душѣ, растерзанной горестью, непонятны убѣжденія разсудка: лучъ истины озаритъ ее, испепеливъ послѣднія радости» [1])... А мы знаемъ, какъ дѣйствительно безпощадно «испепелялись» радости жизни Жуковой: въ то время, когда она еще глубоко вѣрила, что женщина создана исключительно для семьи, эта семья была рано разрушена, у нея былъ мужъ, сынъ, но не оказалось семьи. По словамъ родственниковъ, Марья Семеновна горячо любила своего единственнаго сына, но разстроенное здоровье принудило ее разстаться и съ нимъ; мальчикъ учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій, а ей пришлось въ 1838 г. ѣхать на югъ. «Очерки южной Франціи» и альбомъ акварелей [2]), въ которомъ указаны нѣкоторыя даты, даютъ возможность установить, что она прожила за границей около трехъ лѣтъ съ перерывами по лѣтамъ, когда она возвращалась къ сыну. Въ альбомѣ мы находимъ и портретъ его акварелью съ надписью: à 14 ans à Petersbourg 25 Mars 1837 г.» Женская головка, напоминающая Греза, и портретъ неизвѣстнаго молодого человѣка, помѣчены «1839 г. Черная рѣчка». Вѣроятно, лѣто, проведенное подъ Петербургомъ, плохо отразилось на ея слабыхъ легкихъ, такъ какъ осенью она снова уѣхала за границу и зиму прожила въ Ниццѣ. Въ томъ же альбомѣ есть портретъ старушки, кажется, старшей сестры писательницы, помѣченный «17 мая 1840 г., гор. Саратовъ» съ надписью: «Писанъ сей портретъ на 59 году отъ рожденія и живописцемъ былъ дружочекъ мой Маша». Изъ всѣхъ этихъ указаній можно заключить, что Жукова въ это время мало жила на одномъ мѣстѣ; сынъ и литературныя занятія привлекали ее въ Петербургъ, а слабое здоровье гнало оттуда. Послѣ 1842 г. она, повидимому, за границу больше не ѣздила и поперемѣнно жила то въ Петербургѣ, гдѣ ея сынъ поступилъ въ университетъ, то въ Саратовѣ. Сюда еще въ 1830 г. перевелся на службу ея отецъ. Конечно, и этотъ кочующій образъ жизни шелъ въ разрѣзъ съ врожденною склонностью ея къ тихой семейной жизни, вызывая безпрестанно тяжелую внутреннюю борьбу. Но черезъ всѣ эти невзгоды Марья Семеновна прошла побѣди-

---

[1]) Пов. «Падающая звѣзда», 109.

[2]) Хранится у внука писательницы С. В. Жукова.

тельницей, по крайней мѣрѣ, духовно... Л. Н. Толстой сравниваетъ жизненныя неудачи съ «вѣтромъ для парусного судна». «Плакаться на свое несчастіе,—говоритъ онъ,—это значитъ порвать паруса и сидѣть сложа руки» [1]). Жукова въ тяжелыя минуты, повидимому, не «сидѣла сложа руки», а всегда неслась впередъ, пока сильно пострадавшіе отъ бурь «паруса» выдерживали напоръ вѣтра. Болѣе позднія произведенія ея носятъ отпечатокъ значительнаго успокоенія и примиренія съ жизнью. Вмѣсто ѣдкой горечи, въ нихъ чаще встрѣчается добродушная улыбка снисхожденія. «На склонѣ жизни,—говоритъ она въ повѣсти «Ландыши»,—расходятся мало-по-малу всѣ туманы, которые казались чѣмъ-то существеннымъ на разсвѣтѣ». Трудный жизненный опытъ и тонкій наблюдательный умъ помогали ей подняться выше мелочей жизни, на тотъ уровень, откуда ей виднѣе стала душа человѣческая, трепетная и отзывчивая, какъ бы ни была груба и пошла ея внѣшняя оболочка. Оглядываясь на свою прошлую жизнь, она находила слова примиренія съ нею: «Мы знали счастье въ мечтахъ, признаемъ его въ воспоминаніи, но въ настоящемъ оно является къ намъ всегда, какъ незнакомецъ, гоститъ неузнанное, и только по удаленіи его мы говоримъ: «То былъ посланникъ Бога». Несомнѣнно, что около 1844 г., когда вышли «Очерки», Жукова могла бы сказать о себѣ: «Замолкъ мой Черный Демонъ и ясно тихо стало все вокругъ», какъ говоритъ Серафима, столь близкая ей духовно, героиня повѣсти «Черный Демонъ». Эта душевная ясность и тишина возвращаются къ ней, когда она снова вѣритъ, послѣ долгихъ лѣтъ сомнѣнья. Но едва ли сама Марья Семеновна когда-нибудь испытала что-нибудь подобное. Выражаясь ея же словами, она никогда не затворяла передъ собой «дверей неба». Немного приподнятый тонъ, которымъ она говоритъ объ этомъ важномъ для нея жизненномъ вопросѣ, — а говоритъ она объ этомъ часто—никогда не кажется въ ней искусственнымъ: всѣ ея произведенія проникнуты глубокимъ, неразрывно связаннымъ со всѣмъ ея существомъ религіознымъ чувствомъ. Въ дѣтствѣ оно выливалось въ мечтахъ о «золотомъ вѣнчикѣ» мученицъ на лубочныхъ картинкахъ, привозимыхъ старостой съ ярмарки въ подарокъ барышнямъ [2]); позднѣй, претворенное глубокими душевными страданіями, оно обратилось для нея въ маякъ, который неустанно освѣщалъ ея жизненный путь. Послѣ всѣхъ жизненныхъ крушеній она не знаетъ другого прибѣжища для своихъ героинь, кромѣ «подножія алтаря». Очень часто встрѣчается у нея описаніе *пустого храма*, въ который она приводитъ своихъ героинъ искать утѣшенія. Именно *пустые*, безмолвствующіе храмы глубоко возбуждаютъ въ ней чувство благоговѣнія, входитъ ли она въ сельскую

---

[1]) Письмо къ Дубровину «Рѣчь», 28 мая, 1912.
[2]) «Двѣ сестры».

церковь на берегу Волги или готическій храмъ въ Ліонѣ, Арлѣ или Валансѣ. «Не знаю, какое непостижимое чувство,—говоритъ она,—наполняетъ всякій разъ душу мою, когда мнѣ случается быть въ пустомъ храмѣ. Находясь одна, посреди обширнаго зданія, въ которомъ не раздается ни одинъ звукъ, никакой шумъ жизни, оставленной за порогомъ, я совершенно теряюсь въ чувствѣ благоговѣнія». Затворенный алтарь напоминаетъ ей «міръ, невѣдомый для насъ до той минуты, пока смерть не приподыметъ таинственной завѣсы бытія». Она любила не только тишину и безмолвіе храма, но и покой въ природѣ, заставляющій человѣка внутренно прислушаться, настраиваетъ ее благоговѣйно. Она любитъ Симье, «когда никакой шумъ не нарушаетъ тишины садовъ и вѣтерокъ, кажется, не смѣетъ играть въ листьяхъ, боясь спугнуть воспоминаніе, готовое улетѣть съ его холмовъ..... Вечеръ былъ необыкновенно хорошъ; на горахъ догорали лучи заходящаго солнца, все было *тихо*, *религіозно*, человѣкъ и природа» [1]). Тишина въ храмѣ... Тишина въ природѣ подъ голубымъ небеснымъ куполомъ—это тоже храмъ, въ которомъ молилась Жукова. Любовь къ природѣ въ ней незамѣтно сливается съ религіей... Она выходитъ изъ полуразвалившейся церкви на старое кладбище, и ей кажется, что «спокойное небо, вѣнчавшее свѣтлымъ прозрачнымъ сводомъ развалины, и яркая зелень по открытымъ гробамъ, молодое фиговое дерево, раскинувшее зеленую сѣтку крупныхъ листьевъ надъ разсѣлиною стѣны,—все шептало ей «упованіе», и на листьяхъ блистала не роса, а чистая слеза ангела, исторгнутая состраданіемъ изъ глазъ небеснаго посланника, когда онъ, пролетая мимо, обратилъ взоры на эту печальную юдоль»... Жуковой были близки и понятны образы ея великаго современника:

«Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ».

Въ такія минуты они говорили на одномъ языкѣ.

Вышедшіе въ 1844 году «Очерки южной Франціи и Ниццы» можно считать лучшимъ изъ всего, что написала Жукова, по свѣжести и живости отразившихся тамъ впечатлѣній, а также, по мнѣнію Бѣлинскаго, лучшимъ изъ всего, что было написано въ этомъ родѣ послѣ «Писемъ русскаго путешественника» [2]). Журналы, безъ различія направленій, единодушно хвалили ихъ. Одинъ критикъ обратилъ вниманіе на то, что «Очерки» писались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, по замѣткамъ, набросаннымъ на мѣстѣ [3]).

---

[1]) «Очерки», т. I, стр. 302.
[2]) Собр. соч. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова, т. IX, стр. 73.
[3]) «Москвитянинъ», 1845, т. I, № 1.

Это же подтверждаетъ и авторъ. «Во всѣхъ прогулкахъ,—говоритъ Жукова,—со мною всегда были въ походной сумкѣ кисти, краски, альбомъ и мой журналъ»... [1]) Гдѣ онъ теперь этотъ журналъ? невольно хочется спросить. Неужели ничья рука не сохранила его? А сколько интереснаго онъ могъ бы раскрыть? Жукова прожила нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ въ ту пору, когда туда совершали паломничество многіе русскіе художники, писатели, когда тамъ жили Ивановъ, Гоголь. Но римскія впечатлѣнія Марьи Семеновны для насъ, вѣроятно, навсегда потеряны. Мы можемъ судить о ихъ силѣ только по нѣкоторымъ отзвукамъ въ повѣстяхъ и «Очеркахъ». Такъ, она хочетъ заѣхать въ долину Толоне около Экса посмотрѣть римскія развалины, «потому что, возвращаясь изъ Рима, искала, какъ страстный любовникъ, слѣдовъ своей милой, всего, что напоминало о немъ». «Провансъ для путешественника, возвращающагося изъ Италіи,—говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, — все равно, что для влюбленнаго въ разлукѣ съ милой кабинетъ ея. Онъ прежде бывалъ въ этомъ кабинетѣ, знаетъ въ немъ всѣ бронзы, цвѣточныя вазы, книги, всякій уголокъ, но только теперь все это одѣлось для него какою-то волшебною прелестью, понятною только его сердцу. Прежде всѣ эти вещи не занимали его; въ ея присутствіи онъ не замѣчалъ ихъ. Теперь, безъ нея, онѣ напомнили ему незабвенную; безъ *нея*, въ безцвѣтномъ настоящемъ, онъ ловитъ въ нихъ свое прекрасное прошедшее». Этимъ языкомъ влюбленной говоритъ Жукова о Римѣ въ 1844 году. Вѣроятно, долгое пребываніе въ Италіи обновило ее тѣлесно и успокоило духовно: пустынная римская кампанья «согласовалась съ пустотой и безмолвіемъ ея сердца»: «стыдно сѣтовать тамъ, гдѣ каждый камень говоритъ о судьбѣ цѣлыхъ народовъ». Въ своемъ разборѣ «Очерковъ» Бѣлинскій пишетъ: «Въ нихъ нѣтъ современно-исторической картины южной Франціи, не говорится о предметахъ общественныхъ, составляющихъ нравственную жизнь страны. Г-жа Жукова не касается этого, и тѣмъ лучше для насъ и для нея». Она одушевленно, мило и очень занимательно разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Слышится «изустный разсказъ, исполненный всей прелести личной бесѣды, въ которой интересно и живо все, что показалось бы въ книгѣ и сухимъ, и мертвымъ, и незанимательнымъ» [2]). Но Бѣлинскій не отмѣтилъ, что впечатлѣнія Жуковой касаются всетаки, главнымъ образомъ, предметовъ искусства. Нимъ, Сифуръ, Тарасконъ, Ле-бо, уголки прежняго, умершаго и забытаго Прованса, остатки художественной старины — вотъ что, главнымъ образомъ, интересуетъ автора «Очерковъ». Ихъ прежде всего ищетъ Жукова и только попутно, какъ человѣкъ живой и отзывчивый,

---

[1]) Очерки, т. I, стр. 129.

[2]) Соч. Бѣлинскаго, подъ ред. Венгерова, т. IX, стр. 73—74.

заноситъ въ свой журналъ и другія впечатлѣнія. Она не довольствуется однимъ осмотромъ, она справляется о мѣстныхъ легендахъ, роется въ библіотекахъ, всячески стараясь уяснить себѣ историческое значеніе того, что видѣла. Ни дождь, ни холодъ, ни «мистраль» не удерживаютъ ее, слабую здоровьемъ, отъ посѣщенія какого-нибудь интереснаго уголка. Она съ искренней грустью пишетъ о разрушеніи древняго Прованса, ей понятна чарующая прелесть старины, она глубоко цѣнитъ «аристократическую печать времени». Многое въ «Очеркахъ» доказываетъ недюжинное художественное развитіе Жуковой. Она любитъ длинныя прогулки пѣшкомъ, ненавидитъ проторенные пути путешественниковъ, услуги чичероне и цѣнитъ неожиданности. «*Надобно видѣть*,— говоритъ она,—очень часто отнимаетъ всю прелесть, которую, быть-можетъ, мы нашли бы въ предметѣ, если бы его *случилось видѣть*». «Проклятое *надо видѣть* мѣшало здѣсь наслажденію», замѣчаетъ она при посѣщеніи Руа. Она хорошо знакома съ современною живописью. Пейзажъ Прованса кажется ей темнымъ, «какъ живопись Ботта», Софья Павловна напоминаетъ женщинъ Перуджино, любовь честолюбца де-Нолле она сравниваетъ съ ролью въ жизни пейзажа Вателэ или сценой Бріара. Такія параллели встрѣчаются у нея часто, въ нихъ нѣтъ ничего искусственнаго или натянутаго. Читая ихъ, чувствуешь, сколько художественныхъ образовъ хранилось въ головѣ автора, и какъ легко и свободно они выплывали наружу при первомъ удобномъ случаѣ. Мнѣ пришлось видѣть у внука писательницы акварели ея работы, преимущественно портреты родственниковъ. Ихъ нельзя причислить къ дилетантскимъ опытамъ, напротивъ, въ нихъ сказывается значительный техническій навыкъ. Г-жа Ш. утверждаетъ, что Марія Семеновна, помимо литературныхъ работъ, и даже главнымъ образомъ зарабатывала какъ художница, исполняя копіи съ картинъ. Во время работы въ Эрмитажѣ на нее обратила вниманіе императрица, послѣ чего Жуковой былъ заказанъ портретъ-миніатюра императора Николая I. Къ сожалѣнію, объ этихъ трудахъ ея мнѣ не удалось узнать ничего болѣе точнаго. Вѣроятно, первоначальное знакомство съ живописью Жукова получила въ Арзамасѣ, гдѣ, благодаря ступинской школѣ, легко было найти учителя, а въ дальнѣйшемъ она многимъ обязана Филиппу Берже, иллюстратору ея «Очерковъ». Это былъ художникъ-миніатюристъ. Скудныя свѣдѣнія, собранныя о немъ, не уясняютъ его какъ художника. Впервые его имя встрѣчается въ 1804 году, когда ему разрѣшено было выставить свою работу въ Академіи Художествъ [1]). Въ 1831 году онъ получилъ

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ Юндалова. См. указатель.

званіе ея почетнаго вольнаго общника [1]). По словамъ родственницъ, этотъ французъ-художникъ былъ не только учителемъ, но и другомъ М. С. Жуковой. Вѣроятно, образы старичка-учителя Гутенгерца, доктора Карла Ивановича, Александра и другихъ безкорыстныхъ, преданныхъ друзей, къ которымъ прибѣгаютъ, «когда душа переполнена», навѣяны Филиппомъ Берже. Его тѣнь мелькаетъ даже въ «Очеркахъ».

Послѣ 1844 года имя Жуковой стало все рѣже и рѣже попадаться въ печати. Замолчала о ней и критика; многія повѣсти прошли незамѣченными, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ «Эпизодъ изъ жизни деревенской дамы», «Наденька», стояли нисколько не ниже того, что было написано ею раньше, но въ нихъ не было ничего новаго — авторъ высказался. Но если послѣднія произведенія Жуковой, въ особенности при сравненіи ихъ съ тѣмъ, что давала въ тѣ годы русская литература, блѣднѣютъ и кажутся устарѣвшими, то все-таки надо признать, что въ свое время она своими повѣстями, умными и чистыми, будила лучшія чувства въ обществѣ и заставляла ихъ читать въ то время, когда Пушкинъ писалъ:

«Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
«Чужихъ нарѣчій погремушки
«И не читаемъ книгъ своихъ».

Благодаря упомянутому Филиппу Берже, сохранился портретъ Жуковой [2]), написанный имъ, вѣроятно, около 1835 г. Гладко причесанные на проборъ по тогдашней модѣ темные волосы, высокій гладкій лобъ и широко разставленные нѣжные глаза. Глядя на это лицо, хочется сказать словами Пушкина:

« . . . . . Глаза,
«Одни глаза да взглядъ. . . . . »

Большіе, умные и грустные, несмотря на готовыя улыбнуться губы, эти глаза одни влекутъ къ себѣ и будятъ желаніе заглянуть пристальнѣй въ душу, такъ тепло свѣтящуюся въ нихъ.

М. Коноплева.

---

[1]) Отчеты Академіи Художествъ за 1831 г. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ художникѣ указаны въ Allgemeines Lexikon, Leipzig, 1909).

[2]) Принадлежитъ М. В. Шарыгиной, внучкѣ писательницы.

Церковь и религіозныя движенія XII—XIII вѣковъ.

Стараясь понять внутренній смыслъ культа и охватить мыслью его годичный кругъ, средневѣковые богословы связывали его съ жизнью Христа, съ исторіей человѣчества и духовною жизнью индивидуума [1]). Они намѣчали четыре эпохи жизни человѣческаго рода. Первая, отъ Адама до Моисея, — время уклоненія человѣчества съ его пути, время вины и отчаянія. И такъ какъ все въ мірѣ соединено таинственной связью, сама природа символизируетъ эту эпоху безнадежною холодной зимой, внѣшнимъ выраженіемъ безпросвѣтной грѣховности человѣка. Вторая эпоха жизни человѣчества, тянущаяся отъ Моисея до Рождества Христова, — время, когда несчастные потомки Адама услышали призывъ Господа, когда въ ихъ душѣ появились первые признаки обновленія. Это весенняя пора зеленѣющаго и пускающаго первыя почки вертограда Господня. Отъ Рождества Христова до Его вознесенія длится лѣто благодати: садъ Господень цвѣтетъ и приноситъ пышные плоды. Наконецъ наступаетъ четвертая и послѣдняя эпоха, которую завершитъ страшный судъ,—эпоха блужданія, время осеннее: падаютъ отжившіе листья и теряютъ свой цвѣтъ. Ночь, утро, день и вечеръ вѣчною своею смѣною вызываютъ тѣ же мысли, каждодневно повторяютъ тѣ же настроенія. Этой міровой мистеріи соотвѣтствуетъ мистерія индивидуума, смѣна въ его душѣ темной ночи грѣха утромъ покаянія и днемъ обновленія, и холодный вѣтеръ осени приноситъ съ собою трепетный ужасъ ожиданія великаго суда.

Эти четыре эпохи выражены церковью въ годовомъ кругѣ ея богослуженія: зимняго, весеняго, лѣтняго и осенняго. Четыре главныхъ дѣянія Христа опредѣляютъ эти «времена»: Рождество, Страстная смерть, Воскресеніе и «Пришествіе на судъ». Къ первому примыкаютъ Обрѣзаніе, Богоявленіе, Крещеніе и Очищеніе. Ко второй— постъ и искушеніе. Къ третьему—Восшествіе на небо и Дарованіе Духа Святого. Къ четвертому — Преображеніе и чудеса. Но не

---

[1]) *H. Kellner.* Heortologie oder die geschichtliche Entwicklung des Kirchenjahres und der Heiligenfeste. 3 изд. 1911.

съ зимы начинаетъ церковь свой годъ—зимою заблужденія человѣкъ можетъ отчаяться—а съ весны обновленія, т.-е. съ «Пришествія Господа» (Adventus).

Путемъ долгой и сосредоточенной работы мысли, отразившей и христіанскую исторію, и индивидуальную духовную жизнь христіанина, и пережившіе себя въ христіанствѣ элементы религіи природы, богословы смогли понять исторически сложившійся кругъ празднествъ, какъ логическое цѣлое. Подобная «система» была недоступна массамъ, тѣмъ болѣе, что говорить о ней съ церковной каѳедры начали сравнительно поздно. Но элементы ея были общимъ достояніемъ. Богословы брали ихъ изъ того же религіознаго фонда, каторымъ жили массы, и ихъ система была не столько схоластическою надстройкой, сколько осмысленіемъ и объединеніемъ общей имъ и массамъ религіозности. Теоретики лишь выражали словами смѣны религіозныхъ настроеній, вызываемыя смѣною временъ года, лишь указывали на ощущаемую большинствомъ связь тѣхъ и другихъ съ событіями ихъ жизни Христа. Зеленыя деревья и наливающіеся плоды, можетъ-быть, незамѣтно, но сильно и ярко вызывали тѣ же впечатлѣнія, что и мысли о завершеніи дѣла Христова на землѣ, а возвращающееся въ декабрѣ солнце родило тѣ же надежды, что и Рожденіе Іисуса, обѣщающее лѣто спасенія. Вмѣстѣ съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней тихій вѣтеръ приноситъ свѣтлыя надежды, и покаянные псалмы готовы были смѣниться гимномъ воскресшему Богу. Символика, развитая и выраженная какимъ-нибудь богословомъ, была символикою естественною, самопроизвольно возникающей, присущей всякому средневѣковому человѣку, въ міросозерцаніи котораго символъ и аллегорія играютъ непонятно для насъ могущественную роль и занимаютъ не меньшее мѣсто, чѣмъ въ схоластическихъ сочиненіяхъ.

Конечно, символическій *синтезъ* былъ доступенъ только людямъ образованнымъ, искушеннымъ въ тайнахъ церковной науки, воспитаннымъ на экзегетикѣ. Мірянинъ могъ охватить смыслъ церковнаго года лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а часто онъ переживалъ, осмысливалъ только разрозненные моменты культа, наиболѣе ему психологически близкіе, наиболѣе ярко отраженные церковью. И церковь шла ему навстрѣчу, стараясь говорить понятнымъ для всѣхъ языкомъ. Дни Великаго поста отмѣчались черною завѣсою, вѣшаемою въ храмахъ, траурными одеждами священнослужителей. Въ послѣднюю его недѣлю замолкали колокола. Въ послѣдніе дни его въ лишенномъ украшеній храмѣ тушились одна за другою всѣ свѣчи и уносилась послѣдняя, пока, наконецъ, въ Великую субботу не высѣкали торжественно новый огонь, благоговѣйно разносимый по городу. Отдѣльные моменты культа, какъ «омовеніе ногъ», драматизировались. Клирики играли «Представленія объ

Антихристѣ и пришествіи Христа»[1]). Совершались торжественныя процессіи по городу съ участіемъ всѣхъ религіозныхъ конгрегацій, цеховъ, мірянъ и властей города. Особенною пышностью отличались процессіи въ дни «Очищенія Богоматери», въ Вербное воскресеніе, Пасхи и Вознесенья.

Большіе праздники (во второй половинѣ XIII в. въ Падуѣ насчитывалось 130 праздниковъ и воскресеній; обыкновенно число тѣхъ и другихъ въ XIII в. колебалось отъ 80—100) привлекали въ храмы почти весь городъ, и городскія власти заботились объ ихъ соблюденіи: о нихъ объявляли глашатаи; подъ угрозою штрафа должны были закрываться всѣ лавки—дѣловая, суетливая жизнь замирала. Пышность и блескъ культа были гордостью города, содѣйствіе имъ — дѣломъ патріотизма, и волей или неволей большинство населенія принимало участіе въ этомъ культѣ, тѣмъ самымъ питая и усиливая свою религіозность и содѣйствуя его развитію. И насъ не должно обманывать, что храмъ часто былъ мѣстомъ собраній городского совѣта или веселой бесѣды, что иногда въ немъ совершались пародіи на службу клириковъ, а передъ нимъ, даже во время богослуженія, устраивались танцы. Французскіе горожане служили «мессу осла». Міряне важно напяливали на носъ очки съ апельсинными корками вмѣсто стеколъ, дѣлая видъ, что читаютъ въ перевернутыхъ вверхъ ногами требникахъ. Одинъ возглашалъ: «Christus natus e-e-est». Другой отвѣчалъ, подражая коровѣ: «U-ubi». Третій: «Jn Bethle-e-em». И всѣ вмѣстѣ, какъ ослы, кричали; «Hihamus» (т.-е. eamus)[2]). Это не значитъ, что насмѣшливые міряне были нерелигіозны или что они издѣвались надъ культомъ. Понятія о благолѣпіи и богохульствѣ въ средніе вѣка нѣсколько отличались отъ нашихъ, и частое превращеніе храма въ мѣсто отдыха, мірского дѣла и веселья скорѣе всего свидѣтельствуетъ о связи съ нимъ мірянъ, о близости ихъ къ нему, его священникамъ и культу.

Церковь шла навстрѣчу мірянамъ, приспособляя свой культъ къ ихъ нравамъ и потребностямъ. И въ этомъ отношеніи чрезвычайно показательно слѣдующее замѣчаніе хрониста: «Въ культѣ много лишняго, вызывающаго, какъ у слушающихъ, такъ и у служащихъ, скорѣе скуку, чѣмъ вѣру. Такъ, напримѣръ, первый часъ воскресной службы, когда священники должны говорить свои мессы, а народъ долженъ ожидать ихъ; такъ же, когда читаютъ 18 псалмовъ въ воскресной и ночной службахъ до «Тебя Бога хвалимъ». Это вызываетъ только скуку, какъ въ лѣтнее время, когда мѣшаетъ множество блохъ и ночи коротки, а жара томительна, такъ и въ зимнее».

---

[1]) *A. d'Ancona.* «Origini del Teatro in Italia». Firenze, 1877.

[2]) *Mailhet.* Les fêtes religieuses au Moyen âge.—Revue chretieune, 1897.

Міряне опутывались культомъ, жили въ культѣ. По воскресеньямъ, не говоря уже о большихъ праздникахъ, они всегда были въ храмѣ, мужчины и женщины сидѣли отдѣльно, при чемъ старались соблюсти старшинство; дѣти стояли рядомъ съ родителями или сидѣли у нихъ на колѣняхъ. Церковь добивалась отъ всѣхъ соблюденія постовъ, хотя и не всегда успѣшно. Причащаться должно было не менѣе трехъ разъ въ годъ, въ Рождество, Пятидесятницу и Пасху. Наконецъ никто не могъ обойтись безъ церкви въ важнѣйшіе моменты своей жизни: крещеніе и конфирмація, бракъ и погребеніе были неизбѣжными культовыми актами, значеніе которыхъ выходило за предѣлы жизни индивидуума. Только въ случаяхъ крайней необходимости крестили отдѣльнаго ребенка вскорѣ послѣ его рожденія. Обыкновенно съ крещеніемъ не торопились, отлагая его на нѣсколько лѣтъ, и само совершеніе таинства пріурочивалось къ двумъ днямъ въ году, къ канунамъ Пасхи и Пятидесятницы, что превращало таинство въ торжественное общее дѣло. Около полудня, «въ девятый часъ,» въ крещальнѣ или, если не было ея, въ храмѣ собирались всѣ подлежащія крещенію дѣти, ихъ родители, родственники и толпа народа. Прежде всего совершалась катехизація крещаемыхъ, читались пророчества и молитвы, грудь и плечи дѣтей помазывали елеемъ, и всѣ во главѣ съ епископомъ торжественной процессіей отправлялись къ купели для благословенія воды. Послѣ этого отгоняющаго демоновъ и придающаго особенную таинственную силу водѣ благословленія совершалось само таинство, до XIII в. путемъ погруженія, съ XIII—поливанія. Наконецъ епископъ или архипресвитеръ давалъ крещаемымъ имя. Перваго мальчика называли Іоанномъ, первую дѣвочку Маріей, остальнымъ выбирали имя сами родители. Люди простые любили имена героевъ знакомаго имъ эпоса или сами выдумывали ихъ, какъ Bellina, Amata, Fiore или Ognibene; знатные предпочитали называть своихъ дѣтей въ честь царствующихъ особъ. Крещеніе было празднествомъ всего города. Бракъ захватывалъ болѣе случайный и меньшій кругъ лицъ, и его религіозный смыслъ нѣсколько заслонялся мірскимъ весельемъ и шумомъ. Смерть человѣка была тяжелымъ горемъ, умягчаемымъ религіей и возносимымъ ею на трагическую высоту, страннымъ сочетаніемъ земного отчаянія и просвѣтленной надежды. Потрясающіе обряды провожали умирающаго. Отходящее въ землю жалкое тѣло клали на власяницу покаянія и пепелъ земной суеты, и до послѣдняго издыханія читали отходную. Въ домъ умершаго стекались родные и близкіе. Сопровождаемая неистовыми наемными плакальщицами мрачная процессія шла за несомымъ близкими тѣломъ въ церковь, гдѣ совершалась месса, а изъ церкви, если умершаго не погребали въ ней самой, на кладбище. Съ молитвами и рыданіями погребали тѣло въ окропленной святой водою, уложенной лаврами и ѳиміамомъ могилѣ. За по-

гребеніемъ слѣдовали сопровождаемыя одареніемъ бѣдныхъ поминки. Въ 3-й, 7-й, 30-й, 50-й, 60-й, и 100-й дни часто служились заупокойныя мессы.

Но не только таинства связывали мірянина съ культомъ. Культъ впиталъ въ себя и покрылъ народныя вѣрованія и суевѣрія, и сдѣлался совершенно необходимымъ для массъ [1]). Наступала засуха, и церковь совершала крестные ходы или обращалась съ моленіями къ святому, уже доказавшему свою помощь противъ засухи. Надвигалась градовая туча, и изъ храма выносились могущіе прогнать ее святые дары. Противъ падежа скота лучшимъ средствомъ считалось окропленіе его водою, освященной въ честь св. Власія. Святая вода помогала противъ червеца, разрушающаго овощи и цвѣты, она охраняла отъ волковъ, съ помощью ея старались отыскать украденную вещь. Ванны изъ святой воды приносили больнымъ исцѣленіе. Освященное въ честь Іоанна вино оберегало отъ смерти и ранъ на полѣ битвы. Елеопомазаніе могло вернуть къ жизни даже умирающаго. Своими благословеніями церковь охраняла отъ гибели полевые и садовые плоды, сѣти рыболова, корабль и источники. Она изгоняла ими изъ дома нечистую силу, боролась съ болѣзнями и несчастіями. И врачи сопровождали свои лѣкарства магическими заклинаніями и давали вмѣстѣ съ ними написанныя на бумажкахъ молитвы; міряне же часто предпочитали лѣчиться не у врача, а у могилъ святыхъ, переходя отъ одной къ другой, пока не получатъ желаннаго исцѣленія. И вѣра мірянъ видѣла чудесное вмѣшательство святого въ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ. Спасшійся отъ кораблекрушенія приписывалъ избавленіе отъ гибели призванному имъ на помощь святому. Страдающій камнями въ мочевомъ пузырѣ призывалъ всѣхъ святыхъ по очереди и считалъ своимъ спасителемъ того, послѣ молитвы которому выходилъ, наконецъ, мучившій его камень. Въ основѣ всего этого лежитъ глубокая вѣра въ таинственную силу магіи, магическихъ заклинаній, а церковь сдѣлала эти магическія дѣйствія, родственныя внутренно ея таинствамъ, необходимою частью своего культа, она подмѣнила магическія заклинанія своими молитвами, ввела освященную воду, елей и вино, даже тѣло Христово въ магическій обиходъ. Всѣ вѣрили въ демоновъ, живущихъ въ воздухѣ надъ землею, нападающихъ на человѣка въ видѣ болѣзни или вселяющихся въ него, нагоняющихъ градъ или грозу, разрушающихъ плоды долгихъ трудовъ человѣка. Магія была лучшимъ средствомъ борьбы съ ними, обладающіе магической силой предметы — лучшимъ орудіемъ. И понятно, что такое религіозное состояніе приводило къ жаждѣ реликвій, къ поискамъ и поддѣлкамъ ихъ, превращало

---

[1]) A. Franz. «Die kirchlichen Benedictionen im M. A». I—II, 1909.

открытіе или перенесеніе мощей во всенародный праздникъ, заставляло возбужденныхъ мірянъ отрывать себѣ кусочки одежды умершаго святого или даже отгрызать кусочекъ его тѣла. Съ мѣстнымъ святымъ или чудотворной иконой сплеталось множество матеріальныхъ интересовъ даннаго храма и окрестнаго населенія; церкви и города соперничали другъ съ другомъ своими святыми, отыскивали все новыя и новыя реликвіи.

Эта мистико-магическая сторона религіозности, можетъ-быть, крѣпче прочихъ связываетъ мірянина съ церковнымъ культомъ. Культъ воспринимался и жилъ не только какъ религіозная традиція; не только будилъ и воспитывалъ молитвенное и религіозное настроеніе. Онъ былъ чѣмъ-то магическимъ, таинственнымъ и могучимъ. За внѣшними обрядами чувствовалось эсотерическое, волшебное содержаніе; и до неразличимости сливались въ душѣ вѣрующаго реально переживаемая въ культѣ символика личнаго религіозного состоянія, символика дѣла и жизни Христовыхъ и всегда дѣйствующая волшебная сила церковныхъ обрядовъ. Въ культѣ много было непонятнаго и неяснаго для мірянина, многое не могло быть осмыслено простымъ человѣкомъ, но этотъ культъ жилъ и являлся необходимымъ элементомъ религіозности, необходимою и всегдашнею сферой проявленія могучаго Божества. Онъ могъ освѣщаться сознаніемъ съ разныхъ сторонъ. Иныхъ съ нимъ связывали житейскія бѣдствія и неудачи и привлекала его таинственная защита. Иные въ немъ искали отраженія личной своей религіозной жизни и борьбы, своихъ болѣе высокихъ религіозныхъ чувствованій мистическихъ и моральныхъ. Иные переживали въ немъ жизнь Христа и видѣли въ немъ таинственное изображеніе глубочайшихъ религіозныхъ и богословскихъ истинъ. Культъ понимался разно, но ни для кого не утрачивалъ онъ своего сакраментальнаго значенія, для всѣхъ былъ необходимъ.

Въ связи съ культомъ стояло мистическое настроеніе, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ формъ своего развитія. Правда, мистическое общеніе могло обходиться безъ культа или отвлекать отъ него, но исторически христіанская мистика находилась въ тѣснѣйшей связи съ культомъ. Культовая мистика или сосуществовала съ чистой мистикой или же еще сильнѣе развивала, одухотворенная и обостренная послѣдней. Мистическое ощущеніе Божества обращалось на культъ, оживляло всѣ уголки храма, заставляло въ таинствѣ причащенія *видѣть* младенца Іисуса. И наоборотъ, элементы мистики, заключенные въ культѣ, могли развиваться въ чистѣйшее мистическое воспріятіе. Гостія, тѣло Христово, было священною, божественною частицей, могущей творить чудеса. Какъ божественное, какъ частицу Бога, ее нужно было охранять отъ соприкосновенія со всѣмъ нечистымъ и грязнымъ. И принимались всяческія мѣры, чтобы уберечь ее отъ мышей

и собакъ. Нельзя было причащать пьянаго или эпилептика, потому что тогда гостія могла бы быть извергнута вмѣстѣ со рвотою. Нельзя было совершать причастіе подъ обоими видами на кораблѣ: кровь могла капнуть на полъ и быть попраною ногами и т. д. Гостія была волшебною частицей, прогонявшею бѣды и болѣзни. Міряне, принявъ ее изъ рукъ священника, бережно несли ее домой, и тамъ благоговѣйно хранили или, стараясь продлить святое дѣло, ѣли по кусочкамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Подъ видомъ кусочка хлѣба самъ Христосъ входилъ въ вѣрующаго. Въ это вѣрили и представляли это себѣ въ самыхъ реальныхъ формахъ; не даромъ еретики насмѣшками своими хотѣли довести вѣрующихъ до нелѣпости, утверждая, что не видать въ гостіи глазъ и рукъ или ногъ, что если бы она была тѣломъ Христовымъ, тѣло должно бы было быть слишкомъ большимъ, величиной съ гору, да и тогда давно бы уже было съѣдено. Но вѣдь принятіе тѣла Христова понималось не только матеріально, а и духовно, какъ внутреннее освященіе человѣка, какъ пища души.

Такимъ образомъ, культъ является выраженіемъ существеннѣйшихъ сторонъ религіозности. Съ нимъ связана, или, лучше, въ немъ заключена вся религіозная жизнь, безъ него несуществующая. Дѣлались попытки отыскать «просвѣщеніе въ средніе вѣка» и ради этой цѣли преувеличивалось отрицаніе культа отдѣльными лицами и еретиками. Но нападки на храмы, на иконы, на отдѣльные обряды церкви еще не означаютъ разрыва съ тою магическою стороной религіозности, которая отражена въ культѣ. Въ лучшемъ случаѣ это частичная «дематеріализація христіанства», частичный и непослѣдовательный «раціонализмъ», отвергающій икону, но немогущій обойтись безъ причастія, осмѣивающій крещеніе, но замѣняющій его другимъ магическимъ обрядомъ. И къ тому же всѣ такія «раціоналистическія» попытки недолговѣчны и не захватываютъ широкихъ слоевъ общества. Роковая ошибка лежитъ въ разсмотрѣніи религіозныхъ, въ частности еретическихъ движеній, внѣ связи ихъ съ культомъ, какъ какого-то протеста противъ историческаго христіанства, какъ чего-то совершенно новаго и чуждаго прежнему. Но связь съ культомъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и связью съ церковью, потому что въ ней только и живетъ первый во всей своей полнотѣ, потому что долгое историческое развитіе съ *нею* связало все магическое, лежавшее въ основѣ средневѣковой религіозности.

Однако съ церковью связывалъ не только культъ своими магическими сторонами и привычностью культовыхъ навыковъ. Церковь переплелась до неразрывности съ соціальной и политической жизнью. Мѣстный святой былъ покровителемъ города, и имя его становилось воинскимъ кличемъ; епископъ столь же политическимъ, сколь и духовнымъ вождемъ. Борьба партій другъ съ

другомъ переплеталась съ борьбою папства и имперіи, т.-е. съ *политически*-религіозной борьбой. Политическіе враги папства превращались въ еретиковъ, а еретики смѣшивались съ первыми. У каждаго цеха, у каждой мірской организаціи былъ свой святой покровитель. Основаніе «госпиталя», убѣжища для больныхъ, нищихъ и странниковъ разсматривалось какъ религіозное дѣло. И мелкіе житейскіе интересы связывали прихожанъ съ ихъ священникомъ, съ его храмомъ и съ его сожительницей. Поэтому, когда возникаетъ ересь, отвергающая церковь и нападающая на ея нравы, не вопросъ: «Почему этого не случилось ранѣе?» нуждается въ отвѣтѣ, а вопросъ: «Почему это все-таки случилось?» Въ связи съ церковью, ея культомъ и традиціонною религіозностью только и могутъ плодотворно быть изучены религіозныя движенія. Здѣсь я разсмотрю лишь главныя *морально*-религіозныя теченія XII-XIII в., оставляя въ сторонѣ мистическія, связь которыхъ съ культомъ гораздо очевиднѣе.

Церковь морально воспитывала массы, связывая эту сторону своей дѣятельности, какъ и всѣ остальныя, съ культомъ. Она заботливо взращивала и распространяла таинство покаянія, въ которомъ, иногда матеріализуясь въ видѣ индульгенцій, обнаруживалось таинственно очищающая душу благодать. Церковь охраняла тайну исповѣди, угрожая отлученіемъ болтливымъ клирикамъ; предусматривала, какихъ сторонъ долженъ касаться исповѣдующій, чтобы не упустить грѣха и въ то же время не подать повода къ соблазну; старалась проникнуть въ глубину души вѣрующаго, добраться до сокровеннѣйшаго и обновить грѣшника. Церковь все настойчивѣе проводила параллель между крещеніемъ и покаяніемъ, «вторымъ крещеніемъ», столь же, какъ и первое, необходимымъ для спасенія: вѣрила и убѣждала другихъ въ своей власти «вязать и разрѣшать». Она благостно шла навстрѣчу жаждавшимъ спасенія своими индульгенціями, пріурочиваемыми къ закладкамъ церквей, къ годовщинѣ ихъ основанія, къ праздникамъ. Никогда не забывала церковь о своихъ моральныхъ задачахъ, какъ бы низко въ нравственномъ отношеніи не падали отдѣльные ея представители, папы, епископы и клирики. Никогда не изсякала живая вода— никогда не умирало стремленіе къ моральному идеалу, все болѣе высокому, и къ моральному воспитанію клира и мірянъ. Устами своихъ проповѣдниковъ церковь призывала мірянъ къ покаянію и лучшей жизни, неутомимо отрицая тѣ стороны жизни, которыя противорѣчили идеалу христіанина: ростовщичество и неправедное стяжаніе, нравственную распущенность и суетное веселье. И пускай клиръ не могъ высоко и надолго подняться надъ моральнымъ уровнемъ эпохи, пускай клирики смѣшивались съ мірянинами и часто теряли запечатлѣнный на нихъ образъ Христа! Это не уничтожало морально воспитательной дѣятельности клира, а отдѣльные

святые и все вновь и вновь появляющіеся монастыри были, хотя бы первое время своего существованія, примѣрами истинно-христіанской жизни, видимымъ осуществленіемъ завѣтовъ Христа.

Монастыри влекли къ себѣ мірянъ и не могли удалиться отъ міра. Они брали на себя заботы о бѣдныхъ и странникахъ и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вмѣстѣ съ клиромъ морально воспитывали массы. Новой монастырь быстро превращался въ религіозный центръ окрестной мѣстности. Въ него приходили помолиться, побесѣдовать съ монахами многіе міряне; а когда стали появляться монастыри клириковъ (каноникаты), притягательная сила монашества еще усилилась. Къ премонстранскимъ монастырямъ тянутся толпы мірянъ, мужчинъ и женщинъ [1]). Многіе дѣлаются монахами; люди худородные и необразованные готовы стать слугами монастыря (конверзами), привлекаемые и мыслью о своемъ спасеніи и относительной, экономической обезпеченностью. Религіозно настроенныя женщины, какъ св. Марія изъ Уаньи (Oignies), съ раннихъ лѣтъ восхищаются однимъ видомъ монаховъ и хотятъ жить такъ же, какъ живутъ они, или по крайней мѣрѣ, въ мѣру силъ своихъ приблизиться къ этой святой жизни. Такія женщины, вдовы и дѣвушки, часто селятся около аббатства, посѣщаютъ его храмъ, руководятся совѣтами монаховъ. И условія жизни, въ частности въ Бельгіи, чрезвычайно способствовали дальнѣйшему развитію отмѣченнаго движенія. Постоянной оттокъ населенія въ св. Землю оставилъ много покинутыхъ мужьями женъ, много вдовъ и сирыхъ дѣвъ и часто матеріальное положеніе этихъ женщинъ было незавиднымъ. Религіозное чувство влекло ихъ къ монастырю, а сплоченіе въ организацію, заботу о которой принимали на себя монахи, давало имъ возможность жить, питаясь трудомъ рукъ своихъ и опираясь на монаховъ, сочетать религіозную жизнь съ возможностью спокойно существовать.

Въ концѣ XII, въ началѣ XIII вѣковъ въ Брабантѣ, въ діоцезѣ льежскомъ, а потомъ и въ окрестныхъ мѣстахъ возникаетъ рядъ женскихъ общежитій, часть которыхъ превращается въ женскіе монастыри, сливающіеся съ мужскими премонстранскими въ двойные, руководимые монахами. Но не всѣ религіозныя женщины вступали въ такія общежитія. Многія не могли покинуть своихъ мужей, и или жили по обоюдному согласію съ ними, какъ съ братьями, или же, соблюдая супружескій долгъ, выдѣлялись лишь большею своей религіозностью. Такимъ образомъ, только часть новаго теченія вошла въ русло монашеской жизни, но основной потокъ не утратилъ своей связи съ монастырями, къ которымъ примыкалъ съ самыхъ началъ своихъ, и съ тѣми женскими общежитіями, которыя выдѣлилъ. Съ другой стороны, премонстранцы

---

[1]) *I. Greven.* «Die Anfänge der Beginen». 1912.

скоро замѣтили, какъ вредно для монашеской дисциплины существованіе такихъ двойныхъ монастырей, какой соблазнъ они вызывали и какъ быстро падала строгость ихъ жизни, затемняя славу ордена. Они отказались отъ руководства движеніемъ, а вслѣдъ за ними и, смѣнившіе было ихъ, цистерціанцы. Такимъ образомъ значительная часть стремившихся къ религіозной жизни женщинъ и уже возникшихъ, но еще не слившихся съ мужскими общежитій, не успѣли монахизироваться и остались на порогѣ міра. Такъ въ первой четверти XIII в. появились «дома бегинокъ» — организаціи, въ которыхъ жили давшія обѣты безбрачія и бѣдности женщины и дѣвы, зарабатывавшія себѣ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ. Это были вполнѣ монашеско-подобныя общежитія, только не столь замкнутыя (возвращеніе въ міръ было возможно), скоро признанныя церковью и плѣнившія святостью жизни своей міръ. Въ нихъ такъ же, какъ и въ монастыряхъ, расцвѣла мистика, но они ближе, чѣмъ монахи и монахини, стояли къ міру: къ ведущимъ болѣе религіозную жизнь замужнимъ женщинамъ, вдовамъ и дѣвамъ, почему-либо не сплотившимся въ организаціи. Они заняли промежуточное положеніе между монастыремъ и міромъ, главнымъ образомъ, средними и низшими классами общества, а это, съ одной стороны, помогало ихъ вліянію на міръ, съ другой — открывало доступъ вліяніямъ на нихъ самихъ мірскихъ религіозныхъ и даже еретическихъ теченій.

Не случайно, что бегинки, быстро разсѣявшія свои дома по всей средней Европѣ, возникли въ тѣсной связи съ ортодоксальнѣйшимъ проявленіемъ католичества — монашествомъ. Передъ нами напряженное религіозное движеніе, совершающееся внутри церкви и стремящееся углубить въ рамкахъ церкви протекающую религіозную жизнь мірянъ. Идеалъ бегинокъ—оставаясь въ міру жить, какъ монахини—насквозь ортодоксаленъ. Ихъ святая, Марія изъ Уаньи, живетъ въ атмосферѣ культа и церковныхъ чувствованій и идей. Центръ ея религіозной жизни въ созерцаніи и переживаніи крестныхъ страданій Христа. «Его крестъ—твой крестъ; Его страданіе — твое страданіе», пишетъ, обращаясь къ ней, Яковъ изъ Витри. И вліяніе Маріи на міръ выразилось прежде всего въ обращеніи мірянъ къ болѣе религіозной жизни въ рамкахъ церкви. Бегинки жили культомъ, и ихъ любовь къ нему, связанность съ нимъ обращала на нихъ взгляды потрясенныхъ нападками еретиковъ на церковь клириковъ.

Еще ранѣе появленія бегинокъ въ Бельгіи въ Миланѣ мы наталкиваемся на подобное же движеніе [1]). Долгое моральное воздѣйствіе церкви на мірянъ и вызванное имъ морально-религіозное

---

[1]) *Л. Карсавинъ*. «Очерки религіозной жизни въ Италіи XII и XIII вѣковъ». СПБ., 1912.

развитіе самихъ мірянъ, наконецъ, обнаружилось съ полною ясностью. Низы миланскаго населенія, мелкіе ремесленники, кажется, возбужденные проповѣдями Бернарда Клервосскаго, рѣшили вести болѣе праведную и религіозную жизнь. Слитые религіознымъ подъемомъ, они объединились и внѣшне, собираясь на общія сходки для взаимнаго увѣщанія въ вѣрѣ и праведной жизни. Какъ и бегинки, они исполняли всѣ требованія церкви, принимали участіе въ ея культѣ, даже съ особеннымъ вниманіемъ и вѣрою относились къ нему; и ихъ болѣе праведная жизнь была жизнью, предписываемою церковью; только, можетъ-быть, по наивности своей, они болѣе буквально понимали иныя повелѣнія Евангелія, считая, напримѣръ, грѣхомъ всякую клятву. Но если даже это отрицаніе клятвы было плодомъ вліянія еретиковъ, оно не искажаетъ ортодоксальной природы миланскихъ «гумиліатовъ» (смиренныхъ). Ревность гумиліатовъ къ церкви доходила до того, что они самовольно брали на себя миссію борьбы съ еретиками словомъ убѣжденія. Впрочемъ, о томъ же мечтала и Марія изъ Уаньи. Съ 70-хъ годовъ XII в. изъ среды гумиліатовъ начали выдѣляться группы лицъ, желавшихъ еще далѣе уйти отъ міра и въ этихъ цѣляхъ образовавшихъ общежитія мужчинъ и женщинъ, разорвавшихъ узы брака или обрекшихъ себя на вѣчное дѣвство. Такія общежитія, часто состоящія только изъ мужчинъ, часто только изъ женщинъ, часто изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ были монашескоподобными организаціями, жившими доходами съ подаренныхъ имъ земель и милостынями религіозныхъ мірянъ. А такъ какъ среди гумиліатовъ было много суконщиковъ, въ «домахъ» ихъ продолжало существовать суконодѣліе, уже какъ коллективное предпріятіе. Благодаря, главнымъ образомъ, ему гумиліатскіе дома, въ началѣ XIII в. вмѣстѣ съ гумиліатами, оставшимися въ міру (терціаріями), утвержденные папою и быстро распространившіеся по Ломбардіи и Средней Италіи, достигли исключительнаго экономическаго процвѣтанія. Орденъ гумиліатовъ, совершенно мірская въ лицѣ своихъ терціаріевъ, полумірская—полумонашеская въ лицѣ своихъ домовъ, организація, еще болѣе выдвинулъ свою ортодоксальность, когда часть этихъ домовъ постепенно превратилась во общежитія клириковъ (такъ называемый «первый членъ ордена»). Такимъ образомъ на почвѣ мірского движенія выросла традиціонная монашеская организація, только болѣе близкая къ міру и его экономической жизни.

И гумиліаты и бегинки позволяютъ представить себѣ до нѣкоторой степени религіозно-моральныя, совершавшіяся въ церкви среди мірянъ, теченія, вмѣстѣ съ подъемомъ христіанской морали углублявшія религіозно-культовыя переживанія. Въ гумиліатскомъ движеніи замѣтнѣе, чѣмъ у бегинокъ, религіозный подъемъ остающихся въ міру. Но только *замѣтнѣе*, потому что онъ есть и въ

движеніи бегинокъ. Да и не у однѣхъ бегинокъ, а вездѣ. Всегда или очень уже давно всякій монастырь объединялъ окрестныхъ мірянъ и вызывалъ среди нихъ нѣкоторое религіозное движеніе, хотя бы и скоро замиравшее. Онъ связывалъ ихъ съ собою такъ же, какъ связывала мірянъ даннаго прихода ихъ приходская церковь. Новизна движеній XII—XIII вѣковъ не въ этомъ, а въ томъ, что они шире, глубже и длительнѣе, что повышеніе религіозности мірянъ не замираетъ, не приведя къ прочнымъ результатамъ, а создаетъ и внѣшнюю связь ихъ другъ съ другомъ, организацію. Иногда иниціатива такой организаціи исходитъ отъ монастыря или ордена, иногда—отъ самихъ мірянъ. Но въ обоихъ случаяхъ въ основѣ лежитъ одинъ и тотъ же фактъ подъема религіозности и морально-религіозныхъ потребностей.

Труднѣе уловить связь съ церковью, ея традиціей и культомъ въ наиболѣе характерныхъ для XII — XIII в. ортодоксальныхъ и еретическихъ движеніяхъ. Вниманіе и историковъ и источниковъ привлечено новыми ихъ чертами, а общее съ религіозною традиціей остается въ тѣни. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается связь новыхъ теченій съ религіозностью церковной, ортодоксальной, и, кромѣ того, даже само новое оказывается выросшимъ внутри церкви, въ охарактеризованной выше атмосферѣ и въ тѣснѣйшей связи съ нею. Въ то время, какъ нарастали вышеописанныя явленія, религіозность правящей церкви претерпѣвала существенныя видоизмѣненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственно развивалась и религіозность мірянъ. Аскетическій идеалъ ранняго средневѣковья былъ только однимъ изъ возможныхъ пониманій христіанства, возникшимъ уже въ первые моменты распространенія новаго ученія въ греко-римскомъ мірѣ. Ученики Христа, апостолы, были и аскетами, и нищими странниками-проповѣдниками Евангелія. Аскетическая сторона христіанства была усвоена и развита монашествомъ, превратившимся въ совокупность *осѣдлыхъ* организацій и такимъ образомъ нѣсколько иначе, ограниченнѣе понявшимъ ранній аскетическій идеалъ. И еще болѣе того: стремясь къ своему спасенію путемъ умерщвленія плоти и мистики, монахи удовлетворились *формальнымъ* соблюденіемъ бѣдности, потому что *реально* за стѣнами богатаго монастыря они не были бездомными и нищими учениками Христа. Это не мѣшало имъ вполнѣ искренно считать себя истинными учениками Сына Божія, послѣдователями, подражателями Его. Клиръ наслѣдовалъ отъ апостоловъ и Христа только учительство, пастырство, исповѣдуя, проповѣдуя и совершая таинства. Но онъ не подражалъ аскетической жизни апостоловъ даже въ той степени, въ какой это дѣлали монахи. Онъ слился съ міромъ, вошелъ въ него, не теряя своей таинственной, сакраментальной силы. И это «обмірщеніе» клира особенно рѣзко выступало въ моментъ подъема аскетическаго идеала, когда появлялись все

новыя монашескія организаціи и усиливалась строгость монастырской жизни въ неустанномъ стремленіи къ далекому идеалу. Обмірщеніе церкви вступало во все болѣе очевидное для нея самой противорѣчіе съ ея же собственными религіозно-моральными задачами воспитанія міра.

Лучшіе представители клира всегда стремились къ возможно праведной жизни, къ возможно полному и точному соблюденію предписаній Христа. Они хотѣли видѣть чистыхъ служителей церкви, невѣсту Христову «безъ пятна и морщины»; они скорбѣли надъ обмірщеніемъ монашества, надъ грѣховностью значительной части клира. А такъ какъ вышеуказанное аскетическое пониманіе христіанства было господствующимъ, идеалъ *жизни* клира совпадалъ съ идеаломъ монашескимъ; и преобразованіе клира, обновленіе церкви, страстно осуществляемое папами XI и XII вѣковъ было ничѣмъ инымъ, какъ монахизаціей клира. Клирики, не оставляя своей основной задачи, завѣщанной имъ Христомъ «заботы о душахъ», старались жить по-монашески, вновь соединить разъединенныя уже съ давнихъ поръ «апостольскую» жизнь и «апостольскую» дѣятельность. Клирики сплачивались въ монашескія организаціи, основывали такъ называемые каноникаты. Каноники казались настоящими наслѣдниками Христа и по жизни, и по дѣятельности. Они сами считали и называли себя таковыми. Но, какъ ни твердо вѣрили монахи и каноники въ апостольство своей жизни, они не могли преодолѣть сознанія *реальнаго* различія между собою и апостолами; и стремленіе къ подражанію Христу и Его ученикамъ заставляло стремиться все дальше, къ полному воспроизведенію идеала, а Евангеліе, несмотря на всяческія толкованія, останавливало мысль на неосуществленности желаннаго. Мы видимъ, какъ основатели новыхъ орденовъ неперерывъ другъ съ другомъ стремятся къ полной бѣдности, къ безграничному самоотреченію, какъ все чаще и чаще появляются аскеты, ведущіе бездомную и нищую жизнь, пока сила традиціи и потребность въ сочетаніи новаго идеала съ привычными стремленіями къ уединенному созерцанію и традиціонной формѣ общежитія не вгоняетъ ихъ въ старое русло.

Такимъ образомъ къ XII вѣку внутреннее развитіе религіозности высшихъ слоевъ церкви привело къ болѣе отчетливому и ясному пониманію идеи подражанія Христу и апостоламъ, выдвинуло идеалъ апостольства и постаралось его осуществить въ лицѣ отдѣльныхъ аскетовъ и канониковъ. А сообразно съ этимъ видоизмѣнился и самъ идеалъ правящей церкви, и началась борьба за него. И въ силу связи мірянъ съ церковью, въ силу единства религіозной природы и религіозной жизни всего общества естественно, что описанная эволюція религіозности не ограничивалась клиромъ, а совершалась и въ средѣ мірянъ. И это сознаніе внутренняго единства клира съ пасомыми было живо и сильно въ средѣ правящей

церкви. Поэтому она и повѣряла свои идеалы и надежды міру, стремясь въ мірянахъ найти помощь въ борьбѣ за свои идеалы. И когда руководимая Григоріемъ VII церковь, желая реформировать клиръ, ищетъ поддержки въ обществѣ, она не только пытается использовать разладъ высшаго и болѣе близкаго къ массамъ низшаго клира, не только старается опереться на борьбу вальвассоровъ съ феодальной знатью: она изображаетъ массамъ свой идеалъ, и не даромъ хронистъ влагаетъ въ уста миланскаго реформатора Аріальдо слѣдующія рѣчи: «Христосъ восклицаетъ: учитесь у Меня, потому что нѣженъ я и смиренъ сердцемъ. И еще говоритъ Онъ о Себѣ: Сыну человѣческому некуда приклонить голову. И еще: блаженны нищіе духомъ, ибо имъ принадлежитъ царство небесное». Но если даже въ самомъ воспитанномъ на традиціонныхъ воззрѣніяхъ и традиціонномъ строѣ жизни клирѣ мы замѣчаемъ стремленіе къ болѣе строгому и буквальному пониманію новаго идеала, тѣмъ болѣе воспламеняемыя имъ и наивно склонныя буквально понимать слова Евангелія массы должны были понимать его ярко и просто. И отдѣльные аскеты, клирики или міряне, основатели монастырей «пустыней» или каноникатовъ, хоть временно, но близко подходили къ его осуществленію. А чѣмъ сильнѣе захватывалъ новый идеалъ, чѣмъ ярче онъ рисовался, чѣмъ рѣзче партія реформы нападала на своихъ же собратьевъ, обмірщившихся клириковъ, тѣмъ скорѣе появлялось въ душѣ мірянина и тѣмъ быстрѣе росло подозрительное и отрицательное отношеніе къ клиру. Причинъ быть имъ недовольнымъ было и безъ того достаточно. Вѣдь церковь сплела свою жизнь съ политическою жизнью, а интересы города часто расходились съ интересами епископа. Вѣдь клирики обмірщились, а епископъ-магнатъ не менѣе любого магната-мірянина вызывалъ возмущеніе своимъ насильничествомъ. Вѣдь на каждомъ шагу могли возникать и возникали мелкія, но раздражающія, чисто житейскія разногласія съ клириками. Теперь же это житейское, соціальное и политическое недовольство получало принципіальное обоснованіе, и, что особенно важно, нападки исходили отъ представителей самой же церкви или ея союзниковъ. Тотъ же Аріальдо говорилъ: «Посмотрите, ваши священники богаты земными благами, возвышаются, строя башни»—ненавистный символъ мощи магната—«и дома, величаются почестями, красуются мягкими и нѣжными нарядами. Посмотрите, они, точно міряне, явно живутъ со своими женами, блудодѣйствуютъ, какъ распутники. Они тѣмъ усерднѣе дѣлаютъ это, чѣмъ меньше подавлены земнымъ трудомъ, живя даромъ Божьимъ». Такъ искуснымъ демагогическимъ пріемомъ увлекаетъ Аріальдо тяготящихся десятинами мірянъ. Могутъ ли массы довѣриться «слѣпымъ поводырямъ» послѣ того, какъ сами

папы отрицаютъ дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ священниками-прелюбодѣями?

Натравливая мірянъ на клириковъ—противниковъ реформы, вселяя въ массы вмѣстѣ съ новымъ идеаломъ осужденіе клира, церковь достигла многаго: нѣсколько поднялась морально. Она поняла, что дальше итти было трудно и даже невозможно, что полное осуществленіе апостольскаго идеала можетъ быть удѣломъ отдѣльныхъ лицъ, но недостижимо для всего града Божьяго на землѣ. Однако вызванное ею движеніе остановить было нелегко, и, когда руководители церкви отказались отъ недосягаемаго, это движеніе частью выразилось въ печальныхъ вздохахъ о далекихъ временахъ ранней церкви, частью обратилось противъ самой церкви. Въ половинѣ XII в. Арнольдъ Брешьянскій продолжалъ дѣло Аріальдо и Григорія VII, такъ же, какъ и они, стремясь найти опору въ революціи вальвассоровъ и въ массахъ. Но времена перемѣнились, и онъ самъ, и его ученики сдѣлались еретиками, вопреки ихъ собственному желанію и внутренней ихъ ортодоксальности отвергнутыми отъ церкви. Арнольдъ яркими красками живописалъ раннюю святую церковь, къ идеаламъ которой отъ думалъ, хотя бы путемъ насилія, возвратить современную. Арнольдъ вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла и во имя обновленной церкви отвергалъ папу, «мужа крови», грѣшныхъ клириковъ и ихъ таинства. Онъ палъ, и разсѣявшіеся по Ломбардіи арнольдисты уже не могли надѣяться на побѣду, но отрицаніе церкви осталось и даже усилилось. Арнольдисты не хотѣли исповѣдываться у грѣшныхъ прелатовъ, предпочитая взаимную исповѣдь, не хотѣли вѣрить въ таинства, совершаемыя «служителями антихриста», и въ то же самое время не могли обойтись безъ нихъ, не могли разорвать съ традиціей и культомъ. Бросаясь изъ стороны въ сторону — то къ ереси, то къ церкви — они искали и не находили выхода. А вмѣстѣ съ ними ту же трагическую коллизію идеала съ традиціей переживали широкіе слои массъ. Какъ въ микрокосмѣ отражается въ арнольдизмѣ религіозная жизнь эпохи.

Многіе задумывались надъ дѣйствительностью таинствъ грѣшнаго клира. Папы уже опять признавали ихъ, но массы были послѣдовательнѣе. Невольно возникала мысль о томъ, что только клирики-апостолы могли быть магическими спасителями, и зарождалось подозрѣніе, что римская церковь не истинная, а папа—антихристъ, что коварный дьяволъ овладѣлъ церковью и пытается погубить міръ. Моральный идеалъ ослѣпляетъ, и временами кажется, что одна святая жизнь можетъ дать магическую силу, а въ то же время не вѣрится въ пустоту сакраментальныхъ формулъ, дающихъ магическую благодать клирику, и нѣтъ силъ разорвать съ культомъ. Разумѣется, въ однихъ религіозно-моральное чувство и вызываемое имъ отрицаніе клира ослабляло связь съ церковью

и ея жизнью, въ другихъ традиціонная привязанность къ культу и церкви заглушала религіозно-моральные протесты. Но понятно, что для многихъ привлекательны были ожившіе на западѣ уже въ XI в. манихеи, извѣстные подъ именемъ катаровъ. Суровые аскеты, чуждавшіеся всякаго общенія съ женщинами, не вкушавшіе мяса, не пившіе вина, нищіе странники, поражавшіе сдержанною печалью своего блѣднаго изможденнаго лица, катары казались истинными наслѣдниками апостоловъ. Они провозглашали безусловную необходимость крайней аскезы для спасенія и возбужденно нападали на Римъ, ярко и гнѣвно выражая волнующія массы мысли. Они смѣло говорили, что римская церковь не истинная церковь, и противопоставляли ей свою церковь, преемственно связанную съ апостольской. Ихъ ученіе было дуализмомъ, разсматривавшимъ всю земную жизнь, какъ борьбу съ добрымъ Богомъ противъ злого. И этотъ дуализмъ, всегда жившій въ католичествѣ и религіозномъ сознаніи массъ, не отталкивалъ, а влекъ къ катаризму. Катары не были христіанами, но для простого мірянина, имѣвшаго весьма смутныя представленія о догматикѣ, было безразлично, какой смыслъ или какая догма вкладывается въ тѣ же самыя слова Священнаго Писанія; онъ одинаково могъ принять и еретическое, и католическое истолкованіе. Вскрыть противорѣчія манихейской и католической догмъ и доказать истинность второй могъ только образованный человѣкъ, и только для него это было важно и интересно. А если клирики указывали на чудовищную еретичность ученія катаровъ и старались разъяснить это мірянамъ, то и катары дѣлали то же по отношенію къ ученію церкви въ своихъ бесѣдахъ и диспутахъ съ католиками, изъ которыхъ нерѣдко выходили побѣдителями. А симпатіи и довѣріе мірянъ часто были на сторонѣ еретиковъ, потому что ихъ жизнь согласовалась съ христіанскимъ ученіемъ. И клирики, и катары считали себя истинною церковью. Кому же вѣрить, тѣмъ ли, кто забылъ моральные завѣты Христа, или тѣмъ, кто жилъ и училъ жить, какъ апостолы? Понятенъ поэтому и естественъ успѣхъ катаризма, понятенъ ростъ его «вѣрующихъ», отдававшихся духовному руководительству еретиковъ такъ же, какъ прежде отдавались они клиру.

Но за католичествомъ стояла традиція—преданіе отцовъ и культъ. Съ католичествомъ связывали мірянина магическія и мистическія потребности. Съ ними, казалось, разрывалъ катаризмъ.—Не вполнѣ, потому что и у катаровъ былъ свой культъ, свой ритуалъ богослуженія. У нихъ были свои таинства: таинственное, превращающее человѣка въ «святого» рукоположеніе («утѣшеніе»), дарующее Духа Святаго. Но катаризмъ ничѣмъ не могъ замѣнить тѣхъ сторонъ католическаго культа, которыя были наиболѣе необходимы. Онъ не могъ и не хотѣлъ магически влiять на окружающій міръ, таинствами и культовыми актами бороться съ природой, бѣдствіями

и болѣзнями. И сверхъ того противъ него и за католичество была вѣковая привычка къ *католическому* культу, къ знакомымъ обрядамъ, иконамъ и храму. Противъ него была связанность церкви съ жизнью, крѣпкая и запутанная, какъ Гордіевъ узелъ. Поэтому даже для примыкающихъ къ катаризму мірянъ церковь не теряла всего своего значенія: «вѣрующій» катаровъ фактически не отказывался отъ всего католическаго культа, сочетая приверженность къ еретикамъ съ вульгарнымъ католицизмомъ, или тосковалъ по оставленной церкви. Объединяемые катарами ихъ «вѣрующіе» во многомъ напоминающіе католиковъ - терціаріевъ, внутренно были ближе къ церкви, чѣмъ казалось съ перваго взгляда, и этимъ объясняется непрочность блестящихъ успѣховъ катаризма.

На ряду съ людьми, стремившимися отрясти отъ ногъ своихъ прахъ грѣшной церкви и съ неясной надеждой гоняющимися за неосуществимой для нихъ надеждой жить и спастись внѣ католицизма, были и такіе, которые пытались спастись въ лонѣ самой церкви. Не поддаваясь искушенію осудить церковь и еретическимъ вліяніямъ, начали свою жизнь первые бегинки и гумиліаты. Но и тѣ, и другіе сравнительно мало затронуты новыми идеалами жизни, умѣренны и традиціонны въ своихъ задачахъ и жизни. А между тѣмъ все большее знакомство мірянъ со Священнымъ Писаніемъ изъ устъ клира, изъ устъ бродячихъ аскетовъ — кто знаетъ, еретиковъ или ортодоксовъ? — посредствомъ переводовъ его на мѣстные языки, частью принадлежащихъ клирикамъ, приближало мірянъ къ евангельскимъ идеаламъ. Самъ клиръ былъ зараженъ (и ранѣе, чѣмъ массы) тѣмъ же настроеніемъ. Онъ умѣлъ примирять идеалъ съ традиціонною жизнью, и благодаря этому обычно было противорѣчивое сочетаніе традиціонной жизни и крайняго идеала. А такое сочетаніе давало возможность клирику искренно призывать къ полному подражанію Христу, къ полной бѣдности и самоотреченію. Но, тогда какъ ученый клирикъ могъ *традиціонно* понимать завѣты Христа, мірянинъ понималъ слова того же клирика буквально, и тому же буквальному пониманію способствовали еретики и знакомство съ Евангеліемъ немудреннаго простеца. Святая жизнь—бѣдность и странничество, слѣдованіе за Христомъ въ самомъ буквальномъ, простомъ пониманіи становилось идеаломъ XII—XIII вѣка. А подражаніе Христу включало въ себя и духовную помощь собратьямъ, потому что всѣмъ слѣдующимъ за Нимъ, а не только клирикамъ, повелѣлъ Господь проповѣдывать покаяніе. Такъ вырастаетъ идеалъ *мірянина*-апостола, вырастаетъ и начинаетъ осуществляться отдѣльными аскетами, мірянами, разрывающими съ міромъ. Онъ не стоитъ въ противорѣчіи съ церковью: мірянинъ хочетъ, оставаясь вѣрнымъ ея сыномъ, исполнить завѣтъ Христа, быть совершеннымъ. Но онъ *можетъ* сочетаться

съ нападками на церковь въ этотъ вѣкъ злобныхъ нападокъ на Римъ, если тому благопріятствуютъ условія.

Богатый ліонскій купецъ Вальдъ глубоко задумался надъ «стихомъ» прохожаго пѣвца «объ Алексіи, человѣкѣ Божьемъ». Онъ сталъ разспрашивать у знакомаго священника о томъ, какъ лучше всего спастись, и узналъ завѣтъ, данный Христомъ юношѣ: «Если хочешь быть совершеннымъ, раздай все свое имущество бѣднымъ и иди за Мной». Вальдъ такъ и поступилъ. Оставивъ часть имущества женѣ и помѣстивъ дочерей своихъ въ женскій монастырь, онъ роздалъ все, что у него осталось, бѣднымъ, а самъ сталъ жить подаяніемъ. Все болѣе знакомясь со священнымъ писаніемъ, которое переводили ему знакомые клирики на мѣстный языкъ, Вальдъ почувствовалъ, что долженъ помочь спастись и другимъ. Онъ сталъ проповѣдывать, призывая всѣхъ къ болѣе праведной жизни, къ «покаянію», проповѣдывать такъ же, какъ дѣлали до него и многіе другіе, въ храмахъ или на улицахъ и площадяхъ. Къ Вальду присоединились мужчины и женщины — число ихъ все увеличивалось, — начавшіе вести ту же странническую и нищую жизнь, бродя по городамъ и селамъ, ночуя, гдѣ Богъ пошлетъ, питаясь милостыней, проповѣдуя Евангеліе Царствія Божія мірянамъ. И если даже еретики-катары привлекали къ себѣ многихъ, тѣмъ болѣе понятно, что «ліонскіе бѣдняки», старавшіеся жить, какъ апостолы, и въ то же время добрые католики, достигли не меньшихъ успѣховъ. Для мірянъ они стали руководителями религіозно-моральной жизни, которыхъ раздраженные противорѣчіемъ жизни клира съ Евангеліемъ слушали охотнѣе, чѣмъ священниковъ или епископовъ. Около вальденсовъ начали собираться «вѣрующіе».

По природѣ своей вальденство глубоко ортодоксальное движеніе, что, конечно, не исключаетъ присутствія въ немъ и людей, негодующихъ на нравы клира и, можетъ быть, даже старающихся словомъ увѣщанія улучшить нравы церкви. Но, тѣмъ не менѣе, вальденсы стали еретиками. Это произошло вопреки ихъ природѣ и ихъ желанію. Какъ разъ въ моментъ ихъ появленія (70-е годы XII в.) церковь вела упорную и—казалось ей—опасную борьбу съ еретиками. Она вездѣ сталкивалась съ «незваными проповѣдниками» — мірянами, нападавшими на клиръ, подрывавшими довѣріе къ нему и иногда отвергавшими саму церковь. Каждый начинающій проповѣдывать мірянинъ былъ опасенъ: человѣкъ необразованный, онъ легко могъ впасть въ ересь и увлечь за собою другихъ, онъ не могъ, какъ слѣдуетъ, понять Евангеліе и извлекалъ изъ него что-то несоотвѣтствующее католическимъ догмамъ. Допускать проповѣдь мірянъ значило разрушать догматическую традицію и открывать дорогу религіозной анархіи. Папы и князья церкви чувствовали обаяніе идеала апостольской жизни. Римская

курія могла допустить и даже одобрить *жизнь* вальденсовъ, но она не могла безъ опасенія смотрѣть на проповѣдь людей, не знающихъ, какъ слѣдуетъ, ученія церкви, не могла терпѣть, чтобы міряне указывали клиру, какъ учить. Они съ боязнью смотрѣли на симпатіи массъ къ «новымъ апостоламъ«, на симпатіи, отвлекающія отъ матери-церкви, рождающія «соблазнъ». А мѣстный клиръ на себѣ несъ всѣ послѣдствія увлеченія вальденсами: отъ него отворачивались міряне, не ему, а вальденсамъ давали милостыню. Такимъ образомъ создалось чрезвычайно напряженное и опасное положеніе. У церкви былъ только одинъ выходъ изъ него — запрещеніе вальденсамъ проповѣдывать. Она это и сдѣлала, и передъ вальденсами встала проблема: подчиниться ли церкви и, оставшись вѣрными ея сынами, забыть повелѣніе Христа, или же «слѣдуетъ Богу повиноваться болѣе, чѣмъ человѣку?» Они избрали послѣднее и этимъ самымъ вступили на путь борьбы съ клиромъ. Ихъ влеченіе къ апостольской жизни окрасилось раздраженіемъ на новыхъ фарисеевъ, они невольно стали сближаться съ другими еретиками, можетъ-быть, не всегда разбирая, у еретиковъ или только у раздраженныхъ клиромъ католиковъ почерпаютъ они аргументы, формулы нападокъ и толкованія текстовъ священнаго писанія, изученіе котораго все продолжалось. И этотъ процессъ разрыва съ Римомъ усилился и обострился, когда въ 1184 г. Римъ объявилъ вальденсовъ еретиками. Такъ изъ ортодоксальнаго теченія вальденство сдѣлалось теченіемъ оппозиціоннымъ. Но оппозиціонность не заставила его отказаться отъ своей католической природы. Вальденсы, твердо отстаивая свое право на проповѣдь, непрерывно впитывая и создавая еретическія ученія, старались сохранить связь съ церковью, уже отвергшею ихъ. Они стремились оправдать принятіе таинствъ изъ рукъ грѣшнаго клира, хотя и сами, какъ апостолы, считали себя въ правѣ его совершать. Они не отрицали огуломъ всей церкви и отвергали только частности ея культа.

Но мало-по-малу оппозиціонное настроеніе вальденсовъ, особенно итальянской ихъ вѣтви, возрастало, и борьба съ церковью приводила къ усиленію ихъ самосознанія. Съ 20-хъ, 30-хъ годовъ XIII вѣка вальденсы приходятъ къ созданію собственной организаціи, къ сознанію себя церковью, которую, какъ истинную, противопоставляютъ римской. Но не надолго, потому что большинство ихъ уже къ концу XIII в. опять признаетъ Римъ, разсматривая себя, какъ іерархію, параллельную католической, но ее не исключающую. «Вѣрующіе» же вальденсовъ отдалялись отъ церкви и ея культа еще менѣе, чѣмъ вѣрующіе катаровъ. Послѣ недолгаго періода религіознаго радикализма и мечтаній, и попытокъ создать собственную церковь вальденсы возвращаются къ своимъ началамъ, превращаясь въ духовныхъ отцовъ своихъ вѣрующихъ. Они признаютъ себя обладателями *правъ* клира, но почти не осуществляютъ

эти права и признаютъ и римскую церковь, и ея клиръ. Ортодоксальная природа «невольныхъ еретиковъ» обнаруживается съ полною ясностью. Не враги церкви ученики Вальда, а блудные сыновья, мечтающіе о возвращеніи подъ родительскій кровъ.

Многіе изъ этихъ блудныхъ сыновей дѣйствительно возвратились въ церковь. Въ началѣ перваго десятилѣтія XIII в. группа вальденсовъ вернулась изъ «блевотины ереси». Папа Иннокентій принялъ ихъ съ радостью и разрѣшилъ имъ то, чего не хотѣла курія разрѣшить Вальду 35 лѣтъ тому назадъ, — проповѣдь. Предусмотрительно проповѣдническая дѣятельность новыхъ «католическихъ бѣдняковъ» была обставлена извѣстными условіями, ограничена моральными задачами и обличеніемъ еретиковъ. Сами бѣдняки, а потомъ и послѣдовавшая ихъ примѣру группа итальянскихъ вальденсовъ, были превращены въ конгрегацію. Но какъ бы то ни было, а церковь признала возможнымъ сочетаніе апостольской жизни съ проповѣдью, противопоставила вальденсамъ католическихъ апостоловъ. Римъ руководится не только сочувствіемъ новому идеалу мірянъ, возможность обезопасить который онъ нашелъ средства, а и совершенно практическими задачами. Присутствіе въ церкви представителей увлекавшаго массы идеала подымало моральный ея вѣсъ. Борьба съ ересью католиковъ-апостоловъ была морально убѣдительнѣе.

Перемѣна отношенія церкви къ религіозной иниціативѣ мірянъ въ сферѣ «апостольской дѣятельности облегчила первые шаги новыхъ организацій, подобныхъ вальденской, хотя она и не могла вернуть въ церковь уже далеко ушедшихъ еретиковъ, особенно же тѣ группы ихъ, которыя по самой природѣ своихъ «совершенныхъ» и «вѣрующихъ» сравнительно слабо были связаны съ церковью и увлекались далѣе развитіемъ своей догмы и мистики. Ересь потеряла значительное количество своихъ приверженцевъ, притокъ въ нее уменьшился, и религіозное теченіе повернуло опять въ сторону церкви или уже не выходило за ея предѣлы. Но совершенно исчезнуть ни катаризмъ, ни частью подвергшееся его вліяніямъ вальденство не могли. Вѣдь у нихъ тоже уже создалась нѣкоторая тридиція; вѣдь разъ отвергнувъ церковь и ужаснувшись ея несоотвѣтствія съ Евангеліемъ, они не могли сразу измѣниться и забыть себя, тѣмъ болѣе, что преслѣдованія поддерживали боевое настроеніе. Еретики продолжали свою дѣятельность какъ бы по инерціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ религіозныя пріобрѣтенія не исчезли, а вошли въ религіозный фондъ массъ, неуловимо слились съ ихъ религіозностью, отравивъ ересью ортодоксальность, но въ то же время не сознаваемыя, какъ ересь.

Религіозное движеніе, вызвавшее къ жизни вальденсовъ и въ связи съ другими условіями извергшее ихъ изъ церкви, не остановилось. Оно продолжалось, какъ и ранѣе, внутри церкви, но

благодаря измѣнившимся обстоятельствамъ могло не покидать ее. А благодаря этому яснѣе обнаруживается связь его съ ортодоксальностью, съ культомъ и традиціей церкви. Уже давно обращали вниманіе на сходство вальденства и францисканства. Какъ Вальдъ, такъ и Францискъ подражали Христу, жили по-апостольски и проповѣдывали покаяніе. Но на сколько ортодоксальнѣе Францискъ! Его превращеніе въ апостола кажется послѣднимъ моментомъ органическаго роста традиціонной религіозности. Не внезапныя угрызенія совѣсти заставили его оставить міръ и начать проповѣдь. Францискъ по существу своему глубоко религіозная натура. И ростъ его религіозности прежде всего выражается въ любовныхъ заботахъ о храмахъ и культѣ, въ прилежномъ посѣщеніи ихъ и страстныхъ молитвахъ, съ которыми соединяется мистическое стремленіе къ Божеству и заботы объ отверженныхъ. Не ясное предписаніе Іисуса заставляетъ Франциска избрать себѣ нищую жизнь, а напряженное переживаніе всей униженности Спасителя и вызванное этимъ переживаніемъ стремленіе подражать Ему. Не черезъ самоотверженіе приходитъ онъ ко Христу, а черезъ Христа къ самоотверженію. Поэтому въ новый свой идеалъ онъ вноситъ съ гораздо большею полнотою, чѣмъ Вальдъ, все традиціонное и любимое, съ дѣтства неразлучное съ образомъ Христа. Ставъ апостоломъ, главою братства и потомъ ордена, Францискъ ни на минуту не забываетъ культа, а, напротивъ, все время оживляетъ его своею мистикою. Онъ представляетъ себѣ Христа, нисходящаго въ руки священника, добровольно унижающаго себя ради насъ. Наполняющее трепетомъ міръ и исторгающее сладостныя слезы любви присутствіе Божества на алтарѣ и въ храмѣ гонитъ всякія мысли о грѣховности прелата. — Вѣдь всѣ мы грѣшники, и святость—даръ Божій. И можетъ ли унизить наша грѣховность самоуничижающееся Божество? И могутъ ли имѣть какое-нибудь значеніе различія, степени грѣховности предъ безконечною святостью благого Іисуса? И развѣ подражать Ему не значитъ быть смиреннымъ? А смиренъ только тотъ, который все хорошее въ себѣ приписываетъ Богу и, слѣдовательно, не можетъ осуждать другого, потому что осудить значитъ горделиво приписать себѣ даръ Божій. Вѣками воспитанная, привычная и необходимая связь съ культомъ, любовь къ нему сливаются со своеобразнымъ пониманіемъ новаго идеала, исключающимъ возможность удаленія отъ церкви. Религіозный геній Франциска впервые даетъ синтезъ новаго идеала и ортодоксальной религіозности, обнаруживаетъ родство перваго со второй,—родство, затемненное движеніями конца XII и самаго начала XIII вѣковъ.

Братство Франциска не менѣе его самого и самыхъ ближайшихъ его учениковъ является внутри-церковнымъ явленіемъ. Руководимые серафическимъ отцомъ, братья, проповѣдуя и наставляя

мірянъ, съ исключительнымъ уваженіемъ относились къ священникамъ и учили всѣхъ благоговѣйно цѣловать руки, «державшія тѣло Христово». Первоначальнымъ центромъ объединенія была маленькая церковь около Ассизи. И ортодоксальная природа братства вмѣстѣ съ благожелательнымъ отношеніемъ къ нему Рима, скоро взявшаго въ свои руки все руководство движеніемъ, обезпечила притокъ религіозныхъ мірянъ и клириковъ. Къ 20-мъ годамъ братство расширилось и растеклось по Италіи и Европѣ, превратилось въ признанный церковью орденъ. Внутри его выдѣлились братья-проповѣдники, учителя, главнымъ образомъ, клирики, а масса братьевъ проповѣдывала только примѣромъ своей святой жизни. Изначально ортодоксальное братство подъ опытнымъ руководствомъ церкви все болѣе крѣпло и превращалось въ послушное и цѣнное орудіе куріи, тѣснѣе прежняго связывавшее міръ съ церковью.

Клирики вступали въ орденъ св. Франциска. Они руководились при этомъ не только желаніемъ послужить въ немъ на пользу церкви, а и глубокимъ увлеченіемъ новымъ идеаломъ. Ихъ влеченіе къ Франциску показываетъ, что и въ правящей церкви жили тѣ же религіозные идеалы, что и въ массахъ, объясняетъ перемѣну въ отношеніи церкви къ мірянамъ-апостоламъ. Поэтому и орденъ св. Доминика—не только дѣло тонкаго и холоднаго расчета, желанія противопоставить апостоламъ-еретикамъ апостоловъ-клириковъ.—Успѣхъ доминиканства вызванъ тѣми же причинами, какъ и успѣхъ еретическихъ теченій. Одни и тѣ же религіозные идеалы движутъ всю церковь сверху и донизу.

Изученіе церковнаго культа и протекающей внутри церкви религіозной жизни мірянъ,—жизни повседневной и обыденной, приводитъ къ пониманію единства религіозной природы всего общества и глубокой ортодоксальности этой природы. При внимательномъ взглядываніи въ самыя незамѣтныя и утомительныя своимъ однообразіемъ явленія становится понятнымъ въ высокой степени присущій массамъ инстинктъ ортодоксальности, не исчезающій, несмотря на всю видимую догматическую путаницу, несмотря на рѣзкія нападки на церковь. И наблюдаемый въ XII и XIII вѣкахъ религіозно-моральный подъемъ естественно прежде всего и больше всего выражается внутри церкви. Обратное утвержденіе, усматривающее его въ ереси, объясняется иллюзіей. Оглушенные крикомъ и шумомъ борцовъ съ ересью, ослѣпленные *кажущеюся* новизною выраженныхъ въ ереси идей, историки не обращаютъ вниманія на менѣе замѣтныя, но болѣе широкія и глубокія движенія въ церкви. Никто не слѣдитъ за поразительнымъ ростомъ монастырей. Только недавно стали изучать мірскія религіозныя организаціи ради пониманія ихъ значенія для познанія жизни церкви, а не въ цѣляхъ поставить ихъ въ связь съ ересью. Между тѣмъ съ 20-хъ годовъ XIII в. такія терціарскія организаціи растутъ не по днямъ,

а по часамъ, появляются вездѣ, обнаруживая глубокое умѣренно-моральное, но могучее движеніе въ широкихъ слояхъ общества. Если отвлечься отъ преувеличеній полемистовъ и героизма мучениковъ ереси, невольно склоняющаго къ преувеличенію ея значенія, и обратить вниманіе на подъемъ ортодоксальной религіозности: на развитіе культа, умноженіе чудесъ, мощей и реликвій, на ростъ терціаріевъ и монастырей, — еретическія движенія покажутся слабыми и неглубокими.

А это впечатлѣніе еще усиливается при разсмотрѣніи взаимоотношенія между ересью и церковью. Новые идеалы появляются и вырастаютъ въ глубинѣ ортодоксіи, и еретическія движенія оказываются только отсѣченными церковью побѣгами ея же собственной религіозности. Оттого-то и возникаютъ все новыя секты, что движется и развивается ортодоксальная религіозность, создавая новое, приходящее въ столкновеніе со старыми элементами ея. Даже отверженіе церкви вызывается самою же церковью, остановившеюся на своемъ пути ранѣе созданнаго ею движенія. И лишь только церковь находитъ въ себѣ силы къ болѣе широкому пониманію религіознаго идеала, лишь только она достигаетъ синтеза новаго со старымъ, какъ ересь быстро падаетъ и ослабѣваетъ. Правда, не исчезаетъ совсѣмъ. Но это происходитъ потому, что движенія, ставшія противоцерковными, успѣли пріобрѣсти нѣкоторую инерцію, а съ другой стороны, цѣликомъ осуществить новый идеалъ церковь не могла. Она его традиціонализировала и ассимилировала, синтезируя со старымъ. Въ силу вполнѣ естественныхъ причинъ нищенствующіе ордена обмірщились, какъ обмірщались и ереси, а это способствовало возникновенію новыхъ религіозныхъ теченій, какъ вызванная нищенствующими орденами и ихъ дѣятельностью ересь Сегарелли, при Дольчино сплетшаяся съ соціальными движеніями. Однако не въ этихъ послѣднихъ проявленіяхъ апостольскаго идеала характерная черта новыхъ еретическихъ движеній, а во все усиливающейся мистикѣ. — Мистика болѣе всего могла освободить человѣка отъ связи съ церковью, обѣщая ему спасеніе путемъ непосредственнаго общенія съ Богомъ, превращенія вѣрующаго въ «Христа». И для тѣхъ, въ комъ относительно слабы были связи съ церковью и культомъ, для тѣхъ, кто отвергалъ церковь и не желалъ считаться съ нею, мистика становилась желаннымъ, поглощающимъ сомнѣнія и успокаивающимъ исходомъ.

Л. Карсавинъ.

Редакція даетъ мѣсто статьѣ Л. П. Карсавина, чтобы познакомить читателей съ его взглядами на религіозную жизнь средневѣковья, представляющими несомнѣнный интересъ по своей новизнѣ. Редакція съ этими взглядами согласиться не можетъ.

Изъ разсказовъ бабушки.

Графиня.

(*Окончаніе*) [1]).

Графиня ужаснулась, встрѣтивъ сына: такъ онъ былъ худъ и блѣденъ. Она даже прослезилась, упрекнувъ его въ томъ, что онъ не извѣстилъ о своей болѣзни.

— Ничего, мамочка,—сказалъ онъ весело:—здѣсь я поправлюсь очень скоро.

Дѣйствительно, чудный майскій воздухъ и вся обстановка жизни очень благотворно подѣйствовали на выздоравливающаго, и уже черезъ недѣлю лицо его посвѣжѣло и загорѣло, и онъ былъ въ силахъ пройти цѣлую версту.

Однажды за обѣдомъ лакей, обнося блюдо, облилъ немного скатерть.

— Наказать!—изрекла графиня по обыкновенію дворецкому.

Черезъ десять минутъ въ открытыя окна столовой донеслись раздирающіе крики со стороны конюшни.

Расшатанные нервы Болеслава не выдержали.

— Мама,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—неужели нельзя обойтись безъ этого варварства?

И онъ закрылъ руками лицо, откинулся на спинку стула и истерически зарыдалъ. Катруся, протянувъ руки, сдѣлала два шага по направленію къ нему, но моментально опомнилась и отступила назадъ. Отъ вниманія графини не укрылись, однако, и это движеніе, и любящій, восторженно благодарный взглядъ, который дѣвушка бросила на Болеслава. Почти заснувшія ея опасенія снова пробудились. Присутствіе Катруси за обѣдомъ съ слѣдующаго же дня было отмѣнено.

Въ теченіе слѣдующихъ недѣль графиня постоянно справлялась о здоровьѣ сына, заботилась объ усиленіи его питанія, выписала для него доктора изъ Кіева. Но въ обращеніи ея съ Бо-

---

[1]) См. № 6 «Голосъ Минувшаго».

леславомъ замѣтна была суровость. Она не могла примириться съ голосомъ протеста, осмѣлившимся посягнуть на ея самовластіе. Зося въ это время проявляла особенную любовь и нѣжность къ брату. Она проводила съ нимъ цѣлые часы, старалась развлекать его и предупреждать всѣ его желанія.

Когда силы Болеслава совсѣмъ окрѣпли, Зося рѣшилась сдѣлать ему непріятное сообщеніе. Она разсказала, что ксендзъ Игнатій, прежде не обращавшій вниманія на Катрусю и выражавшій ей, какъ схизматичкѣ, полное пренебреженіе, теперь совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ ней и часто пристаетъ къ ней съ сладкими увѣщаніями отречься отъ своихъ религіозныхъ заблужденій и присоединиться къ святой католической церкви. Увѣщанія эти онъ сопровождаетъ ласками: гладитъ волосы Катруси, треплетъ ее по щекѣ. Катруся неизмѣнно отвѣчаетъ на это, что отъ вѣры матери она никогда не отречется, всячески уклоняется отъ его противныхъ ласкъ и старается не встрѣчаться съ нимъ.

— А недавно,—закончила Зося,—«гадюка» увидѣлъ ее на огородѣ, быстро подошелъ къ ней, схватилъ ее за руку и сталъ тащить къ себѣ. Катруся отчаянно закричала, — выбѣжалъ садовникъ, и ксендзъ долженъ былъ ее бросить. Вѣдь нужно защитить ее отъ этой гадости. Не пожаловаться ли мамѣ?

Слушая это, Болеславъ дрожалъ отъ негодованія.

— Не нужно,—сказалъ онъ,—я самъ все устрою, — и этотъ мерзавецъ приставать къ Катрусѣ больше не будетъ.

Онъ пошелъ къ себѣ, одѣлся почему-то въ свою гвардейскую форму и даже прицѣпилъ саблю и быстро пошелъ по направленію къ костелу.

Когда онъ вошелъ въ домъ ксендза, тотъ встрѣтилъ его съ низкими поклонами.

— Чему я обязанъ, ваше сіятельство?..—началъ онъ.

— Вы обязаны этимъ вашей подлости, — выпалилъ Болеславъ, еще болѣе раздраженный при видѣ ненавистнаго ему іезуита.— Если вы не прекратите преслѣдованій Катруси, если вы осмѣлитесь еще хоть разъ прикоснуться къ ней, вы будете считаться со мной.

Ксендзъ, совсѣмъ поблѣднѣвшій, попробовалъ было отшутиться.

— Ваше сіятельство,—началъ онъ,—вѣроятно, вамъ налгали. Я дѣйствительно дѣлалъ попытки привлечь эту овечку къ стаду нашего святѣйшаго отца, — но я никогда не думалъ...

— Еще разъ повторяю,—перебилъ Болеславъ,—если вы не оставите совершенно въ покоѣ эту овечку, вы очень пожалѣете объ этомъ.

И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Положеніе ксендза было не веселое. Не говоря уже о томъ, что отъ лакомаго кусочка нужно было отказаться, его ужасала мысль о томъ, что объ его амурныхъ стремленіяхъ можетъ узнать графиня. А тогда пришлось бы проститься съ ея милостями и щедротами и даже съ выгоднымъ приходомъ. Съ большимъ замираніемъ сердца входилъ онъ къ графинѣ, когда она позвала его въ этотъ вечеръ. Но она была очаровательно любезна и долго бесѣдовала съ нимъ съ обычной откровенностью и довѣріемъ. Очевидно, о своемъ визитѣ къ ксендзу Болеславъ не сказалъ матери.

Графиня періодически страдала мигренью. Иногда по три дня она лежала въ постели. Въ эти дни въ палацѣ соблюдалась мертвая тишина. Къ больной допускалась только Крыстя, умѣвшая ей угодить.

Въ одинъ изъ такихъ дней Зося устроила катанье на лодкѣ съ братомъ и Катрусей. Она по обыкновенію много болтала и смѣялась.

Сѣнокосъ за Горынью еще не начинался, и онъ пестрѣлъ множествомъ цвѣтовъ. Зося попросила брата причалить къ берегу. Она быстро соскочила и оттолкнула лодку, сказавъ, чтобы за нею приплыли черезъ полчаса, пока она нарветъ букетъ для матери.

— Я очень рада,—сказала робко Катруся,—что могу выразить вамъ, графъ, мою глубокую благодарность за то, что вы избавили меня отъ приставаній этого противнаго ксендза. Если бы не ваша защита, я готова была рѣшиться на все, чтобы спастись отъ оскорбленій этого нахала, рискуя даже подвергнуться изгнанію изъ палаца.

— Вамъ не за что благодарить меня,—отвѣтилъ Болеславъ.— Я былъ бы очень счастливъ,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—если бы могъ оказать вамъ много гораздо болѣе важныхъ услугъ...

Отъ волненія онъ не могъ продолжать.

Катруся почувствовала опасность момента и перевела разговоръ на другую тему. Она просила Болеслава разсказать ей подробно о Липовкѣ и о предпринятомъ имъ улучшеніи быта крестьянъ. Обо всемъ этомъ она уже знала отъ Зоси. Но она съ восторгомъ слушала, глядя на своего собесѣдника прекрасными любящими глазами. Время летѣло незамѣтно. Послышалось зовущее ихъ ауканье Зоси.

— У меня къ вамъ большая просьба, дорогая Катруся,—обратился онъ къ ней, когда они приближались къ берегу, гдѣ ждала ихъ Зося съ большимъ букетомъ:—пишите мнѣ въ Петербургъ. Пишите чаще о себѣ, объ интересующихъ васъ вопросахъ и обо всемъ, что вы хотѣли бы сказать лучшему своему другу. Я съ радостью буду отвѣчать вамъ, и письма ваши будутъ лучшею для меня отрадой въ противной петербургской жизни.

— Я очень была бы рада исполнить ваше желаніе, — сказала Катруся послѣ нѣкотораго молчанія, — но что будетъ, если графиня узнаетъ о нашей перепискѣ?

— Ничего, мы съ Зосей все это устроимъ, — отвѣтилъ Болеславъ.

— Что такое? — спросила Зося, услышавъ послѣднія слова.

Болеславъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Зося пришла въ восторгъ отъ новой конспираціи и сразу рѣшила вопросъ.

— Мы поведемъ дѣло черезъ Генриха Карловича. Вѣдь онъ на нашей сторонѣ,—сказала она,—и въ конвертѣ на его имя можно писать, что угодно.

Уложивъ Зосю, Катруся очень поздно пришла въ комнату матери. Она была такъ переполнена счастьемъ, что разсказала бы ей все. Но Крыстя эту ночь дежурила при больной графинѣ.

VIII.

До слѣдующей весны между молодыми людьми шла оживленная переписка. Получаемыя въ палацѣ письма сдавались въ контору. Разбиралъ ихъ главноуправляющій, и все, что было адресовано Зосѣ, онъ вручалъ ей безъ свидѣтелей. Легкомысленная Зося понимала всю опасность обнаруженія тайны и хранила ее очень тщательно. Содержаніе длинныхъ писемъ было очень разнообразно. Но о взаимныхъ чувствахъ въ нихъ не было ни слова. Иногда только Болеславъ выражалъ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждетъ будущаго лѣта. А чувства эти глубоко укрѣплялись и росли.

Въ слѣдующемъ маѣ Болеславъ, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ на службѣ, взялъ отпускъ на три мѣсяца и пріѣхалъ домой. Проходили недѣли, и онъ не могъ сказать Катрусѣ ни слова. За обѣдомъ она не показывалась, и онъ только изрѣдка видѣлъ, какъ она поливала цвѣты или приносила изъ прачечной въ комнаты графини ея наряды. Совершая періодически обычные визитные объѣзды, графиня всегда брала Катрусю съ собой.

Зося разсказала брату, что, незадолго до его пріѣзда, Катруся снова попала въ немилость. Снова приказано ей приходить въ комнату Зоси только утромъ и вечеромъ, а остальное время она работала въ прачечной и на огородѣ.

— Возмутительно!—пробормоталъ Болеславъ.—Это необходимо покончить.

Онъ вставалъ очень рано, когда въ палацѣ всѣ еще спали, ходилъ по цвѣтникамъ, по парку, надѣясь встрѣтиться съ любимою

дѣвушкой и поговорить съ нею. Но онъ ее не встрѣчалъ. Порывался онъ встрѣтиться съ нею на огородѣ. Но весь огородъ виденъ былъ изъ оконъ ксендзовскаго дома. А въ соглядатайствѣ ксендза онъ былъ увѣренъ, такъ какъ во время своихъ прогулокъ онъ почти всегда встрѣчалъ его. Ксендзъ обходилъ стороной, издали раскланиваясь съ нимъ. Наконецъ, во время большого праздника графини, среди многолюдства и суеты, когда шли приготовленія къ обѣду, Болеславу удалось столкнуться въ коридорѣ съ Катрусей.

— Здравствуйте, моя дорогая! Наконецъ-то!—обрадовался онъ.— Мнѣ необходимо видѣться съ вами и поговорить о чемъ-то очень важномъ. Устройте это.

— Ничего противъ судьбы не подѣлаешь,—только сказала она и поспѣшила уйти, неся тарелки.

Зная, что въ дробышевской церкви обѣдня служится рано, и что Крыстя съ дочерью бываетъ тамъ въ праздники, Болеславъ въ ближайшее воскресенье отправился туда. При выходѣ изъ церкви, онъ подошелъ къ Катрусѣ и рядомъ съ ней направился домой. Но Крыстя, не желая подвергать свое сокровище людскимъ пересудамъ, поспѣшила присоединиться къ нимъ.

Опять неудача; и Болеславу пришлось во время пути ограничиться нейтральными разговорами.

Принявъ твердое рѣшеніе, онъ обратился къ Зосѣ съ просьбою устроить необходимое для него свиданіе съ Катрусей.

Черезъ нѣсколько дней, когда графиня лежала съ своей мигренью, Зося передъ вечеромъ позвала изъ прачечной свою подругу и отправилась съ нею въ паркъ. Тамъ уже ожидалъ ихъ Болеславъ.

У одной отдаленной скамейки Зося остановилась.

— Садитесь здѣсь и побесѣдуйте,—сказала она,—а я пойду выглядывать шпіона,—а какъ только я крикну, скорѣе расходитесь».

— Послушайте, Катруся,—началъ рѣшительнымъ тономъ Болеславъ,—я не могу выносить больше такого положенія. Съ вашимъ образованіемъ, съ вашими запросами къ жизни вы вынуждены терпѣть самодурство моей матери и нести по ея капризу тяжелыя работы. Я рѣшилъ, что я обязанъ избавить васъ отъ этого положенія. Я сдѣлаю это, не останавливаясь ни передъ чѣмъ ни передъ какими жертвами.

Онъ остановился, очень взволнованный.

— Эхъ, графъ,—сказала Катруся, глубоко вздохнувъ,—и мое образованіе и мои запросы къ жизни составятъ только мое несчастье въ будущемъ. Помните, какъ мать ваша однажды сказала, что она дѣлаетъ мнѣ добро, указывая мнѣ мое настоящее мѣсто. Это правда. Пока, среди тѣхъ невзгодъ, которыя приходится переживать, я неизмѣримо счастлива тѣмъ, что вы со мной такъ любезны и оказываете мнѣ такое теплое участіе. Но зачѣмъ вы

стараетесь поднять меня до себя? Вѣдь между нами лежитъ непроходимая пропасть. Вашъ широкій путь поведетъ васъ къ почестямъ, къ славѣ, къ полному счастью. А куда приведетъ меня моя крѣпостная доля? Вѣрнѣе всего, что на дно Горыни.

— Зачѣмъ вы говорите такіе ужасы?—перебилъ Болеславъ.— Я хочу засыпать эту пропасть. Я хочу избавить васъ отъ вашей крѣпостной доли. Я рѣшился увезти васъ отсюда. Согласитесь на это, осчастливьте меня...

Катруся быстро поднялась со скамьи и, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, строго посмотрѣла на него.

— Какъ?!—сказала она тихо, негодующимъ тономъ,—вы хотите увезти меня и предлагаете мнѣ положеніе, которое всякая порядочная дѣвушка считаетъ позорнымъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, какъ мнѣ ни тяжело разойтись съ вами, я отвергаю такое предложеніе.

Она не выдержала этого тона и заплакала.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—вскрикнулъ Болеславъ,—Вы не дали мнѣ договорить. Вы не поняли меня...

— Ау!—раздался тревожный голосъ Зоси. Каструся быстро убѣжала. Въ ту же ночь она разсказала обо всемъ матери.

Крыстя одобрила отвѣтъ дочери. обняла ее и крѣпко поцѣловала.

— Охъ, дочечка моя милая!—сказала она со слезами.—Берегись. Доведешь ты себя до бѣды.

— Нѣтъ, мамочка, — перебила Катруся, — не думай ничего худого. Болеславъ ни разу не позволилъ себѣ ни одной вольности со мной. Я увѣрена, что онъ любитъ меня и не сдѣлаетъ мнѣ зла.

— Такъ, такъ, моя голубка,—продолжала убѣждать старуха,— я няньчила Болеса; я знаю, что онъ добрый, благородный хлопецъ. Но онъ одурѣлъ отъ любви. Онъ и не думаетъ о томъ, что если бы онъ увезъ тебя, всесильная графиня вытребуетъ тебя обратно. Она вѣдь тогда тебя со свѣту сживетъ. Да и что скажутъ о тебѣ люди? Нѣтъ, объ этомъ и подумать страшно. Держись крѣпко того, что ты ему отвѣтила, и старайся совсѣмъ не встрѣчаться съ нимъ.

Прошло недѣли двѣ. Графиня опять уѣхала на нѣсколько дней, взявъ съ собой Катрусю. Болеславъ не могъ больше выносить неопредѣленнаго положенія и рѣшилъ окончательно выяснить вопросъ, не дававшій ему покоя ни днемъ ни ночью.

Однажды вечеромъ, когда Зося уже ушла спать, онъ отправился въ комнату Крысти. Старуха встрѣтила его очень ласково. По выраженію его лица она поняла, что будетъ рѣшительный разговоръ, и приготовилась дать рѣшительный отпоръ.

— Что такъ поздно, дорогой Болесъ?—спросила она, называя его, когда они были одни, именемъ, какимъ звала его въ дѣтствѣ.

— Я не въ силахъ, Крыстя, больше ждать и томиться неизвѣстностью. Я давно люблю Катрусю и хочу жениться на ней.

Старуха вскочила со стула, посмотрѣла на него, вытаращивъ глаза, и перекрестилась, глядя на иконы.

— Охъ, лышечко! Да въ своемъ ли ты умѣ?—прошептала она. Да развѣ это возможно? Вѣдь ты вельможный графъ, а она крипачка. Да развѣ допуститъ это графиня?

— Не волнуйся и не пугайся,—сказалъ Болеславъ.—Я увезу Катрусю, и мы въ тотъ же вечеръ обвѣнчаемся въ ближнемъ селѣ, не спрашивая позволенія матери. А потомъ—дѣло уже будетъ сдѣлано, и мать поневолѣ примирится съ этимъ.

Бесѣда продолжалась долго. Крыстя не переставала высказывать свои опасенія, и въ то же время ее прельщала заманчивая мысль о томъ, что дочка ея вознесется на такую высоту. Болеславъ настаивалъ на рѣшительномъ отвѣтѣ. Наконецъ Крыстя поднялась со стула, перекрестилась нѣсколько разъ и, посмотрѣвъ за дверь, нѣтъ ли тамъ лишнихъ слушателей, сказала:

— Ну, пусть будетъ, какъ Богъ дастъ. Но только свадьбу нужно отложить до будущаго года. Въ такомъ важномъ дѣлѣ спѣшить не слѣдуетъ. И если ты черезъ годъ не измѣнишь своего намѣренія, придется отдать тебѣ мою дорогую дочку.

Какъ ни старался Болеславъ возражать противъ этой отсрочки, старуха осталась непреклонной.

— Ну, нечего дѣлать,—пусть будетъ по-твоему,—подчинился онъ, согласившись съ доводами Крысти, что вѣнчанье нужно устроить съ большой осторожностью, а для этого нужно время, котораго до его отъѣзда осталось очень мало.

— Передай же Катрусѣ мое предложеніе,—закончилъ онъ,—и скажи ей, что я надѣюсь сдѣлать ее счастливой и сумѣю защитить жену свою отъ всякихъ невзгодъ.

Въ тайну эту рѣшили Зосю не посвящать. Крыстя боялась, что она не сдержитъ себя и проболтается.

Едва черезъ нѣсколько дней Болеславъ встрѣтилъ Катрусю въ вестибюлѣ. Вблизи никого не было.

— Согласна, моя дорогая?—съ замираніемъ сердца спросилъ онъ.

Она, робко озираясь, крѣпко пожала его руку и окинула его такимъ взглядомъ, который отвѣтилъ лучше всякихъ словъ.

На этотъ разъ Болеславъ уѣхалъ раньше, чѣмъ предполагалъ. Ему хотѣлось заѣхать въ Липовку, чтобы посмотрѣть, какъ исполняются его распоряженія, и дать указанія архитектору относительно отдѣлки дома, желая сдѣлать его достойнымъ будущей хозяйки.

Быстро пролетѣли осень и зима.

Переписка черезъ Генриха Карловича продолжалась. Но Болеславъ, опасаясь, что какая-нибудь случайность можетъ обнаружить

тайну, держался въ письмахъ прежняго тона, и только между строкъ Катруся могла читать мысли жениха объ ожидающемъ ихъ свѣтломъ будущемъ.

Свои великосвѣтскія знакомства Болеславъ почти прекратилъ и только изрѣдка дѣлалъ визиты въ дома, отношенія съ которыми мать считала особенно необходимымъ поддерживать. Онъ зналъ, что вся эта знать, всѣ высокочиновныя лица, такъ заискивающе-любезно принимающія его теперь, не примутъ въ свою среду его жену, и образовывалъ иной кругъ знакомыхъ на будущую зиму.

Въ 1852 году, въ виду назначенныхъ въ іюнѣ большихъ маневровъ, отъ участія въ которыхъ бригадный генералъ не призналъ возможнымъ освободить Болеслава, онъ могъ выѣхать изъ Петербурга только въ началѣ іюня.

Поѣхалъ онъ сначала въ Липовку, отправивъ туда предварительно огромный транспортъ посуды, картинъ, ковровъ и изящной новой мебели, предназначенной для комнатъ Катруси. Пробылъ Болеславъ въ Липовкѣ цѣлый мѣсяцъ, съ наслажденіемъ все устраивая въ оконченномъ уже домѣ, въ цвѣтникахъ и въ саду и мечтая о будущей счастливой веснѣ. Домой онъ пріѣхалъ только въ августѣ.

Въ дробышевскомъ палацѣ все шло попрежнему. Прошло нѣсколько дней, и Болеславъ ни разу не встрѣтился съ Катрусей. Наконецъ ему удалось шепнуть Катрусѣ, что онъ придетъ къ ней поздно вечеромъ.

Вошелъ онъ къ своей старой нянѣ въ одиннадцать часовъ, когда почти всѣ огни въ палацѣ были уже потушены. Старуха встрѣтила его съ особенно торжественнымъ видомъ, понимая, что наступилъ моментъ рѣшенія судьбы ея обожаемой дочки.

— Рѣшеніе мое не только не измѣнилось, а еще больше укрѣпилось,—сказалъ Болеславъ,—и я пришелъ просить благословенія твоего на нашъ бракъ. Я знаю, что родная мать отъ меня отвернется, но я увѣренъ, что ты, съ твоимъ честнымъ любящимъ сердцемъ, будешь относиться ко мнѣ по-матерински и поддержишь насъ, если въ будущемъ постигнетъ насъ какая-нибудь невзгода.

Вошла Катруся, уже уложившая Зосю спать.

— Здравствуй, моя невѣста дорогая! Наконецъ-то я тебя увидѣлъ,—встрѣтилъ ее Болеславъ, протягивая ей руки.—Но очень уже близко время, когда мы насмотримся другъ на друга.

Крыстя выглянула за дверь.

— Ну, дочечка моя милая, видно такъ Богу угодно, произнесла она, положивъ руку на голову дочери, а въ другой держа приготовленный раньше образокъ Богоматери. Катруся стала на колѣни. Рядомъ съ нею опустился на колѣни и Болеславъ.

— Боже васъ благослови, моі дітки,—произнесла Крыстя,—и пусть Владычица Небесная охраняетъ васъ отъ всякой бѣды и напасти.

И она осѣнила жениха и невѣсту иконой, вручивъ ее на храненіе дочери.

— Ну, теперь можно вамъ и поцѣловаться,—разрѣшила она, улыбаясь.

Это былъ первый святой поцѣлуй счастливыхъ молодыхъ людей.

На вопросъ Крысти, когда онъ намѣренъ устроить вѣнчанье, Болеславъ объяснилъ, что для этого и для поѣздки за границу, куда онъ вслѣдъ за этимъ намѣренъ повезти Катрусю, нужно многое приготовить, и онъ разсчитываетъ увезти ее приблизительно черезъ мѣсяцъ.

Обычная сдержанность Катруси прорвалась.

— О, какъ я безконечно счастлива!—воскликнула она, схвативъ руку Болеслава, цѣлуя ее и смачивая счастливыми слезами.—Мой женихъ дорогой, мой спаситель...

— Будетъ уже!—прервала Крыстя.—Еще услышитъ кто-нибудь. Пора расходиться.

Вслѣдъ за этимъ графиня два раза приглашала сына въ свой кабинетъ и вела съ нимъ нескончаемые разговоры. Она подробно разспрашивала его о дѣвицахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ петербургскихъ салонахъ, объ ихъ наружности, и внимательно слѣдила, не выразитъ ли онъ смущенія при описаніи какой-либо изъ нихъ. Но Болеславъ отвѣчалъ кратко, спокойно и совершенно равнодушно.

Убѣдившись, что сердце сына свободно, и не представляется риска, что онъ готовъ рѣшиться на недостойную для себя партію, графиня стала убѣждать его, что ему пора подумать о пріисканіи невѣсты. Она перечислила ему около десятка семействъ самыхъ знатныхъ польскихъ фамилій, подробно излагая ихъ генеалогію. Нѣкоторыя изъ нихъ жили въ Петербургѣ, другія въ своихъ имѣніяхъ, въ Варшавѣ, Парижѣ, Женевѣ и Римѣ. Она сообщала объ имѣніяхъ этихъ знатныхъ родовъ и объ ихъ капиталахъ и въ заключеніе выразила сыну совѣтъ познакомиться со всѣми этими семействами и выбрать изъ нихъ спутницу своей жизни, прибавляя, что каждое изъ этихъ семействъ достойно того, чтобы породниться съ графами Струйскими. Болеславъ при этихъ разговорахъ сидѣлъ какъ на иголкахъ и напряженно слѣдилъ за собой, стараясь не выдать себя и давать матери сколько-нибудь подходящія реплики.

Между прочимъ Болеславъ сказалъ, что онъ надѣется продлить свой отпускъ и намѣренъ поѣхать мѣсяца на два за границу.

— Вотъ и кстати,—обрадовалась графиня—познакомься же непремѣнно съ семействами, о которыхъ я говорила. Я приготовила тебѣ ихъ списокъ.

Скоро полученъ былъ заграничный паспортъ. Назначивъ день выѣзда, Болеславъ однажды рано утромъ отправился въ Дробышовъ и поручилъ Мовшѣ приготовить къ этому дню бричку и хорошихъ

лошадей. Затѣмъ онъ съѣздилъ верхомъ въ село Гущу, расположенное на почтовой дорогѣ въ десяти верстахъ отъ ближайшей почтовой станціи, условился съ священникомъ о времени вѣнчанія, предложивъ ему за это тысячу рублей, и поручилъ ему пріискать шаферовъ и свидѣтелей, назначивъ каждому щедрое вознагражденіе.

Въ концѣ сентября, въ пасмурный осенній день, послѣ ранняго обѣда, подкатила къ крыльцу дорожная карета. Графиня, въ виду приближающейся темной ночи, очень уговаривала сына отложить выѣздъ до утра.

— Ничего, мамочка,—весело успокоивалъ ее Болеславъ,—дорогу будутъ освѣщать фонари, и бояться нечего.

Когда экипажъ тронулся, онъ долго оглядывался на усадьбу.

«Не скоро придется увидѣть этотъ родной уголъ, гдѣ я провелъ счастливое дѣтство и гдѣ расцвѣла любовь моя», думалъ онъ.

Послѣ обѣда, графиня по обыкновенію пошла къ себѣ отдохнуть. Но какая-то неопредѣленная тоска и смутныя тревожныя мысли не дали ей уснуть. Черезъ два часа съ видомъ, болѣе мрачнымъ, чѣмъ наступившая ночь, вышла она къ вечернему чаю.

— Позвать мнѣ сейчасъ Катрю!—приказала она дворецкому.

Прошло около четверти часа.

— Ступай, скажи этому мерзавцу, что мои приказанія должны исполняться немедленно. Привести Катрю сюда сейчасъ же!—крикнула она лакею и въ сильномъ волненіи зашагала по комнатѣ.

Зося и гувернантки ожидали грозы, не зная, за что она обрушится на бѣдную Катрусю.

Вошелъ дворецкій и дрожащимъ голосомъ доложилъ, что Катри онъ нигдѣ не нашелъ.

Ужасная мысль, какъ раскаленная стрѣла, пронзила графиню.

— Что такое? Это заговоръ противъ меня? Ты, конечно, участница этого заговора. Говори все, что знаешь о бѣгствѣ этой негодяйки!—накинулась она на Зосю, задыхаясь отъ злобы.

Зося разрыдалась и не могла вымолвить ни слова.

— Позвать сію минуту Крыстю!—крикнула она.

Крыстя вошла, горько рыдая, съ жалобными причитаніями.

— О Боже мой, Боже!—вопила она сквозь слезы.—Гдѣ же ты, моя дочечка дорогая? Пропала ты теперь совсѣмъ, моя пташечка! Лучше бы ты умерла маленькою! Лучше бы мнѣ не родить тебя на свѣтъ! О горе мое горенько!

Графиня выходила изъ себя. Она видѣла, что отъ этихъ предполагаемыхъ сообщницъ бѣглянки она никакого толку не добьется. Но она рѣшила, что нужно скорѣе что-то предпринять.

— Позвать мнѣ сейчасъ же ксендза Игнатія!—приказала она дворецкому.

— А ты,—крикнула она лакею,—бѣги въ конюшню, и чтобы черезъ четверть часа четверка молодыхъ лошадей въ коляскѣ съ фонарями была у подъѣзда.

Очень скоро явился ксендзъ, одѣтый по-дорожному. Она увела его въ свою комнату.

— Мчитесь сейчасъ же вдогонку. Вотъ вамъ три тысячи рублей. Не жалѣйте денегъ и лошадей. Сдѣлайте все возможное, чтобы разстроить эту позорную затѣю.

Ксендзъ хотѣлъ что-то спросить по поводу этого неопредѣленнаго порученія. Но въ это время послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа.

— Скорѣй, скорѣй!—засуетилась графиня.—Я надѣюсь на васъ, другъ мой,—и да поможетъ вамъ Богъ!

Она чуть не вытолкнула своего друга, не давъ ему произнести ни слова.

— Во всякое время, когда бы вы ни возвратились, сейчасъ же ко мнѣ,—крикнула она ему вслѣдъ.

Всю ночь она не спала. Долго она бѣсновалась, расхаживая быстро по комнатѣ. Она не могла привести въ порядокъ своихъ спутанныхъ мыслей, и въ головѣ ея мелькали только злобныя ругательства по адресу сына и «негодяйки» и сознаніе позора, падающаго на фамилію.

Только къ утру наступила реакція. Находившись до изнуренія, она легла въ постель и начала разсуждать болѣе спокойно.

«Если дѣло окончится сожительствомъ, это еще полбѣды: надоѣстъ—и разойдутся» утѣшала она себя.

«Ну, а если повѣнчаются?» и эта мысль снова взбаламучивала ее, и она поднималась съ подушекъ.

И снова успокоительныя мысли являлись на помощь.

«Вѣдь можно прибѣгнуть къ помощи святѣйшаго папы. Не можетъ же онъ отнестись равнодушно къ браку вѣрнаго католика съ схизматичкой,—думала она.—Да и въ Петербургѣ найдется много сильныхъ пружинъ, которыя можно пустить въ ходъ и добиться въ русскомъ Синодѣ расторженія этого гнуснаго брака».

И, припоминая всѣ нужныя петербургскія пружины, графиня только на разсвѣтѣ уснула тревожнымъ кошмарнымъ сномъ:

Не весело было положеніе ксендза Игнатія. Лошади мчались, какъ бѣшеныя. Въ лицо его хлесталъ холодный дождь. Коляска подпрыгивала на рытвинахъ и нѣсколько разъ чуть не опрокинулась.

«На какого чорта она меня послала?» повторялъ онъ мысленно, думая о заказанномъ имъ вкусномъ ужинѣ и о сливянкѣ, которою онъ обильно угощался каждый вечеръ. Ему ни на одну секунду не приходила въ голову мысль, что здѣсь предстоитъ бракъ.

«Ну, и пусть себѣ сожительствуютъ,—думалъ онъ со злобой.—А я долженъ гнаться за ними, сломя голову, безъ всякаго толку.

Вѣдь такъ можно гнаться до самаго Парижа. А если бы я даже и догналъ ихъ? Развѣ я въ силахъ имъ помѣшать? Вѣдь этотъ мальчишка графъ можетъ въ шею меня прогнать. Тфу! сумасшедшая баба!» закончилъ онъ, обтирая дождь, струившійся ему за шею. И онъ рѣшилъ проѣхать около сорока верстъ до мѣстечка, гдѣ былъ у него ксендзъ-пріятель, заночевать у него, а завтра возвратиться и доложить своей грандессѣ, какъ онъ называлъ ее въ интимныхъ бесѣдахъ, о безцѣльности дальнѣйшей погони.

Подъѣхали къ почтовой станціи.

«Кого это опять несетъ въ такую погоду?» подумалъ станціонный смотритель, увидѣвъ въ окно экипажъ съ фонарями, и вышелъ навстрѣчу.

— Четверку лучшихъ курьерскихъ лошадей! Сію минуту! Плачу тройные прогоны. Ямщику рубль на водку!» грозно распорядился ксендзъ, желая на всякій случай оставить слѣды своего усердія въ погонѣ.

Черезъ пять минутъ лошади были готовы. Смотритель на его вопросъ объяснилъ, что графъ довольно долго ожидалъ здѣсь, потомъ пріѣхала въ бричкѣ какая-то дама, и они уѣхали часа полтора назадъ.

Но ксендзу Игнатію не пришлось ѣхать на ночлегъ къ своему пріятелю.

Проѣзжая черезъ Гищу, онъ среди непроглядной тьмы замѣтилъ возлѣ церкви огонекъ и услышалъ голоса. Это показалось ему подозрительнымъ, такъ какъ было уже около десяти часовъ вечера, и онъ, остановивъ ямщика, увидѣлъ, что священникъ запираетъ церковныя двери.

Онъ всталъ изъ экипажа и поздоровался съ священникомъ.

— Что это вы такъ поздно?—спросилъ онъ.

— Да вотъ недавно совершили вѣнчанье,—смущенно отвѣтилъ священникъ, чувствуя, что вопросъ заданъ неспроста.

— У меня къ вамъ, батюшка, есть дѣло,—сказалъ ксендзъ.—Позвольте зайти къ вамъ на полчаса.

И они пошли въ домъ священника.

Что происходило между двумя священниками въ теченіе этого получаса, сдѣлалось извѣстнымъ очень не скоро.

Ксендзъ Игнатій вернулся домой около двухъ часовъ ночи и успѣлъ подкрѣпиться застывшимъ ужиномъ и воздать должное своей сливянкѣ.

Въ десять часовъ утра онъ отправился съ докладомъ къ графинѣ. Она встрѣтила его взрывомъ негодованія и упрековъ. Крыстя, поднявшаяся вверхъ вслѣдъ за ксендзомъ, остановилась на лѣстницѣ и слышала этотъ негодующій голосъ. Потомъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ до нея доносились слабые звуки мужского голоса. Наконецъ раздался громкій, злой хохотъ графини, возобновившійся нѣсколько разъ.

Старуха поспѣшила спуститься внизъ. Она хорошо знала этотъ хохотъ своей госпожи. Она чувствовала, что ничего добраго онъ не предвѣщалъ, и сердце ея больно сжалось.

IX.

Широкою волной полнаго счастья потекла жизнь новобрачныхъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ они посѣтили Вѣну, Парижъ и больше всего прожили во Флоренціи и Римѣ. Ежедневно они посѣщали картинныя галлереи, театры, концерты, знакомились съ памятниками древности. Все это было такъ ново, такъ заманчиво, особенно для Катруси, не видавшей до сихъ поръ ни одного города. Благодаря крупной суммѣ, отпущенной графинею сыну на заграничную поѣздку, они ни въ чемъ не нуждались. Катруся съ жадностью ловила разнобразныя впечатлѣнія, усвоивала новыя познанія и все это заносила въ свой дневникъ.

— Господи, какое неизмѣримое счастье—часто восклицала она.— Мнѣ иногда кажется, что это какой-то чудный, волшебный сонъ, и я тогда боюсь пробужденія.

Еще изъ Вѣны Болеславъ написалъ матери извѣщеніе о женитьбѣ, умолялъ ее примириться съ совершившимся фактомъ и просилъ отвѣтить ему въ Римъ, но не получилъ никакого отвѣта.

Въ ноябрѣ графъ Струйскій пріѣхалъ съ женою въ Петербургъ. Въ великосвѣтскихъ салонахъ уже знали объ его женитьбѣ на мужичкѣ и рѣшили, конечно, отъ знакомства съ нею воздержаться. Особенно злорадствовали мамаши и дочери, досадуя, что отъ надеждъ на такого блестящаго богатаго жениха пришлось отказаться. Товарищи Болеслава по службѣ тоже встрѣтились съ нимъ довольно сухо. Все это были карьеристы, стремившіеся къ большому свѣту и боявшіеся скомпрометировать себя неудобнымъ знакомствомъ. Одинъ только Корецкій, тоже недавно женившійся, не измѣнилъ старому другу. На другой же день онъ пришелъ къ Болеславу, познакомился съ Катрусей и былъ очарованъ ея наружностью, умомъ, находчивостью и умѣньемъ держать себя. Вслѣдъ за этимъ онъ пріѣхалъ къ Струйскимъ съ женой. Никакихъ великосвѣтскихъ визитовъ Болеславъ, конечно, не дѣлалъ. Только вскорѣ послѣ пріѣзда онъ посѣтилъ кузину матери.

Получивъ отъ графини негодующее письмо о недостойномъ бракѣ сына, она приняла родственника не особенно любезно. Она усердно доказывала ему, какую громадную ошибку сдѣлалъ онъ своею женитьбой и какія тяжелыя для него послѣдствія вызыветъ разрывъ его съ матерью.

— А какъ зовутъ твою супругу?—спросила она.

— Екатерина Трофимовна,—неохотно отвѣтилъ Болеславъ, все время до сихъ поръ молчавшій.

— Трофимовна! Фи, какое вульгарное имя! Впрочемъ,—закончила она свою болтовню,—я готова принять твою жену, если ты приведешь ее въ одинъ изъ непріемныхъ моихъ дней.

Болеславъ, сухо раскланявшись, поспѣшилъ удалиться.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда онъ повезъ жену въ оперу. Они пріѣхали, когда представленіе уже началось. Когда они появились въ своей ложѣ, ослѣпительная красота Катруси обратила на себя всеобщее вниманіе. Сотни биноклей отвернулись отъ сцены и направились къ этой ложѣ. Въ сосѣднихъ ложахъ сидѣли семейства, въ которыхъ еще недавно съ особеннымъ радушіемъ принимали Болеслова. Онъ сдѣлалъ на обѣ стороны офиціальные поклоны и получилъ въ отвѣтъ едва замѣтныя наклоненія головы, желая еще больше поразить публику, онъ обмѣнивался съ женой разными замѣчаніями по-англійски. Затѣмъ до конца спектакля они говорили и по-французски и по-нѣмецки. Сосѣди слушали съ крайнимъ изумленіемъ, и объ этомъ узналъ весь театръ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней графиня Струйская была главною темой разнообразныхъ разговоровъ во всѣхъ великосвѣтскихъ салонахъ.

Прошло четыре мѣсяца. Съ приближеніемъ весны, счастливые супруги съ нетерпѣніемъ стали мечтать о переѣздѣ въ Липовку. Въ мартѣ Болеславъ вышелъ въ отставку, сдалъ удачно квартиру, выгодно ликвидировалъ всю ея обстановку, и въ апрѣлѣ они уже встрѣчали весну въ Липовкѣ.

Катруся восторгалась и прекраснымъ домомъ, и чуднымъ видомъ на берегу Днѣстра, и садомъ, и цвѣтниками, и паркомъ, гдѣ все уже было приведено въ лучшій видъ. Она съ ненавистью вспоминала о Петербургѣ, и больше всего радовало ее переселеніе въ родственную ей деревенскую обстановку.

Въ іюнѣ у Катруси родился сынъ. Болеславъ сообщилъ матери объ этомъ радостномъ событіи, съ слабою надеждой, что оно смягчитъ ея гнѣвъ. Письмо осталось безъ отвѣта.

Прошло шесть лѣтъ безмятежнаго счастья. У Струйскихъ семейство увеличилось еще сыномъ и дочерью. Большую часть года они жили въ Липовкѣ, занимаясь хозяйствомъ. Они устроили школу и больницу для крестьянъ, вникали въ ихъ нужды и пользовались ихъ любовью. А четыре зимнихъ мѣсяца они проводили за границей.

Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ появились новыя вѣянія, и Катруся предвкушала радость освобожденія крестьянъ и возможность привлечь къ себѣ мать, съ которою, черезъ того же Генриха Карловича, она была въ постоянной перепискѣ.

Зося черезъ два года послѣ замужества Катруси вступила въ бракъ съ княземъ Лясковскимъ и жила въ его имѣніи, въ Минской губерніи.

Графиня Ядвига въ одинъ годъ совершенно посѣдѣла отъ удара, нанесеннаго сыномъ ея гордости и тщеславію.

На первыхъ порахъ она было рѣшила немедленно принять всѣ мѣры для расторженія ненавистнаго ей брака. Но ксендзъ Игнатій, опасаясь, что сдѣланное имъ ночью въ Гущѣ можетъ повлечь за собою очень непріятныя для него послѣдствія, съ большимъ трудомъ уговорилъ ее не спѣшить, доказывая, что главное орудіе для достиженія ея цѣли гораздо удобнѣе и безопаснѣе пустить въ ходъ позднѣе.

Въ графинѣ происходила жестокая борьба двухъ противоположныхъ чувствъ. Господствующимъ было, конечно, тщеславіе и страстное желаніе избавить сына отъ этой «подлой негодяйки» и развязать ему руки, чтобы устроить его жизнь болѣе достойно его высокаго званія. Она днемъ и ночью смаковала злую мысль о томъ, какъ эта «гнусная прельстительница» возвращена будетъ *кріпачкой* въ Дробышевъ и испытаетъ на себѣ всю силу ея мести и власти. Но часто по ночамъ эта яркая, соблазнительная для нея картина заволакивалась туманомъ, и изъ глубины души поднималось другое чувство. Несмотря на все, она очень любила своего Болеса, и мысль о томъ, что она нанесетъ ему жестокій ударъ и заставитъ его страдать, пугала ее. По утрамъ она горько упрекала себя за малодушіе и снова принималась строить свои злыя козни.

Колебанія графини очень поддерживались и постоянными внушеніями ксендза Игнатія, что пройдетъ два - три года, страстная любовь Болеслава охладѣетъ, — и тогда легче будетъ приняться рѣшительно за дѣло, не опасаясь особенно упорной борьбы со стороны сына и непріятнаго шума и злорадныхъ толковъ по адресу матери. Такъ тянулось время нѣсколько лѣтъ.

Въ Дробышевскомъ плацѣ скоро опустѣли комнаты Зоси и гувернантокъ, но въ остальномъ по внѣшности все осталось попрежнему. Графиня, какъ и въ прежніе годы, принимала гостей, ѣздила съ визитами, устраивала традиціонные большіе праздники. Но для всѣхъ было ясно, что пережитый ударъ сильно пошатнулъ ея здоровье; она очень похудѣла, и стройный гордый ея станъ замѣтно согнулся. Крайняя ея раздражительность, усиливавшаяся съ каждымъ годомъ, дѣлала положеніе прислуги и служащихъ въ имѣніи все болѣе невыносимымъ. Даже ксендзъ Игнатій не могъ, какъ прежде, вліять благотворно на расположеніе духа своей грандессы.

Крыстя оставлена была въ должности ключницы, но показываться на глаза графинѣ ей было строго запрещено.

Осенью 1859 года Струйскіе, по обыкновенію, поѣхали за границу. На этотъ разъ они довольно долго задержались въ Женевѣ. Тамъ былъ большой кружокъ знакомыхъ земляковъ-эмигран-

товъ. Въ роскошномъ отелѣ Струйскихъ собирались ежедневно и вели оживленные дебаты о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ и о другихъ ожидаемыхъ реформахъ въ Россіи.

Однажды въ прекрасный октябрьскій день Болеславъ съ компаніей отправился покататься по озеру. Хотѣла поѣхать и Катруся, но черезъ три мѣсяца она ожидала появленія на свѣтъ четвертаго ребенка, и мужъ уговорилъ ее остаться.

Передъ вечеромъ поднялся сильный вѣтеръ, заходили по озеру высокія волны, захлестнувшія нѣсколько разъ лодку; затѣмъ полилъ дождь, и Болеславъ возвратился въ отель совершенно мокрый. Уже ложась въ постель, онъ почувствовалъ себя плохо. Ночью появился сильный жаръ. Приглашенный утромъ докторъ изслѣдовалъ больного, объявилъ, что положеніе его ничего угрожающаго не представляетъ. Но черезъ два дня ему сдѣлалось гораздо хуже.

Встревоженная Катруся выписала лучшихъ спеціалистовъ изъ Берна, Цюриха и Лозанны. Но болѣзнь быстро обострялась. Мѣстные врачи выполняли всѣ указанія приглашенныхъ знаменитостей, неотступно слѣдили за больнымъ, но всѣ указываемыя наукой средства оказались безсильными. Въ концѣ октября Болеславъ скончался, не приходя въ сознаніе.

Можно представить себѣ, каково было горе и отчаяніе Катруси. Она едва нашла въ себѣ силы, чтобы послать увѣдомленіе графинѣ объ ужасной потерѣ и распорядиться объ отправкѣ дорогого тѣла на родину для погребенія на фамильномъ кладбищѣ при Дробышевскомъ костелѣ. Затѣмъ, совершенно изнуренная непосильнымъ напряженіемъ и рядомъ безсонныхъ ночей, она слегла въ постель. Скоро произошелъ выкидышъ. Положеніе очень усложнилось.

Земляки приняли самое горячее участіе въ больной и пріютили у себя ея дѣтей. Снова призваны были на помощь лучшія научныя силы. Около двухъ мѣсяцевъ продолжалась тяжелая болѣзнь, и едва къ концу декабря больная начала поправляться. Здоровая деревенская натура Катруси выдержала все, и къ половинѣ января она настолько укрѣпилась, что была уже въ силахъ отправиться домой. Но огромные расходы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ почти совершенно истощили значительный запасъ денегъ, взятыхъ Болеславомъ изъ дома. Она должна была продать часть дорогихъ вещей, которыми щедро дарилъ ее мужъ.

Графиня Ядвига пролила немало слезъ надъ свѣжей могилою сына. Но эта могила развязала ей руки: главнаго препятствія къ выполненію ея адскихъ замысловъ противъ Катруси уже не было. Вся злоба, накопившаяся въ ней въ теченіе семи лѣтъ, овладѣла ею всецѣло, и она принялась дѣйствовать.

X.

Въ началѣ февраля 1860 года Катруся пріѣхала въ Липовку. Она рѣшила не разставаться съ этимъ дорогимъ для нея мѣстомъ, гдѣ пережила столько неизмѣримаго счастья, и посвятить всю жизнь дѣтямъ и заботамъ о благосостояніи липовскихъ крестьянъ.

Подъѣхавъ къ дому, она прошла въ кабинетъ мужа, гдѣ всякая мелочь напоминала ей горячо любимаго человѣка, и горько разрыдалась. Очнувшись и поднявъ голову, она увидѣла въ дверяхъ управляющаго. Онъ стоялъ, печально опустивъ голову и отирая платкомъ глаза.

— Честь имѣю кланяться, ваше сіятельство,—произнесъ онъ сквозь слезы,—и выразить глубокое сочувствіе вашему горю.

— Хотя мнѣ это тяжело и очень прискорбно,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—но я вынужденъ объявить вашему сіятельству, что я уже больше мѣсяца назадъ получилъ приказъ отъ старой графини высылать ей сполна всѣ доходы изъ Липовки, а черезъ недѣлю послѣ этого графиня меня извѣстила, что Липовка принадлежитъ ея зятю князю Лясковскому, который въ февралѣ пріѣдетъ принять имѣніе въ свое владѣніе.

Новый тяжелый ударъ обрушился на Катрусю.

— Какъ? Все это чужое?—вскрикнула она отчаянно.—Куда же дѣться? Чѣмъ жить? Дѣтки мои, дѣтки дорогія!—едва выговаривала она сквозь слезы.

Давъ ей нѣсколько успокоиться, управляющій сказалъ, что новый владѣлецъ пріѣдетъ, можетъ-быть, еще не такъ скоро, а тѣмъ временемъ можно кое-что сдѣлать для облегченія положенія графини. Онъ объяснилъ ей, что князю Лясковскому подарено имѣніе, а вся движимость, пріобрѣтенная покойнымъ графомъ Болеславомъ, несомнѣнно, принадлежитъ его вдовѣ. За эту движимость можно выручить не меньше пяти тысячъ рублей.—Я уже и покупателей пріискалъ,—прибавилъ онъ.

Пришелъ о. Аѳанасій и съ своей стороны выразилъ, что продажа движимости въ пользу графини вполнѣ возможна.

— Спасибо, спасибо вамъ, добрые люди. Не откажите же сдѣлать мнѣ послѣднюю услугу. Возьмите на себя эту распродажу и окончите ее какъ можно скорѣе,—сказала она, крѣпко пожавъ руки обоимъ.

Несмотря на ужасную усталость, Катруся въ эту ночь долго не могла уснуть. Послѣ долгихъ тяжелыхъ размышленій она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ. Вырученную отъ продажи сумму она думала сохранить для дѣтей и жить уроками, надѣясь на поддержку Корецкихъ и еще трехъ семействъ, съ которыми она успѣла сблизиться въ столицѣ.

Въ два дня распродажа была окончена, и управляющій вручилъ графинѣ болѣе шести тысячъ рублей. Въ то же время Катруся собрала всѣ подаренныя мужемъ золотыя вещи и брильянты и уложила ихъ въ сундукъ. Затѣмъ она привела въ извѣстность свой богатый гардеробъ и другую движимость въ домѣ, пріобрѣтенную мужемъ, и поручила управляющему все это ей прислать.

На третій день, пославъ письмо матери, она съ тяжелымъ чувствомъ покинула Липовку, провожаемая общими сожалѣніями. Многіе плакали, съ причитаніями, что такой госпожи больше у нихъ не будетъ.

Въ Петербургѣ она наняла на Пескахъ очень скромную квартирку въ три небольшихъ комнаты. Она не ошиблась въ расчетѣ на поддержку своихъ немногочисленныхъ знакомыхъ. Всѣ они приняли въ ней самое теплое участіе. Особенно горячо отнеслись къ ней Корецкіе, очень часто навѣщавшіе ее.

Думая больше всего о дѣтяхъ и ихъ будущемъ, Катруся утѣшала себя тѣмъ, что лишенія, которыя имъ приходится переживать, окончатся въ недалекомъ будущемъ, законныя права обожаемыхъ ею малютокъ будутъ возстановлены: Крыстя писала ей, что здоровье старой графини, видимо, разрушается, и она долго не проживетъ.

Но бѣдную женщину ожидалъ третій ужасный ударъ.

Однажды кухарка доложила ей, что утромъ приходилъ околоточный, разспрашивалъ о ней и о дѣтяхъ и что-то записывалъ въ свою книжку.

«Что имъ еще отъ меня нужно?» съ тревогои подумала Катруся.

Дня черезъ три послѣ этого, въ присутствіи Корецкаго, который пріѣхалъ ее навѣстить, вошелъ полицейскій приставъ. Онъ вручилъ Катрусѣ бумагу и попросилъ расписаться на ней, что все, въ ней изложенное, она принимаетъ къ исполненію. Катруся прочла, вскрикнула и выронила бумагу изъ рукъ.

Корецкій подбѣжалъ къ ней.

— Что съ вами? Успокойтесь,—сказалъ онъ съ испугомъ, видя, что она сидитъ неподвижно и безумными глазами смотритъ въ одну точку.

Онъ поднялъ бумагу, съ бланкомъ градоначальника, и прочелъ слѣдующее:

«Предписывается вашему благородію объявить незаконно проживающей въ г. С.-Петербургѣ и самозванно именующей себя графинею Струйской, крѣпостной крестьянкѣ графини Ядвиги Витольдовны Струйской села Дробышева, Волынской губурніи, вдовѣ Екатеринѣ Трофимовой Заступенко, чтобы она отказалась отъ неправильно присваемаго ею титула и въ мѣсячный срокъ представила письменное разрѣшеніе графини Струйской на право дальнѣйшаго жительства въ столицѣ, въ чемъ и взять съ нея въ этомъ собственноручную подписку. При неисполнененіи сего, Екатерина

Заступенко съ дѣтьми будетъ отправлена по этапу въ распоряженіе ея законной владѣлицы».

— Потрудитесь подписаться на бумагѣ,—попросилъ приставъ, послѣ долгаго ожиданія.

Катруся сидѣла попрежнему неподвижно и, очевидно, не слышала обращенной къ ней прьсьбы.

— Да развѣ вы не видите, въ какомъ она состояніи? — вмѣшался Корецкій.

— Но я не могу явиться съ докладомъ къ моему начальству безъ подписи — настаивалъ приставъ.

Корецкій взялъ перо и написалъ:

«Обязываюсь объявить упоминаемой въ настоящей бумагѣ Екатеринѣ Трофимовнѣ, въ виду ея болѣзненнаго состоянія, содержаніе изложеннаго въ бумагѣ распоряженія».

Возвратимся теперь къ тому, что произошло въ домѣ гущинскаго священника послѣ вѣнчанія Болеслава и Катруси.

Войдя въ домъ, ксендзъ Игнатій таинственно заявилъ:

— Мнѣ необходимо говорить съ вами, батюшка, безъ всякихъ свидѣтелей. Позаботьтесь объ этомъ.

Хозяинъ повелъ гостя въ угловую комнату, сказалъ домашнимъ, чтобы никто имъ не мѣшалъ, и плотно затворилъ дверь. Ксендзъ сразу приступилъ къ дѣлу.

— Я являюсь къ вамъ, батюшка, какъ уполномоченный графини Струйской, — началъ онъ. — Вы хорошо знаете, какъ графиня богата и сильна своими связями. Она можетъ облагодѣтельствовать и осчастливить человѣка, исполняющаго ея желанія, можетъ и уничтожить въ прахъ поступающаго противъ ея воли. Графинѣ необходимо,—почти шопотомъ прибавилъ онъ,—чтобы совершоннаго вами сегодня брака ея сына какъ бы не было вовсе.

— Какъ это?—съ недоумѣніемъ и страхомъ спросилъ священникъ.

— Скажите, батюшка,—продолжалъ ксендзъ,—вы уже внесли въ церковныя книги установленныя записи о бракѣ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ священникъ, — графъ такъ спѣшилъ съ вѣнчаніемъ и отъѣздомъ, что въ «брачномъ обыскѣ» и въ книгахъ едва успѣли сдѣлать необходимыя подписи, а остальное я впишу дома. Вотъ, я и взялъ для этого книги изъ церкви.

— Ну, и прекрасно! — сказалъ ксендзъ, съ удовольствіемъ потирая руки.

И онъ разсказалъ, что въ усадьбѣ графини, въ рабочей казармѣ доживаетъ на печкѣ свои послѣдніе дни бывшій кучеръ Кондратъ. Его можно и вписать въ книги вмѣсто графа Болеслава. При этомъ онъ увѣрилъ, что Кондратъ умретъ очень скоро, и далъ слово за себя и графиню, что эта запись будетъ использована не раньше, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Кондрата уже не

будетъ въ живыхъ. При этомъ онъ разстегнулъ свою сутану, отсчиталъ двѣ тысячи рублей и положилъ ихъ на столъ.

— А свидѣтели? — попробовалъ еще возразить священникъ.

— Да вѣдь записи въ книгѣ будутъ сдѣланы безъ помарокъ и подчистокъ, а подъ ними уже есть подписи этихъ свидѣтелей,— успокоилъ ксендзъ.—Наконецъ, я еще разъ напомню вамъ,—закончилъ онъ,—что если бы въ этомъ дѣлѣ и возникли въ будущемъ какія-нибудь недоразумѣнія, у графини достаточно силы и средствъ, чтобы ихъ устранить, и вы не подвергаетесь никакому риску.

Сумма, лежащая на столѣ, была такъ заманчива, а доводы собесѣдника такъ убѣдительны, что священникъ не устоялъ и, подъ диктовку ксендза, написалъ, что двадцать четвертаго сентября 1852 года крестьянская дѣвица графини Струйской Екатерина Трофимова повѣнчана съ крѣпостнымъ с. Дробышева Кондратіемъ Ивановымъ Заступенкомъ.

Изъ состоянія столбняка, послѣдствій котораго очень опасались друзья Катруси, вывели ее дѣти своими ласками. Она скоро очнулась.

Корецкій старался внушить ей надежду, что адская махинація, жертвою которой она сдѣлалась, можетъ быть разрушена и права ея будутъ возстановлены. Ея вѣрный другъ, при помощи вліятельныхъ знакомствъ, ограждалъ ее и отъ вторженій полиціи, и съ этой стороны она была спокойна.

Но время тянулось и не приносило никакихъ перемѣнъ. Бѣдная женщина переживала тяжелые дни, считая, что всѣ ея надежды на приближеніе лучшаго будущаго разсыпались въ прахъ. Больше всего приводила ее въ ужасъ мысль о томъ, что графиня можетъ потребовать ея возвращенія въ Дробышевъ. Эти мрачныя мысли озарялись только надеждой на близкое освобожденіе крестьянъ, котораго всѣ ожидали со дня на день.

Вслѣдъ за разжалованьемъ Катруси, объявленномъ черезъ петербургскую полицію, графиня съ торжествующею злобой вознамѣрилась послать ей приказъ явиться въ Дробышевъ и возвратить ее въ первобытное состояніе. Но въ ней опять возникла съ прежнею силой внутренняя борьба, которую она переживала семь лѣтъ назадъ.

Однажды Крыстя, получивъ письмо отъ Катруси, подѣлилась съ дворецкимъ пріятнымъ для нея сообщеніемъ, что старшій сынъ Катруси Николай поразительно похожъ на отца. Объ этомъ узнала и графиня. Это и было причиной того малодушія, въ которомъ она упрекала себя и прежде. Она не могла равнодушно думать о томъ, что этотъ мальчикъ, эта копія Болеслава, котораго она не могла

вспоминать безъ слезъ, будетъ расти въ грязной обстановкѣ, среди ея хамовъ. И призывъ Катруси все откладывался.

А здоровье графини Ядвиги дѣлалось все хуже. Въ ноябрѣ главноуправляющій призналъ необходимымъ увѣдомить княгиню Лясковскую объ опасномъ положеніи матери. Зося скоро пріѣхала съ двумя дѣтьми. Внуки доставили большое утѣшеніе больной, и она какъ будто чувствовала себя лучше, слушая ихъ забавную болтовню.

Зося выписала изъ Кіева извѣстнаго профессора. Выслушавъ больную, онъ прописалъ кое-какія успокоительныя средства, но сказалъ Зосѣ, что сердце графини функціонируетъ очень слабо, что надежды на выздоровленіе нѣтъ и что конецъ долженъ наступить не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ.

Въ половинѣ декабря сама графиня почувствовала приближеніе этого конца и послала за своимъ духовникомъ. Передъ его пріѣздомъ она, къ крайнему изумленію всѣхъ, приказала позвать Крыстю. Когда старуха робко вошла, она знакомъ подозвала ее къ себѣ, обняла со слезами и поцѣловала.

Сердце Крысти запрыгало отъ радости. Она догадалась, въ чемъ заключается причина такой небывалой милости, стала на колѣни передъ постелью и хотѣла умолять графиню смиловаться надъ Катрусей и возвратить ей и ея дѣтямъ ихъ права. Но вошелъ старый пріоръ. Графиня махнула Крыстѣ рукой и она вышла.

— Великій грѣхъ передъ покойнымъ сыномъ и его семьей тяготитъ мою душу,—начала она свою исповѣдь. Но рѣчь ее прервалась отъ сильнаго волненія и слезъ.

— Продолжай, дочь моя,—сказалъ пріоръ.

Но продолженіе не послѣдовало. Глубокій вздохъ поднялъ грудь графини. Но вздохъ оборвался. Она судорожно вытянулась и замолкла на вѣкъ.

Въ бумагахъ графини Ядвиги нашли завѣщаніе, по которому она отдавала дробышевское имѣніе дальнему родственнику мужа, графу Корбуту. Въ началѣ завѣщанія было выражено, что мотивомъ этого дара является неимѣніе наслѣдника мужскаго пола и прекращенія фамиліи графовъ Струйскихъ. Въ заключеніи поставлено непремѣнное условіе, чтобы будущій дробышевскій владѣлецъ принялъ фамилію — графъ Корбутъ-Струйскій.

Однажды въ началѣ декабря Корецкій заѣхалъ къ Катрусѣ. Видъ у него былъ очень веселый.

— Васъ съ чѣмъ-нибудь поздравить? У васъ такое счастливое лицо, — привѣтствовала она его.

— Да, я чувствую себя очень счастливымъ,—отвѣтилъ онъ, и надѣюсь, что, выслушавъ меня, и вы будете бодрѣе смотрѣть

въ будущее. Кажется, дѣло ваше можно поставить на хорошую дорогу.

И онъ, со словъ родственника, секретаря сената, сообщилъ слѣдующее:

«Недавно вышелъ изъ сената въ отставку прослужившій тамъ дѣлопроизводитель около сорока лѣтъ Мурзинъ. Это очень опытный чиновникъ, не только прекрасно знающій законы, но умѣющій очень хитроумно ихъ примѣнять. Въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ, когда сенаторы ломали голову и колебались въ составленіи рѣшенія, они обращались къ его находчивости, и онъ поражалъ всѣхъ, измысливъ такую каверзу, которая сразу выводила изъ затрудненія. При этомъ Мурзинъ отличается безукоризненной честностью и правдивостью, и на него вполнѣ можно положиться».

— Я былъ у Мурзина,—прибавилъ Корецкій,—и говорилъ съ нимъ по вашему дѣлу. Онъ вполнѣ увѣренъ, что это дѣло можно выиграть скоро, безъ особыхъ затрудненій и съ небольшими затратами. Кстати,—закончилъ онъ,—Мурзинъ живетъ рядомъ съ вами. Позвольте мнѣ привести его сейчасъ къ вамъ.

И, не ожидая отвѣта, онъ быстро ушелъ.

Очень скоро онъ возвратился въ сопровожденіи стараго, небольшого роста человѣка, въ довольно потертомъ форменномъ сюртукѣ.

— Честь имѣю кланяться, ваше сіятельство,—сказалъ вошедшій, почтительно кланяясь.

— Зачѣмъ вы называете меня непринадлежащимъ мнѣ титуломъ, отвѣтила Катруся, приглашая его сѣсть.

— Этотъ титулъ принадлежитъ вамъ графиня,—съ увѣренностью сказалъ Мурзинъ,—и я нисколько не сомнѣваюсь, что очень скоро вамъ можно возвратить его, вмѣстѣ съ состояніемъ покойнаго вашего мужа.

Катруся съ сомнѣніемъ развела руками.

Въ концѣ бесѣды старикъ выразилъ, что онъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ дѣла, что весь свой небольшой капиталецъ, около пяти тысячъ рублей, собранный имъ въ теченіе долгой службы, онъ готовъ затратить на веденіе дѣла.

— Конечно, вы мнѣ возвратите мои расходы, съ маленькимъ процентомъ за хлопоты,—добавилъ, улыбаясь, Мурзинъ.

На другой же день Катруся вручила ему формальное обязательство, что, при благопріятномъ исходѣ дѣла, она уплачиваетъ ему пятнадцать тысячъ рублей.

Мурзинъ уговорилъ Катрусю дать ему на всякій случай небольшой, стоявшій на ея письменномъ столѣ, портретъ Болеслава, въ гвардейскомъ мундирѣ, писанный извѣстнымъ художникомъ во время первой поѣздки Струйскихъ въ Италію.

Черезъ два дня Мурзинъ уѣхалъ.

Прежде онъ поѣхалъ въ Житомиръ. Тамъ узналъ онъ о смерти графини Ядвиги. Это значительно облегчало дальнѣйшія его дѣйствія.

Познакомившись съ архиваріусомъ духовной консисторіи, Мурзинъ, за небольшое вознагражденіе, получилъ для просмотра книги гущинской церкви за 1852 годъ. Тамъ онъ нашелъ, безъ помарокъ и подчистокъ, запись о томъ, что Екатерина Трофимовна обвѣнчана съ крѣпостнымъ Кондратіемъ Ивановымъ Заступенкомъ. Но онъ зналъ, что въ консисторіи отсылаются копіи книгъ, а подлинныя хранятся въ архивѣ мѣстной церкви. Главный интересъ его и состоялъ въ полученіи доступа къ этимъ подлиннымъ книгамъ. Но прежде чѣмъ отправляться для этого въ Гущу, онъ поѣхалъ въ Дробышевъ.

Когда онъ разсказалъ дробышевскому священнику, въ чемъ дѣло, тотъ съ удивленіемъ отвѣтилъ, что фамилія Заступенка въ его приходѣ вовсе нѣтъ и не было. Онъ прибавилъ, что если бы дѣвица Екатерина Кухаренко выходила замужъ за здѣшняго крестьянина, то имъ не было бы надобности ѣхать въ Гущу: они были бы повѣнчаны здѣсь. Затѣмъ онъ припомнилъ, что между дворовыми графини Ядвиги былъ бывшій ея кучеръ Кондратъ. Послѣдніе годы онъ лежалъ почти безъ движенія, разбитый параличомъ. Умеръ онъ около семи лѣтъ назадъ.

По просьбѣ Мурзина, священникъ навелъ справки въ метрическихъ книгахъ и оказалось, что въ книгѣ за 1852 годъ записанъ умершимъ 10 октября Кондратій Ивановъ Кулага.

Когда Мурзинъ пришелъ въ графскую усадьбу, Генрихъ Карловичъ, узнавъ о цѣли его прибытія, выразилъ полную готовность оказать ему всякое содѣйствіе. Въ усадьбѣ всѣ нисколько не сомнѣвались, что Катруся повѣнчана съ графомъ Болеславомъ, и всѣ недоумѣвали, какъ могло произойти, что бракъ этотъ признанъ недѣйствительнымъ, и она снова сдѣлалась крѣпостной. По просьбѣ Мурзина, главноуправляющій позвалъ нѣсколькихъ дворовыхъ, которые могли бы дать необходимыя для него показанія. Когда позванные собрались, онъ объяснилъ, что Екатеринѣ Трофимовой велѣно называться фамиліей Заступенка, съ которымъ она повѣнчана.

— Что такое? Заступенко? Ай, да женихъ! —послышались голоса.

Выяснилось, что прозвище Заступенка дано бывшему кучеру потому, что отецъ его когда-то укралъ въ усадьбѣ заступъ. Его и прозвали Заступомъ, а сына его по-уличному стали звать Заступенкомъ. Настоящая же его фамилія Кулага. Затѣмъ всѣ подтвердили, что во время вѣнчанія Катруси Кондратъ Кулага со дня на день ожидалъ смерти, которая очень скоро и пришла къ нему на выручку.

Всѣ эти драгоцѣнныя для него показанія Мурзинъ изложилъ на бумагѣ, собралъ всѣ подписи; послали за становымъ при-

ставомъ, который ихъ засвидѣтельствовалъ, и затѣмъ онъ отправился въ Гущу. Тамъ онъ безъ затрудненія разыскалъ свидѣтелей бракосочетанія Болеслава и взялъ отъ нихъ такія же письменныя показанія.

Оставалось только добыть отъ гущинскаго священника церковныя книги за 1852 годъ. Познакомившись съ этимъ пастыремъ, очень любившимъ возліянія, онъ постарался пріобрѣсти его довѣріе, угощалъ его и, наконецъ, добился того, что нужная ему книга попала въ его руки.

Онъ старательно вычистилъ слова, съ кѣмъ повѣнчана Катруся, и на подчищенномъ написалъ тѣ же слова: съ крѣпостнымъ с. Дробышева Кондратіемъ Ивановымъ Заступенкомъ. На другой день во время попойки онъ незамѣтно положилъ книгу на прежнее мѣсто.

Этого было достаточно.

Съ довѣренностью Катруси Мурзинъ энергично повелъ дѣло и, благодаря разнымъ пружинамъ, которыя, при помощи своихъ связей, усердно двигалъ Корецкій, права Катруси въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ были вполнѣ возстановлены.

Устранить графа Корбута отъ притязаній на наслѣдство было нетрудно, такъ какъ отпалъ главный мотивъ завѣщанія графини Ядвиги.

Въ маѣ 1861 года графиня Екатерина Трофимовна Струйская давала первый свой балъ въ дробышевскомъ палацѣ.

В. Хижняковъ.

Автобіографическія записки В. М. Максимова [1]).

Письма вручены по назначенію, какъ только мы пріѣхали въ имѣніе. Мнѣ указалъ лакей мое помѣщеніе въ гостиномъ флигелѣ, куда я отправился со своими вещами. Приведя себя въ порядокъ, я пошелъ представиться графинѣ, она приняла меня съ нѣкоторымъ холодкомъ, спросила о Лосевыхъ и отпустила. Навстрѣчу мнѣ попался второй ея сынъ—Арсеній Аркадьевичъ, мы познакомились, онъ показался мнѣ мягко-лицемѣрнымъ по дѣланности добродушія, но я взялъ себя въ руки—не дѣлать съ перваго взгляда заключенія, въ особенности о людяхъ совсѣмъ не знакомаго мнѣ общества. Подошелъ къ намъ старшій его братъ—Петръ Аркадьевичъ, онъ предложилъ пройти во флигель *выбрать* комнаты для занятій и установить время.

Надо,—говоритъ,—дать время г. Максимову оглядѣться у насъ.

Выбрали мы отличную комнату для занятій, а сосѣднюю предложили мнѣ для кабинета, она такая роскошная, что я отказался, указавъ на бывшую лакейскую, обращенную единственнымъ окномъ въ дубовый паркъ, дверь ея выходила прямо въ прихожую, что представляло удобство для возвращенія съ ночныхъ прогулокъ. Петръ Аркадьевичъ сдѣлалъ распоряженіе дворецкому приготовить мою комнату и позвалъ меня позавтракать въ ихъ столовую, такъ какъ до обѣда ждать долго.

Столовая поражала своей величиной, она болѣе походила на концертный залъ съ хорами и сферическимъ потолкомъ. По стѣнѣ, выходившей въ садъ, рядъ огромныхъ оконъ, съ дверью, ведущей на террасу; въ двухъ внутреннихъ стѣнахъ, отдѣляющихъ отъ столовой боковые кабинеты, двери изъ цѣннаго темнаго дерева, около нихъ по обоимъ угламъ столовой красуются двѣ большія тумбы изъ чистаго серебра, отбитаго казаками отъ французовъ въ 1812 г., на нихъ стоятъ мраморные бюсты. У противоположной къ саду стѣны стоитъ концертный рояль Лихтенталя; почти въ центрѣ огромный складной обѣденный столъ; вся мебель старинная. Величина столовой, казенно-музейная неуютность, накрытый для одного меня завтракъ, со множествомъ бутылокъ, снующій лакей, по молчаливому приказу старца дворецкаго, стоящаго на вытяжкѣ у дверей, ведущихъ во внутреннія комнаты,—все это, вмѣстѣ взятое, лишило

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» № 6.

меня аппетита, я нехотя жевалъ подаваемыя кушанья и обрадовался принесенному кофе, какъ послѣднему истязанію.

Когда горничная пришла сказать, что графиня меня ждетъ у себя, я сразу почувствовалъ себя въ положеніи ученика, идущаго на экзаменъ, безъ надежды на успѣхъ. Проходя рядъ прекрасно, уютно убранныхъ комнатъ, обращенныхъ окнами на солнечную сторону, и увидѣвъ издалека веселое лицо графини, я почти совсѣмъ успокоился. На сей разъ она была любезна, подала руку, спросила хорошо ли я устроился, спросила извѣстны ли мнѣ условія кондицій и т. п.

«Какъ вы съ ними будете заниматься»? Я говорю, что для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо познакомиться съ ихъ познаніями и примѣнительно найти способъ двигаться дальше. Изъ разговора съ графиней я убѣдился, что о художествѣ она свѣдѣній не имѣетъ, ни объ античномъ ни о времени возрожденія. Да оно и лучше, не будетъ вмѣшиваться въ мое дѣло.

Къ слѣдующему дню я заготовилъ все необходимое для урока, нашелся даже мольбертъ на чердакѣ. Къ счастью, я привезъ съ собой запасъ разной бумаги и карандашей, иначе сидѣли бы безъ дѣла. Моя комната оказалась убранною превосходно до послѣдней мелочи, даже коверъ постланъ. Отъ ужина я отказался, хотѣлось остаться одному, пораньше лечь.

Послѣ утренняго чая я пригласилъ учениковъ на урокъ, предложилъ имъ нарисовать одинъ изъ предметовъ, поставленныхъ для этой цѣли, и сказать мнѣ, что имъ самимъ нравится. Два часа усердно работали, а дѣло мало двигалось впередъ, послѣ завтрака опять засѣли и съ небольшими роздыхами вплоть до пяти часовъ занимались. Ученики мои сами убѣдились въ малой подготовленности рисованіемъ въ гимназіи съ оригиналовъ, затѣмъ въ продолженіе пяти лѣтъ не упражнялись ни разу, не мудрено было все позабыть.

Съ мѣсяцъ мы налаживались, и дѣло мало-по-малу стало двигаться, не явись помѣха въ видѣ пріѣхавшаго въ гости бывшаго ихъ гувернера француза и больной тетки, монахини кашинскаго дѣвичьяго монастыря, затѣмъ Михаила Дмитріевича Жеребцова, ихъ семейнаго друга, разныхъ гостей, прогулокъ, поѣздокъ въ гости. Въ августѣ или въ концѣ іюля умерла монахиня, тутъ прекратились всѣ занятія, я намѣревался уѣхать, но графиня задержала.

Не стану забѣгать впередъ, надо познакомить съ моими хозяевами.

Графиня Прасковія Петровна Голенищева-Кутузова происходила изъ бѣдныхъ дворянокъ, замужъ взята за красоту. Красота ея не въ строгости формъ, а въ миловидности, сохранившейся до сорокалѣтняго возраста; густые свѣтло-русые волосы, синіе глаза,

алыя губы, рядъ чудесныхъ зубовъ, безукоризненная бѣлизна кожи,— вотъ и вся ея красота; при среднемъ ростѣ, она хорошо сложена, ходитъ очень красиво.

Младшій ея сынъ, Арсеній Аркадьевичъ, ростомъ гораздо выше матери, а лицомъ, даже голосомъ, очень похожъ на мать, во всей натурѣ его замѣтно что-то женственное, мягкое, изнѣженное. Онъ любимецъ и баловень матери. Учится прекрасно, рано началъ писать стихи, я слышалъ, онъ часто читалъ ихъ матери, стихъ гладкій, звучный, языкъ чистый, чувствуется подражаніе Пушкину, Майкову.

Любилъ онъ вкусно покушать и какъ истинный знатокъ, несмотря на молодость, тонко отличалъ степени: 1-я, идеально приготовленнаго кушанья, 2-я, очень хорошо приготовленнаго и 3-я, хорошо приготовленнаго.

Иногда, во время обѣда, онъ призывалъ повара для одобренія или порицанія, и это у него выходило дѣловито. Меня забавляло такое любовное отношеніе къ ѣдѣ, а его старшій братъ какъ-то брезгливо взглядывалъ въ его сторону. Въ заботѣ угодить молодому графу поваръ придумывалъ такія украшенія обыкновеннымъ блюдамъ, что становишься втупикъ, какъ ихъ ѣсть, — ложкой, ножомъ или вилкой. Со мной онъ держался добродушно-снисходительно, я также не допускалъ намека на отдаленное дружество, былъ вѣжливъ и предупредителенъ, какъ наемный учитель, обязанный только преподавать.

По мягкости характера онъ и съ французомъ былъ друженъ, не меньше чѣмъ съ Михаиломъ Дмитріевичемъ Жеребцовымъ — стариннымъ ихъ знакомымъ и чуть ли не родственникомъ. Люди дорожили его благоволеніемъ, такъ какъ это поднимало ихъ значеніе въ глазахъ графини; одинъ дворецкій, старый слуга Алексѣй, велъ себя одинаково для всѣхъ, строго выполняя свою обязанность — главы комнатныхъ слугъ и порядковъ.

Старшій сынъ, Петръ Аркадьевичъ, ни въ чемъ не походилъ на брата. Высокаго роста, плотный, темно-русый, съ продолговатымъ лицомъ, большимъ открытымъ лбомъ, съ пытливо проницательными карими глазами, сухимъ крупнымъ носомъ, небольшіе усы надъ плотно сжатыми, рѣдко улыбающимися губами; возбужденная угреватость кожи нѣсколько портила впечатлѣніе характерность его лица. Казалось, будто всѣ жители Шубина ему не по душѣ, француза же онъ не выносилъ, даже косо поглядывалъ на тѣхъ, кто съ нимъ былъ ласковъ.

Большая разница между взглядами братьевъ замѣчалась въ вопросѣ о надѣлѣ ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Арсеній находилъ, что все хорошо, какъ оно теперь обставлено, ему возражалъ Михаилъ Дмитріевичъ Жеребцовъ, находя довольно кургузымъ надѣлъ у многихъ помѣщиковъ, пожелавшихъ остаться хозяевами

положенія. Петръ Аркадьевичъ порицалъ всѣхъ за скупой надѣлъ бывшихъ крѣпостныхъ, находилъ это близорукимъ, хвалилъ Н. Н. Лосева за либерализмъ на дѣлѣ, а не на словахъ: онъ далъ столько угодьевъ, что на многіе годы хватитъ имъ съ дѣтьми независимо отъ господъ устроиться: пашни, покосы, водяная мельница, лѣсъ для стройки и топлива, удобные выгоны, все, все... «А у нашихъ что. Ничего подобнаго. Потомъ удивляются, отчего они ходятъ понурые, не улыбаются. Да, они свободны голодать, не ждать помощи во время бѣдствія»... Онъ махнулъ рукой и сталъ ходить крупными шагами отъ волненія.

Я сразу пересталъ его дичиться, онъ заходилъ ко мнѣ во всякое время; самъ вызвался познакомить меня съ сосѣдями; на первый разъ выборъ палъ на двухъ барышень, сестеръ художника Икова.

Помѣстье Иковыхъ находилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Шубина, по грунтовой дорогѣ черезъ поля и мелкій лѣсокъ по сторонамъ. Издалека показалась большая роща, въ ней и была спрятавшись усадьба, вмѣсто забора выкопана канава, часто обсаженная (въ четыре ряда) березнякомъ, ольхой, кленомъ, ясенемъ, вязами съ липой; затѣмъ по небольшому валику — густая обсадка сиренями, акаціями, орѣшникомъ, потомъ уже въѣзжаете въ ворота, откуда на очень далекомъ разстояніи виденъ господскій домъ. По сторонамъ дороги фруктовый садъ съ обильнымъ урожаемъ, вдалекѣ ягодный садъ, парники, подвалы, навѣсы, а передъ домомъ цвѣточныя клумбы. Расположено такъ, что изъ оконъ дома видно какъ на ладони все садовое хозяйство.

Насъ встрѣтили двѣ барышни, одѣтыя по-праздничному, онѣ обѣ сразу объявили о своей радости видѣть насъ, что у нихъ сегодня настоящій праздникъ, такъ какъ мы уже вторые гости, а день еще не кончился. Говорили онѣ обѣ разомъ, присѣдая, мотаясь, какъ дѣти-подростки, а между тѣмъ младшей изъ нихъ было уже лѣтъ подъ тридцать, а старшей — и всѣ сорокъ. Онѣ сильно были подкрашены, это меня смущало, и, какъ на зло, я старался невольно смотрѣть на эти, неудачно поддѣланныя мѣста. Младшая не нуждалась въ румянахъ, лицо ея горѣло такъ же, какъ и руки; прическа пышная, одинаковая, съ той разницей, что у старшей виски были выкрашены чуть ли не простыми чернилами. Я похвалилъ расположеніе ихъ сада. Старшая, оставшись одна, нѣсколько спокойнѣе повела рѣчь о хозяйствѣ, ясно, она любила его и превосходно знала. Отецъ ихъ умеръ давно, мамаша вела хозяйство по примѣру мужа. «Насъ мама тоже пріучила къ дѣлу, мы все сами дѣлаемъ. У насъ есть братъ, онъ не вмѣшивается въ имѣніе, когда его спросили о надѣлѣ, онъ сказалъ: «Отдайте мою долю мужикамъ» и полную довѣренность далъ мнѣ». Она счастлива, что размежевались съ крестьянами хорошо, вчера все стадо въ ихъ

поля зашло, они не захотѣли грѣха, выгнали, да немного посѣкли пастуха, тѣмъ дѣло и кончилось. Водила насъ по саду, показывала: сколько яблоней она сама нынче привила по второму разу; въ вишневомъ саду показала дерева, пригнутыя къ землѣ настолько, что съ невысокой лѣсенки можно собирать ягоды, и для цвѣту лучше: его не сбиваетъ вѣтромъ. Чѣмъ больше слышалъ я разумную рѣчь дѣвушки, тѣмъ страннѣе казалась мнѣ ея привычка мазать себя всякой дрянью и дѣлать посмѣшищемъ для незнакомыхъ людей. Насъ позвали къ чаю. Цѣлыя горы кудрей, завитковъ, пряничковъ и проч. снѣди, а вареньевъ счета нѣтъ, домашніе фруктовые ликеры особенно показались мнѣ рѣдкостью. Однако надо было себя пожалѣть, мы простились. Дома насъ ждалъ гость Иванъ Николаевичъ Лодыженскій, братъ жены Лосева, сосѣдъ гр. Кутузовыхъ, владѣлецъ имѣнія «Маковница»; онъ заѣхалъ, чтобы увезти насъ въ Марьино къ Лосевымъ на праздникъ, гдѣ предполагаютъ играть «Ревизора». Петръ Аркадьевичъ съ радостью отозвался на приглашеніе, я не могъ располагать собой, хотя съ удовольствіемъ удралъ бы отсюда, и отдался на волю Петра Аркадьевича, онъ переговорилъ съ матерью, и я былъ уволенъ на временную отлучку. На другой день, собравъ все необходимое, мы отправились по той же дорогѣ. Иванъ Николаевичъ Лодыженскій, студентъ 1-го курса медицинской Академіи, очень общительный, не притворявшійся либераломъ, отрицавшій Базаровщину, любилъ музыку, хорошіе стихи, ненавидѣлъ калѣченье русскаго языка, а самъ основательно зналъ французскій, нѣмецкій и англійскій. Красотой Богъ его не наградилъ, ростомъ также не вышелъ, а его любили.

Въ Марьинѣ обрадовались пріѣзду. Къ общему удивленію, Николай Николаевичъ самъ безъ зова пришелъ въ домъ и скорѣе велѣлъ подавать обѣдать: гости ѣсть хотятъ. Ему напомнили, что недавно былъ завтракъ, онъ удивился, какъ могъ такъ скоро проголодаться, оказалось, что онъ, вмѣсто того, чтобы кушать, протолковалъ съ землемѣромъ, котораго также оставилъ бы голоднымъ, если бы тотъ мало зналъ хозяина. Окуловъ оставилъ урокъ, такъ какъ Катерина Владимировна пошла къ гостямъ. Черезъ недѣлю былъ приходскій праздникъ; въ домѣ готовились къ пріему гостей; священникъ обучалъ заводскаго рабочаго, — «чрезвычайнаго баса», — чтенію апостола и достигъ такого совершенства, что тотъ, зная наизусть текстъ, ревѣлъ на заводѣ свой урокъ во всю глотку. Анастасія Николаевна усиленно занималась съ хоромъ пѣвчихъ, ежедневно работая по нѣскольку часовъ, жаловалась, что некѣмъ замѣнить захворавшаго второго тенора. Я вызвался посѣщать спѣвки, къ ея великому удовольствію, дѣло скоро наладилось, такъ какъ вещи были мнѣ знакомы. По ея разсказамъ, ея родители были люди богомольные, пріучили съ дѣтства къ цер-

ковной службѣ, и всѣ дѣти пѣли въ хорѣ, а она давно, еще въ Маковницахъ, руководила хоромъ такъ же, какъ и здѣсь. Музыку она знала основательно. 7-го іюля ѣздили на погостъ ко всенощной всѣмъ хоромъ 18 человѣкъ, рабочіе шли пѣшкомъ разстояніе двѣ версты.

Къ праздничной обѣднѣ наѣхало много гостей, хоръ пѣлъ исправно; «чрезвычайный басъ» прочиталъ апостолъ на славу. Послѣ обѣдни мы сѣли завтракать въ 2 часа, въ столовой не хватило мѣста, часть гостей и многіе изъ домашнихъ сѣли въ гостиной. Въ ткацкой казармѣ обѣдали рабочіе, кучера, дворня на три стола, угощенье было обильное, веселое, но пьянство не допускалось. Около вечера начались хороводы, пляски, пѣсни... Весело было смотрѣть на непринужденность и сердечность въ отношеніи хозяевъ, ихъ вызывали рабочіе въ свой кругъ и, какъ умѣли, выражали свою любовь и уваженіе. Николай Николаевичъ подчивалъ женщинъ и дѣвицъ сладкой наливкой, чокался, цѣловался.. До трехъ часовъ утра раздавалось треньканье на балайкѣ, на скрипкѣ, на гармоніи, едва могли угомониться. Мы ходили въ гости въ деревню «Ямокъ» близъ усадьбы, тамъ шли пиры во всѣхъ избахъ, гуртомъ деревенскіе шли въ гости къ Лосевымъ и сами звали ихъ къ себѣ.

Петръ Аркадьевичъ былъ необыкновенно веселъ и отмѣтилъ мнѣ разницу отношеній у нихъ и здѣсь. Во второй пріѣздъ сюда былъ и Арсеній Аркадьевичъ. Здѣсь играли «Ревизора» Гоголя. Окуловъ въ роли «городничаго», Петръ Аркадьевичъ — «Ляпкинъ-Тяпкинъ», Иванъ Николаевичъ Лодыженскій — «Хлестаковъ», Анастасія Николаевна — «Марія Андреевна», «Осипа» коверкалъ я. Много смѣшного было въ незнаніи ролей, но все-таки весело.

Въ Шубино вернулись всѣ довольные и здѣсь устроили поѣздку на Петровскія озера, привезши изъ Марьина Екатерину Владимировну и Ивана Николаевича Лодыженскихъ, я потомъ написалъ картину (скверную) лодки съ иллюминаціей, помѣстивъ всѣхъ участниковъ.

Послѣ веселыхъ дней наступили скучные: монахиня была долго при смерти, доктора не переводились въ домѣ, наконецъ она умерла. Ее положили въ гробъ и поставили на половинѣ графини въ той комнатѣ, окна которой обращены были на флигель, гдѣ я жилъ. Картина не веселая: созерцать зрѣлище смерти и стоящихъ у изголовья читающихъ монахинь. Казачокъ, прислуживающій мнѣ, боялся даже днемъ одинъ оставаться во флигелѣ, а вечеромъ его не выманить изъ родительскаго дома ни на шагъ, камердинеръ графовъ, большущій мужчина, страшно боялся покойницы и дивился, какъ я могу жить во флигелѣ, гдѣ 14 комнатъ пустыхъ. Онъ не ходилъ ко мнѣ безъ провожатаго.

Раздумался я о времепрепровожденіи нынѣшнимъ лѣтомъ, и мнѣ стало стыдно, словно я обворовалъ себя, безпутно израсходовалъ запасъ времени, отпущенный на серьезное дѣло. Съ какимъ багажомъ я вернусь въ Петербургъ. Три головки дѣтей вполнѣ законченныхъ и ничего больше. Остальное: эскизы, эскизы, альбомные пустые наброски... видѣлъ здѣсь много, а съ собой везу очень мало.

Съ точки зрѣнія пользы моей для учениковъ еще грустнѣе былъ мой выводъ. Я отказываюсь понять, зачѣмъ понадобился я, или какой бы то ни было другой спеціалистъ-художникъ для окончившихъ курсъ университета, никогда не помышлявшихъ объ искусствѣ людей, рисовавшихъ въ гимназіи по обязанности, менѣе отвѣтственной, чѣмъ чистописаніе. Читать имъ лекціи по исторіи искусствъ я не могъ, а только это одно и было бы разумно, такъ какъ въ тогдашнее время этого предмета не преподавалось въ полномъ объемѣ, какъ теперь.

Сначала я старался ознакомить ихъ съ методами наскоро зарисовывать «для себя» въ альбомъ такіе предметы, описаніе которыхъ словами безъ помощи, хотя схематическаго рисунка, трудно достижимо. Ученики стали скучать за уроками, отвлекали меня самого предложеніемъ отдыха, поѣздками въ гости и просто нерасположеніемъ къ занятіямъ. Что я могъ съ ними дѣлать? Все глупо, отъ начала до конца.

Когда же вздумалъ я бродить по имѣнію, заинтересованный обширностью ихъ разнообразнаго хозяйства: сыроварня, промышленное садоводство, полеводство и проч., приглядываться къ жизни рабочихъ, получаемому ими вознагражденію, дѣламъ въ конторѣ, все это показалось графинѣ «страннымъ». А мои посѣщенія деревень и знакомство съ крестьянами окончательно возстановили графиню противъ моихъ вкусовъ, косвенно мнѣ дано понять, что въ деревняхъ часто бываютъ заразные больные, и графиня боится занесенія болѣзни въ домъ.

Размышленія далеко увлекли отъ «Шубина», я рѣшилъ уѣхать отсюда, завтра же, прекративъ уроки, начать сборы. Такая поспѣшность рѣшенія вызвана мечтой о поѣздкѣ по Волгѣ, о жизни среди крестьянъ на родинѣ.

Графиня не возражала противъ моего отъѣзда, но просила подождать нѣсколько дней. Я воспользовался этимъ временемъ и очень удачно написалъ — въ ближайшей деревнѣ — бабу сплетницу, подслушивающую въ сѣняхъ разговоръ. Цѣлую недѣлю я съ наслажденіемъ работалъ надъ этой картиной, никѣмъ и ничѣмъ не отвлекаемый, чего давно не испытывалъ.

Разстался я со всѣми очень хорошо. Графиня приказала дать мнѣ кусокъ сыру (10 фунтовъ), а поваръ, не знаю по чьему распоряженію, наготовилъ мнѣ на недѣлю всякой изысканной снѣди.

На парѣ сытыхъ лошадокъ, въ хорошемъ тарантасѣ, доѣхалъ я со своими пожитками до Лосевыхъ, гдѣ кучеръ сдѣлалъ дневку у своихъ пріятелей-кучеровъ, а я побесѣдовалъ съ Окуловымъ, который не торопился бѣжать въ Петербургъ, на утро поѣхалъ въ знакомую Корчеву, напутствуемый милыми хозяевами Марьина — Лосевыми. Мы успѣли къ пристани во-время, пароходъ отваливалъ въ Тверь.

Конечно, я направился прямо къ Шурыгинымъ, здѣсь мнѣ обрадовались; вечеромъ, гуляя съ Михаиломъ, зашли къ его пріятельницѣ-старушкѣ, матери управляющаго пароходной пристанью въ Твери, который вскорѣ вернулся со службы. Зашла рѣчь о льготныхъ проѣздахъ на ихъ пароходахъ, оказалось, что эта такая дешевизна, что у меня моментально созрѣла мысль сдѣлать поѣздку до Астрахани. Однако, подсчитавъ мои наличные (не трогая запаса), я не рискнулъ истратить полсотни рублей. Управляющій попросилъ написать его мамашу, хотя въ небольшомъ размѣрѣ, это, говоритъ, завѣтная моя мечта за ея ко мнѣ любовь, «вѣдь она меня въ люди вывела».

Я согласился. Позировала Марія Ивановна превосходно, портретъ былъ готовъ черезъ четыре дня. Въ уплату я получилъ льготный билетъ 2 класса, со столомъ, до Астрахани и обратно на пароходахъ «Самолетъ» съ правомъ остановокъ въ городахъ, гдѣ обязанъ былъ предъявлять билетъ управляющему пристанью пароходства. Получивши билетъ, я на другой же день сѣлъ на пароходъ до Рыбинска; полюбовавшись общей картиной, я здѣсь не остался до утра — поѣхалъ до Нижняго. Здѣсь меня притянулъ городъ своей красотой, историческими памятниками, ярмаркой, которая была въ разгарѣ торга и привлекала вниманіе разнообразіемъ типовъ народностей; Казань проѣхалъ мимо: дождь ливмя лилъ, какъ изъ ведра; въ Жигуляхъ останавливался, ѣздилъ въ горы на одной лошади съ знатокомъ преданій о Стенькѣ Разинѣ, довольно много сдѣлалъ рисунковъ; останавливался въ Вольскѣ, гдѣ наглядѣлся на образцовое садоводство, напробовался на диковину вкусныхъ яблокъ и при ужасающей жарѣ отправился дальше. На пароходѣ, хотя и было жарко, до этой поры все-таки можно было перемогаться, а теперь, приближаясь къ Черному Яру, стало невыносимо, и я рѣшилъ на время остановиться съ любезнымъ попутчикомъ.

Онъ, владѣлецъ нѣсколькихъ тоней близъ Чернаго Яра, посулилъ мнѣ показать добычу рыбы и весь обиходъ. У него здѣсь свой большой домъ. На тоню я взялъ шкатулку съ этюдникомъ, оставивъ въ домѣ остальной свой скарбъ. Часа три любовался я дружной работой; мы закусывали, пили чай съ такого красиваго мѣста, что мнѣ захотѣлось написать его для памяти; два сеанса я употребилъ на этюдъ и хотѣлъ его укладывать, но хозяинъ не-

отступно сталъ просить продать его ему, — какъ это мнѣ не было непріятно, но, скрѣпя сердце, долженъ былъ ему подарить. Оставлялъ онъ меня гостить у себя, однако, въ такую жару въ семейномъ домѣ труднѣе, чѣмъ на пароходѣ, спасаться отъ зноя, соблюдая приличія. Въ дорогу я получилъ рыбные продукты въ прокъ и на расходъ, упакованные и сданные капитану, какъ принадлежащая мнѣ собственность. По пріѣздѣ въ Тверь я только узналъ содержимое, когда Михаилъ раскупорилъ ящичекъ (икры свѣжей 5 ф. отдѣльно на расходъ), столько же свѣжей въ прокъ, паюсной и разсыпной сухой зернистой столько же, осетрины, стерляди, балыки. Всѣмъ этимъ я подѣлился съ Шурыгиными, а на другой день я уже ѣхалъ въ Петербургъ.

Тимоѳеевъ не ждалъ меня такъ скоро. Арсеній жилъ у него, но его не было дома, «Ушелъ, — говоритъ, — сдавать работу, вернется поздно, по-всегдашнему, отъ своей зазнобы Киселевой».

Той порой я досталъ изъ ящика часть гостинцевъ и снесъ Кларѣ Львовнѣ Горностаевой и Елизаветѣ Степановнѣ Крестоносцевой, вернувшись засталъ дома своего друга не въ духѣ, такъ какъ получку опять отложили на три дня. Дѣла его оказались трудными, хотя работа шла чередомъ,—платили не аккуратно, а своего запаса не имѣлось. У Тимоѳеева занимать нельзя безъ точнаго указанія дня и часа уплаты. На сей разъ все обошлось къ общему благополучію весело. Къ ужину купили веселиловки, закуска оказалась выше похвалы; я сдѣлалъ подарокъ Тимоѳееву— онъ процвѣлъ и сейчасъ же сталъ считать — сколько это стоитъ въ переводѣ на деньги. Шурыгинъ началъ его высмѣивать, тотъ обидѣлся, посовѣтовалъ почаще считать свои получки, чтобы не задолживать по мѣсяцамъ за квартиру и за столъ. Едва удалось умиротворить хозяина и жильца разсказами о видѣнномъ и слышанномъ.

Когда мы остались съ Арсеніемъ одни, онъ сказалъ: «Кошелевъ нанялъ въ этомъ же домѣ квартиру и, вѣроятно, у него найдется свободная для насъ комната. Я былъ очень радъ извѣстію, но сказалъ, что долго здѣсь, въ Питерѣ, не заживусь, уѣду въ деревню писать картину, которую нынче лѣтомъ задумалъ, а за комнату, на случай пріѣзда, свою часть платить буду и всѣ свои вещи оставлю здѣсь.

На утро мы сговорились съ Кошелевымъ, я заплатилъ Тимофееву за Шурыгина долгъ, и мы благополучно перебрались въ милую семью Николая Андреевича Кошелева. Раскупорилъ я свои картины для суда надъ ними — сообща и присудили поставить ихъ на «Постоянную выставку», а цѣну пусть назначитъ Д. В. Григоровичъ, или, правильнѣе, М. В. Бертковъ.

Дѣйствительно, Бертковъ лучше зналъ пріѣзжихъ покупателей и зачастую могъ сказать время продажи, не только цѣну. Такъ

и теперь, за «сплетницу» сто рублей съ ручательствомъ продажи черезъ недѣлю, за головки по тридцати «до любителя», котораго надо дольше ждать. Григоровича не было, когда я привезъ картины, поэтому расцѣнивалъ М. В. Бертковъ.

Миновалъ уже срокъ выданнаго мнѣ изъ Академіи свидѣтельства, надо было взять другое, если Совѣтъ не утвердилъ меня въ званіи. Прихожу въ канцелярію, а мнѣ упрекъ отъ производителя дѣлъ Зворскаго, почему я не беру своего свидѣтельства. Ну, думаю, слава Богу, теперь я имѣю опредѣленное положеніе. Въ то же время мнѣ стало какъ-то жутко, страшно, жаль, стыдно сразу перестать быть духовно связаннымъ съ Академіей, въ которую я такъ стремился, гдѣ получилъ независимость жить, гдѣ хочу, работать, учиться. И до сихъ поръ, кромѣ благодарности къ руководителямъ, я не могу осуждать свою старую Академію, гдѣ такіе работники, какъ Бруни, Басинъ, Нефъ, руководитель Марковъ, Клодтъ, Пименовъ, дали намъ замѣчательныя произведенія.

Я зашелъ къ А. Тар. Маркову, онъ принялъ меня вопросомъ: «Что скажете? Садитесь». Я говорю, что пришелъ поблагодарить его за руководительство во время пребыванія въ Академіи и т. д. Онъ не похвалилъ меня за оставленіе Академіи, какъ за лишеніе себя самого средствъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, трудности учиться безъ поддержки правительства при нашемъ общественномъ неумѣніи оцѣнивать таланты художниковъ какихъ бы то ни было направленій, если они не побывали за границей. Много правды было въ его словахъ, онъ искренно пожелалъ мнѣ успѣха и сказалъ, чтобы я заходилъ къ нему, когда будетъ мнѣ нужно. Онъ совсѣмъ не стоялъ исключительно за классическій міръ, онъ ясно видѣлъ, что такъ называемое новое направленіе совсѣмъ не ново, понималъ трудности для молодыхъ, неопытныхъ людей постигнуть живую суть безъ большого количества такихъ образцовъ, какіе далъ Ѳедотовъ.. Указывая на Ѳедотова, онъ спрашивалъ: «А какъ Ѳедотовъ жилъ, откуда получалъ деньги на поддержку. Развѣ общество его поддержало — нѣтъ, не будь царя, онъ и того бы не сдѣлалъ, что имъ сдѣлано. Кромѣ того, онъ былъ образованъ, офицеръ... и все-таки съ ума сошелъ отъ горя, что жилъ среди тупыхъ людей». «А Иванова въ свое время наше общество поддержало? Когда онъ умеръ — всѣ ему въ родню норовили записаться». Не могу поручиться за буквальную точность всего разговора, но вѣрно передаю его смыслъ. Я засидѣлся у него больше двухъ часовъ, разсказалъ ему, какъ я предполагаю начать жить и работать въ деревнѣ. Онъ замѣтилъ, чтобы я связи съ Петербургомъ не терялъ, чаще пріѣзжалъ сюда освѣжаться.

Отъ Маркова отправился я къ Солнцеву — поблагодарить его и проститься.

Солнцевъ встрѣтилъ меня, какъ всегда, очень благодушно; онъ ждалъ меня, чтобы сказать, что обо мнѣ докладывалъ министру, какъ объ ученикѣ, котораго слѣдуетъ поддержать въ продолженіе года послѣ окончанія курса, съ чѣмъ министръ согласился, обѣщалъ сдѣлать распоряженіе. Послѣ новаго 1867 года Ѳедоръ Григорьевичъ обѣщалъ извѣстить меня по адресу, который я ему дамъ. Онъ уже видѣлъ мои работы на Постоянной выставкѣ, — одобрилъ ихъ, посовѣтовалъ взять сюжетъ болѣе сложный и не торопясь написать картину на выставку въ Академію.

Стипендія за 4 мѣсяца получена. Художественныя принадлежности куплены съ большимъ запасомъ; оставалось пріобрѣсти подарки братьямъ, невѣсткѣ и дѣтямъ, а также и для себя.

Пошелъ я къ Елизаветѣ Степановнѣ Крестоносцевой съ просьбой помочь сдѣлать покупки. Она съ радостью взялась за дѣло. Показала мнѣ цѣлое платье атласное, изъ чистой шерсти съ огромной толстой дамы, за пять рублей, предложила купить суконный спорокъ верхъ, съ шубы на большой ростъ за 2 рубля; каракулевая шапка 3 рубля, кушакъ цвѣтной гарусный 50 коп., перчатки изъ оленя — 1 р. 50 к. — все взялъ съ благодарностью. Подивился только: откуда у ней все это добро. Она была любезна, съѣздила со мной въ Андреевскій рынокъ купить ситцевъ и проч., и я, нагруженный поклажей, воротился домой, гдѣ все было одобрено въ высокой степени.

Нѣсколько дней я укладывалъ свои ящики, сундуки, чемоданъ. Кошелевъ время отъ времени заходилъ ко мнѣ, подшучивалъ, что я собираюсь жениться, беру съ собой самоваръ для бесѣды со свахой. Наконецъ все было готово, оставалось завязать перину и желѣзную складную кровать—и въ дорогу. Кошелевъ напомнилъ, что въ шкапу платяномъ остались оба сюртука и крахмальныя сорочки съ галстуками и фрачная пара. Я сказалъ, что просилъ Оттилію Егоровну все это убрать до будущаго года, такъ какъ въ деревнѣ трепать хорошей одежды не желаю, да тамъ некуда мнѣ ходить въ городскомъ нарядѣ. Однако шубу хорошую взялъ съ собой, тепла ради. Умыселъ былъ тотъ, чтобы мнѣ отрѣзать себѣ путь щеголять въ городскомъ платьѣ и чтобы не знакомиться съ помѣщиками, могущими отвлекать отъ занятій. Книгъ у меня взято много, я подписался на «Вѣстникъ Европы» — этого развлеченія съ меня довольно. А если ко всему сказанному добавить $3^1/_2$ фунта отличнаго чаю и 4 ф. табаку, пожалуй, многіе позавидовали бы мнѣ, свободному счастливцу.

До Новой Ладоги доѣхалъ я благополучно, здѣсь купилъ голову сахару, 2 пуда пшеничной муки, крупы разной 1 пудъ.

Въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, я сидѣлъ съ братьями въ деревнѣ за чаемъ.

Едва показался въ деревнѣ возъ съ кладью, какъ любопытныя бабы окружили насъ, тщательно изслѣдуя глазами, что находится въ мѣшкахъ, чѣмъ наполнены ящики, какова перина и чуть не ахали, глядя на новешенькій самоваръ и голову сахару. Распросамъ не было конца: надолго ли пріѣхалъ, буду ли жить вмѣстѣ или начну особенно отъ семьи строиться, заговаривали даже о поповнѣ-красавицѣ. Кой-какъ отдѣлывались отъ назойливыхъ бабъ, въ избу братъ никого не пустилъ и сѣни заперъ на задвижку, когда всѣ вещи переносилъ. Я угощалъ дорожнымъ чаемъ съ оставшейся провизіей.

Зная, что семейные мои такъ же, какъ и всѣ деревенскіе, любопытны знать, что находится въ поклажѣ, я распаковалъ ящики съ подарками и сталъ раздавать по старшинству, начиная съ братьевъ: сукна на двое шароваръ, кумачу на двѣ рубахи съ шелковыми поясами и прикладомъ. Невѣстка Варвара не могла налюбоваться на матерію, на ея прочность, красоту цвѣта и количество аршинъ, ребята также получили на свои доли ситца и пояски. На общее употребленіе данъ 1 ф. чаю, кофе, голова сахару, мука бѣлая и крупы. Всѣ были такъ довольны, вѣрнѣе поражены, что не знали, какъ выразить словами свою благодарность. Меня же удивила эта необычная сегодняшняя благодарность за сравнительно небольшія затраты на всѣ поднесенія, тогда какъ раньше братъ получалъ сотни рублей и такъ не былъ признателенъ. Это объяснилось позже. Прежде братъ Алексѣй считалъ меня не выбывшимъ изъ деревенской семьи, обязаннымъ вкладывать свою часть въ общее хозяйство, въ уплату за время ученья, а теперь, когда онъ удостовѣрился, что я «отрѣзанный ломоть», то всякое даяніе считаетъ за благо.

Утромъ онъ показалъ мнѣ, что имъ сдѣлано на полученныя отъ меня деньги по дому и по хозяйству. Крыши на домѣ, сѣняхъ и маленькой избушкѣ прекрасно покрыты въ два теса, амбаръ и конюшня вновь перестроены, дворъ подрубленъ на два вѣнца и въ довершеніе всего еще новая просторная баня. Я похвалилъ его хозяйственность, онъ перекрестился и сказалъ: «Нѣтъ, Васинька. Не одна моя хозяйственность, а твои денежки помогли перестроиться, — спасибо тебѣ, братъ».

Зимовка, въ которой мнѣ предстояло устроиться, была та самая, въ которой я жилъ съ Діодоромъ въ 1863 году, трехъ саженей въ глубину, двухъ саженей въ ширину и высотой не много больше трехъ аршинъ; почти четвертую часть занимала русская печь. Содержалась избушка въ большой чистотѣ: клоповъ въ ней не водилось. Небольшой письменный столъ, полки съ сотней книгъ избранныхъ писателей въ нарядныхъ переплетахъ и многіе другіе предметы разставлены въ порядкѣ, — по стѣнамъ портреты товарищей и знаменитыхъ людей; около печки изъ ящиковъ устроенъ

столъ для чаепитія и ѣды съ полками для посуды, на столѣ красовался блестящій самоваръ; въ проходѣ между стѣной и печью опрятно убранная желѣзная кровать, покрытая шерстянымъ одѣяломъ, полъ застланъ домотканными ковриками. Новыя двойныя рамы въ окнѣ въ три чистыхъ стекла съ форткой, выкрашенныя бѣлилами, и въ довершеніе всего образъ въ переднемъ углу, съ зажженной передъ нимъ лампадкой, — все вмѣстѣ взятое дѣлало особенно привлекательной мою келью.

Я радъ былъ рѣшенію пожить въ деревнѣ, на свободѣ ознакомиться съ крестьянской жизнью, — не сквозь чужія очки и не по дѣтскимъ воспоминаніямъ, а во всей полнотѣ моей подготовленности и любви.

Братъ Ѳедоръ зналъ деревню на большой округѣ: онъ съ половины сентября уходилъ съ подмастерьемъ и ученикомъ работать по приглашенію состоятельныхъ крестьянъ, которые шили нарядныя обновки къ бойкому осеннему свадебному времени. Отъ него я много слышалъ дѣльныхъ характеристикъ о цѣлыхъ семьяхъ и отдѣльныхъ лицахъ, живущихъ вмѣстѣ дурно или хорошо. Мнѣ хотѣлось видѣть самому эти характеризованныя имъ семьи, чтобы провѣрить его наблюденія, а, если возможно, то и зарисовать выдающіяся особенности лицъ.

Въ настоящее время братъ Ѳедя былъ свободенъ, мы обсудили, какой костюмъ для меня удобнѣе носить въ деревнѣ, и порѣшили сшить казакинъ и шаровары изъ привезеннаго спорка, а вмѣсто городской хорьковой шубы сшить дубленый полушубокъ. Для скорого выполненія заказа онъ призвалъ своего ученика, и дѣло пошло въ ходъ. У тетушки Татьяны Васильевны куплены превосходныя дубленыя овчины; шелкъ для вышивки узоровъ на правой полѣ, воротникѣ и весь прикладъ взятъ самый лучшій. Шитье русскихъ рубашекъ поручено славной бѣлошвейкѣ — старой дѣвицѣ Марѳѣ Степановнѣ, съ которой еще много разъ придется встрѣчаться въ разсказѣ. Передняя изба превратилась въ портняжную мастерскую, я радовался, глядя на усердіе мастеровъ, и ворчалъ, когда Алексѣй выманивалъ Ѳедю на нѣсколько часовъ рыбной ловли взамѣнъ своего «товарища». Когда братья за этотъ короткій срокъ лова привозили три-четыре рубля, я охотно мирился съ Ѳединой манкировкой.

Начался сентябрьскій ловъ сиговъ, на пару «товарищи» добывали иной разъ по сотнѣ сиговъ въ сутки. Братъ Алексѣй съ юности былъ сложившись «въ товарищи» для ловли рыбы съ ровесникомъ Иваномъ Степановичемъ Крохой, прозваннымъ такъ за малый ростъ, а между тѣмъ онъ былъ здоровенный мужикъ и занимался нагрузкой судовъ, когда плохо ловилась рыба. Въ послѣдній день, онъ, догружая барку, успѣлъ половить только самые ранніе часы, потомъ пошелъ съ артелью къ расчету, выпилъ и

прогулялъ цѣлыя сутки. За эти сутки братья продали прасоламъ живыми 73 сига на 25 руб. 55 коп. да домой принесли шесть сиговъ.

Когда Марѳа Степановна пришла къ намъ работать и стала разсказывать о своемъ братѣ Иванѣ Крохѣ, плакавшемъ отъ укора совѣсти и отъ попрековъ «товарища» за пьянство и нерадѣніе къ рыбной ловлѣ, «Алексѣй довелъ меня, — говоритъ, — до того, что я побожился, далъ ему слово не пить артельнаго вина «безовремени». Другой мужикъ радовался бы, что «товарищъ» пьянствуетъ и весь уловъ идетъ въ одинъ домъ, а Алексѣй не изъ такихъ людей, онъ жалѣетъ меня».

Рыбная ловля для прирѣчныхъ жителей очень большое подспорье въ хозяйствѣ, а въ иные годы на всю зиму хватаетъ заработка на ловѣ. Жаль, что дозволено пришлымъ промышленникамъ заграждать устье рѣки огромными мережами, съ крыльями, и ловить неводами черезъ всю ширину рѣки.

Весь сентябрь я компоновалъ «Разсказчицу сказокъ», переворачивалъ такъ и этакъ первоначальный эскизъ, сдѣланный въ «Шубинѣ» по воспоминаніямъ дѣтства.

Здѣсь, въ Лапинѣ, у меня явились новые мотивы мѣстнаго характера, долго они не укладывались въ картину. За какое бы дѣло ни взялся, не могъ забыть главной моей задачи: выразить различные характеры дѣтей, слушающихъ бабушку. Увлекшись этой стороной работы, я полюбилъ мою картину, казалось, остается исполнять; особенно увѣровалъ я въ себя, когда написалъ эскизъ масляными красками.

Въ портняжной мастерской всегда толкалось много чужого народа, особенно женщинъ, изъ любви къ обновкамъ, а также и къ чесанію языка съ шутникомъ портнымъ, я съ удовольствіемъ просиживалъ часы, слушая ихъ разговоры. Однажды зашла странница, очень красивая тридцатилѣтняя женщина, попросила она напиться чайку и за чаемъ стала разсказывать о своихъ путешествіяхъ, показывать картинки, баночки со святымъ масломъ, ладонъ изъ кадила у мощей преподобнаго Антонія и т. п. предметы. Я упросилъ ее остаться на нѣсколько дней, чтобы написать съ нее портретъ, она согласилась. Черезъ нѣсколько дней цѣлая фигура съ ея промышленными предметами была написана вполнѣ законченно. Она хорошо за это время торговала масломъ, ладономъ, крестиками, образками, отъ меня она получила рубль, съ благодарностью за послушаніе. Не успѣла странница Марія уйти версты отъ деревни, какъ въ нашу избу вошелъ странникъ, мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, красивый, съ сильной просѣдью въ темныхъ волосахъ, обвѣшанный свертками, сверхъ обычнаго кожанаго ранца за плечами. Онъ попросилъ милостыни — ему подали. На предложеніе написать съ него портретъ онъ долго не соглашался, пока я не посулилъ

ему двухъ рублей. Написалъ я его показывающимъ бабѣ картину—крестный ходъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Три дня только работалъ я надъ его фигурой, онъ очень торопился итти въ Новгородъ. Какъ только Ѳедя сказалъ ему о странницѣ Маріи, что она здѣсь гостила и пошла въ Новгородъ, такъ странникъ мой пересталъ твердо стоять на ногахъ, отговаривался усталостью, готовъ былъ безъ получки денегъ бѣжать за странницей. Эту картинку я писалъ послѣ ухода странника еще больше недѣли.

Крестьяне дивились, зачѣмъ я такими пустяками занимаюсь, неужели за это даютъ деньги. Я имъ отвѣчаю также вопросомъ: зачѣмъ они сами покупаютъ картинки. Зачѣмъ вышиваютъ узоры на полотенцахъ и развѣшиваютъ по стѣнамъ и т. д. Скоро мы начали понимать другъ друга, они перестали дивиться даже и цѣнамъ, платимымъ богатыми за удовольствіе сотнями и тысячами, въ то время, какъ крестьяне оплачиваютъ свое удовольствіе гривенниками и трехкопеечниками.

У Марѳы Семеновны былъ сынъ Ѳедоръ (грѣхъ ея молодости), учился онъ въ той же монастырской школѣ, гдѣ и я, только онъ поступилъ туда уже въ то время, какъ я кончилъ ученье у Конона.

Послѣ выхода архимандрита Аполлоса порядки завелись очень плохіе, кто могъ бѣжать — бѣжалъ изъ монастырской школы, въ числѣ бѣжавшихъ былъ сынъ Марѳы Степановны—Ѳедоръ Андреевичъ. Одинъ изъ монаховъ устроилъ его въ слесарную мастерскую, на Васильевскомъ островѣ въ тотъ годъ, когда я держалъ экзамены въ Академію. Ѳедя заходилъ ко мнѣ грязный, изнуренный, жаль глядѣть, онъ жаловался на худое житье, ему хотѣлось учиться наукамъ, а не мастерству, я свелъ его къ Резенеру, гдѣ совершенно случайно встрѣтилъ полковника Павла Васильевича Китаева, завѣдывавшаго Кирилло-Меѳодіевской воскресной школой. Мальчикъ ему понравился, и онъ его устроилъ въ школѣ своимъ пансіонеромъ. Когда мои дѣла поправились, я кое-чѣмъ существеннымъ помогалъ ему, особенно въ то время, когда Ѳедя поступилъ въ Ларинскую гимназію. Вотъ почему Марѳа Степановна относилась ко мнѣ съ особеннымъ родственнымъ чувствомъ.

Время стояло холодное, начались заморозки, надо было съѣздить пароходомъ въ городъ для покупокъ и отправки картинокъ на «Постоянную выставку». Ящикъ для пересылки умѣлъ смастерить Иванъ Степановичъ, они уже прекратили рыбную ловлю по малой добычѣ и отъ холода на рѣкѣ.

Братъ Ѳедя кончилъ мои обновки и Алексѣю штаны, осталось только Марѳѣ Степановнѣ шить платье для Варвары. Ѳедя шилъ у сосѣда пальто для невѣсты. Мнѣ принесли письмо отъ дяди Трифилія Васильевича, онъ звалъ къ себѣ. Встрѣтилъ онъ меня съ радостью, свелъ меня въ свой кабинетъ и передалъ нераспечатаннымъ денежный конвертъ съ 179 руб. и письмомъ отъ Беркова,

извѣщавшемъ о продажѣ четырехъ картинъ, за цѣну, выше назначенной. При чемъ напоминаетъ, чтобы я прислалъ еще что-нибудь для напоминанія о себѣ. Дядя радовался моему успѣху, совѣтовалъ беречь деньги, доставшіяся трудомъ, не велѣлъ хвастаться деревнѣ ни дома ни на сторонѣ, да, пожалуй, и здѣсь лучше помолчать.

Зять дяди, Василій Григорьевичъ Ротарь, добродушнѣйшій человѣкъ, чиновникъ, сопровождалъ меня въ гостиный дворъ для покупокъ: валянковъ, кушака, рукавичекъ и разной мелочи и такъ долго торговался, что пароходъ далъ первый свистокъ, я едва успѣлъ купить кренделей, булокъ и гостинцевъ и добѣжать къ третьему свистку до парохода.

Дома маленькіе племянники ждали меня изъ города съ гостинцами, а братья желали знать, зачѣмъ дядя звалъ меня къ себѣ, — первые легко были удовлетворены гостинцами, а братья довольны были отвѣтомъ, что дядя обо мнѣ соскучился. Вечеромъ Ѳедя пришелъ ко мнѣ ночевать и сообщилъ мнѣ, какъ тайну, ихъ разговоръ съ братомъ. Алексѣй стыдился сказать мнѣ свой совѣтъ, чтобы я не давалъ никому денегъ взаймы, не платилъ бы такихъ цѣнъ натурщикамъ, не покупалъ бы въ деревнѣ разныхъ продуктовъ, не спросясь его. Обидѣлся онъ, зачѣмъ я купилъ живую овцу на мясо, вѣдь у насъ есть свои овцы, которыхъ будемъ колоть на ѣду, а также и на счетъ дровъ, купленныхъ у сосѣда безо всякой надобности. Алексѣй говоритъ, что не будетъ моего чаю пить и никакихъ подарковъ не приметъ, если Вася и впредь станетъ также дѣлать.

Въ тотъ же вечеръ я призвалъ въ свою келью Алексѣя, и мы съ нимъ договорились, мирно, къ взаимной пользѣ, не лишая меня независимости. Онъ доложилъ мнѣ, что у него есть скоплено на рыбѣ и продажѣ телятъ — 135 рублей, и всѣ подати уплачены, такъ что можно было бы жить, лежа на печи, вплоть до весны, а онъ думаетъ еще и зимой заработать десятокъ, другой рублей. Хлѣба хватитъ до новаго, скоту корма тоже довольно, одежда всякая есть... Я, — говоритъ, — богаче пока и барина».

Племянники мои Вася, Ваня и Петя были грамотны, имѣли отличные голоса и замѣчательный музыкальный слухъ, братья Ѳедя и Алексѣй пѣли съ ними дома, всю обѣдню, монастырскимъ напѣвомъ — у одного былъ пріятный баритонъ, у другого первый басъ, при хорошемъ слухѣ. Съ моимъ пріѣздомъ мы рѣшили подготовиться пѣть воскресную обѣдню въ нашей Васильевской церкви. Ежедневно спѣваясь, конечно, по слуху, мы скоро достигли такого навыка, что могли смѣло итти на клиросъ. Побывалъ я у священника и дьячка, моего стараго пріятеля, Брянцева, уговорился занять лѣвый клиросъ и пѣть безъ посторонней помѣхи нѣкоторыя пѣснопѣнія, начиная: «Во Царствіи Твоемъ», нѣкоторыя ектеніи,

«Херувимскую» (Симоновскую), «Милость міра», «Отче Нашъ», причастенъ — «Подъ Твою милость».

На правомъ клиросѣ пѣлъ дьячокъ съ прихожанами, дравшими горло во вся тяжкая. Когда мы пропѣли «Пріидите поклонимся», вступили въ свои права на «Блаженствахъ», первый стихъ пропѣли робко, потомъ у насъ пошло стройно, выразительно, отчетливо каждое слово, и когда священникъ одобрительно мигнулъ намъ изъ сѣверныхъ дверей, — пѣвчіе совершенно овладѣли собой. По окончаніи обѣдни пѣвчіе получили полное одобреніе причта и прихожанъ, на спѣвку къ намъ сталъ приходить сосѣдъ-крестьянинъ, у котораго былъ превосходный второй басъ, очень сильный, хоръ за недѣлю еще лучше подготовился, и въ воскресенье предложено было намъ занять правый клиросъ. Однако мы, по скромности, удержали за собой право лѣваго клироса. Позади праваго клироса обыкновенно скоплялись усердные прихожане, любители подпѣвать, часто невпопадъ произнося слова пѣснопѣнія, фальшивя, выкрикивая безсмысленно концы словъ, и нѣтъ возможности избавиться отъ этихъ добровольцевъ...

А позади лѣваго клироса занимаютъ мѣста — помѣщики и всѣ приходящія въ церковь женщины, скромно, молчаливо слушающія пѣніе. Мало-по-малу стало обязательнымъ посѣщеніе церкви, въ деревнѣ не могли нахвалиться нашимъ пѣніемъ.

Брата Ѳедю позвали шить въ сосѣднюю деревню къ зажиточному крестьянину Лукѣ Ивановичу Шалагину, у него живъ былъ отецъ, старикъ 107 лѣтъ, сдавшій давно большину своему сыну, а самъ предавшійся чтенію божественныхъ книгъ и посѣщенію церковныхъ службъ. Память, зрѣніе, твердость походки сохранилъ Иванъ Петровичъ на удивленіе, даже зубы у него были настолько остры, чтобы грызть корки хлѣба и кусать сахаръ. Мнѣ захотѣлось разспросить его о старинномъ житьѣ, объ отцѣ, когда онъ былъ молодъ, и моемъ дѣдушкѣ Терентіи Ивановичѣ. Оказалось, что дѣдъ мой Терентій умеръ въ 1831 году, въ холерный годъ, старикомъ около девяноста лѣтъ, тогда, когда сынъ Ивана Петровича, солдатъ, пошелъ усмирять поляковъ, а прадѣда моего Ивана-попа-разстригу онъ въ молодости видалъ, пьяница былъ, а грамотей такой, что все прошенія писалъ на господъ. Разсказывалъ, какіе чудные были у солдатъ мундиры, шляпы, кудельныя косы; бѣглыхъ солдатъ было много, они хоронились по лѣсамъ лѣтней порой, а зимой ночевать ходили въ риги либо въ деревни, гдѣ мужики жили попроще. Суворова онъ видѣлъ нѣсколько разъ въ Старой Ладогѣ, когда онъ осматривалъ крѣпость, которая въ ту пору была гораздо выше. Старикъ хвалилъ насъ за усердіе къ церкви: «Поваднѣе,—говоритъ,—молиться, когда хорошо поютъ». Брату Ѳедору не совѣтовалъ итти въ монастырь, лучше жить въ міру съ воздержаніемъ, больше пользы сдѣлаешь людямъ. Засидѣлся я

здѣсь до поздней ночи, братъ Алексѣй вышелъ въ поле встрѣчать меня: онъ боялся не напугали бы меня волки, стадами бродившіе по ночамъ около деревни.

Однажды, около половины октября, пришла ко мнѣ на бесѣду Марѳа Степановна съ шитьемъ, долго она разсказывала о знакомствахъ съ здѣшними господами и, между прочимъ, о помѣщицѣ Измайловой, у которой сегодня была въ гостяхъ. Отецъ ея Степанъ Савельевичъ, служа полицейскимъ сотскимъ, часто ходилъ къ ней съ бумагами въ тотъ годъ, когда бывшіе ея крѣпостные люди вернулись изъ бѣговъ. Барыню она хвалила за простоту, а дочку—за красоту и обходительность. Мужъ барыни, генералъ, живетъ съ сыномъ въ Питерѣ. Барышня, узнавши отъ меня, что у тебя много книгъ, просила завтра же принести ей нѣсколько книжекъ прочитать, я, говоритъ, не задержу. Я далъ «Записки Охотника» Тургенева, «Вечера на Хуторѣ» Гоголя. Оказалось, что барышня ни того ни другого автора не читала. Черезъ короткій промежутокъ книги были прочитаны, я вновь отпустилъ Гоголя — «Тараса Бульбу», «Тысячу Душъ» — Писемскаго.

Старая барыня очень благодарила Марѳу Степановну за услугу, разспрашивала обо мнѣ, удивлялась, зачѣмъ я живу въ деревнѣ и не желаю ни съ кѣмъ знакомиться. Нѣсколько разъ пріѣзжалъ отъ нихъ кучеръ для обмѣна книгъ, предлагалъ прокатиться въ усадьбу откушать чаю, но я крѣпко держался даннаго зарока: не развлекаться знакомствами, — вѣжливо благодарилъ за любезность, отговариваясь крайнимъ недосугомъ въ настоящее время.

Потомъ мнѣ стало стыдно за свою боязнь знакомиться съ женщинами, и я рѣшилъ въ первый же праздничный день навѣстить любезныхъ барынь.

21 ноября 1866 года день былъ свѣтлый, теплый, накапунѣ шелъ хлопьями снѣгъ, проселочныя дороги всѣ занесены, накатанъ только санный путь по Волхову, мнѣ бы по нему и итти, а я не спрося никого пошелъ для краткости лѣтнимъ.

Одежда оказалась на мнѣ невѣроятно тяжела и тепла, я вязнулъ въ рыхломъ снѣгу, садился на первой кочкѣ и отдыхалъ, распахнувъ полушубокъ, потягивалъ ароматную папиросу на чистомъ озонированномъ воздухѣ. Подходя къ воротамъ усадьбы, я увидѣлъ кучера г. Измайловой, попросилъ его проводить меня въ домъ.

Доложили. Генеральша просила подождать въ гостиной, такъ какъ они только что вернулись изъ церкви.

Не привлекателенъ былъ наружный видъ жилища генеральши Измайловой.

Огромная неуклюжая совершенно квадратная по пяти саженей въ сторонѣ деревянная изба, крытая по-польски соломой, раздѣлялась сквознымъ широкимъ коридоромъ на двѣ половины, изъ коридора направо дверь въ господскую половину, налѣво въ люд-

скую; въ передней лицевой стѣнѣ дома по одному очень большому венеціанскому окну въ каждой половинѣ; поперекъ всего дома шла капитальная стѣна, отдѣлявшая гостиную отъ спальни, а въ людской, на такомъ же пространствѣ, какъ спальня, была устроена господская кухня; въ господской спальнѣ, а также и въ гостиной окна были обыкновенныхъ размѣровъ. Внутреннее убранство гостиной показывало желаніе сдѣлать какъ можно болѣе похожимъ на жилище интеллигентнаго человѣка: въ переднемъ углу (подъ образами) поставлено старинное фортепіано, отгороженное сбоку венеціанскаго окна трельяжемъ плетущагося плюща, передъ окномъ легкій столикъ и пара березовыхъ стульевъ; по стѣнѣ, выходящей въ коридоръ, обѣденный столъ, накрытый старинной цвѣтной скатертью, въ углу высокій книжный шкапъ, сплошь заполненный французскими книгами въ изящныхъ переплетахъ, а на шкапу огромныя связки стараго журнала «Благонамѣреннаго». Входная дверь ограждена дощанымъ барабаномъ, выходъ изъ котораго завѣшенъ плотной шерстяной матеріей, на подкладкѣ, обшитой аграмантомъ. Такая же драпировка на двери, отдѣляющей спальню отъ гостиной, въ этомъ уголкѣ помѣщено высокое зеркало, со столикомъ, заставленнымъ стариннымъ фарфоромъ, а вдоль наружной стѣны стоитъ мягкій турецкій диванъ съ подушками и передъ нимъ краснаго дерева столъ, покрытый тяжелой красной скатертью, съ изящными бездѣлушками, почти въ центрѣ гостиной въ вышину и ширину дивана четырехугольный патэ, обитый, какъ и диванъ, краснымъ сукномъ.

У бокового окна—этажерка краснаго дерева, сплошь заставленная дорогимъ фарфоромъ; на стѣнахъ портреты царей Николая I и Александра II, надъ диваномъ венеціанская ночь и Везувій. Средняя балка украшена коротенькой драпировкой такой же матеріи, какъ и оба окна, задерживающая занавѣсы блестящая бронзовая арматура придавала особую законченность всему незатѣйливому убранству, ко всему этому прибавьте чистую, какъ снѣжинка, печь и широкую длинную полосу сонетки съ изящнымъ бронзовымъ кольцомъ внизу. Чистый некрашенный полъ густо застланъ домотканными цвѣтными половиками, вотъ обстановка, гдѣ я томился ожиданіемъ видѣть ея обладательницъ.

Мнѣ страшно хотѣлось курить, но я боялся переступить законы вѣжливости, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не видѣлъ ни пепельницы ни спичекъ.

Я поглядывалъ на дверь въ спальню, слышалъ тамъ легкіе шаги, но долго не могъ улучить времени, кто подглядываетъ сквозь щель, — наконецъ засталъ врасплохъ молодое красивое розовое лицо, и мнѣ стало до того весело, что я едва удержался, чтобы не расхохотаться громкимъ смѣхомъ. Послѣ этого ясно были слышны женскіе голоса, скрипъ дверей, — изъ людской пришла

женщина и стала накрывать на столъ. Въ гостиную вышла высокаго роста барышня, которую я мелькомъ видѣлъ сквозь щель драпировки, она была нѣсколько смущена, досадливый румянецъ заливалъ ея здоровыя щеки. Мы церемонно поздоровались. Она поблагодарила за книги, извинялась, что долго задерживаетъ ихъ. Я, конечно, подавалъ ей соотвѣтственную реплику, а самъ не могъ оторвать глазъ отъ ея лица, обвѣяннаго какимъ-то безпокойнымъ выраженіемъ, любуясь движеніями ея прелестной фигуры. Спустя немного времени появилась сама хозяйка, и, какъ опытная въ пріемѣ разныхъ людей, она не стала извиняться, почему такъ долго она оставила гостя скучать, а приступила прямо къ дѣлу: «Теперь,—говоритъ, — давно миновалъ и адмиральскій часъ, поэтому прежде всего надо закусить, а потомъ разговаривать». Жареный картофель въ сметанѣ съ ломтиками ветчины былъ такъ вкусенъ, что скорехонько его не стало, на смѣну явилась вторая такая же сковорода яичницы съ картофелемъ, а затѣмъ по тарелкѣ какой-то похлебки, и мы были сыты превосходно. Главной приправой служила остроумная рѣчь хозяйки, дочка почти не вмѣшивалась въ разговоръ. Мамашѣ на видъ лѣтъ пятьдесятъ, невысокаго роста, крѣпкая, здоровая женщина, сильно близорукая, одѣта была чуть не полѣтнему и несмотря на это ей было жарко. Смолоду она, должно-быть, была очень недурна собой, красивые глаза, густые съ едва замѣтной просѣдью волосы, окамлявшіе стройный лобъ, повидимому, мало интересовали ее, она не обращала вниманія на свою наружность.

Заговорили о моей профессіи, она спросила, не знаю ли я ее сына Эспера Ал. Измайлова, я сказалъ, что зналъ его по научнымъ лекціямъ, гдѣ онъ шелъ изъ первыхъ, а по классамъ совсѣмъ не зналъ. Она не преминула объяснить мнѣ, что сынъ ея поступилъ въ Академію въ угоду отцу, а самъ онъ не имѣлъ желанія быть художникомъ. Говорили о художникахъ: Чернышевѣ, Майковѣ, Лагоріо, Айвазовскомъ, Заболожскомъ, которыхъ она хорошо знала.

Я сталъ безпокоиться позднимъ временемъ, на что Надежда Константиновна сказала, что меня въ любое время доставятъ въ Лапино, а теперь она до чаю приляжетъ, надѣясь, что я не поскучаю съ ея дочкой.

Старая барыня была права, она черезъ десять минутъ уже храпѣла, чѣмъ сильно конфузила свою дочку, но я уговаривалъ не смущаться, когда спящій проявлетъ во снѣ свое удовольствіе. Барышня моя еще пуще сконфузилась. Да и было отчего. Я взялъ Гоголя и спросилъ Лидію Александровну, чего она не читала въ этомъ томѣ. «Шинель не читала», отвѣтила она. Я съ ея позволенія началъ читать и читалъ съ увлеченіемъ, какъ вещь давно знакомую, она, видимо, слушала не проронивъ слова. Время отъ времени мы останавливались для разъясненій и снова продолжали чтеніе, и такъ до конца она дослушала безъ скуки эту грустную повѣсть.

Изъ немногихъ разговоровъ съ Лидіей Александровной я убѣдился въ ея совершенно дѣтской довѣрчивости, сердечной готовности итти на все доброе, полезное ближнему, но обстановка не позволяла думать ни о чемъ подобномъ.

Мама проснулась и хлопотала о чаѣ, я пересталъ торопиться, отдавшись на волю хозяйки, а дома за меня не безпокоятся. Когда мы сѣли за чай, Лидія Александровна похвалила меня за чтеніе, мать осталась довольна нашимъ времепрепровожденіемъ.

Она очень мило заботилась, чтобы не отпустить меня домой голоднымъ и потому деспотически пичкала меня разными жирными лепешками, яйцами и драченой. Разстались мы друзьями. Я далъ слово навѣщать ихъ, Надежда Константиновна обѣщала навести справку о домѣ на Побережьѣ и извѣстить меня объ этомъ.

Было далеко за полночь, когда я выѣхалъ изъ усадьбы, лошадка бѣжала отлично, и я скоро доѣхалъ до дома. Полтинникъ, полученный кучеромъ, оказалъ свое дѣйствіе на пріисканіе помѣщенія въ дер. Побережьѣ. Братъ Алексѣй открылъ дверь и только утромъ сталъ разспрашивать—хорошо ли мнѣ было въ гостяхъ.

По возвращеніи я долго не могъ заснуть, все думалось мнѣ объ обстановкѣ въ Любшѣ и странное, болѣзненное чувство не оставляло меня при воспоминаніи о барышнѣ Лидіи Александровнѣ, жаль ее было мнѣ, самъ не знаю почему. Она мнѣ ни словомъ не обмолвилась жалобы ни на что и ни на кого, только мелькомъ сказала, что у нихъ бываютъ въ гостяхъ послушники Никольскаго монастыря и нѣкоторые изъ старшей братіи. Этого достаточно для представленія, въ какой гнилой атмосферѣ должна жить эта неопытная въ жизни молодая дѣвушка. Я зналъ нравственный уровень монастырской молодежи и тѣхъ монаховъ, которые охотно ходили въ гости къ помѣщикамъ. Я усиливался не думать о Любашѣ—и думалъ...

Мамаша еще не настолько стара, чтобы жить спустя рукава — ничего не видѣть, не разсуждать, не давать отчета въ окружающихъ ее житейскихъ явленіяхъ. Человѣкъ она образованный, умный, много пожившій въ свѣтѣ, повидимому, даже очень добрый и такъ странно устроила свою жизнь съ взрослой дочерью. Эти чужіе вопросы неотступно стояли передо мной, требовали отвѣта... Почему? Какое мнѣ до нихъ дѣло. Богъ съ ними. Пускай живутъ, какъ имъ любо, а мнѣ нѣтъ необходимости ѣздить со своими соболѣзнованіями.

Получилъ отъ Арсенія восторженное письмо, онъ писалъ своихъ нигилистовъ, они ему удавались, ихъ одобряли всѣ видѣвшіе. Меня искренно обрадовало его письмо. Онъ нашелъ въ Твери нужный ему подпольный политическій кружокъ, въ которомъ раньше къ нему относились подозрительно. Боюсь я за него, не увлекся бы онъ подпольщиной такой яркой, которая убьетъ его художествен-

ную дѣятельность въ самомъ зародышѣ. Мнѣ становится стыдно за свою праздность, вотъ уже четыре мѣсяца я ничего серьезнаго не работаю, занимаюсь пустяками да еще начинаю тосковать о красивой барышнѣ. Нѣтъ. Нужно себя въ руки взять. Я началъ съ того, что написалъ нѣсколько писемъ въ Петербургъ и Тверь.

Я храбро началъ рисовать старушку, разсматривающую при внучатахъ свои наряды, вынутые изъ окованнаго желѣзомъ сундука для просушки передъ печкой. Два дня занимался я усердно этой работой; картина сложилась недурно, бутафорія собрана интересная, натурщица типичная бойкая красавица. Началъ писать, но темные дни не веселили: мерзлое окно давало бѣлесоватый тонъ всѣмъ предметамъ, — пропала охота продолжать сдѣланный подмалевокъ.

Вечеромъ пришла на бесѣду Марѳа Степановна, она разливалась въ похвалахъ Измайловымъ. Разсказывала, какъ хорошо принятъ былъ ея сынъ этимъ лѣтомъ, онъ тоже носилъ туда книжки все новыя насчетъ нутра человѣческаго, лягушечьяго мозга (Сѣченова) да еще пьянства поповъ и погощанъ (Помяловскаго). Онѣ все удивляются, отчего я къ нимъ давно не являюсь. «Хлопочатъ нанять для тебя на Побережьи домъ, Викентій, ихъ кучеръ, ѣздилъ къ владѣльцу. Барышня хотя сама и не много говоритъ, а все вызнаетъ, какъ ты здѣсь живешь, ходишь ли на бесѣду, собираешь ли у себя мужиковъ, бабъ и чѣмъ занимаешься по вечерамъ».

Время тянулось до Николина дня дольше обыкновеннаго, дядя звалъ къ себѣ на Николинъ день, у нихъ въ древнемъ соборѣ, гдѣ онъ служилъ, великое торжество. Я отказался присутствовать при офиціальномъ характерѣ праздника по причинѣ несоотвѣтственнаго костюма, а въ Кипую не поѣхалъ по дальности разстоянія. Въ Никольскій монастырь пришелъ я, напившись чаю. Обѣдню пѣли плохо, въ церкви было тѣсно, послѣ молебна я на паперти встрѣчаю нѣкоторыхъ изъ прежнихъ монаховъ, они зовутъ въ трапезу обѣдать, отказываюсь, иду за ограду. Смотрю—Лидія Александровна съ какой-то старой дѣвой, барышней-приживалкой, стоятъ около возка. Лидія Александровна обрадовалась, мы крѣпко пожали руки, она предложила съ ними ѣхать въ Любшу, а приживалка такъ испуганно выпучила глаза, что я побоялся близко стоять около возка, чтобы эта обезумѣвшая дѣвица не закричала караулъ, хотѣлъ было вскочить на облучекъ возка, но не рѣшился и этого сдѣлать. Лидія Александровна умоляюще звала къ себѣ въ гости, мнѣ жаль было, что она уѣзжаетъ. Домой пришелъ къ чаю, который пьютъ крестьяне въ праздники передъ обѣдомъ, затѣмъ пообѣдалъ и легъ спать отъ скуки. Зазвонили въ вечернѣ, я проснулся, взялъ Костомарова «Сѣвернорусскія народоправства во времена вѣчевого уклада». Книга очень интересная, но слишкомъ краткая, какъ самостоятельная исторія республики Новгорода и Пскова.

Политическій отдѣлъ урѣзанъ, о торговлѣ общія мѣста такъ же, какъ и о народной жизни — а все-таки книга любопытная.

Варвара Семеновна принесла мнѣ самоваръ, и я для праздника заварилъ себѣ цвѣточнаго чаю, сижу въ теплѣ панъ паномъ, не хватаетъ только дружка Арсенія... Слышу заскрипѣли полозья у нашей избы и послышался говоръ, стукъ въ сѣни; выбѣжалъ Алексѣй со свѣчей, я наскоро одѣлся и вышелъ въ сѣни встрѣчать дорогихъ, нежданныхъ гостей. Старая барыня по близорукости и непривычкѣ ходитъ по крутымъ деревенскимъ лѣстницамъ едва ползла со ступеньки на ступеньку къ досадѣ молоденькой, прыткой, вынужденной выжидать сзади. Мысленно я сердился на старуху, мнѣ хотѣлось поскорѣе видѣть красавицу дочку, чтобы она первая переступила порогъ моей кельи, да оно такъ и вышло; не успѣла старуха подняться на послѣднюю ступень, какъ Лидія Александровна очутилась въ моей комнатѣ.

Сердце стучало, во мнѣ творилось что-то совсѣмъ небывалое, я готовъ былъ смѣяться и плакать. Гостямъ очень понравилась мое уютное жилище, я угощалъ ихъ отличнымъ чаемъ. Мнѣ попеняли, зачѣмъ я не поѣхалъ съ барышней прямо изъ церкви къ нимъ въ усадьбу, заставилъ ихъ сдѣлать мнѣ ночной визитъ. Пока старая барыня разговаривала съ Алексѣемъ, я давалъ объясненія Лидіи Александровнѣ о книгахъ, портретахъ товарищей, о начатой картинѣ, — время быстро пролетѣло, онѣ стали собираться домой. Уѣзжая, взяли слово, что я, какъ только пришлютъ за мной лошадь, безъ отговорокъ пріѣду къ нимъ въ гости. Братъ Алексѣй былъ за меня очень доволенъ, что этакая важная барыня посѣтила меня да еще и съ красавицей дочкой, — видно, ты имъ полюбился. Я не сдержалъ зарокъ «не якшаться съ господами», нетерпѣливо ждалъ, когда за мной пришлютъ изъ Любши лошадь. Замолкнувшее чувство ярко вспыхнуло снова, и я не въ силахъ былъ побороть его въ себѣ, Лидія Александровна неотступно слѣдовала за мной и днемъ и ночью. По временамъ становилось страшно, что я, растрепышъ, необразованный мужицкій сынъ, позволяю себѣ забывать разницу положенія, мечтать о сочувствіи, а не служу ей отъ скуки забавой; самолюбіе сразу поднимало меня въ собственныхъ глазахъ, и я трезвѣлъ, успокоивался на короткое время.

Подъ впечатлѣніемъ испытываемаго впервые сложнаго чувства увлеченія я написалъ Арсенію большое письмо со всѣми подробностями моего знакомства и характеристикой дорогой мнѣ особы. Арсеній не заставилъ меня долго ждать отвѣта, написалъ мнѣ пріятельское поздравленіе, ободрялъ, не совѣтовалъ слишкомъ унижаться, сравнивая свою и ея внѣшность, такъ какъ не во внѣшности заключается сила — покоряетъ духовная сторона развитія: стремленіе къ правдѣ, къ добру. Арсеній по моей просьбѣ держалъ втайнѣ

отъ общихъ нашихъ пріятелей переписку: ни Вадимъ, ни Кошелевы, ни Андреевъ не знали, что творится со мной.

Изъ Любши чаще и чаще посылали за мной, я сдѣлаля тамъ необходимымъ собесѣдникомъ въ долгіе зимніе вечера, много читалъ, кое-что рисовалъ въ альбомъ. Не рѣдко Надежда Константиновна вспоминала о своей молодости, и разсказъ ея развертывался въ цѣлую повѣсть, полную интереснѣйшихъ картинъ прошлой помѣщичьей жизни, то въ глухой усадьбѣ, то въ губернскомъ городѣ или въ Москвѣ. Родители ея владѣли довольно значительнымъ имѣніемъ въ Калужской губерніи и уѣздѣ на крутомъ берегу р. Оки, даннымъ въ приданое ея матери Маріи Марковнѣ съ тремя слишкомъ стами душъ крестьянъ, оно было образцово поставлено въ хозяйственномъ отношеніи, съ отличнымъ полукаменнымъ домомъ и роскошнымъ фруктовымъ садомъ по склону берега Оки. Въ придачу къ Тимоѳеевкѣ (такъ называлось имѣніе) Марія Марковна получала по выдѣлу деньгами 50 тысячъ. Отецъ Надежды Константиновны — константинъ Васильевичъ Михайловъ, занимая должность калужскаго прокурора, получалъ сверхъ жалованья очень значительный доходъ. Жили въ полномъ довольствѣ съ многочисленной дворней, наемными учителями, гувернерами, гувернантками изъ иностранцевъ, ни слова не знавшихъ по-русски.

Бабушка Татьяна Васильевна Быковская, рязанская помѣщица-богачиха, несмотря на то, что дочь получила хорошее приданое, къ каждому празднику церковному и семейному событію: рожденіе, именины, началу ученія одного изъ внуковъ, посылала, кромѣ денегъ, еще цѣлыя подводы подарковъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Когда родилась Надежда Константиновна, бабушка приказала на своихъ фабрикахъ готовить ей приданое самаго высокаго качества, кружевницы, вышивальницы цѣлыми годами сидѣли за тончайшей работой для барыниной внучки. Камчатныя скатерти и салфетки по изяществу рисунка и тонкости ткани превосходили лучшія иностранныя издѣлія, таковы были и остальныя работы изъ льна и пеньки.

Насколько льняныя издѣлія поражаютъ изяществомъ, настолько издѣлія изъ шерсти (ковры) возбуждаютъ смѣхъ своими невѣроятными рисунками, сдѣланными подъ диктовку бабушки ея домашнимъ рисовальщикомъ.

Надежда Константиновна — живая лѣтопись мало знакомой мнѣ помѣщичьей жизни, начиная съ ея ранняго возраста (родилась въ августѣ 1811 года), помнила событія по личному наблюденію, а болѣе раннія отъ бабушки, матери ея, отца столѣтней старушки Анны Акимовны, жившей у нихъ въ домѣ послѣ смерти мужа, придворнаго пѣвчаго. Она сохранила прекрасную память и никогда не хворала болѣе сутокъ; почувствовавъ недомоганіе, она ложилась въ постель, пила горячую мяту съ молокомъ и засыпала

на цѣлыя сутки. Скончалась она, когда Надеждѣ Константиновнѣ было 14 лѣтъ.

Любимыми ея разсказами были: поѣздки къ бабушкѣ въ Рязанскую губернію, сборы и поѣздки въ Москву въ гости къ знакомой придворной дамѣ Кологривовой, у которой гостило множество молодыхъ дѣвицъ изъ обѣднѣвшей провинціальной знати: княжны Оболенскія, Сущева, кн. Голицыны, княж. Мещерская, Мансуровы и друг.; гости имѣли своихъ горничныхъ; часть гардероба привозили съ собой, а для особо выдающихся баловъ заказывали въ Москвѣ, многія дѣвицы заказывали за счетъ Кологривовой, но Надежда Константиновна къ этому не прибѣгала, ей родители давали съ собой 1.000 рублей на освѣженіе гардероба.

Кологривова давала въ зиму два-три роскошныхъ бала, гдѣ собиралась вся Москва. Однажды государь Николай Павловичъ удостоилъ быть у нея на балѣ.

Хозяйство въ домѣ велось небрежно, слуги, завѣдующіе хозяйствомъ, продавали привозимые изъ вотчинъ припасы возами, а повара, кондитеры, лакеи торговали остатками обѣдовъ ежедневно, словно въ кухмистерской. Все это ей было извѣстно отъ ея горничной Евдокіи, дѣвицы замѣчательно умной, наблюдательной, которая, бесѣдуя... часто съ пріѣзжими изъ вотчинъ старостами о порядкахъ въ имѣніяхъ Кологривовыхъ, знала, что крѣпостные обобраны до нищеты, живутъ впроголодь въ курныхъ избахъ вмѣстѣ со скотомъ. Только то имѣніе, въ которомъ по лѣтамъ живутъ сами господа, держится въ показномъ порядкѣ, всѣ остальныя разорены въ конецъ.

Приближалось время праздника Рождества Христова, я получилъ отъ Арсенія Николаевича письмо о продажѣ его картины «Нигилисты» за очень хорошую цѣну, и онъ собирается навѣстить меня въ деревнѣ.

Лидія Александровна знала о моей дружбѣ съ Арсеніемъ, ей хотѣлось видѣть его здѣсь на праздникахъ, матушка также была рада принять гостя. Я написалъ письмо въ Петербургъ ему и Ѳедору Андрееву, чтобы они вмѣстѣ пріѣзжали, а самъ распорядился послать за братомъ Ѳедоромъ, который могъ замѣнить меня на случай желанія гостя познакомиться съ деревенскими увеселеніями, мало и даже совсѣмъ мнѣ неизвѣстными. Хотѣлось быть свободнымъ, чтобы не заставить на Святкахъ скучать моихъ новыхъ знакомыхъ, расположенныхъ душевно ко мнѣ, никакія увеселенія не замѣнили бы для меня даже безмолвнаго пребыванія около Лидіи Александровны — настолько она стала мнѣ дорога.

На Рождественскую ярмарку Надежда Константиновна просила меня поѣхать съ ней вмѣстѣ, покупокъ предполагалось много, такъ какъ Новый годъ былъ нашъ приходскій праздникъ, у ней въ людской пятеро рабочихъ, которымъ она по обычаю дѣлала къ празд-

нику подарки и кормила ихъ доотвалу. Братъ Алексѣй также поѣхалъ на ярмарку забирать къ празднику всякаго съѣстного, я вручилъ ему отъ себя пять рублей, на случай пріѣзда гостя, кромѣ того, и самъ кой-что купилъ для поздравленія друзей. Въ первый день всѣхъ покупокъ мы не успѣли сдѣлать. Надежда Константиновна осталась ночевать у знакомой домовладѣлицы, а я пошелъ къ дядѣ Трифилію. Здѣсь меня ждалъ сюрпризъ: дядя вручилъ мнѣ наканунѣ полученный пакетъ съ 93 рублями отъ Барткова за послѣднія картинки.

Рано утромъ, напившись съ дядей чаю, я пошелъ бродить по веселому предпраздничному базару. Цѣлый ворохъ гостинцевъ для деревни, коробка конфетъ для Лидіи Александровны и проч.— куплено скоро. Но когда мы пошли по лавкамъ съ Надеждою Константиновной, я потерялъ надежду вернуться домой раньше Новаго года. И въ самомъ дѣлѣ, мы выѣхали изъ города въ 7 часовъ вечера, закупивъ все необходимое.

Въ Лапино ѣхать было поздно. Лидія Александровна соскучилась ждавши насъ, она дѣтски обрадовалась привезеннымъ ей гостинцамъ, я не могъ налюбоваться, глядя на нее. Шепнулъ ей о продажѣ моихъ этюдовъ, чему она искренно порадовалась. Утромъ въ канунъ Рождества я уѣхалъ въ Лапино, предполагая сдѣлать спѣвку, но братъ Ѳедоръ убѣдилъ меня не затѣвать пустяковъ: ребятамъ, говоритъ, недосугъ долго тянуть заутреню, имъ надо бѣжать славить. Трое ребятъ получили отъ меня въ подарокъ по парѣ сѣрыхъ валянокъ, а дѣвочка Маша черныя валянки и рукавички, въ видѣ гостинцевъ каждый получилъ вязку бубликовъ и ковригу-пряникъ.

Около часа дня я сѣлъ обѣдать у себя въ кельѣ, слышу подъѣхали кони къ крыльцу, послышались знакомые голоса, я опрометью выбѣжалъ встрѣчать гостей — пріѣхали Шурыгинъ и Андреевъ — оба порядкомъ иззябшіе. Андреевъ поспѣшилъ къ матери, Арсеній ко мнѣ съ поклажей. Братъ Алексѣй въ бытность свою въ Петербургѣ видѣлся съ Шурыгинымъ, Ѳедоръ самъ познакомилъ его съ собой, пожавъ такъ крѣпко руку, что новый другъ чуть не обругался. Сѣли ѣсть щи съ осетриной въ ожиданіи горячаго чая. Арсенію сильно понравилась моя келья, онъ рѣшилъ лечь спать на печкѣ, хотя ему была приготовлена чудесная постель, въ избушкѣ всегда тепло дѣлается, когда перестаютъ поминутно отворять въ сѣни дверь. Напившись чаю, Арсеній забрался на печку грѣться, подостлавъ войлокъ подъ бокъ, подушку подъ голову, и нашелъ, что онъ теперь счастливъ, какъ сытый котъ. Узнавши, что въ кельѣ нѣтъ ни таракановъ ни клоповъ, онъ, поговоривъ кое-очемъ важномъ для меня, скоро захрапѣлъ сладкимъ сномъ усталаго путешественника.

Варвара Семеновна успѣла напоить коровъ; кончила стряпню праздничную, ждала, когда испекутся свининники и булки. Арсе-

ній завозился на печкѣ. «Что,—спрашиваю,—хорошо ли выспался?» «Отлично», былъ его отвѣтъ. Мы успѣли умыться и одѣться, тогда всѣ наши вернулись изъ церкви.

Первымъ долгомъ всѣ мы пропѣли праздничныя пѣснопѣнія— ««Христосъ рождается — славите» и т. д., поздравили другъ друга съ праздникомъ, тогда заговорили о житейскомъ. Арсеній очень удивился стройности и вѣрности голосовъ, знанію каждымъ своей партіи, попросилъ насъ повторить славленье. Когда мы кончили, онъ ребятамъ далъ рубль, а я пошутилъ, зачѣмъ онъ этотъ рубль не отдалъ намъ: ребятамъ, говорю, довольно было бы и по гривеннику. Алексѣй былъ такъ озадаченъ рублевой оцѣнкой пѣнія и моей шуткой, что готовъ былъ взять отъ дѣтей рубль и отдать Арсенію. Я засмѣялся вмѣстѣ съ Арсеніемъ и тѣмъ успокоилъ щепетильнаго Алексѣя. Дѣти едва успѣли выхлебать чашку щей съ мясомъ, побѣжали «Христа славить», не пивши чаю.

Я уговорилъ Алексѣя и Ѳедора пойти къ Ѳедору Андрееву и къ товарищу Алексѣю по рыбной ловлѣ — его дядѣ Ивану Степановичу и у нихъ прославить Христа; сказано — сдѣлано, мы отправились и прославили очень торжественно, чѣмъ доставили всей семьѣ величайшее удовольствіе, а отъ Ѳедора Андреева я получилъ полтину въ дѣлежъ. Марѳа Степановна угощала насъ кофе съ горячей булкой, до слезъ радовалась она пріѣзду сына на праздники. Здѣсь поговорили мы о времени поѣздки въ Любшу компаніей и рѣшили отправиться въ два часа, кучеромъ подавался быть Иванъ Степановичъ.

Арсеній въ восторгѣ былъ, встрѣчая первый разъ въ жизни этотъ праздникъ въ настоящей русской деревнѣ, расходовалъ на славельщиковъ слишкомъ щедро крупную мелочь, пришлось размѣнять его двугривенные на мѣдные пятаки, для ребятишекъ и эта сумма была на рѣдкость, такъ какъ обыкновенно платили копейку — много двѣ—въ каждомъ домѣ.

Все утро скрипѣла избяная дверь и раздавалось пѣніе. Не рѣдко малыши перевирали слова: вмѣсто «волхвы же со звѣздою путешествуя»... «волкъ свижой со звѣздой» и т. д. затѣмъ: «нашъ Богъ родиродися». Приходили и такіе великаны, что не могли сами открыть двери, а царапались у двери и сквозь слезы просили пустить Христа славить.

Около часу дня мы втроемъ поѣхали въ Любшу по р. Волхову. Арсеній любовался красотой береговъ. День былъ солнечный, обиліе снѣгу на крутыхъ высокихъ берегахъ съ зарослями кустарниковъ, надъ вертикальными обрывами, разнообразныхъ цвѣтовъ песчаной почвы, въ которую словно нарочно вставлены огромные гранитные валуны, увеличивало размѣры, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надъ кручей въ доисторическое время насыпаны были высокія сопки. Арсеній глазъ не сводилъ съ красивыхъ мѣстъ,

просилъ ѣхать шагомъ, я внутренне досадовалъ на медленность, но молча соглашался съ пріятелемъ и самъ любовался зимнимъ пейзажемъ.

Встрѣтили насъ хозяйки очень радушно. Арсеній очень умѣло поднесъ какую-то пустяковину Лидіи Александровнѣ, ловко расшаркался передъ мамашей, обворожилъ обѣихъ столичнымъ обхожденіемъ. Злодѣй не догадался купить для меня путнаго подарка, вѣдь зналъ, что здѣсь не найти ничего порядочнаго для достойнаго подарка дорогой Лидіи Александровнѣ. Мои конфеты оказались слишкомъ будничными. Впрочемъ, у Ѳедора Андреевича и того не оказалось.

Я предупредилъ Арсенія и Андреева, что не будемъ ждать ихъ обѣда, у нихъ кухарка плохая, во время праздниковъ, такъ какъ у ней своя большая семья. Настроенные на веселый ладъ, мы безъумолку болтали обо всемъ, Лидія Александровна отъ души смѣялась разсказамъ Арсенія о тверскихъ балахъ и моему пѣнію въ подражаніе безслухаго П. А. Крестоносцева изъ «Жизни за Царя» и Моцартовскаго «Донъ-Жуана». Андреевъ замѣтно дулся и какъ-то удивительно смотрѣлъ на веселую Лидію Александровну. Мы собираться стали домой. Хозяйка благодарила за доставленное ей удовольствіе, просила навѣщать ихъ на праздникахъ.

Ночь была морозная, ясная, лошаденка отдохнула, прозябла и спѣшила къ дому; возница оказался «съ мухой», расхваливалъ барыню за угощеніе, все время оглядываясь на своего племянника Ѳедю съ вопросомъ: «Не озябъ ли ты, Ѳедюшка». Забота не лишняя, такъ какъ у Ѳедюшки его гимназическое пальто ко времени окончанія курса было изрядно выношено, дядя Иванъ хорошо сдѣлалъ, что снялъ съ себя армякъ и покрылъ имъ Ѳедю, чтобы «волки не нюхали». У дяди подъ армякомъ оказался овчинный полушубокъ, въ немъ и «безъ мухи» можно было согрѣться. Братья встрѣтили насъ вопросомъ — хорошо ли гостили, Шурыгинъ расхвалилъ барынь, особенно молодую за умъ и красоту.

Варвара Семеновна накрыла на столъ, мы отлично поужинали традиціоннымъ рождественскимъ свининникомъ, щами, пшенной молочной кашей и киселемъ съ молокомъ. Ребята вернулись со славленья довольные, они заработали около трехъ рублей, кромѣ полученныхъ отъ меня 40 коп. и отъ Арсенія 1 рубля. Варвара Семеновна подала намъ въ келью самоваръ и простилась; она отъ усталости едва держалась на ногахъ.

Наконецъ-то мы остались одни, — можно было безъ постороннихъ поговорить о моихъ новыхъ знакомыхъ. Арсенію очень понравилась Лидія Александровна по красотѣ лица и всей фигурѣ, она показалась ему сдержанной, нѣсколько робкой, ко мнѣ, по его мнѣнію, она относилась тепло, съ полной довѣрчивостью, безъ подчеркиванія о влюбленности, какъ и подабаетъ благовоспитанной дѣвицѣ.

По всему видно, дѣвица она умная по природѣ, а о развитіи ея ты самъ лучше можешь знать, притомъ она очень молода. Онъ искренно радовался, что я удачно влюбился, пожелалъ взаимнаго счастья и успѣховъ въ работѣ.

Онъ настаивалъ, чтобы я поскорѣе начиналъ «Разсказчицу сказокъ» и писалъ ее на конкурсъ, о чемъ онъ никому не скажетъ — даже Кошелеву. Всѣ работы мои онъ видѣлъ на выставкѣ, особенно понравилась ему «Странница», торгующая святыми предметами. Однако все это мелочи, на нихъ не слѣдуетъ долго сидѣть.

Настойчивое требованіе Арсенія, чтобы я скорѣе принимался за серьезную работу, заставило меня сознаться въ слабости воли, въ томъ грѣхѣ, которымъ я не страдалъ по отношенію къ искусству. Указаніе на невозможность работать сложную вещь въ этой крошечной кельѣ или въ большой передней избѣ, всегда занятой семьей и приходящими посторонними людьми, тоже не удовлетворило моего друга. Онъ ждалъ отъ меня показанія, угадывалъ истинную причину моей раскислости сегодня.

И правда. Послѣ частыхъ поѣздокъ въ Любшу, гдѣ меня стали принимать уже какъ близкаго человѣка, не скрывали отъ меня нѣкоторыхъ печальныхъ подробностей своей семейной жизни, мало-по-малу наступилъ періодъ какого-то непонятнаго тихаго блаженства я почувствовалъ въ себѣ любовь къ людямъ, животнымъ, ко всему, что есть на свѣтѣ; съ глубокой вѣрой и любовью я обращался къ Богу съ благодарностью за то, что живу.

Первый разъ въ жизни я полюбилъ эту дивную дѣвушку, полюбилъ страстно, свято, готовъ за нее голову сложить, если бы потребовали обстоятельства, но таилъ это чувство отъ всѣхъ, чтобы никто не коснулся грубо этой святыни. Между тѣмъ тревожное чувство неизвѣстности не даетъ мнѣ покоя ни днемъ ни ночью; иногда нападаетъ такая тоска, что я готовъ бѣжать къ Лидіи Александровнѣ, сказать ей всю правду и ждать ея приговора. И вдругъ я останавливался въ раздумьѣ надъ вопросомъ: что же дальше. Вѣдь Л. не можетъ рѣшать свою судьбу безъ согласія отца или матери... Матушка Лидіи Александровны, несмотря на благосклонность ко мнѣ, никогда не согласилась бы по доброй волѣ выдать за меня свою дочь, во-первыхъ, потому, что я не дворянинъ, во-вторыхъ, не состою на службѣ, а стало-быть, не подвинусь въ чинахъ, а въ-третьихъ, что я родился въ деревнѣ Лапинѣ отъ крестьянина, живу теперь въ томъ же домѣ, въ семьѣ, съ братьями дружно и т. д. и впредь не намѣренъ отказываться отъ своей родни. Лидія Александровна отца хвалитъ, она у него каждый годъ гоститъ. Онъ живетъ отдѣльно отъ мамаши съ сыномъ Эсперомъ (ея братомъ), который учится въ Академіи Художествъ.

Теперь, когда я отвелъ душу, высказался, мнѣ стало легче. Буду просить Надежду Константиновну устроить мнѣ аренду дома

неподалеку отъ ея усадьбы; домъ крестьянскій принадлежитъ знакомому ей помѣщику Осташеву. Зимой мнѣ необходимо съѣздить въ С.-Петербургъ по дѣламъ.

Мы заснули очень поздно. На утро братъ ходилъ къ скоту, а мы все еще переговаривались, лежа на своихъ постеляхъ, онъ дивился о чемъ мы могли такъ долго говорить.

Въ два часа дня Андреевъ прислалъ за нами, звалъ обѣдать; Ѳедоръ, братъ мой, уже давно сидѣлъ у него. Мы застали ихъ веселыми, они сговорились заранѣе, какъ провести второй день праздника. Марѳѣ Степановнѣ не любъ былъ ихъ планъ, но она не смѣла перечить сынку повеселиться на деревенской бесѣдѣ съ дѣвушками. Угощала она насъ усердно, народу скопилась полная изба, кто пришелъ покурить хорошаго табачку, кто ждалъ водочки по второй и по третьей — пока бутыль не опорожнилась.

Я наотрѣзъ отказался сопутствовать имъ на бесѣду, отговаривалъ и Шурыгина, но онъ остался непреклоненъ. Когда мы вернулись ко мнѣ въ келью, я спросилъ Арсенія, сколько у него денегъ при себѣ; оказалось всего 55 рублей. Я убѣждалъ друга взять съ собой 5 рублей, онъ взялъ пятнадцать. Мы поспорили; онъ не послушалъ моего совѣта и былъ наказанъ сугубо. Въ 6 часовъ вечера въ компаніи съ молодыми ребятами отправились они въ сосѣднюю деревню на бесѣду, здѣсь показалось скучно, поѣхали, нанявъ ямщика, на всю ночь, — дальше искать веселья и вернулись втроемъ не ко мнѣ, а къ Андрееву, гдѣ высыпались и потомъ протрезвлялись до поздняго вечера. Арсеній вошелъ ко мнѣ и стыдливо потупивъ голову поздоровался со мной, не раздѣваясь легъ на постель и изрекъ: «Другъ мой, Вася, ты былъ правъ, отговаривая отъ поѣздки, но еще болѣе правъ, ограничивая меня пятью рублями на расходъ—все взятое съ собой ушло на пѣсни и на прочія ненадобности».

Потомъ оказалось, что Ѳ. Андреевичъ ухнулъ всѣ свои семнадцать рублей. Вотъ, говорю, вамъ обоимъ наука впредь не якшаться съ парнями, будьте довольны, что васъ не поколотили, приревновавъ спьяна къ какой-нибудь красавицѣ. Пріятелю такъ понравилось деревенское гульбище, что снова собралась компанія сдѣлать скромную поѣздку ряжеными, во главѣ съ Андреевымъ, котораго я предупредилъ, чтобы они не дѣлали безумныхъ расходовъ, совѣтуя заранѣе обоимъ взять по три рубля. Они спѣшно начали готовить костюмы — Арсеній былъ большой мастеръ изобрѣтать наряды, — для себя онъ сдѣлалъ чудесный изъ льна парикъ и длинную бороду, Андреева загримировалъ деревенской дѣвицей, и поѣхали они въ тотъ же вечеръ въ новыя мѣста. Мнѣ одному стало такъ скучно, что я пошелъ въ большую избу къ дѣтямъ разучивать «Вѣрую во Единаго Бога» кіевскаго напѣва, предполагая въ Новый годъ пѣть на лѣвомъ клиросѣ. Алексѣй сходилъ за сосѣдомъ басомъ, и мы долго занимались.

Мы не слышали, какъ подъѣхалъ посланный за мной изъ Любши кучеръ, сердце забилось отъ радости, когда я прочиталъ записку, что меня ждутъ къ чаю и не задержатъ долго, чтобы не соскучился мой товарищъ - гость Арсеній Николаевичъ.

Встрѣтили меня такъ радушно, что я просіялъ. Старая барыня побѣжала въ людскую, успѣла разспросить кучера, за какимъ занятіемъ онъ засталъ меня — тотъ расхвалилъ нашу спѣвку. Въ отсутствіе матери Лидія Александровна здороваясь и крѣпко пожимая мнѣ руку, сказала: «Я очень рада, что вы скоро пріѣхали». Мнѣ показалось въ ея голосѣ столько дружеской искренности, что я едва удержался отъ желанія снова взять ея руку и крѣпко поцѣловать, но въ это время вошла ея матушка. За чаемъ матушка спросила о гостѣ, о нашемъ времепрепровожденіи на праздникахъ, я разсказалъ о ихъ поѣздкахъ на бесѣды, умолчавъ о подробностяхъ, она удивилась, отчего я не сопровождалъ ихъ. Лидія Алкесандровна покраснѣла, мелькомъ взглянувъ въ мою сторону. Маменька не оставляла допытываться: почему же я не веселюсь на Святкахъ. Я сознался, что не люблю деревенскихъ бесѣдъ, раза два побывши на нихъ изъ любопытства, кромѣ грубости парней въ ухаживаньи за своими невѣстами, пѣсеннаго визга, нескладнаго оглушительнаго топонья пудовыми сапогами, которое принимается за танцы, духоты и смрада — ровно ничего хорошаго нѣтъ на этихъ сборищахъ. Какъ художникъ, я не считаю себя способнымъ брать сюжетомъ для картины эту сторону крестьянской жизни, поэтому и не стараюсь изучать подробностей ухаживанья молодежи за невѣстами. Въ нашей семьѣ всегда преслѣдовалось грубое увеселеніе, и завѣты моей матушки крѣпко держатся во мнѣ, а еще разительнѣе въ старшемъ братѣ Алексѣѣ Максимовичѣ,—у него прямо отвращеніе къ грубымъ развлеченіямъ, вошедшимъ въ обиходъ деревенскихъ бесѣдъ.

Узнавши, что я собираюсь съ племянниками и братьями пѣть на лѣвомъ клиросѣ обѣдню въ Новый годъ, въ нашъ приходскій праздникъ, когда съѣзжаются окрестные помѣщики, а на правомъ клиросѣ поютъ пріѣзжіе семинаристы, мамаша стала убѣждать меня не конкурировать съ кутейниками, а когда ее поддержала и Лидія Александровна, я сразу отказался отъ своего намѣренія. Оказалось, что Надежда Константиновна посылала за мной для того, чтобы предупредить меня никому не давать слова встрѣчать Новый годъ, что ей пріятно было бы видѣть у себя всѣхъ насъ троихъ въ канунъ Новаго года, что вечеромъ она пришлетъ за нами. Я поручился за себя и за своихъ пріятелей, что мы готовы къ нимъ даже пѣшкомъ прійти.

Въ 10 час. вечера я пріѣхалъ домой, вскорѣ пришелъ и Арсеній, очень недовольный Андреевымъ, соблазнившимъ поѣздкой съ ребятами на бесѣду «въ ту деревню, мимо которой мы ѣхали

изъ Петербурга на высокой горѣ»; я подсказалъ «Висѣльникъ». «Ну, вотъ въ ту самую. Между тѣмъ въ Чернавинѣ на бесѣдѣ была такая красавица, какихъ рѣдко встрѣтишь — зовутъ ее Анна Степановна. Одному мнѣ на бесѣдѣ неловко было остаться, и я пѣшкомъ, съ провожатымъ, отправился домой».

Я передалъ все о Любшѣ, и мы веселые сѣли за ужинъ, послѣ котораго онъ попросилъ чаю, бѣднягѣ не удалось нигдѣ даже воды напиться. Братъ Алексѣй очень доволенъ скорымъ возвращеніемъ Арсенія, пилъ съ нами; онъ вполнѣ согласился съ барыней не конкурировать съ погосчанами, становясь на лѣвый клиросъ. Мы съ Арсеніемъ долго бесѣдовали по вопросамъ пережитаго дня и о встрѣчѣ Новаго года.

Наканунѣ Новаго года былъ жестокій морозъ, мы съ Арсеніемъ едва уговорили Андреева ѣхать въ Любшу, запасшись на дорогу теплой шубой. Онъ досталъ въ монастырѣ енотовую рясу и валянки, Арсенію далъ валянки Алексѣй, а мой костюмъ подкрѣпленъ былъ теплой вязаной рубашкой.

Въ 8 часовъ за нами прислана пара лошадей; широкія сани полныя сѣна и двѣ мягкія полости — обезпечивали доставку живыми молодыхъ гостей. Приняли насъ радушно, угостили чаемъ съ разными жирными печеньями. Надежда Константиновна, дама привычная занимать гостей, сегодня была въ особенно хорошемъ расположеніи, она очень интересно разсказывала, какъ она съ матерью въ 1831 году ѣздила къ бабушкѣ въ Рязанскую губернію. Ѣхали они къ празднику Рождества Христова въ удобномъ экипажѣ, а за ними еще двѣ пары съ разными слугами, дорожными вещами, потребными на долгихъ остановкахъ, гдѣ ихъ поваръ готовилъ обѣдъ. Описаніе постоялыхъ дворовъ, встрѣчи съ проѣзжающими, предупрежденія о неспокойныхъ мѣстахъ, заѣзды въ монастыри, столько характерныхъ подробностей тогдашняго быта образованнаго общества, — достойно сожалѣнія, что не записанъ этотъ разсказъ, да и все вообще, слышанное мною отъ Надежды Константиновны.

Арсеній усердно сталъ ее просить еще и еще разсказать изъ прошлаго, она согласилась, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый изъ насъ тоже разсказалъ какое-нибудь приключеніе изъ своей жизни. Послѣдній ея разсказъ о томъ, какъ ея младшій братъ Павелъ, любимецъ бабушки, жилъ у нея въ дѣтскіе годы, къ чему его тамъ пріучили, какъ потомъ взяли его въ отчій домъ, чтобы начать обучать грамотѣ, и какъ трудно было ему отвыкнуть отъ пріобрѣтенныхъ привычекъ. Бабушка къ нему цѣлый штатъ слугъ приставила, которые исключительно за нимъ однимъ ухаживали. Когда бы ни вздумалъ онъ спросить ѣсть — днемъ или среди ночи—ему накрывали столъ и подавали любимыя имъ блюда, засыпалъ онъ также во всякое время дня, а ночью будилъ капризами своихъ

слугъ и требовалъ развлеченій. Тогда посылали на его половину содержащихся въ домѣ шутовъ, дуръ, плясуновъ, музыкантовъ, пѣсенниковъ, и начиналась сумасшедшая пляска подъ звуки дикой музыки, которую ребенокъ называлъ «гунди-бунди».

Окончивъ сей поучительный разсказъ, какъ не надо воспитывать дѣтей, она предоставила одному изъ насъ начать. Кинули жребій — вышло начинать Арсенію.

Онъ очень интересно разсказалъ исторію жизни и дѣятельности нѣкоего станового пристава, въ нѣкоторомъ смыслѣ удѣльнаго князя своего стана, со дня его поступленія на службу до самоувольненія, превосходно характеризуя личность станового пристава, его канцелярію, врача-нѣмца, едва говорившаго по-русски. Поѣздки на слѣдствія, воинскія присутствія, разговоры проѣзжихъ на постоялыхъ дворахъ переданы художественно — безъ натяжекъ, съ неподражаемымъ юморомъ, такъ что послѣ его разсказа нелегко было выступать мнѣ по выпавшему жребію.

Я разсказалъ эпизодъ, когда я жилъ въ ученьи у мастерового Конона въ 1861 году. Однажды пришли въ мастерскую хорошо одѣтые, среднихъ лѣтъ мужъ и жена заказать семейный образъ св. Гурія, Самона и Авива. Первый угодникъ почитается хранителемъ супружеской чистоты, второй — помогаетъ отъ хмельнаго буйства мужей, третій — отъ безумной расточительности и сварливости женъ. Кононъ пригласилъ ихъ въ свою комнату, договорился съ нимъ въ цѣнѣ, размѣрѣ и срокѣ, на вопросъ заказчиковъ, кто будетъ писать образъ, онъ указалъ на меня, при чемъ похвалилъ мое поведеніе до такого преувеличенья, что образъ, написанный мною, можетъ творить чудеса. Заказчики, проходя мимо меня, остановились, и съ какимъ-то непонятнымъ мнѣ благоговѣніемъ обратились съ просьбой не пожалѣть усердія, написать имъ образъ, а они станутъ молиться о здравіи мастера Василія и поблагодарятъ за работу, какъ слѣдуетъ. Когда Кононъ разсказалъ о выгодномъ заказѣ (50 руб. за 8-ми вершковый образъ) и о способѣ, употребленномъ для болѣе высокой цѣны, — меня зло взяло за кощунственное одурачиваніе моей мнимой святостью этихъ вѣрующихъ людей. Но его трудно было привести въ сознаніе, когда десятирублевый задатокъ былъ у него въ карманѣ.

Заказчики всегда порознь заходили въ мастерскую смотрѣть на работу. Усядется около меня увѣсистый купчина — сопитъ, тутъ, глядя на работу, не въ силахъ сообразить: съ чего я списываю, и какъ это выходитъ зеленый цвѣтъ изъ двухъ красокъ. «Премудрость, — со вздохомъ и благоговѣніемъ скажетъ онъ, а иногда:—дарованіе свыше дано. А что, любезный мастеръ, ты по средамъ и пятницамъ скоромнаго не употребляешь». На отрицательный отвѣтъ купчина истиво крестился, суетъ въ руку полтинникъ и уходитъ.

Когда приходила купчиха, она раздѣваясь входила зъ хозяйскую комнату, поболтаетъ тамъ о чемъ-то съ хозяйкой, а затѣмъ подсаживалась ко мнѣ съ вопросомъ: «Который изъ трехъ угодниковъ унимаетъ мужей отъ пьянства и буянства». Я указалъ на средняго — Самона». «Такъ вотъ этого средняго, Христомъ Богомъ, прошу, напиши построже, чтобы Его, угодника Божія, мужъ мой боялся. А того угодника, который для усмиренія женъ, нельзя ли сдѣлать подобрѣе, поласковѣе».

«Нѣтъ,—говорю,—онъ тоже строгъ будетъ у меня». Купчиха смекнула въ чемъ дѣло, достала изъ кошелька рублевку, сунула мнѣ въ жилетный карманъ и прошептала на ухо: «Послѣ еще подарю, мужу не сказывай».

«Не знаю,—говорю,—какъ мнѣ быть, но для васъ постараюсь».

Образъ написанъ. Кононъ самъ понесъ къ заказчикамъ. Какую чепуху онъ тамъ городилъ — не знаю, а мнѣ онъ принесъ рублевку, посланную благодушнымъ купчиной въ благодарность за исполненіе.

Андреевъ сначала отказался разсказывать по отсутствію фантазіи, а потому собрался съ духомъ, вспомнилъ случай, когда волки заѣли двухъ школьниковъ около деревни Извозъ. Вышло еще незначительнѣе, чѣмъ мой иконописскій разсказъ.

Начали гаданье: жгли бумагу и смотрѣли на тѣнь, фантазируя всякую небылицу, лили воскъ и кой-какъ дотянули до полуночи. Весело поздравивъ съ Новымъ годомъ милыхъ хозяевъ, со всей искренностью и сколько хватило находчивости и остроумія, мы озаботились дать имъ покой.

Въ свой годовой церковный праздникъ необходимо каждому изъ насъ быть у поздней обѣдни, чтобы потомъ принимать гостей. По пріѣздѣ въ обитель мы не долго сидѣли. Арсенію очень понравилась Лидія Александровна, онъ въ этотъ вечеръ, не знаю, на какихъ основаніяхъ, убѣдился, что она приметъ мое объясненіе съ ней серьезно и ни въ какомъ случаѣ не поспѣшитъ объ этомъ разсказать матери.

Утромъ братъ Алексѣй поднялъ насъ, а самъ съ дѣтьми отправился въ церковь, чтобы поспѣть къ водосвятію; мы съ Арсеніемъ едва захватили конецъ обѣдни, изъ Любши же наши милыя маменька съ дочкой пожаловали только во время молебна. Въ первый день праздника Арсеній много рисовалъ съ гостей, во время торжественнаго передъ обѣдомъ чаепитія, а потомъ всѣ гости только и дѣлали, что набивали брюхо.

Тетушка Татьяна Васильевна съ дочерьми была самой дорогой гостей, для нихъ вечеромъ по очереди съ Арсеніемъ мы читали «Вечера на Хуторѣ». Удивительно, какъ понятенъ Гоголь всѣмъ возрастамъ и сословіямъ, немногія слова и мѣстные обычаи съ перваго объясненія понимаются.

На второй день праздника пріѣхалъ къ намъ дядюшка Трифилій Васильевичъ — всеобщій любимецъ — безъ жены, которая осталась у дочери пѣстовать ея новорожденнаго первенца. Въ ожиданіи гостя тетушка, съ вечера, сама поставила опару, чтобы на славу испечь тепликъ, для такого случая у меня запасена бутылка очень дорогой мадеры, часть ея и была передана еще съ вечера тетушкѣ. Печенье Татьяны Васильевны Арсенія до такой степени привели въ восторгъ, что онъ всталъ и поцѣловалъ тетушку, да и было за что, совсѣмъ кондитерская баба. Къ вечеру на третій день всѣ гости разъѣхались; Арсеній тоже не могъ долго оставаться здѣсь, у него, какъ и у Андреева, были въ Петербургѣ уроки. На четвертый день утромъ за мной прислали изъ Любши лошадь, и мы вдвоемъ съ Арсеніемъ поѣхали, ему захотѣлось поблагодарить и проститься съ любезными хозяйками.

Поѣздка была радостная. Домъ для мастерской предоставленъ въ мое распоряженіе, по 3 р. въ мѣсяцъ, ключъ полученъ, мы отправились смотрѣть. Изба крестьянская, самая типичная, ладожская, просторная съ печкой и лежанкой, сѣни огромные и дворъ. Мы вернулись въ усадьбу веселые, я не зналъ, какъ благодарить Надежду Константиновну, а она подарила меня новой радостью, объявивъ, что скоро вмѣстѣ съ дочерью поѣдетъ въ Петербургъ и предлагаетъ мнѣ сопутствовать имъ въ видѣ подсадка. Арсеній спѣшилъ отъѣздомъ, и насъ не задержали.

У меня гора съ плечъ свалилась, я имѣлъ мастерскую, объ остальномъ не загадывалъ, предоставляя времени и обстоятельствамъ рѣшить мою судьбу, поставленную отъ достоинства выполненія картины.

Весело справили мы проводы сытымъ обѣдомъ и отличной брагой, оставшейся послѣ праздниковъ. Скучненько стало мнѣ одному въ моей кельѣ. Зато я сталъ заниматься дѣломъ: нарисовалъ соусомъ «Разсказчицу» по эскизу съ измѣненіями въ композиціи. Позировали мнѣ ребята, Варвара, Алексѣй, этимъ я подвинулся къ черченію перспективы. Надежда Константиновна, задумавши ѣхать въ Петербургъ, предложила мнѣ жить у нихъ до отъѣзда и работать, что хочу. Я перебрался для черченія перспективы къ нимъ, такъ какъ мнѣ ближе было ходить въ мою холодную мастерскую для обмѣра внутренностей избы. Лидію Александровну очень занимала моя работа, она такъ привыкла ко мнѣ, что незамѣтно мы начали мечтать объ удачно выполненной картинѣ, — возможности отдаться работѣ надъ серьезными задачами. Однимъ словомъ, я объяснился; она приняла очень сердечно мое робкое признаніе, безъ всякихъ дѣланныхъ смущеній, позированья, клятвъ. До поры до времени рѣшено ни слова не говорить матери и не подавать повода подозрѣвать насъ. Я началъ писать ея портретъ въ зимней

одеждѣ, такъ какъ въ комнатѣ было очень холодно и не могъ кончить именно потому, что руки стыли, не удержать было кисти.

Отъѣздъ нашъ откладывался со дня на день, съ недѣли на недѣлю. Уложенный чемоданъ стоялъ на диванѣ, мы уже два раза съѣдали приготовленныхъ въ дорогу куръ и индюшекъ и вновь жарили—наконецъ-то всѣ вещи были завязаны веревками, а также и ѣда.

Пріѣхалъ за нами Ѳедоръ Куракинъ, всегдашній ямщикъ барыни, у котораго была особенной величины кибитка и пара здоровыхъ коней. Поклажи набралось много, мы съ маменькой размѣстились по сторонамъ, Лидія Александровна въ серединѣ. Ѣхали сначала довольно бойко, весело болтая всякій вздоръ, потомъ мамаша утомилась, велѣла закрыть фартукъ и сладко заснула, а мы прижались поближе другъ къ другу и продолжали шептать вплоть до первой остановки 20 верстъ. Остановились въ домѣ бывшаго бурмистра помѣщика Нелидова, друга дома Измайловыхъ, у котораго часто гостила Надежда Константиновна съ мужемъ въ сороковыхъ годахъ. Бурмистръ Сидоръ Антоновичъ Сытинъ оставался управлять имѣніемъ и послѣ освобожденія крестьянъ, онъ былъ богатъ, имѣлъ двухъ сыновей Ѳедора (неграмотнаго) и Степана, у котораго крестной матерью была Надежда Константиновна. Степанъ учился въ той же монастырской школѣ, гдѣ и я, мы были съ дѣтства пріятелями, онъ былъ всего на три года старше меня, между тѣмъ женатъ былъ уже пять лѣтъ на своей ровестницѣ, преумной расторопной молодицѣ.

Здѣсь мы цѣлыя сутки прогостили; въ дорогу намъ напечено было столько всякой сдобности, что въ недѣлю не съѣсть. Вторая ночь была проведена въ деревнѣ Лавѣ и третья въ Шлиссельбургѣ. Отсюда мы выѣхали въ 2 часа утра для того, чтобы въ Петербургъ пріѣхать пораньше.

Въ Петербургѣ мамаша остановилась неподалеку отъ дома, гдѣ жилъ ея мужъ съ сыномъ, въ комнатѣ у знакомой польки. Мы пили чай, очень плотно закусили; я получилъ съ собой ворохъ разнаго съѣстного въ гостинцы Арсенію, расцѣловался съ мамашей, а по ошибкѣ и съ Лидіей Александровной, ошибка прошла словно незамѣченной среди дружескаго разставанья.

Я прямо поѣхалъ къ Кошелеву, у котораго нанималъ комнату пополамъ съ Арсеніемъ, здѣсь находились всѣ мои вещи. Арсенія не было дома, онъ пришелъ, когда мы распаковывали предназначенные ему мамашей гостинцы.

На другой день ходилъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, получилъ стипендію за пять мѣсяцевъ—84 руб. 50 коп.; отсюда направился къ Солнцеву благодарить за докладъ министру о продолженіи стипендіи. Онъ мнѣ сказалъ, что стипендія утверждена мнѣ до конца 1868 года, въ виду благопріятнаго отзыва, даннаго Академіей Художествъ на запросъ министра.

Зашелъ къ Надеждѣ Константиновнѣ, узналъ что Лидія Александровна сегодня въ 11 часовъ перебралась къ отцу, и оттуда къ ней не можетъ часто заходить.

Возвращаясь на Васильевскій Островъ, не могъ не заглянуть въ вечерній классъ Академіи, здѣсь словно воскресшаго изъ мертвыхъ встрѣтили меня товарищи. Воспользовавшись такимъ впечатлѣніемъ, я подошелъ къ первому Эсперу Измайлову — брату Лидіи Александровны; поздоровался съ нимъ, похвалилъ его рисунокъ и перешелъ къ его другу Валер. Никол. Трегубову. Онъ позвалъ меня къ себѣ на рисовальный вечеръ, здѣсь былъ и Эсперъ Александровичъ, мы съ нимъ первый разъ разговорились довольно долго о моемъ путешествіи по Волгѣ, о красотѣ рѣки, оригинальности судовъ, о типахъ инородцевъ и пр. Я сказалъ, что въ Ладогѣ познакомился съ его матушкой и сестрой въ церкви, умолчавъ о подробностяхъ, пока не сговорюсь съ Лидіей Александровной при свиданіи, Эсперъ пригласилъ меня въ воскресенье на вечерній чай.

Въ первое же воскресенье я отправился къ отцу Лидіи Александровны; Эсперъ Александровичъ представилъ меня отцу, какъ товарища по Академіи, отецъ очень благодушно принялъ новаго знакомаго. Здѣсь были мои товарищи Трегубовъ и Шишкинъ, я сразу почувствовалъ себя легко. Лидія Александровна была поражена, увидѣвъ меня среди гостей, я подошелъ къ ней и сразу взялъ такой тонъ, чтобы она поняла, какъ ей надо избѣгнуть противорѣчій въ разсказѣ о знакомствѣ и времени пріѣзда въ Петербургъ. «И вы, — говорю, — соскучились въ Ладогѣ? Давно ли пріѣхали». Она сразу поняла все, и мы примкнули вмѣстѣ къ молодежи.

Отецъ Лидіи Александровны спросилъ меня, въ которомъ я классѣ, и когда узналъ, что я уже окончилъ классы и вышелъ изъ Академіи, нѣсколько удивился. Удовлетворяя его любопытству, пришлось разсказать подробно мои мечты объ изученіи народной жизни, разсказалъ о жизни у Кутузовыхъ, у Лосевыхъ, о поѣздкѣ на Волгу и этимъ внушилъ ему къ себѣ уваженіе. На прощаньи онъ звалъ къ себѣ заходить и по буднямъ, къ обѣду, такъ какъ торопиться въ классы вамъ не надо [1]).

В. Максимовъ.

---

[1]) На этомъ обрываются автобіографическія записки В. М. Максимова. Для цѣльности впечатлѣнія мы дадимъ очеркъ дальнѣйшей жизни В. М. Максимова, основанный отчасти на автобіографическомъ матеріалѣ, отчасти на воспоминаніяхъ близкихъ ему лицъ. *Ред.*

Изъ репортерскихъ воспоминаній.

Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Пушкинъ.

19 сентября 1889 года пріѣхала я на днѣпровскомъ пароходѣ изъ г. Кременчуга, Полтавской губерніи, въ Кіевъ,—искать какого-нибудь самостоятельнаго заработка.

Тогда я была очень молода. Многіе изъ моихъ недавнихъ гимназическихъ товарокъ еще продолжали учиться въ стѣнахъ кременчугской гимназіи, а обстоятельства моей жизни уже успѣли сложиться такимъ образомъ, что я устремилась изъ родного города на поиски чего-то новаго, въ сущности сама не зная чего. Выборъ мой остановился на Кіевѣ, хотя тамъ никого не было у меня. Передъ тѣмъ я побывала въ Кіевѣ всего одинъ разъ—нѣсколько лѣтъ назадъ, еще подросткомъ. Мы съ покойной матерью ѣздили въ Кіевъ на богомолье, и городъ этотъ остался въ моей памяти, какъ чарующая панорама, какъ эмблема чего-то безотчетно-радостнаго. Теперь Кіевъ потянулъ меня къ себѣ прежде всего своею красотой, какой-то особенной привлекательностью.

«Поѣду въ Кіевъ, и тамъ что-нибудь найду», неопредѣленно говорила я себѣ, подразумѣвая подъ словами «что-нибудь» какую-либо работу, заработокъ. Но какъ искать, и даже въ какой области труда начинать поиски, я положительно не знала. По моимъ симпатіямъ и склонностямъ привлекала меня литературная работа, потому что съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ литература наиболѣе увлекала и захватывала меня. Интересъ и любовь къ ней привила мнѣ моя мать, благоговѣвшая передъ художественными произведеніями слова и предъ творцами этихъ произведеній. Личная ея жизнь сложилась неудачливо. Уроженка г. Боброва, Воронежской губерніи, дочь соборнаго священника этого города—Марія Ильинична Ясеновская—она была по своему времени образованной и развитой дѣвушкой, а по складу характера отличалась мечтательностью, сердечной добротой, всепрощающей кротостью, большой любовью ко всему изящному. Особенно любила она литературу и театръ.

Въ юности и потомъ—уже замужней женщиной—она писала небольшіе лирическіе стихи, очень прочувствованные, но не представлявшіе сколько-нибудь серьезнаго литературнаго интереса. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ г. Бобровѣ стоялъ Каргопольскій драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ отецъ мой, Николай Константиновичъ Меньшиковъ, тогда молодой, красивый офицеръ и полковой адъютантъ, происходившій изъ зажиточной въ тѣ времена помѣщичьей семьи Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда. Отецъ увлекся Маріей Ильиничной Ясеновской и рѣшилъ на ней жениться. Но бракъ съ «поповной» въ глазахъ его родни представился недоступнымъ мезальянсомъ. Полетѣли телеграммы съ воспрещеніями женитьбы, съ проклятіями. Въ свою очередь и отецъ невѣсты—священникъ Илья Ясеновскій—немолодой уже и тогда вдовецъ, большой оригиналъ, даже чудакъ, но человѣкъ удивительно кристальной души, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и любовью многихъ среди бобровцевъ (онъ умеръ въ весьма преклонномъ возрастѣ въ концѣ 1902 года, и похороны его привлекли толпу подгородныхъ крестьянъ и слобожанъ, которые называли его: «нашъ мужицкій батюшка») оскорбился нежеланіемъ какихъ-то «хохлацкихъ дворянчиковъ» принять его дочь въ свою семью. Онъ тоже воспротивился браку моей матери. Но молодые люди остались непреклонными и повѣнчались. Я была первымъ ребенкомъ, родившимся отъ этого брака. Вскорѣ послѣ моего рожденія отецъ оставилъ военную службу и уѣхалъ на свою родину, въ Полтавскую губернію, гдѣ служилъ по дворянскимъ выборамъ въ теченіе многихъ трехлѣтій. Мать моя не встрѣтила въ семьѣ мужа хорошаго къ себѣ отношенія. Совершенно незаслуженно, но къ ней, нежеланной и незванной, относились свысока и нѣсколько иронически, ей всячески давали понять, что она—чужая, «поповна», «попадья», кто-то низшій, недостойный занятаго имъ мѣста... Мягкая, привязчивая и кроткая, она постоянно чувствовала себя душевно одинокой. И можетъ-быть, потому стала удѣлять много времени моему, главнымъ образомъ, литературному развитію. Мнѣ не было семи лѣтъ, когда она начала брать меня съ собою въ театръ, и значительно раньше я знала на память лермонтовскаго Демона, Мцыри и Казначейшу, Полтаву и Братьевъ-разбойниковъ Пушкина. Демонстрируя остроту моей памяти, мать заставляла меня читать наизусть передъ изумляющимися (и, вѣроятно, проклинающими меня) гостями некрасовскій — Морозъ-красный-носъ, Размышленіе у параднаго подѣзда, длиннѣйшія «гражданскія» стихотворенія Розенгейма и Курочкина... Она умерла въ началѣ 1886 года, вскорѣ послѣ родовъ, еще совсѣмъ молодой женщиной. Мы успѣли перечитать вмѣстѣ съ нею всего Тургенева, Анну Каренину, Войну и миръ, нѣкоторыя отдѣльныя произведенія Гончарова, Писемскаго, Щедрина, Шеллера-Михайлова, Атавы-Терпигорева. Послѣ смерти матери я продолжала читать все, что ни попадалось подъ руку, уже

безъ всякаго руководства со стороны взрослыхъ. Моя приверженность къ литературѣ крѣпла и разрасталась, но, собираясь въ Кіевъ въ 1889 году, я не отваживалась даже и мечтать о литературной работѣ...

Въ Кіевѣ мнѣ повезло.

Совершенно случайно и непредвидѣнно судьба столкнула меня съ вліятельнымъ кіевскимъ архитекторомъ, Владимиромъ Николаевичемъ Николаевымъ. (Онъ скончался въ званіи академика архитектуры 11 ноября 1911 года и похороненъ въ Кіевѣ на Аскольдовой могилѣ.) Видный общественно-городской дѣятель, мѣстный епархіальный архитекторъ, кіевскій домовладѣлецъ и постоянный гласный кіевской думы, онъ занимался также частными архитектурными работами. По его проектамъ и подъ его наблюденіемъ возведены были въ Кіевѣ десятки общественныхъ и частныхъ зданій. Нѣкоторыя кіевскія улицы застроены сплошь В. Н. Николаевымъ, и онъ, бывало, шутя говаривалъ, что по справедливости слѣдовало бы хотя одну изъ такихъ улицъ назвать въ честь его Николаевской. Уроженецъ Петербургской губерніи, В. Н. Николаевъ попалъ въ Кіевъ въ второй половинѣ семидесятыхъ годовъ. Онъ былъ ученикомъ извѣстнаго спеціалиста по церковнымъ сооруженіямъ профессора архитектуры Бернгардта. По рекомендаціи Бернгардта на В. Н. Николаева возложено было наблюденіе надъ работами по укрѣпленію и окончанію Владимирскаго собора, давшаго серьезныя трещины. Соборъ передъ тѣмъ стоялъ много лѣтъ недостроеннымъ, а затѣмъ къ 1884-му году укрѣпленіе его было закончено, надстроенъ главный куполъ и повѣшены колокола.

Пока достроивался Владимирскій соборъ, В. Н. Николаевъ успѣлъ акклиматизироваться въ Кіевѣ, сжился съ этимъ городомъ. Когда мнѣ довелось встрѣтиться съ нимъ, онъ отзывался о себѣ, какъ о кіевскомъ «почти старожилѣ», имѣлъ собственный домъ на Лютеранской улицѣ, пользовался немалымъ вліяніемъ.

Очень мягкій въ обращеніи съ людьми, тогда еще нестарый (лѣтъ сорока съ небольшимъ) мѣстный дѣятель, шатенъ, невысокаго роста, худощавый, съ маленькими руками и ступнями ногъ, съ благообразнымъ лицомъ и продолговатой каштановой бородою, онъ говорилъ негромкимъ голосомъ, скорѣе былъ молчаливъ, чѣмъ разговорчивъ и обладалъ манерами деликатнаго, но слегка застѣнчиваго отъ природы человѣка. Однако умѣлъ доводить все начинаемое имъ до конца, не отступая передъ препятствіями или неудачами, и тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, требовалось проявлялъ достаточную твердость. Онъ скуповатъ былъ на обѣщанія, зато, если обѣщалъ что-нибудь, на его слово можно было положиться.

Онъ принялъ живое участіе въ моей судьбѣ, и самъ вызвался помочь мнѣ въ дѣлѣ пріисканія заработка. Узнавъ о моемъ тяготѣніи къ литературѣ, В. Н. Николаевъ сказалъ: «Что жъ... Испы-

тайте сперва себя въ этой области. Всегда надо начинать съ того, къ чему у насъ наибольшее влеченіе. Хотите я устрою васъ писать въ газетѣ?» И онъ разсказалъ мнѣ, что лишь недавно достроилъ домъ профессору политической экономіи Аѳиногену Яковлевичу Антоновичу, который издаетъ и редактируетъ газету «Кіевское Слово», что новымъ домомъ своимъ профессоръ Антоновичъ, повидимому, очень доволенъ... И что если онъ, В. Н. Николаевъ, побываетъ у Антоновича и попроситъ его обо мнѣ, Антоновичъ, вѣроятно, не отвѣтитъ отказомъ.

Этотъ проектъ привелъ меня въ восхищенье. Хотя «Кіевское Слово» мнѣ никогда не доводилось читать и видѣть (въ тѣ времена желѣзнодорожное сообщеніе полтавскаго района съ Кіевомъ было кружное и длительное, такъ что въ Кременчугѣ, напримѣръ, кіевскія газеты получались одновременно съ московскими, а потому и не пользовались распространеніемъ), но одна мысль, что я вдругъ стану литераторомъ, что меня, мои строки будутъ печатать въ какой-то «профессорской» газетѣ...—это представлялось мнѣ прельстительнымъ безмѣрно. Страшно было только, какъ бы заманчивая мечта не разсѣялась безслѣдно передъ дѣйствительностью, не оказалась неосуществимой... И я боязливо спросила у Николаева: «А какъ вы думаете, сумѣю ли я?»—«Научитесь,—послѣдовалъ увѣренный и подбадривающій отвѣтъ.—Сперва вѣдь съ репортажа вѣрно начнете? Мудрость—небольшая». Дня черезъ два послѣ того В. Н. сообщилъ мнѣ: «А наше съ вами налажено дѣло. Вчера я былъ у Антоновича и такъ расписалъ васъ, что онъ даже заинтересовался вами. Ему, оказывается, нужны репортеры. Идите завтра къ нему. И вотъ отдайте это письмо: я тутъ еще разъ напоминаю о моей просьбѣ. Его новый домъ на Большой Владимирской улицѣ. Какъ разъ противъ Золотыхъ воротъ. Найдете?»—«Найду!» Я не знала, какъ благодарить Николаева.

На утро я очутилась у Золотыхъ воротъ съ письмомъ В. Н. Николаева, адресованнымъ «профессору Аѳиногену Яковлевичу Антоновичу». Противъ Золотыхъ воротъ стоялъ новенькій многоэтажный домъ изъ желтаго кіевскаго кирпича съ темно-красной аркой надъ воротами въ срединѣ передняго фасада. Слѣва отъ воротъ, надъ входной съ улицы дверью, была вывѣска: «Контора и редакція газеты «Кіевское Слово». В. Н. Николаевъ объяснялъ мнѣ, что войти нужно въ лѣвый подъѣздъ подъ аркой, подняться по лѣстницѣ во второй этажъ, и тамъ направо будетъ дверь въ квартиру А. Я. Антоновича, а налѣво—въ его кабинетъ, гдѣ онъ работаетъ. Въ эту лѣвую дверь надо постучать три раза... и затѣмъ моя судьба будетъ рѣшена такъ или иначе. Если же стукнуть одинъ разъ или застучать болѣе трехъ—дверь не отворятъ... Я выполнила все,

какъ было предписано. На мой осторожный троекратный стукъ щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и передо мной предсталъ «Аѳиногенъ Яковлевичъ», о которомъ такъ много передумала я за послѣдніе дни и ночи. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшно запахнулъ на себѣ сѣровато-темное пальто, надѣтое безъ жилета, на мягкую рубашку. Онъ былъ далеко нестарый, довольно рослый, крѣпко сложенный, уже начавшій полнѣть, съ негустой, растущей лишь на подбородкѣ темной бородой, съ волнистыми, длинными и немного всклокоченными волосами. Лицо пріятное, нѣсколько заплывшее; превосходные зубы, чисто-малорусская, лукаво-насмѣшливая улыбка и лукаво-проницательный взглядъ наблюдательныхъ глазъ, которые глядѣли на все кругомъ, будто никому не довѣряя.

— Вы—профессоръ Антоновичъ?—робѣя, но преодолѣвая геройскимъ усиліемъ воли робость, спросила я у Аѳиногена Яковлевича.

— Я, — отвѣтилъ онъ, всматриваясь въ меня своими недовѣряющими глазами.

— Съ вами говорилъ обо мнѣ Николаевъ... Архитекторъ... Владимиръ Николаевичъ.

— Ахъ, это вы? Войдите, — произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку, и отступилъ въ глубину узко вытянутаго кабинета, изъ котораго выходилъ большой балконъ на улицу.—Присядьте.

Мы сѣли.

— А я подумалъ про васъ, не гимназистка ли?—признался Аѳиногенъ Яковлевичъ.

Я объяснила ему, что уже не гимназистка, и отдала письмо Николаева.

— Я помню,—памятливо кивнулъ головой мой собесѣдникъ, беря у меня письмо, но не читая его.—Ваша фамилія, кажется, Меньшикова? А зовутъ васъ Варвара Николаевна?

И онъ принялся разспрашивать у меня, кто я, откуда, какъ очутилась въ Кіевѣ, какое отношеніе имѣю къ В. Н. Николаеву?

Отвѣтить на эти вопросы было очень нетрудно. Но тутъ пришлось бы коснуться моихъ семейныхъ и домашнихъ дѣлъ, говорить о которыхъ, да еще съ незнакомымъ человѣкомъ, мнѣ было непріятно. И я отвѣчала уклончиво, отрывисто, неопредѣленно. Будто удовлетворяясь моими отвѣтами, А. Я. нѣсколько разъ повторилъ: «Ага!» и наклонялъ при этомъ голову, какъ учитель на экзаменѣ.

Онъ, кажется, отчасти не повѣрилъ мнѣ, но прекратилъ разспросы. Потомъ, словно примиряясь съ чѣмъ-то, въ сущности неособенно важномъ для него лично, замѣтилъ послѣ паузы:

— Итакъ, вы желаете работать въ газетѣ? Я — радъ. Вы, кажется, энергичная. Изъ васъ репортеръ можетъ выйти. Мнѣ нужны репортеры. Но репортеру необходимы знакомства. А у васъ нѣтъ знакомыхъ въ Кіевѣ? Ну, да не бѣда. Познакомитесь. Вонъ вы какъ храбро познакомились со мною. Да и Владимиръ Нико-

лаевичъ можетъ дать вамъ много свѣдѣній для хроники. Вы его попросите, пусть даетъ обо всемъ, что только ему извѣстно на первыхъ порахъ. Онъ человѣкъ освѣдомленный.

— Такъ вы позволите мнѣ надѣяться?..—начала было я, но А. Я. не далъ мнѣ докончить.

— Чего тамъ: надѣяться?—протянулъ онъ.—Самое пустое занятіе—надежды. Никогда не слѣдуетъ терять на нихъ время. Надо дѣйствовать, а не надѣяться. Тогда все преодолѣете и во всемъ успѣхъ будетъ. И теперь—идите прямо, безъ проволочекъ и начинайте работать. Начните хоть съ мирового суда покуда. Что у насъ за день сегодня? Ага... Это въ третьемъ участкѣ. Вы Кіевъ знаете?

— Немного.

— На Подолъ попадете?

— Попаду.

— А тамъ выйдете на Александровскую площадь и спросите у городового, гдѣ камера мирового судьи 3-го участка. Онъ въ собственномъ домѣ: Коробка, Петръ Ѳедоровичъ. Войдите въ камеру и слушайте дѣла. А послѣ напишите о томъ, что найдете интереснымъ, и принесете мнѣ. На завтра и напечатаемъ, если пригодится.

— На завтра?—радостно всколыхнулась я.

— На завтра, разумѣется. Газетный матеріалъ нельзя мариновать долго. Чѣмъ быстрѣй, тѣмъ похвальнѣе.

— Такъ я пойду,—сказала я, вставая.

Антоновичъ остановилъ меня.

— Ааа... вашего адреса у меня нѣтъ. Куда же прислать вамъ завтра газету? Мы всѣмъ сотрудникамъ посылаемъ.

Меня даже въ жаръ кинуло отъ удовольствія: уже я—сотрудникъ? И какъ легко, какъ скоро.

— Мало-Васильевская, 28, домъ профессора Сидоренко,—назвала я свой адресъ.

— Вы все къ профессорамъ попадаете,—пошутилъ Антоновичъ.—Но, можетъ, я у покойнаго Сидоренка встрѣчался съ вами? Что-то мнѣ ваше лицо знакомо очень?

— Нѣтъ, я не бывала никогда у Сидоренка.

— Гмм... Удивительно. Но я васъ какъ будто гдѣ-то видѣлъ.

А. Я. досталъ изъ кармана пальто табакерку, похлопалъ пальцами по ея крышкѣ, открылъ, собираясь понюхать, и шутливо протянулъ табакерку.

— Не хотите ли?—предложилъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ. Благодарю.

— Не нюхаете? Напрасно. Это голову весьма освѣжаетъ. И для глазъ весьма полезно. А репортеру зоркость глазъ и свѣжесть головы—прежде всего. Репортеръ съ плохими глазами—репор-

теръ скверный. Не на своемъ мѣстѣ. Нюхайте табакъ, чтобы лучше все видѣть.

— Но я и безъ того все вижу.

— Въ самомъ дѣлѣ? У васъ хорошее зрѣніе?

— Отличное.

— Это хорошо. Да! А мы еще не условились насчетъ гонорара. Ну, гонораръ у меня всѣмъ одинаковый: три копейки. Только одному «Иглѣ», Павлику Андреевскому,—плачу больше. Остальнымъ всѣмъ три копейки. Три копейки получите и вы.

— Какъ три копейки!—испугалась и не поняла я.

— Три копейки за печатную строчку въ тридцать буквъ. Петита или корпуса—одинаково,—пояснилъ онъ.

Для меня это все же оставалось мало понятнымъ, и я попыталась предложить А. Я. мои условія.

— А можетъ, вы лучше назначите мнѣ опредѣленное жалованье? Хотя бы самое небольшое? Мнѣ много не надо.

— А сколько же вамъ, примѣрно, надо?

— Ну... рублей сорокъ. Не больше.

Онъ пристально-пристально глядѣлъ на меня, будто опредѣляя, притворяюсь ли я, или дѣйствительно не понимаю своихъ выгодъ?

Послѣ засмѣялся и сказалъ:

— Да вы что же обсчитываете себя? Вы не обсчитывайте. При построчномъ гонорарѣ получите не сорокъ рублей, а гораздо больше.

— Изъ трехъ копеекъ?—удивилась я.

— Изъ трехъ копеекъ,—подтвердилъ Антоновичъ.—Вамъ одинъ Николаевъ сообщитъ свѣдѣній больше, чѣмъ на сорокъ рублей въ мѣсяцъ.

Я не возражала, и мы простились.

А на другой день, рано утромъ, двадцать шестого сентября, когда я еще лежала въ постели, квартирная хозяйка постучалась ко мнѣ со словами: «Тутъ вамъ газета»...

— Газета!?

Я бросилась къ двери, схватила газету и долго не могла развернуть сложенный вчетверо газетный листъ, до того дрожали отъ волненія руки. А потомъ долго искала и никакъ не могла найти свою замѣтку. Наконецъ увидѣла въ хвостѣ мѣстной хроники знакомый зоголовокъ: «Нарушеніе санитарныхъ правилъ». И стала читать, перечитывая снова и снова лапидарныя строки: «Нарушеніе санитарныхъ правилъ: 25 сентября въ камерѣ мирового судьи 3-го участка разбиралось дѣло домовладѣльца поручика Песоцкаго, обвиняемаго по 102 статьѣ»... Здѣсь я допустила крупную ошибку, написавши вмѣсто: «Устава о наказаніяхъ»—«Уложенія о наказаніяхъ», но, читая, не улавливала своей оплошности, и замѣтка показалась мнѣ великолѣпной.

Строки были мои, и онѣ были напечатаны, и меня это радовало безмѣрно. Въ это ощущеніе авторскаго ликованія врывалась лишь одна обидная и горькая боль. Сознаніе, что вотъ напечатаны мои первыя строки, а мать, которая такъ безпредѣльно была бы обрадована этимъ, не видитъ и никогда не сможетъ увидѣть моего выступленія на поприщѣ «литературы». О томъ же, что репортерская замѣтка въ провинціальной газетѣ вовсе не та литература, предъ которой преклонялись мы съ матерью, я не думала нисколько, какъ не останавливалась мыслью и на томъ, что же представляетъ собою газета, гдѣ состоялось мое «выступленіе»? «Пресса», «напечатано». И еще будутъ печатать... все, что я напишу... И меня будутъ читать въ разныхъ углахъ, самые разнообразные люди. Я же начну съ хроники, а потомъ напишу что-нибудь «свое», настоящее... Это ли не писательство и не литература?

В. Н. Николаевъ согласился снабдить меня матеріалами для мѣстной хроники и терпѣливо сталъ диктовать мнѣ разнородныя замѣтки. И о городскихъ дѣлахъ, и о постройкахъ церквей въ кіевской епархіи, и о Владимирскомъ соборѣ. Опытный дѣятель городского самоуправленія, человѣкъ добросовѣстно-вдумчивый и обстоятельный, онъ зналъ кіевскую жизнь и разбирался въ мѣстныхъ вопросахъ, какъ рѣдкій изъ коренныхъ кіевлянъ.

Послѣ отправились мы съ нимъ въ лѣтній садъ Купеческаго клуба—тоже за свѣдѣніями для «Кіевскаго Слова». Садъ этотъ теперь принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ достопримѣчательностей Кіева. Тамъ въ лунные весенніе вечера струнные оркестры состязаются съ соловьями, а видъ съ площадки сада на Днѣпръ, на Подолъ и Заднѣпровье одинъ изъ лучшихъ въ живописномъ Кіевѣ. Тогда же Купеческій садъ былъ въ періодѣ созиданія.

В. Н. Николаевъ завѣдывалъ въ немъ всѣми работами. Ажурно-воздушное лѣтнее помѣщеніе Купеческаго клуба было уже готово вчернѣ; но зданіе лѣтняго театра и эстрады для музыки еще пребывали въ проектахъ. Планировались и приводились въ порядокъ площадки сада и откосы, прокладывались дорожки, намѣчались мѣста для цвѣтниковъ. Побывали мы въ тотъ же день и во Владимирскомъ соборѣ.

Въ соборѣ шла внутренняя отдѣлка храма. Стѣны внутри церкви окружены были массою лѣсовъ и подставокъ, дающихъ возможность подниматься на какую угодно высоту. Иконостасъ еще не былъ возведенъ и нельзя было приступить къ его установкѣ, пока стояли лѣса и подмостки. На полу собора, затрудняя свободный проходъ, лежало множество громоздкихъ ящиковъ съ мраморными частями иконостасовъ. Живопись почти вся была закончена, оставалось лишь немногое, и то не въ главной части церкви, а на хорахъ. Изъ мраморныхъ же работъ пока удалось укрѣпить лишь наличники вокругъ трехъ входныхъ дверей.

В. Н. Николаевъ зналъ соборъ наизусть. Онъ повелъ меня за собою, объясняя все на пути.

— Какъ видите,—говорилъ онъ серьезной, но быстрой скороговоркой,—храмъ состоитъ изъ трехъ частей, или кораблей, говоря иначе. Средній — значительно выше двухъ боковыхъ. Онъ поднимается въ два яруса и имѣетъ въ средней части своей большой куполъ съ шестнадцатью окнами. За этимъ куполомъ—главный алтарь.

Правду сказать, я плохо разбирала эти поясненья. А Николаевъ продолжалъ, увлекаясь архитектурными красотами собора.

— Каждый изъ двухъ боковыхъ кораблей раздѣленъ хорами, такъ что представляетъ собою какъ бы два этажа. Съ отдѣльными окнами... Надъ хорами четыре купола. И въ нихъ...

Тутъ я чуть не со слезами призналась, что не въ силахъ услѣдить за всѣмъ, о чемъ говоритъ Владимиръ Николаевичъ.

Онъ разсмѣялся и, прекративъ архитектурныя сообщенія, обратился къ живописи.

— Живопись вся произведена на византійскій образецъ. Здѣсь, въ главномъ алтарѣ, вся работа выполнена Васнецовымъ.

Это я понимала и записала карандашомъ на бумажкѣ (чтобы не забыть): «Васнецовъ».

— «В. М.»,—подсказалъ мнѣ иниціалы Васнецова мой спутникъ. Я отмѣтила: «В. М.».

— Тутъ,—продолжалъ Николаевъ,—въ верхней полукруглой части главнаго алтаря — идущая по облакамъ Богородица съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ. Высота фигуры 12 аршинъ. По бокамъ размѣщены летящіе херувимы...

Потомъ смотрѣли мы изображеніе таинства евхаристіи въ нижней части алтаря. Въ серединѣ—Христа съ чашею и поочередно подходящихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ апостоловъ.

Николаевъ безъ запинки перечислялъ святыхъ и отцовъ Церкви работы Васнецова.

— Василій Великій, Аѳанасій александрійскій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Климентъ, папа римскій, Николай Мирликійскій, Антоній печерскій...

У меня рябило въ глазахъ, я не различала святителей и поражалась, какъ хорошо знаетъ и помнитъ ихъ Владимиръ Николаевичъ. Вѣдь ихъ было такъ много—мнѣ казалось, безконечно много!—на церковныхъ стѣнахъ...

— Глядите вверхъ,—говорилъ В. Н., останавливаясь среди собора подъ главнымъ куполомъ.—Это Спаситель на темно-синемъ звѣздномъ небѣ. Величина лика три аршина.

Я записала: «Спаситель на звѣздномъ небѣ. Ликъ—3 аршина».

Мы стояли передъ работой Свѣдомскаго, изображающей надъ лѣвой входной дверью собора Христа передъ Пилатомъ. В. Н. объяснялъ мнѣ:

— Здѣсь Свѣдомскій удачно воспользовался мраморнымъ наличникомъ двери. Помѣстилъ поверхъ наличника окруженную перилами площадку. А по бокамъ, съ обѣихъ сторонъ церковной двери, у художника спускаются лѣстницы, на которыхъ...

Въ это время къ намъ подошелъ кто-то. Я оглянулась. Съ В. Н. здоровался господинъ съ преждевременно посѣдѣвшими волосами и съ молодымъ, породистымъ лицомъ. На красивомъ, свѣжемъ лицѣ его особенно выдѣлялись сверкающіе глаза. Огромные, ясно-голубые, внимательно ко всему и ко всѣмъ приглядывающіеся, глаза эти словно взвѣшивали все или производили какія-то иныя вычисленія относительно предметовъ, которые приходилось имъ разглядывать. Это оказался извѣстный художникъ В. А. Котарбинскій. Полякъ по происхожденію, онъ плохо говорилъ по-русски. Русское произношеніе его наиболѣе приближалось къ русскому говору нѣмцевъ, и понимать В. А. Котарбинскаго было довольно затруднительно.

В. Н. Николаевъ познакомилъ насъ.

Дальше мы пошли осматривать соборъ втроемъ. Здѣсь же, въ соборѣ, въ помѣщеніи справа отъ главнаго входа (потомъ тамъ крестили новорожденныхъ дѣтей) у Котарбинскаго устроена была его мастерская. Въ ней онъ писалъ не только на религіозные сюжеты, но и остальныя свои произведенія. Впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть въ этой «крестилкѣ»: смерть Мессалины, Оргію временъ упадка Рима, Поцѣлуй волны и иныя извѣстныя полотна Котарбинскаго.

На хорахъ съ лѣвой стороны Котарбинскій показалъ намъ начатую съ мѣсяцъ назадъ и еще незаконченную работу Свѣдомскаго: вознесеніе Христа на небо. Смотрѣли мы и предварительную разработку Васнецовскаго «Шествія праведниковъ въ рай». Рисунокъ былъ сдѣланъ на полотнѣ въ размѣрѣ, уменьшенномъ противъ настоящаго въ два раза. На своемъ ломанномъ русскомъ языкѣ Котарбинскій говорилъ намъ:

— То вотъ... ангелы несутъ великомученицу Варвару и Екатерину. Это—Вѣра, Надежда, Любовь и Софія. То—праведный разбойникъ... А тутъ—Марія Магдалина. Этого же новаго святого я не знаю, какъ зовутъ. Онъ только что написанъ, и Васнецовъ мнѣ его еще не представилъ.

Послѣ заговорили о томъ, что многіе изъ кіевлянъ позировали для изображенія святыхъ и ангеловъ собора.

— И многіе далеко не святые,—лукаво усмѣхаясь, закончилъ Котарбинскій.—Тутъ въ ангелы всякія попадали дамы. И когда подъ старость кіевляне придутъ сюда замаливать грѣхи свои... то встрѣтятъ много знакомыхъ... даже слишкомъ знакомыхъ женскихъ лицъ. Тогда вспомнятъ, можетъ-быть, о такихъ грѣхахъ своихъ... которые давнымъ-давно были позабыты. Это имѣетъ значеніе для

покаянія. А для святого Петра Васнецовъ взялъ одного вашего коллегу,—обратился онъ ко мнѣ. Но говорилъ онъ такъ плохо, что я едва понимала его.

В. Н. Николаевъ пояснилъ его слова.

— Для святого Петра позировалъ сотрудникъ здѣшнихъ газетъ, Гошкевичъ, Викторъ Ивановичъ. Рыжеватый, съ большой бородой, и лысый. Какъ разъ подошелъ въ пору.

На слѣдующій день я принесла Антоновичу ворохъ свѣдѣній для газетныхъ замѣтокъ. Онъ расхвалилъ меня и мои матеріалы, а большой набросокъ: «Прошедшее и настоящее Владимирскаго собора» отложилъ въ сторону и сказалъ:

— Это мы фельетономъ пустимъ. Обстоятельный фельетонъ. Всѣ перепечатаютъ навѣрно. Владимирскимъ соборомъ интересуются. Потомъ повелъ меня въ нижній этажъ дома, въ редакцію, знакомить съ сотрудниками. Миновали контору, большую комнату съ входомъ прямо съ улицы, безъ прихожей, и очутились въ редакціи, темноватой и длинной, заставленной столами, этажерками съ газетами, шкапами. Здѣсь было многолюдно, но для меня всѣ лица сливались въ одинъ общій обликъ, почему-то волнующій мое сердце непріятной и необъяснимой боязнью.

Антоновичъ говорилъ обо мнѣ:

— Вотъ у насъ новый сотрудникъ. И кажется, будетъ хорошій, хоть и барышня. Энергичный... Въ родѣ Я—на.

И онъ принялся разсказывать, обращаясь ко мнѣ:

— Былъ у насъ сотрудникъ Я. Репортеръ — замѣчательный. Мы не сошлись съ нимъ характерами. По нѣкоторымъ причинамъ пришлось разстаться. Но, у-ухъ! хорошій былъ репортеръ. Не знаю, скоро ли появится другой такой. Очень хорошій. Изъ-подъ земли выкопаетъ, а достанетъ свѣдѣніе, какого ни у кого нѣтъ. Разъ на одномъ торжествѣ у князя N бумажку съ рѣчью изъ цилиндра вытащилъ. Князь приготовился держать рѣчь, положилъ цилиндръ передъ глазами, глядь... а бумажки нѣту. Онъ туда, сюда,— нѣту. Ну, кое-что сказалъ по памяти, не то, не се вышло. Не ораторъ онъ... Каждую рѣчь напишетъ раньше, и то заикается, читая. Еле свелъ концы съ концами. А на утро рѣчь цѣликомъ, во всей полнотѣ своей въ «Кіевскомъ Словѣ!» Чудесный былъ репортеръ... И никогда съ сотрудниками «Кіевлянина» ничѣмъ не дѣлился. Никакихъ репортерскихъ синдикатовъ не признавалъ. Ни одной строчки не передастъ имъ, бывало. Не то, что другіе... теперешніе. А. Я. сокрушенно вздохнулъ и добавилъ инымъ, уже эпически-торжественнымъ тономъ:

— Да что: Я—нъ? У меня самъ Сергѣй Юльевичъ Витте въ «Кіевскомъ Словѣ» работалъ! Передовицы писалъ. И превосходныя. Вы, барышня, Сергѣя Юльевича Витте знаете? — внезапно спросилъ онъ у меня.

— Нѣтъ, — отвѣтила я съ легкимъ сердцемъ.

— Развѣ нѣтъ?—удивился А. Я.—Ну... когда-нибудь узнаете. О немъ нельзя не узнать. Всѣ узнаютъ. Да еще какъ!

Онъ досталъ изъ кармана табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, пощелкалъ по ней пальцами, открылъ крышку, взялъ щепотку табаку и втянулъ ее носомъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Ну... а куда же вы думаете направиться теперь? — обратился онъ ко мнѣ снова.

— А развѣ еще надо итти?

Я притащила такъ много хроники, что мнѣ казалось, на сегодня этого болѣе, чѣмъ достаточно. Но А. Я. сказалъ:

— Репортеру всегда куда-нибудь да надо итти. Не въ одно, такъ въ другое мѣсто. Ему никогда нельзя почить на лаврахъ.

— А куда же я теперь пойду?

— Желаете къ вице - губернатору?

— За свѣдѣніями?

— Да.

— Хорошо. Пойду къ вице - губернатору.

— У насъ нѣтъ регулярныхъ свѣдѣній изъ губернскаго правленія. Надо, чтобы барышня организовала это дѣло. Иванъ Александровичъ, — сказалъ Антоновичъ темно-русому господину въ очкахъ, сидѣвшему за отдѣльнымъ столикомъ у входа въ редакцію. Напишите на редакціонномъ бланкѣ удостовѣреніе, что Варвара Николаевна—наша сотрудница.

Иванъ Александровичъ быстро настрочилъ удостовѣреніе, приложилъ къ нему редакціонную печать и вручилъ мнѣ. А Антоновичъ разсказалъ подробно, какъ попасть къ вице-губернатору. Послѣ онъ добавилъ:

— Вы, значитъ, наладите это... чтобы постоянно получать «Кіевскому Слову» оттуда свѣдѣнія?

— Попробую.

— Ну... часъ добрый.

Вице-губернаторомъ былъ тогда въ Кіевѣ Александръ Павловичъ Баумгартенъ; человѣкъ уже немолодой, любитель живописи и театра, покровитель художниковъ, артистовъ и литераторовъ, называвшій себя «другомъ прессы». Простой, вполнѣ доступный, рыцарски-добрый, утонченно-вѣжливый и деликатный, онъ понравился мнѣ съ первыхъ словъ нашего знакомства. Онъ охотно вступилъ со мной въ продолжительный разговоръ. А къ просьбѣ моей организовать въ губернскомъ правленіи систематическую выдачу свѣдѣній для «Кіевскаго Слова» отнесся сочувственно, но съ оговоркой.

— Видите ли, — началъ говорить онъ, потирая, какъ бы въ затрудненіи, свой тщательно выбритый подбородокъ выхоленной рукой. — Собственно говоря, разрѣшить вамъ это офиціально я не

могу. Мы — учрежденіе правительственное, у насъ сообщать обо всемъ въ газеты...ммм... какъ бы это сказать?.. ну, не принято. Другое дѣло, напримѣръ, въ канцеляріяхъ городского самоуправленія. Тамъ дѣла подлежатъ предварительному обсужденію въ печати. У насъ же... хотя у насъ и нѣтъ никакихъ секретовъ, но... это не такъ удобно. Словомъ, если поставить вопросъ на формальную почву, я съ большимъ сожалѣньемъ, но долженъ буду отказать вамъ. Это я вамъ говорю, какъ вице-губернаторъ, но лично я... я всегда былъ другомъ гласности, прессы и литераторовъ также. И всегда сердечно радъ оказать имъ всяческое, доступное мнѣ, содѣйствіе. А потому, если вы станете время отъ времени обращаться ко мнѣ за свѣдѣніями... Понимаете? Лично ко мнѣ, но отнюдь не въ канцелярію губернскаго правленія... я готовъ сообщать вамъ кое-что интересное для печати. Повторяю: я неизмѣнный и давнишній почитатель и другъ прессы.

Онъ тутъ же выразилъ желаніе продиктовать мнѣ нѣсколько замѣтокъ.

— Раскройте вашу записную книжку, — предложилъ онъ, — и пишите: «Къ вопросу о»...

— У меня нѣтъ книжки, — испуганно заявила я.—Попрошу у васъ, если можно, кусочекъ бумаги. Самой простой.

— Нѣтъ книжки? — изумился онъ. — А гдѣ же вы отмѣчаете ваши матеріалы и записи?

— Да я пока такъ,.. по памяти. Или на бумажкѣ. Еще не успѣла купить книжку. Я вѣдь только позавчера сдѣлалась репортеромъ.

Онъ весело засмѣялся. Потомъ вынулъ изъ бокового кармана довольно толстую, изящную записную книгу въ мягкомъ и тонкомъ кожаномъ переплетѣ. Раскрылъ ее, быстро вырвалъ нѣсколько первыхъ исписанныхъ листковъ, бросилъ ихъ на свой столъ, а книгу съ карандашомъ протянулъ мнѣ, говоря:

— Позвольте сдѣлать вамъ это маленькое подношеніе. Извиняюсь, что съ изъяномъ, но вы не брезгуйте. У меня легкая рука. Я приношу людямъ удачу.

Я была смущена, но книгу, конечно, приняла. Послѣ онъ началъ диктовать газетную хронику. Но едва я написала нѣсколько строкъ, какъ онъ, заглянувъ въ мою книжку, расхохотался отъ души и громко.

— Это вы всегда такъ крупно пишете? — удивился онъ. — Да вамъ не подойдетъ никакая записная книга при такомъ размахѣ.

— А что же мнѣ дѣлать? — возразила я. — Это мой почеркъ.

— Очень твердый почеркъ, — шутливо замѣтилъ онъ. — Рѣшительный и своеобразный, словно у Бисмарка или у Льва Толстого.

— У Льва Толстого? — обрадовалась я. — Славу Богу, что хотѣ почеркъ похожъ.

Онъ опять засмѣялся и продолжалъ диктовать уже безъ перерывовъ. А разставаясь со мной, сказалъ на прощанье:

— Отнынѣ, слѣдовательно, вы у насъ — въ роли «Общественнаго мнѣнья?» Вамъ извѣстно, что это за «Общественное мнѣніе»? Видѣли, какъ оно бродитъ всюду, пощелкивая бичомъ?

Я не поняла его. Оказалось, онъ говорилъ объ «Общественномъ мнѣніи» изъ Орфея въ аду, оффенбаховской оперетки, которой я тогда не знала.

Онъ продолжилъ:

— Я такъ и буду называть васъ: «Общественное мнѣнье». Вы позволяете? Отлично. До свиданья. Помните же, что я—другъ прессы. Если встрѣтится какое недоразумѣніе, затрудненье, препятствіе... обращайтесь ко мнѣ. Что могу, всегда сдѣлаю. Представителямъ прессы я сердечно радъ оказаться полезнымъ.

Торжествующая и радостная, прибѣжала я въ редакцію.

— Ну, что? — вѣжливо спросилъ у меня редакціонный секретарь, Иванъ Александровичъ.—Добыли что-нибудь у Баумгартена?

— Есть! — крикнула я, потрясая записной книжкой. — Шесть замѣтокъ. Самъ продиктовалъ. И книжку подарилъ. Свою, записную.

— Кто?

— Вице - губернаторъ.

— О! недурно для начала.

Пришелъ А. Я. Антоновичъ и, точно испытывая дальнѣйшую мою пригодность на амплуа репортера, сказалъ мнѣ:

— А вечеромъ въ субботу вы пойдите въ университетъ. Тамъ засѣданіе юридическаго общества. Докладъ Змирлова о торговой несостоятельности. Въ VI аудиторіи. Надо прослушать и написать отчетъ. Напишете?

— Попробую, — отвѣтила я на этотъ разъ совсѣмъ робко. Слова: университетъ, аудиторія, докладъ и торговая несостоятельность не на шутку устрашили меня.

— Вотъ хорошій отвѣтъ, — подбадривалъ меня Антоновичъ.— Никогда не говорите: нѣтъ, не могу, не умѣю. И тогда все сможете, все осилите, все сумѣете.

Онъ ушелъ.

Я продолжала переписывать вице - губернаторскія сообщенья. За длиннымъ столомъ въ редакціи сидѣли еще нѣсколько сотрудниковъ, именъ которыхъ я пока не знала. Одинъ изъ нихъ — сравнительно пожилой — съ густой и большою рыжей бородой, съ прямыми, длинными, темно - рыжими волосами дописалъ мелкимъ почеркомъ узкую полоску бумаги, поднялъ голову и уставился на меня зелено - голубыми, насмѣшливыми глазами. Холодновато-поучительнымъ тономъ и очень свысока онъ сказалъ мнѣ:

— Только вы смотрите, пишите толковѣе и поосторожнѣй. А то наврали, напутали въ замѣткѣ: «нарушеніе санитарныхъ правилъ»... а изъ-за васъ и мнѣ, какъ корректору, нахлобучка.

— Какъ наврала? Какъ напутала? — едва выговорили я въ волненьи.

— А такъ, что вмѣсто: «по 102-й статьѣ Устава о наказаніяхъ» вы написали: «Уложенія о наказаніяхъ». А я читалъ ночную корректуру и не замѣтилъ. Мнѣ и влетѣло изъ-за васъ отъ «Аѳиногена». Самъ вѣдь редактировалъ въ рукописи и пропустилъ тоже... а на меня окрысился.

Я огорчилась чуть не до слезъ. Видя мою обезкураженность, всегдашній редакціонный миротворецъ, секретарь Иванъ Александровичъ, примирительно вступился за меня.

— Есть о чемъ толковать, — кротко сказалъ онъ мнѣ въ утѣшенье. — Это—пустякъ. Всѣ такъ и поймутъ, что тутъ описка. Или корректорскій недосмотръ, опечатка. Варвара Николаевна—новичокъ въ газетной работѣ. И не юристъ притомъ.

— А засѣданіе юридическаго общества вести будетъ? — раздраженно замѣтилъ пожилой сотрудникъ.

— Ну такъ что же? — возразилъ секретарь — Если что не такъ, мы исправимъ. Юристъ зато я. И Аѳиногенъ Яковлевичъ также.

— Тогда не взваливайте впредь на мою голову чужихъ ошибокъ.

— На вашу голову можно взвалить. Вы—газетчикъ опытный. Вонъ — и въ «Зарѣ» и въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» еще работали. Къ вамъ иныя требованья.

— Э! — махнулъ рукой опытный газетчикъ. — Не бабье это дѣло репортерствомъ заниматься. Хоть Аѳиногенъ тамъ и толкуетъ про американокъ и прочее... а въ газетѣ — бабѣ не мѣсто.

— И очень даже мѣсто, — не сдался и на этотъ разъ мой заступникъ. — Американки-репортеры работаютъ не хуже мужчинъ.

Мое приподнято-радостное настроеніе погасло. Но я старалась сдѣлать безразличное лицо, чтобы не проявить, до какой степени обезкуражили меня тонъ и слова опытнаго сотрудника.

Впослѣдствіи я узнала, что фамилія его С—скій. С. (нынѣ онъ давно уже покойный) велъ отчеты о засѣданіяхъ городской думы и служилъ корректоромъ при типографіи Антоновича. Онъ владѣлъ небольшимъ домикомъ гдѣ-то на окраинѣ города; въ мѣстныхъ газетахъ работалъ издавна и считалъ себя несравненнымъ знатокомъ вопросовъ, касающихся городского самоуправленія. О себѣ, какъ о литераторѣ, былъ преувеличенно-высокаго мнѣнія. Кажется, онъ искренно полагалъ, что писать думскіе отчеты и о «городскихъ» дѣлахъ — это дано не каждому. Теперь его шокировалъ самый фактъ моего появленія въ редакціи. Ему представлялось, что я однимъ уже участіемъ своимъ въ составленіи мѣстной хроники

какъ бы роняю престижъ опытности, независимости и освѣдомленности самого С., работавшаго и въ «Зарѣ» и въ древнемъ «Кіевскомъ Телеграфѣ»... А тутъ еще въ числѣ извѣстій, сообщенныхъ мнѣ наканунѣ В. Н. Николаевымъ, многія замѣтки касались именно городскихъ дѣлъ. Освѣщены были они съ полнымъ знаніемъ трактуемаго предмета, и Антоновичъ, любившій поддразнивать своихъ сотрудниковъ и «сбивать съ нимъ спесь», преувеличенно расхваливалъ мою хронику въ редакціи... Это уже была форменная конкуренція. Сама того не понимая, я вторгалась въ область, которую С. считалъ неотъемлимо своею и только своею. Подзадорило его не въ мою пользу и заступничество секретаря редакціи.

— Да ужъ Иванъ Александровичъ, извѣстный дамскій угодникъ,—иронически замѣтилъ С. и принялся разсказывать анекдотъ «объ одномъ еврейскомъ мальчикѣ».

— Пришелъ еврейскій мальчикъ на пріемный экзаменъ въ училище. Видъ у него смышленый, но самоувѣренный, и это раздражаетъ учителя. Учитель спрашиваетъ у него: «Ты задачи рѣшать умѣешь?» — «Могу, я все могу гиспадинъ учитель». — «А басни знаешь? — «И басни могу». — «А таблицу умноженія?» — «И таблицу». — «А диктовку напишешь?» — «И диктовку напишу. Я все могу, гиспадинъ учитель!» Учитель, разсердившись, нарочно выбираетъ диктовку потруднѣе. — «Ну, пиши: «напрасно плѣнникъ безнадежно къ аула жизни привыкалъ»... Ученикъ шустро прислушивается къ незнакомымъ для него словамъ и пишетъ наугадъ, но не колеблясь: «Напрасно лѣнникъ безнадежникъ къ уломшѣ жизни привыкало»... Учитель, провѣряя тутъ же диктовку, говоритъ ему: — «Эхъ, ты! Самъ ты «уломша!». Безтолочь написалъ какую! А еще хвалился: «Я все могу, господинъ учитель». Тогда ученикъ съ глазами, полными слезъ, «шмаргая» носомъ, отвѣчаетъ: — «Я - я - я... все - о... мо - огу - уу... гиспадинъ учитель... то - оль - ки - и... все - о... пло - о - охо - о!»

Въ редакціи смѣялись.

С. кончилъ и, будто ненарокомъ, глянулъ на меня. Но я и безъ его краснорѣчиваго взгляда понимала, почему вспомнилъ онъ о своемъ еврейскомъ мальчикѣ.

Надолго потомъ сохранилось у меня къ С. остро - непріязненное чувство.

Среди сотрудниковъ «Кіевскаго Слова» оказался еще одинъ, котораго возмутило мое появленіе. Это былъ старый кіевскій поэтъ Аристовъ — чудакъ и нелюдимъ, ненавидѣвшій и старательно избѣгавшій женщинъ. Онъ издалъ когда - то въ Кіевѣ книжку своихъ стихотвореній, съ которыми мнѣ такъ и не случилось ознакомиться, а при мнѣ писалъ въ «Кіевскомъ Словѣ» судебныя замѣтки изъ камеръ мировыхъ судей. Въ редакціи отъ всѣхъ сторонился и хронику свою строчилъ обыкновенно въ конторѣ за однимъ

изъ столовъ, который освобождался къ четыремъ часамъ дня. Онъ тоже былъ обиженъ моимъ вторженіемъ въ его область, да и не угоняться было ему за мною по мировымъ судьямъ. Хотя насъ познакомили, но при встрѣчахъ онъ не кланялся, а дѣлалъ видъ, будто не примѣчаетъ или не узнаетъ меня. Вскорѣ онъ перешелъ въ число сотрудниковъ «Кіевлянина», но и тамъ проработалъ не долго и поступилъ корректоромъ въ городскую думу, а потомъ спустя непродолжительное время скончался. Позже, когда я начала ходить въ городскую управу за газетными свѣдѣніями, онъ, завидѣвъ меня, поспѣшно и непріязненно отворачивался, будто боясь, какъ бы я не подошла къ нему, не заговорила. И за глаза называлъ меня презрительнымъ мѣстоименіемъ: «эта»... Одинокій и бездомный, онъ умеръ, какъ и жилъ, уединенно, незамѣтно и тихо. Какъ-то, не видя его долгое время, я спросила у управскаго секретаря: «А гдѣ Аристовъ? что его не видно? Не боленъ ли?»— «Эге. Его и похоронили уже. Больше недѣли, какъ померъ».

Мнѣ пришлось писать его некрологъ, и тутъ только поняла я, что мое появленіе выжило его изъ «Кіевскаго Слова».

Субботнее засѣданіе юридическаго общества было для меня тяжелымъ испытаніемъ. Особенно вначалѣ. Я жестоко боялась спасовать и заранѣе порѣшила, выслушать все съ такимъ вниманіемъ, на какое только способна голова моя. А дальше, если ничего не пойму въ засѣданіи, — рѣшила откровенно заявить въ редакціи, что рефератъ Змирлова оказался мнѣ не по силамъ.

Гулко раздались мои неувѣренные шаги по широкимъ, неясно освѣщеннымъ коридорамъ, ведущимъ отъ «профессорскаго» входа къ VI-й аудиторіи. Университетскіе служители указывали мнѣ путь, у входа въ VI аудиторію стояли вѣшалки для верхняго платья. Я раздѣлась и, войдя въ аудиторію, заняла мѣсто на второй скамейкѣ обширнаго амфитеатра. Было еще рано, потомъ стали собираться юристы, члены общества и кое-кто изъ публики. Престарѣлый Демченко открылъ засѣданіе, и началъ читать докладъ К. П. Змирловъ (нынѣ сенаторъ гражданскаго департамента, а тогда членъ кіевской судебной палаты), извѣстный своими печатными трудами въ юридической литературѣ. Кто читаетъ, я не имѣла понятія, имя К. П. Змирловъ—ничего мнѣ не говорило. Я видѣла лишь высокаго, представительнаго господина, корректно одѣтаго въ штатское платье съ чуть начинающейся просѣдью, съ пріятнымъ голосомъ и пріятно-медлительной манерой чтенія. Онъ излагалъ свои замѣчанія на «Проектъ устава о несостоятельности». Я вслушивалась въ его слова такъ напряженно, что въ головѣ у меня начало разрастаться ощущеніе физической боли. Опасенія, что я ничего не пойму, постепенно исчезали. Референтъ говорилъ

о сущности системы, принятой проектомъ устава о несостоятельности, освѣщалъ слабыя мѣста и недочеты каждой главы проекта. Я это понимала и сдѣлала кой-какія записи въ великолѣпной вице-губернаторской книжкѣ. О томъ, что докладчикъ находилъ непригодными правила проекта, опредѣляющіе торговую и неторговую несостоятельность, что нѣкоторыя изъ статей проекта непримѣнимы къ существующимъ условіямъ русской жизни, что онѣ требуютъ значительныхъ измѣненій и поправокъ... Особенно строго критиковалъ референтъ правила о подсудности конкурсныхъ дѣлъ, распредѣляемыхъ по проекту между окружнымъ судомъ и мировыми судьями. Помимо того, проектъ стоялъ за учрежденіе должности особаго судьи по конкурснымъ дѣламъ — комиссара, а докладчикъ находилъ дѣятельность комиссаровъ непримѣнимой къ русской жизни, но высказывался и противъ мировыхъ судей въ конкурсныхъ дѣлахъ...

Когда онъ кончилъ, ему сталъ возражать небольшой, толстенькій человѣкъ съ некрасивымъ лицомъ и крупной не по росту головой. Оппонентъ заговорилъ горячо, легко, увѣренно, съ яркой образностью рѣчи, съ красивыми повышеньями и пониженіями голоса. И едва онъ заговорилъ, въ аудиторіи точно посвѣтлѣло». — «Кто-это?!» поспѣшно спросила я у сидѣвшаго рядомъ со мною студента: — «Левъ Куперникъ», отвѣтилъ студентъ. — «Тотъ извѣстный?»—«Онъ самый». Куперникъ отстаивалъ порученіе конкурсныхъ дѣлъ мировымъ судьямъ и спрашивалъ: если мировымъ судьямъ поручаются гражданскія дѣла, то почему не могутъ быть поручены и конкурсныя? Пренія затянулись, ихъ пришлось отложить до слѣдующаго засѣданія. У меня же созрѣлъ такой выводъ: чтобы писать газетные отчеты о невѣдомыхъ доселѣ предметахъ, надо быть очень внимательной и такъ вслушиваться въ рефераты и пренія, чтобы заболѣло въ головѣ...

В. Н. Николаевъ строилъ церковь въ Рубежовской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, кромѣ того, онъ былъ членомъ комитета, вѣдающаго дѣла колоніи, и предложилъ мнѣ осмотрѣть колонію, чтобы написать потомъ о ней въ «Кіевскомъ Словѣ». Въ теплый осенній день мы съ нимъ поѣхали въ Рубежовку, находящуюся по Житомирскому шоссе, довольно далеко за городомъ. И тамъ встрѣтились съ вице-губернаторомъ, А. П. Баумгартеномъ, который былъ предсѣдателемъ Рубежовскаго комитета. А. П. Баумгартенъ смотрѣлъ на Рубежовку, какъ на свое излюбленное дѣтище, и много сдѣлалъ для этого учрежденія. Онъ чаще всѣхъ навѣщалъ колонію, заботился о ней вездѣ и всюду. Встрѣча въ Рубежовкѣ укрѣпила мое съ нимъ знакомство. Онъ показывалъ намъ съ В. Н. Николаевымъ колоніальныя мастерскія и классныя помѣщенія. А попутно сообщалъ детальныя свѣдѣнія о текущихъ дѣлахъ колоніи, объ ея матеріальномъ по-

ложеніи, объ административномъ устройствѣ. Мы осматривали молочныя фермы и сепараторы, двѣ скирды ржи на гумнѣ, стоги овса и сѣна,—результаты ученическихъ полевыхъ работъ того года. Смотрѣли пожарные инструменты и фисъ-гармонію, недавно пріобрѣтенную для уроковъ пѣнія. Въ мастерскихъ и на фермѣ мальчики встрѣчали Баумгартена улыбками. Видно было, что его хорошо знаютъ и не боятся. На дворѣ у сапожной мастерской онъ показалъ намъ самаго интереснаго изъ воспитанниковъ колоніи. Это былъ мальчуганъ съ громкой королевской фамиліей, которою онъ чванился. Живя на свободѣ, онъ постоянно убѣгалъ отъ отца, любилъ приключенія и путешествія; въ критическія минуты прибѣгалъ къ искусной и хитро-сплетенной лжи и, наконецъ, попался въ кражѣ, послѣ чего очутился въ колоніи. Онъ жилъ въ колоніи около года.

— Ты какимъ же ремесломъ занимаешься? — спросилъ у него В. Н. Николаевъ.

— Я—сапожникъ, — не безъ гордости отвѣтилъ мальчикъ.

— Что же сапоги умѣешь чинить?

— Это латки - то класть! Нѣтъ... еще не умѣю. Я больше дратвою занимаюсь.

— А читать умѣешь?

— Читать тоже умѣю.

И онъ прочиталъ изъ поданнаго кѣмъ - то учебника фразу: «Племена собирались въ шайки»...

— Ты знаешь, что значитъ: племена?

— Никакъ нѣтъ.

— А что такое шайка? знаешь?

Мальчикъ словно обрадовался.

— Шайку—знаю. Это... когда... мно - ого!

И онъ сдѣлалъ рукой образный, но неопредѣляемый словами жестъ, а глаза его сверкнули, какъ отъ пріятнаго воспоминанья о чемъ - то дорогомъ и хорошо - знакомомъ.

Окружающіе воспитанники сочувственно улыбались.

Одинъ изъ воспитателей замѣтилъ, что питомецъ съ королевской фамиліей любитъ драться и пристаетъ съ кулаками чуть не ко всѣмъ товарищамъ.

— Ты что же со всѣми дерешься? — обратился къ нему А. П. Баумгартенъ. — Развѣ у тебя нѣтъ такого товарища, котораго бы ты не билъ?

Мальчикъ на минуту задумался, отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Такого нѣту.

Потомъ далъ слово, что больше не будетъ драться, а вмѣсто того усерднѣе позаймется дратвою.

— Смотри, — сказалъ ему Баумгартенъ. — Сдержи слово. Не то, — онъ указалъ на меня,—вотъ эта молодая особа напишетъ въ газетахъ, что ты драчунъ. Она вотъ здѣсь все разсмотритъ. И потомъ про все, про все разскажетъ въ газетахъ.

Мы довольно далеко отошли отъ мальчугана, когда онъ нагналъ насъ и, поравнявшись со мною, попросилъ негромко:

— Не печатайте вы мою фамилію!

— Что такое? — переспросила я.

Оказалось, онъ проситъ не называть въ печати его фамиліи, потому что родные у него «всѣ—хорошіе люди», и имъ будетъ обидно, если «всѣ» прочтутъ въ газетѣ объ ихъ родичѣ, сидящемъ въ «Рубежовкѣ».

Стояла особенно теплая осень, какой давно не помнили кіевляне. На цвѣтникахъ колоніи еще пестрѣло много цвѣтовъ. Ихъ щедро нарѣзали для насъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что мы не знали, куда дѣвать цвѣточныя вязанки.

Обратно въ городъ поѣхали мы втроемъ въ вице-губернаторской коляскѣ, а свой фаэтончикъ В. Н. Николаевъ отправилъ съ кучеромъ. Меня подвезли до моей квартиры и, прощаясь, А. П. Баумгартенъ снова напомнилъ, что онъ «другъ прессы», чтобы въ трудныя минуты жизни я безъ церемоніи прибѣгала къ его содѣйствію или вліянію. Его слова не были пустой, любезной фразой. При дальнѣйшемъ нашемъ знакомствѣ онъ съ полнымъ безкорыстіемъ и съ удивительной охотливостью оказывалъ мнѣ множество услугъ, выручалъ изъ всякихъ бѣдъ и напастей. Какими только просьбами не доводилось тревожить мнѣ этого добраго человѣка. Онъ часто строчилъ рекомендательныя письма, открывавшія мнѣ двери, наглухо закрытыя для другихъ репортеровъ. Въ театрѣ, въ концертахъ, на разныхъ торжественныхъ собраніяхъ онъ умышленно афишировалъ свое дружелюбное ко мнѣ отношеніе, бывалъ со мною демонстративно внимателенъ и любезенъ. И это не разъ помогало мнѣ въ такихъ дѣлахъ и начинаньяхъ, которыя многимъ казались на первыхъ порахъ совсѣмъ безнадежными... Въ городѣ онъ считался тонкимъ знатокомъ въ области искусствъ. Въ сферѣ музыки, живописи, театра и даже литературы къ его мнѣніямъ прислушивались, ихъ повторяли. Должно-быть, потому-то по-меценатски настроенный Баумгартенъ и называлъ себя другомъ артистовъ, литераторовъ, художниковъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда онъ со всею готовностью, иногда по собственной иниціативѣ, приходилъ на помощь представителямъ этихъ профессій,— мужчинамъ или женщинамъ безразлично. Если же къ нему кто бы то ни было обращался съ просьбой, онъ не любилъ отказывать, и самъ приходилъ въ дурное настроеніе духа, когда отказъ вызывался неизбѣжностью. А. П. Баумгартенъ очень былъ привязанъ къ Кіеву. Впослѣдствіи онъ уѣхалъ на постъ волынскаго губер-

натора въ Житомиръ, кажется, не совсѣмъ охотно. Тамъ А. П. прожилъ не долго. Онъ скончался почти внезапно, отъ случайнаго зараженія крови, и завѣщалъ похоронить его въ любимомъ имъ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ.

Тогда же — на первыхъ порахъ моихъ репортерскихъ выступленій — познакомилась я и съ Иваномъ Степановичемъ Искрой, кіевскимъ мировымъ судьей 5-го участка. Кто не зналъ въ тѣ времена въ Кіевѣ Ивана Степановича Искры? Веселый эпикуреецъ, большой сердцеѣдъ и, въ свою очередь, большой почитатель женщинъ (кажется, рѣшительно всѣхъ безъ исключенія), занимательный собесѣдникъ и неподражаемый анекдотистъ, онъ имѣлъ прочныя связи во всѣхъ слояхъ кіевскаго общества. Уголовно-полицейскія дѣла слушались у него по четвергамъ. Въ одинъ изъ четверговъ попала и я въ его камеру, которая помѣщалась на демократической Мало-Владимирской улицѣ, въ недорогой квартиркѣ. Было уже около 12 часовъ дня, публика плотно наполняла тѣсную камеру, злилась на безплодную потерю времени, скучливо и досадливо ворчала, а мировой судья еще не показывался. Мнѣ объяснили, что онъ живетъ не здѣсь, а въ аристократической части города, въ Липкахъ, и что запаздыванья къ разбору дѣлъ — это его «всегдашняя повадка».

— Потому что, — пояснилъ мнѣ говорившій, — Искра днемъ спитъ, а ночью «гуляетъ» (въ смыслѣ, веселится, развлекается).

Ждать было непріятно. Въ камерѣ злословили судью, его хроническія запаздыванья, манкированья дѣлами. Наконецъ, кто-то подъѣхалъ къ подъѣзду, промелькнувъ передъ окнами.

Раздались голоса:

— Явился. Слава тебѣ, Господи!

Въ камеру торопливо вошелъ изъ прихожей высокій худощавый человѣкъ съ легкой просѣдью, съ небольшой, закругленной бородкой и пышными, нависающими надъ полнымъ ртомъ, усами. У него было довольно красивое, но уже значительно помятое лицо, большіе, слегка выпуклые глаза его часто посмѣивались, озаряемые отсвѣтомъ какого-то своеобразнаго лукавства и юмора. Онъ былъ изящно одѣтъ и немного прихрамывалъ на ходу, хотя двигался легко и быстро. Эта хромота была у него благопріобрѣтенная. Не знаю, при какихъ обстоятельствахъ, но какъ-то однажды въ него стрѣляли. Пуля попала въ ногу, и послѣдствіемъ выстрѣла осталась легкая хромота. Когда спрашивали у И. С. Искры: «Кто стрѣлялъ?» Онъ отвѣчалъ полуюмористически: «Женщина, конечно. Это мнѣ за мои доблести». И больше никогда не распространялся по этому поводу, хотя вообще отличался неудержимой болтливостью.

Въ камерѣ публика окружила его безпорядочной толпой. Началась безтолковая, шумная и суетливая подача прошеній.

Судья принималъ прошенія стоя. Время отъ времени онъ вопросительно поглядывалъ на меня черезъ головы своихъ просителей. Потомъ, собравъ принятыя бумаги въ груду, передалъ ихъ секретарю. А самъ, не садясь за столъ, выступилъ нѣсколько впередъ и предупредительно обратился ко мнѣ:

— А вы по какому изволили пожаловать дѣлу?

Я не ждала этого и растерялась.

— Я?.. по своему.

Онъ, улыбнувшись, повторилъ:

— Не сомнѣваюсь. Но по какому?

— Да я не по дѣлу. Я—сотрудница «Кіевскаго Слова», и пришла...

— Ахъ! Такъ это вы и есть «Общественное мнѣнье?» бурно обрадовался онъ. — Слыхалъ, слыхалъ, какъ же. Очень радъ встрѣтиться. И видѣть васъ, наконецъ, у себя. Позвольте представиться: Искра, Иванъ Степановичъ.

Мы познакомились.

Публика ждала разбора дѣлъ, а И. С. разсказывалъ, гдѣ и отъ кого довелось ему слышать обо мнѣ. И что онъ уже обижаться началъ: какъ же это такъ, «Общественное мнѣніе» всюду баваетъ въ городѣ, а къ нему не заглянуло ни разу?

Послѣ онъ вышелъ въ сосѣднюю канцелярію, о чемъ-то пошептался съ секретаремъ и, лишь вернувшись, приступилъ къ разбору дѣлъ.

Дѣла слушались у него оригинально, какъ ни у кого другого. Эмблему судейской власти — цѣпь судьи, онъ на себя не возлагалъ, а оставлялъ ее лежать на столѣ, рядомъ съ бюваромъ. Свидѣтелей въ отдѣльную комнату не удалялъ, но вызывалъ къ допросу всѣхъ одновременно. Они толпились у судейскаго стола, горячо и шумно излагая свои показанія, вступая въ препирательства другъ съ другомъ и съ обвиняемыми. Перебивали одинъ другого, захлебывались, возмущались, спорили, укоряли, воздѣвали кверху руки, потрясали кулаками... Иванъ Степановичъ сообразительно вслушивался нѣсколько минутъ въ ихъ препирательства и говорилъ, помахивая рукой:

— Довольно, довольно... Уже я вижу, въ чемъ дѣло...

И уходилъ въ свой кабинетъ для написанія приговора.

Онъ, видимо, тяготился необходимостью просиживать по нѣсколько часовъ въ душной камерѣ, а потому, какъ школьникъ, пользовался каждой удобной возможностью побывать въ канцеляріи или у себя въ кабинетѣ.

Разобравши съ непостижимой быстротой больше десяти дѣлъ, онъ вдругъ поднялся съ мѣста и заявилъ:

— Судъ удаляется завтракать. И проситъ прессу (тутъ послѣдовалъ поклонъ въ мою сторону) и адвокатуру раздѣлить съ судомъ его трапезу, перекусить чѣмъ Богъ послалъ.

Адвокатура, въ лицѣ двухъ - трехъ частныхъ повѣренныхъ, направилась за судомъ... Судъ оглянулся черезъ плечо и, видя, что я растерянно гляжу, не зная, какъ быть, повторилъ слегка укоризненно:

— А пресса?

И застылъ на порогѣ камеры въ позѣ, указывающей мнѣ путь— впереди «суда» — къ завтраку.

Завтракали долго въ обширномъ кабинетѣ «суда» (кабинетъ былъ больше камеры), убранномъ уютно и не безъ изящества. «Судъ» весело болталъ за завтракомъ, почти не умолкая. А меня угощалъ—помимо припасенныхъ въ большомъ количествѣ конфетъ — гиперболическими восхваленьями, которыя имѣлъ привычку расточать передъ всѣми, встрѣчающимися съ нимъ женщинами въ возрастѣ отъ 10 до 60 лѣтъ...

Кажется, И. С. пользовался немалымъ успѣхомъ у кіевлянокъ. Но и къ неудачамъ своимъ въ этой области относился весьма философически и самъ же первый трезвонилъ о нихъ повсюду, объективно добавляя:

— Э! Что дѣлать? Я — философъ.

По этому поводу одинъ изъ пріятелей его, типичный помѣщикъ малороссъ, сложилъ на полурусскомъ, полуукраинскомъ языкѣ забавную пѣсенку съ рефреномъ:

Бо всякъ Искру знае,
Що винъ хвылозопъ.

А мѣстный поэтъ и представитель кіевской золотой молодежи, Василій Т. (впослѣдствіи печально закончившій свою карьеру ссылкой въ Сибирь за поддѣлку векселей отъ имени извѣстнаго врача и профессора Н. А. Хржонщевскаго), упоминая въ своихъ шуточныхъ произведеніяхъ И. С. Искру, постоянно прилагалъ къ его имени эпитетъ: «пламенный».

«И Искра - пламенный... хоть въ пепелѣ друзья». И. С. былъ интересенъ, какъ собесѣдникъ. Онъ любилъ разсказывать разныя занимательныя исторіи. Разсказы его часто носили весьма фантастическій характеръ, хотя и выдавались за подлинныя событія реальной жизни. Но интересны и ярки были они всегда неизмѣнно. И. С. Искра по добротѣ своей оказывалъ мнѣ неисчислимо много услугъ по части добыванія хроники. Не надѣясь на свою, какъ онъ называлъ, «дырявую» голову, онъ завелъ особую крошечную книжечку, чтобы отмѣчать въ ней все интересное для газеты, о чемъ (при многочисленности и разнообразіи знакомствъ его) ему часто доводилось узнавать изъ первыхъ рукъ. Когда назрѣвало что-нибудь «новенькое» въ городѣ, онъ, бывало, говаривалъ:

— Погодите. Я по этому поводу губернатора Льва Павловича Тамару проинтервьювирую. Такъ, будто для себя... Будто инте-

ресуюсь по побужденію собственныхъ мыслей. Онъ — замороженный. Для газеты ничего не дастъ. А мнѣ по дружбѣ скажетъ.

Къ «замороженному» губернатору у меня не было никакихъ ходовъ, и тутъ услуги Ивана Степановича являлись какъ нельзя болѣе кстати.

Типично для И. С. было и то, что онъ не разъ предлагалъ мнѣ:

— И охота вамъ писать о разныхъ нудныхъ дѣлахъ изъ камеръ мировыхъ судей? Ну, что это: «Наши извозчики», «Наши булочники», «Наша прислуга»? Или: «Буйство и оскорбленіе городового»? Вѣдь скука! И не скука — скучища.

— А что же подѣлаешь, если нѣтъ дѣлъ болѣе интересныхъ?

— А вы сочиняйте.

— То - есть какъ?

— Да очень просто. Напишите: вотъ де въ камерѣ мирового судьи 5-го участка тогда - то и тогда слушалось дѣло... И дальше сочиняйте. Хоть романъ цѣлый. Со всѣми аксессуарами. Чѣмъ интереснѣй, тѣмъ лучше.

— А если узнаютъ, что не правда?

— Я не выдамъ. Отстою, покрою. Не забывайте только помянуть, что дѣло слушалось въ порядкѣ частнаго обвиненія. И что кончилось примиреніемъ сторонъ. Тогда кому до него какое дѣло? И кто смѣетъ контролировать «судъ» въ такомъ разѣ? Тутъ одинъ лишь судья могъ бы возразить и заявить: ничего подобнаго у меня не происходило. А какъ бы я сталъ возражать, если это моя же собственная идея?

Эпикуреецъ до мозга костей, Иванъ Степановичъ и умеръ, сдѣлавшись жертвой своего эпикурейства. Какъ - то въ холодную ночь отправился онъ кататься, разгоряченный продолжительнымъ и веселымъ ужиномъ. Это не прошло безслѣдно, онъ простудился и захворалъ. Вскорѣ врачи опредѣлили скоротечную чахотку. Ивана Степановича спѣшно отправили въ Меранъ, и тамъ онъ скончался 49 лѣтъ отъ роду въ началѣ 1893-го года. Тѣло его было привезено въ Кіевъ, а оттуда отправлено для погребенія въ Радомысльскій уѣздъ, въ имѣніе Ивана Степановича. Въ день прибытія тѣла стояла жестокая стужа, разыгралась метель, какую рѣдко доводится увидѣть въ Кіевѣ. И все же къ панихидѣ съѣхалось на вокзалъ немало кіевлянъ, пожелавшихъ отдать послѣдній долгъ «милому» Искрѣ...

Было тогда и еще нѣсколько оригиналовъ среди кіевскихъ мировыхъ судей. Изъ нихъ выдѣлялся одинъ, прозванный «сумасшедшимъ барономъ». Въ районѣ его участка находились городскія скотобойни и окраинныя улицы съ домами терпимости. Въ камерѣ у «барона» собиралась публика попроще и побезотвѣтнѣй. Быть-можетъ, по этой или по иной причинѣ, но «баронъ» держалъ

себя при разборѣ дѣлъ неистовымъ самодуромъ. Онъ безудержно кричалъ на обвиняемыхъ и свидѣтелей, на истцовъ и отвѣтчиковъ, на судебныхъ ходатаевъ и полицейскихъ, кричалъ такъ громко, насколько хватало мощи въ голосѣ. А голосъ у него отъ природы былъ зычный и мощный. Онъ выгонялъ третьесортныхъ адвокатовъ изъ камеры, крича: «Защита, подите прочь! Убирайтесь вонъ! Я кому сказалъ?» Или говорилъ имъ: «Защита! помолчите. Не учите меня! Я законъ не хуже васъ знаю!» А то начиналъ дико вращать глазами, стучать кулаками по столу и громко повторять, набрасываясь на какую-нибудь жертву изъ свидѣтелей или обвиняемыхъ: «Что-съ?! Что?! Что!!! Вы хотите ввести судъ въ заблужденіе? Я все вижу! Все знаю! Знаю все, что дѣлается у меня въ въ участкѣ! У кого что готовится на обѣдъ, и то мнѣ извѣстно! Мнѣ сорока все на хвостѣ приноситъ! Или моя кухарка съ базара... Откуда знаю — мое дѣло. Но мнѣ все, все извѣстно!» Относительно выступающихъ на судъ лицъ онъ не стѣснялся дѣлать во всеуслышанье самыя откровенныя замѣчанія. Острилъ, подсмѣивался, иронизировалъ, высказывалъ горькія истины или назидательныя сентенціи... Ни одинъ разборъ дѣлъ не проходилъ у него безъ подобныхъ выпадовъ, и находились любители зрѣлищъ, которые шли въ камеру «сумасшедшаго барона» какъ на занимательное представленіе. Зато тѣ, чьи интересы поступали на усмотрѣніе «барона», нерѣдко приходили въ ужасъ отъ этой перспективы. Бывали случаи, когда люди покидали годами насиженныя квартиры, лишь бы жить не въ «баронскомъ» участкѣ. И говорили: «Отъ сумы и отъ суда не отказывайся. Неровенъ часъ, угодишь къ «барону»... Но тотъ же «баронъ» внѣ своей камеры былъ благовоспитанно-пріятнымъ, лишь немного чудаковатымъ, немолодымъ холостякомъ. Онъ вращался въ высшемъ кіевскомъ обществѣ, бывалъ у всѣхъ до генералъ-губернаторскаго дома включительно. Въ театральныхъ ложахъ появлялся вмѣстѣ съ начальствующими лицами того или иного вѣдомства. И когда его высокопоставленнымъ знакомымъ разсказывали о «представленіяхъ», какія даетъ «баронъ» у себя въ камерѣ, разсказы встрѣчали почти недовѣріе, а ужъ во всякомъ случаѣ подозрѣніе въ преувеличеніяхъ...

Внезапно налетѣвшая на «барона» ревизія столкнула его съ устойчиваго судейскаго мѣста. При ревизіи обнаружены были существенныя неправильности въ веденіи дѣлъ, и «баронъ» исчезъ съ кіевскихъ горизонтовъ. Но память о немъ и объ его неистовыхъ выходкахъ долго жила, да можетъ-быть, живетъ и теперь на кіевской территоріи.

Другой мировой судья, Владимиръ Ивановичъ Н—хъ, человѣкъ безсемейный, и одиноко живущій, заболѣлъ умопомѣшательствомъ. Уже будучи совсѣмъ ненормальнымъ, онъ, однако, по инерціи продолжалъ разбирать въ камерѣ дѣла, ничѣмъ при

этомъ не обнаруживая помраченія умственныхъ способностей. Правда, судопроизводство велось у него нѣсколько безтолковѣе, чѣмъ раньше, но приговоры и рѣшенія логически вытекали изъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго дѣла и не поражали никакой несуразностью. А едва разборъ дѣлъ кончался, судья вступалъ въ кругъ бредовыхъ и навязчивыхъ идей. Послѣ долговременной хронической безсонницы у него развился бредъ преслѣдованья. Главнымъ образомъ, боязнь полиціи и сыщиковъ. Онъ боялся выйти изъ дому, боялся подойти къ окну и часами неподвижно просиживалъ у себя на диванѣ, устремивъ глаза въ одинъ пунктъ, не двигаясь съ мѣста. Такъ продолжалось долго. Наконецъ, однажды собравшаяся къ нему въ камеру публика прождала появленія судьи до часа дня, да такъ и не дождалась. Секретарь вошелъ въ квартиру къ Н. и засталъ судью на диванѣ безъ признаковъ жизни. Онъ отравился растворомъ стрихнина. По близости лежатъ листъ бумаги, на которомъ рукою Н. было написано, «Я отравился»... Дальше шло что-то безсвязное, о какихъ-то преслѣдованіяхъ...

Когда я освоилась въ Кіевѣ и среди кіевлянъ, въ редакціи стали поручать мнѣ новые и новые отдѣлы репортажа, относившіеся къ самымъ разновиднымъ отраслямъ жизни. Приходилось ѣхать въ засѣданіе то физико-математическаго общества, то техническаго, то въ общество врачей или сельскихъ хозяевъ, то къ садоводамъ или фармацевтамъ, на собранія синдиката сахарозаводчиковъ или на собранія уполномоченныхъ общества взаимнаго кредита, на собесѣдованіе миссіонеровъ со штундистами и старообрядцами, на торжественные юбилеи и похороны, на диссертаціи и публичныя лекціи въ университетѣ... Сама судьба точно хранила меня отъ крупныхъ промаховъ и ошибокъ тамъ, гдѣ я была наиболѣе беззащитна. Какъ-то не доводилось переврать и напутать относительно вопросовъ и вещей, о которыхъ писала я, не будучи вовсе съ ними знакомой. Зато я скандально попала впросакъ и грандіозно подвела «Кіевское Слово» именно тогда, когда рѣчь шла о предметѣ, мнѣ извѣстномъ хотя бы по учебнику Иловайскаго.

Это произошло изъ-за замѣтки о новыхъ картинахъ В. А. Котарбинскаго. Онъ писалъ тогда по заказу Б. И. Ханенко (нынѣшняго члена Государственнаго Совѣта) для новаго дома г. Ханенко (на Алексѣевской улицѣ) серіи картинъ изъ египетской, греческой и римской жизни. Усталая и изнеможенная, зашла я какъ-то передъ вечеромъ во Владимирскій соборъ осмотрѣть законченныя работы Котарбинскаго, чтобы написать о нихъ. Лучше остальныхъ картинъ была сцена изъ греческой жизни, и Котарбинскій прежде всего обратилъ на нее мое вниманіе. Плохо говоря по-русски, онъ очень радушно, но не совсѣмъ толково сообщалъ мнѣ:

— Это портикъ... Іоническія колонны. Византійскій императоръ... У него — пиръ... Со своими придворными... Поетъ слѣпой старецъ... Гомера... Похожденія Одиссея... Это — золотой дискъ восходящаго солнца. А тутъ — Итака.

Отъ большой усталости я слушала его далеко не вдумчиво и также не вдумчиво написала потомъ свою замѣтку. А въ результатѣ на другой день въ «Кіевскомъ Словѣ» появились слѣдующія, хорошо памятныя мнѣ строки: «На портикѣ съ Іоническими колоннами пируетъ греческій императоръ со своими придворными, среди которыхъ *сидитъ Гомеръ*, играющій на золотой лирѣ и воспѣвающій похожденія Одиссея. Вдали виднѣется золотой дискъ восходящаго солнца и Итака».

Недоброжелательно враждующій съ «Кіевскимъ Словомъ» «Кіевлянинъ», конечно, подхватилъ моментально эту капитальнѣйшую изъ газетныхъ оплошностей. Благодаря «Кіевлянину», обратила на нее вниманіе «Стрекоза», гдѣ самъ Буква (И. Ф. Василевскій) въ обычномъ фельетонѣ своемъ увѣковѣчилъ съ соотвѣтствующими случаю комментаріями мою злополучную замѣтку... Смущена и огорчена была я безпредѣльно.

Въ редакціи не говорили объ этомъ прямо. Но злоязычный С—ій опять сталъ разсказывать объ еврейскомъ мальчикѣ, который «все» можетъ, «тольки все плохо»... И кругомъ сдержанно и сочувственно посмѣивались при его разсказѣ....

Поджидали, что скажетъ по этому поводу А. Я. Антоновичъ, который, въ пику остальнымъ сотрудникамъ, постоянно расхваливалъ мою репортерскую энергію и работу. Этими чрезмѣрными похвалами онъ какъ бы ударялъ мною по прочимъ редакціоннымъ работникамъ, сбивая съ нихъ спесь, наклонность къ «зазнаванью», къ самообольщеньямъ и перецѣниваньямъ собственныхъ достоинствъ... Теперь ждали, что «Гомера предъ византійскимъ императоромъ» онъ не проститъ мнѣ вовѣки, что мое вдругъ укрѣпившееся въ «Кіевскомъ Словѣ» положеніе пошатнется...

Однако Антоновичъ поддержалъ меня въ моей бѣдѣ, и я не получила никакого реприманда. Онъ даже утѣшалъ меня, увѣряя, что это сущіе пустяки. А если «Кіевское Слово» лишній разъ «ругнули», то тѣмъ лучше. Если ругаютъ, это еще ничего; хорошо даже. Худо, когда молчатъ, если ничего не говорятъ о газетѣ. Ошибка же или обмолвка можетъ случиться со всякимъ. Отъ нея гарантированъ только тотъ, кто ничего не пишетъ... По его распоряженію выступилъ на мою защиту фельетонистъ Кинъ, писавшій воскресные фельетоны вмѣсто похварывающаго редакціоннаго премьера, иглы. Въ фельетонѣ появилось нѣсколько колкихъ словъ по адресу «Кіевлянина», а о моей погрѣшности было упомянуто, какъ о досадной опечаткѣ, вкравшейся по недосмотру корректора...

Съ сотрудниками «Кіевскаго Слова» я постепенно перезнакомилась, постепенно все болѣе и болѣе выяснились для меня ихъ роли, индивидуальныя черты и качества. Характерно, что у Антоновича почти не было сотрудниковъ изъ профессіональныхъ газетныхъ работниковъ. Онъ предпочиталъ новичковъ, которые внушали ему больше довѣрія, а къ «профессіоналамъ-газетчикамъ» относился недружелюбно, съ обостренной подозрительностью. Если ему говорили о какомъ-нибудь странствующемъ литераторѣ, предлагавшемъ свое перо «Кіевскому Слову», онъ отвѣчалъ скептически:

— Да Богъ съ нимъ. Прохвостъ или шантажистъ, должно-быть. Чего намъ съ нимъ связываться.

Бывали случаи, когда онъ безъ жалости и снисхожденья мгновенно разставался съ сотрудникомъ, котораго считалъ весьма полезной для газеты находкой, но который попадался въ чемъ-нибудь неблаговидномъ. И я застала у него въ редакціи по преимуществу случайныхъ въ газетномъ мірѣ людей, привлеченныхъ къ сотрудничеству стараніями самого Антоновича. Правой рукой его въ дѣлѣ веденія газеты былъ секретарь редакціи Иванъ Александровичъ Б.,— человѣкъ основательно образованный, кандидатъ правъ, питомецъ Московскаго университета, прошедшій два факультета, естественный и юридическій, недурно знавшій чуть ли не всѣ европейскіе языки, вообще, какъ называли его въ редакціи, «ходячая энциклопедія». Въ свое время онъ подавалъ въ Москвѣ надежды, какъ видный будущій адвокатъ, работая тамъ подъ руководствомъ знаменитаго Плевако. Мнѣ доводилось видѣть у И. А. фотографическій портретъ еще далеко не стараго Плевако съ собственноручнымъ его завѣтомъ, преподаннымъ своему помощнику: «Со словомъ надо обращаться честно». Дальнѣйшая жизнь И. А. сложилась такъ, что онъ оставилъ Москву, а потомъ и адвокатскую практику и послѣ сотрудничества въ «Зарѣ» очутился у Антоновича въ «Кіевскомъ Словѣ». Иванъ Александровичъ держался націоналистически-правыхъ воззрѣній на вещи [1]), былъ ревностный сторонникъ славянофильскихъ идей, Россію считалъ естественной покровительницей и опекуншей остальныхъ славянскихъ народностей, и самъ вѣчно возился въ роли защитника, покровителя и опекуна, со всякими «братушками», которые подчасъ эксплуатировали и обирали его весьма беззастѣнчиво. При всякихъ обстоятельствахъ онъ оказывался существомъ добрѣйшей души, неспособнымъ обидѣть или огорчить кого бы то ни было. Никто изъ сотрудниковъ никогда не встрѣчалъ отъ него интриги или умышленной непріятности, никакого подвоха или

---

[1]) Л. З. Слонимскій называетъ «Кіевское Слово» «газетою умѣренно-консервативною съ промышленно-патріотическимъ оттѣнкомъ. (*С. А. Венгеровъ* «Критико-біограф. словарь русскихъ писателей и ученыхъ», I, 650). Изъ статьи г. Слонимскаго видно, какимъ плохимъ экономистомъ былъ А. Я. Антоновичъ.

Ред.

укола. Безмѣрно-терпѣливый, не помнящій зла, всегда и всякому охотно шелъ онъ на помощь, иногда самъ предлагая свое содѣйствіе, не дожидаясь, чтобы его о томъ попросили. Онъ получалъ за свой трудъ приличное для провинціи вознагражденіе, но постоянно сидѣлъ безъ гроша, потому что раздавалъ все направо и налѣво. Если онъ отказывалъ кому-нибудь въ деньгахъ, это означало, что у него самого нѣтъ ни копейки. Его щедростью, какъ и его неразборчивымъ благоволеньемъ, злоупотребляли разныя темныя лица. Б. жилъ тутъ же, при редакціи, въ смежной съ редакціей, тоже полутемной, комнатѣ. И если онъ долго съ утра не появлялся въ редакціи, А. Я. Антоновичъ предполагалъ шутливо:

— Навѣрное, пришли какіе-нибудь братушки и забрали у Ивана Александровича всѣ принадлежности костюма. И онъ теперь сидитъ безъ... виноватъ! — извинялся Антоновичъ передо мною и мѣнялъ намѣченное окончаніе фразы: — сидитъ совсѣмъ раздѣтый и не можетъ выйти.

Работникомъ былъ Б. образцово-неутомимымъ. Работалъ онъ точно шутя, удивительно легко и быстро. Страшно было взглянуть на гору иностранныхъ газетъ, прочитываемыхъ имъ ежедневно и какъ-то всегда между дѣломъ. Онъ писалъ передовицы по вопросамъ внѣшней, а часто и внутренней политики, писалъ во всякое время дня и ночи прямо начисто, отправляя исписанные листки по мѣрѣ написанія въ типографію, то и дѣло отвлекаясь отъ своей работы и приступая потомъ къ продолженію статьи иногда на новомъ листкѣ съ полуслова. Эрудиціей и памятью обладалъ онъ необыкновенной. Сотрудники обращались къ нему за самыми разнороднѣйшими справками, какъ въ энциклопедическій словарь. Тогда онъ оставлялъ свою текущую работу, вскидывалъ глаза къ потолку, собираясь съ мыслями, и давалъ полные и точные отвѣты на предлагаемые ему вопросы. А если чего не зналъ, то говорилъ скромно:

— Не могу вамъ сказать. Но объ этомъ вы, вѣроятно, найдете свѣдѣнія вотъ гдѣ...

И всегда указывалъ вѣрные и цѣнные источники. Онъ принималъ приходящихъ по дѣламъ и отъ бездѣлья редакціонныхъ посѣтителей и отпускалъ ихъ умиротворенными иной разъ послѣ заявленія самыхъ острыхъ претензій. Его мягкая манера обращенія съ людьми дѣйствовала успокоительно на наиболѣе разгоряченныхъ противниковъ гласности. Онъ же велъ дипломатическіе переговоры съ авторами изъ обывателей, авторская обидчивость которыхъ чувствительнѣй и обостреннѣй, чѣмъ у авторовъ-литераторовъ. Почти ежедневно — а нѣсколько разъ въ недѣлю обязательно — Б. облачался въ сюртукъ и ѣхалъ объясняться съ цензоромъ, которымъ былъ тогда небезызвѣстный, недавно скончавшійся, Борисъ Юзефовичъ. Къ обязанностямъ своимъ Юзефовичъ относился съ обычнымъ для провинціи цензорскимъ самовластьемъ, нерѣдко дохо-

дившемъ до самодурства. Мягкими рѣчами Б. иногда добивался у цензора желанныхъ резолюцій, но чаще онѣ оставались безрезультатными, несмотря на свою юридическую и логическую убѣдительность. Когда бывалъ занятъ лекціями въ университетѣ или научными работами А. Я. Антоновичъ, Б. редактировалъ за него всю газету. Въ роли редактора онъ отличался той же, присущей ему, мягкостью и признавался, что ему «больно» вычеркивать чужія строки, уничтожать чужой трудъ и гонорарныя надежды... Онъ исправлялъ въ рукописяхъ промахи и ошибки сотрудниковъ, правилъ редакторскую корректуру и при всѣхъ остальныхъ своихъ амплуа находилъ еще свободное время подбирать и разыскивать нужные въ данный моментъ источники и матеріалы для ученыхъ работъ Антоновича.

Въ «Кіевскомъ Словѣ» Б. работалъ съ перваго номера газеты. Относился онъ къ этому изданію съ заботливой, почти родительской нѣжностью. Трудно воспроизвесть, какимъ захлебывающимся голосомъ, съ какимъ торжествомъ и сознаніемъ одолѣнія надъ вражескимъ станомъ восклицалъ онъ подчасъ по поводу того или иного сообщенія:

— Ага! У насъ есть... А въ «Кіевлянинѣ» прозѣвали!

Въ редакціи у него не было не только враговъ, но даже недоброжелателей. Его кротость и незлобивость обезоруживали всѣхъ, не исключая желчнаго С.

Кромѣ Б., работалъ въ «Кіевскомъ Словѣ» на постоянномъ жалованьѣ Василій Терентьевичъ М — въ, кандидатъ филологическихъ наукъ, кончившій филологическій факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ. Онъ завѣдывалъ «Дневникомъ печати», т.-е. вырѣзками и перепечатками изъ русскихъ газетъ, а также отдѣломъ провинціальныхъ корреспонденцій. Помимо того, М. составлялъ «Внутреннюю хронику» — отдѣлъ, заключавшій въ себѣ небольшія, но интересныя сообщенія изъ разныхъ газетъ и журналовъ. М. былъ проницательный, но очень инертный человѣкъ, изрядный острякъ, любившій поострить исподтишка, лѣниво-медлительнымъ, будто скучающимъ тономъ. Въ «Кіевское Слово» онъ попалъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, потому что эта работа сама подвернулась ему подъ руку, а о другой пришлось бы еще хлопотать и безпокоиться... А. Я. Антоновичъ, шутя, называлъ его: «Донъ Базиліо» и «гишпанецъ», вѣроятно, за его смуглый цвѣтъ лица и очень черные волосы. Къ работѣ своей М. относился (какъ и ко всему «Кіевскому Слову») съ сдержанной ироніей, а себя самого именовалъ: «газетный вырѣзайло». Такъ и рекомендовался: «Василій Терентьевичъ М., вырѣзайло изъ «Кіевскаго Слова». О «собственныхъ» корреспондентахъ газеты онъ повторялъ съ досадой:

— И чортъ бы ихъ побралъ... что они только о молебнахъ съ водосвятіемъ пишутъ?

А для «Внутренней хроники» выбиралъ исключительно сенсаціонныя и архи-кровавыя происшествія: убійства, самоубійства,

звѣрскіе грабежи, гнусныя насилія, нанесенія тяжкихъ увѣчій.... И говорилъ иногда въ редакціи съ ироническимъ глубокомысліемъ:

— Завтра прочтете интереснѣйшее происшествіе. Я и озаглавилъ его хорошо: «Убійство и самоубійство убійцы убитаго». Провинціальнымъ подписчикамъ должно страшно понравиться.

Антоновичъ, недовольный этой неутомимой жаждой крови «Дона Базиліо», осторожно замѣчалъ ему:

— Вашу хронику почитать, такъ выйдетъ, будто во всей Россіи никого больше нѣтъ, кромѣ уголовныхъ преступниковъ? Одни душегубы, грабители да гнусные насильники...

Донъ Базиліо ухмылялся и помалкивалъ, а кровавую хронику опять составлялъ по-своему.

Застала я также въ «Кіевскомъ Словѣ» мѣстнаго поэта, онъ же беллетристъ, фельетонистъ и хроникеръ, Юрія Владимировича Р. И его, какъ иныхъ сотрудниковъ, привлекъ къ редакціонной работѣ Антоновичъ, а до того Р. служилъ въ государственномъ банкѣ и лишь время отъ времени печаталъ въ «Кіевскомъ Словѣ» свои стихи и разсказы. Р. извѣстенъ на югѣ Россіи и понынѣ, какъ авторъ многихъ мелодичныхъ стихотвореній и многихъ разсказовъ, главнымъ образомъ, бытовыхъ, изъ жизни полѣсскаго крестьянства. Р. былъ хорошимъ редакціоннымъ товарищемъ, и добрыя отношенія съ нимъ сохранились у сотрудниковъ «Кіевскаго Слова» на долгіе годы, хотя изъ «Кіевскаго Слова» онъ вскорѣ перекочевалъ въ «Кіевлянинъ», потомъ въ «Жизнь и Искусство» и послѣ въ «Кіевлянинъ» снова.

Сотрудничалъ при мнѣ, но не долго (кажется, Иванъ Петровичъ) Новицкій, небезызвѣстный въ Кіевѣ историкъ, вскорѣ скончавшійся. Работало, кромѣ того, много студентовъ и среди нихъ—болгаринъ, Ангелъ Ангеловичъ Тодоровъ, нынѣ рущукскій адвокатъ и замѣтный дѣятель. Недавно мнѣ пришлось прочесть въ одной изъ корреспонденцій о балканской войнѣ, что въ Рущукѣ русскихъ корреспондентовъ встрѣчалъ и устраивалъ съ необычайнымъ радушіемъ адвокатъ Ангелъ Тодоровъ. А когда, изумленный его нѣжной заботливостью корреспондентъ, наконецъ, сказалъ ему: «Да что вы съ нами такъ возитесь?» Т. замѣтилъ въ отвѣтъ: «А русскіе развѣ мало возились со мною, когда я учился въ Кіевѣ?» Эту неугасимую въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ благодарность цѣликомъ слѣдовало бы отнесть къ Ивану Александровичу Б., который никогда не уставалъ заботиться о всѣхъ представителяхъ славянскихъ народностей, появлявшихся въ «Кіевскомъ Словѣ», и о Тодоровѣ въ частности. Ангелъ Тодоровъ дѣлалъ переводы изъ болгарскихъ газетъ, писалъ самостоятельныя статьи о положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Остальные студенты работали въ качествѣ репортеровъ.

Главнымъ же редакціоннымъ премьеромъ, украшеніемъ и звѣздой «Кіевскаго Слова», любимцемъ и баловнемъ А. Я. Антоновича

и любимцемъ кіевскихъ читателей былъ Павелъ Аркадьевичъ Андреевскій, присяжный повѣренный, писавшій воскресные фельетоны: «Мысли вслухъ» подъ псевдонимомъ: Игла. Независимо отъ воскресенья печатались два-три раза въ недѣлю его небольшіе фельетоны подъ рубрикой: «Маленькій дневникъ», гдѣ Игла бесѣдовалъ съ кіевлянами о театрахъ, о скачкахъ, концертахъ, маскарадахъ, объ интересныхъ кіевскихъ дамахъ, о мѣстныхъ ресторанахъ и кафе-шантанахъ, обо всемъ, что приходило ему на мысль. Писалъ онъ хлестко, бойко, занимательно и успѣхомъ пользовался несомнѣннымъ. П. А. Андреевскій достался «Кіевскому Слову», возникшему въ 1886 году на развалинахъ передовой «Зари», какъ наслѣдіе «Зари», угасшей не по свой волѣ. Онъ былъ издателемъ «Зари» съ 1-го ноября 1880 года, а послѣднее время, передъ закрытіемъ «Зари», числился номинальнымъ ея редакторомъ, между тѣмъ какъ фактически «Зарю» редактировалъ М. И. Кулишеръ, негласно купившій у Андреевскаго издательскія права на эту газету. Послѣ долгихъ перипетій изданіе «Зари» было запрещено въ виду перехода газеты въ «еврейскія руки». Сама я эпохи этой въ Кіевѣ не застала, но тѣ, тогда еще свѣжіе, разсказы очевидцевъ, которые доводилось мнѣ слышать, рисовали П. А. Андреевскаго въ болѣе, чѣмъ неприглядномъ свѣтѣ. Кажется, исторія эта достаточно уже выяснена, освѣщена и извѣстна. Я же не берусь лишній разъ повторять ее съ чужихъ словъ и по прошествіи многихъ лѣтъ, послѣ того, какъ мнѣ ее разсказывали[1])... Знаю только съ увѣренностью, что при возникновеніи «Кіевскаго Слова» П. А. Андреевскій передалъ А. Я. Антоновичу адреса подписчиковъ «Зари» и что Антоновичъ принялъ на себя дальнѣйшее удовлетвореніе этихъ подписчиковъ «Кіевскимъ Словомъ». А самъ Игла перешелъ въ «Кіевское Слово» на амплуа фельетониста. Мнѣ пришлось узнать его часто похварывающимъ и утомленнымъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Судебной практики у него уже почти не было, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ еще получалъ крупные адвокатскіе гонорары, пользуясь репутаціей незауряднаго криминалиста. Кіевляне продолжали считать популярнаго «Павлика» Андреевскаго хорошимъ судебнымъ ораторомъ. Но ставили ему въ вину его адвокатскую небрежность, нерадивую разсѣянность и безпечную халатность, благодаря которымъ онъ то пропускалъ уста-

---

[1]) По словамъ С. А. Венгерова въ его «Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ» (т. I, 544) «объ Андреевскомъ очень много говорилось въ періодической печати конца 1886 г. по поводу того, что онъ, воспользовавшись своимъ юридическимъ положеніемъ офиціальнаго издателя, оттѣснилъ отъ газеты дѣйствительнаго собственника ея—М. И. Кулишера. Всего подробнѣе исторія этого захвата разсказана *Е. Г.* «въ Новостяхъ» 1886 г. за декабрь». Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ совершился этотъ захватъ, газета была прекращена. *Ред.*

новленные судебные сроки, то забывалъ подготовиться къ выступленію въ судѣ. Времена, когда Павликъ зарабатывалъ по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ (суммы въ тѣ времена для провинціальнаго адвоката, да еще криминалиста, громадныя) миновали невозвратимо. Теперь, обремененный долгами, Андреевскій жилъ скромно въ третьемъ этажѣ отеля «Метрополь» на углу Большой Владимирской и Фундуклеевской улицъ, вблизи редакціи «Кіевскаго Слова». Интересно, что владѣлецъ этого отеля, «коммерсантъ» Д., былъ ярымъ и вполнѣ искреннимъ почитателемъ Иглы и всюду гордился своимъ прославленнымъ въ Кіевѣ жильцомъ. На закатѣ застала я и фельетонныя выступленія Иглы. Онъ все похварывалъ, частенько присылалъ сказать по субботамъ, что отъ него фельетона на завтра не будетъ, чтобы поручили написать второму фельетонисту, Кину. На ногахъ «Павликъ» держался слабо и ходилъ съ затрудненьемъ, сильно налегая на изящную палку изъ чернаго дерева. Его появленья съ палкой въ рукахъ въ театрахъ и иныхъ увеселительныхъ собраніяхъ вызывали подражаніе среди начинающихъ кіевскихъ литераторовъ. Кіевской литературной молодежи того времени, очевидно, импонировали и успѣхъ, и популярность, и внѣшность, и привычки общаго любимца, Павлика... Мало-помалу появляться въ театрѣ, крѣпко опираясь на палку и разслабленно волоча ноги, стало признакомъ какъ бы хорошаго тона для молодыхъ литераторовъ послѣдующихъ поколѣній. И черезъ много лѣтъ, уже совсѣмъ недавно, увидѣвъ въ одномъ изъ кіевскихъ театровъ цвѣтущаго и свѣжаго юношу, картинно и грузно опирающагося на черную палку, я не могла воздержаться отъ вопроса, обращеннаго къ моимъ спутникамъ:

— Это не начинающій ли фельетонистъ идетъ съ палкой?

— А вы почему угадали?—не безъ изумленія отвѣтили мнѣ.

Оказалось, я не ошиблась. Традиціи временъ Павлика Андреевскаго, быть-можетъ, утратили свою исторію, но сохранились ненарушимыми почти донынѣ.

Худощавый и тонкій въ таліи, съ моложавымъ лицомъ (онъ умеръ на 41-мъ году, но выглядѣлъ гораздо моложе), съ недлинными, темными усиками и стриженой бобрикомъ головой, всегда хорошо одѣтый, служившій даже образцомъ мужского изящества для кіевскихъ франтовъ, изящный по манерамъ, съ острой рѣчью и съ острымъ, быстро все схватывающимъ умомъ, весь какой-то, какъ говорилъ онъ самъ о себѣ, «иглообразный», Павелъ Аркадьевичъ Андреевскій считался въ Кіевѣ обаятельно-привлекательной натурой. Въ редакціи «Кіевскаго Слова» онъ былъ самой крупной въ литературномъ отношеніи величиной. Но А. Я. Антоновичъ цѣнилъ его не только, какъ сотрудника, а еще и лично къ нему питалъ сердечную слабость, называя его за глаза просто: Павликъ. Павлику въ «Кіевскомъ Словѣ» платили наивысшій гонораръ, пять

копеекъ за печатную строку. Павликъ работалъ на особыхъ условіяхъ, ему, какъ фельетонисту, предоставлялась полная свобода дѣйствій. Несмотря на свою усиленную осторожность, Антоновичъ не цензуровалъ фельетоновъ Иглы, и тотъ писалъ вполнѣ автономно, относились къ Павлику и цензора снисходительнѣй, чѣмъ къ кому-либо. Ему благополучно сходило съ рукъ многое, чего не простили бы никому другому.

Нѣкоторыя изъ фельетонныхъ остротъ и признаній Павлика отличались скабрезнымъ до нецензурности характеромъ, и тѣмъ не менѣе онѣ попадали въ печать. А иныя изъ его остротъ (и не только фривольныя) живутъ въ Кіевѣ и до сего дня. Мнѣ кажется, его популярности немало содѣйствовало то обстоятельство, что въ фельетонахъ своихъ онъ часто говорилъ о себѣ самомъ, говорилъ иногда не щадя себя и не безъ остроумія. Онъ, напримѣръ, признавался печатно, что стоитъ ему взять въ руки перо, какъ оно само собою по привычкѣ выводитъ: «По сему моему векселю повиненъ я заплатить» и такъ далѣе. Игла откровенно и очень игриво разсказывалъ читателямъ, какъ онъ проводитъ время, за кѣмъ ухаживаетъ, чьи лучезарные глазки грезятся ему во снѣ, какое онъ пилъ на этихъ дняхъ вино и въ какомъ ресторанѣ получены свѣжія устрицы. Сѣтовалъ въ фельетонахъ на обременяющіе его долги и тутъ же пояснялъ, что слово долгъ происходитъ отъ слова: долго, т.-е. иначе говоря, на то и долгъ, чтобы не отдавать его долго. Онъ писалъ: «Если я у кого взялъ въ долгъ, то это мало заботитъ и волнуетъ меня. Пусть заботится и волнуется тотъ, кто далъ мнѣ деньги». Но зато и самъ Андреевскій всегда готовъ былъ подѣлиться съ неимущимъ послѣдней десятирублевкой. И если ему предстоялъ выборъ между уплатой долга или оказаніемъ помощи, хотя бы незнакомому человѣку, онъ охотнѣе избиралъ второе... Не церемонился онъ въ фельетонахъ ни съ самимъ собой ни съ другими. Онъ всячески прославлялъ одну изъ опереточныхъ пѣвицъ (труппы Ларіонова-Ларина) и писалъ о ней: «Извѣстная своими побѣдами въ мірѣ петербургскихъ театровъ»... Но тутъ же искусно и тонко подчеркивалъ между строкъ, что побѣдоносность пѣвицы неизмѣримо выше ея сценическихъ дарованій. А затѣмъ, недовольный цирковыми увлеченіями этой пѣвицы, писалъ о ней же по поводу вспыхнувшей тогда эпидеміи инфлуэнцы: «Г-жа N. (онъ называлъ ее полнымъ именемъ), хотя и не больна инфлуэнцой, но находится «sous l'influence» и вмѣсто пѣнія усердно посѣщаетъ циркъ Никитина». Самые интимные личные счеты свои съ ближними сводилъ онъ не разъ на фельетонныхъ столбцахъ. Въ Кіевѣ прекрасно понимали, о чемъ онъ говоритъ или на что намекаетъ, и дивились его своеобразному мужеству, его самобичеваньямъ, еле прикрытымъ тончайшей вуалью аллегоріи или фельетоннаго юмора... Типичный горожанинъ, П. А. терпѣть не могъ деревни, и повторялъ о ней: «Деревня только тѣмъ и хороша, что ее зало-

жить можно». Онъ выступалъ неизмѣннымъ ораторомъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ городской жизни. А какъ ораторъ судебный славился находчивостью, остроуміемъ, умѣлъ улавливать жизненную сторону дѣла, поворачивать и освѣщать ее такъ, чтобы потомъ можно было сказать: «Кто не грѣшенъ? Кто не виноватъ? Всѣ мы люди, всѣ человѣки!» и сыграть на этой стрункѣ въ сердцахъ присяжныхъ. На судѣ стѣснялся онъ такъ же мало, какъ и на столбцахъ фельетоновъ. О немъ разсказывали, что, обвиняясь (еще въ качествѣ редактора «Зари») по нѣсколькимъ литературнымъ дѣламъ, которыя разсматривались одно вслѣдъ за другимъ, онъ по первому дѣлу на допросы суда отвѣчалъ обстоятельно. Столько-то лѣтъ. Женатъ... И прочее. А при второмъ дѣлѣ приподнялся и замѣтилъ: «Все еще столько же лѣтъ. И все еще... женатъ!» Эта вторая фраза вызвала въ залѣ суда гомерическій хохотъ. Какъ разъ тогда у Андреевскаго шелъ бракоразводный процессъ съ женой его, Натальей Іосифовной, дочерью извѣстнаго опернаго артиста и антрепренера Сѣтова. Для Иглы ничего не значило начать разсказывать въ фельетонѣ о томъ, какъ онъ «продавалъ жену свою»... И кіевляне нарасхватъ раскупали газетные номера съ фельетонами на эту тему, при чемъ одни находили, будто рѣчь идетъ въ самомъ дѣлѣ о женѣ Павла Аркадьевича, другіе же усматривали здѣсь аллегорію и подъ «женой» подразумѣвали безвременно скончавшуюся газету «Зарю», которую П. А. то продавалъ, то прибиралъ къ къ своимъ рукамъ снова...

Былъ онъ еще записнымъ любителемъ (какъ и закадычный другъ его, Левъ Абрамовичъ Куперникъ) драматическаго искусства. Андреевскій переигралъ передъ кіевлянами многія отвѣтственныя роли: Чацкаго, Хлестакова, Жоржа Градищева («Злоба дня» Потѣхина), Ашметьева («Дикарка»), Пиратова («Безприданница»), Телятева «Бѣшеныя деньги»). Отзывы объ игрѣ его были разнорѣчивы. Одни восторгались, другіе говорили съ улыбкой, дающей понять, что игра П. А. на сценѣ—ниже всякой критики.

Выступленія на театральныхъ подмосткахъ тоже способствовали популярности Павлика въ Кіевѣ. Публика охотно шла смотрѣть его, и самъ онъ, съ иронической усмѣшкой своей, признавалъ, что «дѣлаетъ полные сборы». Но при этомъ добавлялъ, что если бы выступилъ въ циркѣ вмѣсто Анатолія Дурова, успѣхъ былъ бы еще грандіознѣй...

Занимательно и весело разсказывалъ онъ какъ-то въ редакціи о своихъ гимназическихъ и студенческихъ годахъ въ Харьковѣ. О томъ, какимъ онъ былъ всегда сорви-головой и повѣсой и какъ «къ удивленію всѣхъ товарищей» получилъ степень кандидата правъ за диссертацію на тему о налогѣ на соль. Потомъ занялъ мѣсто сперва при прокурорѣ казанскаго, а затѣмъ самарскаго окружного суда. Какъ служилъ судебнымъ слѣдователемъ въ Самарѣ и внезап-

но бросилъ службу, разсердившись, зачѣмъ ему предлагаютъ мѣсто товарища прокурора въ Симбирскѣ, а не въ Петербургѣ, куда онъ просился. Оставивъ службу, она задумалъ сдѣлаться адвокатомъ. И вскорѣ поселился въ Кіевѣ, гдѣ надѣется быть и похороненнымъ «на казенный счетъ и на Аскольдовой могилѣ».

Его надежды сбылись очень скоро.

Послѣ теплой осени и безснѣжной зимы наступила ранняя весна 1890 года. Въ началѣ марта вскрылся Днѣпръ, потеплѣло, начала развиваться зелень.

Павелъ Аркадьевичъ хворалъ. Другъ его Л. А. Куперникъ, уѣзжая на время изъ Кіева, просилъ «Павлика» принять одну защиту. Андреевскій отказался, сказавъ, что собирается сдѣлать себѣ операцію. И прибавилъ въ своемъ грубовато-шутливомъ тонѣ:

— Можетъ-быть, къ тому времени я околѣю.

Послѣ того стало извѣстно и въ редакціи, что Павликъ готовится къ операціи. Наканунѣ операціи днемъ онъ былъ въ редакціи и говорилъ Антоновичу своимъ носовымъ, хрипловатымъ и капризно-скрипучимъ голосомъ:

— Купилъ я, кажется, все, что надо для операціи. Бинты... гигроскопическую вату... Хлороформъ, марлю, карболку. Какъ будто все? А, да,—гробъ еще остается. Но это и безъ меня сдѣлаютъ. Это ужъ вы, Афиногенъ Яковлевичъ, мнѣ купите.

Вечеромъ онъ повторилъ ту же остроту въ ресторанѣ Grande-Hotel'я, гдѣ, прощаясь съ друзьями, сказалъ:

— Иду дѣлать себѣ операцію. Кажется, все имѣю, что надо. Вату, марлю... Да, еще гробъ нужно. Ну, это ужъ пусть будетъ на казенный счетъ.

Павла Аркадьевича оперировали въ томъ же отелѣ, гдѣ онъ жилъ. Антоновичъ предложилъ владѣльцу отеля не стѣсняться затратами и расходовать все, чтобы ни потребовалось, за счетъ «Кіевскаго Слова».

— Больного Павлика надо обставить какъ слѣдуетъ,—повторялъ Антоновичъ и не жалѣлъ денегъ.

Операція сошла удачно. Андреевскій стоялъ на пути къ выздоровленію. Но его погубила собственная невоздержанность и чрезмѣрное усердіе почитателей. Оправившись послѣ операціи, онъ сталъ просить чего-нибудь «вкусненькаго»: устрицъ, напримѣръ, свѣжей икры, шампанскаго, омаровъ. Почитатели на радостяхъ обкормили его и потомъ оправдывались, приводя его фаталистическія слова: «Все равно я умру. Такъ побалуйте меня хоть на прощанье».

Ему стало хуже, и черезъ день отъ него отказались врачи. Болѣзнь закончилась смертью, подкравшейся въ то время, когда ее перестали ждать. Двадцатаго марта П. А. Андреевскаго не стало.

Велико было огорченье Антоновича, искренно опечаленнаго этой утратой. Онъ открылъ неограниченный кредитъ на похороны

«Павлика», въ «Кіевскомъ Словѣ» появились о покойномъ прочувствованные статьи и некрологи, растрогавшіе кіевлянъ. Писали о томъ, что Кіевъ готовится хоронить своего любимца. И выходило, будто любимецъ этотъ потому оставался совершенно одинокимъ, что хотѣлъ принадлежать только Кіеву, и никому другому... Попробовалъ было «Кіевлянинъ» напечатать вмѣсто некролога расхолаживающе-ироническія строки съ упоминаніемъ, что какія-то пьесы, написанныя Андреевскимъ, не имѣли успѣха... Но это не достигло цѣли. Кіевъ уже всколыхнулся. И, всегда приверженный ко всему своему кіевскому, устремился толпами на похороны «Павлика». Похороны вышли торжественныя. Случилось, что никто изъ родственниковъ П. А. не смогъ пріѣхать ко дню погребенья и проводить его до могилы. Во время отпѣванья казалось, будто въ самомъ дѣлѣ хоронитъ Кіевъ одинокаго, любимаго въ городѣ человѣка. Красивую рѣчь произнесъ Л. А. Куперникъ «надъ ранней урной» своего друга и товарища. Рѣчь заканчивалась такъ: «Умеръ человѣкъ, безспорно самый популярный въ Кіевѣ, патнадцать лѣтъ заставлявшій говорить о себѣ. Въ немъ находили массу недостатковъ, но такова была сила его симпатичности, что ему все прощалось, все забывалось. Прощай же, дорогой другъ и товарищъ! Ты уносишь съ собой въ могилу наши лучшія симпатіи, наше горькое сожалѣніе о твоей неудавшейся жизни, о твоей безвременной смерти, и долго-долго будетъ жить среди насъ память о тебѣ,—добромъ, миломъ, столь рано погибшемъ»... Послѣ этихъ словъ двинулась печальная процессія отъ Георгіевской церкви къ Аскольдовой могилѣ. Толпа все прибывала. Дамы плакали. Стоялъ яркій, влажно-теплый весенній день, продавали фіалки, и всѣ нарасхватъ покупали лиловые букетики—для могилы «Павлика». Съ Аскольдовой могилы виденъ былъ сверкающій, широко-разлившійся Днѣпръ. Зеленѣло Заднѣпровье, блестѣли озера разлива, синѣли далекіе лѣса почти на горизонтѣ, а за ними легкая дымка голубого весенняго тумана прикрывала безконечную даль.

Въ одной изъ нагробныхъ рѣчей опять упомянуто было, что семьей покойнаго на его похоронахъ является «весь Кіевъ», который съ глубокой печалью хоронитъ своего дорогого Павлика.. И это растрогало многихъ, вызвало новыя слезы. А послѣ, когда могила была засыпана, у воротъ кладбища не оказалось достаточнаго количества извозчиковъ. Трамвая тогда еще не было, большой толпѣ пришлось возвращаться съ кладбища пѣшкомъ, и въ толпѣ то тутъ, то тамъ раздавалось:

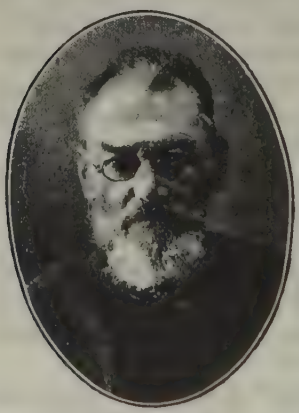
— Бѣдный Павликъ!

В. Ольнемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о Т. Н. Грановскомъ [1]).

Ниже мы помѣщаемъ воспоминанія академика Ѳ. Е. Корша о Т. Н. Грановскомъ. Пользуясь этимъ случаемъ, напомнимъ, что русскій ученый и академическій міръ только что сердечно отпраздновалъ семидесятилѣтіе со дня его рожденія. Ѳедоръ Евгеніевичъ Коршъ представляетъ собой рѣдкое въ русской наукѣ явленіе. Прежде всего передъ нами филологъ-энциклопедистъ, поражающій изумительнымъ знаніемъ живыхъ и мертвыхъ языковъ, знаніемъ теоретическимъ и практическимъ. Классики и оріенталисты въ одинаковой мѣрѣ признаютъ его непререкаемымъ авторитетъ. Обладая рѣдкой эрудиціей въ области лингвистики, Ѳ. Е. Коршъ всю силу своего остраго анализа направлялъ, главнымъ образомъ, на разработку труднѣйшихъ проблемъ сравнительнаго синтаксиса и метрики, стремясь постигнуть такъ сказать логику, психологію и музыку рѣчи. Русская литература не составляетъ спеціальнаго предмета ученыхъ занятій Ѳ. Е. Коршъ, но и тутъ онъ далъ намъ чрезвычайно цѣнныя работы; таковы его изслѣдованія о народномъ стихосложеніи и о Пушкинѣ. Въ гоголевскіе дни (въ апрѣлѣ, 1909 г.), когда Москва праздновала открытіе памятника Н. В. Гоголю, Ѳ. Е. выступилъ на одномъ изъ засѣданій общества любителей россійской словесности съ рѣчью объ юморѣ автора «Вечеровъ на хуторѣ близъ Даканки». Въ языкѣ и литературѣ Ѳ. Е. Коршъ, извѣстный къ тому же въ качествѣ поэта и переводчика, видитъ живой и сложный организмъ и умѣетъ проникать въ самые сокровенные изгибы его жизни.



Ѳ. Е. Коршъ.

Есть еще одинъ вопросъ, огромной культурной важности для Россіи, надъ разрѣшеніемъ котораго много потрудился Ѳ. Е—чъ. Это вопросъ объ упрощеніи русской орѳографіи, начатый въ московскомъ педагогическомъ обществѣ (нынѣ закрытымъ) и перешедшій затѣмъ въ вѣдѣніе особой комиссіи при Академіи Наукъ. Въ періодъ теоретической разработки этого вопроса Ѳ. Е. Коршъ принималъ самое дѣятельное и авторитетное участіе какъ въ печати, такъ и въ засѣданіяхъ академической комиссіи и ея подкомиссіи. Наконецъ у Москвы есть особое основаніе дорожить своимъ Коршемъ: въ немъ она видитъ носителя лучшихъ традицій русской интеллигенціи. Традиціи эти издавна свято хранятся въ семьѣ Коршей, непосредственно связанной

---

[1]) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Исторической Коммисіи Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. въ память Т. Н. Грановскаго.

съ кружкомъ Грановскаго и Щепкина. Широкая идейная культурность старыхъ западниковъ—неотъемлемое свойство и Ѳедора Евгеніевича. Оно ярко обнаруживается во всей его разнообразной общественной дѣятельности; оно отсвѣчиваетъ и въ печатаемыхъ ниже его воспоминаніяхъ о Т. Н. Грановскомъ.

Я чувствую себя, признаюсь, въ довольно неловкомъ положеніи, потому что выступаю здѣсь въ качествѣ какъ бы современника Грановскаго, долженствующаго сообщить о немъ свои воспоминанія; но воспоминанія мои чрезвычайно скудны, такъ какъ они относятся къ тому времени, когда я еще былъ ребенкомъ, а именно, когда Грановскій умеръ, мнѣ было всего 12 лѣтъ. Мое знакомство съ Грановскимъ, если это можно назвать знакомствомъ, распадается на два періода. Первый періодъ начинается въ 40 годахъ; когда—точно сказать не могу, но, во всякомъ случаѣ, это длилось до 1849 г., когда я вмѣстѣ съ отцомъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ. И затѣмъ возобновилось это знакомство, и при томъ болѣе близкое, въ 1854 г., когда, еще до обратнаго переселенія моихъ родителей я былъ подъ вліяніемъ Грановскаго отвезенъ въ Москву и отданъ въ школу. Само собою разумѣется, что мои воспоминанія и должны носить характеръ только дѣтскій и по содержанію не могутъ быть обильны. Грановскій былъ очень близко знакомъ съ моимъ отцомъ, котораго онъ цѣнилъ очень высоко. По разсказу моей матери,—Грановскій отзывался о немъ такъ, что онъ своего рода сокровище по своимъ знаніямъ. «Мы всѣ, — говорилъ Грановскій, — спеціалисты; къ нему же можно обращаться за всякаго рода справками». Этотъ отзывъ Грановскаго я послѣ имѣлъ полную возможность провѣрить. Грановскій былъ также связанъ дружбой сестрой моего отца, Маріей Ѳедоровной. Съ тѣхъ поръ, какъ я только помню самого себя, я, пожалуй, помню и Грановскаго, но помню, разумѣется, довольно смутно. Между прочимъ Грановскій крестилъ моего младшаго брата, и донынѣ здравствующаго, Евгенія. Въ то время мой отецъ издавалъ «Московскія Вѣдомости», и поэтому мы жили въ университетской типографіи, слѣдовательно, мы занимали ту квартиру, въ которой впослѣдствіи жилъ Катковъ. Тамъ у насъ бывало очень много разнаго народу. Между прочимъ я назову нѣсколько извѣстныхъ именъ. Кромѣ Грановскаго бывалъ у насъ Герценъ и довольно часто Огаревъ, Вас. Петр. Боткинъ, Кетчеръ, Бѣлинскій; Ник. Мих. Сатинъ, извѣстный въ качествѣ переводчика «Бури» Шекспира; Петръ Григ. Рѣдькинъ, извѣстный юристъ, тогда еще молодой; также Ник. Алек. Мельгуновъ и многіе другіе, въ томъ числѣ Крыловъ, который, впрочемъ, никогда не принадлежалъ къ кружку Грановскаго, и Ив. Кондр. Бабстъ, бывшій тогда еще совершенно молодымъ человѣкомъ. Студентомъ онъ даже одно время жилъ у насъ. Центромъ всего этого кружка, который сходился нерѣдко то у насъ, то у одного изъ членовъ кружка, были, конечно, съ одной стороны, Грановскій, съ другой—Герценъ. Грановскій при-

влекалъ всѣхъ къ себѣ своимъ искренно-гуманнымъ отношеніемъ ко всѣмъ. Затѣмъ въ немъ чтили огромную научную силу и притомъ чрезвычайно милаго, очень остроумнаго и веселаго собесѣдника. Что касается Герцена, то объ его остроуміи и веселости говорить ничего: достаточно заглянуть только въ его сочиненія, чтобы убѣдиться, что это былъ человѣкъ удивительно остроумный, необыкновенно живой и необыкновенно энергичный, не знавшій покоя для себя и не дававшій его другимъ. Я помню, въ прежнее время Герценъ нерѣдко приходилъ къ намъ и вмѣстѣ съ отцомъ, который ему содѣйствовалъ въ его шуткахъ и разныхъ выдумкахъ, сочинялъ стихи, иногда сатирическіе, иногда просто шуточные. Одинъ разъ какъ-то Герценъ взялъ листъ бумаги, написалъ два стиха Пушкина съ замѣной лишь одного слова:

«Въ тѣ дни, когда намъ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія».

и продолжалъ отъ себя:

«Когда въ Москвѣ паслись коровы,
И медъ любила попадья».

Затѣмъ передалъ перо отцу; отецъ написалъ:

«Когда никто еще въ Россіи
Не толковалъ о папѣ Піи [1])
И рѣдко русское перо
Писало «Одилонъ-Барро» [2]).

Дальше я не знаю, какъ и того, было ли что дальше. Иногда стихи были и сатирическаго свойства; такъ, Герценъ, напр., сильно подтрунивалъ надъ Рѣдькинымъ. Рѣдькинъ, чистѣйшій малороссъ изъ Роменъ, не отличался особенной красотой, и между прочимъ у него на носу была рыжая бородавка; кажется, именно Герценъ прозвалъ ее неопалимою купиною. По этому поводу не знаю навѣрное Герценъ или мой отецъ написалъ такое четверостишіе или, можетъ-быть, начало поэмы:

«Неопалимой купины
Давно ужъ люди не видали,
Но вотъ прелестныя Ромны
Ее намъ снова даровали».

---

[1]) Пій IX, отъ котораго до 1848 г. ожидали либеральныхъ реформъ.
[2]) Вождь оппозиціи во французскомъ парламентѣ.

Между прочимъ мнѣ припоминается еще одно поэтическое произведеніе Герцена, родъ эпиграммы на Илью Вас. Селиванова, автора «Повѣстей безумнаго» и, кажется, другихъ литературныхъ произведеній, малоизвѣстныхъ и въ то время. Герценъ написалъ и распѣвалъ на голосъ марсельезы:

«Илья Васильичъ Селивановъ
А Фавстовна его жена,
Мальчишка Митька изъ болвановъ
И гувернантка со слона».

или «сослана», такъ какъ эта гувернантка была, говорятъ, огромнаго роста, а около того же времени подверглась изгнанію изъ семьи Селиванова. Не избѣгъ насмѣшекъ и Сатинъ, франтъ и любезникъ: Герценъ увѣрялъ, что онъ носитъ «блендазюровыя» (bleu d'azur) панталоны, а страсть Сатина къ перчаткамъ отмѣтилъ ребусомъ, нарисовавъ свертокъ ткани, горшокъ и мужчину, купающаго въ ваннѣ дѣтей, что̀ должно было читаться такъ: satin—pot—купаетъ pèrе чадки.

Герценъ шутилъ и надъ Грановскимъ, но эти шутки носили совершенно иной характеръ, во всякомъ случаѣ, невинный; отъ нихъ самъ Грановскій смѣялся первый. Такъ, когда я былъ совсѣмъ маленькимъ мальчишкой, можетъ-быть, лѣтъ трехъ, Герценъ училъ меня пѣть пѣсенку:

По улицѣ по Петровской,
За шампанскимъ шелъ Грановскій.

Дѣло въ томъ, что шампанское въ ихъ сборищахъ играло значительную роль, а «по улицѣ по Петровской» значитъ къ Депре. Герценъ поднялъ на смѣхъ одну черту Грановскаго, впрочемъ весьма почтенную: Грановскій нерѣдко предпочиталъ бесѣдѣ, хотя бы интересной и забавной, чтеніе какой-нибудь книги. А Герценъ былъ самый праздный изъ членовъ этого кружка. Онъ одинъ изъ нихъ всѣхъ обладалъ независимымъ состояніемъ, нигдѣ не служилъ и, заходя, бывало, къ Грановскому и къ другимъ въ любое время, порядочно мѣшалъ имъ, когда была какая-нибудь срочная работа. Потому онъ подсмѣивался надъ Грановскимъ, что онъ будто бы пользуется каждой минутой для того, чтобы почитать. Однажды они сидятъ въ театрѣ рядомъ въ креслахъ. Антрактъ. Герценъ вытаскиваетъ свою визитную карточку, подаетъ ее Грановскому и говоритъ: «Вотъ, Грановскій, почитай».

Въ то время, конечно, я не могъ оцѣнить той роли, которую Грановскій игралъ въ обществѣ, и его отношеніе къ разнымъ пред-

ставителямъ этого общества. Помню, и тогда я слыхалъ слово «славянофилы» и зналъ, что это люди не того круга, къ которому принадлежали мой отецъ, Грановскій и большинство собиравшихся у насъ. Насколько мнѣ извѣстно и сколько я могъ заключить изъ того, что̀ случайно до меня доносилось, отношенія Грановскаго и Герцена къ славянофиламъ были нѣсколько различны. Герценъ былъ рѣшительный западникъ, точно такъ же, какъ и Грановскій, но у Грановскаго казалось значительно меньше общаго со славянофилами, нежели у Герцена. Можетъ-быть, это объясняется просто тѣмъ, что Грановскій относился къ своимъ убѣжденіямъ гораздо болѣе серьезно, нежели Герценъ, даже въ мелочахъ. Грановскій вообще при всей своей общительности, при всей своей гуманности отнюдь не былъ склоненъ къ легкомысленному обращенію съ какимъ бы то ни было вопросомъ или предметомъ. Герценъ ѣзжалъ къ славянофиламъ, нерѣдко съ ними спорилъ, особенно съ Хомяковымъ, съ которымъ состязался даже охотно отчасти изъ любви къ словопреніямъ, отчасти ради забавы. Дѣло въ томъ, что Хомяковъ, какъ я слыхалъ отъ современныхъ ему западниковъ, человѣкъ очень умный и разносторонне образованный, нерѣдко говорилъ, повидимому, не совсѣмъ искренно, т.-е. можно было заподозрить, что онъ не вполнѣ вѣрилъ или не въ такой мѣрѣ вѣрилъ въ общіе славянофильскіе идеалы, какъ это онъ показывалъ другимъ. Я помню, напр., такой разсказъ. Однажды Хомяковъ спорилъ съ западниками въ тѣсномъ кружкѣ—кажется, при этомъ былъ и Герценъ—о византійскомъ искусствѣ, особенно объ иконописи. Западники, разумѣется, наижесточайшимъ образомъ нападали на это искусство и ставили живопись западную гораздо выше восточной. Хомяковъ всячески доказывалъ превосходство второй надъ первой и, будучи поставленъ въ неловкое положеніе, такъ какъ защищалъ тезисъ сомнительнаго достоинства, отчасти, можетъ-быть, просто по тому, что ему надоѣло спорить, хоть до спора онъ былъ охотникъ, — вдругъ сказалъ: «Что вы спорите? Вотъ вамъ доказательство: ужъ если Византіецъ напишетъ какую-нибудь вещь, то она ни на что не похожа». Грановскому эта черта не нравилась.

Въ этотъ періодъ своего дѣтства я у Грановскаго не бывалъ; онъ былъ женатъ, но дѣтей у него не было, и не зачѣмъ было къ нему таскать маленькихъ ребятъ; поэтому я его въ домашней обстановкѣ за это время не знаю. Изъ его тогдашнихъ слугъ я помню только одного чернобородаго кучера Василья. Грановскій хотя и былъ бѣденъ, тѣмъ не менѣе одно время держалъ пролетку и весьма заслуженную лошадь: въ тѣ годы свой экипажъ водился у многихъ. Этотъ кучеръ Василій преимущественно мнѣ памятенъ по тому, что однажды онъ какъ-то наѣхалъ на тротуаръ; подушка на сидѣньѣ перевернулась, Гранов-

скій вылетѣлъ изъ пролетки и о тумбу переломилъ себѣ скуловую кость. У него долго былъ синякъ; кажется, слѣды этого перелома были замѣтны и потомъ; по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ портретахъ лѣвый глазъ у Грановскаго какъ будто нѣсколько меньше праваго.

На лѣто 1847 г. наше семейство вмѣстѣ съ Грановскимъ и его женой наняли одну большую дачу въ Ильинскомъ. Ильинское тогда было въ частныхъ рукахъ; оно принадлежало графу Остерману-Толстому, который впрочемъ тамъ никогда не жилъ. Домъ, который они наняли, былъ самый большой изъ сдававшихся тамъ въ наймы; онъ назывался Миловидомъ, потому что стоялъ на высокомъ мѣстѣ, съ котораго далеко было видно. Вообще Ильинское въ то время, по крайней мѣрѣ, было чрезвычайно живописной мѣстностью; оно расположено на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Тамъ былъ очень хорошій паркъ, въ которомъ было нѣсколько дачъ съ замысловатыми названіями—Сторожевой Домикъ, Нечуй-горя, Пустынька. Былъ тамъ и деревянный, на-глухо забитый театръ и другіе остатки барскихъ затѣй; въ самомъ концѣ парка, противоположномъ Миловиду, красовались развалины чего-то, что должно было, повидимому, изображать рыцарскій замокъ изъ краснаго кирпича; далѣе вдоль Москвы-рѣки шла очень хорошая березовая роща, примыкавшая къ деревнѣ Александровкѣ, а на другомъ берегу рѣки стоялъ порядочный лѣсъ, въ которомъ осенью выли волки.

Такимъ образомъ лѣтомъ мы жили вмѣстѣ съ Грановскимъ. Можно подумать, что у меня о Грановскомъ сохранилось именно изъ этого времени очень много воспоминаній; къ сожалѣнію, это не такъ. Дѣло въ томъ, что я Грановскаго видѣлъ довольно мало; въ нашихъ общихъ прогулкахъ, болѣе или менѣе далекихъ, онъ не участвовалъ; гулялъ вообще онъ довольно мало; повидимому, онъ больше всего сидѣлъ дома и читалъ. Къ нему пріѣзжалъ разный народъ изъ Москвы; изъ числа этихъ посѣтителей я помню брата жены Грановскаго, Ѳ. Богд. Мюльгаузена, Вас. Петр. Боткина, Н. Христ. Кетчера и довольно извѣстную въ свое время поэтессу, которую впрочемъ признавали не всѣ, Каролину Карл. Павлову. Теперь самое имя ея едва ли кому было бы знакомо, если бы академикъ А. Ѳ. Кони не извлекъ его изъ забвенія. Я ее видѣлъ тогда въ первый и послѣдній разъ. Она меня поразила своимъ мужественнымъ видомъ и голосомъ. Это была одна изъ поклонницъ Грановскаго, о которыхъ мнѣ придется еще говорить послѣ. Въ слѣдующемъ 1848 г. мы также жили съ Грановскимъ въ Ильинскомъ, но уже отдѣльно: онъ—въ Миловидѣ, а мы—въ Сторожевомъ Домикѣ.

Я упомянулъ 1848 г. Извѣстно, что на событія этого года въ Европѣ Грановскій отзывался весьма живо, но я надѣюсь, что никто не ожидаетъ отъ меня личныхъ воспоминаній по этому поводу.

Въ 1849 г. наше семейство переѣхало въ Петербургъ. Тамъ я Грановскаго видѣлъ, должно-быть, одинъ разъ; онъ пріѣзжалъ именно въ началѣ 1854 г. по дѣламъ службы; остановился онъ у насъ. Онъ долженъ былъ явиться къ министру и по этому поводу облачился въ мундиръ. Въ тѣ времена иначе немыслимо было появленіе передъ ясными очами министра, какъ только въ полной парадной формѣ. Одѣтый такимъ образомъ, уже передъ самымъ отъѣздомъ въ министерство, онъ пилъ съ нами утренній чай. Кто-то изъ моихъ братьевъ взобрался на его стулъ и сталъ разсматривать шитье на воротникѣ, изображающее лавры съ ягодами. Мы въ то время, разумѣется, были склонны объяснять всѣ неизвѣстныя явленія болѣе извѣстными намъ; поэтому знаменитую лавровую ягоду, baca lauri, братъ принялъ за жолудь и спросилъ: «Грановскій, отчего у тебя на воротникѣ жолуди»? Онъ отвѣчалъ: «Это, душенька, по тому, что мы свиньи». Тогда же онъ говорилъ моему отцу—это я узналъ послѣ—обо мнѣ, а именно спрашивалъ, что̀ отецъ намѣренъ со мной дѣлать, и посовѣтовалъ ему отправить меня къ нему, Грановскому, въ Москву, такъ какъ въ Москвѣ въ это время процвѣталъ пансіонъ Циммермана, по его мнѣнію, чуть ли не лучшее среднее учебное заведеніе въ Россіи. И въ этомъ отношеніи онъ, можетъ-быть, былъ правъ. Романъ (т.-е. собственно Робертъ) Ивановичъ Циммерманъ, докторъ Кёнигсбергскаго университета, умный, гуманный и широко образованный человѣкъ, пользовался глубокимъ уваженіемъ и пріязнью со стороны Грановскаго и платилъ ему тѣмъ же.

Въ сентябрѣ 1854 г. меня отправили въ Москву; я поступилъ въ этотъ пансіонъ, а по праздникамъ приходилъ къ Грановскому. Грановскій въ это время жилъ у Харитонія въ Огородникахъ, въ домѣ своего друга, Н. Гр. Фролова. Это былъ небольшой особнякъ съ мезаниномъ; внизу помѣщались всѣ жилыя комнаты, гостиная и столовая, а въ мезанинѣ былъ довольно обширный кабинетъ, и съ нимъ сообщалась небольшая комната, гдѣ стоялъ умывальникъ Грановскаго, двѣ полки книгъ, которыя ему были меньше нужны, и диванъ, на которомъ я спалъ, когда приходилъ по праздникамъ къ Грановскому. Изъ этого кабинета внизъ вела винтовая лѣстница. Акварельное изображеніе этого кабинета, каковъ онъ былъ при Грановскомъ, извѣстенъ мнѣ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ А. Вл. Станкевичу, другу и біографу Грановскаго, другой — моему отцу, а по его смерти перешелъ вмѣстѣ съ письменнымъ столомъ Грановскаго въ мою собственность. Въ домѣ Фролова я снова встрѣтилъ знакомыхъ мнѣ еще съ житья въ Ильинскомъ вѣрныхъ и преданныхъ слугъ Грановскаго и его жены, Тихона и Настасью, нѣжную, супружескую чету, о добротѣ и заботливости которой я вспоминаю съ благодарностью.

Въ этомъ домѣ я видалъ у Грановскаго очень много разныхъ посѣтителей. Изъ его друзей я тамъ, кажется, никогда не встрѣчалъ Циммермана. Грановскій больше самъ бывалъ у Циммермана и его пріятеля Ахенбаха; это былъ нѣмецкій кружокъ, въ которомъ Грановскій очень охотно проводилъ время. У него на дому довольно часто бывалъ Пикулинъ, докторъ, который его лѣчилъ и которому нѣкоторые приписывали даже отчасти безвременную кончину Грановскаго, такъ какъ онъ напоилъ его шампанскимъ, какъ говорили, тогда какъ это было ему вредно. Еще бывали Мих. Сем. Щепкинъ, знаменитый актеръ, Кетчеръ, извѣстный переводчикъ Шекспира; Ѳед. Богд. Мюльгаузенъ, проф. финансоваго права, братъ его жены, Елизаветы Богд.; Дан. Дан. Шумахеръ, который былъ женатъ на сестрѣ Елиз. Богд., Юліи Богд. Иногда приходили болѣе или менѣе случайные посѣтители, отчасти и такіе, которые лишь проѣздомъ бывали въ Москвѣ. Я помню, впервые я тамъ встрѣтилъ Чичерина, тогда молодого человѣка, только что вернувшагося изъ своего перваго заграничнаго путешествія; также доктора Ново-Екатерининской больницы Гро; теперь онъ неизвѣстенъ, но тогда былъ популяренъ и любимъ больными, которыхъ очень хорошо передразнивалъ за обѣдомъ у Грановскаго Пикулинъ. Гро лѣчилъ паралитиковъ; и вотъ Пикулинъ разсказывалъ, какъ онъ приходилъ въ его палату и допрашивалъ его паціентовъ относительно успѣховъ ихъ лѣченія, и при этомъ онъ преуморительно передразнивалъ одного изъ этихъ больныхъ, который, говоря, что, дай Богъ здоровья этому доктору, онъ можетъ ложку ко рту поднести, выдѣлывалъ рукой сложные и замысловатые зигзаги, пока, наконецъ, попадалъ концомъ ложки себѣ въ щеку. Гро хохоталъ, а Грановскій еще больше.

Посѣщали Грановскаго также дамы, его поклонницы, и посѣщали довольно часто. Я уже упомянулъ о Каролинѣ Карловнѣ Павловой; къ числу болѣе или менѣе извѣстныхъ поклонницъ принадлежала также графиня Сальясъ де Турнемиръ (по псевдониму—Евгенія Туръ). У Грановскаго въ кабинетѣ на столѣ стояло бронзовое прессъ-папье въ видѣ дамской ножки, изящно обутой, въ настоящую величину, хотя на дѣлѣ, можетъ-быть, нѣсколько меньше; Грановскаго дразнили тѣмъ, будто бы это ножка граф. Сальясъ; насколько это вѣрно — не знаю. Кромѣ графини, у Грановскаго часто бывали три сестры Новосильцевы, изъ которыхъ двѣ, по крайней мѣрѣ, были болѣе или менѣе извѣстны въ литературѣ: одна писала подъ именемъ Колычева, другая, по мужу Энгельгардтъ, — подъ именемъ Ольги Н. Жена Грановскаго, Елиз. Богд., къ этимъ посѣщеніямъ относилась весьма благодушно; и она была совершенно права: Грановскій ее очень любилъ; они были, дѣйствительно, въ самой тѣсной, нѣжной дружбѣ, а надъ этими дамами онъ

подсмѣивался или, если другіе подсмѣивались, этому сочувствовалъ; правда, иногда пытался защищать ихъ, но довольно слабо.

Кто еще бывалъ у Грановскаго въ довольно большомъ количествѣ, такъ это студенты. Студентовъ Грановскій принималъ, кажется, во всякое время, и я помню, какъ, бывало, въ праздникъ придетъ къ нему какой-нибудь студентъ, и Грановскій долго съ нимъ сидитъ и объясняетъ ему какой-либо научный вопросъ или ободряетъ его; сплошь и рядомъ помогалъ онъ студентамъ и денежно, хотя самъ постоянно нуждался.

Сильное впечатлѣніе на Грановскаго произвела наша война сначала съ Турціей, а потомъ съ Англіей, Франціей и Италіей. За Севастопольской кампаніей онъ слѣдилъ по газетамъ и глубоко скорбѣлъ о нашихъ ошибкахъ и неудачахъ. Между прочимъ онъ высказывался противъ тѣхъ, которые говорили, что, чѣмъ больше насъ будутъ бить, тѣмъ лучше, потому что только при такихъ условіяхъ мы можемъ надѣяться на то, что у насъ явятся болѣе или менѣе либеральные порядки. Но я никакъ не употребилъ бы для характеристики тогдашняго настроенія Грановскаго того слова, которое я прочелъ въ газетномъ интервью со мною же, а именно, что онъ въ то время будто бы нервничалъ. Грановскій никогда не нервничалъ, и вообще то поколѣніе не нервничало, и самого этого слова «нервничать» тогда не было; это нѣчто совершенно новое, немыслимое 58 лѣтъ тому назадъ. Часто за обѣдомъ происходили разговоры о тогдашнихъ событіяхъ; Грановскій, если услышитъ какую-нибудь новость о положеніи дѣлъ на войнѣ, разсказывалъ ее гостямъ, и я бывалъ невольно слушателемъ этихъ разсказовъ, но понималъ въ нихъ, конечно, не все, да и рѣдко интересовался ими. Памятна мнѣ, между прочимъ, переданная Грановскимъ острота какого-то священника: въ разговорѣ о нашихъ тогдашнихъ врагахъ-англичанахъ, онъ сказалъ: «Богъ знаетъ, что это за народъ; да и языкъ у нихъ какой? «а» у нихъ произносится за «е». Вотъ у насъ, напр., если пишется «частный приставъ», всякій такъ и говоритъ, а «честный приставъ» никто не скажетъ».

Общительность Грановскаго была прямо поразительна: какъ благодушно встрѣчалъ онъ всякаго, кто къ нему приходилъ, и какъ охотно жертвовалъ своимъ временемъ, во многихъ случаяхъ прямо теряя его! Насколько, въ самомъ дѣлѣ, была ему пріятна эта потеря — другой вопросъ; но онъ никогда не показывалъ никакого признака неудовольствія. Вообще это былъ человѣкъ доброты необычайной. Его благожелательность доходила до того, что ему казалось тяжелой необходимость осужденія относительно даже историческихъ личностей, давнымъ-давно сошедшихъ въ могилу. Я припоминаю между прочимъ такой случай: тогда только что вышла диссертація еще совершенно молодого Степ. Вас. Ешевскаго

«Аполлинарій Сидоній». Грановскій хвалилъ эту диссертацію и ставилъ ея автора очень высоко, но не одобрялъ выбора предмета для своего перваго труда, такъ какъ Ешевскій, съ одной стороны, отдавая справедливость литературной даровитости своего героя, съ другой не могъ не отмѣтить отрицательныхъ чертъ его характера и дѣятельности. Хотя самъ Грановскій, въ качествѣ безпристрастнаго историка, поступилъ бы, вѣроятно, такъ же, но онъ сдѣлалъ бы это болѣе мягко — если бы только взялся за изображеніе такого сомнительнаго героя въ спеціальномъ изслѣдованіи; а вотъ на это-то онъ едва ли и рѣшился бы, особенно въ самомъ началѣ своего научно-литературнаго поприща.

Относительно общительности Грановскаго, вѣроятно, можно еще найти кое-что въ тѣхъ относящихся къ нему бумагахъ, которыя находятся теперь большей частью, насколько мнѣ извѣстно, въ Историческомъ музеѣ. Это, если не исключительно, то преимущественно, письма Грановскаго. Правда, переписка Грановскаго издана была покойнымъ Алекс. Влад. Станкевичемъ, но не вся. Это объясняется двумя причинами. Во первыхъ, нѣкоторыя письма Александръ Владимировичъ считалъ такими ничтожными по содержанію, что не стоило ихъ обнародывать. Порядочное количество ихъ написано карандашомъ на клочкахъ бумаги. Нѣсколько образчиковъ такихъ записокъ есть и въ изданіи А. В. Станкевича. Адресованы онѣ обыкновенно женѣ и содержатъ въ себѣ приблизительно слѣдующее: «Не жди меня къ обѣду; со мной встрѣтился такой-то и меня похитилъ» или «задержалъ» и т. п. Это, пожалуй, извѣстнаго рода податливость, тѣсно связанная съ его добротою; но его любовь къ обществу имѣла и болѣе глубокое основаніе, чѣмъ уступчивость или потребность развлеченія: Грановскій, если не сознавалъ, то чувствовалъ себя учителемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, — учителемъ общественнымъ, учителемъ всего, что онъ считалъ достойнымъ познанія и усвоенія, будь то свѣдѣнія или взгляды, въ пользѣ и правотѣ которыхъ онъ былъ убѣжденъ. Училъ онъ посредствомъ не однѣхъ лекцій — и не только университетскихъ или публичныхъ, а и частныхъ, безвозмездныхъ, какія онъ читалъ у себя на дому И. Е. Забѣлину и К. Т. Солдатенкову или въ дружескомъ кругу, напр., у Станкевичей въ ихъ имѣніи Удеревкѣ лѣтомъ 1855 г. (очеркъ исторіи Пруссіи). Онъ училъ всякаго, кто искалъ поученія, училъ то словомъ, то примѣромъ, никому не навязывая ни своей умственной помощи ни своихъ мнѣній и ничѣмъ не давая чувствовать свое превосходство, котораго впрочемъ онъ по большей части и не признавалъ. Какъ эта скромность, такъ и его рѣдкая терпимость къ понятіямъ инако мыслящихъ позволяютъ утверждать съ полной увѣренностью, что учительство — не школьное, а общественное — было его естественнымъ призваніемъ, не всегда сознаваемымъ, такъ какъ иначе оно и вы-

ражалось бы настойчивѣе и самодовольнѣе, но почти постоянно заявлявшимъ ему о себѣ въ видѣ ощущенія избытка способностей и любви къ ближнему. И эти чувства дѣйствовали въ немъ тѣмъ сильнѣе, что онъ принадлежалъ къ числу натуръ страстныхъ, чѣмъ объясняется и его наклонность къ азартнымъ карточнымъ играмъ.

Такова, какъ мнѣ кажется теперь, главная основа необыкновенной въ ученомъ общественности Грановскаго, мѣшавшей его занятіямъ гораздо больше, нежели карты. Если эта такъ сказать, проповѣдническая сущность его общенія съ людьми, иногда едва знакомыми, мало отразилась въ его письмахъ, это зависѣло, вѣроятно, отъ того, что проповѣдь устную онъ всегда предпочиталъ письменной, и хотя все то немногое, что̀ онъ написалъ, представляетъ собою художественныя произведенія, главная его сила лежала въ живомъ словѣ, выразительномъ, точномъ, ясномъ, изящномъ, убѣдительность котораго еще увеличивалась обаяніемъ его личности. Потому-то чуть ли не главнымъ письменнымъ памятникомъ его общительности остались эти ничтожныя записочки женѣ о томъ, чтобъ она не ждала его къ обѣду и т. п., изъ которыхъ человѣкъ, не имѣющій понятія о Грановскомъ, легко можетъ вывести о немъ совершенно превратныя заключенія.

Мысль о такой возможности и составляетъ другую причину, по которой А. В. Станкевичъ исключилъ изъ своего изданія нѣкоторыя письма Грановскаго, гораздо болѣе обширныя и важныя, чѣмъ только-что упомянутыя записочки. Благоговѣя передъ памятью Грановскаго, онъ неохотно обнаруживалъ то, что̀ могло, по его мнѣнію, положить на нее хоть какое-нибудь пятно. Разумѣется, ни о какомъ дѣйствительномъ пятнѣ здѣсь не могло быть и рѣчи. Но Грановскій не во всемъ сходился со Станкевичемъ, и вотъ именно нѣкоторыя изъ этихъ разногласій Станкевичъ колебался обнаруживать передъ непосвященными въ ихъ отношенія—не для того, конечно, чтобы выдавать Грановскаго за своего безусловнаго единомышленника, а потому, что кое-какія частности, въ которыхъ они расходились, противорѣчили тому образу Грановскаго, который сложился въ его представленіи на основаніи всей суммы воспоминаній и свѣдѣній о немъ послѣ его смерти. Я помню, напр., неудовольствіе Станкевича моимъ отцомъ за то, что онъ обнародовалъ письмо Грановскаго къ нему, писанное изъ Москвы въ Петербургъ. Письмо приблизительно такого содержанія: «Ты, Евгеній, все стремишься въ Москву, все тоскуешь по Москвѣ. Это по тому, что ты Москву мѣришь на прежній аршинъ. Ты не думай, что она такова, какой она была, когда ты ее покинулъ. Нѣтъ, теперь все измѣнилось». Между прочимъ Грановскій довольно сурово отзывается о Кетчерѣ, въ которомъ онъ сильно разочаровался къ концу жизни. Затѣмъ, именно въ виду того, что Станкевичъ

такъ берегъ память Грановскаго, возможно, что между неизданными имъ письмами найдутся такія, которыя содержатъ въ себѣ намеки на извѣстную слабость Грановскаго къ карточной игрѣ, — жалобы на проигрышъ, просьбы о ссудѣ для уплаты карточнаго долга и т. п. Еще могутъ оказаться кое-какіе доселѣ неизвѣстные слѣды взглядовъ Грановскаго на различные философскіе и соціальные вопросы. Такъ, напр., хотя въ исторіи онъ въ послѣдніе годы своей жизни считалъ наиболѣе трезвымъ методомъ естественно-историческій, однако матеріализмъ ему былъ глубоко противенъ. Изъ-за этого у него съ Герценомъ еще до 1847 г., когда послѣдній уѣхалъ за границу, бывали довольно крупныя размолвки.

Опасенія Станкевича относительно возможности превратнаго пониманія отдѣльныхъ чертъ въ жизни и характерѣ Грановскаго, къ сожалѣнію, оказались не напрасными. Біографія Грановскаго, написанная Станкевичемъ, впервые представила позднѣйшимъ поколѣніямъ глубоко-поучительный и трогательный образъ этого замѣчательнаго человѣка и дѣятеля, но многіе изъ тогдашней молодежи, воспитанные на сочиненіяхъ Фейэрбаха, Молешотта, Бюхнера, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и т. п., никакъ не могли примирить либерализмъ Грановскаго съ его идеализмомъ и религіозностью, хоть отнюдь не церковною, и потому или признавали его самого недостойнымъ расточаемыхъ ему похвалъ или подозрѣвали біографа въ тенденціозномъ изображеніи его личности. Такъ, изъ времени моего пребыванія въ Вѣнѣ (1869—1870 г.) мнѣ припоминается встрѣча съ извѣстнымъ впослѣдствіи дерматологомъ Полотебневымъ, который говорилъ о книгѣ Станкевича съ искреннимъ негодованіемъ, какъ о произведеніи клеветническомъ, потому что въ ней приписывается Грановскому вѣра въ загробную жизнь (а Грановскому эта вѣра была свойственна несомнѣнно). Какъ естественъ былъ такой отзывъ въ то время, можно усмотрѣть изъ придирокъ Писарева къ «Евгенію Онѣгину», вызвавшихъ извѣстную пародію Минаева. Другой примѣръ несправедливаго отношенія къ Грановскому я приведу изъ самаго послѣдняго времени. Въ замѣткѣ о Грановскомъ, появившейся въ «Московской Газетѣ» отъ 11-го марта, между прочимъ сказано, что къ концу своей жизни онъ до такой степени увлекался картами, что забросилъ свои лекціи. Это увѣреніе относится какъ разъ къ тѣмъ годамъ, когда я жилъ у Грановскаго. Я, правда, не могу утверждать, что онъ никогда по вечерамъ не отлучался въ клубъ и не игралъ въ карты. Но что онъ готовился къ лекціямъ, это я видалъ неоднократно своими глазами. Передъ лекціей онъ читалъ много и справлялся по разнымъ книгамъ. Затѣмъ въ самый день лекціи передъ отъѣздомъ въ университетъ, иногда наканунѣ, онъ вдругъ начиналъ ходить по кабинету. Кабинетъ былъ довольно

длинный; и вотъ, бывало, онъ ходитъ взадъ и впередъ, обдумывая, что̀ онъ скажетъ своимъ слушателямъ (а пишущимъ что-либо для своихъ лекцій я не видалъ его никогда). Какъ теперь, вижу его фигуру: въ сѣромъ халатѣ, опоясанномъ шнуромъ съ кистями; голова лысая, склоненная, со взоромъ, смотрящимъ въ полъ; руки заложены за спину. И такимъ образомъ онъ ходилъ часъ, полтора, и будущая лекція легко и стройно укладывалась въ его головѣ. Но, какъ онъ самъ говорилъ, ему не разъ доводилось внезапно съ каѳедры по вдохновенію говорить совсѣмъ не то, что̀ онъ приготовилъ, потому что дѣйствительно ему было свойственно вдохновеніе—вдохновеніе и ученаго, и оратора, и отчасти поэта. Кромѣ того, именно въ то время, о которомъ говоритъ фельетонистъ «Московской Газеты», Грановскій на моихъ глазахъ былъ занятъ одной спеціальной работой; именно ему было поручено министерствомъ составленіе учебника исторіи, и онъ много и съ увлеченіемъ работалъ надъ этой задачей. Но удивительное дѣло: до сихъ поръ, повидимому, не найдено ничего изъ этого учебника.

Что̀ касается университетскихъ отношеній Грановскаго, то, разумѣется, будучи тогда еще мальчикомъ, да и приходя къ нему только по праздникамъ, я зналъ очень мало. Слышалъ лишь какъ бы отзвуки его борьбы въ факультетѣ съ Шевыревымъ, отчасти съ Бодянскимъ и въ особенности съ Леонтьевымъ, по отношенію къ которому Грановскій позволилъ себѣ даже насмѣшку: по его словамъ, Леонтьевъ знаетъ, что кратчайшее разстояніе между двумя точками есть кривая линія.

Мнѣ лично приходилось съ Грановскимъ разговаривать очень мало, но тѣмъ не менѣе иногда все-таки я обращался къ нему. Помню, какъ-то одинъ разъ я ему предложилъ довольно наивный вопросъ объ Иванѣ Грозномъ и Тиберіи: который изъ нихъ лучше, или, пожалуй, хуже. Грановскій сказалъ, что хуже Иванъ Грозный, потому что у Тиберія была особая причина для жестокости въ видѣ множества личныхъ враговъ. Сколько мнѣ извѣстно, очень скоро послѣ этого Грановскій перемѣнилъ свой взглядъ на Ивана Грознаго подъ вліяніемъ Соловьева. Грановскій обращалъ вниманіе на мое чтеніе; я не зналъ его цѣли, но онъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ меня спеціалиста; это была, пожалуй, педагогическая ошибка, но онъ совсѣмъ не былъ педагогомъ: съ дѣтьми онъ никогда дѣла не имѣлъ, а мнѣ было тогда 11—12 лѣтъ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы я, взявъ книгу, непремѣнно прочитывалъ ее до конца. Онъ считалъ особенно полезнымъ для меня чтеніе путешествій, и далъ мнѣ книгу, по его мнѣнію, чрезвычайно занимательную: Путешествіе по Тибету Гука и Габэ. Но мнѣ она показалась очень скучной, и я, по правдѣ сказать, почти не читалъ ее. Грановскій замѣчалъ это и сердился. Къ сожалѣнію, мое второе знакомство съ Грановскимъ продолжалось очень не долго: въ сентябрѣ 1854 г. я пріѣхалъ въ

Москву, лѣтомъ 1855 г. я его не видалъ, потому что онъ гостилъ въ деревнѣ у Станкевича, а затѣмъ, вскорѣ по его возвращеніи въ Москву, 4-го октября того же года, онъ скончался. Я объ этомъ узналъ сначала отъ учителей, потомъ отъ Циммермана. Я былъ, конечно, очень огорченъ. Помню, что меня повезли на похороны; я былъ въ университетской церкви, видѣлъ его тѣло и пришелъ въ совершенный ужасъ отъ его вида: его анатомировали передъ этимъ; лицо его было совершенно обезображено. Затѣмъ помню огромное стеченіе народа и общее горе, которое вызвала эта смерть; это было, можно сказать, общимъ бѣдствіемъ всей сколько-нибудь интеллигентной Москвы. Вотъ, къ сожалѣнію все, что я могу сообщить. Если я выступалъ здѣсь въ качествѣ современника, то, по всей вѣроятности, мои почтенные слушатели сильно разочаровались въ своихъ ожиданіяхъ: но что можетъ сказать существеннаго современникъ малолѣтній?

Ѳ. Коршъ.

Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI [1]).

Синіе шнуры.

Генрихъ III, очень застѣнчивый, но на ряду съ этимъ и очень сластолюбивый, то проводилъ время въ оргіяхъ, то молился и основалъ подъ вліяніемъ раскаянія въ грѣхахъ орденъ «Святаго Духа». Этотъ важнѣйшій при старой монархіи орденъ процвѣталъ въ періодъ царствованія цѣлыхъ трехъ поколѣній. Членами его состояли лица самыхъ извѣстныхъ фамилій во Франціи, и званіе это было скорѣе почетно, чѣмъ выгодно; быть кавалеромъ ордена считалось честью, и каждое вакантное мѣсто бралось съ боя. Въ трехъ капитулахъ въ годъ предсѣдательствовалъ самъ король: велъ засѣданіе и принималъ выбранныхъ на предыдущемъ засѣданіи новыхъ членовъ. Засѣданія подъ предсѣдательствомъ короля происходили на Новый годъ, на Срѣтеніе и на Троицу. Въ эти дни кавалеры ордена, число которыхъ не превышало ста, присутствовали при «вставаніи» короля въ парадной формѣ, которая состояла изъ черной бархатной одежды, отдѣланной зеленымъ атласомъ съ золотой вышивкой. Сверху надѣвался синій шнуръ и плащъ, тоже изъ чернаго бархата, прикрѣпленный къ ожерелью, составленному изъ вензелей Генриха III и эмалевыхъ медалей съ трофеями ордена. Книзу свѣшивалась восьмиконечная звѣзда; такая же звѣзда была вышита серебромъ и на плащѣ.

Послѣ «вставанія» происходило засѣданіе въ залѣ совѣта. Приставъ оглашалъ имена вновь принятыхъ въ орденъ кавалеровъ, а затѣмъ начиналась процессія въ капеллу черезъ главные апартаменты. Шествіе открывали пристава и должностныя лица (huissier). За ними шли вновь вступающіе, одѣтые по модѣ временъ перваго учредителя ордена, т.-е. въ чулкахъ съ отворотами, бѣлыхъ атласныхъ штанахъ, черныхъ бархатныхъ башмакахъ, курткахъ изъ тканаго серебрянаго муара, отдѣланныхъ кружевомъ, въ маленькихъ плащахъ изъ чернаго дама и въ шапочкахъ съ перомъ цапли на приподнятомъ боку, прикрѣпленномъ брильянтовымъ аграфомъ. Этотъ

---

[1]) См. № 6 «Голосъ Минувшаго».

изысканный костюмъ былъ очень красивъ на молодежи, но часто казался смѣшнымъ на человѣкѣ пожиломъ...

За вновь вступающими шли парами всѣ кавалеры ордена въ порядкѣ вступленія. Шествіе заканчивалось принцами и королемъ со всей его семьей...

Послѣ богослуженія, совершавшагося прелатомъ, командоръ ордена, король, садился на тронъ, который былъ покрытъ зеленымъ бархатомъ, усыпаннымъ вышитыми золотыми бликами и стоялъ рядомъ съ Евангеліемъ. Распорядители вводили вновь вступающаго въ сопровожденіи крестныхъ отцовъ, выбранныхъ изъ старыхъ кавалеровъ. Съ безконечными реверансами, не въ видѣ поклоновъ, а съ колѣносгибаніемъ, какъ дѣлаютъ это женщины, они приближались къ трону. Новенькій становился у ногъ короля, произносилъ клятву по статуту ордена, затѣмъ ему надѣвали колье и бархатную мантію, вышитую золотомъ, на оранжевой подкладкѣ и такого же цвѣта оплечье. Ему давали также четки и молитвенникъ, содержащій краткую службу Святому Духу съ приказомъ читать эти молитвы ежедневно. Врядъ ли этотъ приказъ строго соблюдался кавалерами, но Людовикъ XVI слѣдовалъ уставу точно; да это въ сущности было не очень трудно и занимало ежедневно не больше четверти часа.

По окончаніи церемоніи, короля сопровождали въ его покои, въ томъ же порядкѣ, какъ и при его выходѣ. Въ число членовъ ордена принимались люди не моложе тридцати лѣтъ. Принцы зачислялись въ него послѣ перваго причастія, а сыновья короля со дня рожденія...

Орденъ Св. Духа былъ уничтоженъ декретомъ Національнаго Собранія въ 1791 г.

Lits de justice.

Мнѣ пришлось два раза присутствовать на тѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ, гдѣ высшее государственное учрежденіе вступало въ борьбу съ королевской властью. Въ послѣдніе годы существованія монархіи парламентъ часто стремился присвоить себѣ функціи и совѣщательныя и законодательныя...

И какъ далека была прежняя пассивная оппозиція отъ этихъ многочисленныхъ попытокъ возвысить свою власть до уровня или даже выше королевской; отъ этихъ частыхъ отказовъ утвердить законы, мудрость которыхъ была всѣмъ очевидна особенно въ вопросѣ о новыхъ налогахъ; отъ этихъ протестовъ, отъ этого упорнаго сопротивленія, которое вызывало строгость монарха, и, наконецъ, отъ этихъ глухихъ подпольныхъ интригъ, возбуждавшихъ народъ встать на защиту членовъ парламента, на которыхъ его пріучали смотрѣть, какъ на трибуновъ. Такимъ образомъ самъ парламентъ непосред-

ственно и смѣло рылъ пропасть, которая и поглотила его вмѣстѣ съ монархіей. Первое lit de justice, на которомъ мнѣ пришлось присутствовать, было въ 1787 г., въ бытность министромъ Колонна, для утвержденія закона объ увеличеніи «двадцатой[1])»; и оппозиція парламента побудила короля созвать въ первый разъ нотаблей; это и вызвало паденіе Колонна. Второе засѣданіе, на которомъ я присутствовалъ, было созвано по почину кардинала де Бріенна, по случаю отказа парламента вписать нѣсколько указовъ и особенно указъ объ учрежденіи пленарнаго суда, въ которомъ онъ усматривалъ желаніе установить законодательную власть, превышающую его власть. На этотъ разъ сопротивленіе было очень упорное. Выступленія носили такой рѣзкій характеръ, что король передъ закрытіемъ засѣданія поднялся съ трона и голосомъ громкимъ и полнымъ негодованія воскликнулъ: «Вы слышали мою волю, я требую, что бы она была исполнена!»

Хочу вкратцѣ описать церемоніалъ этихъ собраній:

Въ Версалѣ засѣданія происходили въ большой залѣ охраны; тронъ помѣщался въ томъ углубленіи, гдѣ была дверь, выходящая на мраморную лѣстницу. Сначала, судя по историческимъ даннымъ, король возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, такъ какъ парламентъ собирался подъ открытымъ небомъ; съ того времени, какъ засѣданія стали происходить во дворцѣ, тронъ устраивался изъ мягкихъ подушекъ, и такъ какъ прежде такой тронъ назывался lit—постель, то отсюда и названіе lits de justice—трона, на которомъ король сидѣлъ во время засѣданія парламента. Тронъ составлялся изъ пяти подушекъ. На одной изъ нихъ сидѣлъ король, другая служила спинкой, двѣ ставились по бокамъ и служили опорой, а пятая лежала въ ногахъ. Тронъ былъ реставрированъ при Карлѣ V, а при Людовикѣ XII устроенъ заново, и думаютъ, что это тотъ самый тронъ, который остался до послѣдняго времени. Онъ былъ изъ лиловаго бархата, расшитаго золотыми цвѣтами лилій, и весь залъ былъ затянутъ такой же матеріей.

Собравшись, парламентъ ждалъ короля въ этой залѣ; король являлся, предшествуемый всей королевской фамиліей и депутаціей, состоявшей изъ парламентскаго президіума, которая встрѣчала его на верху лѣстницы.

Король бывалъ одѣтъ въ лиловое платье, такую же мантію и шляпу съ перьями, и всѣ офицеры были въ такихъ же костюмахъ, но другихъ цвѣтовъ.

Когда король садился на тронъ, у его ногъ помѣщался оберъ-камергеръ или его замѣститель... Рядомъ съ королемъ сидѣлъ оберъ-шталмейстеръ съ королевской шпагой, висящей у него на шеѣ;

---

[1]) Видъ налога. *Ред.*

КОНЦЕРТЪ ВЪ САДУ ТРІАНОНА.

(Изъ изданія «Les Plaisirs à Versailles». Paris. 1673 г.)

раньше ее несъ конетабль, до упраздненія конетаблей при Людовикѣ XIII.

Канцлеръ, или хранитель печатей, сидѣлъ въ креслѣ съ ручками и былъ одѣтъ въ пурпурное длинное одѣяніе. У подножія трона помѣщались дворцовые привратники съ золотыми булавами; это были остатки старинныхъ доспѣховъ сержантовъ, которые всегда сопровождали королей съ тѣхъ поръ, какъ «Старецъ съ Горы» покушался на жизнь Филиппа Августа. Сержанты были замѣнены привратниками, а оружіе, когда-то служившее для защиты, теперь употреблялось только для парадовъ. Посрединѣ паркета стояли на колѣняхъ герольды, одѣтые въ особыя туники или военную одежду изъ лиловаго же бархата. — По обѣимъ сторонамъ трона на разныхъ скамьяхъ помѣщались принцы крови, пэры, и свѣтскіе и духовные, маршалы Франціи, кавалеры Ордена и пр.

Садясь, король надѣвалъ шляпу, произносилъ довольно короткое вступительное слово и затѣмъ предоставлялъ уже канцлеру развивать свою мысль. Потомъ, смотря по обстоятельствамъ, и члены парламента, и приближенные короля—выступали съ рѣчами и дѣлали постановленія. Канцлеръ выслушивалъ приказы монарха, и кончалось все обыкновенно тѣмъ, что секретарь вносилъ въ списки указъ, дебатировавшійся въ засѣданіи, или уничтожалъ изъ нихъ протесты, оскорбительные по отношенію къ королевской власти...

Представленія.

Зимой съ декабря до Пасхи въ Версаль пріѣзжали изъ Парижа для придворныхъ спектаклей различныя труппы. По вторникамъ играли трагедію, по четвергамъ комедію, а по пятницамъ комическую оперу. Большая опера пріѣзжала только пять-шесть разъ за всю зиму — это бывало по средамъ. Людовикъ XVI предпочиталъ трагедію и комедію и часто присутствовалъ на драматическихъ представленіяхъ. Онъ обладалъ удивительной памятью, былъ хорошо знакомъ съ поэтами и тонко цѣнилъ ихъ; на драматическихъ представленіяхъ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ, но зато къ музыкѣ его совсѣмъ не тянуло, у него не было никакого слуха и въ оперѣ онъ только зѣвалъ. Никогда я не слышалъ, чтобы кто-нибудь такъ фальшивилъ въ пѣніи, какъ бѣдный король... Наоборотъ, музыку стиховъ Расина онъ глубоко понималъ и любилъ. Помню, какъ-то разъ въ Фонтенебло во время «опочиванія» кто-то заговорилъ о только что разыгранной трагедіи этого писателя. Одному изъ присутствующихъ вздумалось продекламировать оттуда нѣсколько стиховъ, но онъ ошибся; король сейчасъ же его поправилъ и самъ продекламировалъ всю сцену, удивительно вѣрно тонируя; онъ доказалъ этимъ свой вкусъ и знаніе.

Къ этой-то поѣздкѣ въ Фонтенебло я и отношу причину ненависти Шенье ко всѣмъ монархамъ вообще, а къ Людовику XVI въ особенности.

Тамъ играли въ первый разъ его первую трагедію «Аземира», сюжетъ которой былъ заимствованъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ. Возможно, что Шенье разсчитывалъ на большую снисходительность Двора, сравнительно съ городомъ, или просто былъ увѣренъ, что при королѣ никто не дерзнетъ свистать и пьеса избѣжитъ провала. Но надо сознаться, что трудно было написать вещь болѣе странную. Одинъ крестоносецъ, порабощенный прелестями какой-то мусульманки, какъ нѣкогда Рено, во дворцѣ Армиды остается у нея. Напрасно товарищи стараются пристыдить его за его слабость; никакія убѣжденія не могутъ открыть ему глаза и онъ остается глухъ ко всему, даже къ такому прекрасному воззванію: что скажутъ французы, что скажетъ твой старый отецъ? Эти плохіе стихи долженъ былъ декламировать актеръ Дориваль. У него было не особенно ясное произношеніе, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть хорошимъ актеромъ на роли резонеровъ, въ которыхъ онъ никогда не оговаривался, но на этотъ разъ у него такъ запутался языкъ, что вмѣсто того, чтобы сказать «ton vieux père» онъ сказалъ: que dira Dieu le Père?

Послышался гомерическій хохотъ, разсмѣялись даже сами актеры. Въ концѣ же четвертаго акта изъ глубины залы послышался пронзительный, долгій свистъ. Это было нѣчто неслыханное на придворныхъ представленіяхъ. Такое неуважительное проявленіе недовольства и направленіе свиста изъ рѣшетчатой королевской ложи все заставляетъ думать, что только самъ король могъ рѣшиться такъ свистать, и, вѣроятно, этотъ злополучный свистъ такъ подѣйствовалъ на барабанную перепонку бѣднаго Шенье, что заставилъ его выпустить свою чудовищную трагедію «Карлъ IX» и сдѣлалъ его непримиримымъ врагомъ монарховъ вообще [1]).

Вотъ, что пишетъ Ла-Гарпъ по поводу трагедіи «Аземира» будущему императору Павлу I. «Въ Фонтенебло сыграли трагедію «Аземира», произведеніе одного начинающаго поэта Шенье, не признающаго ни одного изъ нашихъ великихъ писателей; его трагедію освистали съ начала и до конца».

Версальскій залъ для спектаклей помѣщался въ правомъ отъ главнаго двора крылѣ дворца. Эта часть дворца была позднѣйшей стройки и совсѣмъ не гармонировала съ общимъ строгимъ стилемъ и темной окраской всего зданія временъ Людовика XIV. Въ залѣ

---

[1]) Рѣчь идетъ о Мари Жозефѣ Шенье, главномъ представителѣ революціонной драмы. Нужно ли говорить, что анекдотъ, приведенный авторомъ, является далеко недостаточнымъ основаніемъ для объясненія духа всѣхъ драмъ Шенье. *Ред.*

помѣщалось мало народа, но сцена была очень большая и на ней можно было ставить оперы съ самыми сложными постановками, машинами и огромнымъ количествомъ актеровъ. Въ залѣ были всѣ удобства, и внутренняя отдѣлка была удивительна. Ложи были отдѣланы голубыми муаровыми драпировками, у королевской ложи была рѣшетка и она помѣщалась внизу. Всякій, не имѣвшій по своему положенію права входа на спектакли, долженъ былъ записаться на полученіе билета у капитана охраны, который, въ силу своихъ обязанностей, отвѣчалъ за всякаго, приближавшагося къ особѣ короля. Камерпажи сидѣли въ ложѣ камергеровъ, откуда мы спускались по маленькой лѣстницѣ и разносили по театру приказы камергеровъ. Старый маршалъ Дюрасъ, большой дамскій угодникъ, часто посылалъ насъ за актрисами, онѣ приходили къ нему въ ложу, получали иной разъ комплиментъ, а иногда и поцѣлуй, а мы по его приказанію должны были, проводивъ ихъ назадъ, цѣловать имъ руку, и добродѣтельная Идамэ или гордая Аменаида сходила по крутой лѣстницѣ, опираясь не на руку мандарина или какого-нибудь сиракузскаго рыцаря, а просто на руку пажа со шляпой подъ другой рукой.

Часъ начала спектаклей назначался самимъ королемъ и зависѣлъ отъ ихъ продолжительности, потому что Людовикъ, не желая заставлять ждать являвшихся за приказами офицеровъ, уходилъ всегда ровно въ девять часовъ и отправлялся ужинать къ сестрѣ. Завѣдующій развлеченіями г-нъ Дезантель представлялъ королю утромъ программу спектакля, распредѣленіе ролей, имена актеровъ и докладывалъ о его продолжительности. Каждое представленіе обходилось не дешево, такъ какъ за актерами приходилось посылать лошадей въ Парижъ, и весь залъ, да и весь театръ, освѣщался свѣчами.

Оркестръ состоялъ изъ музыкантовъ придворной капеллы, и хотя въ немъ были и Безцоци, и Крейтцеръ, и Салантенъ, но все-таки онъ былъ не на высотѣ, потому что пѣвцы не привыкли къ музыкантамъ, а сами музыканты болѣе привыкли къ духовнымъ пѣснопѣніямъ, чѣмъ къ опернымъ аріямъ.

Кромѣ театральной залы, о которой я говорилъ, была еще другая, на сѣверномъ концѣ дворца, которая по красотѣ могла уступать только развѣ итальянскимъ. Тамъ рѣдко играли, потому что она была слишкомъ велика и требовала большихъ затратъ.

За четыре года моего пребыванія при дворѣ, тамъ не было дано ни одного спектакля. Это былъ самый большой театръ даже въ сравненіи съ парижскими; высота его достигала ста двадцати футовъ. Когда тамъ собирался весь дворъ, то зрѣлище было грандіозное. Безчисленныя люстры и блескъ уборовъ отражались въ зеркалахъ, наполнявшихъ ложи. Когда открывали трапы, то нельзя было безъ страха взглянуть въ глубь театра: какъ-то случилось, что туда свалился сынъ машиниста Булэ—онъ разбился насмерть.

Когда давался при дворѣ какой-нибудь праздникъ, то къ постояннымъ ложамъ пристроивались временныя въ нѣсколько рядовъ, и все это вмѣстѣ составляло красивый овалъ. Украшенія и позолота этихъ ложъ блестѣли такъ ярко, что, казалось, все усыпано драгоцѣнными камнями. Послѣдній праздникъ былъ данъ въ честь графа Дю Норъ, т.-е. русскаго императора Павла I, но тогда только иллюминовали всю залу...

Прибавлю еще ко всему сказанному, что въ этомъ же залѣ былъ данъ знаменитый обѣдъ гвардіи за нѣсколько дней до пятаго октября, къ чему и придрались въ этотъ достопамятный день...

Въ городѣ еще былъ одинъ зрительный залъ для публики. Въ глубинѣ его было нѣсколько ложъ, всегда занятыхъ кѣмъ-нибудь изъ ста пятидесяти восьми пажей, жившихъ въ Версалѣ. Это были своего рода полицейскій надзоръ за пьесами, за актерами и даже за партеромъ, что часто вызывало ссоры. Я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ. Какъ-то одинъ изъ пажей Большой конюшни, по имени Фребуа, вздумалъ пить горячую баваруазу на перилахъ ложи. Какому-то шутнику изъ партера вздумалось крикнуть: «Долой баваруазу!»

Фребуа невозмутимо всталъ, взялъ графинъ и вылилъ его спокойно въ партеръ. Сидящіе внизу смѣялись и толкали другъ друга, опасаясь отъ горячаго потока.

Въ этомъ же залѣ я слышалъ фразу, ясно доказывавшую, какъ уже мало было уваженія въ то время къ королевской семьѣ, присутствовавшей тутъ же въ ложѣ,—фразу, предсказывавшую почти судьбу этой семьи. Во время представленія оперы «Король Теодоръ въ Венеціи» въ 1788 г. въ той сценѣ, гдѣ довѣренный камердинеръ короля разсказываетъ хозяину дома Тадео о денежныхъ затрудненіяхъ своего принципала и нѣсколько разъ повторяетъ: «Что намъ дѣлать?» — изъ партера раздался голосъ: «Соберите нотаблей!»

Мнѣ остается только сказать о томъ, что весь Версаль существовалъ исключительно благодѣяніями двора и что, тѣмъ не менѣе, ни одинъ городъ не проявилъ такой жестокости по отношенію къ царствующему дому...

Балы королевы.

Мнѣ уже пришлось говорить о нѣкоторыхъ реформахъ, вслѣдствіе которыхъ уменьшилось то уваженіе къ королевской власти, которое помпа и роскошь естественно поддерживаютъ въ сердцѣ подданныхъ. Очаровательные праздники, о которыхъ я хочу говорить, казалось, избѣгли остракизма. Попрежнему на нихъ блистало дворянство, вся роскошь, достойная великаго короля, галантность, достойная всей Франціи. Они исчезли только послѣ г. де-Каллона, министра знаменитаго и очень способнаго, что бы тамъ

ни говорила клевета. Онъ старался поддержать послѣдній блескъ королевской власти. Если онъ, увеличивая дефицитъ и рылъ глубже пропасть, то на ряду съ этимъ онъ же сумѣлъ сильной рукой удержать на краю этой пропасти готовую рухнуть туда монархію, и онъ спасъ бы ее, если бы могъ найти въ окружающихъ достаточно безкорыстія и смѣлости, чтобы поддержать его проекты.

Съ 1787 года баловъ больше не давали; я видѣлъ ихъ только въ теченіе двухъ зимъ. Обыкновенно король давалъ ихъ для королевы еженедѣльно по средамъ съ начала года и до поста.

На этихъ балахъ камерпажамъ поручалось быть распорядителями. Явившись первыми, они ждали дамъ, провожали ихъ на ихъ мѣста, предлагали имъ освѣжительные напитки, вели ихъ къ столу, провожали до экипажей...

Въ той части дворца, которая тянется налѣво отъ королевскаго двора, былъ старинный залъ для спектаклей, покинутый, потому что онъ былъ слишкомъ узокъ. Тамъ-то и давались празднества. Къ нему пристраивалось нѣсколько деревянныхъ павильоновъ, хранившихся въ отелѣ Menus-Plaisirs, и такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ бывалъ готовъ и разукрашенъ обширный дворецъ. Расположеніе и отдѣлка часто мѣнялись, и залъ 1786 г. оказался однимъ изъ самыхъ элегантныхъ.

При входѣ прежде всего попадали въ зеленую боскетку, украшенную статуями, кустами розъ и заканчивавшуюся открытымъ храмомъ, гдѣ помѣщался билліардъ. Нѣсколько темная зелень бесѣдки подчеркивала яркое освѣщеніе въ билліардной. Направо маленькія аллеи вели къ танцовальной залѣ и въ игорныя комнаты, и чтобы играющіе могли любоваться танцами, но чтобы въ то же время не дуло, въ одну изъ дверей вставили огромное стекло, настолько прозрачное, что приходилось около ставить швейцара, чтобы какой-нибудь неловкій проходящій не вздумалъ итти напроломъ.

Бальный залъ представлялъ изъ себя длинный четыреугольникъ, куда приходилось спускаться по нѣсколькимъ ступенямъ. Вокругъ шла галлерея, гдѣ, не мѣшая танцующимъ, можно было прогуливаться и смотрѣть на нихъ между колоннъ; оттуда же смотрѣли лица, не представленныя, но имѣвшія право находиться въ окружавшихъ залу ложахъ, а пажи заботились, чтобы имъ также были предложены прохладительные напитки. На другомъ концѣ залы былъ буфетъ, и этимъ заканчивалась картина, открывавшаяся изъ игорной залы. Буфетъ помѣщался въ полукругѣ ротонды. Между огромными корзинами фруктовъ и печеній стояли большія старинныя урны съ ликерами, просвѣчивавшими при сильномъ освѣщеніи разными цвѣтами. Въ четырехъ мраморныхъ раковинахъ всю ночь били фонтаны, распространяя въ бальномъ залѣ мягкую прохладу, тогда какъ другія залы нагрѣвались многочисленными трубами отъ печей.

Все было предусмотрѣно. Въ отдаленной уборной дежурили двѣ горничныя, чтобы исправлять безпорядокъ, который быстрые и веселые танцы причиняли туалетамъ. И такъ какъ изъ-за расположенія залы подъ уборную можно было отвести только полукругъ, то тамъ поставили зеркала, создавшія полную иллюзію, такъ что она казалась ротондой.

Костюмы отличались элегантностью и простотой. Мужчины были въ нарядныхъ костюмахъ и танцовали въ шляпахъ съ плюмажемъ, что было и благородно, и очень изящно. Эта мода существовала, кажется, только при французскомъ дворѣ. Многіе мужчины были въ черномъ съ вышивкой изъ жэ (искусственная чешуя), отражавшей огни, благодаря чему костюмъ казался очень блестящимъ.

По этикету, чтобы быть допущеннымъ къ танцамъ, требовалось являться въ каретахъ, т.-е. быть представленнымъ. Всѣ присутствовавшіе по долгу службы не имѣли права танцовать и садиться за столъ къ ужину, не исключая и офицеровъ охраны; поэтому многіе изъ нихъ ухаживали за нами, чтобы мы ихъ пригласили за свой столъ, который накрывали въ особомъ залѣ.

Ужинъ подавался въ полночь въ прежней залѣ для спектаклей. Столы накрывались человѣкъ на двѣнадцать и обыкновенно занимались своей компаніей. Служили у стола лакеи короля и королевы. Блюда отличались изысканностью, тонкостью и обиліемъ. Часто и вся королевская семья ужинала на балахъ, но король являлся на балъ, только поужинавъ у себя въ девять часовъ. Онъ оставался на балу до часу и удалялся спать, сыгравъ одну партію въ трикъ-тракъ въ спеціально отведенномъ подъ эту игру маленькомъ салонѣ. Сторонникъ правильной жизни и очень нравственный, король не любилъ крупной игры. Онъ самъ рѣдко рѣшался проигрывать больше двухъ луи въ вечеръ. Какъ-то на одномъ изъ баловъ четверо юношей, изъ которыхъ я помню только одного — Бельзенса, убитаго въ Канѣ во время революціи, вели нѣсколько крупную игру на билліардѣ. Вошелъ король и освѣдомился, почему они не танцуютъ; они отвѣтили, что отдыхаютъ, и увѣрили его, что играютъ по маленькой. На слѣдующій день узнали, что проигрышъ дошелъ до тысячи пятисотъ или до тысячи восьмисотъ луидоровъ, и король сослалъ ихъ въ ихъ полки.

Несмотря на простоту и добродушіе Людовика XVI, его санъ и добродѣтель не могли не импонировать, и король, зная, что послѣ его ухода, балъ станетъ гораздо оживленнѣй, удалялся всегда рано. Сейчасъ же ослабѣвалъ этикетъ, и многіе старые и молодые холостяки, считавшіе себя слишкомъ старыми для этихъ развлеченій, рѣшались протанцовать кадриль или англійскій экосезъ. Ихъ можно было узнать по открытымъ головамъ, такъ какъ являлись они на балъ не для танцевъ и были не въ соотвѣтствующихъ костюмахъ.

Королева, мадамъ Елизавета, графъ д'Артуа, герцогъ Бурбонскій, уже не танцовавшіе, дѣлали тогда исключеніе, и никогда при Дворѣ не бывало такъ прилично и въ то же время такъ весело...

Только на зарѣ заканчивались эти блестящіе ночные праздники. Мы провожали дамъ до ихъ экипажей, предварительно угостивъ ихъ ужиномъ, и тогда только, наполнивъ карманы конфетами и апельсинами, оставшимися отъ великолѣпнаго ужина, которымъ и насъ кормили, мы шли на покой, вполнѣ нами заслуженный. Случалось иногда, что, несмотря на шумъ и веселье, нѣкоторые пажи не выдерживали и засыпали на балу.

Тріанонъ.

Пребываніе несчастной Маріи Антуанеты въ Маломъ Тріанонѣ или, какъ это называлось, «путешествія» давали больше всего пищи для клеветы ея врагамъ. По словамъ этихъ дворянчиковъ, тутъ-то и былъ тотъ подводный камень, о который разбивались всѣ ея нравственные устои, тутъ-то и было разореніе всей Франціи...

Сильно преувеличивали сумму, затраченную на постройку Тріанона, но въ сущности она не выходила за предѣлы вполнѣ допустимаго для великаго короля. Къ тому же онъ былъ построенъ Людовикомъ XV, и только улучшенія и отдѣлка соотвѣтственно новымъ вкусамъ и требованіямъ моды могутъ быть отнесены къ послѣднему царствованію...

Самый дворецъ — это четырехугольный павильонъ, украшенный въ коринѳскомъ стилѣ, небольшой, во всякомъ случаѣ скорѣе слишкомъ маленькій, чѣмъ слишкомъ большой для королевы Франціи...

Меблировка отличалась не роскошью, а изяществомъ, и многіе отели въ Парижѣ были гораздо больше замѣчательны...

Единственной роскошью въ кабинетѣ были два зеркала, которые механически поднимались изъ-подъ полу и закрывали окна и свѣтъ...

Въ столовой стоялъ знаменитый столъ, взятый изъ дворца Шуази, который какимъ-то секретнымъ механизмомъ съ помощью противовѣса спускался въ нижній этажъ для перемѣны блюдъ.

Три фасада Тріанона были совершенно различныхъ стилей, удивительно удачно приноровленныхъ другъ другу. Одинъ изъ фасадовъ, символически изображавшій Францію, выходилъ въ садъ, распланированный во вкусѣ Ле-Нотра [1]) и его современниковъ. Апельсинныя деревья вперемежку съ статуями, стоявшими въ нишахъ изъ зелени, украшали партеръ, заканчивавшійся заломъ для спектаклей, очень небольшимъ, но съ хорошей сценой, гдѣ можно было ставить самыя сложныя оперы. Мнѣ говорили, что на этой сценѣ нѣсколько разъ играла въ комедіи сама королева. Вѣрно

---

[1]) Извѣстный садовый декораторъ (1613—1700 гг.). *Ред.*

то, что въ сентябрѣ 1785 г. тамъ ставили въ очень интимномъ кружкѣ «Севильскаго цирюльника». Королева играла очень изящно и правдиво Розину, графъ д'Артуа-Фигаро и де Водрейль исполнялъ роль графа Альмавива, а роли Бартоло и Базиля играли господа де Гишъ и де Круссоль. Пьеса прошла съ рѣдкимъ въ такихъ свѣтскихъ собраніяхъ ансамблемъ.

Самъ Людовикъ XVI никогда не выступалъ, какъ актеръ. У него было много важныхъ заботъ...

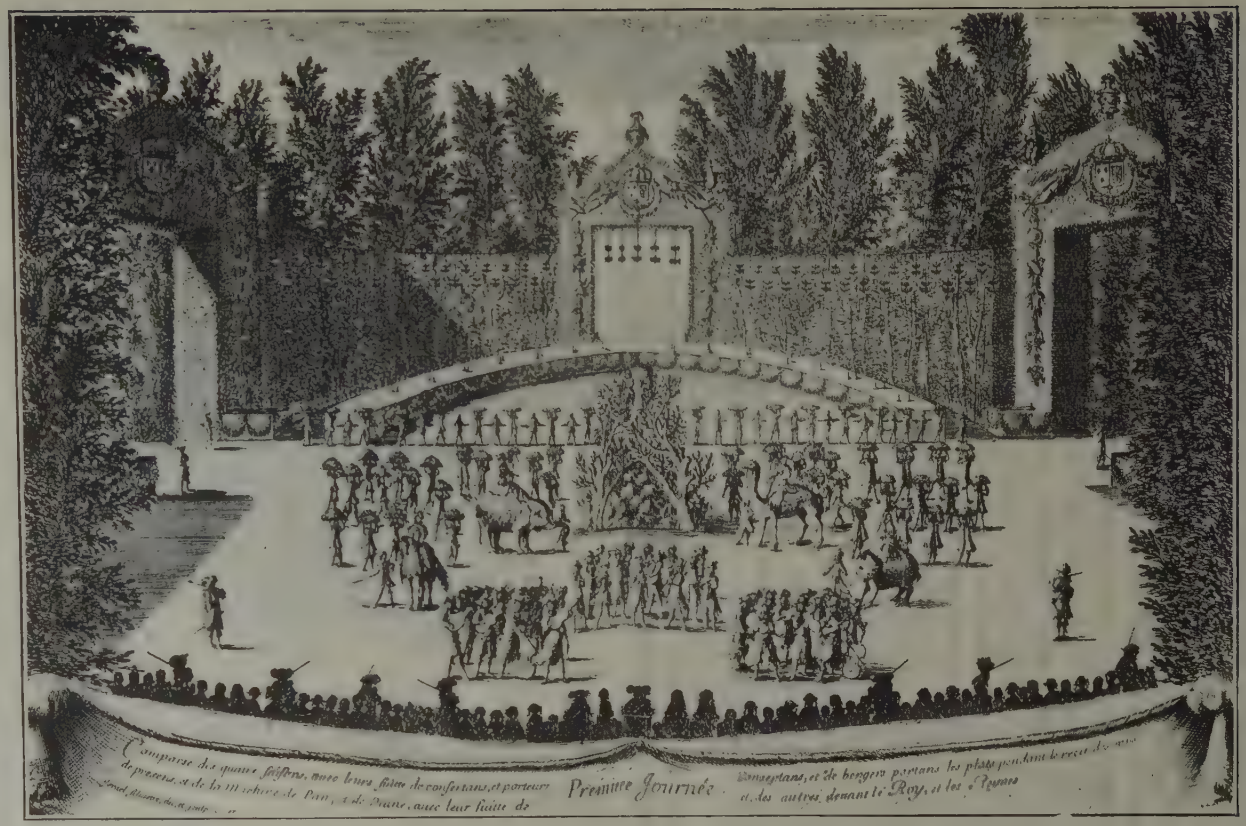
Противъ Дворца была лужайка, доходившая до покрытой елями, туями и лиственицами скалы, на которой былъ перекинутъ простой мостъ въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ Швейцаріи и надъ пропастями Валиса. Эта сельская дикая картина дѣлала болѣе мягкимъ видъ, открывавшійся со стороны третьяго фасада Дворца, гдѣ, какъ въ Италіи, среди цвѣтовъ и лавровъ виднѣлся храмъ Амура. Здѣсь стояла чудесная скульптура Бушардона, изображавшая этого бога во всей красотѣ юности: онъ вырѣзывалъ изъ куска дерева лукъ, чтобы имъ пронзать сердца. Теперь эта прелестная скульптура принадлежитъ Сенату.

Другими достопримѣчательностями дворца были очаровательный восьмиугольный мраморный залъ, очень удобный для концертовъ, и гротъ, расположеніе котораго возбудило такъ много злословія, что я не могу не сказать о немъ хотя бы нѣсколько словъ.

Въ глубинѣ небольшой долины, затѣненной густыми деревьями, поднимались скалистые утесы; быстрый ручеекъ, протекавшій извиваясь по усѣянной цвѣтами лужайкѣ, скрывался въ этихъ скалахъ. Слѣдуя его капризному теченію, вы попадали въ гротъ, такой темный, что надо было присмотрѣться, чтобы что-нибудь разглядѣть. Весь покрытый мохомъ, онъ былъ очень прохладенъ отъ ручья, протекавшаго черезъ него. Въ гротѣ изъ моха же было устроено ложе, манившее къ отдыху. Но по странной игрѣ природы или по желанію архитектора у изголовья ложа была пробоина, черезъ которую виднѣлся весь лугъ и уже издали можно было замѣтить всякаго, кто захотѣлъ бы подойти къ этому таинственному убѣжищу, а темная лѣстница вела на вершину утеса въ густую чащу и давала возможность скрыть отъ назойливаго глаза все, что ему не нужно было видѣть.

Была ли такая цѣль у архитекторовъ или богатая фантазія безсмысленныхъ клеветниковъ создала спеціальную цѣль тамъ, гдѣ ее совсѣмъ и не было? Какъ бы то ни было, но этотъ гротъ служилъ темой для отвратительныхъ инсинуацій по адресу несчастной Маріи Антуанеты...

Въ концѣ парка Тріанона, на берегахъ рѣчки, ютилось безчисленное множество избушекъ вполнѣ деревенскаго вида, внутри же отдѣланныхъ богато и порой изысканно.



ПРАЗДНИКЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВРЕМЕНЪ ГОДА.

(Изъ изданія «Les Plaisirs à Versailles». Paris. 1673 г.)

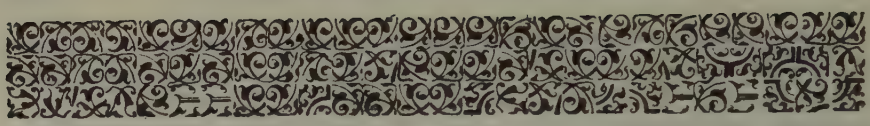
Въ серединѣ деревни возвышалась башня, названная башней Мальборо и господствовавшая надъ окрестностями; наружныя лѣстницы, ведшія на башню, были уставлены левкоями и геранями и казались воздушными цвѣтниками. Въ одной изъ хижинъ была молочная; въ фарфоровыхъ вазахъ на мраморныхъ столахъ стояли сливки, охлаждавшіяся ручьемъ, который протекалъ черезъ комнату. Рядомъ была настоящая королевская ферма, гдѣ стояло прекрасное стадо швейцарскихъ коровъ, которыя паслись на сосѣднихъ лугахъ. Около дворца былъ устроенъ особый китайскій павильонъ, голубой съ золотомъ, ярко блестѣвшій на солнцѣ, тамъ играли въ кольцо. Въ немъ стояли три китайскихъ фигуры, которыя, казалось, приводили въ движеніе машину для игры, но на самомъ дѣлѣ ее двигали люди, спрятанные въ подземномъ помѣщеніи павильона...

Этотъ Тріанонъ назывался Малымъ въ отличіе отъ другого Большого, находившагося недалеко отъ Малаго и построеннаго Людовикомъ XIV въ итальянскомъ вкусѣ наподобіе дворцовъ на берегахъ Бренты. Онъ построенъ въ одинъ этажъ съ баллюстрадой и статуями наверху, его два крыла соединяются большимъ перистилемъ изъ колоннъ краснаго и зеленаго мрамора. Хотя въ этомъ дворцѣ уже никто не жилъ, но его поддерживали...

Людовикъ XIV выстроилъ этотъ дворецъ по проекту Мансара, чтобы закончить правый рукавъ Версальскаго канала и въ pendant къ звѣринцу... [1])

Пер. съ франц. *Е. П. Чалѣевой.*

[1]) Здѣсь помѣщается два рисунка изъ версальскаго быта, заимствованные изъ изданія конца XVII в.; см. также рисунки, помѣщенные въ № 6 «Голосъ Минувшаго».



Черты провинціальной жизни на рубежѣ XIX вѣка.

Свѣдѣнія о томъ, чѣмъ жила и какъ жила наша провинція въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., до сихъ поръ крайне скудны. Если мы вообще что-нибудь знаемъ о провинціальной жизни, то либо о мѣстностяхъ, близкихъ къ столицамъ, либо о районахъ, по которымъ пролегали старые торговые пути. О глухихъ углахъ мы не знаемъ почти ничего. Поэтому всякія свѣдѣнія, которыя могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на міровоззрѣніе провинціальнаго человѣка и на его дѣятельность, представляютъ, мнѣ кажется, значительный интересъ.

У меня въ рукахъ толстая старая тетрадь, извлеченная изъ семейнаго архива. Типичная, синеватая, толстая бумага,—бумага актовъ XVIII вѣка, старинный бумажный переплетъ; тамъ, гдѣ она писана по-русски — екатерининская скоропись. Но по-русски писаны лишь отдѣльныя фразы. — Вся тетрадь сплошь составлена по-армянски, на томъ нарѣчіи, на которомъ и сейчасъ еще говорятъ въ Крыму и въ Нахичевани-на-Дону. Началъ вести эту тетрадь мой прапрадѣдъ, «Христофоръ Степаничъ, сынъ Аладжаловъ», какъ онъ самъ расписался по-русски на первой страницѣ. Біографія его, написанная однимъ изъ его сыновей, находится тутъ же, на послѣднихъ страницахъ. Отецъ Христофора Степановича, Степаносъ, или просто Паносъ, анатолійскій армянинъ, эмигрировалъ изъ Малой Азіи въ Крымъ, основался въ Гезлевѣ (Евпаторія), занялся торговлей. Сыновья продолжали его дѣло, и въ 1778 году, слѣдовательно, еще до присоединенія Крыма, переѣхали въ Ростовъ-на-Дону вмѣстѣ со многими другими крымскими армянами, стали торговать сначала тутъ же, «въ крѣпости», потомъ поселились въ Нахичевани (1787).

Христофоръ Степановичъ былъ человѣкъ грамотный по-русски настолько, что умѣлъ подписать свое имя и составить нѣкоторыя наиболѣе элементарныя слова; по-армянски же онъ былъ вполнѣ книжный человѣкъ. Въ той же тетради имѣются длинныя поученія сыновьямъ о дѣлахъ житейскихъ, молитвы, вѣроятно, собственнаго сочиненія, даже литературныя попытки. Общій интересъ, конечно, представляютъ не эти страницы, а записи о фактахъ.

«1785 года, мая 1-го, началъ эту я свою тетрадь, въ которой писаны вещи, происходящія на свѣтѣ; а по-русски называется она казета». Такъ начинаетъ свой дневникъ Христофоръ Степановичъ и ведетъ его до самой своей смерти. Продолжаютъ его сыновья.

Записи можно разбить на двѣ рубрики. Одна—семейнаго и дѣлового характера—даетъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики экономическихъ отношеній. Другая, къ которой можно отнести отклики на общественныя и политическія событія, характеризуетъ отношеніе далекой русской провинціи къ крупнѣйшимъ фактамъ того тревожнаго времени.

Для Христофора Степановича, какъ для человѣка торговаго, цѣны на товаръ представляли огромный интересъ, и онъ заноситъ къ себѣ въ тетрадь универсальнѣйшій по тому времени прейсъ-курантъ, относящійся къ 1784—1785 годамъ. Вотъ нѣкоторыя цифры въ порядкѣ оригинала.

Баранина. .	— р.	3 к. ока[1]).	Лошадь . .	12 р.	— к.	Камлотъ 40 арш.	20 р.	— к. кус
Сливочн. м.	— »	16 » »	Сахаръ . . .	— »	24 » ф.	Парусина двойная 50 арш.	16 »	— » »
Говядина. .	— »	4 » »	Чай	— »	90 » »	Парусина ординарн. (1 арш. ширина) 50 арш.	8 »	— » »
Сѣрая овч.	1 »	40 »	Икра	— »	25 » »	Кожаный тулупъ. .	1 »	80 »
Обыкновен. овчина . .	— »	20 »	Перецъ . . .	— »	30 » »	Бухарскій овчинный тулупъ. .	8 »	— »
Мука	— »	5 » ока.	Аглицкое сукно. . .	7 »	— » арш.	Хорошіе козловск. нѣмецкіе сапоги . .	1 »	60 »
Овесъ	— »	60 к. четв.	Голландск. сукно $2^1/_4$ арш. шир.	4 »	— » »			
Возъ дровъ	— »	60 »	Гишпанск. хорошее .	2 »	— » »			
Возъ сѣна .	— »	60 »	Фабричное хорошее .	— »	45 » »			
Лукъ	— »	2 » ока.	Канифасъ .	— »	55 » »			
Орѣхи . . .	— »	4 » »	Голландск. полотно 56 арш.	40 »	— » кус.			
Медъ	— »	10 » »	Батистъ хорошій 10 арш.	16 »	— » »			
Грецкіе ор.	1 »	10 » тыс.						
Кисл. мол.	— »	1 » ока.						
Виноградъ.	— »	8 » »						
Сыръ	— »	3 » »						
Курица . .	— »	10 »						
12 яицъ . .	— »	2 »						
Стельная корова. .	6 »	— »						

Нѣтъ необходимости комментировать эту таблицу: передъ нами яркая, чисто средневѣковая картина смѣшенія натурально-хозяйственныхъ отношеній съ зарождающимся сложнымъ торговымъ строемъ. Все мѣстное дешево, все привозное дорого. Икра въ одной цѣнѣ съ сахаромъ, аршинъ аглицкаго сукна дороже, чѣмъ цѣлая корова, а аршинъ батиста стоитъ столько же, сколько два съ половиной воза дровъ. При такихъ условіяхъ купцамъ нетрудно было дѣлать хорошія дѣла при самой элементарной предпріимчивости. Христофоръ Степановичъ съ братьями это понялъ. Въ 1788 году одинъ изъ братьевъ въ первый разъ поѣхалъ лѣтомъ на Макарьевскую ярмарку и въ Москву за товаромъ, а съ 1792 г. одной поѣздки за товаромъ уже оказалось мало, и понадобилось ѣхать въ Москву еще и въ январѣ. Эти факты показываютъ, что уже въ то время сношенія юга съ Москвой и московскимъ райономъ были оживленными.

Ростовъ, въ свою очередь, представлялъ, вѣроятно, привлекательный рынокъ. И туда пріѣзжали купцы изъ другихъ мѣстъ. Въ 1786 году, въ августѣ, какъ мы узнаемъ изъ дневника, при расплатѣ поймали симбирскихъ купцовъ съ фальшивыми ассигна-

---

[1]) Ока, турецкая мѣра, равная 3 фунтамъ.

ціями. Купцы, нужно думать, пріѣзжали не только за продуктами мѣстнаго производства, а и со своимъ товаромъ.

Но вывозъ, очевидно, былъ еще въ зачаточномъ состояніи: иначе не стояли бы такія дешевыя цѣны на все, что добывалось на мѣстѣ.

Какъ хорошіе купцы, Христофоръ Степановичъ, а потомъ его сыновья, тщательно отмѣчаютъ всякій разъ повышеніе цѣнъ и причины этого явленія. Приведу двѣ записи, чтобы сравнить цифры: съ 1794 г.: «1814 года, большая дороговизна: ока муки дошла до 30—32 коп., а ржаной 18—20 коп.». Въ 1834 году: «Въ Нахичевани дороговизна сильная. Пшеница не взошла. Пудъ муки до 6 руб. доходилъ, а въ другихъ городахъ, говорятъ, до 9 руб. А четверть овса стоила 24 рубля».

И политическія событія интересуютъ людей прежде всего съ точки зрѣнія ихъ торговли. Вотъ, напр., коротенькая запись: «1787 года, въ августѣ началось вздорожаніе всѣхъ товаровъ». Потомъ приписка, еще болѣе лаконичная: «пока не помирились». Ясно, что рѣчь идетъ о турецкой войнѣ, послѣ которой «помирились» только въ 1792 году (Ясскій миръ). Впрочемъ, кромѣ интересовъ торговли, еще интересы спасенія души играютъ роль при опредѣленіи важности событій. И Христофоръ Степановичъ, и его сыновья—люди очень религіозные: разсказывая о какомъ-нибудь стихійномъ бѣдствіи, они никогда не забываютъ прибавить: «Горе намъ! За грѣхи наказываетъ Господь» или что-нибудь столь же сокрушенное. Въ 1790 г. имѣется такая запись: «1798 года, августа 26-го, паломники поѣхали въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. До Яффы доѣхали, вернулись назадъ. Война тамъ была съ французомъ. Въ Іерусалимъ не могли попасть. Назадъ пріѣхали. За грѣхи наши!» Генералъ Бонапартъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, что своей египетской экспедиціей онъ помѣшалъ цѣлой компаніи нахичеванскихъ жителей выполнить ихъ обѣтъ.

Если не замѣшаны ни торговля, ни вѣра, люди относятся къ политическимъ событіямъ съ величайшимъ равнодушіемъ. Я привожу всѣ записи общественнаго характера, имѣющіяся въ дневникѣ.

«1798, августъ. Съ французомъ война. Четыре царя соединились противъ него: московскій царь, нѣмецкій царь, англійскій царь, османскій царь. Эти четыре царя союзъ заключили и пошли на француза, а надъ полками начальникомъ фельдмаршалъ, генералъ Суворовъ. Французы своего начальника Бонапартомъ зовутъ. Римскій престолъ онъ взялъ, Мальту взялъ: умнѣйшій, ученѣйшій человѣкъ». А ниже прибавлено, очевидно, позднѣе: «Много хлопотъ царямъ онъ надѣлалъ. Потомъ и его поймали, въ другую землю послали, погубили, 1814 года, а марта 19-го».

Слѣдующая запись лаконическая: «1801 года, мая 11-го, въ понедѣльникъ скончался императоръ Павелъ Петровичъ. Крутой былъ царь». Дальше молчаніе до 1812 г. И ни малѣйшаго отраженія той бури, которая ревѣла на сѣверѣ. Вотъ все, что записалъ въ дневникъ Христофоръ Степановичъ: «1812 года, 2 сентября, французъ пришелъ въ Москву, 40 дней прожилъ, потомъ ушелъ». А еще черезъ полтора года новая запись: «1814 года, марта 19, нашъ московскій царь вошелъ во французскій городъ, тронъ его парижскій взялъ. Такъ слышно».

Для Ростова и Нахичевани всѣ эти дѣла не имѣли никакого значенія. Люди жили въ сторонѣ отъ исторіи. Что они переживали «вѣкъ бурный, дивный вѣкъ, громкій, величавый», — они едва

ощущали. Ихъ жизнь ничѣмъ не была нарушена. Они все такъ же регулярно торговали, такъ же продолжали ѣздить каждое лѣто въ Макарьевъ на ярмарку, за товаромъ. Въ началѣ августа нов. стиля 1813 г. плѣнный офицеръ великой арміи, графъ фонъ-Ведель, спускаясь внизъ по Волгѣ со своей партіей, встрѣчалъ «много армянскихъ и азіатскихъ купцовъ, которые ѣхали на знаменитую макарьевскую ярмарку» [1]). Среди этихъ «армянскихъ купцовъ», навѣрное, былъ какой-нибудь представитель семьи Аладжаловыхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эпопея 1812 и слѣдующихъ годовъ сводилась для этихъ людей къ двумъ коротенькимъ записямъ. И, быть-можетъ, ничто такъ краснорѣчиво не свидѣтельствуетъ о безуміи Наполеона въ 1812 г ду, какъ то, что въ странѣ, которую онъ думалъ завоевать однимъ ударомъ, могли быть цѣлыя, огромныя области, совершенно равнодушныя къ тому, что происходило на узкомъ трактѣ Вильна — Москва. Словно Бородино, Малоярославецъ, Березина были гдѣ-то за тридевять земель.

Нѣсколько оживился интересъ къ вопросамъ придворной, если не политической жизни, когда Александръ I посѣтилъ Нахичевань. Тутъ подъ рядъ идутъ нѣсколько записей: «1825 года, октября 11-го, въ воскресенье, императоръ нашъ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Нахичевань и остановился у Мгыр-аги Попова. Двѣ ночи ночевалъ». И сейчасъ же почти другая: «1825 года, ноября 19-го, въ четвергъ, императоръ нашъ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ. Господь да благословитъ его душу. А тѣло повезли хоронить въ Петербургъ. И въ то же число братъ его Константинъ Павловичъ сдѣлался царемъ». Послѣдняя фраза зачеркнута карандашомъ, а сбоку приписано: «Не вышло». Тотъ же хмурый карандашъ вноситъ уже безъ чиселъ, сумарно, извѣстіе: «1826 года, императоръ нашъ Николай Павловичъ помазанъ былъ царемъ и занялъ престолъ брата».

Съ этихъ поръ записи становятся рѣже, и только одна касается событія, не имѣющаго семейный характеръ: «1830 года, въ августѣ, въ Нахичевани появилась болѣзнь: поносъ и рвота, въ два-три дня умирали люди. Во всѣхъ городахъ такъ же было; говорятъ, еще хуже. За грѣхи наши разгнѣвался Господь. Холерой зовется».

Для характеристики быта дневникъ даетъ немного матеріаловъ. Вотъ, впрочемъ, двѣ записи. «Въ 1801 году, 31 декабря, нѣкій сынъ отцу своему говорилъ дерзкія слова и руку на него поднялъ. На рынкѣ ему дали 50 палокъ». Очевидно, событіе представлялось не совсѣмъ обыкновеннымъ. Не было обыкновеннымъ явленіемъ, должно-быть, и то, которое увѣковѣчено въ слѣдующихъ словахъ: «1813 года, 5 ноября, купилъ я русскую дѣвку за 260 рублей. Въ добрый часъ! Да будетъ счастливъ ея приходъ въ нашъ домъ и да принесетъ онъ благополучіе. Аминь. Зовутъ ее Аксиньей». Подъ какимъ юридическимъ титуломъ была оформлена эта сдѣлка, какъ было обойдено запрещеніе купцамъ пріобрѣтать крѣпостныхъ, изъ дневника не видно. Бѣдная Аксинья скоро умерла, и о ней больше не упоминается.

Таково содержаніе дневника моего прапрадѣда. Какъ самостоятельный документъ, онъ не очень богатъ новыми данными. Но то, что въ немъ есть, несомнѣнно, прибавляетъ новыя черточки къ тому, что мы знаемъ.

А. Дживелеговъ.

---

[1]) Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rusland. Lebenserinnerugen von C. A. W. Grafen von Wedel, стр. 192.

Письма А. И. Герцена.

Н. П. Огареву [1]).

1.

22 Апрѣля / 3 Мая, 1843 Москва.

Письмо твое отъ 28/16 Марта изъ Рима [2]) пришло, спасибо за него. Письмо это тѣмъ особенно замѣчательно, что ты въ немъ какъ на блюдечкѣ. Истинно человѣкъ никогда неможетъ выдти изъ себя, это оптическій обманъ и то что составляетъ единичность, la particularité individuelle, характеръ, особность, то съ сознаніемъ, съ мыслью особое дѣло, не совпадающее. Противурѣчіе это всего яснѣе въ тебѣ. Есть области въ которыхъ люди понимаютъ другъ друга, чѣмъ больше, тѣмъ меньше остаются самими собою, а именно личная особность друга, женщины и дорога, ее то мы и любимъ, и въ нихъ то (т.-е. въ индивидуальностяхъ) и расходимся. Тебѣ труднѣе рѣшится шагнуть, сдѣлать скачекъ, нежели мучится въ болотѣ, страдать ложнымъ положеніемъ у своего собственнаго очага; а мы удивляемся какъ ты не предпочтешь кончить разомъ, оттого что по нашему легче именно то, что по твоему тяжеле. Въ этихъ случаяхъ дѣло друга сострадать и быть совершенно страдательнымъ лицомъ; иногда какъ баронъ сластить рѣчь кой какимъ крѣпкимъ словцомъ, разгнѣватся, закричать, а потомъ принятся за трубку и смирится — передъ слабостію. Ты, Огаревъ, самый сильный характеръ изъ всѣхъ мною знаемыхъ людей, у тебя желѣзная воля—слабости.—Удивительно, вотъ рядомъ съ твоимъ письмомъ грамотка отъ Виссаріона [3]). Какая противуположность. У тебя тягостныя обстоятельства разрѣшаются въ какой то милый юморъ и видишь ясно между грустныхъ строкъ—спокойную и свѣтлую подкладку которой дѣла нѣтъ до скорби, у тебя подъ слезой—ребячья улыбка, и подъ улыбкой—ребячья слеза, у тебя широкое пониманье всего общечеловѣческаго и тупое непониманье всего частно-Огаревскаго. И у Вис. юморъ, юморъ игрока который видитъ что дѣло идетъ плохо, отъ его юмору горло захватываетъ, въ слезѣ его злая иронія и въ ироніи горькія слезы, онъ бѣснуется озлобленный, желчный. Онъ страдаетъ больше тебя.

---

[1]) Собственность Н. Н. Сатиной; печатаются съ сохраненіемъ орѳографіи подлинниковъ.

[2]) Это письмо Огарева напечатано въ «Русск. Мысли», 1889 г., декабрь, стр. 7 и д. Огаревъ писалъ о своихъ отношеніяхъ съ женою, Маріей Львовной, — о томъ же пишетъ ему здѣсь Герценъ; см. М. Гершензонъ, «Образы прошлаго», стр. 504 и д. Герценъ получилъ письмо Огарева (и другое—Бѣлинскаго) 15 апрѣля, см. его «Дневникъ», въ женевскомъ собр. соч., т. I, стр. 96.

[3]) Т.-е. В. Г. Бѣлинскаго.

Что сказать о себѣ, объ насъ. Кажется нынче да вчера, вчера какъ нынче—а посмотришь Богъ знаетъ какія перемѣны въ душѣ. Послѣднее время (т.-е. послѣ твоего отъѣзда) я ужасно много изжилъ, къ моему обычно свѣтлому воззрѣнію привился всеразрушающій скептицизмъ въ жизни; я убѣдился въ недостаткѣ характера, я немогу уважать въ себѣ многаго, это меня давитъ. Ничтожныя событія по наружности сдѣлали эпохи внутри [1]). Ктому же вѣчныя несчастія прикованныя къ каждому шагу моему. Здоровье Наташи разрушается, три гробика схоронили вмѣстѣ съ прекрасными упованіями полжизни ее. Ей надобно разсѣянія, южной Италіи, море — я было надѣялся ѣхать; но — неѣду. И остатся свидѣтелемъ какъ это благородное, высокое существо изнемогаетъ подъ тяжестю двухъ крестовъ физическаго безсилія и душевной обиды (такія потери сильнѣйшія обиды)... Довольно. Если бъ я былъ егоистъ я сказалъ бы: приѣзжай сюда, брось Италію, приѣзжай потому что мнѣ скучно — но я этого не скажу, нѣтъ, братъ гуляй, гуляй. Я поѣду въ Покровское на лѣто, а тамъ, а тамъ опять въ Старую Конюшенную.

Статьи мои въ От. Зап. сдѣлали успѣхъ, я написалъ еще двѣ: одну которую ты хотѣлъ «о формализмѣ въ наукѣ», другую «о спеціализмѣ».—Они принесли мнѣ много комплиментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые пріятны. Я глубоко понимаю безполезность такаго рода статей. Пишешь себя тѣшишь. — А Висс. говоритъ что я на стали гравирую свои статьи и въ восхищеньи.—Вчера былъ я на похоронахъ Гебеля, Іоганисъ и Лангеръ [2]) на могилѣ устроили музыку, при страшной непогодѣ—это не было лишено торжественности. Онъ умеръ въ крайности, ему помогъ впрочемъ Рубини, пѣлъ у него въ концертѣ за недѣлю до смерти его.

Напиши къ Сат[ину], что онъ ужасно странно ведетъ себя, ну какъ же это съ 6 Декабря ни вѣсти, ни строки. Вы можете писать чаще мы иногда не знаемъ куда адресовать, а Москва стоитъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ у боярина Кучки былъ хуторъ; перешли ка ему копію стиховъ Лермонтова.

Ты вѣрно получилъ еще письмо отъ меня и профессора (in spe какъ онъ самъ себя называетъ [3]). Мы какъ то написали было къ тебѣ дней пять тому назадъ письмо, покуда писали казалось остро, перечитывая увидѣли что тупо и изодрали [4]). — Какимъ нимбомъ любви ты окруженъ въ жизни, это Израильское облако прохлаждающее жаръ и освѣщающее тьму для тебя, заставляющее даже забывать ненавистный диссонансъ возлѣ стоящій, демоническое, черное явленіе женщины—которой ты такъ щедро расточаешь прилагательныя «благородная, и т. далѣе». Напрасно ты обращаешся къ одному Барону [5]) увѣряя его; сверхъ Барона найдутся люди которые съ полнымъ негодованіемъ выслушаютъ жалкую рѣчь. Она оскорбительна для насъ. «Ты ошибаешся» скажешь ты. «Ты ошибаешся» возражу я и мы разойдемся какъ выше сказано.— Жизнь, жизнь тяжела ее шапка, и къ ней привязаны бубенчики

---

1) Герценъ намекаетъ на свое минутное увлеченіе, описанное К. Левинымъ въ 4-ой кн. «Гол. Мин.».

2) Гебель, Іоганнисъ, Лангеръ — извѣстные тогда музыканты въ Москвѣ.

3) Т.-е. Грановскаго.

4) Это письмо, какъ видно, не было изодрано: оно напечатано въ «Русск. Мысли», 1890 г., мартъ, стр. 1 и д.

5) Н. Х. Кетчеръ.

дурацкаго колпака или безумнаго. Я не помню туманнѣе времени для себя, а что сквозь тумана видно — то глупо. Давай руку какъ бывало. Хороши были мы дѣтми. Изъ хорошихъ дѣтей всегда дѣлаются жалкіе совершеннолѣтніе. Цвѣты распускающіеся въ Апрѣлѣ,—вянутъ въ Іюлѣ. Прощай.—Пиши непремѣнно какъ только получишь письмо. Ал. Ал. [1]) теперь въ Петерб., но онъ на дняхъ воротится, славный человѣкъ, онъ удивляется отъ чего ты не извѣщаешь его о полученіи денегъ· въ первый разъ послано 10 т. да во второй помнится 7 т.

Ив. Павл. [2]) скоро ѣдитъ въ деревню. Онъ много развился, пропорціально отдаленію отъ вампирическаго вліянія. Pour la bonne bouche вотъ тебѣ стихи Лермонтова нигдѣ не печатанные.

(Слѣдуетъ стих.: «Не плачь, не плачь, мое дитя»).

Мнѣ безконечно нравятся 4 послѣд. стиха, есть еще нѣсколько вновь отрытыхъ пьэсъ, долго ихъ посылать—остальную до слѣдующаго письма. Можетъ Б—нъ [3]) привезетъ тебѣ и самую книгу, впрочемъ я недумаю чтобъ вы до Августа встрѣтились.

2.

22 Ноября / 4 Декабря Москва 1845.

Послѣ шестимѣсячнаго молчанія я былъ очень радъ что ты не знаешь адреса Ал. Ал. [4]) и что у тебя нѣтъ денегъ—двѣ причины заставившіе тебя написать твое (впрочемъ пустѣйшее) письмецо [5]).—Ты жалѣешь о времени когда писались цѣлые листы, и когда прибавлю я одни внѣшнія обстоятельства могли заставить полгода молчать. Гегель правъ говоря что дружба въ смыслѣ Шиллеровскомъ преобладающее чувство въ юности — изъ этаго никакъ не слѣдуетъ что я думаю что въ продолженіи долгаго отсутствія ты менѣе любишь меня, насъ—о нѣтъ—есть любовь страдательная и есть дѣятельная любовь; страдательная любовь можетъ быть очень сильна—она плачетъ, она говоритъ—потомъ утираетъ слезы, и главное она ничего не дѣлаетъ. Какъ Гамлетъ сказалъ Полонію «Слова — слова». Въ этой любви ты силенъ я прежде не понималъ ее, но стѣхъ поръ какъ *во всякомъ* письмѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ ты плачешь объ насъ и о скоромъ возвращеніи — я ее иначе понялъ, а именно нервной слабостью соединенной съ привязанностію ко всему былому, къ графу, Сат., къ М. Л., ко мнѣ. Меня ты вѣроятно любишь больше ихъ всѣхъ и въ этомъ я не сомнѣваюсь, да впрочемъ я и заслуживаю любви больше ихъ. Но если дѣйствительно юношеская дружба заслоняется дѣятельностію совершеннолѣтія—то по странному стеченію обстоятельствъ ты какъ Беттина не достигаешь совершеннолѣтія — а только теряешь юное. Ex. gr. Въ каждомъ письмѣ ты пишешь что принимаешся

---

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, сосѣдъ Огарева по Пензенскому имѣнію, отецъ Н. А. Тучковой, впослѣдствіи второй жены Огарева.

[2]) И. П. Галаховъ; «вампирическое вліяніе» имѣла на него жена Огарева, Марія Львовна.

[3]) М. А. Бакунинъ.

[4]) Тучковъ.

[5]) Это «письмецо» неизвѣстно, см. «Русск. Мысль», 1891, августъ, стр. 13.

за работу, что скоро начнешь? Да не забылъли ты что 28 Ноября 1813 года было 32 года тому назадъ. Да и отчего-же необходимо ѣхать въ Берлинъ, въ Москву для того чтобы *начать* что нибудь дѣлать, что за географическая зависимость гдѣ судьба бросила, тамъ и работай.

Я мѣсяца полтора тому назадъ писалъ письмо и очень длинное къ тебѣ—и бросилъ его. Потомъ Гр. писалъ къ Фролову почти тоже самое [1]), и я былъ ужасно радъ что онъ бросилъ камень, а не я: онъ имѣетъ въ 1,000 разъ болѣе правъ. Да, вотъ человѣкъ дѣйствительно работающій, вотъ человѣкъ дѣятельной любви къ наукѣ. А мы—дилетанты, рантье и больше ничего, я еще нѣсколько привыкъ къ труду—отъ труда перейти къ двойному можно—но отъ лѣни къ труду трудненько.

Да, Signore, трезвый взглядъ на личности дѣло тягостное, я долею окрѣпился, на столько что начинаю поднимать послѣднія покрывалы и какъ ни больно говорю что вижу. Никто лучше меня не знаетъ лучшей стороны твоей, поэтической, благородной, гуманной, глубокосимпатической — но это не все, еслибъ не было этой стороны такъ стоило ли бы говорить о тебѣ, мало ли праздныхъ рактье, начиная... ну зачѣмъ называть кого-нибудь, повторяю мало ли ихъ. Да и никто не спрашиваетъ у нихъ отчета куда они дѣваютъ свои деньги.

Au reste мы можемъ все это переговорить на словахъ. Вотъ небольшая коммисія Сатину: такъ какъ онъ въ Барежѣ на ноги поставленъ то пусть онъ мнѣ купитъ дюжину рубашекъ очень хорошаго фасона, разумѣется бѣлыхъ изъ голл. полотна. Онъ долженъ взять въ расчетъ что я потолстѣлъ почти какъ Фалстафъ, или нѣтъ какъ Чичиковъ, а впрочемъ не выросъ. — Тебѣ я этой ком. не поручаю потому что ты забудешь или еще хуже вспомнишь и купишь дряни за тройную цѣну.

Такъ какъ вы приѣдете вмѣстѣ съ Графомъ, то я не шью себѣ ни штановъ, ни жилетовъ. Онъ вѣрно привезетъ сочнымъ плодомъ моагра въ Парижѣ un pantalon monstre, un gilet desespoir, и я воспользуюсь. Да вѣроятно и Ник. Михайл. [2]) *запасется* — и такъ я хожу голой до тѣхъ поръ.

Если Тучковъ не достанетъ денегъ, я достану, но это не въ уплату твоихъ 5,000. Я объ нихъ поговорю съ тобою здѣсь.

Кланяйся Фролову—я ему послалъ свою брошюрку «Письма объ изученіи природы».—Если Don Basilio [3]) пріѣхалъ изъ Кордувы то и ему пожми руку «пантеистическое наслажденіе».

---

[1]) Это письмо Гран. къ Фролову — отъ 17 окт. 1845 г., см. Переписка Т. Н. Грановскаго, М. 1897, стр. 419—420. Вотъ строки этого письма, на которыя намекаетъ Герценъ: «Въ пріѣздъ Огарева не вѣрю: я не могу вспомнить о немъ безъ глубокой печали, Герценъ тоже. Какъ много природа и судьба дали этому человѣку, и что онъ сдѣлалъ изъ этихъ даровъ! Жизнь, преданная исканію мелкихъ, дешевыхъ наслажденій, припадки раскаянія, и потомъ успокоеніе себя въ сознаніи собственнаго безсилія. Такъ мириться съ совѣстью не трудно. И сколько эгоизма въ такой жизни! Я не ригористъ по природѣ, и сверхъ того личныя слабости не даютъ мнѣ права быть строгимъ къ другимъ, но больно потерять вѣру въ человѣка такого, какъ Огаревъ. Что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ за границей? Еслибъ онъ былъ простой туристъ, русскій баринъ, путешествующій съ цѣлью развлеченія и удовольствія, безъ другихъ цѣлей въ жизни, безъ другихъ притязаній, разумѣется, онъ былъ бы правъ. Говорятъ, что въ Россіи не для всякаго возможна дѣятельность. Это оправданіе людей, которые не хотятъ ничего дѣлать и т. д.

[2]) Сатинъ.

[3]) В. П. Боткинъ.

Здѣсь все по старому.—Я мещански счастливъ дома, все тихо и хорошо, здоровье Нат. не хуже навѣрное. Дѣти—дѣти. Кетчеръ состарѣлся, очерствѣлъ какъ то до того что иногда тягостенъ—своей дикой односторонностію. Вотъ и все.

3.

3 Августа 1847. Парижъ.

Получилъ твое письмо отъ 8 Іюля, благодарю, очень благодарю, ты теперь болѣе нежели когда нибудь знаешь цѣну письмамъ [1]). На счетъ твоихъ экономическихъ теорій я не стану говорить потому что я плохо знаю предметъ, въ нихъ мнѣ всего болѣе нравится яркое доказательство твоей живой и реальной натуры. Быть своевременнымъ, умѣстнымъ, взять именно ту сторону среды въ которой возможенъ трудъ, и сдѣлать этотъ трудъ существеннымъ—въ этомъ весь характеръ практическаго человѣка. И съ этой стороны ты совершенно правъ нападая на Бельтова — ошибка въ томъ что цѣль не Бельтовъ а необходимость подобнаго воздѣйствія не на изъ рукъ вонъ сильнаго человѣка—но на прекраснаго и способнаго человѣка. Для того чтобъ убѣдится въ этомъ достаточно вспомнить біографіи всѣхъ знакомыхъ, да и наши нѣсколько—при начальныхъ шагахъ жизни что представлялось на выборъ—доктринерство, всяческій романтизмъ,—я сдѣлался отчасти доктринеромъ и можетъ былъ-бы sehr ausgezeichnet in meinem Fache если бъ не необходимость уѣхать въ провинцію. Тамъ я сдѣлался романтикомъ. Въ дѣйствительную жизнь, въ дѣйствительное спасеніе вышелъ я женитьбой,—да вѣдь и ты женился однако для тебя это имѣло совсемъ иную воспитательную силу. Наконецъ литературная (практическая и очень) дѣятельность сдѣлалась пока единственной возможной — дѣло пошло довольно успѣшно, хотя я собственно на нее попалъ 30 лѣтъ. Могло совсемъ иначе быть; да и безъ хвастовства у насъ довольно много силы, даже своего рода perseverance и — юркость, да прошу не смѣятся надъ этимъ словомъ, юркость важная помощь въ жизни, да еще способность понимать, страдать—и утѣшаться.—Но вотъ здѣшній Ex-Гегель [2]), вотъ тебѣ примѣръ противуположный, а долею и Саз. [3]) — sui generis романтикъ—плодовитая бесплодность. Къ моей второй характеристикѣ знакомыхъ не прибавлю ни іоты, она вѣрна. Съ Георгомъ [4]) я въ послѣднее время очень познакомился, отчего ты мнѣ никогда не говорилъ о его женѣ—она замѣчательная женщина. Они уѣхали въ Бретань, куда и мы на недѣльку поѣдемъ, на берегъ моря. Георгъ сдѣлалъ превосходное замѣчаніе на счетъ твоего protegé (котораго я очень уважаю и люблю на сколько такую эгоистически-раздражительную натуру любить можно)—что ему

---

[1]) Въ серединѣ 1847 г. Огаревъ жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи, ст. Актенѣ, Саранск. у. Онъ задавался цѣлью организовать хозяйство на вольнонаемномъ трудѣ, организовалъ у себя сахарный и винокуренный заводы, писалъ статьи по агрономич. и экономич. вопросамъ, и пр., см. объ этой его дѣятельности — М. Гершензонъ, Ист. Мол. Россіи, М. 1908, стр. 276 и д., и сборн. «Помощь голодающимъ», изд. Рус. Вѣд., 1892 г., стр. 521 и д.

[2]) М. А. Бакунинъ.

[3]) Н. И. Сазоновъ.

[4]) Георгъ Гервегъ. Его жена—Эмма Г.

отроду въ голову не приходило быть человѣкомъ и чѣмъ нибудь—онъ только думалъ объ этомъ «чѣмъ-нибудь» а оно то и не удалось.—Я передалъ очень коротко, а это было лучше и полнѣе.

Пріѣхалъ сюда Бѣлинскій, въ чахоткѣ, онъ лечился сначала въ Залцбрунѣ теперь въ Maison de santé въ Пасси. Худъ, слабъ, однако Докторъ подаетъ большую надежду. Парижъ его поразилъ, онъ говоритъ что впервой разъ дѣйствительность превзошла ожиданія, но въ Maison de s. ему очень скучно, не смотря на почетное сосѣдство Теста арестанта изъ министровъ. Вѣроятно и ты сколько нибудь слѣдишь за здѣшними сплетнями и дѣлами—Жирарденъ, [?] [1]) и пр., — только въ Journ. des Débats все переврано, читай хоть Presse или Allgemeine Zeit. что ли. Галаховъ [2]) уѣхалъ въ Бонаръ, больной, повредилъ себѣ глупымъ леченіемъ холодной водой и уѣхалъ лечиться куда-то въ Германію, оттуда онъ прямо домой т.-е. въ Москву. Жена его очень почтенная особа. Я не помню писалъ ли я тебѣ прошлый разъ или нѣтъ что у меня живетъ поваръ который тебя знаетъ — Costantino Gregorio изъ Bagni di Lucca, гдѣ онъ жилъ у M-me Кене [3]) эта встрѣча стоитъ встрѣчи Бѣлинскаго съ Тестомъ.

Ты все хочешь чтобъ мы тебѣ писали о нашихъ впечатлѣніяхъ, и пр., т.-е. именно о томъ о чемъ я не напишу да между прочимъ все это очень легко догадатся, гораздо легче, нежели о твоихъ впечатлѣніяхъ и о твоемъ житьѣ бытьѣ—хозяино-помѣщичьемъ. Для того впрочемъ чтобъ сколько нибудь удовлетворить, я пошлю въ Совр. письма три или четыре [4]). Тамъ по крайней мѣрѣ смѣшная сторона впечатлѣній.

Московскими я всѣми недоволенъ, есть предѣлъ всему и если ихъ молчаніе не просто холодное невниманіе то по крайней мѣрѣ уродство. Распущенность и распущенность (въ которой насъ такъ усердно обвиняли)—то есть то самое свойство которое заставило или лучше не остановило Гран. снова съиграть патетическую сцену съ Шевыр. и Хомяк. что хотя было и въ Маѣ мѣсяцѣ, но а теперь только что услышалъ.

Прощай. Изъ послѣдняго письма я вижу что ты глубже и вѣрнѣе понялъ Ал. Ал.[5]).—Я жду его и буду радъ, хотя тоже смотрю какъ на... какъ на Бельтова въ своемъ родѣ, сломившагося, и оправдываю вполнѣ,—и все же долженъ это неразвитіе принять за фактъ, за фактъ который ставитъ навѣки преграду.

Будь здоровъ.

Огаревъ, что-бы тебѣ завести переписку и даже выписать къ себѣ на время Астракова [6]), онъ отличный агрономъ и сверхъ того агрономъ прогрессистъ. Онъ могъ бы много сдѣлать пользы—даже и заводу ибо механикъ велій—подумай объ этомъ.

(Далѣе—рукой Нат. Алекс., жены Герцена [7]).

---

1) Не разобранное имя.

2) И. П. Галаховъ.

3) Вѣроятно m-me Kenn, сестра И. П. Галахова.

4) Т. наз. «Письмо изъ Avenue Marigny»—«Современникъ», 1847 г., тт. 5 и 6.

5) А. А. Тучковъ, см. выпис.; Т. съ дочерьми (Еленой, позднѣе женой Н. М. Сатина, и Наталіей, позднѣе женой Огарева) собирались въ это время за границу.

6) С. И. Астраковъ, пріятель Огарева; о немъ въ Воспомин. Т. П. Пассекъ.

7) Часть этой приписки, отъ словъ «А что же, школа будетъ у тебя» до конца, была напечатана въ нашей «Ист. Мол. Россіи», стр. 289—290. Огаревъ носился тогда съ мыслью основать у себя въ имѣніи «Народную политехническую школу», объ этомъ см. тамъ же, стр. 279—289.

Твои письма имѣютъ такое дѣйствіе какъ будто сидя долго въ душной мрачной комнатѣ, вдругъ отворишь окно — свѣтло, чистый воздухъ, живо, да живо въ самомъ дѣлѣ, а не такъ какъ плелося въ мысляхъ пока лежалъ въ креслахъ, въ лѣни, въ полудремотѣ, выглянувъ въ окно — хочется умыться, одѣтся и идти — куда, не знаю, только идти! идти!... и вѣрится что будетъ хорошо, больше чѣмъ хорошо, что будешь дѣлать—и силы расправляются какъ крылья у птицы, когда она хочетъ летѣть. Да, другъ, намъ жить тяжело. И хорошо жить намъ другъ! Я бы тебѣ написала многое, что я чувствую и думаю, если бъ это не было написано въ твоемъ письмѣ ко мнѣ, мнѣ смѣшно иногда читать, какъ можно до такой степени сходно понимать и ощущать иное. Я ужь кажется разъ просила тебя не обижатся этимъ, — надѣюсь, ты исполнишь мою прозьбу?

Въ хозяйствѣ твоемъ я ничего не понимаю, а вѣрю, что должно быть хорошо. А что же, школа будетъ у тебя въ деревнѣ? Тогда мы привеземъ нашихъ дѣтей туда учить, и учителей, и я сама буду учить чему умѣю, и Марью Ѳедоровну [1]) привеземъ, потому что вѣрно и Ѳедя [2]) будетъ въ этой школѣ?—Саша [3]) учится здѣсь, гимнастики, а тогда ужь не надо будетъ — возлѣ лѣсъ, и рѣка есть? Заводи-же поскорѣй школу, а я здѣсь поучуся поскорѣе, да мы выпишемъ туда и Гр. [4]) преподавать исторію, твоего и нашего состоянія вмѣстѣ достанетъ, чтобъ учредить все и содержать всѣхъ хорошо, только вина не будемъ выписывать много, да вино и заниматся будетъ мѣшать. Составь выборъ книгъ, мы запасемся здѣсь чѣмъ нужно... и выростетъ юное поколѣнье и будетъ жить, мы состаримся, умремъ, и будемъ жить въ нихъ. А похоронятъ насъ въ твоей деревнѣ. Больше люди какъ дѣти, которые заиграются до того куклой, что воображаютъ ее живою, а она изъ тряпочекъ; да только моя кукла не изъ тряпочекъ, а не жива она оттого что холодно.

(Сбоку приписка, рукою М. Ѳ. Коршъ).

Благодарю, благодарю и благодарю, и скоро напишу; а покуда жму крѣпко вашу руку!

М. К.

Женъ.

(1848 — 1850).

1.

5 Іюля. Суббота, Женева.

Часъ тому назадъ приѣхалъ я сюда—вотъ ужъ и ближе къ тебѣ, мой другъ, не знаю, какъ то пойдетъ въ Піэмонтѣ, думаю выѣхать послѣ завтра въ 11 вечеромъ—а если не найду мѣсто то 8 стало 10 буду въ Туринѣ, и 13 могу быть дома; но это еще не вѣрно.

---

[1]) М. Ѳ. Коршъ, которая была тогда съ Герценами за границей.
[2]) Сынъ Е. Ѳ. Корша, племянникъ Маріи Ѳед., теперь академикъ Ѳ. Е. Коршъ.
[3]) Старшій сынъ Герценовъ, Ал. Ал.
[4]) Грановскій.

Праздникъ здѣсь колосальный, я былъ дѣйствительно тронутъ величіемъ пріема федеральнаго знамени и депутаціи изъ Аргау, да, что ни говори а здѣсь республика.

Писать не могу усталъ ужасно, въ часъ ночи сѣлъ я въ дилижансъ и пріѣхалъ не выходя почти въ четыре часа передъ обѣдомъ. Но усталь мнѣ благодѣтельна, только рука не пишетъ и мысли не вяжутся.

Я все разузналъ на счетъ воспитанія въ Вевеѣ—если нужно можно и тамъ быть, а сверхъ того мы ниразу не думали объ Итальянской Швейцаріи т.-е. о Тесинѣ, говорятъ Лугано очень милый городъ и пока не будетъ Европейской войны, тамъ жить можно.

Прощай, другъ мой, мнѣ нѣсколько лучше, но все это заситъ отъ сновидѣнья, отъ воспоминанья, отъ ничего.

Дѣтей цалую.

Шамбери вздоръ.

2.

Дѣтей обнимаю, буду имъ писать изъ Фрибурга а теперь нѣкогда, надобно кой куда сходить. Я поздно вчера легъ и проспалъ сегодня.

Маменькѣ и всѣмъ какъ слѣдуетъ.

Зачѣмъ заплатили за книги которые воротились, Гол. долженъ былъ ихъ требовать изъ Турина.

3.

Еще дополненіе для Полковника. Дядя Саз. прислалъ ему Сенатское и Царское рѣшеніе объ немъ. Сенатъ приговорилъ къ ссылкѣ въ каторжную работу за ослушаніе Высочайш. повелѣнія. Но Госуд. Совѣтъ смягчилъ и Государь утвердилъ... Risum teneatis. *Осудить его Сазонова на вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ имперіи,*— вотъ наказаніе то для Емигранта. Дядя ему прислалъ 6,000 фр.— и онъ ѣдитъ въ Лондонъ.

Нѣмецъ который видѣлъ въ Прагѣ Бакунина, говорилъ что послѣднее время его держали *прикованнымъ* къ стѣнѣ!

4.

6 Іюня. Пятница [1]).

au bord du «Bourdon» на Ронѣ.—12 часовъ пополудни и мы уже отобѣдали.

(Вчера мы писали вамъ изъ Марсели, — это сообщаю я вамъ такъ по аккуратности моей привычной.—Теперь вотъ плывемъ мы по Ронѣ. Въ кабинѣ сидитъ—жандаръ, который наблюдаетъ за французомъ, его добычею, завтракающимъ съ премиленькою буфетчицею парохода).—Видите, какъ дѣло, господина везутъ два жандарма и не выпускаютъ изъ глазъ, онъ было заснулъ въ каютѣ,

---

[1]) Письмо писано двумя почерками вперемежку: взятое у насъ въ скобки—рукою неизвѣстнаго намъ спутника Герцена, остальное—рукою Герцена.

тогда жанд. пришелъ и сѣлъ тихо, какъ словно мать родная возлѣ, и арестантъ должно быть видѣлъ во снѣ жену, дѣтей и прочій вздоръ, лицо его стало печально, и полковникъ взглянулъ на солдата, тотъ покраснѣлъ, сконфузился и посмотрѣлъ въ окно.—(Да вѣдь чужое дѣло скоро позабыто, скажу вамъ лучше, что Александръ Ивановичъ печется обо мнѣ словно о птенцѣ, кормитъ paté froid, спрашиваетъ отчего я мало ѣмъ, и т. п. Онъ здоровъ, по видимому, я здоровъ и по видимому и въ самомъ дѣлѣ.—Въ Ліонѣ мы отдохнемъ сутки, потомъ пароходомъ поѣдемъ по Сонѣ до Châlons а оттуда по желѣзной дорогѣ до Парижа. Вы видите, что перо скверное, оттого я больше писать не буду, не взыщите и не подумайте, что я выпилъ, ничуть,—а только тряска парохода и скверное перо. Въ Авиньонѣ въ hôtel d'Europe чучело собаки, которымъ восхищались Саша и Наташа, все еще существуетъ... До свиданія—да оно существуетъ до свиданія.) А дальше путь идетъ такъ изъ Парижа ѣдимъ мы въ Нью Іоркъ и Калифорнію. И обо всемъ слѣдующій разъ. А впрочемъ хотя полковникъ и говоритъ что одна тряска, однако онъ будучи не пьянъ, тоже и нетерёзъ (sic).

Дѣтямъ и всѣмъ.
(Другими чернилами:)

Тата представь себѣ что корабль на которомъ я ѣхалъ называется «Bourdon». Bourdonons, Bourdonons. — Поцалуй же Колю и Олю.

Н. М. Сатину.

За чѣмъ ты оставляешь О. совершенно безъ средствъ—я пишу съ его вѣдома и прошу тебя—какъ бы ни было трудно—выслать сей часъ вексель въ Ниццу. Я дѣлаю все что могу—но есть граница.

9 окт. 67.

О. болѣнъ — еще разъ говорю тебѣ—я требую этой высылки да и впредь нельзя его такъ оставлять—или надобно сказать что не можешь посылать.

На оборотѣ—*Еленѣ Алексѣевнѣ или супругу вя.*
Тутъ-же другой лоскутокъ, на которомъ рукою Н. П. Огарева:

16 окт.

Признаюсь, что мнѣ ужасно трудно. Не могу же я жить на Антон. пищи, ни грабить человѣка, которому и безъ меня расходовъ много, и грабить его въ то время, когда, по всей справедливости, я имѣю получить мнѣ слѣдуемое.

Сообщилъ *М. Гершензонъ.*

Казанскій заговоръ.

(Эпизодъ изъ польскаго возстанія 1863 г.).

(Окончаніе [1]).

VII.

Для разбора этого—внушительнаго по намѣренію и по количеству привлеченныхъ — дѣла по высочайшему повелѣнію учреждена была въ Казани слѣдственная комиссія, «въ коей сосредоточены были изслѣдованія по всѣмъ важнѣйшимъ и наиболѣе сложнымъ дѣламъ о преступленіяхъ, направленныхъ къ измѣненію государственнаго порядка». Въ составъ комиссіи входили: т. с. Ждановъ—предсѣдатель, ст. с. Анненскій, полк. Слуцкій, ст. с. Превлоцкій, Афанасенко (отъ мин. юстиціи) и мѣстный жандармскій полковникъ Ларіоновъ [2]).

Комиссія открыла свои дѣйствія въ половинѣ мая 1863 г.

Въ Казань были доставлены (между прочимъ, и изъ Вятки) тѣ изъ участниковъ «заговора» (прямыхъ и косвенныхъ), которыхъ успѣли къ этому времени захватить. Вотъ перечень арестованныхъ: Иваникцій, Мрочекъ, Ив. Орловъ, Полиновскій, Жемановъ, Ив. Красноперовъ, Лаврскій, Р. Миттерманъ, Бирюковъ, Сергѣевъ, Щербаковъ, Элпидинъ, Дерновъ, Шулятниковъ, Егоръ Красноперовъ, Красовскій, Алѣевъ, Андреевъ, Карповъ, Пономаревъ, Николай Орловъ, Павелъ Орловъ, бр. Пеньковскіе, мѣщане бр. Булгаковы, по-

---

[1]) См. № 6.

[2]) Элпидинъ даетъ такіе портреты этихъ членовъ комиссіи: «Главный инквизиторъ—д. т. с. Ждановъ, со звѣздой, но безъ зубовъ; Анненскій—низкаго росту, сѣдой, съ наглымъ выраженіемъ лица; Слуцкій—ярый славянофилъ, постоянно раздушенный и прикидывающійся сочувствующимъ къ арестантамъ; Превлоцкій — безъ хитрости, но готовый всякаго обругать; Афанасенко—пузатенькій и дряблый; Ларіоновъ—похожій скорѣе на простака фельдфебеля, чѣмъ на полковника».

Сенаторъ Денъ даетъ такую характеристику Жданову: «Родомъ изъ цыганъ Бессарабской области, благодаря какимъ-то случайно благопріятнымъ обстоятельствамъ Ждановъ получилъ нѣкоторое образованіе въ уѣздномъ училищѣ, а послѣ опредѣленія на государственную службу, неизвѣстно благодаря какимъ обстоятельствамъ, былъ назначенъ писцомъ въ Министерство Внутр. дѣлъ, въ департаментъ полиціи исполнительной,—въ департаментъ, котораго впослѣдствіи ему суждено было сдѣлаться директоромъ. Будучи еще писцомъ, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе своего начальника отдѣленія ловкостью, съ которой онъ обращался съ дѣлами для угожденія начальству». («Русск. Стар.», 1890 г., іюль, стр. 189). Ждановъ былъ уже не новичекъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ. Въ 1862 г. онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи, производившей слѣдствіе о «дѣйствіяхъ распорядителей и преподавателей воскресныхъ школъ въ Петербургѣ и о свойствѣ преподаваемаго въ нихъ обученія». («Былое», 1907 г., кн. 1, стр. 189).

руч. Михайловъ, учитель нижегородской гимназіи Копиченко, Госцевичъ, Маевскій, Новицкій, Олехновичъ и множество «прикосновенныхъ» лицъ, арестованныхъ на сравнительно короткое время (изъ среды студентовъ, семинаристовъ, учителей, просто «поляковъ» и т. д.).

Арестованныхъ оказалось такая масса, что для нихъ не хватило мѣста въ казанскихъ тюрьмахъ, такъ что для нѣкоторыхъ были устроены казематы въ военномъ госпиталѣ. а иные содержались при полиціи.

Не было пока въ рукахъ комиссіи двухъ главныхъ «двигателей» заговора—Кеневича и Черняка и третьяго «дѣятельнаго участника», Станкевича. Но, какъ говорится, «на нѣтъ и суда нѣтъ». Взялись за Иваницкаго и Мрочека.

Иваницкій, убѣдившись, очевидно, изъ всѣхъ обстоятельствъ, а затѣмъ и показаній своихъ товарищей—Мрочека, Ив. Орлова и др. въ безплодности прежней тактики отрицанія, измѣнилъ ее. Главнѣйшіе факты, вѣрнѣе, разговоры онъ призналъ, но все время утверждалъ, что этимъ дѣйствіямъ и разговорамъ онъ не придавалъ серьезнаго значенія, ни минуты не вѣря въ возможность осуществленія своихъ плановъ. Затѣмъ въ своихъ показаніяхъ былъ кратокъ и не многословенъ. Въ этомъ отношеніи наблюдается рѣзкая въ немъ перемѣна. Насколько онъ былъ «болтливъ» раньше, настолько сдержанъ и односложенъ былъ въ своихъ показаніяхъ, не называя ни одной фамиліи ни одного факта, о которыхъ его прямо не спрашивали. Студентовъ не старался «топить», преувеличивая ихъ революціонность и «готовность на все».

О первомъ собраніи, на которомъ было положено начало «заговору» Иваницкій показалъ:

«По пріѣздѣ Черняка въ Казань я, узнавъ отъ него подробно о намѣреніяхъ польскихъ агитаторовъ произвести суматоху въ Россіи, предложилъ ему познакомиться съ нѣкоторыми изъ студентовъ, чтобъ поразвѣдать о настроеніи умовъ русской молодежи, подготовленной подпольной литературой и современными внѣшними и внутренними событіями, направленными противъ правительства. Собираясь итти къ студентамъ, Чернякъ выразилъ, что мало онъ на нихъ надѣется, если поляки-студенты оказались такая дрянь, почему не слѣдуетъ съ ними очень откровенничать, а, напротивъ, надо говорить, что мы сильны, что если они не согласятся, то начнемъ одни. При этомъ онъ просилъ меня не говорить студентамъ его фамиліи, такъ какъ почти увѣренъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, а, пожалуй, разболтаютъ и можно попасться. Чтобъ устроить это свиданіе со студентами, я просилъ объ этомъ Сергѣева. Между студентами въ это время были разныя трактаціи, къ которымъ и я прислушивался».

Передавъ затѣмъ въ общихъ чертахъ содержаніе разговоровъ, происходившихъ на собраніи, о планахъ, предложенныхъ Чернякомъ и имъ самимъ, Иваницкій продолжалъ:

«Но студенты пошатнулись, увидѣвъ себя такъ близко къ дѣлу, ссылались на непривычку, непрактичность въ подобныхъ случаяхъ, и на всѣ доводы Черняка по этому предмету не изъявили полнаго своего согласія. Вслѣдствіе этого по выходѣ изъ квартиры Чернякъ сказалъ, что на этихъ студентовъ нельзя разсчитывать—все какія-то темныя личности; въ случаѣ дѣла, кажется, всѣ они струсятъ; да вообще изъ этого, какъ видно, ничего не выйдетъ. «Впрочемъ,—прибавилъ онъ мнѣ,—ты дѣйствуй на нихъ, чтобы не упали духомъ». На другой день явились Жемановъ и Полиновскій съ своими подозрѣніями и развѣдками, но я отвѣтилъ имъ уклончиво».

«При отъѣздѣ Чернякъ говорилъ, что студенты будутъ, вѣроятно, выпытывать, такъ надо говорить имъ, что у насъ партія большая, организованная, что денегъ есть 12 или 20 тысячъ, что сюда пріѣдетъ отъ 50 до 100 человѣкъ. Да, пожалуй, прибавилъ Чернякъ, говори имъ, что вздумаешь, что сочтешь

нужнымъ, а когда обстоятельства будутъ вполнѣ благопріятны, то я самъ пріѣду,—не позже третьяго дня Пасхи, а до того пиши мнѣ подробно».

«Послѣ отъѣзда Черняка я на студенческихъ собраніяхъ больше не былъ, только поодиночкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ видѣлъ и говорилъ съ ними [1]). *Не смотря на инструкцію Черняка, я не умѣлъ хорошо притворяться и болѣе высказался о недостаткахъ своихъ средствъ и сомнительной возможности предпріятія.* Студенты, съ своей стороны, хотѣли обсудить, раздумать и принять должныя мѣры».

По поводу показаній Карпова, будто Иваницкій на одно изъ собраній принесъ карты двухъ уѣздовъ Казанской губерніи и показалъ деревню, съ которой можно будетъ начать возстаніе, а потомъ къ нимъ присоединятся и другія деревни и пр.,—Иваницкій говорилъ:

«Имѣю честь донести комиссіи, что я, насколько помню, былъ у Карпова и имѣлъ карту Спасскаго уѣзда, Казанской губ., которую я пріобрѣлъ съ цѣлью оріентироваться въ своихъ лѣтнихъ охотахъ за дичью. Но разговора, изложеннаго Карповымъ, я рѣшительно не имѣлъ, а если бы даже и говорилъ что-нибудь подобное, то въ видѣ шутки, безъ всякой цѣли. Да и могъ ли я что-нибудь подобное говорить въ присутствіи 16-лѣтняго юноши, г. Карпова, съ которымъ я лишь разъ видѣлся и едва перекинулся нѣсколькими словами».

Категорически отвергъ затѣмъ слѣдующее показаніе Миттермана:

«Иваницкій въ своихъ разговорахъ съ Сергѣевымъ говорилъ о знамени, о чемъ я слышалъ, входя въ комнату въ то время, когда Иваницкій былъ наединѣ съ Сергѣевымъ. Говорилъ онъ такъ: «Первымъ дѣломъ нужно сдѣлать знамя, на немъ вышить старообрядческій крестъ, подъ нимъ подпись: «за землю и волю». Мысль эта была основана на томъ у Иваницкаго. что русскій мужикъ, увидя знамя, скорѣе пойдетъ къ нимъ и съ большимъ ожесточеніемъ возьмется за топоръ. Знамя онъ хотѣлъ сдѣлать шелковое и какъ можно скорѣе, такъ что недѣлю до того, какъ его взяли, онъ искалъ квартиру съ цѣлью дѣлать въ ней знамена, которыхъ предполагалось нѣсколько».

Тотъ же Миттерманъ показалъ, между прочимъ, будто слышалъ отъ Иваницкаго, что онъ собирается въ Польшу, «такъ какъ тамъ страшно много поляковъ бьютъ». Иваницкій заявилъ, что ничего подобнаго онъ Миттерману не говорилъ, а «высказывалъ лишь свое сожалѣніе, что въ Польшѣ гибнетъ столько людей».

Далѣе нѣкоторые изъ студентовъ (Сергѣевъ, Щербаковъ) показали, что Иваницкій составлялъ будто бы «воинскій уставъ» для будущей повстанческой арміи. Иваницкій заявилъ, что онъ штудировалъ обыкновенный воинскій уставъ въ цѣляхъ лучшаго прохожденія службы. Также отвергалъ Иваницкій показанія Миттермана, Бирюкова и др. о томъ, будто онъ задумывалъ устроить хоръ, по примѣру польскихъ хоровъ, которые «поютъ въ костелахъ революціонныя пѣсни».

По поводу показаній Бирюкова [2]) «о пропагандѣ съ горохомъ», къ которой онъ прибѣгалъ въ бесѣдахъ съ солдатами и съ нѣкоторыми изъ крестьянъ (напр., Харьковымъ), Иваницкій объяснилъ, что это дѣлалось не съ цѣлью революціонной пропаганды, а чтобы узнать мнѣнія народа и больше «шутки ради» [3]).

---

[1]) Если это дѣйствительно такъ и было, то все почти участіе Иваницкаго въ «заговорѣ» ограничилось тѣмъ, что онъ *говорилъ* студентамъ до пріѣзда Черняка и на собраніи по пріѣздѣ послѣдняго. Чрезъ недѣлю послѣ этого онъ уѣхалъ въ Спасскъ.

[2]) А также и Красноперова.

[3]) Подбирая архивный матеріалъ по исторіи крестьянской реформы въ Казанскомъ краѣ, я встрѣтилъ дѣла, которыя невольно заставляютъ предполагать, что Иваницкій такъ или иначе «познакомилъ» нѣкоторыхъ крестьянъ села Бездны съ подложнымъ манифестомъ. Но эта сторона дѣла ускользнула отъ вниманія комиссіи.

Элпидинъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» о допросѣ Иваницкаго и Мрочека говоритъ лишь буквально слѣдующее:

«Иваницкій недолго выдержалъ молчаніе. Комиссія свела его на очную ставку съ Мрочекомъ, чтобы его уличить. Но какъ всѣ улики были отвергнуты и комиссія, замѣтивъ въ немъ экзальтированное состояніе, стала оскорблять его двусмысленными намеками въ трусости, Иваницкій не вытерпѣлъ, съ запальчивостью сказалъ имъ: «да, да, все, что на меня (показали), справедливо; если хотите, я подпишу; смерти же я не боюсь, давите меня только, пожалуйста, поскорѣе, не мучьте». Комиссіи только этого и нужно было. Она подсунула тотчасъ бумаги, онъ всѣ показанія Мрочека и подписалъ. Послѣ же Иваницкій обдумалъ свою ошибку и хотѣлъ перемѣнить показанія, но такъ какъ комиссіи это было невыгодно, ей было нужно сочинить вооруженное возстаніе со взрывомъ пороховыхъ погребовъ и нападеніе на сонныхъ солдатъ, то она не допустила никакой перемѣны въ своихъ показаніяхъ Иваницкому. Этимъ комиссія дознанія свои дѣла съ Иваницкимъ, Мрочекомъ и казанскими студентами кончила, рѣшивъ, что все говоренное, въ товарищескихъ встрѣчахъ и подтвержденное вынужденіемъ, и есть заговоръ съ цѣлью возстанія». «Матеріалы», стр. 189.

Въ противоположность Иваницкому, Мрочекъ въ своихъ показаніяхъ былъ чрезвычайно болтливъ и многословенъ. Онъ разсказалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ не только о томъ, что непосредственно слышалъ и видѣлъ, но и о чемъ лишь «догадывался». Этимъ онъ частенько «подводилъ» Иваницкаго и студентовъ и доставилъ имъ не мало непріятностей. Мрочекъ сталъ принимать участіе въ собраніяхъ уже послѣ отъѣзда Черняка, присутствовалъ два раза на собраніи у Полиновскаго и третій разъ во время пріѣзда Остельковскаго. Онъ перечисляетъ въ показаніяхъ всѣхъ участниковъ, передаетъ все говоренное, при чемъ все время старается представить студентовъ отчаянными заговорщиками. Изъ всѣхъ разговоровъ, какіе онъ велъ со студентами и какіе происходили въ его присутствіи, Мрочекъ вывелъ заключеніе, что въ средѣ студенчества существовало обширная и планомѣрная революціонная организація. Студенты, по его словамъ, раздѣлены были на нѣсколько кружковъ, находившихся въ сношеніяхъ съ центральнымъ комитетомъ. Въ одномъ изъ кружковъ, къ которому принадлежало до 50 человѣкъ, *предсѣдателемъ былъ «докторъ»*, секретаремъ и «ораторомъ» — Полиновскій, Сергѣевъ—казначеемъ, Жемановъ, Ив. Орловъ и нѣкоторые другіе—старшими членами, Лаврскій, Красноперовъ, Шулятниковъ и остальные—младшими членами. Кружокъ этотъ носилъ названіе старшаго. «Всѣ эти лица,—писалъ Мрочекъ въ своихъ показаніяхъ,—вполнѣ сочувствовали революціонному движенію, но, не имѣя ни средствъ, ни познаній въ военной тактикѣ, рѣшились ждать, когда начнутся дѣйствія въ Петербургѣ и Москвѣ, пока же ограничиться распространеніемъ прокламацій. Лица, ходившія въ народѣ съ прокламаціями, назывались «апостолами». Такими апостолами, по словамъ Мрочекъ, были: Ив. Орловъ, Бирюковъ, Полиновскій, Щербаковъ и др.

Большинство студентовъ категорически отрицали всѣ эти заявленія Мрочека. Напр., Полиновскій всѣ разсказы Мрочека о кружкѣ, должностныхъ лицахъ и пр. называлъ клеветой и «свой» кружокъ опредѣляетъ какъ исключительно литературно-товарищескій. Сергѣевъ по этому поводу говорилъ: «Весь этотъ кружокъ я называю плодомъ игривой фантазіи г. Мрочека. Что Полиновскаго онъ называетъ ораторомъ, это еще имѣетъ, такъ сказать, тѣнь правды, потому что Полиновскій, какъ натура, надѣленная сангвиническимъ темпераментомъ, говорилъ всегда много, и потому немудрено, что Мрочекъ называлъ его ораторомъ». Всѣ же остальные разсказы Мрочека о предсѣдателѣ, должностныхъ лицахъ, сноше-

ніяхъ и пр. называетъ выдумкой. Лаврскій замѣчалъ, между прочимъ: «Какой же могъ быть казначей, когда денегъ-то не было ни рубля».

И на очныхъ ставкахъ каждая сторона осталась при своемъ. На вопросъ комиссіи, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія, Мрочекъ отвѣтилъ, что слышалъ объ этомъ частью отъ самихъ студентовъ, частью отъ Иваницкаго. По поводу же «апостольства» Мрочекъ привелъ такія соображенія: «Напр., Ив. Орловъ просилъ у меня, на квартирѣ Полиновскаго карты Казанской губ., такъ какъ ему нужно разносить брошюры. Бирюковъ также приходилъ въ Бездну, вѣроятно, съ пропагандой, и я заключилъ, что Полиновскій и Щербаковъ тоже принимали въ этомъ участіе» [1]).

Какъ бы ни было, если даже и допустить извѣстную долю собственныхъ домысловъ въ заявленіяхъ Мрочека, все же остается непонятнымъ такое рѣзкое различіе въ показаніяхъ его и студентовъ. Не могъ же всего выдумать Мрочекъ. Дѣло объясняется просто. Чернякъ, Иваницкій и Мрочекъ, съ одной стороны, студенты,—съ другой, въ періодъ подготовки возстанія, что называется, «втирали другъ другу очки». Первые, чтобъ импонировать студентамъ, «подогрѣть» ихъ, разсказывали («что въ голову придетъ») о Бакунинѣ, центральномъ комитетѣ, о милліонахъ рублей, имѣвшихся въ его распоряженіи, о сотняхъ людей, разсылаемыхъ по всѣмъ губерніямъ и пр. Студенты, желая показать, что они тоже «не лыкомъ шиты», расписывали свои организаціи и кружки, говорили о своихъ связяхъ съ центральной группой, о томъ, что у нихъ больше 50 человѣкъ, «готовыхъ въ дѣло», показали «свои» прокламаціи и т. д. Напр., Полиновскій, Сергѣевъ, Щербаковъ прямо заявляли потомъ, что «кружокъ въ такомъ количествѣ членовъ и съ такими подробностями былъ вымышленъ, чтобы Чернякъ говорилъ съ ними откровеннѣе». Такимъ образомъ, всѣ «наговорили себѣ на шею», когда же пришлось «отвѣчать», то та и другая сторона ударились въ противоположную крайность.

То же самое повторилось и съ разсказомъ Мрочека о поведеніи студентовъ во время пріѣзда Остельковскаго, о томъ, какой окончательный отвѣтъ они дали послѣднему. (Согласны ли они на возстаніе). По показанію Мрочека студенты дали слѣдующій отвѣтъ: «Мы не имѣемъ еще распоряженій, чрезъ своихъ агентовъ, отъ комитета «Земли и Воли» о томъ, чтобы начинать революцію. Поэтому до полученія такого распоряженія начать возстаніе не можемъ. Когда же получимъ распоряженіе о возстаніи, то готовы въ огонь и въ воду»... Студенты же утверждали, будто они уполномоченному заявили, что «удовлетворительнаго отвѣта дать не могутъ, и просили передать Черняку, чтобъ онъ на нихъ не надѣялся». Полиновскій при этомъ прибавилъ, что «о необходимости переворота съ ними не разсуждали; наоборотъ, имъ было говорено, что народъ русскій не заявилъ желанія произнести переворотъ путемъ революціи, такъ и намъ нечего соваться». Поэтому приведенное показаніе Мрочека студенты называли выдумкой. «Мрочекъ изображаетъ насъ ужъ очень горячими головами,—замѣчалъ Полиновскій,—готовыми за каждымъ броситься въ огонь и въ воду».

---

[1]) Послѣдніе заявили, что «они и не думали ходить съ пропагандой; съ чего взялъ Мрочекъ—не понимаютъ».

Вообще Мрочекъ разсказывалъ комиссіи о каждой подробности, о каждой фразѣ и отдѣльномъ замѣчаніи, какія только могъ вспомнить изъ своего кратковременнаго знакомства со студентами. Напр., Мрочекъ слышалъ разсказъ студентовъ, какъ они ходили «караулить» Черняка, какъ Бирюковъ ходилъ въ Спасскій у. съ пропагандой и едва не попалъ въ руки полиціи: мучимый голодомъ, зашелъ въ квартиру станового пристава попросить хлѣба, а приставъ потребовалъ отъ него паспортъ. Бирюковъ снялъ котомку и сталъ ее развязывать, нарочно долго копаясь. Приставъ же сказалъ: «Ладно, вижу, что есть» [1]). Далѣе, однажды въ квартирѣ Полиновскаго слышалъ, какъ «тамъ разсказывали объ одной волости около Волги, которая, въ числѣ 4-хъ тысячъ душъ, готова итти въ ополченіе, лишь бы дали оружіе, и что въ другомъ мѣстѣ есть до 2-хъ тысячъ крестьянъ, готовыхъ къ дѣлу». Другой разъ, по его словамъ, въ квартирѣ Полиновскаго читали прокламаціи «Свобода», а о другой прокламаціи Полиновскій выразился: «Вотъ эта хороша,—ее писалъ одинъ изъ нашихъ»... О собраніи по случаю пріѣзда Остельковскаго (Сильвандъ) Мрочекъ разсказалъ такую подробность: «Послѣ ухода Сильванда у студентовъ былъ разговоръ,—что дѣлать съ манифестами, брошюрами и револьверами: сжечь или закопать тамъ, гдѣ и то. Орловъ же сказалъ: я ихъ вмѣстѣ закопаю, пусть лежатъ, тамъ никто не отыщетъ [2]). Наконецъ о томъ же собраніи Мрочекъ далъ одно очень любопытное показаніе. Онъ утверждалъ—одинъ противъ всѣхъ,—что собраніе это происходило въ квартирѣ «доктора» [3]). Комиссія, конечно, ухватилась за это показаніе, надѣясь, вѣроятно, «подловить» Бургера. Мрочека спросили, почему онъ такъ думаетъ; послѣдній объяснилъ: потому что «всѣ присутствующіе студенты называли хозяина—докторъ и относились къ нему съ несравненно большимъ почтеніемъ, чѣмъ къ остальнымъ товарищамъ» [4]). Студенты же заявили, что они докторомъ «въ шутку» называли Полиновскаго.

VIII.

Печальную картину представляетъ изъ себя поведеніе на слѣдствіи Ив. Орлова и всѣ его показанія.

Къ нему, какъ и ко всѣмъ обвиняемымъ, слѣдств. комиссія примѣнила обычный свой пріемъ запугиванія,—указанія на страшную тяжесть вины и отвѣтственности, которую можно смягчать лишь искреннимъ и полнымъ признаніемъ. Большинство изъ привлеченныхъ заплатило извѣстную дань этому «психологическому» пріему комиссіи и—вполнѣ извинительному и понятному—своему инстинкту самосохраненія. Но никто въ такой мѣрѣ, какъ Ив. Орловъ. Придавленный съ перваго же своего появленія предъ комиссіей угрозой смертной казни, Орловъ цѣлыя тетради своихъ показаній посвящалъ искреннимъ и «полнымъ признаніямъ», въ которыхъ

---

[1]) Бирюковъ отрицалъ этотъ конфузный фактъ.

[2]) Объясненіе Орлова по этому поводу будетъ приведено ниже въ его показаніяхъ.

[3]) Всѣ же остальные участники-студенты говорили, что оно было сначала у Станкевича, а затѣмъ у Полиновскаго.

[4]) Подобное же заявленіе сдѣлалъ Чернякъ о томъ собраніи, на которомъ онъ присутствовалъ, показавъ, что оно было у доктора. Но Бургеръ и послѣ этихъ показаній, какъ Мрочека, такъ позднѣе и Черняка, остался невредимъ.

наговорилъ столько и такихъ вещей, что даже комиссію поразилъ, во-1-хъ, обширностью своихъ свѣдѣній, а во 2-хъ, «готовностью содѣйствовать»... Онъ не только разсказалъ все, что зналъ о дѣлѣ (кромѣ *одного* пункта, выше уже упомянутаго: отъ кого была получена имъ прокламація «Долго давили васъ»), но ошельмовалъ массу своихъ товарищей, очернилъ большинство лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ и весь университетъ, представивъ его сплошной шайкой заговорщиковъ. При этомъ онъ наговорилъ множество такихъ подробностей и якобы фактовъ, какихъ, конечно, никогда и не бывало; это были просто революціонныя сказки сочиненія Ив. Орлова. Въ данномъ случаѣ у него, вѣроятно, была своя «психологія»—запугать комиссію и власть опасностью революціи и поразить громадностью сдѣланныхъ имъ открытій.

Комиссія особенный и вполнѣ понятный интересъ обнаружила къ вопросу, отъ кого получилъ Ив. Орловъ прокламаціи для перваго своего путешествія. Орловъ, какъ выше уже было упомянуто, назвалъ Слядковскаго и его товарищей—Петрушенко и Федоренко. Вся полиція была поднята на ноги, но лицъ съ этими фамиліями или съ тѣми примѣтами, какія указывалъ Орловъ, въ Казани не оказалось.

Никто и нигдѣ ихъ не видалъ, въ томъ числѣ и въ ресторанѣ. «Тогда какъ если бы они дѣйствительно туда приходили (и довольно часто, какъ говорилъ Орловъ), то они были бы замѣчены кѣмъ-либо изъ хозяевъ или прислуги. Невѣроятно,—замѣчала комиссія,—чтобы вы, находясь съ ними въ столь частыхъ сношеніяхъ, не постарались узнать ихъ мѣсто жительства». Но Орловъ стоялъ на своемъ: «Это лица существуютъ, но все мое несчастіе въ томъ, что если фамиліи ихъ псевдонимы—я не знаю ихъ настоящихъ фамилій».

Комиссія снова насѣдаетъ на Орлова и высказываетъ свое предположеніе (довольно вѣроятное). «Въ показанное вами время Слядковскаго, Федоренко и Петрушенко ни подъ этими, ни подъ другими именами въ Казани не было. Какъ личности, такъ и фамиліи эти вами вымышлены, дабы скрыть отъ правительства лицъ, вамъ извѣстныхъ, раздѣлявшихъ ваши убѣжденія и трудившихся совокупно съ вами надъ печатаніемъ прокламацій, съ которыми вы впослѣдствіи и путешествовали въ Вятской и Пермской губ. Въ этомъ убѣждаетъ еще болѣе ваше показаніе, что въ тѣхъ прокламаціяхъ нѣкоторыя буквы не вышли и вы должны были поправлять ихъ карандашемъ» [1]). Пригрозивъ затѣмъ, что за распространеніе этихъ прокламацій, стремящихся произвести въ народѣ бунтъ, опредѣляется самое высшее наказаніе, тѣмъ болѣе, что самъ Орловъ сознался, что «достигнуть равномѣрнаго распредѣленія богатства считаетъ возможнымъ только чрезъ революцію»,—комиссія снова требовала отъ него «чистосердечнаго сознанія и полнаго раскрытія этихъ лицъ и событій, безъ всякихъ изворотовъ и мистификацій».

Но поразительный фактъ. Ив. Орловъ, давшій затѣмъ подробныя обо всемъ и обо всѣхъ показанія, назвавшій массу лицъ, разсказавшій многое такое, о чемъ никогда бы не могла узнать слѣдств. комиссія, въ данномъ случаѣ обнаружилъ удивительную твердость и настойчивость. Онъ приписывалъ составленіе и передачу прокламаціи «Долго давили васъ» какимъ-то неизвѣстнымъ и никогда не

---

[1]) Прокламація эта, подлинникъ которой былъ въ нашихъ рукахъ, дѣйствительно напечатана скверно на четвертушкѣ сѣрой бумаги.

бывавшимъ въ Казани полякамъ (и на томъ стоялъ до конца слѣдствія). Зато вполнѣ удовлетворилъ слѣд. комиссію своими показаніями по другимъ вопросамъ и своими «откровенными объясненіями». Въ особой запискѣ, поданной въ слѣдственную комиссію, Иванъ Орловъ излагалъ причины и ходъ развитія революціоннаго движенія вообще, въ Россіи въ частности и, наконецъ, въ самой Казани. Эти показанія Орлова настолько любопытны и своеобразны, что часть ихъ мы приведемъ буквально.

«Въ бытность свою въ университетѣ,—писалъ Орловъ,—я управлялъ студенческою читальною комнатою и медицинской студ. библіотекою. Чрезъ это я познакомился съ большею половиною студентовъ. Имѣя такъ много знакомыхъ, я, конечно, неоднократно могъ слышать и вести разговоры о современномъ революціонномъ настроеніи. Результатъ этихъ разговоровъ я намѣренъ теперь изложить, насколько позволяетъ память, хоть въ общихъ чертахъ.

«Въ Россіи какъ начало революціонныхъ движеній, такъ и группированіе въ кружки лицъ, недовольныхъ современнымъ положеніемъ вещей, дѣлается болѣе замѣтнымъ въ концѣ прошедшей (крымской) войны. Всеобщею дороговизной и чрезмѣрнымъ отвлеченіемъ рабочихъ рукъ народъ былъ доведенъ до такого состоянія, что готовъ былъ отказать отъ поставки рекрутъ [1]), несмотря ни на какія патріотическія чувства. Такое тревожное состояніе народа, когда онъ готовъ былъ высказать все, что накипѣло въ его груди, было, кажется, побудительною причиною группированія кружковъ, т.-е. заставило людей, считающихся у насъ передовыми, вникать и прислушиваться къ голосу народа.

«При этомъ нелишне упомянуть о нелѣпомъ слухѣ, распространившемся по случаю смерти покойнаго государя, т.-е. что будто бы онъ, доведенный до крайности тяжелой войны, бѣжалъ и скрывается на Волгѣ. Подобные слухи служатъ сильно поджигающими народное движеніе средствами. Сюда же относится и слухъ о Константинѣ Николаевичѣ [2]).

«Всѣ они могутъ вести къ повтореніямъ пугачевщины и другимъ явленіямъ, свойственнымъ юго-восточной Руси. Кѣмъ и какимъ образомъ они распространяются и почему воспринимаются и прививаются съ большой вѣрою на Волгѣ? На это должны уже отвѣчать лица ближе и лучше насъ знакомые съ краемъ.

«Все это говорится къ тому, что если подобные слухи, хотя и нелѣпые, имѣли силу въ массѣ, то они могли быть толчками къ революціонной дѣятельности и заставляли лицъ, дѣйствующихъ въ настоящее время на революціонной аренѣ, вникать, такъ сказать, въ инстинкты народныхъ страстей.

«Къ 1861 году у насъ, въ Россіи, дѣлаются извѣстными слѣдующія общества: «Великоруссъ», программа котораго конституціонная и нѣсколько съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Общество «Друзей народа» не имѣло болѣе или менѣе опредѣленной программы, но ближе подходило къ «Великоруссу». Впослѣдствіи оно соединилось съ обществомъ «Земля и Воля».

«Общество «Земля и Воля»—самое богатое по капиталу и по числу членовъ—имѣетъ чисто соціальную программу. Извѣстно было, что еще въ 1861 г. число членовъ его было до 260, а въ 1862 г. до 600, потомъ съ присоединеніемъ къ нему общества «Друзей народа» еще болѣе увеличилось.

«Въ послѣднее время извѣстно было, что образуется новое общество — «Община», программа котораго также соціальная, но слишкомъ жестка, чтобы не сказать—дерзка, въ сравненіи съ нею программа «Молодой Россіи» блѣдна. Главная цѣль его— образованіе политическихъ революціонныхъ сектъ и разжиганіе всѣхъ народныхъ противоправительныхъ страстей какими бы то ни было средствами. Извѣстно было также, что «общинники» находятся въ самыхъ ближайшихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ Мадзинистами. Теперь уже не тайна, что Мадзинисты не гнушаются никакими средствами; даже разбойничество и грабежи въ Италіи прямо или косвенно поддерживаются ими. Сформировалась ли вполнѣ «Община» или только въ идеѣ, утвердительно сказать нельзя: не было положительныхъ извѣстій. Нелишне замѣтить, что этой организаціи, съ ея насильственными требованіями, не было замѣтно сочувствія даже и въ разговорахъ университетской молодежи».

---

[1]) Въ Восточной Сибири, гдѣ рабочія руки дороги, рекрутъ-наемщикъ стоилъ отъ полуторы до пяти тысячъ рублей. *Примѣчаніе Орлова.*

[2]) Слухъ состоялъ въ томъ, что Константинъ Николаевичъ вслѣдствіе непріятностей удалился изъ дворца и скрывается на Волгѣ.

«Сказавъ затѣмъ, что издавна существовавшія симпатіи славянскихъ народовъ (Австріи и Турціи) къ Россіи были ослаблены усмиреніемъ Венгерскаго «бунта» русскими войсками, Орловъ продолжалъ: «Какъ бы ни было, эти симпатіи *поддерживались и поддерживаются* до настоящаго времени *какъ нашими, такъ и ихними передовыми учеными.* Поэтому какъ наши революціонные комитеты, такъ и ихніе находятся въ ближайшихъ непосредственныхъ сношеніяхъ и имѣютъ одну цѣль—федеративное и соціальное устройство.

«Можно полагать, что главная задача нашихъ революціонныхъ комитетовъ въ настоящее время состоитъ въ желаніи какъ можно болѣе пріобрѣсти денежныхъ средствъ. Вооруженную дѣятельность свою они, навѣрное, не откроютъ ранѣе, пока *инициатива волненій не будетъ принадлежать самому народу.* Начало 1861 г. было, конечно, самымъ удобнымъ для ихъ дѣятельности, но годъ этотъ, вѣроятно, засталъ ихъ или совершенно безъ средствъ или врасплохъ, такъ что они не знали, за что приняться.

«Большая часть лицъ, на которыхъ возлагаются главныя обязанности комитета, *находятся постоянно или временно за границей, какъ мѣстъ очень безопасномъ. За границей же находятся капиталы и бываютъ съѣзды. Главная дѣятельность въ революціонныхъ комитетахъ, конечно, принадлежитъ профессорамъ университета, какъ лицамъ, имѣющимъ большое вліяніе на молодое поколѣніе и какъ представителямъ свободныхъ идей.* Что касается до *профессоровъ Казанскаго университета,* то нужно сказать, что *меньшая часть ихъ состоитъ членами комитетовъ, а большая часть участвуетъ черезъ денежныя воспоможенія.*

«*Распространеніе между студентами всѣхъ печатныхъ воззваній уже часто приписывается имъ. Многіе изъ нихъ уже давно проповѣдуютъ революцію въ Россіи и дѣлаютъ сопоставленіе настоящаго состоянія Россіи съ состояніемъ Франціи въ 1793 г. Имъ также приписывается распространеніе того мнѣнія, что съ весны нынѣшняго года въ Россіи должна начаться революція.* Извѣстно было также ихъ намѣреніе закрыть университетъ, чтобы развязать этимъ руки молодому поколѣнію и заставить примкнуть къ народу. Въ особенности это настроеніе сдѣлалось болѣе положительнымъ, когда сдѣлались извѣстными волненіе въ Тенькахъ и желаніе крестьянъ образовать въ Мамадышѣ вооруженную шайку.

«Необходимо также замѣтить, что большая часть казанскихъ профессоровъ не удовлетворяютъ студентовъ въ строго научномъ отношеніи, и поэтому проповѣдываніе революціи для нихъ копекъ, на которомъ они выѣзжаютъ, сглаживаютъ свою неудовлетворительность и пріобрѣтаютъ любовь и довѣріе студентовъ. Собственно, студенты въ настоящее время заняты мыслію не столько о баррикадахъ, сколько *изученіемъ государственнаго устройства и соціализмомъ.*

«Всѣ эти профессорскія проповѣди въ настоящее время уже не произносятся съ каѳедры, *а передаются близкимъ людямъ в домашнихъ и* quasi-*семейныхъ собраніяхъ* [1]).

«Когда съ одной стороны, т.-е. съ каѳедры, кричатъ п чти что: «въ топоры!» съ другой—являются такіе доброхотные дателн, которые предлагаютъ станки, печатныя воззванія, деньги, оружіе, устоять—быть въ сторонѣ, [illegible] чо. Мысль прямо находитъ подтвержденіе тѣхъ приготовленій, о которыхъ слышишь на каждомъ шагу».

Затѣмъ комиссія, узнавъ изъ показаній Мрочека, Краснопероваыхъ и др. о существованіи студенческихъ кружковъ, потребовала отъ Орлова «подробнаго и откровеннаго объясненія, какіе именно существовали въ Казани студенческіе кружки, какъ великъ былъ ихъ составъ, въ чемъ заключалась ихъ дѣятельность, гдѣ и когда собирались, кто были посредники съ главнымъ обществомъ?»

Ив. Орловъ съ готовностью и даже съ пошлой откровенностью называетъ всѣ кружки, перечисляетъ ихъ участниковъ—студентовъ, затѣмъ переходитъ къ профессорамъ.

«По слухамъ,—продолжалъ Орловъ свои замѣчательныя разоблаченія,—ходившимъ въ массѣ студентовъ, Бутлеровъ, Буличъ, Соколовскій принадлежатъ будто бы къ обществу «Великоруссъ», а Соколовъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Шпилевскій, Вагнеръ, Янышевскій, Нелидовъ, Яновичъ и Ѳирсовъ [2])—къ обществу «Земля и Воля».

---

[1]) Курсивъ вездѣ слѣдственной комиссіи.

[2]) Это все профессора Казанск. университета.

Письма А. И. Герцена.

Н. П. Огареву [1]).

1.

22 Апрѣля / 3 Мая, 1843 Москва.

Письмо твое отъ 28/16 Марта изъ Рима [2]) пришло, спасибо за него. Письмо это тѣмъ особенно замѣчательно, что ты въ немъ какъ на блюдечкѣ. Истинно человѣкъ никогда неможетъ выдти изъ себя, это оптическій обманъ и то что составляетъ единичность, la particularité individuelle, характеръ, особность, то съ сознаніемъ, съ мыслью особое дѣло, не совпадающее. Противурѣчіе это всего яснѣе въ тебѣ. Есть области въ которыхъ люди понимаютъ другъ друга, чѣмъ больше, тѣмъ меньше остаются самими собою, а именно личная особность друга, женщины и дорога, ее то мы и любимъ, и въ нихъ то (т.-е. въ индивидуальностяхъ) и расходимся. Тебѣ труднѣе рѣшится шагнуть, сдѣлать скачекъ, нежели мучится въ болотѣ, страдать ложнымъ положеніемъ у своего собственнаго очага; а мы удивляемся какъ ты не предпочтешь кончить разомъ, оттого что по нашему легче именно то, что по твоему тяжеле. Въ этихъ случаяхъ дѣло друга сострадать и быть совершенно страдательнымъ лицомъ; иногда какъ баронъ сластить рѣчь кой какимъ крѣпкимъ словцомъ, разгнѣватся, закричать, а потомъ принятся за трубку и смирится — передъ слабостію. Ты, Огаревъ, самый сильный характеръ изъ всѣхъ мною знаемыхъ людей, у тебя желѣзная воля—слабости.—Удивительно, вотъ рядомъ съ твоимъ письмомъ грамотка отъ Виссаріона [3]). Какая противуположность. У тебя тягостныя обстоятельства разрѣшаются въ какой то милый юморъ и видишь ясно между грустныхъ строкъ—спокойную и свѣтлую подкладку которой дѣла нѣтъ до скорби, у тебя подъ слезой—ребячья улыбка, и подъ улыбкой—ребячья слеза, у тебя широкое пониманье всего общечеловѣческаго и тупое непониманье всего частно-Огаревскаго. И у Вис. юморъ, юморъ игрока который видитъ что дѣло идетъ плохо, отъ его юмору горло захватываетъ, въ слезѣ его злая иронія и въ ироніи горькія слезы, онъ бѣснуется озлобленный, желчный. Онъ страдаетъ больше тебя.

---

[1]) Собственность Н. Н. Сатиной; печатаются съ сохраненіемъ орѳографіи подлинниковъ.

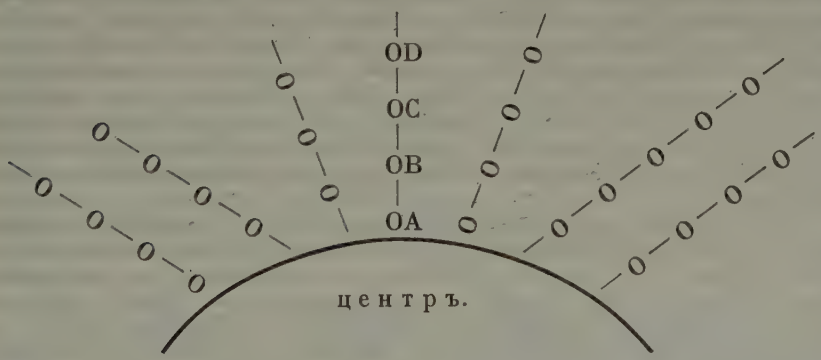
[2]) Это письмо Огарева напечатано въ «Русск. Мысли», 1889 г., декабрь, стр. 7 и д. Огаревъ писалъ о своихъ отношеніяхъ съ женою, Маріей Львовной, — о томъ же пишетъ ему здѣсь Герценъ; см. М. Гершензонъ, «Образы прошлаго», стр. 504 и д. Герценъ получилъ письмо Огарева (и другое—Бѣлинскаго) 15 апрѣля, см. его «Дневникъ», въ женевскомъ собр. соч., т. I, стр. 96.

[3]) Т.-е. В. Г. Бѣлинскаго.

русскихъ университетахъ. При Николаѣ Павловичѣ онъ былъ отданъ въ солдаты, и только въ нынѣшнемъ году ему удалось кончить курсъ въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ имѣетъ свой домъ на Ново-Горшечной улицѣ, въ которомъ, вѣроятно, его хозяйскою рукою надѣланы темные уголки, гдѣ многое можетъ сохраниться. Въ его домѣ постоянно живетъ много студентовъ и при томъ какъ-то случается, что большею частью—люди дѣльные и лучшіе. Въ прошломъ году у него занималъ квартиру профессоръ Шпилевскій, но жилъ рядомъ у родственника своего, профессора Чебышева. Вѣроятно, не для роскоши Шпилевскій имѣлъ двѣ квартиры...

«Вполнѣ открыть всю сѣть казанскихъ пропагандистовъ,—писалъ въ заключеніе Орловъ,—положительно невозможно. Здѣсь существуетъ особая организація. Каждый участвующій обязывается имѣть еще одно только лицо и ни подъ какимъ видомъ не группировать около себя центра. Онъ знаетъ только своего кліэнта и своего патрона, но ближайшихъ къ центру уже не знаетъ. Всѣ отношенія лицъ участвующихъ бываютъ только съ глазу на глазъ».

Для болѣе нагляднаго объясненія организаціи Орловъ прилагалъ и рисунокъ такого рода:



«Напримѣръ,—пояснилъ Орловъ,—С получаетъ воззваніе отъ В, ихъ было только двое, одинъ на одинъ. С. имѣлъ неосторожность попасться съ воззваніями. Онъ никогда юридически не можетъ уличить В въ томъ, что отъ него получилъ воззваніе: обвиненіе является голословнымъ.

«. . . . . Во главѣ этой организаціи есть профессора университета, но кто—неизвѣстно. Они, какъ люди солидные, очень осторожны и, можно сказать, безукоризненно ведутъ дѣла; къ нимъ трудно подколупиться. Эта система имѣетъ сношенія съ Обществомъ «Земля и Воля».

Строгость этой системы, по словамъ Орлова, такъ велика, что онъ, при всемъ довѣріи, которымъ пользуется среди студентовъ, могъ узнать «фактически» дѣятельность только около 12 человѣкъ, и только на основаніи словъ другихъ знаетъ дѣятельность многихъ. Открыть дѣятельность многихъ пропагандъ, говорилъ Орловъ, трудно еще и потому, что многіе вовсе не живутъ въ Казани.

«Изъ послѣднихъ,—кончалъ Орловъ еще одной гадостью,—т.-е. не живущихъ въ Казани, есть лица, исключительно посвятившія себя проповѣди революціи. Напр., студентъ *Заикинъ*. Въ прежнее время онъ занимался постоянно распространеніемъ прокламацій. Но когда начались безпорядки между крестьянами, когда возникли тайныя общества,—словомъ, когда явилась надежда на революцію, онъ, оставивъ университетъ, отправился проповѣдывать революцію. Онъ ходитъ изъ деревни въ деревню подъ видомъ филологическихъ изысканій. Сначала онъ проповѣдывалъ въ Казанской и Пермской губ., потомъ отправился въ Астраханскую. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ перебрался въ Саратовскую».

Про себя же лично, про свое дальнѣйшее поведеніе Ив. Орловъ писалъ въ заключеніе одного изъ своихъ показаній.

«Въ настоящее время я отказываюсь отъ дальнѣйшей революціонной дѣятельности. Даю честное слово болѣе не дѣйствовать,—не потому, чтобы я перемѣнилъ свои убѣжденія, а единственно по слѣдующему побужденію: мои родители очень уже старыхъ лѣтъ и понятій; моя виновность и настоящее положеніе для нихъ крайне огорчительны, а думаю даже, что они едва ли перенесутъ этотъ ударъ».

Приводить показаній остальныхъ привлеченныхъ мы не будемъ, такъ какъ это заняло бы слишкомъ много мѣста. Тѣмъ болѣе нѣтъ возможности привести показаній «свидѣтелей» и лицъ попутно, не надолго привлеченныхъ. Чтобы представить себѣ, какъ велико было количество подобныхъ лицъ, достаточно сказать, что всякій, чья фамилія была произнесена кѣмъ-либо изъ участниковъ, или кто имѣлъ къ нему хоть какое-нибудь отношеніе, дѣлался предметомъ самаго пристальнаго вниманія комиссіи. При этомъ нужно замѣтить, что самый кругъ-то вниманія былъ чрезвычайно широкъ географически. Онъ охватывалъ собою города и мѣстечки отъ Петербурга до Астрахани и отъ Вильны до Иркутска. Москва и глухой улусъ Астраханской губ., усадьба польскаго помѣщика и хата сельскаго дьячка въ Лаишевскомъ уѣздѣ, губернаторская квартира и деревня въ Пензенской губерніи — все при малѣйшемъ поводѣ подлежало самому подробному разслѣдованію. Привлекались лица по самымъ разнообразнымъ поводамъ и различныхъ общественныхъ положеній.

Напр., былъ привлеченъ Арефьевъ, учитель духовнаго училища въ г. Соликамскѣ, Пермской губ. Почему? Вслѣдствіе показанія Ник. Орлова, что въ день отъѣзда его изъ Казани, въ то время, какъ приходилъ Ив. Орловъ съ прокламаціями, *въ другой комнатѣ* находился (въ числѣ другихъ) Арефьевъ и, *вѣроятно*, видѣлъ и даже читалъ прокламаціи, когда Орлова не было въ комнатѣ. Дьячекъ Клавикордовъ (с. Никольскаго, Лаишевскаго у., Казанской губ.) притягивается къ допросу, потому что, какъ обнаружилось, привозилъ однажды письмо Булгакову отъ Элпидина. Помѣщикъ Лепельскаго у., Виленской губ., пріютилъ у себя бѣглеца-повстанца (и вмѣстѣ участника Казанск. заговора), но послѣдній не выдержалъ молчанія, выдалъ, и помѣщикъ несетъ суровую кару. Въ бумагахъ Бѣлозерскаго, привлеченнаго къ дѣлу Андрущенки, находятъ письмо въ запечатанномъ пакетѣ отъ жены быв. Саратовскаго губернатора Екат. Барановской съ адресомъ: «Іерониму Кеневичу, гражданскому инженеру французской компаніи желѣзныхъ дорогъ». Въ самомъ письмѣ ничего предосудительнаго не оказалось, но Кеневичъ «обвиняется въ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ». Это достаточно. У Барановской дѣлаютъ обыскъ и находятъ у ней переписку «преступнаго содержанія» съ штабсъ-капитаномъ Авдѣевымъ. О Барановской и Авдѣевѣ возникаетъ цѣлое дѣло» и т. д. и т. д.

IX.

Послѣ восьмимѣсячныхъ трудовъ комиссія закончила слѣдствіе, выяснила степень виновности каждаго изъ привлеченныхъ. Оставалось предать ихъ суду и назначить соотвѣтственное наказаніе.

Первоначально «высочайше повелѣно было всѣхъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ были собраны полныя юридическія доказательства и улики, предавать *суду по полевымъ уголовнымъ законамъ*, по мѣрѣ окончанія изслѣдованія о каждомъ обвиняемомъ». Но при самомъ же началѣ слѣдствія «открылось, что число лицъ, участвовавшихъ въ противоправительственной пропагандѣ и въ преступномъ умыслѣ произвести вооруженное возстаніе, довольно значительно и что мѣра виновности ихъ не одинакова. Почему, признавъ неудобнымъ преданіе всѣхъ виновныхъ одинаковому военному, по полевому уложенію, суду, временный генералъ-губернаторъ Казанской, Пермской и Вятской губерній генералъ-адъютантъ Тимашевъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе, на основаніи коего лица, обвиняемыя въ государственныхъ, политическихъ преступленіяхъ, по совершонномъ окончаніи по сему предмету слѣдствія, распредѣлены по категоріямъ съ отнесеніемъ къ *первой* главныхъ зачинщиковъ и двигателей, подлежащихъ суду *по полевымъ* уголовнымъ законамъ, ко *второй* тѣхъ, которые по меньшей степени виновности должны быть подвергнуты *суду* въ обыкновенномъ порядкѣ, и, наконецъ, къ *третьей* тѣхъ, въ отношеніи которыхъ признано будетъ достаточнымъ ограничиться *мѣрами административными*».

Къ первой категоріи, «по изслѣдованіи», отнесены были: 1) штабсъ-капитанъ Наполеонъ *Иваницкій;* 2) поручикъ Максимиліанъ *Чернякъ* [1]); 3) поручикъ Александръ *Мрочекъ;* 4) подпоручикъ Ромуальдъ *Станкевичъ;* 5) дворянинъ Іеронимъ *Кеневичъ* [2]); 6) студ. Казанскаго университета Иванъ *Орловъ;* 7) студ. Петербургскаго университета *Маевскій;* 8) *Новицкій;* 9) *Госцевичъ* и 10) *Олехновичъ*.

Военный судъ быстро окончилъ разбирательство и вынесъ ниже приведенную резолюцію.

Въ особо образованной слѣдственной комиссіи Кеневичъ категорически отвергъ всѣ предъявленныя ему обвиненія. Онъ совершенно отрицалъ свое участіе въ заговорѣ: командировку Черняка и Сильванда въ Казань, снабженіе ихъ инструкціями и матеріалами и пр. Такой его позиціи въ данномъ вопросѣ благопріятствовало то обстоятельство, что ни Чернякъ ни Сильвандъ разысканы еще не были.

Отвергалъ также обвиненіе въ томъ, что уговорилъ Маевскаго, Госцевича и Новицкаго отправиться для разбрасыванія подложныхъ манифестовъ и снабдилъ ихъ самыми манифестами. Несмотря на то, что на очныхъ ставкахъ Маевскій и Новицкій категорически заявили, что именно это самое лицо снабдило ихъ манифестами и наставленіями какъ дѣйствовать,—Кеневичъ твердо стоялъ на своемъ. Онъ настолько энергично велъ эту тактику отрицанія, что вызвалъ сомнѣніе въ членахъ комиссіи и суда. Единственное обвиненіе, какое онъ самъ на себя наговорилъ, заключалось въ слѣдующемъ. Кеневичъ объяснилъ, что къ нему являлись лица для сбора пожертвованій въ пользу польской революціи, а иные съ предложеніемъ вступить въ ряды инсургентовъ.

Что касается Станкевича, то онъ первоначально отрицалъ большую часть нападавшихъ на него обвиненій, но затѣмъ вслѣдствіе показаній Иваницкаго и особенно Мрочека вынужденъ былъ признаться, что о планахъ Черняка,

---

[1]) Къ тому времени все еще не разысканный.

[2]) Въ такомъ порядкѣ перечислены обвиняемые въ офиціальной резолюціи. Кеневичъ поставленъ на 5-мъ мѣстѣ. Это не случайно, а объясняется тѣмъ, что комиссія и затѣмъ военный судъ сомнѣвались въ виновности Кеневича.

Кеневичъ и Станкевичъ были арестованы въ февралѣ 1864 г. въ Западномъ краѣ — первый въ Минской губ., второй — въ Оршанскомъ уѣз., Могилевск. губ. Сначала они были отправлены въ Петербургъ, въ 3-е отд., а оттуда въ началѣ марта 1864 г. въ Казань.

о цѣли пріѣзда Сильванда зналъ, что обсуждался вопросъ о взятіи Казани, о захватѣ оружія въ Ижевскомъ заводѣ и т. д.

Въ отношеніи генерала-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губ. къ начальнику Казанской губ. отъ 5 іюня 1864 года сказано: «Комиссія военнаго полевого суда, учрежденная въ г. Казани по политическимъ дѣламъ, представила мнѣ на конфирмацію постановленныя ею сентенціи о штабсъ-капитанѣ 4 резервнаго баталіона Охотскаго пѣхотнаго полка Наполеонѣ *Иваницкомъ*, поручикѣ 4 резервнаго баталіона Томскаго пѣхотнаго полка Алекс. *Мрочекѣ*, исключенномъ изъ службы подпоручикѣ бывшаго 4 резервнаго баталіона Азовскаго пѣхот. генералъ-адъютанта гр. Лидерса полка Ромуальдѣ *Станкевичѣ* и назвавшемъ себя французскимъ подданнымъ дворянинѣ Минской губ. Іеронимѣ *Кеневичѣ*, сужденныхъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній за политическое преступленіе, военнымъ по полевому уголовному уложенію судомъ».

«По заключенію комиссіи изъ числа названныхъ подсудимыхъ по собственному ихъ признанію и по обстоятельствамъ дѣла признаны виновными:

«Штабсъ-капитанъ *Иваницкій:* а) въ недонесеніи правительству о преступныхъ замыслахъ поручика Черняка, пріѣхавшаго въ Казань въ мартѣ 1863 г. подъ именемъ агента Московскаго революціоннаго комитета, чтобы разузнать мѣстность и произвести волненіе для отвлеченія войскъ изъ Польши; б) въ предложеніи поручику Черняку своихъ услугъ къ возбужденію революціи, съ цѣлью домогаться отъ правительства уступокъ въ пользу Польши и Россіи; в) въ ознакомленіи поручика Черняка съ кружкомъ университетскихъ студентовъ, съ которыми Иваницкій, въ присутствіи Черняка, входилъ въ разговоры возмутительнаго содержанія, развивалъ планы взятія Казани и Ижевскаго завода, указывалъ на необходимость приступить къ дѣлу ранней весной, а по полученію извѣстій о послѣдствіяхъ пребыванія въ Казани студента С.-Петербургскаго университета Сильванда, Иваницкій писалъ подсудимому поручику Мрочеку, что нужно дѣйствовать тамъ, гдѣ можно захватить оружіе и боевые припасы, надо сосредоточиться въ извѣстномъ мѣстѣ, завладѣть пароходами и потомъ можно дѣйствовать быстро на всемъ протяженіи Волги и Камы; въ письмѣ, отправленномъ черезъ студента Глассопа студенту Жеманову, Иваницкій высказываетъ полное сочувствіе замышлявшемуся возстанію и преданность этому дѣлу; г) въ принятіи непосредственно мѣръ къ скрытію Черняка отъ преслѣдованія правительства; д) въ откровенно высказанномъ заявленіи о сочувствіи своемъ къ польскому возстанію и готовности своей встать въ ряды инсургентовъ; е) въ пріобрѣтеніи и храненіи у себя возмутительныхъ воззваній и ложнаго манифеста, даннаго будто бы государемъ императоромъ въ Москвѣ 31 марта; ж) въ незаконномъ пріобрѣтеніи двухъ подорожныхъ бланковъ, изъ коихъ одинъ, по собственнымъ словамъ его, взялъ тайно у квартирмейстера Свиницинскаго, а другой получилъ непрописаннымъ отъ казначея, штабсъ-капитана Старова; з) въ веденіи преступнаго разговора съ крестьяниномъ с. Бездны Хоринымъ, съ цѣлью испытать, насколько подготовленъ народъ къ возстанію».

«Поручикъ *Мрочекъ:* а) въ знаніи и недонесеніи начальству о преступномъ умыслѣ поручика Черняка и штабсъ-капитана Иваницкаго произвести вооруженное возстаніе въ Казанской губ.; б) въ принятіи непосредственнаго участія къ осуществленію преступныхъ намѣреній Черняка и Иваницкаго, какъ это видно изъ того, что, когда прибылъ въ Казань посланный отъ Черняка студентъ Сильвандъ съ ложными манифестами, револьверами, деньгами и письмами отъ Черняка, заключавшими распоряженія о производствѣ возстанія, то поручикъ Мрочекъ, получивъ отъ Сильванда часть денегъ и письма, ходилъ съ послѣдними къ студентамъ Полиновскому и Сергѣеву, сдѣлалъ переводъ писемъ съ польскаго на русскій языкъ и сообщилъ содержаніе ихъ Иваницкому, а впослѣдствіи отослалъ къ нему по одному экземпляру ложнаго манифеста и воззваній, изъ числа привезенныхъ Сильвандомъ; потомъ въ квартирѣ подпоручика Станкевича, гдѣ остановился студентъ Сильвандъ, Мрочекъ, на основаніи писемъ Черняка, спрашивалъ бывшихъ тамъ студентовъ: сколько изъ нихъ готовыхъ принять участіе въ возстаніи; въ квартирѣ Полиновскаго Мрочекъ возбуждалъ студентовъ къ возстанію, доказывая имъ легкость, удобоисполнительность плановъ Черняка и Иваницкаго о взятіи Казани и Ижевскаго завода. Кромѣ того, поручикъ Мрочекъ оказывается виновнымъ: въ принятіи мѣръ въ сокрытію Черняка отъ преслѣдованій правительства; въ самовольной отлучкѣ въ Москву, гдѣ, назвавшись чужою фамиліей, разыскивалъ поручика Черняка».

Подпоручикъ *Станкевичъ:* а) въ побѣгѣ изъ службы въ Польшу, съ намѣреніемъ встать въ ряды инсургентовъ; б) въ участіи въ замыслѣ произвести вооруженное возстаніе въ Казанской губ. Это участіе выразилось въ томъ, что онъ, нанимая квартиру для вторичнаго пріѣзда Черняка въ Казань, полу-

чилъ отъ него изъ Москвы телеграмму съ извѣщеніемъ о времени его пріѣзда, и завѣдомо принялъ къ себѣ на квартиру посланнаго отъ Черняка студента Сильванда съ ложными манифестами, воззваніями, деньгами и револьверами, привезенными для произведенія возстанія; в) въ пріобрѣтеніи фальшивыхъ документовъ и пользованія ими, и г) въ ложныхъ показаніяхъ при допросѣ».

«Дворянинъ Іеронимъ *Кеневичъ:* по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла, навлекъ на себя весьма сильное подозрѣніе, какъ главный распорядитель въ разсылкѣ эмиссаровъ въ приволжскія губернія и въ снабженіи ихъ экземплярами ложнаго манифеста, фальшивыми видами на свободный проѣздъ, деньгами на путь и проч... Добровольно сознался въ томъ: 1) что онъ не только не донесъ о лицахъ, явившихся къ нему съ письмами и повелѣніями объ уплатѣ налога въ пользу польской революціи и о немедленной явкѣ его на театръ войны, но и самыя эти письма возвращалъ назадъ или сожигалъ, и 2) въ томъ, что въ декабрѣ 1862 года проживалъ въ Москвѣ въ гостиницѣ Шевалдышева по чужому паспорту, заявивъ свой собственный въ другой части города.

«Военный судъ, сообразивъ всѣ вышеизложенныя преступленія съ полевыми законами, постановилъ: подсудимыхъ штабсъ-капитана *Иваницкаго* (27 лѣтъ), поручика *Мрочека* (30 лѣтъ) и подпоручика *Станкевича* (27 лѣтъ), на основаніи ст. 96, 174, 175, 540, 560, 564, 606 кн. 1 и ст. 350 и 351 кн. 2 военнаго уголовнаго закона, *по лишеніи чиновъ, медалей и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертью—разстрѣляніемъ».*

«Подсудимаго изъ дворянъ Іеронима *Кеневича* (30 лѣтъ) по обвиненію его, *какъ зачинщика и двигателя въ разсылкѣ ложныхъ манифестовъ за недостаткомъ полныхъ юридическихъ доказательствъ*, на основаніи ст. 340, 351, 375 кн. 2 военнаго уголовнаго закона, *оставить въ сильномъ подозрѣніи.* За недонесеніе же начальству и непринятія никакихъ мѣръ къ задержанію лицъ, являвшихся къ нему съ письмами объ уплатѣ налога въ пользу польской революціи и съ повелѣніемъ о немедленной явкѣ на театръ военныхъ дѣйствій, а также за проживаніе въ Москвѣ, въ декабрѣ 1862 г., по чужому паспорту на основаніи статьи 83, 96, и 562 пунктъ 13 кн. 1 военнаго уголовнаго закона и 1266 уложненія о наказаніяхъ и исправительныхъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, *казнить смертью разстрѣляніемъ».*

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, я нахожу, что

1) Подсудимые штабсъ-капитанъ Иваницкій и поручикъ Мрочекъ, какъ это видно изъ собственныхъ ихъ объясненій и обстоятельствъ дѣла, составивъ планъ произвести вооруженное возстаніе въ Казанской губ. и завладѣть Казанью, съ цѣлью споспѣшествовать мятежу въ Польшѣ, отвлеченіемъ оттуда части войскъ, съ своей стороны употребили всѣ усилія для приведенія своего намѣренія въ исполненіе: вступили въ ближайшія сношенія съ агентами польскаго революціоннаго комитета, стараясь образовать кружокъ соумышленниковъ, склоняя на свою сторону университетскихъ студентовъ, готовили средства, необходимыя для возстанія, какъ то: оружіе, деньги, ложные манифесты и возмутительныя воззванія, для распространенія въ народѣ, дабы возбудить его къ бунту. И хотя преднамѣренное ими зло не совершилось, но не по собственной волѣ подсудимыхъ, а по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, а потому, какъ виновные къ государственной измѣнѣ, на основаніи ст. 11 и 88 кн. 1 военнаго уголовнаго закона, Иваницкій и Мрочекъ подлежатъ столь же строгому наказанію, какое опредѣлено въ ст. 561, 564 военнаго уголовнаго устава,—за совершенное вполнѣ преступленіе, а именно смертной казни».

«2) Подпоручикъ Станкевичъ, по собственному его сознанію, зналъ объ умыслѣ и приготовленіяхъ злоумышленниковъ произвести вооруженное возстаніе, по порученію Иваницкаго нанималъ квартиру для вторичнаго пріѣзда въ Казань одного изъ дѣятельныхъ агентовъ польскаго-революціоннаго комитета, поручика Черняка; получилъ изъ Москвы отъ него телеграмму съ извѣщеніемъ о времени его прибытія въ Казань, наконецъ принялъ къ себѣ на квартиру студента Сильванда, пріѣзжавшаго, по порученію Черняка, въ городъ Казань съ ложными манифестами, возмутительными воззваніями, деньгами и револьверами, предназначенными для произведенія возстанія. Посему и по ст. 15 угол. уст., подпоручикъ Станкевичъ долженъ быть признанъ участникомъ въ преступномъ замыслѣ о произведеніи вооруженнаго возстанія».

«Сверхъ того, онъ виновенъ въ побѣгѣ изъ службы, съ цѣлью вступить въ ряды польскихъ инсургентовъ и въ пользованіи подложными документами о своемъ знаніи, съ которыми учинилъ побѣгъ. За каковыя преступленія, относящіяся къ видамъ государственной измѣны на основаніи ст. 11, 15, 96, 178, 179, 540, 543, 561 и 569 кн. 1 и ст. 350 и 351 кн. 2 военнаго уголовнаго устава подпоручикъ Станкевичъ подлежитъ смертной казни».

«Наконецъ 3) относительно подсудимаго Іеронима Кеневича военный полевой судъ, хотя и заключилъ по обвиненію въ разсылкѣ эмиссаровъ для разбрасыванія подложныхъ манифестовъ оставить его въ сильномъ подозрѣніи, присудивъ, по силѣ законовъ, къ смертной казни за то, что онъ, какъ самъ показалъ, не донесъ начальству и не принялъ никакихъ мѣръ къ задержанію лицъ, являвшихся къ нему съ повелѣніями объ уплатѣ налога въ пользу польской революціи и о немедленной явкѣ его на театръ революціонныхъ событій, — но по внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ, касающихся его, обстоятельствъ и по соображенію оныхъ съ данными имъ отвѣтами, я нашелъ, что, съ одной стороны, совокупность собранныхъ противъ него Главною Слѣдственной Комиссіею доказательствъ и уликъ, съ другой, совершенно голословное, не заслуживающее никакого уваженія, оправданіе при слѣдствіи и судѣ имъ принесенное, не оставляетъ сомнѣніе въ томъ, что осужденные за распространеніе подложныхъ манифестовъ въ приволжскихъ губерніяхъ комиссары Фердинандъ Новицкій, Евстаѳій Госцевичъ, Августъ Олехновичъ и Александръ Маевскій, какъ и сами они показали, были дѣйствительно имъ отправлены и снабжены подложными манифестами, инструкціями и деньгами, и что онъ Кеневичъ есть одинъ изъ главныхъ двигателей и распорядителей по распространенію подложныхъ манифестовъ въ заволжскихъ губерніяхъ, а потому не только за попущеніе и укрывательство являвшихся къ нему агентовъ польской революціи, но и какъ зачинщикъ въ дѣлѣ распространенія подложнаго манифеста, на основаніи ст. 177 пунктъ — 5 и 561, 562, пунктъ 13 кн. I военнаго уголовнаго устава, Кеневичъ подлежитъ наказанію, за государственную измѣну опредѣленному, а именно — смертной казни».

«По симъ соображеніямъ утверждаю: подсудимыхъ штабсъ-капитана Наполеона *Иваницкаго*, подпоручика Александра *Мрочека*, подпоручика Ромуальда *Станкевича* и дворянина Іеронима *Кеневича* за исчисленныя преступленія, на основаніи приведенныхъ законовъ и согласно приговору военнаго полевого суда *лишивъ всѣхъ правъ состоянія*, а первыхъ *троихъ — чиновъ и медалей, казнить смертію — разстрѣляніемъ*.

«О таковой конфирмаціи сообщивъ Вашему Превосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить сдѣлать распоряженіе о приведеніи оной, на законномъ основаніи, въ исполненіе и о послѣдующемъ увѣдомить».

Подписалъ Генералъ-Адъютантъ *Тимашевъ*.

Казнь происходила близъ Подлужной слободы, въ котловинѣ между русской и нѣмецкой Швейцаріей, 6-го іюня въ 7 часовъ утра. Небывалая давно въ Казани, да и вообще рѣдкая еще въ то время въ Россіи, казнь эта произвела, можно сказать, ошеломляющее впечатлѣніе и на общество и на остальныхъ заключенныхъ. Это зрѣлище привлекло массу любопытныхъ и, въ свою очередь, породило множество легендъ.

Элпидинъ передаетъ нѣкоторыя подробности объ этой казни [1]), о настроеніи осужденныхъ и заключенныхъ вообще.

«Въ троицкую пятницу, — пишетъ онъ, — въ 4 часа появились въ тюрьмѣ 8 жандармовъ. Передъ вечеромъ Иваницкаго, Мрочека, Станкевича и Кеневича перевели въ другое отдѣленіе, ближайшее къ выходу, отобравъ у нихъ всѣ вещи, кромѣ матрацовъ. На ночь посадили къ каждому изъ нихъ по два жандарма. Ночь была тихая и ясная. Тимашевъ наслаждался музыкой. У него до разсвѣта игралъ оркестръ. Въ эту ночь въ гражданскомъ тюремномъ замкѣ происходили иного рода хлопоты. Тамъ смотритель замка, обходя всѣ камеры, спрашивалъ арестантовъ, не желаетъ ли кто въ палачи на 2 часа, награду тому 3 рубля и красная рубаха. Всѣ отворачивались отъ предложенія, догадавшись, въ чемъ дѣло. Смотрителю послѣ долгихъ поисковъ удалось найти двухъ между бродягами. Утромъ въ субботу явился ксендзъ. Тюрьма была окружена всевозможнымъ истребительнымъ людомъ. Тутъ были и конные

[1]) Не безъ обычныхъ прикрасъ, напр., о Кеневичѣ, палачѣ и пр.

казаки, и жандармы, и солдаты, и серебряные, и золотые эполеты. Всѣ были въ парадной формѣ, по-праздничному. Народъ не велѣно было пускать въ крѣпость, но, кажется, онъ сверху свалился. Всѣ ждали торжественнаго появленія неизвѣстныхъ публикѣ лицъ. Была гробовая тишина. Послышался по лѣстницамъ тюрьмы стукъ и бряцаніе жандармскихъ сабель... Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ Кеневичъ явились на платформу. Брякнули ружья... Это послѣдняя честь, отданная офицерству. Нѣсколько бѣлыхъ платковъ замахало по воздуху. Иваницкій, Мрочекъ, Станкевичъ и французъ поцѣловались другъ съ другомъ и сѣли въ предложенные комендантомъ экипажи, каждый съ двумя жандармами. Трое изъ этихъ сильныхъ натуръ, стоя въ тарантасѣ, разговаривали и перекидывались остротами съ провожавшими знакомыми. Кеневичъ не могъ насладиться свѣтомъ Божьимъ и въ послѣднія минуты жизни. Онъ наглухо былъ закупоренъ въ желѣзной темной каретѣ. Да и какъ показать француза, ѣдущаго къ столбу, не уличеннаго ни въ какихъ поступкахъ противъ русскаго правительства? Вся эта процессія, двигаясь медленно, достигла, наконецъ, Подлужной слободы, гдѣ на огромной площади высились 4 столба и 4 ямы. Построивъ каре, ввели безстрашныхъ, чтобы прочесть имъ приговоръ. Выслушавъ приговоръ, французъ спросилъ: «За что вы меня убиваете?» Потомъ прибавилъ: «Подлецы». «Молчать!» раздался голосъ полковника Граля, который тотчасъ же скомандовалъ горнистамъ играть похоронный маршъ. Иваницкій съ Станкевичемъ, смѣясь, стали чурать столбы. Палачи стали притягивать руки. Иваницкій во время привязыванія раскланивался съ друзьями. Взводъ солдатъ былъ уже готовъ. Граль махнулъ бѣлымъ платкомъ, потомъ фельдфебель — краснымъ, послѣдовалъ залпъ... и головы убитыхъ опрокинулись впередъ. Въ толпѣ раздалось рыданіе...» [1]).

Красноперовъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ еще такія подробности, взятыя, вѣроятно, изъ тогдашнихъ разсказовъ и слуховъ.

Онъ разсказываетъ, что послѣ ареста Иваницкаго изъ Бездны приходило въ Казань нѣсколько солдатъ его роты «просить объ освобожденіи своего добраго командира. Результатъ ихъ хлопотъ былъ тотъ, что всю роту раскассировали». Упомянувъ затѣмъ о самой казни, Красноперовъ пишетъ: «Тѣла казненныхъ, отвязанныя отъ столбовъ, были прямо брошены въ ямы и зарыты, а потомъ по землѣ надъ могилами церемоніальнымъ маршемъ и съ барабаннымъ боемъ прошли солдаты, разстрѣлявшіе «мятежныхъ» офицеровъ» [2]).

Опубликовано тогда было только слѣдующее офиціальное извѣщеніе.

«По конфирмаціи бывшаго временнаго генералъ-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерніи: 143-го Дорогобужскаго полка, штабсъ-капитанъ *Иваницкій*, 145 Новочеркасскаго, поручикъ *Мрочекъ*, 148 Каспійскаго, поручикъ *Михайловъ* и исключенный Высочайшимъ приказомъ 9 августа 1863 г. изъ списковъ бывшаго 4 резервнаго батальона 45 Азовскаго генералъ-адъютанта графа Лидерса полка подпоручикъ *Станкевичъ*, осужденные военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ, оказались виновными: 1) Иваницкій и Мрочекъ въ томъ, что, составивъ планъ къ вооруженному возстанію въ Казанской губ., съ своей стороны употребили всѣ усилія для приведенія своего намѣренія въ исполненіе; 2) Станкевичъ въ томъ, что не только зналъ объ этомъ умыслѣ и приготовленіяхъ злоумышленниковъ, но и принималъ въ нихъ дѣятельное

---

1) Цитир. соч., стр. 192 — 193.
2) «Мин. Годы», 1908 г., кн. 12.

участіе, въ побѣгѣ изъ службы, съ цѣлью вступить въ ряды польскихъ инсургентовъ и составленіи подложныхъ документовъ о своемъ званіи и 3) Михайловъ въ знаніи о предполагавшемся вооруженномъ возстаніи и о недонесеніи.

За преступленія эти штабсъ-капитанъ *Иваницкій*, поручикъ *Мрочекъ* и подпоручикъ *Станкевичъ*, по лишеніи чиновъ, медалей и всѣхъ правъ состоянія, подвергнуты смертной казни растрѣляніемъ, а поручикъ *Михайловъ*, по лишеніи чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ» [1]).

Замѣчательно, что о Кеневичѣ, его осужденіи и разстрѣляніи въ вышеприведенномъ офиціальномъ сообщеніи «Русскаго Инвалида», ничего не говорится, такъ что по офиціальнымъ даннымъ Кеневичъ какъ будто и не былъ казненъ...

X.

О другихъ обвиняемыхъ по «первой категоріи» въ отношеніи временнаго генералъ-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерній начальнику Казанской губ., отъ 2 іюня 1864 года, говорилось:

«Комиссія полевого суда военнаго, учрежденная въ г. Казани по политическимъ дѣламъ, представила мнѣ на конфирмацію постановленныя ею сентенціи о мѣщанинѣ города Ново-Грудска Александрѣ Иван. *Маевскомъ*, дворянинѣ Ковенской губ. Августѣ Станисл. *Олехновичѣ*, дворянахъ Виленской губ. Фердинандѣ Иванов. *Новицкомъ и* Евстаѳіи Игнатьевѣ *Госцевичѣ* и священническомъ сынѣ Иванѣ Яковлевѣ *Орловѣ*, сужденныхъ по силѣ высочайшихъ повелѣній, по полевому уголовному уложенію, судомъ за политическія преступленія.

По заключенію комиссіи военнаго суда, названные подсудимые, по собственному ихъ сознанію и по обстоятельствамъ дѣла, признаны виновными:

1) Иванъ *Орловъ:* а) въ распространеніи возмутительныхъ воззваній въ губерніяхъ Вятской и Пермской, съ цѣлью возбужденія народонаселенія къ бунту и измѣненію существующаго государственнаго порядка; б) въ знаніи и недонесеніи объ умыслѣ и дѣйствіяхъ штабсъ-капитана Иваницкаго, поручика Мрочека и студента С.-Петербургскаго университета Сильванда, направленныхъ къ произведенію въ Казани вооруженнаго возстанія, для содѣйствія польскому мятежу и въ принятіи участія въ происходившихъ по этому поводу совѣщаніяхъ; в) въ разсылкѣ прокламацій изъ числа привезенныхъ изъ Москвы помянутыхъ Сильвандомъ въ количествѣ болѣе 100 экземпляровъ для распространенія въ народѣ и г) въ знаніи и недонесеніи о существованіи въ Казани литографическихъ станковъ, на которыхъ печатались возмутительныя воззванія.

2) Александръ *Маевскій:* а) въ согласіи присоединиться къ замышлявшемуся въ Казани вооруженному возстанію и въ приглашеніи къ участію въ этомъ дѣлѣ подсудимыхъ — Новицкаго и Госцевича, б) въ распространеніи ложнаго возмутительнаго манифеста во внутреннихъ губерніяхъ; в) въ принятіи чужого имени и пользованіи фальшивымъ видомъ, а также въ передачѣ подсудимому Госцевичу чужого паспорта; г) въ ложныхъ показаніяхъ при допросахъ.

3) Евстаѳій *Госцевичъ*: а) въ изъявленіи согласія на предложеніе подсудимаго Маевскаго присоединиться къ замышлявшемуся вооруженному возстанію въ Казани; б) въ распространеніи ложнаго возмутительнаго манифеста во внутреннихъ губерніяхъ; в) въ пользованіи чужимъ именемъ и паспортомъ; г) въ запирательствѣ и ложныхъ показаніяхъ при допросахъ.

4) Фердинандъ *Новицкій*: а) въ согласіи принять участіе въ вооруженномъ возстаніи и во влеченіи въ это дѣло дворянина Олехновича; б) въ рас-

---

[1]) «Русск. Инвалидъ», 1863 г., № 239, отъ 29 октября. Краткая выдержка изъ резолюціи была приведена въ «Казан. Губ. Вѣдом.», 1863 г., № 24. Въ тогдашней неофиціальной прессѣ по поводу всего этого процесса появилось только двѣ замѣтки: «Казанскія Губ. Вѣдом.», 1864 г., № 24, и «Моск. Вѣдом.» 1865 г., № 232.

пространеніи во внутреннихъ губерніяхъ ложнаго манифеста; в) въ передачѣ коллежскому секретарю Снарскому билета и квитанціи польскаго центральнаго Комитета о сборѣ пожертвованій; г) въ пользованіи чужими документами и именованіи себя чужою фамиліей; д) въ ложныхъ показаніяхъ при допросахъ.

5) Августъ *Олехновичъ:* а) въ согласіи на участіе въ проведеніи въ народѣ идей, имѣвшихъ цѣлью поддержать польское возстаніе; б) въ принятіи участія въ распространеніи ложнаго манифеста, въ пользованіи фальшивыми документами, билетомъ на имя Карла Миллера и паспортомъ на имя дворянина Алексѣя Климушина и в) ложныхъ показаніяхъ при допросахъ.

Военный судъ, сообразивъ всѣ вышеизложенныя преступленія съ полевыми законами, постановилъ:

Подсудимаго священническаго сына *Ивана Орлова*, 23 лѣтъ, на основаніи ст. 350, 351 и 352 кн. 2, *по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію—разстрѣляніемъ.*

Подсудимыхъ изъ дворянъ Евстаѳія *Госцевича*, 20 лѣтъ, Августа *Олехновича*, 27 лѣтъ, Фердинанда *Новицкаго* 20 лѣтъ, на основаніи ст. 561, 562, п. I и 606, кн. I и ст. 350 и 351 кн. 2-й военнаго уголовнаго закона, *по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію—разстрѣляніемъ.*

Опредѣливъ Ивану Орлову наказаніе по всей строгости полевыхъ уголовныхъ законовъ, комиссія военнаго суда по моему указанію обратила вниманіе на то, что подсудимый *сдѣлалъ полное сознаніе* въ своихъ преступленіяхъ съ самаго начала допросовъ и въ отвѣтахъ своихъ объяснилъ *о такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ своихъ, на которыя не было никакихъ посторонних указаній* [1]).

Разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, я нахожу, что подсудимые: Иванъ Орловъ, Алексѣй Маевскій, Евстаѳій Госцевичъ, Фердинандъ Новицкій и Августъ Олехновичъ, по собственному ихъ сознанію, при слѣдствіи и судѣ учиненному и совершенно сходному съ происшедшимъ дѣйствіемъ виновны:

А) *Иванъ Орловъ:* 1) а) въ знакомствѣ съ агентами польской революціи, пріѣзжавшими, по его словамъ, въ Казань осенью 1862 г., съ намѣреніемъ образовать здѣсь провинціальный революціонный комитетъ, долженствовавшій находиться въ постоянномъ сношеніи въ Варшавскимъ Комитетомъ и учредить тайную типографію; б) въ согласіи взять на себя, за уплату, надзоръ за этой типографіей и обязанность редактора; в) въ поѣздкѣ, по предложенію тѣхъ же агентовъ, въ Вятскую губернію съ полученными отъ нихъ экземплярами возмутительнаго воззванія: «Долго давили васъ, братцы», для разбрасыванія ихъ по деревнямъ, для предупрежденія временнообязанныхъ крестьянъ, чтобы они готовились къ возстанію, дѣлали бы для себя оружіе изъ косъ и для собиранія свѣдѣній о числѣ людей, на которыхъ можно разсчитывать въ случаѣ возстанія; при чемъ дѣйствительно роздано Орловымъ нѣсколькимъ лицамъ нѣсколько экземпляровъ того воззванія, а именно: на станціи Лаяс-марской раскольнику Антону Иванову одинъ экземпляръ, на станціи Ключевской крестьянину Симону одинъ экземпляръ, въ Вяткѣ семинаристу Егору Красноперову, для распространенія между товарищами, 6 — 7 экземпляровъ; на пути изъ Вятки въ Пермь, въ Оханскѣ, семинаристу Ильѣ Пономареву 10 экземпл.; кромѣ того, въ селѣ Святогорѣ, Вятской губ., Орловъ предлагалъ часть экземпляровъ мѣстному священнику Чеснокову для распространенія между прихожанами.

2) а) Въ знаніи и недонесеніи объ умыслѣ и дѣйствіяхъ штабсъ-капитана Иваницкаго, поручика Мрочека и студента С.-Петербургскаго университета Сильванда, направленныхъ къ произведенію вооруженнаго возстанія; б) въ принятіи участія въ происходившихъ по сему поводу совѣщаніяхъ и в) и въ принятіи, вмѣстѣ съ прочими студентами, мѣръ къ предупрежденію поручика Черняка объ угрожавшей ему со стороны полиціи опасности въ Казани, куда былъ ожидаемъ вторичный пріѣздъ его для приведенія въ дѣйствіе преступнаго замысла о возстаніи.

3) Въ отправкѣ, съ студентомъ Николаемъ Орловымъ въ г. Вятку семинаристу Егору Красноперову и съ вольнослушателемъ университета Третьяковымъ въ Оханскъ Ильѣ Пономареву, нѣсколькихъ экземпляровъ ложнаго манифеста, а также воззваній «Земли и Воли» «Свобода», которыя были привезены изъ Москвы студентомъ Сидьвандомъ.

4) Въ знаніи и недонесеніи о существованіи въ Казани, еще въ 1862 г., литографскихъ станковъ, на которыхъ печатались возмутительныя воззванія.

---

[1]) Курсивъ мой.

Б) Александръ *Маевскій*, Евстаѳій *Госцевичъ*, Фердинандъ *Новицкій* и Августъ *Олехновичъ*, также по собственному ихъ добровольному признанію, учиненному при слѣдствіи и судѣ и сходному съ обстоятельствами дѣла, виновны:

Въ распространеніи печатныхъ экземпляровъ подложнаго манифеста, даннаго будто бы государемъ императоромъ 31 марта въ Москвѣ, коимъ объявлялось: дарованіе всѣмъ и каждому, безъ различія состоянія, полной свободы, представленіе крестьянамъ земли въ неотъемлемое и потомственное владѣніе, безъ всякой за нее платы; распущеніе арміи и возвращеніе солдатъ на родину и безвозмезднымъ надѣломъ ихъ землею изъ казенныхъ дачъ; уничтоженіе подушныхъ податей и рекрутныхъ повинностей; назначеніе, по выбору народа, уѣздныхъ и губернскихъ властей и составленіе изъ депутатовъ отъ губерніи Государственнаго Совѣта. Манифестъ этотъ, не отличающійся почти ничѣмъ, въ типографскомъ отношеніи и по формѣ редакціи, отъ подлинныхъ печатныхъ манифестовъ, оканчивался словами: «Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ вѣрить одному Нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, или генералъ-губернаторы, посредники осмѣлятся силою воспрепятствовать сему манифесту, да возстанетъ всякій для защиты даруемой Мной свободы и, не щадя живота, выступить на брань со всѣми дерзающими противиться сей волѣ Нашей. Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ начинанія Наши. Съ нами Богъ, разумѣйте языци и покоряйтеся, яко съ нами Богъ».

Подсудимые Маевскій, Олехновичъ, Госцевичъ и Новицкій были отправлены изъ Москвы 22 апрѣля 1863 года въ разныя губерніи, имѣя у себя до 700 экземпляровъ упомянутаго манифеста. Но преслѣдуемые полиціей схвачены: Маевскій и Олехновичъ 26 апрѣля въ Спасскѣ, Госцевичъ 29 апрѣля въ Симбирскѣ и Новицкій 30 апрѣля въ Самарѣ. — Впослѣдствіи, мѣрами правительства найдено было по пути слѣдованія Новицкаго и Госцевича 143, Маевскаго и Олехновича 12 экземпляровъ подложнаго манифеста; кромѣ того, при арестованіи двухъ послѣднихъ въ г. Спасскѣ оказалось при нихъ 267 экземпляровъ. Послѣдствія преступной пропаганды были слѣдующія.

Въ Тамбовской губ. нѣкоторые крестьяне, при отобраніи отъ нихъ манифестовъ, найденныхъ по пути слѣдованія Маевскаго и Олехновича, признавали оные фальшивыми, другіе приняли ихъ съ живѣйшимъ участіемъ, а иные выражали сомнѣнія, говоря: « а почему мы знаемъ, что это не милость царская».

Въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, нѣкоторые крестьяне сочли ложные манифесты за подлинные, называя ихъ «писанными отъ царя прямо къ нимъ». По удостовѣренію пензенскаго губернатора, крестьяне въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по поводу тѣхъ манифестовъ, были взволнованы такъ, что потребовались особыя мѣры для прекращенія волненій.

Кромѣ того, Маевскій, Новицкій и, Госцевичъ и Олехновичъ при разъѣздахъ для разбрасыванія подложнаго манифеста пользовались или чужими или подложными видами и называли себя вымышленными именами; при производствѣ слѣдствія оказали упорство въ запирательствѣ и дѣлали ложныя показанія.

Наконецъ первые трое: Маевскій, Госцевичъ и Новицкій, были согласны отправиться въ Казань, дабы принять здѣсь участіе въ замышлявшемся вооруженномъ возстаніи, и отправились для распространенія ложнаго манифеста уже тогда, когда получено былъ въ Москвѣ революціонными агентами извѣстіе, что въ Казани приняты мѣры со стороны правительства.

Госцевичъ же, сверхъ того, показалъ, что онъ въ февралѣ 1863 года ѣздилъ въ Витебскую губернію съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ отряду инсургентовъ въ Маріенгаузскомъ лѣсу; но найдя здѣсь только 8 человѣкъ, черезъ двѣ недѣли возвратился въ Петербургъ. Въ концѣ мая снова отправился въ ту же мѣстность, но, получивъ извѣстіе, что крестьяне около Динабурга разбили агентовъ, опять вернулся назадъ».

«Опредѣляя подсудимымъ наказаніе по совокупности преступленій, я нахожу, что самая тяжкая вина ихъ, влекущая за собой тягчайшее наказаніе, состоитъ въ покушеніи, посредствомъ распространенія возмутительныхъ воззваній, произвести бунтъ или возстаніе противъ власти Верховной, — въ покушеніи, которое оставлено не по собственной волѣ подсудимыхъ, а по другимъ независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ и слѣдовательно, по ст. 88 кн. 1 военнаго уголовнаго уложенія, наказывается столь же строго, какъ и совершившееся вполнѣ преступленіе».

«Объ этомъ преступленіи не упомянуто въ полевыхъ законахъ и не опредѣлено ни рода ни вида наказанія. А на основаніи общаго военнаго

уголовнаго устава (ст. 175, книга I) виновные въ бунтѣ подлежатъ смертной казни и наказанію, оною замѣняюшему, на основаніи ст. 168 о злоупотребленіи».

«Но, признавъ подсудимыхъ Орлова, Маевскаго, Госцевича, Новицкаго и Олехновича виновными въ бунтѣ противъ государя и государства, я не могу не принять во вниманіе, что розданные Иваномъ Орловымъ нѣсколькимъ лицамъ экземпляры воззванія»: Долго давили васъ братцы», равно какъ и отправленныя съ Николаемъ Орловымъ экземпляры ложнаго манифеста и воззваній «Земля и Воля» и проч. не имѣли фактическаго распространенія въ народѣ и не произвели рѣшительно никакихъ вредныхъ послѣдствій, послѣдніе экземпляры точно такъ же были отобраны отъ Николая Орлова, что по дѣлу о замышлявшемся въ городѣ Казани вооруженномъ возстаніи, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, студенты и въ числѣ ихъ Иванъ Орловъ одинъ изъ первыхъ, рѣшительно отказались отъ вякаго участія съ штабсъ-капитаномъ Иваницкимъ и поручикомъ Мрочекомъ; что при производствѣ слѣдствія Иванъ Орловъ, какъ замѣтилъ и военно-полевой судъ, не только объяснилъ о всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, на которыя не было никакого посторонняго указанія, но и въ своихъ отвѣтахъ и въ поданной предсѣдателю главной слѣдственной комиссіи записки, старался всѣми своими показаніями дать средство слѣдственной комиссіи къ открытію другихъ злоумышленниковъ: что Маевскій, Госцевичъ, Новицкій и Олехновичъ сами по себѣ не имѣли никакихъ средствъ къ произведенію бунта и были орудіемъ главныхъ польскихъ агитаторовъ и пропагандистовъ, которые снабжали ихъ и манифестами, и инструкціями, и деньгами на всѣ путевыя издержки. Въ особенности это должно сказать объ Олехновичѣ, который при отъѣздѣ изъ Москвы не зналъ даже цѣли своей командировки и узналъ оную отъ Маевскаго уже по прибытіи въ Арзамасъ; что они хотя и успѣли разбросать нѣсколько экземпляровъ подложнаго манифеста, но это не сопровождалось никакими особенно вредными послѣдствіями».

«По этимъ соображеніямъ и на точномъ основаніи ст. 168 и 175 кн. I военнаго уголовнаго устава, признаю возможнымъ опредѣлить имъ наказаніе, замѣняющее смертную казнь, а именно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу».

«Затѣмъ при опредѣленіи рода къ продолженію каторжной работы, съ одной стороны, руководствуясь ст. 26 и 83 кн. I военнаго уголовнаго устава, съ другой — принимая въ соображеніе, что вина подсудимыхъ и мѣра наказанія увеличивается совокупностью преступленій (ст. 96 кн. I воен. уголовнаго устава) и что изъ числа ихъ только Олехновичъ заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія какъ по его несовершеннолѣтію, такъ особенно потому, что принятое имъ, въ распространеніи ложнаго манифеста, участіе если не безсознательное, то и не вполнѣ добровольное, — я признаю справедливымъ, на основаніи ст. 284 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ — Орлова, Маевскаго, Госцевича, Новицкаго на 15 лѣтъ (высшая мѣра наказанія), а Олехновича на 12 лѣтъ (низшая мѣра наказанія)».

«По симъ соображеніямъ полагаю: священническаго сына Ивана *Орлова*, мѣщанина Алексѣя *Маевскаго*, дворянина Евстаѳія *Госцевича*, Фердинанда *Новицкаго* и Августа *Олехновича*, за изъясненныя преступленія и на основаніи приведенныхъ законовъ, *лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ, первыхъ четверыхъ на 15 лѣтъ, а послѣдняго на 12 лѣтъ*. По истеченіи сего срока работы, согласно ст. 29 уложенія, поселить въ Сибири навсегда» [1]).

---

[1]) Элпидинъ приводитъ слѣдующія подробности о приговорѣ надъ перечисленными участниками: «Въ троицкую пятницу,—разсказываетъ Элпидинъ,—въ 7 часовъ утра тѣсный тюремный переулокъ весь наполнился солдатами. Комендантъ Чемерзинъ скомандовалъ шепотомъ къ «ногѣ», приказалъ тихонько осмотрѣть курки и капсули. Приведя солдатъ въ порядокъ и поставивъ ихъ въ полукругъ, онъ пошелъ съ смотрителемъ по камерамъ. Олехновичъ, Маевскій, Госцевичъ, Новицкій и И. Орловъ очутились въ полукругѣ. Кругъ сомкнулся и пошелъ мѣрными шагами въ военную комиссію, которая тутъ же, въ крѣпости. Тамъ имъ прочли, что военный судъ ихъ приговорилъ къ смерти чрезъ разстрѣляніе.... прошла пауза... но Тимашевъ замѣняетъ смерть 15-лѣтней каторгой всѣмъ, кромѣ Олехновича, который ссылается на 12 лѣтъ; пять троекъ съ жандармами уже ждали ихъ. Одѣвъ приговоренныхъ въ сѣрые кафтаны, съ тузами на спинѣ, а Маевскаго, заковавъ въ кандалы, отправили ихъ въ дорогу, окруживъ 5-ю казаками каждую тройку, пока не выѣхали изъ города». Цитир. соч., стр. 194.

«Поручика 148-го Каспійскаго полка *Михайлова*, оказавшагося виновнымъ въ знаніи о предполагавшемся вооруженномъ возстаніи и недонесеніи о томъ правительству, *по лишеніи чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на 10 лѣтъ*» [1]).

XI.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1864 г. было вынесено рѣшеніе первой судебной инстанціи о лицахъ, причисленныхъ «ко второй категоріи».

Общее присутствіе Казанскаго уѣзднаго суда и Городового Магистрата, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, нашло виновными «въ противоправительственной пропагандѣ и въ преступномъ умыслѣ произвести вооруженное возстаніе» слѣдующихъ лицъ: Сергѣева, Полиновскаго, Жеманова, Лаврскаго, Бирюкова, Щербакова, Алѣева и Р. Миттермана.

«Всѣ они за означенное злоумышленіе, открытое правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ, подлежатъ, на основаніи 283, 284 и 360-й 1 п. XV т. Угол. Зак. — лишенію всѣхъ правъ состоянія и сылкѣ: 1) какъ главные члены такого общества — Сергѣевъ, Полиновскій, Жемановъ и Щербаковъ—въ каторжную работу въ рудникахъ, по искренности сознанія, на 12 лѣтъ; 2) Лаврскому же, какъ несовершеннолѣтнему, наказаніе должно быть уменьшено одной третью и должно назначиться 8 лѣтъ».

«Бирюковъ, кромѣ означенныхъ преступленій, виновенъ еще въ богохульствѣ, за каковое преступленіе онъ долженъ подлежать ссылкѣ въ рудники на 12 лѣтъ».

Алѣевъ и Миттерманъ, хотя и не присутствовали въ собраніяхъ съ прочими преступниками по замышлявшемуся возстанію, однакожъ, знали объ истинномъ свойствѣ и дѣлѣ тайнаго общества и, имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности, за что подлежатъ по 596 ст. 2 г. и 360 ст. 1 гл. XV т. лишенію всѣхъ правъ состоянія и сылкѣ на поселеніе въ Сибирь».

«Иванъ Красноперовъ виновенъ въ составленіи письма возмутительнаго содержанія и въ распространеніи возмутительныхъ воззваній, за каковыя преступленія онъ долженъ подлежать, по 285 ст., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ».

«Егоръ Красноперовъ и Николай Алексѣевъ, онъ же Гавріилъ Орловъ, виновны: первый въ полученіи отъ Ивана Красноперова возмутительныхъ воззваній, въ распространеніи ихъ ученикамъ Вятской семинаріи, а Орловъ— въ полученіи таковыхъ же отъ Ив. Олова и въ намѣреніи распространить ихъ крестьянамъ, но былъ предоставленъ (sic) отъ этого правительствомъ, за каковое преступленіе они должны подлежать по 286 ст. 2 отд., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года, но по несовершеннолѣтію наказаніе имъ должно быть уменьшено—именно 2 года 8 мѣсяцевъ».

«Илья Пономаревъ виновенъ, во-1-хъ, въ имѣніи при себѣ 10 экземпляровъ печатныхъ прокламацій, полученныхъ отъ Ив. Орлова; во-2-хъ, въ подбра-

---

[1]) Чернякъ былъ схваченъ въ Западномъ краѣ въ іюлѣ 1864 г. Послѣ допроса въ Виленской слѣдствен. комиссіи онъ былъ препровожденъ въ Казань. Здѣсь въ особо образованной слѣдств. комиссіи Чернякъ былъ подвергнутъ допросу и затѣмъ преданъ военному суду. Не излагая подробностей этого процесса, приведемъ лишь рѣшеніе суда. Чернякъ былъ признанъ виновнымъ, во-1-хъ, въ томъ, что, «измѣнивъ долгу службы и присяги, были однимъ изъ главныхъ двигателей замышлявшагося въ Казани вооруженнаго возстанія; во-2-хъ, въ самовольномъ оставленіи службы и побѣгъ въ Виленскую губ. во время бывшаго тамъ возмущенія; въ-3-хъ, въ предводительствованіи мятежной шайкою съ оружіемъ въ рукахъ противъ русскихъ войскъ».

За эти преступленія Чернякъ былъ присужденъ къ смертной казни, и 15 октября 1865 года разстрѣлянъ въ той же котловинѣ между «Швейцаріей» и Подлужной слободой, гдѣ передъ этимъ сложили головы его товарищи...

сываніи двухъ изъ нихъ въ городѣ Оханскѣ и, въ-3-хъ, въ чтеніи таковыхъ въ Оханскѣ другимъ лицамъ. Хотя въ послѣднихъ двухъ преступленіяхъ онъ и не сознался, но по обстоятельствамъ дѣла и спрошенными по дѣлу присяжными свидѣтелями и по прежней его въ равномъ преступленіи судимости вполнѣ изобличается и потому долженъ подлежать, по 286 ст. 2 отд., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ».

«Дерновъ виновенъ въ полученіи отъ Ив. Орлова пяти экземпляровъ прокламацій и въ дачѣ одной изъ нихъ крестьянину, а другой — женщинѣ въ Буйскоймъ заводѣ, за что долженъ подлежать, по той же статьѣ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года».

«Андреевъ виновенъ въ антиправительственныхъ сношеніяхъ съ братомъ студ. Сергѣевымъ, въ передачѣ Сергѣеву копіи съ прокламаціи «Земская Дума», за что долженъ, по 285 ст., подлежать заключенію въ крѣпости отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ».

«Ив. Шулятниковъ виновенъ въ томъ, что одну изъ прокламацій списалъ у студ. Ив. Орлова, не донесъ о ней, а хранилъ у себя, за что и долженъ подлежать аресту на три мѣсяца, а потомъ надзору полиціи на три года».

«Красовскій виновенъ въ томъ, что имѣлъ у себя одинъ экземпляръ прокламаціи «Земля и Воля», кромѣ того, у него найдена записка, содержащая въ себѣ свѣдѣнія о лицахъ, которыя находились подъ слѣдствіемъ по политическимъ преступленіямъ, за каковыя преступленія онъ долженъ подлежать аресту до 3-хъ мѣсяцевъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на 3 года».

«Михаилъ Карповъ виновенъ только въ томъ, что въ квартирѣ своей допустилъ сходбища, на коихъ Иваницкій велъ разговоръ предусудительнаго содержанія, за что и долженъ подлежать, по 364 ст., аресту до 3-хъ мѣсяцевъ».

«По симъ соображеніямъ общее присутствіе мнѣніемъ положило: *Сергѣева, Полиновскаго, Жеманова, Щербакова и Бирюкова*, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ, Лаврскаго на 8 лѣтъ. Ив. Красноперова — въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ, Егора Красноперова и Ник. Орлова—на заводахъ на два года и 8 мѣсяцевъ, Пономарева—на заводахъ на 6 лѣтъ, Дернова—на заводахъ на 4 года».

«Петра Алѣева и Р. Миттермана, по лишенію правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе. Андреева заключить въ смирительный домъ на два года и восемь мѣсяцевъ. Мих. Шулятникова, Ал. Красовскаго и Сергѣя Карпова подвергнуть аресту на три мѣсяца и потомъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года».

«Но предварительно мнѣніе это, вмѣстѣ съ дѣломъ, препроводить на ревизію въ Казанскую Уголовную Палату [1]).

«Уголовная Палата, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, нашла, что подсудимые, преданные суду въ общемъ уголовномъ порядкѣ, по свойству упадающихъ на нихъ обвиненій и степени участія въ обнаруженныхъ преступленіяхъ, должны быть раздѣлены на слѣдующія категоріи:

1) Полиновскій, Сергѣевъ, Лаврскій, Жемановъ и Щербаковъ, по собственному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ намѣреніи способствовать агентамъ польскаго революціоннаго Комитета: Черняку, Иваницкому, Мрочеку и Станкевичу—произвести возстанія въ Казани и въ Казанской губ., для чего уже были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія, какъ-то: получены чрезъ Иваницкаго отъ Черняка револьверы, деньги, прокламаціи и воззванія, въ коихъ возбуждался народъ къ бунту и явному неповиновенію верховной власти. Злоумышленіе это, какъ видно изъ дѣла, открыто правительствомъ заблаговременно при самомъ началѣ онаго и потому ни покушеній, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло; сверхъ того, эти же подсудимые, какъ видно изъ ихъ показаній, принимали мѣры къ предупрежденію одного изъ главныхъ двигателей заговора, поручика Черняка, объ угрожавшемъ ему со стороны полиціи арестѣ.

2) Миттерманъ, Алѣевъ и Бирюковъ, по собственному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказываются виновными въ знаніи о злоумышленіи Иваницкаго, Мрочека и Станкевича произвести возстаніе и о намѣреніи участвовать въ томъ Полиновскаго, Лаврскаго, Жеманова, Щербакова, при немъ, имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности. Сверхъ того, на Бирюкова падаетъ обвиненіе, что онъ произносилъ богохульныя слова и порицалъ дѣйствія правительства, бывши

---

[1]) Изъ уѣзднаго суда въ Каз. Уголовную Палату дѣло было передано 13 ноября 1864 г.

въ гостяхъ у священника и діакона въ городѣ Конгурѣ и селѣ Крыпасовѣ во время поѣздки въ Вятку; но Бирюковъ въ томъ не сознался и по дѣлу не уличенъ.

3) Николай Орловъ, Иванъ Красноперовъ, Егоръ Красноперовъ и Дерновъ оказываются виновными въ распоряженіи присланнаго Чернякомъ возмутительнаго воззванія къ народу; сверхъ того, обвиненіе въ распространеніи того же воззванія падаетъ на исключеннаго изъ Вятской семинаріи Илью Пономарева, получившаго оное отъ Ивана Орлова, но по дѣлу не доказано, чтобъ Пономаревъ распространялъ воззванія, а обнаружено, что онъ, согласившись распространить воззванія, прежде всякаго на это покушенія, самъ, по собственной волѣ, отступилъ отъ своего намѣренія и представилъ воззванія къ начальству.

4) Шулятниковъ, Андреевъ и Красовскій, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла, оказываются виновными въ имѣніи у себя тѣхъ же возмутительныхъ воззваній.

5) Карповъ оказывается виновнымъ въ слышаніи преступныхъ противоправительственныхъ разговоровъ и недонесеніи о томъ начальству.

На основаніи 316, 317 и 318 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак. Угол. изд. 1857 г. собственное признаніе, сходное съ происшедшимъ дѣйствіемъ, составляетъ совершенное доказательство виновности, а по 306 ст. той же книги законовъ одного совершеннаго доказательства достаточно для признанія осужденія несомнительнымъ. По этому Палата признаетъ подсудимыхъ: Полиновскаго, Сергѣева, Жеманова, Лаврскаго, Щербакова, Бирюкова, Алѣева, Миттермана, Орлова, Дернова, Красноперова, Андреева, Шулятникова, Красовскаго и Карпова—вполнѣ изобличенными въ падающихъ на нихъ обвиненіяхъ.

«На подсудимыхъ—Полиновскаго, Лаврскаго, Сергѣева, Жеманова и Щербакова, сверхъ того, по выводу поручика Черняка, упадаетъ обвиненіе въ составленіи особаго запрещеннаго общества, имѣвшаго цѣлью распространеніе въ народѣ прокламацій въ соціальномъ духѣ, но такъ какъ означенныя лица въ этомъ не сознались, а въ дѣлѣ не имѣется доказательствъ, чтобъ они составляли такое общество, то ихъ отъ суда по этому обстоятельству освободить.

«Обращаясь за симъ къ опредѣленію наказаній поименованныхъ подсудимыхъ по мѣрѣ ихъ вины, Уголовная Палата находитъ, что преступники первой категоріи—Полиновскій, Жемановъ, Сергѣевъ, Лаврскій и Щербаковъ за учиненное имъ преступленіе, если бы они были главными виновниками, должны были бы подлежать одному изъ положенныхъ въ 284 ст. 1 кн. XV т. Св. Зак. наказаній, состоящихъ въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ отъ 12 до 15 лѣтъ или же въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 15 лѣтъ.

Но такъ какъ изъ обстоятельства дѣла видно, что преступность ихъ заключалась въ намѣреніи способствовать въ этомъ преступленіи главнымъ виновникамъ и такъ какъ пособіе ихъ не было необходимымъ,—слѣдуетъ имъ наказаніе противу главныхъ виновниковъ понизить на одну степень. Принимая затѣмъ во вниманіе, что они, по ихъ показаніямъ, раньше обнаруженія преступленій, рѣшились отстать отъ всякаго участія въ злоумышленіи Черняка, Иваницкаго и др. и чисто-сердечно признались въ преступленіи,—слѣдуетъ назначить имъ наказаніе въ низшей мѣрѣ, а именно: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ.

Преступникамъ второй категоріи—Миттерману, Алѣеву и Бирюкову — которые знали объ умышленномъ преступленіи и не довели до свѣдѣнія правительства, слѣдуетъ назначить наказаніе двумя ступенями ниже противъ положеннаго, именно—лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжныя работы на шесть лѣтъ.

Принадлежащія къ третьей категоріи: Дерновъ, Ник. Орловъ, Иванъ и Егоръ Красноперовы—за распространеніе печатныхъ воззваній съ цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію верховной власти, на основаніи 2 отд. 285 ст. 1 кн. XV т., должны подлежать лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы отъ 8 до 10 лѣтъ. Но по чистосердечному признанію ихъ и по отсутствію особыхъ, увеличивающихъ вину, обстоятельствъ мѣра этого наказанія должна была назначена низшая».

«Затѣмъ исключенный изъ семинаріи Пономаревъ, согласившійся распространить воззванія, но потомъ самъ, по собственной волѣ, отступившій отъ своего намѣренія, что не опровергнуто и слѣдствіемъ, долженъ быть освобожденъ отъ всякаго наказанія, съ отдачею лишь подъ надзоръ полиціи на время болѣе или менѣе продолжительное».

«Подсудимые четвертой категоріи—Шулятниковъ и Красовскій—виновные въ томъ что, не распространяя воззваній, имѣли ихъ у себя, должны подле-

жать—по 4 отд. 285 ст. кн. 1 XV т.—аресту отъ 7 дней до 3-хъ мѣсяцевъ. Мѣра этого наказанія, по неимѣнію особыхъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, должна была назначена средняя, т.-е. арестъ при полиціи на полтора мѣсяца и сверхъ того должны быть отданы подъ надзоръ полиціи на $1^1/_2$ года».

«Наконецъ пятой категоріи Карповъ, виновный въ томъ, что слышалъ разговоръ Иваницкаго о предполагавшемся возстаніи, но не донесъ объ этомъ правительству, за поступокъ свой подлежитъ внушенію».

«Нѣкоторые изъ поименованныхъ подсудимыхъ во время совершенія преступленія были несовершенныхъ лѣтъ, а именно—Лаврскій, Миттерманъ и Шулятниковъ, почему имъ слѣдуетъ уменьшить положенное наказаніе на одну треть».

«По изложеннымъ соображеніямъ Палата опредѣляетъ: 1) отставного коллежскаго регистратора Влад. *Полиновскаго* 25 лѣтъ, оберъ-офицерскаго сына Александра *Сергѣева*, 27 лѣтъ, казанскаго мѣщанина Семена *Жеманова*, 26 лѣтъ, дворянина Алексѣя *Щербакова*, 21 года и сына священника Константина *Лаврскаго*, 19 лѣтъ, виновныхъ въ намѣреніи способствовать злоумышленникамъ къ поднятію возстанія въ Казани и Казанской губерніи, для чего уже сдѣланы нѣкоторыя приготовленія, но затѣмъ отъ сего отказавшихся, однакоже не донесшихъ своевременно о томъ начальству, *лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы—Полиновскаго, Жеманова, Сергѣева и Щербакова каждаго на десять лѣтъ, а Лаврскаго на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.*

2) Сына причетника Аркадія *Бирюкова*, 23 лѣтъ, дворянина Рудольфа *Миттермана*, 19 лѣтъ, и дворянина Петра *Алѣева*, 22 лѣтъ, за знаніе о злоумышленіи Черняка, Иваницкаго, Мрочека и Станкевича произвести возстаніе, а равно и намѣреніе другихъ участвовать въ томъ и не донесшихъ о томъ правительству, *лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы: Бирюкова* и *Алѣева на шесть лѣтъ, а Миттермана на четыре года.*

3) Мѣщанина Николая *Орлова*, 21 года, сына причетника *Ивана Красноперова*, 24 лѣтъ, сына священника *Егора Красноперова*, 21 года и священнич. сына Василія *Дернова*, 22 лѣтъ — за распространеніе возмутительныхъ воззваній къ народу—съ цѣлью возбудить къ бунту къ явному неповиновенію верховной власти—*лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 8 лѣтъ каждаго.* Сына причетника Илью *Пономарева наказанію не подвергать, но отдать лишь подъ надзоръ полиціи на 2 года.*

4) Купеческаго сына Михаила *Шулятникова*, 17 лѣтъ, мѣщанина Алексѣя *Андреева*, 26 лѣтъ и отставного коллежскаго секретаря Алексѣя *Красовскаго*, 33 лѣтъ за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія—*выдержать подъ арестомъ при полиціи полтора мѣсяца каждаго, а потомъ всѣхъ ихъ отдать подъ надзоръ полиціи на полтора года.*

5) Дворянину *Карпову* за недонесеніе о слышанномъ преступномъ противу правительства разговорѣ—*сдѣлать въ присутствіи суда внушеніе.*

Принимая затѣмъ во вниманіе: а) искреннее и чистосердечное признаніе подсудимыхъ — Полиновскаго, Жеманова, Сергѣева, Щербакова, Лаврскаго, Миттермана, Алѣева, Орлова, Красноперовыхъ, Дернова, Андреева и Шулятникова; б) раскаяніе ихъ, замѣченное Палатою при чтеніи и рукоприкладствѣ ими выписки [1]; в) долговременное содержаніе ихъ подъ стражею и г) наконецъ то, что нѣкоторые изъ нихъ еще не достигли полнаго совершеннолѣтія, Уголовная Палата долгомъ считаетъ просить ходатайства Правительствующаго Сената предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи участи означенныхъ подсудимыхъ.

---

[1]) Въ заключеніе своихъ показаній Жемановъ, Щербаковъ, Полиновскій, Сергѣевъ, Лаврскій, Бирюковъ сдѣлали такое добавленіе:

«При обсужденіи нашего дѣла просимъ принять во вниманіе: во-первыхъ, то обстоятельство, что мы сами, по собственному убѣжденію, отказались отъ участія въ замыслахъ Черняка и прервали съ нимъ всякія сношенія гораздо раньше, чѣмъ правительство сдѣлало первое открытіе по этому дѣлу. Допущеніе свиданія съ Чернякомъ было важной ошибкой съ нашей стороны, оно поставило насъ въ ложное и вмѣстѣ опасное положеніе,—ложное потому, что умыселъ не соотвѣтствовалъ нашимъ политическимъ убѣжденіямъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ оправдать насильственныхъ переворотовъ; во-вторыхъ, наше двухлѣтнее тюремное заключеніе; въ-третьихъ, наше искреннее раскаяніе. Сознавая всю преступность сношеній съ Чернякомъ, мы искренне раскаиваемся во всемъ, что было противозаконнаго въ нашихъ поступкахъ. Въ виду полнаго раскаянія, выраженнаго нами прежде во всеподдан-

Дѣло Элпидина разбиралось самостоятельно. Слѣдствен. комиссія при всемъ стараніи не смогла связать его съ «заговоромъ» [1]). Не излагая подробностей этого дѣла, приведемъ лишь рѣшеніе суда.

Общее присутствіе Казанск. уѣздн. суда постановило: «Кол. рег. М. К. Элпидина и лишевскихъ мѣщанъ *Степана и Василія Булгаковыхъ* за распространеніе возмутительныхъ воззваній, на основаніи 286 ст., *лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу—первыхъ двоихъ на четыре года, а послѣдняго—Василія Булгакова—на три съ половиною года.*

«Затѣмъ, обстоятельства о мѣщанахъ Кабанскомъ и Степановѣ, крестьянахъ: Тужиловѣ, Хорьковѣ, Ивановѣ, Даниловѣ, Грабилинѣ, Сычевой, Павловѣ оставить безъ положенія».

Это рѣшеніе было представлено «на ревизію» въ Казанскую Уголовную Палату. Казанская Уголовная Палата нѣсколько измѣнила постановленіе уѣзднаго суда. Она опредѣлила: 1. *Элпидина сослать въ каторжную работу на 5 лѣтъ;* 2. *Ст. Булгакова—на 4 года;* 3. *Василія Булгакова* «за необъявленіе своевременно начальству о полученіи ихъ возмутительнаго сочиненія и передачу его въ другія руки безъ злоумышленной цѣли»—*подвергнуть аресту на $1^1/_2$ мѣсяца, а затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на $1^1/_2$ года.* Объ остальныхъ крестьянахъ и мѣщанахъ былъ оставленъ приговоръ уѣзднаго суда.

18-го іюля Сенатъ утвердилъ это рѣшеніе [2]).

Отъ рѣшенія суда до окончательнаго объявленія приговора по этому дѣлу прошло почти три года. Все это время 15 человѣкъ обвиняемыхъ сидѣли въ тюрьмѣ [3]), а остальные «на свободѣ», подъ надзоромъ полиціи, безъ права выѣзда и отлучки, иные, кромѣ того, на порукахъ [4]). Наскучивъ ждать, когда будутъ отправлять по каторгамъ и не предполагая, конечно, «милости», трое изъ осужденныхъ — Жемановъ, Щербаковъ и Элпидинъ — бѣжали изъ тюрьмы.

Жемановъ и Щербаковъ 21 ноября 1866 г. «были выпущены изъ тюремнаго замка часовымъ подъ видомъ посѣтителей» и скрылись за границу. Элпидинъ, по объявленію ему 23 іюня рѣшенія Палаты, препровожденъ 6 іюля изъ Казанскаго тюремнаго замка въ пересыльную тюрьму, а оттуда — въ больницу тюремнаго замка для излѣченія. Изъ больницы Элпидинъ 7 іюля 1864 г. былъ отпущенъ караульнымъ унтеръ-офицеромъ Василіемъ Шпакетейномъ въ городъ съ рядовымъ Степаномъ Никифоровичемъ Кочетковымъ, отъ котораго «неизвѣстно куда скрылся и остался не разысканъ». При дознаніи унтеръ-офицеръ Шпакетейнъ показалъ, что Элпидинъ, ходя по двору замка, объявилъ ему о надобности видѣться съ се-

---

нѣйшихъ прошеніяхъ на высочайшее имя и выражаемаго теперь, мы просимъ ходатайства предъ Правительствующимъ Сенатомъ о смягченіи нашей участи».

Приблизительно въ такомъ же родѣ были сдѣланы заявленія Дерновымъ, Андреевымъ, Егоромъ и Ив. Красноперовыми, Ник. Орловымъ и др. Пономаревъ свое заявленіе заканчивалъ такимъ замѣчаніемъ: «по чистой совѣсти признаюсь, что я въ этомъ дѣлѣ (разбрасываніи прокламацій въ Оханскѣ) не виновенъ».

[1]) Элпидинъ ни на одномъ изъ собраній, гдѣ обсуждался планъ возстанія, не участвовалъ.

[2]) Арестованные изъ-за Элпидина бр. Теньковскіе—«за имѣніе у себя сочиненій преступнаго содержанія, безъ злоумышленнаго распространенія оныхъ»—были присуждены къ слѣдующимъ наказаніямъ: Ив. Теньковскій—къ заключенію въ крѣпость (или тюрьмѣ) на одинъ годъ и четыре мѣсяца, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Евгр. Теньковскій—къ двумъ недѣлямъ ареста и отдачѣ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

[3]) Именно: Полиновскій, Бирюковъ, Лаврскій, Ник. Орловъ, Иванъ и Егоръ Красноперовы, Алѣевъ, Миттерманъ, Сергѣевъ, Дерновъ, Жемановъ, Щербаковъ, Элпидинъ (по самостоятельному дѣлу), Андреевъ и Пономаревъ.

[4]) Напр., Красовскій, Карповъ и др.

строй, живущей въ Казани въ домѣ Лебедева, для чего съ словеснаго дозволенія смотрителя и отпущенъ съ вѣстовымъ Степаномъ Кочетковымъ. Смотритель отозвался, что онъ не давалъ приказанія Шпакетейну отпустить Элпидина. Вѣстовой Кочетковъ объяснилъ, что онъ сопровождалъ арестанта Элпидина сначала въ домъ Лебедева, а потомъ въ домъ, стоящій на горѣ противъ клиники, и изъ этого послѣдняго Элпидинъ скрылся. Это показаніе солдата подтвердили «дѣвки вольнаго обращенія», живущія въ томъ домѣ, — Авдотья Пугачева, Авдотья и Екатерина Петровы. Онѣ показали, что Элпидинъ, сказавъ солдату: «ты посиди, а я схожу только за товарищемъ, вмѣстѣ выпьемъ», ушелъ и болѣе не возвращался.

Всѣ лица, такъ или иначе причастныя къ побѣгу Элпидина, были, въ свою очередь, отданы подъ судъ; въ томъ числѣ смотритель гражд. тюремнаго замка, приславшій Элпидина въ пересыльный замокъ безъ препроводительной бумаги; смотритель пересыльнаго замка, дозволившій свободный выходъ Элпидина изъ больницы на тюремный дворъ; конвоиръ, отпустившій его изъ тюрьмы «на свиданіе съ сестрой»; «вѣстовой», непосредственно выпустившій Элпидина изъ рукъ.

Элпидинъ же, какъ извѣстно, благополучно скрылся изъ Казани, перебрался за границу, въ Швейцарію, гдѣ и провелъ всю остальную свою жизнь [1]).

Наконецъ 8 августа 1867 года изъ Сената пришелъ слѣдующій приказъ:

«Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ опредѣленіе Правительствующаго Сената 6 департамента, по дѣлу о бывшихъ студентахъ Казанскаго университета — Полиновскимъ, Сергѣевѣ и другихъ, согласно заключенію Сената нашелъ, что осужденные уже въ 1863 г. военнымъ судомъ, польскіе агитаторы: Чернякъ, Кеневичъ, Иваницкій, Мрочекъ и Станкевичъ, замысливъ въ видахъ польскихъ интересовъ поднять вооруженное возстаніе въ приволжскомъ краѣ, успѣли склонить къ участію въ этомъ возстаніи нѣкоторыхъ изъ настоящихъ подсудимыхъ, которые потому оказываются виновными или въ умы-

---

[1]) Приведемъ здѣсь кстати краткія данныя о жизни Элпидина. Сынъ дьякона въ селѣ Никольскомъ, род. въ 1836 г. Учился въ Чистопольскомъ духовномъ училищѣ. По окончаніи курса поступилъ на службу въ Казанскій уѣздный судъ, а потомъ перешелъ въ Палату государственныхъ имуществъ. Получивъ первый чинъ (кол. регист.), вышелъ въ отставку для поступленія въ университетъ въ 1860 г. Пробывъ въ университетѣ съ августа 60 г. по октябрь 61 г., по постановленію Совѣта университета былъ уволенъ изъ числа студентовъ послѣ демонстраціи въ октябрѣ 1861 г. По окончаніи разслѣдованія отправленъ на родину, въ село Никольское, Лаишевскаго уѣзда, къ родственнику свящ. Бенедиктову. (Мать Элпидина была просфирней въ с. Емельяновѣ. Въ с. Никольскомъ сестра Элпидина была замужемъ за дьячкомъ Клавикордовымъ). Въ 1863 г. былъ арестованъ по изложенному дѣлу. Въ 1864 г. бѣжалъ за границу. За границей Элпидинъ занимался, главнымъ образомъ, журнально-издательской дѣятельностью. Напр., издавалъ упомянутое «Подпольное Слово» (1866 г., № 1 и 2), потомъ совмѣстно съ Бакунинымъ, Жуковскимъ и Утинымъ въ 1868, 1869 и 1870 г. издавалъ журналъ «Народное дѣло». Въ 1868 г. въ типографіи Элпидина изданъ номеръ «Летучихъ листковъ». Кромѣ того, Элпидинымъ былъ изданъ рядъ сочиненій русскихъ авторовъ Чернышевскаго, Толстого и др.

Въ области практической дѣятельности можно указать на участіе Элпидина (одно время вмѣстѣ съ Марксомъ) въ Женевской секціи «Международнаго союза рабочихъ».

слѣ на бунтъ противъ государя и государства и въ приготовленіи къ оному, или въ недоведеніи объ этомъ умыслѣ до свѣдѣнія правительства; другіе же изъ этихъ обвиняемыхъ изобличены или въ имѣніи возмутительныхъ сочиненій и прокламацій, или въ распространеніи оныхъ».

«Нынѣ въ 17 день мая мѣсяца послѣдовало Высочайшее повелѣніе, первымъ пунктомъ котораго предписано: «*Всѣ дѣла политическаго свойства, касающіяся послѣдняго мятежа* и безпорядковъ, имѣвшихъ отношеніе къ оному, неоконченныхъ еще производствомъ какъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, такъ и въ судебныхъ мѣстахъ, если лица, прикосновенныя къ этимъ дѣламъ, не обвиняются, кромѣ того, въ особыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ-то: въ убійствѣ, поджогѣ и т. п., *прекратить, освободивъ всѣхъ обвиняемыхъ отъ слѣдствія и суда*».

«Вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія... было бы не согласно съ Высочайшею волею продолжать преслѣдованіе противъ тѣхъ изъ прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу, которые были вовлечены въ совершонныя ими преступленія поляками въ видахъ польскихъ интересовъ, а потому Государственный Совѣтъ счелъ своею обязанностью участь тѣхъ изъ настоящихъ подсудимыхъ, которые изобличены лишь въ участіи въ замыслѣ польскихъ агитаторовъ, или въ недоведеніи о томъ до свѣдѣнія правительства, повергнуть Монаршему милосердію, съ тѣмъ, не благоугодно ли Его Величеству будетъ повелѣть: распространить на нихъ первый пунктъ Высочайшаго повелѣнія 17 мая. Къ числу этихъ подсудимыхъ принадлежатъ: Полиновскій, Сергѣевъ, Жемановъ, Лаврскій, Щербаковъ, Бирюковъ, Иванъ Красноперовъ, Миттерманъ, Алѣевъ и Карповъ. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ—Сергѣевъ, Ив. Красноперовъ, Андреевъ, Шумятниковъ, Красовскій — изобличены въ имѣніи у себя возмутительныхъ прокламацій, за что они по закону подлежали бы аресту на время отъ 7 дней до 3-хъ мѣсяцевъ; но подвергать ихъ кратковременному аресту послѣ столь продолжительнаго заключенія подъ стражею едва ли возможно, а потому и въ этомъ отношеніи Государственный Совѣтъ призналъ справедливымъ повергнуть ихъ участь Монаршему милосердію».

«Наконецъ Егоръ Красноперовъ, Николай Орловъ и Дерновъ изобличены въ распространеніи возмутительныхъ прокламацій за что, по заключенію Сената, подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы. Соглашаясь вполнѣ съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на то, что если главные виновные по настоящему дѣлу будутъ освобождены отъ суда, за силою перваго пункта Высочайшаго повелѣнія 17 мая, то не совмѣстно было бы съ безпредѣльнымъ Монаршимъ милосердіемъ подвергать наказаніямъ тѣхъ изъ привлеченныхъ по сему дѣлу подсудимыхъ, которые гораздо менѣе виновны другихъ лицъ, изобличенныхъ въ замыслахъ на бунтъ».

«По всѣмъ этимъ соображеніямъ и принимая, сверхъ того, во-первыхъ, что между преступными дѣйствіями всѣхъ замѣшанныхъ въ настоящее дѣло подсудимыхъ есть тѣсная связь и что всѣ они были вовлечены въ совершонныя ими политическія преступленія стараніями и происками польскихъ агитаторовъ, пользовавшихся для своихъ цѣлей ихъ легкомысліемъ и молодостью, и, во-вторыхъ, что *нѣкоторые изъ профессоровъ Казанскаго университета не толь-*

ко не оказали гибельному вліянію поляковъ никакого противодѣйствія распространеніемъ между своими слушателями здравыхъ научныхъ и общественныхъ понятій, но еще помогали этому вліянію своими необдуманными или недобросовѣстными лекціями [1]); въ-третьихъ, что точно такую же поддержку своему вліянію поляки находили въ изданіяхъ подпольной литературы, свободно распространявшихся между студентами и даже вкладывавшихся, для общей порчи, въ курильной комнатѣ университета и, наконецъ, въ-четвертыхъ, что всѣ эти подсудимые чистосердечно сознались и раскаялись въ своихъ преступленіяхъ,—Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: участь всѣхъ подсудимыхъ повергнуть Монаршему милосердію съ тѣмъ, не благоугодно ли Его Величеству будетъ, не подвергая ихъ опредѣленнымъ Правительствующимъ Сенатомъ наказаніямъ, *объявить имъ какъ объ участи, которой они должны бы, по закону, подвергнуться, такъ и о Всемилостивѣйшемъ прощеніи*, которое одно лишь спасетъ ихъ отъ этой участи, и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ и на одинъ годъ приговоренныхъ къ арестамъ».

«Его Императорское Величество это мнѣніе Государственнаго Совѣта по настоящему дѣлу Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить».

Подписалъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта *Константинъ*, 26 іюня 1867 года».

10-го августа 1867 г. было объявлено обвиняемымъ «помилованіе». Но для большинства изъ нихъ жизнь уже, что называется, была разбита. Двое, Лаврскій и Алѣевъ, спустя нѣкоторое время держали въ университетѣ экзаменъ; этого они могли добиться лишь благодаря нѣкоторой патріархальности тогдашнихъ порядковъ (разрѣшено было держать безъ свидѣтельства отъ полиціи). Лаврскій и нынѣ здравствуетъ, состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Казани. Въ 1906 г. былъ избранъ членомъ первой Госуд. Думы. Алѣевъ и теперь состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Астрахани.

Изъ остальныхъ имѣются краткія свѣдѣнія объ Ив. Орловѣ, Ив. Красноперовѣ и Бирюковѣ.

Объ Ив. Орловѣ и Красноперовѣ Синегубъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ такія строки: «Орлова, бывшаго студента медика Казанск. университета, я встрѣтилъ въ Забайкальѣ, гдѣ онъ, по полученіи правъ, былъ пріисковымъ фельдшеромъ и горько пилъ; зналъ я также другого студента Казанскаго университета Красноперова, вращавшагося въ нашемъ кружкѣ и принимавшаго участіе въ литературѣ» [2]).

Красноперовъ, авторъ воспоминаній, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Евр.» (1905 г., 12), «Мірѣ Божіемъ» (1906 г., 9 — 10) и «Мин. Годахъ» (1908 г., 12) здравствуетъ понынѣ.

О Бирюковѣ Красноперовъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Впослѣдствіи, 5 лѣтъ спустя, онъ сдѣлался жертвой алкоголизма... Онъ пилъ до того, что спустилъ съ себя все... Ходилъ въ отрепьяхъ, почти полуголый, выклянчивая у знакомыхъ и прі-

---

[1]) Этотъ выговоръ профессорамъ есть прямое слѣдствіе показаній Ив. Орлова.

[2]) «Былое», 1906 г., кн. 8, стр. 45. Ив. Марк. Красноперовъ былъ земскимъ статистикомъ въ Самарской, а затѣмъ въ Тверской губ

ятелей «пятачокъ» на водку. Въ Казани же пьяный, на улицѣ, такъ и умеръ этотъ несчастный, котораго никакъ не могъ спасти его другъ К. В. Лаврскій, много разъ напрасно пытавшійся обратить его на истинный путь, поддержать его доставленіемъ ему работы и проч.» [1]).

Маевскій и его товарищи, судя по офиціальной перепискѣ, имѣющейся въ дѣлѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, были еще въ Сибири. Поручика Михайлова засталъ и вмѣстѣ съ нимъ «содержался» въ Александровскомъ рудникѣ, Нерчинскаго округа, М. Муравскій [2]).

О другихъ участникахъ не удалось получить болѣе или менѣе точныхъ и положительныхъ свѣдѣній.

Такъ закончился первый, болѣе или менѣе крупный революціонный опытъ народолюбивой молодежи, которой въ дальнѣйшей исторіи нашего общественно-политическаго развитія предстояло еще немало величайшихъ жертвъ и тяжелыхъ испытаній...

А. Ершовъ.

---

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1905 г., кн. 12, стр. 588.
[2]) «Былое», изд. Бурцева, вып. 2, стр. 58.

Изъ исторіи гоненій духоборцевъ въ Закавказьи [1]).

I.

Сотникъ Прага и экзекуція 1895 года.

Русское общество, вѣроятно, не забыло о движеніи среди духоборовъ на Кавказѣ, выразившемся въ массовыхъ отказахъ отъ военной службы *и въ сожженіи ими своего оружія* лѣтомъ 1895 года, произведенномъ въ трехъ губерніяхъ: Тифлисской, Карской и Елизаветпольской. Въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ этотъ актъ прошелъ спокойно и благополучно, благодаря тактичности властей, тогда какъ въ Тифлисской губерніи духоборы, сжигавшіе оружіе, подверглись жестокой расправѣ казаковъ подъ командой нѣкоего сотника Праги.

Вотъ объ этой-то экзекуціи и повѣствуетъ авторъ приводимаго здѣсь письма,—самъ въ то время бывшій офицеромъ казачьей конной артиллеріи.

Вскорѣ послѣ случившейся расправы надъ духоборами и поднятаго шума въ обществѣ по поводу этого (благодаря участію, которое принималъ въ ходатайствѣ за пострадавшихъ духоборовъ Л. Н. Толстой) есаулъ І. К. Д... навѣстилъ начальника казачьей сотни офицера Прагу и, выслушавъ его собственный разсказъ о случившемся, описалъ его замѣчательно интересно и подробно въ письмѣ къ намъ. Но, къ сожалѣнію, рукопись эта (въ оригиналѣ и въ копіи съ нея) была отобрана при обыскѣ у В. Г. Черткова, учиненномъ 2 февраля 1897 г. въ Петербургѣ. Тогда мы обратились къ І. К. Д... съ просьбой возстановить этотъ разсказъ сызнова, результатомъ чего и явилось приводимое здѣсь письмо, хотя изложеніе его, два года спустя послѣ событія, возстановленное уже по памяти, къ сожалѣнію, лишено тѣхъ яркихъ красокъ, какими отличался первый варіантъ этого разсказа.

А. Черткова.

(Письмо І. К. Д...).

Тифлисъ, іюль 1897 г.

Тотъ, кто читалъ или слышалъ разсказы о разгромѣ Ахалкалакскихъ духоборовъ (въ 1895 г.), знаетъ, что это случилось по

---

[1]) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы надѣемся помѣстить въ слѣдующихъ номерахъ «Голосъ Минувшаго» еще нынѣ не опубликованные матеріалы о духоборахъ, собранные нами и хранящіеся въ нашемъ архивѣ въ Англіи. *А. Ч.*

винѣ тогдашней тифлисской администраціи, нашедшей въ лицѣ есаула Праги не въ мѣру ретиваго исполнителя своихъ предначертаній, и вотъ почему въ конфиденціальномъ докладѣ тифлисскаго губернатора на имя главноначальствующаго такъ старательно замалчиваются дѣянія этого начальника казачьей команды...

Получивъ явное поощреніе и carte blanche отъ губернатора, этотъ офицеръ, будучи отъ природы sans foi ni loi, естественно счелъ себя въ правѣ учинить надъ беззащитными жителями, отданными на разграбленіе его казакамъ, тотъ рядъ насилій, за который и былъ признанъ, въ концѣ-концовъ, подлежащимъ исключенію со службы. Но для того, чтобы этотъ командиръ понесъ такое наказаніе, нужно было много шума и толковъ, и въ печати, и въ обществѣ; нужно было имѣть его плохую служебную аттестацію, нужно было, наконецъ, подтвердить добросовѣстнымъ дознаніемъ ген. Суровцова факты безчинства казаковъ....

Насколько бравый есаулъ былъ проникнутъ тогда сознаніемъ своей правоты, показываетъ содержаніе его рапорта по командѣ, въ коемъ онъ не только не старается умолчать о произведенныхъ имъ актахъ насилія надъ беззащитными людьми, но съ рѣдкой беззастѣнчивостью говоритъ о нихъ, явно вмѣняя себѣ въ заслугу жестокость обращенія съ народомъ. Чиновники, читавшіе его подробное донесеніе, вынесли убѣжденіе, что за свои дѣянія не порицанія, а награды ожидалъ этотъ офицеръ отъ начальства.

Лѣтъ сорока съ сильной просѣдью, средняго роста, неестественно живой, онъ всѣми своими движеніями, торопливой аффектированной рѣчью, дѣланной жестикуляціей, производитъ сразу же впечатлѣніе фальшиваго и недобраго человѣка. Какъ большая часть чиновниковъ съ плохо развитою совѣстью, Прага любитъ порисоваться своей непризнанной честностью въ служеніи «Богу и своему государю». Вѣроятно, Прага все же понялъ, въ концѣ-концовъ, что хватилъ «черезъ край» въ своемъ служебномъ усердіи, т. к., разсказывая мнѣ про экзекуцію, онъ извращалъ частью факты, частью мотивы, коими въ (свое) время руководился. Такъ, говоря о массовомъ избіеніи и отдѣльныхъ случаяхъ примѣненія имъ тѣлеснаго наказанія, онъ силился доказать мнѣ, что, поступая такъ, имѣлъ въ виду лишь благую и достойную цѣль — «привести къ раскаянію и скорѣйшей покорности заблудшихъ людей, пресѣчь, такъ сказать, зло въ корнѣ, устрашивъ фанатиковъ и прекративъ зловредное движеніе среди этихъ сектантовъ». — При этомъ онъ дѣйствовалъ не одной угрозой, но и убѣжденіемъ:

«Вѣрите ли,— говорилъ Прага,—во все время пребыванія въ духоборьѣ мнѣ пришлось въ одной рукѣ держать Евангеліе, а въ другой—плеть: къ Евангелію я прибѣгалъ каждый разъ, когда видѣлъ, что имѣю дѣло съ несчастной жертвой невѣжества и ложно понятаго христіанскаго ученія, — безъ плети же нельзя было обойтись, т. к. нужно было воздѣйствовать на упорныхъ фанатиковъ, сѣявшихъ смуту среди легковѣрныхъ и вводившихъ въ соблазнъ подвѣдомственныхъ мнѣ нижнихъ чиновъ».

Людей съ подобнаго рода убѣжденіями можно еще встрѣтить среди насъ, и я слышалъ отзывъ о духоборахъ одного служащаго, говорившаго, что «этихъ духоборовъ, какъ безбожниковъ и вѣроотступниковъ, не признающихъ ни святости иконъ, ни законности требованій царя, нужно было просто-напросто разстрѣлять — и вся недолга!»

Судя по массѣ образовъ въ кіотѣ и царскимъ портретамъ по стѣнамъ комнаты Праги, надо полагать, что онъ считаетъ себя внѣ всякихъ сомнѣній относительно религіозности и благонадежности, почему этотъ защитникъ отечества, не задумываясь, совершилъ въ дни экзекуціи тотъ рядъ «подвиговъ», о которыхъ онъ повѣдалъ мнѣ слѣдующее:

«Прибывъ съ двумя сотнями Умскаго казачьяго полка въ первое духоборческое селеніе Ахалкалакскаго уѣзда — Спасовку, онъ нашелъ тамъ помощника пристава этого участка и сельскаго, административно назначеннаго старшину — Мустафа-бека-Палавандова [1]). Тутъ онъ впервые услышалъ отъ этихъ должностныхъ лицъ характеристику духоборовъ Веригинской партіи, готовыхъ, по ихъ словамъ, къ открытому мятежу и вооруженному сопротивленію, а въ доказательство антиправительственнаго направленія, замѣченнаго среди этихъ сектантовъ, показали ему портретъ . . . . съ выколотыми глазами, найденный будто бы въ домѣ духобора Колесникова. Возмущенный этимъ, Прага приказываетъ немедленно привести этого послѣдняго, и когда тотъ отвергаетъ возведенное на него обвиненіе, говоря, что онъ не безумецъ, чтобы вымещать злобу на бездушномъ изображеніи, — его тутъ же валятъ и въ назиданіе другимъ порятъ нещадно плетьми...

По прибытіи губернатора въ с. Горѣлово «для личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣла» Прага получаетъ приказаніе привести силой къ нему духоборовъ, собравшихся на моленье въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, т. к. моленье въ его глазахъ лишь благовидный предлогъ для уклоненія отъ явки въ селеніе и массовое скопленіе бунтовщиковъ для учиненія безпорядковъ» [2]). По словамъ Праги онъ подъѣхалъ одинъ къ толпѣ и только послѣ того, какъ она отказалась исполнить его требованіе — итти къ губернатору въ с. Богдановку — онъ приказалъ казакамъ плетьми гнать народъ. Въ дѣйствительности же дѣло происходило иначе: завидя на равнинѣ народъ, Прага скомандовалъ сотнѣ «шашки вонъ» и повелъ казаковъ въ атаку на людей съ крикомъ «ура!»

Видя несущуюся на нихъ конницу, духоборы прижались къ скалѣ, и — дрогни толпа, обратись она въ бѣгство, — люди были бы смяты лошадьми и сброшены въ оврагъ.

Тщетно потративъ усиліе потоптать лошадьми духоборовъ, командиръ приказываетъ пустить въ ходъ нагайки, и самъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы казаки били нещадно, лично избивъ въ кровь одного казака за то, что тотъ дѣлалъ лишь видъ, что бьетъ, махая надъ головами плетью.—Да и какъ же было не остановить руку, когда колѣнопреклоненные люди кричали со слезами: «Братцы, что жъ вы дѣлаете?.. Прости вамъ, Боже, братья!»...

Бывшій съ казаками помощникъ пристава билъ людей желѣзнымъ приколомъ на арканѣ, что возятъ татары при сѣдлѣ... Такъ

---

[1]) Палавандовъ пользуется въ Закавказьѣ репутаціей безобразнаго взяточника, и онъ, въ числѣ прочихъ продажныхъ чиновниковъ, безнаказанно безчинствовалъ надъ духоборами. *І. Д.*

[2]) Наканунѣ этого дня — 29 іюня, въ день Петра и Павла духоборы собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ возлѣ одной пещеры, по издавно заведенному обыкновенію, на общее праздничное богомоленіе. Туда же ежегодно пріѣзжали посторонніе гости и мѣстные чиновники посмотрѣть на живописное зрѣлище празднично одѣтаго народа, послушать пѣніе псалмовъ и поѣсть радушно предлагаемаго духоборами угощенія. *І. Д.*

какъ градъ плетей сыпался, главнымъ образомъ, на головы, то вскорѣ лица оказались разсѣченными въ кровь, у многихъ жестоко пострадали глаза, летѣли въ клочья шапки, платье... Отъ страха и страшной давки женщины и малолѣтніе испускали вопли... сумятица царила тѣмъ большая, что толпа не знала цѣли этого нападенія и думала, что ее избиваютъ насмерть... Натѣшившись вволю, Прага пріостанавливаетъ битье, приказываетъ бабамъ отдѣлиться отъ мужиковъ и гонитъ толпу на дорогу. Завидя полуистлѣвшій костеръ съ оружіемъ, онъ съ казаками извлекаетъ уцѣлѣвшіе остатки, фигурирующіе потомъ, какъ вещественные знаки доказательства преступныхъ замысловъ духоборовъ: ихъ обвиняли въ томъ, что они только по приходѣ войскъ отказались отъ мысли пустить оружіе въ ходъ и, будто бы испугавшись строгой отвѣтственности, поспѣшили оружіе сжечь... Но всякій мало-мальски безпристрастный человѣкъ безъ труда могъ бы понять всю безразсудность подобнаго предположенія и дознаться истинныхъ мотивовъ, побудившихъ мирныхъ людей уничтожить свое оружіе... Вѣдь подобное же сожженіе оружія имѣло мѣсто одновременно и въ другихъ двухъ губерніяхъ (Карской и Елизаветпольской), гдѣ власти прекрасно знали, въ чемъ дѣло, почему и ограничили свое вмѣшательство въ него составленіемъ протокола о происшествіи!..»

Вотъ какъ повѣствуютъ духоборы объ этомъ событіи:

«Понявъ необходимость «порѣшить» со всѣми старыми слабостями и заблужденіями, мы постановили уничтожить оружіе, какъ великое зло, бывшее до того среди насъ, и, дабы всѣмъ было ясно и очевидно, что оружія мы больше впредь держать не будемъ, согласились сообща сжечь его на предстоящемъ праздничномъ собраніи 29 іюня.

Въ означенный день передъ богомоленіемъ сложили все оружіе въ кучу, обложили дровами, облили фотогеномъ и, когда оно загорѣлось, приступили къ моленію, по окончаніи котораго сѣли закусывать. Бывшая тутъ жена сельскаго писаря стала говорить братьямъ — «мясникамъ» (употребляющіе въ пищу мясо):

— А вы зачѣмъ здѣсь остаетесь? Не знаете развѣ, что начальство рѣшило войсками перебить «постниковъ»?..

И напугала она этими рѣчами многихъ изъ нихъ, и стали они разъѣзжаться по домамъ, остальные же, переночевавъ, должны были на другой день вернуться по селеніямъ, какъ вдругъ поутру случилось это нападеніе на насъ войска... Нѣкоторые изъ духоборовъ, не бывшіе на моленіи, узнавъ о требованіи губернатора явиться въ Богдановку, отправившись туда, услышали отъ встрѣчныхъ объ избіеніи. Имъ кричали: «не ѣзжайте, братьевъ уничтожаютъ!» Но тѣ говорятъ: «гдѣ братья гибнутъ, тамъ и мы должны быть!» У Горѣловки они нагнали толпу, окруженную казаками. Страшно было смотрѣть на избитыхъ въ кровь людей въ изорванныхъ платьяхъ, въ пыли!..

Вотъ по пути этого слѣдованія въ Богдановку и была высѣчена казаками одна изъ женщинъ, о чемъ Прага разсказывалъ такъ:

Женщина эта шла въ числѣ прочихъ за толпой и обратилась ко мнѣ съ такими словами: «Развѣ, господинъ, можно врываться въ церковь во время службы и чинить въ ней безчинства?» А я, понимая, на что она намекаетъ, отвѣчаю: «Если воръ или разбойникъ залѣзетъ подъ престолъ, то его и во время службы вытащатъ оттуда, а вы всѣ безбожники и лишь прикидываетесь молящимися, а

на самомъ дѣлѣ просто разбойники!» А она въ отвѣтъ: «Это не мы, а вы разбой учиняете», и пошла, и пошла... Боясь, чтобы она не возмутила всю толпу, я приказалъ казакамъ ее схватить и тутъ же у дороги разложить и всыпать ей плетей для усмиренія... [1])

Вторично толпа подверглась избіенію, когда показалась коляска губернатора, ѣхавшаго изъ Горѣловки въ Богдановку. Послышались крики: «шапки долой, шапки долой!» И по головамъ пошли гулять плети, «такъ что не только губернатора, а и свѣта Божьяго не взвидѣли», говорятъ духоборы. Прага же увѣряетъ, что онъ, подъѣхавъ къ губернатору, доложилъ ему, что толпа, видимо, сильно возбуждена и настроена враждебно, на что Шервашидзе закричалъ: «заставьте ихъ снять шапки!»

Толпу пригнали казаки до околицы с. Богдановки, гдѣ ее остановили и стали переписывать по селеніямъ и семействамъ. Въ это время Богдановскіе стали бросать свои билеты (ополченскіе), о чемъ Прага разсказываетъ такъ: «когда онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился губернаторъ съ уѣздными властями, онъ увидѣлъ его въ страшномъ гнѣвѣ, кричавшаго на толпу духоборовъ, отъ которой вдругъ отдѣлился одинъ и кинулъ ему свой билетъ запаса, а за нимъ стали подходить и протягивать свои билеты и другіе. Внѣ себя отъ негодованія губернаторъ хватаетъ у кого-то палку и наноситъ удары близстоящимъ; его примѣру слѣдуютъ и другіе чиновники [2]). Наконецъ, онъ приказываетъ Прагѣ «разогнать этихъ мерзавцевъ казаками». По командѣ эти послѣдніе устремляются на народъ.—Шедшіе въ это время къ губернатору старики, видя несущихся по улицѣ казаковъ, съ ружьями въ рукахъ, рѣшили, что отданъ приказъ къ разстрѣлу, и пали на колѣни, творя молитвы... Казаки налетѣли на нихъ и стали топтать лошадьми. Многіе тутъ пострадали: Петра Пыхтина, напримѣръ, замертво унесли съ поломанными ребрами. — Кучка побросавшихъ билеты подверглась особенно жестокому избіенію: такъ какъ они схватились другъ за друга, то ихъ растаскивали и поодиночкѣ пороли плетьми.

Найдя, вѣроятно, что послѣ такой экзекуціи пребываніе его становится излишнимъ, губернаторъ уѣхалъ во-свояси, похваливъ предварительно Прагу: «за находчивость и распорядительность». При этомъ выражалъ увѣренность, что онъ сумѣетъ безъ особыхъ инструкцій выполнить до конца возложенное на него порученіе.

Въ с. Богдановкѣ казаки стояли съ недѣлю, послѣ чего перешли въ села Родіоновку и Тамбовку, гдѣ пробыли до выселенія— 13-го іюля.

Сколько горя и мукъ извѣдали жители этихъ разоренныхъ селеній за эти дни, сколько актовъ безсмысленнаго и жестокаго насилія совершено надъ ними!..

Вотъ какъ, напримѣръ, повѣствуетъ самъ бывшій сотенный командиръ о случаяхъ примѣненія имъ тѣлеснаго наказанія.

«Въ Богдановкѣ узнаю, что бывшій унтеръ-офицеръ запаса — Василій Поздняковъ — порицаетъ открыто службу въ войскахъ и

---

[1]) Прагѣ выговаривала его поведеніе Дуня Блудова, а онъ, не разобравши, кто говоритъ изъ толпы, приказалъ схватить Марью Рыбину — сестру Василія Объѣдкова, которую жестоко избили... *(I. Д.)*

[2]) Уѣздный начальникъ нанесъ палкой тяжелую рану въ голову Осипу Кошелеву. *(I. Д.)*

тѣмъ смущаетъ умы легковѣрныхъ. Вхожу къ нему и говорю: «Здорово, Поздняковъ!» А онъ отвѣчаетъ: «Здравствуйте!» Я ему замѣчаю, что онъ, какъ чинъ запаса, обязанъ отвѣчать мнѣ по-солдатски: «здравія желаю», и чтобы онъ это помнилъ, приказываю дать ему 30 плетей; видя же, что онъ подъ ударами читаетъ молитвы, остановилъ порку, не желая разжигать фанатизмъ этого изувѣра, послѣ чего велѣлъ его запереть въ комнату и, кромѣ матери, никого къ нему не допускать. Впослѣдствіи мнѣ была поставлена въ числѣ прочаго въ вину жестокость моего обращенія съ Поздняковымъ, но я поступилъ съ нимъ такъ для поддержанія принципа дисциплины»...

Въ дѣйствительности не 30 плетей было дано этому духобору, а свыше 200. Тѣло его, по свидѣтельству присутствовавшаго при этомъ переводчика уѣзднаго правленія, перестало содрогаться, и несчастный сталъ молить: «Господи, вынь мою душу!» Затѣмъ бросили его въ сарай, куда никого не допускали, и онъ лежалъ тамъ въ крови безъ пищи и питья двое сутокъ. В. Поздняковъ былъ заключенъ въ тюрьму за возвращеніе билета запаса осенью 95 г. Во время экзекуціи у него стоялъ вахмистръ казачьей сотни, которому приглянулась жена хозяина, и когда Поздняковъ былъ схваченъ, онъ задумалъ изнасиловать ее. Одинъ изъ казаковъ предупредилъ ее и жившихъ съ ней свекровь и снохъ, что «надъ ними хотятъ учинить зло», почему онѣ ночью бѣжали въ сосѣднее армянское селеніе. Въ поискахъ за бѣглянками, казаки стали ночью ломиться къ брату Позднякова — Дмитрію, бывшему на ту пору въ г. Ахалкалакахъ, гдѣ содержался въ тюрьмѣ отецъ, арестованный раньше въ числѣ 20 другихъ стариковъ «за подстрекательство». Такъ какъ женщина не открывала двери, то они взломали сѣнцы и, оторвавъ ее отъ дѣтей, вытащили въ сѣни, гдѣ четверо казаковъ «насильничали» всю ночь. Когда впослѣдствіи потребовалось разслѣдовать это дѣло, прокуроръ пріѣзжалъ на мѣста поселенія въ Горійскій уѣздъ и допрашивалъ потерпѣвшую; она не отрицала случившагося, но не желала возбуждать противъ злодѣевъ преслѣдованія. «Вы судья, и знаете, чего они заслуживаютъ по закону,—сказала она,—но я съ нихъ ничего не ищу!» [1]) Были и другіе случаи подобнаго же рода, но женщины, стыдясь своего позора, не желали его предавать огласкѣ.

Обо всемъ этомъ слышалъ я отъ одного прокурора и самихъ духоборовъ.

Выпоролъ Прага одну женщину за то, что она не захотѣла остаться при мужѣ, а примкнула къ выселеннымъ. «Хочу, говоритъ, пострадать съ братьями за правду!» — «Коли хочешь пострадать, то изволь, голубушка, могу доставить тебѣ удовольствіе, и тутъ же, — разсказываетъ Прага, — далъ ей десятокъ плетей, коли еще захочешь, опять приходи — еще доставлю тебѣ страданій!»

Вотъ и еще его разсказъ въ томъ же родѣ: «Какъ-то говорятъ мнѣ, что задержали фургонъ съ тремя духоборами, пріѣхавшими изъ дальняго селенія *повидимому* съ цѣлью пропаганды и агитаціи. Этимъ я приказалъ тоже дать по нѣскольку плетей, чтобъ другимъ не повадно было скитаться, и, заперевъ ихъ въ сарай, приставилъ караулъ. Когда обо мнѣ началось дѣло, то меня обви-

---

[1]) Вахмистеръ этой сотни былъ разжалованъ за это дѣло.

нили въ томъ, что я будто бы допустилъ казаковъ насиловать этихъ женщинъ, и слѣдователь не удовлетворился моими опроверженіями».

Въ Тіонетскомъ уѣздѣ, при посѣщеніи ссыльно поселенныхъ, я видѣлъ старика Егора Хадыкина, котораго Прага засѣкъ дополусмерти за то, что онъ будто бы уговаривалъ на уходъ одну женщину изъ с. Башкичетъ, несмотря на то, что послѣ экзекуціи прошло больше года, человѣкъ этотъ былъ такъ потрясенъ душевно, что, когда при немъ стали разсказывать мнѣ о перенесенныхъ имъ мукахъ, — старикъ затрясся всѣмъ тѣломъ и зарыдалъ...

Но Прага не безкорыстно послужилъ орудіемъ кары: всѣмъ извѣстно, какъ онъ пользовался имуществомъ духоборовъ, на продажѣ пригнанныхъ съ экзекуціи лошадей и скота нажилъ хорошія деньги, а жена его продавала въ Тифлисѣ знакомымъ духоборческіе сукна и холсты... Однихъ цвѣтовъ съ оконъ духоборческихъ домовъ увезли два фургона...

Понятно, что, имѣя такого начальника, казаки... сочли себя въ правѣ не церемониться съ имуществомъ, отданнымъ имъ на разграбленіе. Врываясь въ дома, принимались шарить по всѣмъ угламъ, взламывая сундуки и ящики и забирая, что найдутъ. Заставляя себя кормить отборной пищей, они жарили куръ въ маслѣ и кормили ими собакъ. Лошадей кормили доотвала и стояли они чуть не по брюхо въ сѣнѣ. Много разъ приходилось мнѣ слышать разсказы духоборовъ о неистовствахъ казаковъ, но, говоря про это, они не выражали ни злобы, ни ненависти къ грабителямъ, а какое-то изумленіе передъ такой безразсудной жадностью людей, потерявшихъ всякій стыдъ и совѣсть... Что казалось имъ особенно дикимъ, такъ это приказъ губернатора кланяться каждому казаку, снимая шапку, хотя они и безъ приказанія имѣютъ обыкновеніе привѣтствовать при встрѣчѣ всякаго безъ различія положенія и національности. Казакамъ же и этого почета мало: они приказываютъ кланяться и сотенному значку, выставленному посреди селенія, и бьютъ нещадно того, кто не особенно низко поклонился... Нагайки отъ усиленнаго употребленія пришли въ негодность, и казаки отбирали у туземцевъ ихъ толстыя плети...

Достойно вниманія то, что пришедшая на постой новая партія казаковъ, не бывшихъ на экзекуціи въ составѣ сотни Праги, разведенные по квартирамъ, видимо, совѣстились обижать хозяевъ, спрашивая позволенія поставить лошадей, взять сѣна и т. п.

Вѣроятно, Прага зналъ хорошо психологію своихъ подчиненныхъ, потому что онъ поспѣшилъ и вновь прибывшимъ внушить, что они присланы на усмиреніе бунтовщиковъ и супостатовъ, что они должны по долгу службы и присяги относиться къ нимъ, какъ къ врагамъ, и буде послѣдуетъ приказъ, то должны не задумываясь рубить ихъ и стрѣлять. Но насколько позорно было во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе казаковъ, настолько чинно держалъ себя, по словамъ духоборовъ, отрядъ пѣхоты, начальство и офицеры котораго не только не поощряли грабежъ, но старались по возможности оградить несчастныхъ жителей отъ насилій разнузданныхъ казаковъ. Это привело даже, въ концѣ-концовъ, къ столкновенію между сотеннымъ командиромъ и начальникомъ пѣхоты, послужившему, въ свою очередь, къ разоблаченію дѣяній Праги. Этотъ послѣдній, со свойственной ему лживостью, объясняетъ все недружелюбнымъ отношеніемъ вообще пѣхоты къ кавалеріи и ста-

витъ въ упрекъ пѣхотному начальству гуманное его отношеніе къ духоборамъ, платившимъ пѣхотѣ за это тѣмъ, что добровольно отдавали солдатамъ на прокормъ свои запасы и скотъ на убой.

Но не одни пѣхотные офицеры явились обвинителями и свидѣтелями гнуснаго поведенія Праги: одинъ изъ субалтернъ—офицеровъ его сотни донесъ также на него высшему начальству, по словамъ Праги, за то, что онъ, Прага, не далъ ему 300 рублей «отступного». Прага обвинялся еще и за недобросовѣстное веденіе отчетности по довольствію сотни за время экзекуціи, и когда поднялось о немъ дѣло, жена его обращалась къ Шервашидзе за заступничествомъ, на что губернаторъ сказалъ ей: «Вашъ мужъ внѣ всякаго обвиненія въ дѣлѣ усмиренія бунтовщиковъ, и онъ потерпѣлъ по службѣ лишь за нарушеніе правилъ денежной отчетности, вотъ почему я не могу помочь ему ничѣмъ».

Бригадный же командиръ возражалъ Прагѣ на это такъ: «Напрасно васъ увѣряетъ губернаторъ, что вы понесли наказаніе за недобросовѣстное отношеніе къ казенному добру; понятно, что онъ, спасая свою шкуру, не можетъ указывать вамъ на то, въ чемъ онъ, главнымъ образомъ, виноватъ... Нѣтъ, вы не за это должны быть лишены службы, а за то, что позволили себѣ и нижнимъ чинамъ надругаться надъ беззащитными мирными жителями, и нѣтъ вамъ за то ни оправданья, ни защиты!..»

Это было послѣднее, что я услышалъ самъ изъ устъ Праги; я слишкомъ долго сдерживалъ себя въ своемъ желаніи услышать отъ него самого все, что вы хотѣли знать, чтобы представить себѣ нравственный обликъ этого человѣка... Не глядя на него, не оборачиваясь, я выбѣжалъ изъ дома, дрожа, какъ въ лихорадкѣ отъ негодованія... И я радуюсь теперь и удивляюсь, что оно не прорвалось наружу!..

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

I. В. К. Константинъ Павловичъ и княжна Елена Любомирская.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ никогда не любилъ Польши. Ставъ ея диктаторомъ, онъ приложилъ немало усилій, чтобы задушить неуспѣвшій окрѣпнуть конституціонный строй въ Польшѣ послѣ 1815 года. Но все-таки было время, когда если не Польша, то «полька» пробуждала въ немъ иныя чувства и настроенія. Было время — въ глухую пору казарменнаго режима Павла, когда и душа Константина, утомленная пустой и монотонной жизнью Михайловскаго замка, въ общеніи и перепискѣ съ прекрасной полькой искала спокойствія, любви и ласки. Великій князь Константинъ въ роли Ромео! Какъ-то не вяжется это съ его грубой, неуклюжей фигурой, приплюснутымъ носомъ, съ его движеніями и пріемами невоспитаннаго солдата. А между тѣмъ было такое время, правда, мимолетное, когда душа жестокаго и черстваго Константина томилась жаждой любви и искала душевнаго сближенія съ мягкой и женственной душой, съ прекрасной польской княжной Еленой Любомирской.

Прошла пора любви и мечтаній. Успокоилось сердце цесаревича. Онъ сталъ опять прежнимъ и забылъ о радостяхъ ожиданія и встрѣчи; и только пожелтѣвшія страницы любовной переписки остались молчаливыми свидѣтелями далекаго прошлаго. Надо быть очень благодарнымъ проф. Аскеназы (*Biblioteka Warszawska*, № 6), познакомившему съ перепиской цесаревича и кн. Елены. Странная судьба Константина. Знакомство съ кн. Еленой и вспыхнувшая впослѣдствіи любовь начались именно тогда, когда ненависть къ полякамъ наполняла сердце Константина Павловича. Этому помогало и настроеніе Павла, и встрѣчи на полѣ брани русскихъ войскъ съ польскими легіонами подъ знойнымъ небомъ Италіи. Въ то же время сердце, встревоженное неудачнымъ бракомъ съ кн. Анной Федоровной, жаждало покоя и забытія. Не вынесъ цесаревичъ петербургской жизни. Молодая душа протестовала и рвалась на свободу. Уѣхалъ цесаревичъ Константинъ инспекторомъ пограничныхъ войскъ. Начались смотры, ученіе, парады, но веселое настроеніе не покидало Константина. А тутъ еще случайная встрѣча, пріятное знакомство съ семействомъ Любомирскихъ, большими патріотами. Душа стала отдыхать въ обществѣ кн. Елены. Постоянныя встрѣчи зажгли сердце цесаревича любовью. Ему казалось, что онъ любитъ кн. Елену, и притомъ очень сильно. Явилась мысль разорвать цѣпи ненавистнаго брака и жениться на кн. Еленѣ. Чувства и намѣренія Константина были извѣстны матери Елены. Покидая по служебнымъ дѣламъ гостепріимный Ровно, цесаревичъ часто писалъ кн. Еленѣ. Его письма не особенно интересны, но въ нихъ чувствуется любовь и искренность. Пышныхъ фразъ тамъ нѣтъ; да

Константинъ едва ли былъ способенъ на нихъ. И когда цесаревичъ лирически восклицаетъ: «Я теперь такъ живо воспринимаю, такъ глубоко чувствую, какъ раньше никогда», то нѣтъ основанія не вѣрить проявленію у цесаревича несвойственныхъ ему чувствъ. И это сдѣлали искренній порывъ любви, жажда личнаго счастія, уютъ семейной обстановки и ласковость въ отношеніяхъ! Но вотъ наступила разлука. Цесаревичъ уѣхалъ въ столицу. Душой онъ остается въ Ровно. Возобновляется переписка, и въ общеніи съ милымъ по сердцу существомъ онъ забываетъ о казарменномъ Петербургѣ. Ничто не радуетъ и не веселитъ цесаревича. Онъ живетъ мыслью только о Еленѣ. «Когда же я снова увижу милый Ровно и его дорогихъ и добрыхъ обитателей», восклицаетъ цесаревичъ въ письмѣ отъ 26 ноября 1800 года. «Какъ счастливъ былъ я, — пишетъ кн. Константинъ въ слѣдующемъ письмѣ, — если бы я имѣлъ счастье снова увидѣть васъ и опять побывать въ Ровно, гдѣ я провелъ наиболѣе счастливые моменты моей жизни. Когда я вспоминаю объ этомъ счастливомъ времени, которое я провелъ у васъ, я плачу и въ то же время думаю, когда опять я буду среди васъ?» Такой чувствительности отъ цесаревича нельзя было ожидать. «Мнѣ скучно,—пишетъ цесаревичъ въ февралѣ 1801 года. — Сначала года у насъ были балы и маскарады. Но я скучалъ, и всѣ спрашивали меня, почему я не танцую. Тогда я отвѣчалъ самому себѣ—увы!—я не въ Ровно! Если я не увижу васъ снова, я умру отъ тоски и печали, и если бы мнѣ дано было императоромъ позволеніе уѣхать къ Вамъ, только одинъ Богъ знаетъ, какъ я былъ бы счастливъ». Но разрѣшеніе, очевидно, не давалось, такъ какъ Константинъ оставался въ Петербургѣ. А тамъ случились трагическія событія 11 марта. Цесаревичъ сейчасъ же увѣдомляетъ объ этомъ кн. Елену. 14 марта Конст. писалъ: «У насъ большая перемѣна. Моего отца нѣтъ въ живыхъ. Мой обожаемый братъ—императоръ. Его всѣ обожаютъ. Весь Петербургъ какъ бы снова родился, а Россія, мое дорогое отечество, свободно дышитъ грудью». Ни слова сожалѣнія объ умершемъ отцѣ и молчаливое сочувствіе перевороту 11 марта—вотъ впечатлѣніе, которое выносите отъ чтенія письма 14 марта.

Но перемѣна правленія повліяла отрицательнымъ образомъ на отношенія кн. Елены и цесаревича. Александръ, съ свойственнымъ ему двуличіемъ, старался разстроить матримоніальные планы своего брата, и это ему вполнѣ удалось. Цесаревичъ сталъ охладѣвать къ кн. Еленѣ. Неособенное сильное чувство уже не тянуло въ милый Ровно. Появившіяся при дворѣ сестры кн. Четвертинскія обратили на себя вниманіе обоихъ братьевъ. Марія впослѣдствіи, вышедшая замужъ за Нарышкина, увлекла Александра. Жонетѣ—остался Константинъ. Въ концѣ-концовъ, Александръ добился своего: въ сердцѣ брата угасла любовь къ далекой кн. Еленѣ. Когда послѣдняя появилась въ Петербургѣ, то, кажется, между ними былъ полный разрывъ. По крайней мѣрѣ, въ своемъ петербургскомъ дневникѣ она ни единымъ словомъ не обмолвилась о цесаревичѣ, словно его не было на свѣтѣ. Такъ печально ушла любовь Константина, а съ нею и свѣтлый моментъ въ его жизни. Зато теперь природныя свойства — грубость, жестокость, проявленіе которыхъ раньше въ періодъ любви и мечтаній почти не было замѣтно, крѣпко захватили цесаревича въ свои сѣти, и до конца жизни они оставались его геніями зла.

В. Пичета.

II. Еще о Растопчинѣ. Изъ крѣпостного быта.

Читатель «*Голоса Минувшаго*» знакомъ уже по статьѣ Н. П. Сидорова (№ 6) съ интересной перепиской Н. И. Новикова и А. Ѳ. Лобзина, опубликованной Б. Л. Модзалевскимъ въ «*Русскомъ Библіофилѣ*». Въ этой перепискѣ разсказывается, между прочимъ, о сношеніяхъ Новикова съ гр. Растопчинымъ. Эпизодъ любопытнѣйшій, принимая во вниманіе позднѣйшія отношенія гр. Растопчина къ масонамъ. Онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ въ 1812 г. личнаго своего врага московскаго почтъ-директора Ѳ. П. Ключарева; не оставилъ въ покоѣ и Новикова въ 1813 году, заподозрѣвая его въ измѣнническихъ намѣреніяхъ, такъ какъ Новиковъ въ своемъ Авдотьинѣ лѣчилъ, между прочимъ, и французскихъ раненыхъ. Какъ извѣстно, московскій патріотъ не допускалъ человѣколюбиваго отношенія даже къ беззащитному врагу. Такъ боролся съ «мартинистами»—врагами отечества—охранитель истинно-русскихъ основъ въ началѣ XIX в., въ періодъ, когда онъ былъ въ зенитѣ славы и вліянія или когда подготовлялъ себѣ почву въ тверскомъ салонѣ вел. кн. Екатерины Павловны. Но было время, когда «спаситель отечества» въ 1812 г. и вождь боевого націонализма послѣ Тильзита былъ въ немилости и опалѣ. Тогда у него съ врагомъ отечества устанавливались совсѣмъ иныя отношенія. Друзья Новикова имѣютъ высокое представленіе о гр. Растопчинѣ, какъ извѣстно умѣвшемъ пускать пыль въ глаза, даже по собственному признанію. Лабзинъ, котораго Растопчинъ въ 1804 г. именуетъ своимъ «другомъ», стремится познакомить Р. съ Новиковымъ. Послѣдній отказывается въ началѣ 1800 г. отъ этого знакомства, такъ мотивируя въ письмѣ къ Лабзину (III, 21) свой отказъ:

«Касательно до намѣренія вашего познакомить меня съ извѣстною особою (т.-е. Растопчинымъ) я буду отвѣчать откровенно и искренно. О сей особѣ наслышался я весьма много добраго, а болѣе всего отъ Ѳ. П. (т.-е. того самаго Ключарева, котораго преслѣдовалъ Растопчинъ въ 1812 г. исключительно по личнымъ мотивамъ) и имѣю къ ней искреннее сердечное почтеніе и весьма, весьма великое уваженіе, но не вижу ни малѣйшей возможности къ сближенію насъ, хотя бы того и желалъ, ибо онъ весьма высокъ, а я весьма низокъ и пр., такъ что между нами весьма великое разстояніе пустоты». «Какая цѣль сего сближенія и знакомства?—продолжаетъ Новиковъ.—Мірская, а я къ ней сдѣлался неспособнымъ и дикимъ. Знатные не терпятъ противорѣчія» и т. д. «Но ежели Вы думаете и увѣрены, что изъ сего познакомленія можетъ произойти то, что онъ полюбитъ извѣстныя матеріи (т.-е. ученіе масоновъ), захочетъ въ нихъ упражняться... то да благословитъ Господь сіе ваше намѣреніе»....

Къ приведеннымъ мотивамъ Новиковъ дѣлаетъ характерное добавленіе: «но я весьма опасаюсь, не философъ ли онъ, т.-е. не вольнодумецъ ли? (это нынѣ синонимъ) и не считаетъ ли онъ наше любимое или глупостью или скудоуміемъ или обманомъ только для глупыхъ». Вотъ въ чемъ былъ заподозрѣнъ идеологъ дворянскаго крѣпостничества престарѣлымъ представителемъ екатерининскаго вольнодумства, всегда, впрочемъ, какъ и его ближайшіе друзья, съ опасеніемъ смотрѣвшій на «нечестивыхъ татей философскаго имени», проповѣдующихъ идеи равенства и буйной свободы. («Изліянія сердца», И. В. Лопухина.)

Не забудемъ, однако, что незадолго до предполагаемаго знакомства съ Новиковымъ Растопчинъ дѣлалъ доносъ Павлу на

мартинистовъ (*В. И. Семевскій*. «Декабристы-масоны», «*Мин. годы*», II, 5). Какъ это характерно для искренняго и послѣдовательнаго Растопчина, какимъ онъ рисуется нѣкоторымъ нашимъ изслѣдователямъ... Прошло нѣсколько лѣтъ. Растопчинъ уже числится въ рядахъ фрондирующихъ московскихъ вельможъ; живетъ въ деревнѣ и занимается улучшеніемъ хозяйства по англійскому образцу. На этой почвѣ и происходитъ письменное знакомство съ Новиковымъ. Послѣдній пишетъ Лабзину 12 февраля 1804 г.:

«Нѣкогда хотѣли познакомить дядю (т.-е. самого Новикова) съ гр. Растопчинымъ, я тогда отказался. Времена, а съ ними обстоятельства перемѣняются: нынѣ я прошу о семъ, — и вотъ причина. Онъ объявилъ въ газетахъ, что съ 1 марта будетъ принимать учениковъ аглинскому земледѣлію... Я хочу отдать ученика.

Рекомендательное письмо отъ Лабзина Новиковъ получилъ, ученика послалъ и совершенно очаровывается любезностью знатной «особы». «Я не могу и по сіе время, — пишетъ онъ 18 апрѣля, — изъ удивленія выйти о характерѣ и свойствахъ сего истинно-почтеннаго мужа... сожалѣть только и сердечно болѣзновать, что онъ не въ дѣйствующихъ». И дѣйствительно, будущій гонитель «мартинистовъ» и доноситель на масоновъ въ самыхъ лестныхъ и дружественныхъ выраженіяхъ говоритъ о своихъ симпатіяхъ къ новиковскому кружку.

«Общій другъ нашъ Александръ Ѳеодоровичъ (т.-е. Лабзинъ), — писалъ Растопчинъ Новикову, — чувствительно одолжилъ меня, доставя честь знакомства вашего. Вы сему повѣрить должны, когда узнаете отъ меня, что весьма съ давняго времени почитаніе мое къ Особѣ вашей твердо основано было на извѣстныхъ мнѣ правилахъ Вашихъ и рвеніи образовать столь нужное просвѣщеніе и нравственность въ отечествѣ нашемъ. Вы претерпѣли обыкновенныя гоненія, коимъ превосходные умы и души подвержены бываютъ, и лучшія намѣренія ваши обращены были ядомъ зависти въ дурное, но Провидѣніе, оставя злымъ раскаяніе и стыдъ, наградило васъ спокойствіемъ души и памятію жизни добродѣтельной. Наслаждайтесь сими безцѣнными дарами въ тихомъ убѣжищѣ вашемъ и вѣрьте, что слухи и молва народная не что иное для меня, какъ вѣтеръ и буря въ атмосферѣ; но я ихъ не люблю, предпочитая тишину всему на свѣтѣ» (IV, 25).

Послѣднее Растопчинъ блестяще опровергъ своимъ послѣдующимъ отношеніемъ къ тѣмъ, кого онъ считалъ въ числѣ своихъ «друзей» въ 1804 году.

* * *

Русскому читателю хорошо извѣстенъ крѣпостной бытъ дореформенной Россіи. Хорошо извѣстны и условія проведенія «великой реформы» 19 февраля 1861 г. И тѣмъ не менѣе каждое новое воспоминаніе изъ этой эпохи даетъ новые любопытные штрихи къ знакомой картинѣ. Эти штрихи мы найдемъ въ главѣ «Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына», начатыхъ печатаніемъ въ «Русской Старинѣ» еще въ прошломъ году. Въ нихъ разсѣяно немало бытовыхъ картинокъ дореформенной Россіи, небезынтересныхъ встрѣчъ и эпизодовъ: напр., кулачные бои въ Торжкѣ, знакомство со старообрядцемъ А. И. Сборовскимъ, поклонникомъ Герцена и т. д. Описываетъ старый врачъ и «дворянскій и крестьянскій бытъ передъ реформой» (№ 6).

Въ январѣ 1859 г. Синицкій въ качествѣ врача былъ посланъ присутствовать на усмиреніи тремя ротами Ладожскаго пѣхотнаго

волка «такъ называемаго крестьянскаго бунта», въ с. Нѣмовичахъ, Ровенскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Кошовскаго. При въѣздѣ въ усадьбу на обширномъ дворѣ онъ увидалъ «громадную толпу крестьянъ сотъ до пяти или шести человѣкъ, стоявшихъ съ обнаженными головами передъ домомъ». Это и были «бунтовщики», надъ которыми предстояло произвести экзекуцію. Исторія бунта такова. Дѣлами старика пана Кошовскаго вѣдалъ дворянинъ Вывѣровскій, угнетавшій крестьянъ барщиной, требовавшій къ себѣ наиболѣе красивыхъ дѣвушекъ и т. д. — обычное при крѣпостномъ правѣ. Никакія жалобы крестьянъ не доходили по назначенію. Умеръ старикъ панъ. Имѣніе перешло его племяннику, а вмѣстѣ съ новымъ владѣльцемъ появился и новый управитель, — отставной полковникъ, помѣщикъ Шычевскій, выросшій въ школѣ Аракчеева. Шычевскій завелъ у себя порядки военныхъ поселеній: крестьяне выходили на барщину по барабанному бою, въ избахъ было заведено аракчеевское однообразіе, такіе же костюмы, такая же пища. Однообразіе, какъ и слѣдуетъ, вводилось путемъ нагайки. И опять эротическія похожденія владѣльца и его управителя. На этой почвѣ и разыгрался конфликтъ: крестьяне по уговору рѣшили не признавать новаго владѣльца, а требовать къ себѣ въ хозяева старшаго сына владѣльца, которому старикъ Кошовскій хотѣлъ оставить въ наслѣдіе помѣстье. Итакъ, крестьяне одного барина хотѣли замѣнить другимъ, ссылаясь на поддѣлку завѣщанія и жалуясь на злоупотребленія новыхъ владѣльцевъ. Конечно, жалобы были безплодны. Въ результатѣ волынскій губернаторъ кн. Друцкой-Соколинскій явился съ войскомъ проводить вѣрноподданныхъ Кошовскаго въ подчиненіе.

«Началась порка страшная безумная, злая... отпустивъ нѣсколько десятокъ розогъ, поднимали наказуемаго и снова спрашивали его, будетъ ли онъ слушать пана? И, получивъ все тотъ же отвѣтъ: «якъ громада каже», снова возобновляли порку. Пороли съ изступленіемъ до обморковъ, но ни одного стона не вырывалось изъ груди этихъ мучениковъ»...

Затѣмъ принялись за женщинъ, отставивъ тѣхъ изъ нихъ, которыя по освидѣтельствованіи врача оказались беременными. Пороли до обѣда. Потомъ устали и отправились къ трапезѣ, во время которой крѣпостной оркестръ разыгрывалъ шопеновскую мазурку... На другой день снова «безобразная, возмутительная порка», до тѣхъ поръ, пока «человѣкъ 5 или 10, опустивши глаза, почти неслышно, проговорили: «Будемъ»... Затѣмъ молчавшихъ еще разъ выпороли и зачинщиковъ отправили въ Сибирь...

А вотъ другая картина изъ жизни грандъ-сеньерши николаевскаго времени, помѣщицы Новоторжскаго уѣзда, Агаѳоклеи Александровны Полторацкой. Она собственноручно порола крестьянъ при объѣздѣ полей. Но это мало. Помѣщица страдала безсонницей и «когда всѣ извѣстныя тогда гипнотическія средства были истощены, она приказывала собрать мужиковъ изъ сосѣднихъ деревень и пороть ихъ передъ окнами своей спальни, находившейся въ нижнемъ этажѣ дома; подъ звуки этого адскаго оркестра она тихо засыпала...» Но кончились дикія забавы и причуды крѣпостного барства. И авторъ съ нѣкоторымъ умиленіемъ разсказываетъ о томъ, что «такой великій переворотъ» (т.-е. освобожденіе крестьянъ) прошелъ почти безъ кровавыхъ столкновеній:

«Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ восточныхъ губерній (казанская исторія Щапова, напримѣръ) почти вездѣ дѣло обошлось мирнымъ путемъ. Въ

«Европѣ понять этого не могли». «Пострадали непосредственно только нѣсколько старушекъ, изъ которыхъ двѣ сошли съ ума, а съ третьей сдѣлался ударъ сейчасъ же послѣ объявленія манифеста да одинъ старичекъ умеръ отъ удара также въ самый день объявленія его. Вотъ и всѣ на первое время жертвы переворота».

Такъ, быть-можетъ, могло казаться врачу, жившему въ Новоторжскомъ уѣздѣ. Такъ было въ модѣ долго время въ либеральныхъ кругахъ обрисовывать проведенія «великой реформы» на мѣстахъ. Но въ наукѣ давно уже нѣтъ мѣстъ для этихъ квасныхъ сентиментальныхъ обрисовокъ погодинскаго пошиба. Редакціи «Русской Старины» не мѣшало бы оговорить, что послѣ данныхъ, приведенныхъ въ работахъ А. С. Попельницкаго, И. И. Игнатовичъ и др., эфемерная идиллія превратилась въ реальную дѣйствительность, которая была запечатлѣна никѣмъ другимъ, какъ И. С. Аксаковымъ, въ такихъ словахъ въ письмѣ отъ 5 мая 1861 г.: «энергичные генералъ и флигель-адъютантъ сѣкутъ, ссылаютъ, застрѣливаютъ...» Кончилось крѣпостное право. Но далеко еще не исчезла, впрочемъ, помѣщичья барственность. «Старый врачъ» рисуетъ намъ интересный типъ помѣщика В. А. Полторацкаго (внукъ упомянутой выше Полторацкой), выбраннаго послѣ реформы консервативнымъ большинствомъ въ предводители дворянства на мѣсто А. А. Бакунина. Это былъ любитель охоты, обставлявшій свои выѣзды съ поразительной роскошью и никогда неплатившій крестьянамъ за свои ночлеги и забранный у нихъ кормъ для лошадей...

С. Мельгуновъ.

III. Проекты народнаго представительства въ Россіи въ 1882 г.

Въ «Современникѣ» (1913, мартъ) и въ «Русск. Архивѣ» (1913, I, II) напечатаны чрезвычайно интересные матеріалы, касающіеся разнородныхъ проектовъ введенія въ Россіи народнаго представительства въ 1882 г. Въ первомъ журналѣ мы находимъ статью В. Я. Богучарскаго «Конституціонный проектъ гр. П. П. Шувалова», а возобновленный «Р. Арх.» печатаетъ переписку П. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ о Земскомъ Соборѣ. Матеріалы эти интересны потому, что показываютъ полную ложность существующихъ въ широкихъ кругахъ представленій, будто бы имп. Александръ III, съ самаго же вступленія своего на престолъ, сразу и безповоротно вступилъ на тотъ путь, по которому онъ шелъ до конца жизни. Исторія первыхъ лѣтъ прошлаго царствованія все болѣе и болѣе выясняется, благодаря опубликованію дневниковъ, переписки и матеріаловъ той эпохи. Письма К. П. Побѣдоносцева, дневники Валуева, Безобразова и др. матеріалы, опубликованные въ 1906—7 гг. «Былымъ» и «Минувш. Годами», наконецъ, непрерывные труды В. Я. Богучарскаго и нѣк. др.—все это понемногу развертываетъ предъ нами картину борьбы противоположныхъ теченій въ средѣ общества и въ правящихъ кругахъ въ началѣ 80-хъ гг. Колебанія правительства въ теченіе марта-апрѣля 1881 г. выяснены уже достаточно. Но паденіе Лорисъ-Меликова и его «кабинета», крушеніе его проекта («общей комиссіи» изъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній и нѣкоторыхъ город-

скихъ думъ), а также торжественная декларація 29 апр. 1881 г. объ утвержденіи и охраненіи самодержавія—не рѣшили еще окончательно вопроса о возможности народнаго представительства. Отсутствіе увѣренности въ разгромѣ «Народной Воли», заявленія земскихъ собраній, общее тревожное состояніе страны—заставляли правительство и отдѣльныхъ лицъ задумываться надъ вопросомъ о созывѣ народныхъ представителей. Министръ вн. дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевъ сперва прибѣгъ къ попыткѣ (очень жалкой по размѣрамъ и вызвавшей отрицательные отзывы земствъ)—фальсифицировать земское представительство, вызвавши въ Петербургъ сперва 12, а затѣмъ 35 ч. т. н. «земскихъ свѣдущихъ людей» для составленія предположеній о способахъ пониженія выкупныхъ платежей. Попытка эта кончилась неудачей. Тогда послѣдовала вторая попытка — созыва Земскаго Собора по славянофильскому рецепту. Представленіе объ этой попыткѣ и даетъ переписка П. Д. Голохвастова съ И. С. Аксаковымъ, охватывающая періодъ съ 13 февр. по 9 іюня 1882 г. Должно замѣтить, что часть отпечатаннаго «Р. Арх.» матеріала (письмо П. Д. Голохвастова, отъ 2 мар., а также варіантъ Манифеста о созывѣ Собора) уже были опубликованы г. Н. В. въ «Русск. Вѣстникѣ», 1905, II и III (въ ст. «Самодержавіе и Зем. Соборъ по идеямъ П. Д. Голохвастова»). Тамъ же помѣщены: письмо Голохвастова къ Побѣдоносцеву и его записки — «Русск. идеалъ государства», «Какъ и для чего созвать первый соборъ», «Большинство и Самодержавіе» и «Самодержавіе и Народъ»[1]).

Личность П. Д. Голохвастова, несомнѣнно, очень интересна. Сперва мировой судья, затѣмъ управляющій Ташинскимъ желѣзнымъ заводомъ, наконецъ, подмосковный помѣщикъ, — Голохвастовъ былъ однимъ изъ видныхъ славянофиловъ 70—80-хъ гг., сотрудникомъ аксаковской «Руси», «Русск. Арх.» и др. изд. Человѣкъ, вполнѣ искренній, онъ пришелъ къ убѣжденію, что «смута» конца 70-хъ гг. можетъ быть прекращена лишь созывомъ Земскаго собора. Вслѣдъ за взрывомъ свитскаго поѣзда подъ Москвою, онъ пишетъ (10 дек. 1879 г.) письмо Побѣдоносцеву, доказывая, что съ 1682 г., съ послѣдняго Земскаго Собора, на Руси «нѣтъ у Царя и Земли прежняго непосредственнаго общенія другъ съ дружкою», убѣждая, что конституціи бояться нечего, что народъ ненавидитъ «смутьяновъ», пророчествуя, что «положитъ Богъ Царю на разумъ познать, что безъ народа, безо всей нашей земли, ни нашею старо-нѣмецкой чиновничьей машиною правительственной, ни нарочитою семигенеральщиной[2]), все равно не справиться ни со смутьянами, ниже съ иными многими у насъ непорядками. Но лучше бы, конечно, призвать землю во-время; и спокойно, спокойно-грознымъ судомъ и расправою по старинному Собора излюбленнаго всея земли, всѣхъ православныхъ крестьянъ, всякаго чина людей..., покончить прежде всего съ этой бѣдой, со смутой и смутьянами»... Голохвастовъ обратился, конечно, не по адресу: тотъ же Побѣдоносцевъ провалилъ его замыслы въ 1882 г.; но письмо это обратило на себя вниманіе высшихъ сферъ и стало

---

[1]) Матеріалъ этотъ былъ въ свое время использованъ въ *моей* книгѣ «Общ. движеніе въ Россіи 1700 — 1895 гг.», 1905, ч. II, с. 165 — 167.

[2]) Намекъ на указъ 6 апр. 1879 г. объ учрежденіи времен. ген.-губернаторовъ.

извѣстно и Цесаревичу, и Александру II. Въ сент. 1881 г. и въ началѣ 1882 г. Голохвастовъ является въ Петербургъ и идетъ уже иными путями[1]). Онъ является во всеоружіи всесторонняго знанія вопроса, съ массой историческихъ данныхъ и справокъ и вполнѣ выработанной практической программой. Записки свои о Земскомъ Соборѣ онъ подалъ гр. Н. П. Игнатьеву и гр. И. И. Воронцову. Игнатьевъ рѣшилъ воспользоваться трудами Голохвастова, не безъ задней мысли выдать ихъ за свои собственные (для этого онъ, между прочимъ, имѣлъ терпѣніе собственноручно переписывать составлявшіяся Голохвастовымъ записки для Государя). Въ перепискѣ Аксакова, который ободрялъ и вдохновлялъ Голохвастова, въ тѣхъ письмахъ, которыя шли по почтѣ, а не съ оказіей, они называютъ Игнатьева Ровинскимъ, а записки Голохвастова — эстампами (собирателемъ которыхъ былъ, какъ извѣстно, покойный сенаторъ, не имѣвшій никакого отношенія къ дѣлу о Зем. Соборѣ). Въ Телеграммѣ отъ 13 февр. Аксаковъ сообщаетъ Голохвастову, что «Ровинскій» предлагаетъ «ближайшему знакомому» Д. П. (т.-е. самому Голохвастову) мѣсто чиновника особыхъ порученій съ 2000—3000 р. жалованья. 19 февр. 1882 г. Голохвастовъ былъ у Игнатьева, былъ, для виду, причисленъ къ «Сельскому Вѣстнику», гдѣ писалъ для крестьянъ статьи о цареубійствѣ 1 марта и о казни народовольцевъ и т. п., на самомъ же дѣлѣ непрерывно работалъ надъ записками и проектами манифеста о Земскомъ Соборѣ. Параллельно съ нимъ работалъ и правитель канцеляріи министра Дм. Ив. Воейковъ, составившій записку о томъ, что общество удовлетворится вызовомъ, по усмотрѣнію правительства, свѣдущихъ людей изъ числа выбранныхъ земствами и городами кандидатовъ; этимъ удовлетворится даже и крамола. Противъ фразъ о томъ, что общество удовлетворится ими, имп. Александръ III написалъ: «*Едва ли*», а противъ словъ о крамолѣ: «*Да развѣ того ей надо?*» Нельзя не упомянуть здѣсь же, что Д. И. Воейковъ былъ авторомъ брошюры «Земскаго гласнаго Д. В. Земство и призывъ правительства къ борьбѣ съ революціонной пропагандой», Leipzig, 1879 г., въ которой онъ говорилъ о «дружной работѣ Царя и Земли», о «ближайшемъ содѣйствіи мѣстныхъ людей», о совѣщательномъ представительствѣ[2]). Такимъ образомъ, Игнатьевъ, какъ и всегда, велъ двойную политику. Голохвастовъ сразу же почувствовалъ, что онъ нуженъ Игнатьеву «какъ *перо*», а что «*серьезнаго* о Земскомъ Соборѣ на умѣ у него (Игн.) покамѣстъ ничего или немного». Великолѣпенъ у Голохвастова разсказъ о попѣ, который, почуявши въ немъ восходящее свѣтило министерства вн. д., «натощакъ, часъ слишкомъ» ждалъ его съ просвиркой, — и о Потаповѣ, который, стоя въ дальнемъ углу комнаты, гдѣ бесѣдовали Игнатьевъ и Голохвастовъ, «крестился на нихъ обоихъ». Уже съ самаго начала Голохвастовъ опасался, что Игнатьевъ «поведетъ дѣло къ Земскому Собору слишкомъ осторожно и мелко и приведетъ не къ великому

---

[1]) Ср. «Маленьк. Письм.» А. С. Суворина и письмо Ал. Д. Голохвастова въ «Нов. Врем.», 1905, янв.

[2]) Проектъ адреса Д. В(оейкова) напечатанъ впервые у меня въ «Общ. движеніи въ Россіи», ч. II, 93 — 94. Цитировалъ ее В. Я. Богучарскій въ ст. «Зем. Союзъ или Свящ. Дружина» въ «Русск. Мысли» 1912 г. Объ авторствѣ Воейкова см. «Новая Жизнь», 1912 г., XII, с. 168 въ моей ст. «И. С. Тургеневъ и русская молодежь въ Гейдельбергѣ». Опубликованіе бумагъ покойнаго Д. И. крайне желательно.

Собору, а къ соборишкѣ, очень невинному съ виду, но въ дѣйствительности ужасно опасному». 10 марта Игнатьевъ увѣрялъ Голохвастова, что о дѣлѣ знаютъ лишь онъ, Игнатьевъ, Голохвастовъ да Иванъ Сергѣевичъ (Аксаковъ), что «главная помѣха» — Побѣдоносцевъ, но «дѣло идетъ», Голохвастовъ собирался въ Москву— писать «брошюру или предисловіе къ изданію Соборныхъ актовъ». Дм. Ѳ. Самаринъ былъ освѣдомленъ о предпріятіи изъ устъ и Игнатьева, и Голохвастова. Голохвастовъ просилъ Аксакова показать и Самарину «гравюру», которую ему долженъ былъ переслать «Ровинскій», чтобы Аксаковъ рѣшилъ: «въ чисто ли русскомъ вкусѣ передано общее и детали сюжета».

27 апр. Аксаковъ просилъ увѣдомить его заранѣе о содержаніи манифеста, котораго онъ ждалъ къ 6 мая 1882 г., чтобы дать статью въ «Руси». «Я не радостью трепещу, а очень серьезно взволнованъ, — добавлялъ Аксаковъ, — какъ и подобаетъ въ виду рѣшающаго великаго событія. Это вѣдь *послѣдняя ставка:* пропади она, выйди fiasco, — спасенія мирнаго болѣе нѣтъ»... Чѣмъ ближе подходило рѣшительное 6 мая, тѣмъ взволнованнѣе становились письма корреспондентовъ. 29 апр. г-жа Голохвастова писала уже, что для нихъ ясна «крупная ложь», положенная въ основу Игнатьевымъ, выдававшимъ писанія Голохвастова за свои, что онъ, кромѣ того, стремится создать «кабинетъ на Западный образецъ». Этимъ временемъ Катковъ и Любимовъ вели въ Гатчинѣ агитацію противъ плановъ Игнатьева, который, съ помощью Голохвастова, опровергалъ ихъ ссылки на примѣръ Національнаго Собранія во Франціи и т. п. Особенно интересно письмо отъ 6 мая, когда ясно было, что манифеста не будетъ. 3 м. Игнатьевъ, узнавши «черезъ полицію», что Побѣдоносцевъ приглашенъ на 4-ое къ Государю, просилъ его принять 4 утромъ, до поѣздки. Побѣдоносцевъ отказалъ. Голохвастову же, пріѣхавшему «попытаться уломать» его, Побѣдоносцевъ сказалъ: «Вы себѣ набили голову глупостями такими же, какъ Аксаковъ; сбиваете съ толку такихъ пустомель, какъ Строгановъ и Игнатьевъ; знаю, о чемъ идетъ дѣло;... Соборъ—тоже конституція — пагуба Россіи; киньте этого лгуна и враля Игнатьева и уѣзжайте въ Воскресенскъ... Изъ Собора все равно, я навѣрное знаю, ничего не выйдетъ никогда,— подавно теперь»...

На сообщеніе объ этой неудачѣ Аксаковъ отвѣчалъ Голохвастову: «*Нельзя пьесу Шекспира представлять въ театрѣ маріонетокъ*.. Думаю, что Побѣдоносцевъ одержитъ верхъ, напугаетъ и заставитъ, по крайней мѣрѣ, отсрочить на неопредѣленное время. Право, не знаешь къ худшему это или къ лучшему. Едва ли первое, въ виду несерьезности главнаго воротилы. Нельзя воровски, украдкой прошмыгнуть въ Царствіе Божіе и — главное — впихнуть туда другихъ»... Эти слова Аксакова можно было бы поставить въ видѣ эпиграфа ко всей дѣятельности гр. Игнатьева.

Можно думать, что планы Игнатьева потерпѣли фіаско уже 4 мая, тѣмъ не менѣе, въ перепискѣ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о совѣщаніяхъ въ Гатчинѣ 13 и 27 мая. На послѣднемъ — Игнатьеву бросили упрекъ, что министерство вн. д. «ведетъ *агитацію*» (читай — конституціонную). Графъ попросилъ отставку, которая и была ему дана. Помимо борьбы, разыгравшейся вокругъ проекта Земскаго Собора, интересенъ, конечно, и самый проектъ. Предполагалось созвать ко дню коронаціи (предполагаемую 17 апр. 1883 г.),

кромѣ Синода и епископовъ, членовъ Государственнаго Совѣта, Сената, министровъ, губернскихъ предводителей дворянства и нѣкоторыхъ городскихъ головъ,—«нарочито на сей Земскій Соборъ выборныхъ». Послѣдніе—по одному купцу отъ губерніи, отъ купеческаго губернскаго съѣзда; по 3 горожанъ, избранныхъ столичными городскими думами; отъ всѣхъ уѣздовъ «Великой, Малой, Бѣлой Россіи и Новороссіи»—«отъ землевладѣльцевъ личныхъ по 2 землевладѣльца, избранныхъ общимъ, безъ различія крупно и мелкопомѣстныхъ, уѣздно-земледѣльческимъ съѣздомъ», отъ горожанъ не менѣе 2-хъ отъ уѣзда и до семерыхъ крестьянъ «домохозяевъ, избранныхъ отъ соотвѣтствующаго числа округъ, окружно-крестьянскими съѣздами». Для казачьихъ областей и окраинъ предполагалось дать особыя основанія представительства. Несомнѣнно, что подобный соборъ былъ бы чрезвычайно громоздкимъ собраніемъ и являлся бы лишь декораціей при вѣнчаніи. Но зерно его, конечно, могло бы послужить основой болѣе прочнаго представительства. Въ манифестѣ содержалось обѣщаніе созыва Соборовъ и впредь: «и какъ въ старину Земскіе Соборы созывались Государями не только ко освященному вѣнчанію царскому, но и для возвѣщенія воли Государевой самимъ Государемъ всей Землѣ, въ лицѣ ея выборныхъ лучшихъ людей, или для выслушанія Государемъ прямо отъ нихъ о всякихъ земскихъ нуждахъ, и вообще для совѣщанія Государева съ Самою Землею: такъ и отнынѣ да будетъ».

Побѣдоносцевъ былъ, конечно, правъ, не видя для самодержавія добра отъ этой политической археологіи, проектированной Голохвастовымъ, искренно считавшимъ себя «фанатикомъ самодержавія».

Уже въ этой перепискѣ проскальзываетъ имя близкаго къ Воронцову «Бобби» Шувалова, который живо интересовался затѣями Игнатьева и сочувствовалъ имъ. Это былъ гр. Павелъ Петровичъ Шуваловъ, человѣкъ, котораго В. Я. Богучарскій справедливо называетъ занимательнымъ и интереснымъ для историковъ русской общественности. Онъ вышелъ изъ семьи съ конституціонно аристократическими настроеніями, получивши блестящее образованіе: поступивши въ 1865 г. въ Петербургскій унив., онъ перешелъ вскорѣ въ Гейдельбергъ, гдѣ кончилъ юридическій факультетъ со степенью доктора utriusque juris. Въ 1868 г. онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ лейбъ-гвардіи гусарскій Е. В. полкъ, въ 1873 г. участвовалъ въ Хивинской экспедиціи, затѣмъ — въ званіи флигель-адъютанта в. к. Владимира — въ войнѣ 1877-78 г. Лично вполнѣ преданный Государю (имп. Александръ III назначилъ его въ 1882 г. своимъ флигель-адъютантомъ послѣ какой-то исторіи, повлекшей отставку его отъ адъютантства при вел. князѣ), Шуваловъ былъ искреннимъ конституціоналистомъ. Выясненіе его роли въ началѣ 80-хъ гг. является большой и несомнѣнной заслугой г. Богучарскаго, равно какъ и напечатаніе имъ *полностью* конституціоннаго проекта Шувалова. Дѣло въ томъ, что этотъ проектъ былъ перепечатанъ (вкратцѣ) Вл. Л. Бурцевымъ въ 1897 г. за границей (въ сб. «За сто лѣтъ» Лондонъ) и гораздо подробнѣе мною (въ «Общ. движеніи», часть II, с. 108—115), такъ что въ «Современникѣ» напечатанъ онъ лишь безъ какихъ-либо пробѣловъ. Гораздо важнѣе, однако, то, что г. Богучарскій выяснилъ, что проектъ, созданный единолично гр. Шуваловымъ, вовсе не исходилъ изъ среды либеральной земской оппозиціи, которую въ началѣ 80-хъ гг. объединяли подъ

именемъ «Земскаго Союза». Я самъ — въ 1905 г., а г. Б. Кистяковскій въ 1912 г. склонны были видѣть въ проектѣ творчество коллективное и выраженіе политическихъ пожеланій цѣлой общественной группы. Въ настоящее время должно признать, что гр. Шуваловъ пытался, съ одной стороны, использовать и т. н. «Священную Дружину», съ другой стороны, поддерживалъ черезъ посредство Гольцева, матеріально, заграничную либерально-конституціонную газету «Вольное Слово». Онъ же предлагалъ Н. Я. Николадзе (который велъ въ 1882 г. переговоры съ народовольцами по порученію гр. И. И. Воронцова) устроить (въ 1883 г.) свиданіе съ имп. Александромъ III и настаивать предъ нимъ на конституціи, ссылаясь на возможное возрожденіе террора. Онъ говорилъ Николадзе, что «революціонная партія упустила рѣдчайшій случай водворить въ Россіи парламентарное правительство. Для этого надо было, по его мнѣнію, не сходить съ точки зрѣнія письма Исполнительнаго Комитета къ имп. Александру III. Общія мѣста и туманныя требованія этого письма надлежало предъявить въ болѣе конкретной формѣ параграфовъ конституціи». Этимъ взглядомъ Шувалова вполнѣ соотвѣтствуетъ его проектъ. Это вполнѣ разработанная, по параграфамъ, конституція, очень радикальная, гораздо болѣе радикальная, чѣмъ взгляды подавляющаго большинства тогдашнихъ земскихъ либераловъ. Проектъ свой гр. Шуваловъ распространялъ въ Петербургѣ; между прочимъ, онъ былъ въ рукахъ и у И. И. Петрункевича. Но обнародованіе его за границею, въ «Вольномъ Словѣ», произошло, конечно, не по желанію гр. Шувалова. Это сдѣлалъ редакторъ «Вольнаго Слова» Арк. Мальшинскій, который выдалъ его за «Политическую программу общества Земскій Союзъ». Теперь можно признать, что если подобный «Союзъ» и существовалъ, то это была фиктивная организація, воспользовавшаяся именемъ популярной организаціи либеральныхъ земцевъ. Вѣрнѣе же, что подъ этимъ именемъ скрывался единолично гр. П. Петр. Шуваловъ, субсидировавшій «Вольное Слово». Обнародованіе его проекта Мальшинскимъ облегчило послѣднему возвращеніе въ Россію, но навсегда закрыло Шувалову пути къ блестящей карьерѣ, которая предъ нимъ открывалась. Проектъ его предусматривалъ 2 палаты — Государственную Думу (изъ всенародныхъ) и Союзную Думу (изъ представителей отъ областныхъ собраній), а въ числѣ мѣръ защиты политической свободы — «право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ агентовъ власти» и обязанность для «мѣстнаго выборнаго судьи» охранять гражданскія свободы путемъ, въ случаѣ надобности, «содѣйствія вооруженной силы, обязанной немедленно оказывать требуемое содѣйствіе». Государство дѣлилось на самоуправляющіяся — области, уѣзды и всесословныя волости. Глава государства не могъ распустить Госуд. Думу безъ согласія Союзной Думы. Не въ этомъ краткомъ обзорѣ, конечно, разбирать проектъ съ точки зрѣнія государственно-правовой. Можно отъ души пожелать, чтобы дальнѣйшіе труды В. Я. Богучарскаго внесли свѣтъ въ малоизслѣдованную до сихъ поръ область общественнаго движенія при имп. Александрѣ III. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что критика его работъ, сдѣланная съ одной стороны Г. В. Плехановымъ, съ другой стороны Б. А. Кистяковскимъ, способствовала выясненію вопроса.

Подводя итоги проектамъ Голохвастова, съ одной стороны, Шувалова, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и Земскій

соборъ и радикальная конституція не нашли себѣ примѣненія въ Россіи 1882 г. Они были обречены на неудачу, разсчитанные на борьбу дворцовыхъ интригъ, а не на поддержку общественнаго класса. Назначеніе гр. Д. А. Толстого было гробовой доской и для славянофильскихъ, и для конституціонныхъ попытокъ. Съ 1882 г. Россія окончательно пошла по пути къ 1905 году.

Сергѣй Сватиковъ.

IV. Дополненіе къ статьѣ „Новое о Гаршинѣ".

(Письмо въ редакцію).

Въ майскомъ номерѣ «*Голоса Минувшаго*» въ статьѣ «Новое о Гаршинѣ» въ примѣчаніи въ числѣ матеріаловъ указывается и моя статья «Памяти Гаршина». Случайно въ ней оказался пропускъ (онъ былъ возстановленъ на литературномъ чтеніи въ память Гаршина 8 мая), который и позволяю себѣ сообщить редакціи «*Голоса Минувш.*». Вотъ этотъ пропускъ.

«Въ какомъ лагерѣ стоялъ Гаршинъ? На основаніи свидѣтельствъ самыхъ близкихъ къ нему людей я могу съ точностью утверждать, что никакого участія въ тогдашнемъ революціонномъ движеніи онъ не принималъ. Это происходило не отъ индиферентизма, а коренилось въ особенностяхъ его духовной природы. Гаршинъ глубоко страдалъ отъ нестроенія нашей жизни, какъ страдалъ бы въ любой странѣ съ самыми совершенными формами общественности. Но ни пріемы борьбы съ одной стороны, ни самозащита съ другой, не казались ему способными рѣшить проблему гармонизаціи общественныхъ отношеній. Тутъ онъ сближался съ Л. Н. Толстымъ; только не въ проповѣди новой морали видѣлъ панацею, а въ устраненіи великаго всеобъемлющаго непониманія людьми своихъ взаимныхъ отношеній. Иногда свою мысль, вѣрнѣе сказать — чувство, онъ высказывалъ съ рѣзкой опредѣленностью. «Поймите же,—писалъ онъ разъ А. Я. Герду,—всѣ болѣзни существуютъ отъ одной причины, которая будетъ существовать всегда, пока существуетъ невѣжество». Тутъ подъ словомъ невѣжество надо понимать не одну противоположность школьному знанію. Припоминая нѣкоторыя бесѣды съ Гаршинымъ, насколько понимаю, его основная мысль была такова: дѣйствительное знаніе, органически связывающееся съ такимъ перевоспитаніемъ душевныхъ инстинктовъ человѣка, что въ силу этого само собой должно установиться взаимное пониманіе и признаніе за каждымъ права жить по его усмотрѣнію, не препятствуя и другимъ проявлять свою личность во всей полнотѣ ея содержанія.

Какъ достигнуть такого грандіознаго синтеза Гаршинъ нигдѣ не указалъ; да сомнительно, чтобъ и могъ это сдѣлать, потому что вѣроятный результатъ долгихъ вѣковъ общественнаго развитія принимался за средство уврачеванія».

Л. Пантелѣевъ.

P. S. Къ свѣдѣнію г. Дурылина: по наведеннымъ справкамъ у вдовы, Н. М. Гаршиной, оказывается, что ей рѣшительно неизвѣстно, чтобъ Гаршинъ, въ болѣзненномъ состояніи, уничтожилъ какія-нибудь свои рукописи.

Статьи въ текущихъ журналахъ [1]).

I. Всеобщая исторія.

Карѣевъ, Н. «По поводу одного изслѣдованія средневѣковыхъ религіозныхъ движеній». *(Русск. Бог., № 6).* **Идельсонъ, И. Н.** «Революціонный трибуналъ во Франціи» (10 марта 1793 г.—31 мая 1795 г.). *(Ж. Угол. Права и Процесс., № 2).* **Густавъ Гатеро.** «Франкъ-масонство». Пер. подъ редакціей Глаголева. *(Богосл. Вѣстн., № 5).* **В. Ш.** «Борьба за политическое равенство въ Бельгіи» (1830—1913). *(Русск. Бог., № 6).*

II. Русская исторія.

Н. К. Никольскій. «О древне-русскомъ христіанствѣ». *(Русск. Мысль, № 6).* **Тарановскій, Ѳ. В.** «Соборное избраніе и власть великаго государя въ XVII столѣтіи». *(Журн. М. Юст., № 5).* **К. Харламповичъ.** «Ртищевская школа». *(Богосл. Вѣстн., № 5).* **Н. Г. Высоцкій.** «Дѣло объ уничтоженіи эстампа съ изображеніемъ казни Людовика XVI»—1793 г. *(Русск. Ст., № 6).* **А. Вороновъ.** «Воспоминанія бывшаго студента Харьковскаго университета».—Нѣкоторыя черты для характеристики профессуры: Д. И. Каченовскаго и др. *(Русск. Ст., № 6).* **Семеновъ, С.** «Декабристы въ Ялуторовскѣ». (Изъ воспоминаній современника). *(Сиб. Арх., № 6—8).* **Котляревскій, Н.** «Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія шестидесятыхъ годовъ». Н. Г. Чернышевскій. *(Вѣстн. Евр., № 6).* **Н. Морозовъ.** «Люди и права за полвѣка». Между прочимъ, нѣсколько эпизодовъ и анекдотовъ изъ жизни митр. Филарета. *(Рус. Ст., № 6).* **Е. Толбуховъ.** «Устроитель Туркестанскаго края». Дѣятельность ген. Кауфмана въ 1867—1876 гг. Интересенъ разсказъ о томъ, какъ Кауфманъ вопреки приказу Александра II не отдалъ Самаркандъ Бухарѣ. *(Ист. Вѣстн., № 6).* **Швецовъ, С. П.** «Къ пятидесятилѣтію ликвидаціи крѣпостничества въ Сибири». *(Журн. для вс., № 5).* «Крестьянскіе безпорядки въ Черниговской губерніи въ 1905 г.» *(Ист. Вѣстн., № 6).* **Е. В. Коршъ.** «Брызги пера». Любопытные штрихи для характеристики положенія въ Москвѣ въ декабрѣ 1905 г. *(Ист. Вѣстн., № 6).* **В. Кор.** «В. М. Соболевскій» (некрологъ). *(Русск. Бог., № 6).* «Изъ воспоминаній о Л. Н. Гартманѣ». *(Рѣчь, №№ 123, 165).*

III. Исторія литературы.

Венгерова, З. «Новая теорія о личности Шекспира». *(Вѣстн. Евр., № 6).* **Крэстевъ-Миролюбовъ, К.** «Современная болгарская литература». *(Вѣстн. Евр., № 6).* **Н. А. Бѣлозерская,** урожденная Генъ. Автобіографія писательницы († 1912 г.), работавшей, между прочимъ, въ историческихъ журналахъ. Она разсказываетъ о малороссійскомъ кружкѣ 60 гг., собиравшемся въ домѣ ея мужа въ Петербургѣ: Кулишъ, Костомаровъ, Шевченко. *(Ист. Вѣстн., № 6).* **Данько, М.** «Писатель своего народа». (И. Франко, какъ беллетристъ). *(Укр. Ж., № 5).* **Ефремовъ, С. А.** «Писатель-гуманистъ» (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности И. Франка). *(Укр. Ж., № 5).* **Петлюра, С. В.** «И. Франко—поэтъ національной чести». *(Укр. Ж., № 5).* **Я. Вол.** «Петербургская Академія Наукъ и украинская литература». *(Укр. Ж., № 5).* **Н. Лернеръ.** «Пушкинъ о декабристахъ». Поправка къ чтенію чернового листа изъ сожженной главы «Евгенія Онѣгина», напечатаннаго въ XIII вып. «Пушкинъ и его современники». *(Рѣчь, № 155).* **Дубровскій, К.** «Первый романтикъ русской народности Вад. Вас. Пассекъ». *(Сиб. Арх., № 6—8).* **Чужакъ, Н.** «Сибирскіе поэты». П. Дравертъ. *(Сиб. Арх., № 6—8).* **А. Амфитеатровъ.** «Забытые юмористы». Тѣни шестидесятыхъ годовъ, Н. И. Кроль. *(Кіевская Мысль, № 173).* **П. Буланже.** «Какъ Л. Н. Толстой писалъ «Хаджи-Мурата». *(Русск. М., № 6).* **Ковалевскій, М.** «Можно ли считать Толстого продолжателемъ Руссо». *(Вѣстн. Евр., № 6).* **Б. А. Бернацкій.** «А. М. Мармусевичъ». Біографическій очеркъ поэтессы † 1906 г. *(Русск. Ст., № 6).*

IV. Исторія искусства.

П. Столпянскій. «Старый Петербургъ». Торговля художественными произведеніями. *(Ст. Годы, № 6).* **К. Эйгесъ.** «Рихардъ Вагнеръ и его художественное реформаторство». *(Русск. М., № 6).*

---

[1]) Продолженіе статей не отмѣчается.

Критика и библіографія.

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ М. Н. Покровскаго при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Изданіе т-ва «Міръ». Москва. Томъ IV, кн. 7 и 8.

М. Н. Покровскій въ области русской исторіи впервые обратилъ на себя вниманіе статьею «Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси» въ сборникѣ «Мелкая земская единица», изд. П. Д. Долгорукова и Д. И. Шаховскаго. Затѣмъ онъ напечаталъ очеркъ о «Земскомъ соборѣ и парламентѣ» въ сборникѣ, изд. въ 1905 г. гг. І. Гессеномъ и Каминкою, и, наконецъ, принялъ дѣятельное участіе въ извѣстномъ коллективномъ трудѣ «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», изд. т-ва бр. Гранатъ. Имъ написаны въ этомъ изданіи довольно бѣглое введеніе «Россія въ концѣ XVIII в.», небольшая статья объ имп. Павлѣ и статьи болѣе или менѣе значительнаго объема: «Александръ І», «Декабристы» (составленныя вмѣстѣ съ К. Н. Левинымъ), «Внѣшняя политика Россіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка», «Крымская война», «Крестьянская реформа», «Общая политика правительства въ 1862 — 92 гг.», «Завоеваніе Кавказа», «Восточный вопросъ отъ Парижскаго мира до Берлинскаго конгресса (1856 — 78)» и «Внѣшняя политика Россіи въ концѣ XIX вѣка». Статьи эти даютъ возможность признать М. Н. Покровскаго талантливымъ историкомъ съ рѣдкимъ литературнымъ дарованіемъ. Стремясь, согласно своему общему міросозерцанію, найти объясненія историческихъ событій въ экономическихъ причинахъ, авторъ особенно успѣшно достигаетъ этой цѣли въ статьяхъ, посвященныхъ иностранной политикѣ, весьма оригинальныхъ и интересныхъ, рѣзко отличающихся по своей научной значительности отъ довольно тоскливыхъ произведеній послѣдователей въ этой области школы Ранке, такъ какъ статьи М. Н. Покровскаго вскрываютъ экономическую подоплеку дипломатическихъ сношеній. Весьма значительнымъ въ ряду названныхъ статей является и очеркъ о крестьянской реформѣ; хотя съ авторомъ и не во всемъ можно здѣсь согласиться, но все же это одна изъ лучшихъ сжатыхъ работъ по данному предмету. Напротивъ, отношеніе автора къ Сперанскому и къ декабристамъ въ очеркахъ о времени Александра I вызвало уже возраженія А. А. Кизеветтера (въ «Русской Мысли») относительно Сперанскаго и мои (въ книгѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 623) относительно этихъ послѣднихъ. Что касается декабристовъ, попытка объяснить это движеніе экономическими причинами оказывается особенно наивною. Читая слова: «политическому дерзновенію александровской эпохи отвѣчали радужныя перспективы, открывшіяся передъ этимъ» (помѣщичьимъ) «хозяйствомъ, благодаря занятому имъ исключительно выгодному положенію на международномъ хлѣбномъ рынкѣ» (V, 61), нельзя не улыбнуться, такъ какъ стремленія декабристовъ

къ политическимъ преобразованіямъ объясняются, вопреки мнѣнію автора, отнюдь не ихъ классовыми интересами: юные борцы за политическую свободу, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, во время ихъ принадлежности къ тайнымъ обществамъ не были даже владѣльцами имѣній, которыя принадлежали тогда ихъ отцамъ, и скорѣе должны быть отнесены къ внѣклассовой интеллигенціи, чѣмъ къ числу представителей дворянскихъ интересовъ. Каковы бы ни были, однако, недостатки отдѣльныхъ очерковъ М. Н. Покровскаго въ изданіи «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», они въ общемъ не могли не вызвать признанія, что ихъ авторъ — талантливый историкъ.

Тѣмъ не менѣе, мысль автора написать почти одному всю «Русскую исторію съ древнѣйшихъ временъ» не можетъ не казаться нѣсколько смѣлою. М. Н. Покровскій и Н. М. Никольскій въ предисловіи къ своему труду такъ опредѣляютъ свою задачу: «Мы не стремимся ни къ какимъ историческимъ открытіямъ ни въ области фактовъ, ни въ дѣлѣ освѣщенія отдѣльныхъ спеціальныхъ научныхъ проблемъ. Мы будемъ исходить отъ того, что ранѣе насъ добыто историками спеціалистами по тому или иному вопросу. Наша роль — роль посредниковъ между изслѣдователями деталей историческаго процесса и... широкими слоями читающей публики». Но, собираясь «брать цѣликомъ у другихъ, у изслѣдователей первоисточниковъ, ихъ матеріалъ» и отказываясь «заранѣе отъ всякихъ претензій на оригинальность въ этомъ случаѣ», авторы не только не осуждаютъ себя «на роль простыхъ компиляторовъ», но даже гордо заявляютъ: «намъ нечего компилировать. Существующія въ нашемъ научномъ оборотѣ историческія обобщенія почти цѣликомъ принадлежатъ той научной формаціи, которая сама давно готова стать предметомъ исторіи. Трудность нашего положенія въ томъ и состоитъ, что матеріалъ, собранный историками - *идеалистами*, намъ приходится обработывать съ *матеріалистической* точки зрѣнія». Своимъ предшественникомъ авторы готовы признать лишь Н. А. Рожкова, автора незаконченнаго труда «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія».

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Авторы слишкомъ спѣшатъ сдать въ архивъ всю предшествующую русскую исторіографію только потому, что ея новѣйшіе представители не хотятъ объяснять всѣ историческія явленія одними условіями производства. Было время господства въ русской наукѣ юридической школы, когда экономическія явленія не обращали на себя надлежащаго вниманія. Теперь мы имѣемъ много прекрасныхъ трудовъ по экономической исторіи Россіи, авторы которыхъ едва ли могутъ быть сплошь окрещены терминомъ «историковъ-идеалистовъ» только потому, что, придавая огромное значеніе экономическимъ причинамъ, они не хотятъ ими однѣми объяснять всѣ историческія явленія и не согласятся, напримѣръ, утверждать, что декабристское движеніе обусловливалось подъемомъ цѣнъ на хлѣбъ.

Въ настоящей рецензіи мы отнюдь не задаемся цѣлію дать оцѣнку всего труда М. Н. Покровскаго и Н. М. Никольскаго, тѣмъ болѣе, что объ одномъ изъ отдѣловъ его, посвященныхъ Смутному времени, была рѣчь въ статьѣ г. Пичеты во 2 № «Голоса Минувшаго»; мы скажемъ нѣсколько словъ лишь о двухъ послѣднихъ книгахъ этого труда (т. IV), содержащихъ въ себѣ четыре главы: монархія XVIII вѣка, религіозныя движенія въ XVIII вѣкѣ, Александръ I и декабристы. Прежде всего слѣдуетъ заключить, что эта часть труда не соотвѣтствуетъ нѣсколько претенціозному заглавію «Русская исторія»: скромнѣе и правильнѣе было бы назвать весь трудъ очерками изъ русской исторіи; такъ, напр., и

въ общей русской исторіи XVIII вѣка нельзя игнорировать раздѣловъ Польши, исторіи Малороссіи, масонства и многаго другого. Важнѣе этой неполноты то, что въ главѣ «монархія XVIII вѣка» мы нашли мало оригинальнаго, не подмѣченнаго предшествующими историками-идеалистами, и въ этомъ отношеніи насъ мало утѣшаетъ введеніе нѣкоторыхъ новыхъ терминовъ, въ родѣ «новаго феодализма», мало обновляющихъ старое содержаніе, подобно тому, какъ и въ предыдущемъ отдѣлѣ (книга VI, 197) на ряду со многими разговорами о значеніи «буржуазіи» въ петровскую эпоху мы встрѣчаемъ признаніе, что «тонкая буржуазная оболочка... мало измѣнила дворянскую природу московскаго государства», или тамъ же (VI, 218) нападеніе на «историковъ-индивидуалистовъ» за ихъ объясненіе паденія Меншикова ослабляется тѣмъ, что, и по мнѣнію автора, попытка Меншикова навязать Петру II въ жены свою дочь «кажется, ускорила катастрофу» (299) [1]).

Сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Авторъ напрасно утверждаетъ (VII, 129), что «на уральскихъ заводахъ... приписной крестьянинъ все больше и больше обращался въ безземельнаго раба». Обязательное отрабатываніе податей, а затѣмъ части ихъ поглощало у приходящихъ на заводы крестьянъ массу времени и сопровождалось суровыми истязаніями, но все же они оставались государственными крестьянами не только «на бумагѣ», и въ 1807 г. вовсе были освобождены посредствомъ рекрутскаго набора въ мастеровыхъ отъ этихъ работъ. Сказанное авторомъ не можетъ быть примѣнено даже и къ поссессіоннымъ крестьянамъ, а только къ поссессіоннымъ мастеровымъ. Утверждая, что помѣщики, даже и при Павлѣ, не обращали вниманія на указъ 5 марта 1797 г. о трехдневной барщинѣ (VIII, 173), авторъ упускаетъ изъ виду факты преслѣдованія правительствомъ нарушенія этого указа, приведенные г. Трифильевымъ о крестьянахъ въ царствованіе имп. Павла. Напрасно авторъ полагаетъ, что возстановленіе въ это царствованіе тѣлесныхъ наказаній для дворянъ осталось «почти мертвой буквой» и будто бы случаевъ сѣченія дворянъ въ это время извѣстно всего два-три, изъ записокъ А. М. Тургенева онъ увидѣлъ бы, напр., какъ усердно работало въ этомъ отношеніи московское отдѣленіе тайной экспедиціи. Упрекъ Потемкину въ мундироманіи (VIII, 177) несправедливъ, такъ какъ онъ принялъ серьезныя мѣры для доставленія солдату болѣе удобной одежды. Факты, заимствованные изъ отвѣтовъ Болотова на вопросы Вольнаго Экономическаго Общества по Каширскому уѣзду, Тульской губерніи, никакъ нельзя признать «наиболѣе типичными для середины» (XVIII) «столѣтія» (стр. 117, 113) въ виду исключительнаго малоземелья этой губерніи. Въ статьѣ г. Никольскаго «Религіозныя движенія въ XVIII вѣкѣ» является довольно искусственною попытка раздѣлить крестьянское и посадское оппозиціонныя теченія въ старообрядчествѣ и сектантствѣ.

Переходя къ статьямъ М. Н. Покровскаго о первой четверти XIX в., мы въ общемъ находимъ въ нихъ то же направленіе, какъ и въ упомянутыхъ уже выше очеркахъ его въ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», которое, особенно относительно декабристовъ, я считаю неправильнымъ. Остановлюсь на нѣкоторыхъ пунктахъ этихъ статей. Напрасно М. Н. Покровскій полагаетъ, что при Александрѣ I было издано запрещеніе продавать людей безъ земли (VIII, 242), напрасно онъ полагаетъ также,

---

[1]) Разговоры же о «дворянской буржуазіи» XVIII вѣка, слышавшіеся въ послѣдніе годы, и попытки «рисовать Россію чуть не капиталистической страной» самъ авторъ настоящаго труда считаетъ преувеличеніемъ.

что «буржуазная земельная собственность фактически существовала, конечно, и ранѣе» указа 12 декабря 1801 г., разрѣшавшаго купцамъ и мѣщанамъ покупать землю: во второй половинѣ XVIII в. она была лишь рѣдкимъ исключеніемъ, если не считать поссессіонныхъ земель, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ. Мотивы дѣйствій гр. Палена въ дѣлѣ заговора противъ Павла I напрасно кажутся автору «совершенно загадочными». Въ этомъ отношеніи многое объясняется, во-первыхъ, тѣмъ грубымъ оскорбленіемъ, которое нанесъ Павелъ Палену въ бытность его курляндскимъ генералъ-губернаторомъ и отсутствіемъ сознанія безопасности, о которыхъ напомнилъ въ своей замѣткѣ къ портрету гр. Палена г. Сторожевъ вслѣдъ за «историками-индивидуалистами», а во-вторыхъ, напрасно г. Покровскій полагаетъ, что Палену не было охоты рисковать «изъ-за интересовъ русскаго дворянства» (стр. 232): примѣръ лифляндскаго дворянина Бока, попавшаго при Александрѣ I въ Шлиссельбургскую крѣпость за проектъ относительно всей Россіи конституціоннаго характера и хорошо знакомаго съ гр. Паленомъ, доказываетъ, что нѣкоторые остзейскіе дворяне не отдѣляли себя отъ русскихъ товарищей въ борьбѣ за политическую свободу. Напрасно полагаетъ также авторъ, что участіе Константина Павловича въ заговорѣ противъ отца «почти не подлежитъ сомнѣнію» (стр. 233). Мнѣніе автора о популярности Павла среди солдатъ (стр. 237), опирающееся на свидѣтельство Чарторыскаго (во вторую половину царствованія Павла и во время его убійства даже не жившаго въ Россіи), можетъ вызвать немало возраженій. Александръ I при своемъ вступленіи на престолъ вовсе не былъ «совершенной безличностью» (стр. 246) и гораздо болѣе правъ Чичаговъ, «ядовитое, но мѣткое замѣчаніе» котораго авторъ тутъ же приводитъ: по словамъ Чичагова, Александръ былъ въ то время «наполовину швейцарскій гражданинъ, наполовину прусскій капралъ»; онъ былъ такимъ образомъ не безличностью, а двуликимъ Янусомъ, какимъ и оставался почти всю жизнь. Проекты Мордвинова относительно крестьянскаго вопроса, вопреки мнѣнію автора (243, 269), не заслуживаютъ ни малѣйшаго одобренія и сочувствія. Предположеніе автора, что въ военныхъ поселеніяхъ Александръ I хотѣлъ создать для себя опричнину, опираясь на которую онъ «сможетъ игнорировать не только дворянскихъ говоруновъ, но и любое болѣе серьезное движеніе»,—ни на чемъ не основано. Своею настойчивостью въ дѣлѣ устройства военныхъ поселеній Александръ I принесъ много зла русскому народу, но его стремленія въ этомъ отношеніи обусловливались добрыми намѣреніями. Заговоръ декабристовъ, вопреки мнѣнію автора (229, 331), вовсе не похожъ на дворцовый переворотъ. Нельзя считать «Русскую Правду» Пестеля только литературнымъ произведеніемъ (301—2): основныя положенія ея были приняты южнымъ обществомъ, какъ руководство для практическаго осуществленія. Бесѣда Пестеля съ Рылѣевымъ, во время которой онъ быстро мѣнялъ взгляды (стр. 302), отнюдь не доказываетъ «его большого таланта приспособленія»: это было только тактическій пріемъ съ цѣлію узнать мнѣнія собесѣдника, который былъ примѣненъ Пестелемъ и въ бесѣдѣ съ В. Поджіо. Въ планахъ Якушкина относительно крестьянскаго вопроса любопытно не только примѣненіе имъ въ своихъ имѣніяхъ наемнаго труда (297), но еще болѣе защита имъ общиннаго землевладѣнія и выработка обширнаго плана выкупной операціи. Имѣя въ виду конституцію Никиты Муравьева и предположеніе о выборѣ депутатовъ по два отъ каждаго сословія въ каждой губерніи, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, какъ это дѣлаетъ авторъ, въ предоставленіи декабристами въ ихъ проектахъ и крестьянамъ права представительства.

Высказывая эти замѣчанія, я вовсе не хочу привести читателя къ выводу, что въ произведеніяхъ М. Н. Покровскаго хорошо только то, что не ново, а все то, что ново, не хорошо. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ нельзя согласиться, у него можно найти немало такого, что возбуждаетъ работу мысли, его талантливое, литературное изложеніе дѣлаетъ весьма легкимъ и пріятнымъ чтеніе его труда. Рекомендуя его очерки, мы только предупреждаемъ читателя отъ безусловной вѣры во всѣ его, часто слишкомъ рѣшительныя, положенія.

Первоначальная мысль авторовъ прилагать сырые, но весьма извѣстные, матеріалы къ своему труду, видимо, признана ими неудачною, такъ какъ она не осуществляется въ послѣднихъ выпускахъ. Среди художественныхъ приложеній можно найти много интересныхъ и хорошо выполненныхъ портретовъ и рисунковъ [1]). Желательно было бы, однако, чтобы авторъ объяснительныхъ статеекъ къ рисункамъ, г. Сторожевъ, воздерживался отъ такихъ полемическихъ красотъ, какъ указаніе на «сумбуръ въ воззрѣ-ніяхъ» С. М. Соловьева по поводу одного изъ его мнѣній: грубость литературныхъ пріемовъ отнюдь не можетъ вознаградить отсутствіе научнаго таланта.

В. Семевскій.

П. И. Ковалевскій. «Завоеваніе Кавказа Россіей». Историческіе очерки. Съ картами и рисунками. СПБ., стр. 334; Возстаніе Чечни и Дагестана въ 1877 — 1878 г. Зелимъ-ханъ. СПБ. 1912 г., стр. 95.

Исторія Кавказа со времени присоединенія къ Россіи не была еще предметомъ серьезныхъ ученыхъ изслѣдованій. Обширнѣйшій архивный матеріалъ ждетъ основательной разработки. Существующія по новой исторіи Кавказа сочиненія дилетантскія въ большинствѣ своемъ; между тѣмъ внимательное изученіе исторіи Кавказа за 100 послѣднія лѣтъ даетъ обстоятельную картину и характеристику имперской политики на южной окраинѣ Россіи. Большимъ вниманіемъ пользовались войны русскихъ на Кавказѣ; работы по этому вопросу также мало удовлетворяютъ научной критикѣ; одни изъ трудовъ, какъ Дубровина, слишкомъ устарѣли; другіе, какъ ген. Потто, слишкомъ пропитаны панегиричнымъ тономъ, а потому недостаточно объективны. Въ виду этого каждая новая книжка по новой исторіи Кавказа возбуждаетъ большой интересъ. Съ большимъ вниманіемъ приступили мы къ чтенію названныхъ выше книгъ проф. П. И. Ковалевскаго, но насъ постигло жестокое разочарованіе. Проф. Ковалевскій психіатръ по профессіи; мы не знаемъ, какое мѣсто онъ занимаетъ въ этой наукѣ, но, безспорно, историкъ онъ очень плохой и слишкомъ далекъ отъ серьезной науки.

Въ книжкѣ о завоеваніи Кавказа г. Ковалевскій пересказываетъ содержаніе сочиненій ген. Потто, а въ другой — о возстаніи Чечни и Дагестана — пользуется матеріалами, изд. полк. Токмѣевымъ для описанія русско-турецкой войны 1877 — 78 гг. Популяризація — задача очень серьезная, когда послѣдняя преслѣдуетъ серьезныя цѣли и стремится дать широкой читающей публикѣ строго-провѣренныя научныя положенія; но когда послѣднія подгоняются и фильтруются подъ субъективную точку зрѣнія и разсматриваются подъ угломъ зрѣнія одной политической партіи; когда трудъ ученаго является лишь средствомъ

---

[1]) Нельзя не пожалѣть только объ изобиліи символическихъ картинъ, какъ-то: «апоѳеозъ кн. Меншикова» (VI, 216 — 7 р.). «На случай восшествія на престолъ Александра I» (VIII, 280—1), «миръ Европы» (288), «храмъ славы россійскихъ героевъ» (296), «аллегорія побѣдъ» (304), «нашъ ангелъ въ небесахъ» (311).

заранѣе предвзятой тенденціи и когда, наконецъ, все, что не русское — разсматривается какъ поганое, то мы уже вступаемъ въ область недобросовѣстныхъ дѣяній, которыя въ органическомъ противорѣчіи съ нравственно обязательнымъ для каждаго ученаго чувствомъ безпристрастія.

Задача историческихъ очерковъ, «плодовъ лѣтнихъ досуговъ» проф. Ковалевскаго, возвѣстить міру, что Россія кровью своихъ сыновъ поливала каждую пядь Кавказской территоріи, движимая безграничной любовью къ угнетаемымъ и угнетеннымъ народностямъ Кавказа, а послѣднія вмѣсто чувства признательности и благодарности кипятъ ненавистью къ Россіи, заводятъ крамолу и посылаютъ въ Государственную Думу такихъ депутатовъ, которые попираютъ все русское; по мнѣнію проф. Ковалевскаго, лучше было, чтобы «вырѣзали персы и турки всю эту грузинскую орду, чтобы и понятія о ней не было», «жалко..., что русскіе не оставили родины Чхеидзе, Гегечкори и Зурабова на съѣденіе турокъ, персовъ, лезгинъ и осетинъ».

Взможно ли допустить, что за благодѣяніе и милость люди отвѣчали возстаніями, разбоями? Если въ теченіе 100 лѣтъ съ лишнимъ на Кавказѣ не могло водвориться спокойствіе и условія мирнаго развитія гражданственности, то, очевидно, на то были серьезныя условія; они извѣстны и ученому профессору, только на нихъ онъ не останавливается должнымъ образомъ. «Служить на окраину,—говоритъ г. Ковалевскій,—*за рѣдкими исключеніями*, идутъ люди *только негодные на родинѣ*. Очень часто между ними попадается *сволочь* (ученый жаргонъ профессора), *взяточники*, *варвары* и проч. *Такіе попали и на Кавказъ*». При такихъ условіяхъ можно ли думать о благодарности, о любви къ тѣмъ, которые эту «сволочь» посылаютъ, и какую культуру взяточники и варвары могли насаждать на Кавказѣ.

Такой злобой и острой ненавистью, такой проповѣдью огня и меча среди народностей Кавказа пропитаны названныя книги проф. Ковалевскаго, столько ужаснаго человѣконенавистничества, подъ маской учености, что стыдно становится за автора.

Сим. Аваліани.

J. Grabiec. Rok 1863. W Poznaniu. 1913.

Авторъ новаго труда о польскомъ возстаніи 1863 г. г. Грабецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ образцовое пособіе по польской исторіи [1]), представляющее связанный въ ограническое цѣлое очеркъ политическаго строя Польши и соціально-экономическаго развитія ея и дающее яркую картину жизни низшихъ слоевъ населенія, подданнаго холопа, мѣщанина и еврея. Новая работа г. Грабеца отличается нѣсколько инымъ характеромъ. Это работа ad hoc,—работа, написанная «для подкрѣпленія польскихъ сердецъ» въ пятидесятилѣтнюю годовщину послѣдней кровавой распри между двумя славянскими народами и посвященная «тѣнямъ тѣхъ, которые полвѣка назадъ погибли въ бою, отъ руки палача или въ мукахъ ссылки, и тѣхъ, которые среди страданій и бѣдствій остались вѣрными знамени давнихъ лѣтъ». Съ большою, порою утомительною для читателя, подробностью онъ изглагаетъ здѣсь даже мелкія военныя дѣйствія повстанцевъ, какъ если бы рѣчь шла о ратоборствѣ двухъ равносильныхъ противниковъ, а не о партизанскихъ стычкахъ горсти храбрецовъ, поднявшихся съ палками, пиками, косами и охотничьими двухстволками на громадную армію могущественнаго го-

---

[1]) Dzieje narodu polskiego Kraków. (1909).

сударства; съ вполнѣ понятнымъ піэтетомъ онъ даетъ характеристики длиннаго ряда партизанскихъ начальниковъ и лицъ, сколько-нибудь отличавшихся въ бояхъ, стремясь сохранить для теперешняго и будущаго поколѣнія обликъ всѣхъ дѣятелей той эпохи, которую онъ признаетъ прекраснѣйшей въ исторіи подѣленной Польши. Но это юбилейно-патріотическая часть занимаетъ лишь меньшую половину книги. Начавши изложеніе съ общей характеристики царства польскаго послѣ неудачнаго возстанія 1831 г., авторъ послѣдовательно знакомитъ насъ съ дѣятельностью, демократическаго общества, его сношеніями съ Мадзини, Буонаротти, Марксомъ, Энгельсомъ, Герценомъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Головинымъ, съ надеждами польскихъ демократовъ то на общественную революцію, то на поднятіе двадцатимилліоннаго населенія Польши, Литвы и Руси; много мѣста онъ удѣляетъ личности и реформаторской дѣятельности маркиза Велепольскаго и отношенію къ ней русскаго правительства и польскаго общества. Приближаясь къ событіямъ, непосредственно предшествовавшимъ возстанію, г. Грабецъ рисуетъ польскую общественную жизнь того времени, говоритъ объ умственномъ движеніи, о состояніи школьнаго дѣла, о настроеніи молодежи, публичныхъ манифестаціяхъ и жестокомъ подавленіи ихъ войсками и полиціей; онъ даетъ характеристики русскихъ дѣятелей въ царствѣ польскомъ, попечителя учебнаго округа Муханова, намѣстниковъ, начиная съ Горчакова и кончая Бергомъ, варш. генер.-губ. Герстенцвейга, усмирителя Литвы Муравьева и др., при изложеніи самого возстанія и дѣятельности революціонныхъ организацій онъ часто останавливается на отношеніяхъ европейскихъ государствъ къ возстанію. Но наибольшій интересъ представляетъ страницы, посвященныя изложенію экономическаго положенія края въ разбираемое время и отношенію крестьянъ къ движенію. Въ длинной цѣпи попытокъ польскаго народа къ возвращенію утраченной имъ политической независимости вопросъ объ использованіи великихъ силъ, таившихся въ крестьянскихъ массахъ, занималъ всегда центральное мѣсто. Объ организаціи всенароднаго ополченія на защиту родины мечталъ еще въ 1794 г. Косцюшко. Его знаменитый Полонецкій универсалъ, объявлявшій всѣхъ крестьянъ Рѣчи Посполитой лично свободными, обезпечивавшій имъ владѣніе землею и уменьшавшій лежавшія на нихъ повинности, имѣлъ своею цѣлью привлеченіе простого народа на сторону движенія. Въ эпоху возстанія 1831 г. вопросъ о надѣленіи земельными участками крестьянъ частныхъ имѣній былъ поднятъ радикальнымъ депутатомъ сейма Яномъ Ольрихомъ Шанецкимъ. Въ 1863 — 64 гг. крестьяне были объектомъ и усиленной пропаганды національнаго правительства, такъ называемаго народоваго ржонда, обѣщавшаго освободить ихъ отъ панщины и запрещавшаго помѣщикамъ взимать съ нихъ платежи, и якобинскихъ экспериментовъ М. Н. Муравьева, примѣняемыхъ имъ въ Литвѣ и усвоенныхъ впослѣдствіи русскимъ правительствомъ въ царствѣ польскомъ. Каково же было отношеніе крестьянъ къ этому попеченію о нихъ? Если въ 1794 г. они болѣе или менѣе сочувствовали возстанію и сравнительно охотно стекались подъ національныя знамена, хотя не въ томъ, конечно, количествѣ, о которомъ помышлялъ Косцюшко; если за этотъ короткій періодъ времени, совершенно недостаточный для преобразованія стонавшаго подъ вѣковымъ игомъ холопа въ сознательнаго гражданина-патріота, они успѣли все-таки вывести изъ своихъ рядовъ первыхъ героевъ новой народной Польши; если въ 1831 г. въ ихъ средѣ господствовало сильное воодушевленіе и нерасположеніе къ правительству, которое въ теченіе 15 - лѣтняго своего существованія ничего для нихъ не сдѣлало, и лишь впослѣдствіи,

подъ вліяніемъ узко классовой и эгоистической политики шляхты, у нихъ составился взглядъ на войну съ Россіей, какъ на панское дѣло, отъ разрѣшенія котораго имъ не будетъ никакой пользы, то въ 1863 — 64 гг. мы встрѣчаемся почти съ неизмѣнною враждебностью крестьянъ къ возстанію и крайнею озлобленностью ихъ къ агентамъ революціоннаго правительства. Еще въ 1861 г. «крестьянская масса, — пишетъ г. Грабецъ, — была совершенно чужда возстанію». Въ 1862 г. «крестьяне, разсчитывая на (русское) правительство и не довѣряя другимъ классамъ, особенно шляхтѣ, не хотѣли поступать въ національныя организаціи и въ весьма многихъ мѣстностяхъ обнаруживали къ нимъ враждебность; доносы на агитаторовъ представляли обычное явленіе; жалобы на враждебность всей крестьянской массы раздавались повсюду». Въ 1863 г., уже послѣ изданія народовымъ ржондомъ манифеста отъ 22 янв., объявлявшаго отмѣну всѣхъ привилегій и надѣленіе крестьянъ землею и обѣщавшаго представить участки изъ національнаго земельнаго фонда всѣмъ безземельнымъ, которые присоединятся къ возстанію, «крестьяне приняли землю, но не взялись все-таки за оружіе, не стали въ ряды повстанцевъ; оставаясь въ своей массѣ совершенно нейтральными, они сыграли во многихъ—увы!—случаяхъ роль Каиновъ по отношенію къ братьямъ-повстанцамъ»; въ южныхъ областяхъ царства польскаго они по собственной иниціативѣ связывали при первой попыткѣ возстанія помѣщиковъ и ихъ челядь и выдавали въ руки русскихъ властей; они безжалостно добивали остатки партизанскихъ отрядовъ, потерпѣвшихъ пораженіе отъ русскихъ войскъ, охотно доставляли послѣднимъ проводниковъ и оказывали имъ всякое содѣйствіе. Въ Ливоніи агитаціоннаая дѣятельность революціонныхъ эмиссаровъ вызвала соціальную катастрофу: крестьяне разгромили помѣщичьи имѣнія, перебили шляхту и торжественно доставили убитыхъ и раненыхъ въ Динабургъ. На Украинѣ, въ Бѣлоруссіи и во многихъ другихъ областяхъ сельское населеніе почти собственными силами подавило движеніе въ самомъ его зародышѣ. Партизанскіе начальники, въ свою очередь, жестоко мстили крестьянамъ за помощь, оказываемую Россіи, и вѣшали ихъ на проѣзжихъ дорогахъ. Такое поведеніе сельскаго люда, исключавшее, конечно, всякую возможность успѣха возстанія, находитъ себѣ объясненіе не въ одной только агитаціи русскихъ комендантовъ и военачальниковъ; отмѣчая эту агитацію, г. Грабецъ въ то же время признаетъ, что она падала на соотвѣтствующую почву и была подготовлена двухлѣтними аграрными волненіями и плачевнымъ положеніемъ деревни; онъ указываетъ, что повстанческіе отряды, составленные изъ ненавистной крестьянамъ дворской челяди и мѣщанъ, требовали въ деревняхъ провіанта и фуража, разоряли крестьянское достояніе, уничтожали посѣвы и, главное, выступали противъ русскаго правительства, на которое крестьяне возлагали всѣ свои надежды и въ которомъ видѣли своего защитника отъ вѣкового панскаго притѣсненія и избавителя отъ злоупотребленій крѣпостного права; партизанскіе отряды были въ ихъ глазахъ лишь нарушающими порядокъ «бунтовщическими бандами». Январскіе декреты народоваго ржонда не сразу проникли въ крестьянскія массы; проникши же въ нихъ, они возбудили нѣкоторый интересъ и къ «войнѣ» и къ польскому ржонду», давшему землю и располагавшему властью наказать кнутомъ пана или эконома, враждебнаго холопу, и повѣсить измѣнника или доносчика. Но русское правительство безъ всякаго труда перетянуло простой народъ на свою сторону дѣйствительно энергической защитой его соціально-экономическихъ интересовъ и огражденіемъ его отъ злоупотребленій помѣщика.

Съ внѣшней стороны работа г. Грабеца представляетъ роскошно изданный томъ in 4°, снабженный спеціально исполненными картинами художника Собецкаго, массой умѣло подобранныхъ иллюстрацій, портретовъ и карикатуръ, главнымъ образомъ, изъ собраній національнаго музея въ Рапперсвилѣ, и подробной картой, указывающей мѣста битвъ и стычекъ въ 1863 — 64 гг. Въ упрекъ автору можно поставить лишь отсутствіе оглавленія и личнаго указателя, чѣмъ сильно затрудняется чтеніе этой цѣнной книги.

И. Рябининъ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1912 г. кн. 4. 1913 г. кн. I. Изд. подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго.

Послѣдняя книга «Чтеній» за истекшій годъ—юбилейная: посвящена 1812 году. Здѣсь мы находимъ прежде всего рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Совѣта Университета и Общества Исторіи и Древностей 21 октября 1912 г. Первая рѣчь принадлежитъ проф. Герье «Императоръ Александръ I и Наполеонъ» и производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе, ибо въ ней въ день торжественнаго празднованія юбилея почтенный историкъ сводитъ счеты съ «модной теоріей объ экономическихъ основахъ всѣхъ историческихъ событій». Авторъ полемизируетъ съ анонимомъ и удивляется, что эту «модную теорію можно встрѣтить не только у дилетантовъ въ исторіи, но и у серьезныхъ изслѣдователей спеціалистовъ». Поводомъ къ этой полемикѣ послужило то обстоятельство, что историки въ послѣднее время слишкомъ большое значеніе стали придавать континентальной системѣ. Но хоть проф. Герье и иронизируетъ надъ итогами «усовершенствованнаго метода», а все же континентальная блокада играла огромную роль въ причинахъ войны, и эта роль отнюдъ не устраняетъ тѣхъ «личныхъ свойствъ», въ сферу которыхъ ораторъ переноситъ центръ тяжести. Полемизировать съ этими выводами современной исторіографіи совершенно безполезно. Въ заключеніи проф. Герье удивляется близорукости тѣхъ «хулителей Александра», которые не понимаютъ великаго значенія заграничныхъ походовъ: Россія благодаря этому сдѣлалась «составною органическою частью европейскаго культурнаго человѣчества»(?!). Вторая большая рѣчь пр.-доц. Бахрушина «Москва въ 1812 г.», основанная на мемуарахъ современниковъ, даетъ довольно много бытового матеріала. По существу она не нова, такъ какъ всѣ эти мемуары значительно были использованы уже въ юбилейной литературѣ: какихъ-нибудь новыхъ матеріаловъ автору не удалось привлечь. Бо́льшій интересъ представляетъ рѣчь проф. Любавскаго «Московскій университетъ въ 1812 г.», такъ какъ здѣсь привлечены (однако, очень небольшіе) новые матеріалы архивовъ университетскаго и канцеляріи попечительства. Матеріалъ этотъ, правда, для рѣчи мало подходящъ и въ сущности къ 1812 г. имѣетъ небольшое отношеніе, но какъ справка о состояніи Московскаго Университета въ первые годы XIX в. рѣчь проф. Любавскаго заслуживаетъ вниманія. Четвертая рѣчь К. В. Покровскаго представляетъ небольшую историко-литературную справку «1812 г. въ русской повѣсти и романѣ». Въ этомъ же томѣ напечатаны статьи—матеріалъ г. Эйгорна «Переписка Московской дирекціи училищъ» въ 1812 г. и г. Бѣлокурова «Московскій Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ въ 1812 г.». И то, и другое имѣетъ уже болѣе узкій интересъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ опубликованіе г. Щербачевымъ матеріаловъ изъ бумагъ А. А. Щербинина, одного изъ участниковъ кампаніи 1812 г. Воспоминанія Щербинина частью уже были опубликованы, настоящія «замѣтки» являют-

ся послѣднимъ остаткомъ уцѣлѣвшаго въ семейномъ архивѣ. Несмотря на свою отрывочность, эти замѣтки дѣйствительно представляютъ интересъ. Такъ мы встрѣчаемся съ замѣчаніями на V т. «Война и Міръ» Л. Н. Толстого, гдѣ попутно даются очень цѣнные штрихи для исторіи 1812 г. Напр., Щербининъ поясняетъ, что донесеніе Кутузова, что русская армія удержала поле сраженіе послѣ Бородина, не отвѣчало истинѣ: мы отступили на $^1/_2$ версты и были обойдены непріятельской арміей. Разсказывая о причинахъ пожара въ Москвѣ, авторъ замѣчаній передаетъ разсказанное ему въ 1813 г. директоромъ канцеляріи моск. ген.-губ. кн. Д. В. Голицина (преемника Растопчина) А. А. Шафонскимъ о выпускѣ Растопчинымъ арестантовъ съ цѣлью поджога Москвы. (Допустимъ, что это невѣрно; но въ спорномъ вопросѣ каждое показаніе современника важно). Говоря о томъ, что иниціатива пожара была проявлена Растопчинымъ, авторъ добавляетъ: «неизвѣстно внутреннее побужденіе Растопчина; полагалъ ли онъ лишить французовъ пристанища или обратить на возненавидѣннаго имъ Кутузова проклятіе Россіи за гибель Москвы». Кромѣ «замѣчаній» на Толстого у автора имѣется замѣчанія и на исторію ген. Богдановича. И тамъ встрѣтимъ любопытные штрихи... Чуть не половину книги «Чтеній» занимаетъ большая работа г. Ермолова «Родъ Ермоловыхъ», имѣющая, конечно, весьма отдаленное отношеніе къ юбилею (хотя она помѣщена посреди юбилейныхъ матеріаловъ). Для справокъ, конечно, такія работы нужны.

Но у насъ имѣются еще такіе залежи интереснѣйшихъ матеріаловъ (по той же исторіи Отечественной войны), которые, какъ матеріалы спеціальные, не могутъ попасть на страницы общихъ историческихъ журналовъ, что какъ-то жаль въ книгѣ удѣлять 275 страницъ, разсчитанныхъ для очень ограниченнаго количества справокъ. Редакція «Чтеній» могла бы оказать гораздо большую услугу наукѣ, если бы въ своемъ юбилейномъ номерѣ помѣстила бы болѣе важные матеріалы для исторической науки, тѣмъ болѣе, что какъ разъ о А. П. Ермоловѣ — героѣ 1812 г., справки, данныя въ печатаемомъ трудѣ, наименѣе удовлетворительны (стр. 47 — 51). Вы узнаете изъ нея, что Ермоловъ участвовалъ въ 1825 г. въ укрощеніи мятежа чеченцовъ; въ 1835 г. пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго, въ 1861 г. умеръ — вотъ и все, что сообщено за періодъ съ 1825—1861 гг.

Теперь приходится сказать, что огромный томъ «Чтеній», въ которомъ можно было бы дать такъ много интереснаго и важнаго матеріала по исторіи Отечественной войны, очень, въ сущности, скуденъ по содержанію.

Первая книга «Чтеній» въ новомъ году заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе Ю. В. Готье «Исторія областного управленія въ Россіи» (вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ, окончаніе изслѣдованія А. Д. Григорьева «Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ» и нѣкоторые очень спеціальные матеріалы, среди нихъ сообщенныя проф. Глубовскимъ письма (50 г. XIX в.) арх. рязанскаго Смарагда, письма, едва ли могущія представить «большой общій интересъ», какъ думаетъ редакторъ ихъ.

С. Мельгуновъ.

Письма А. П. Чехова. Томъ III (1890 — 1891 гг.), съ иллюстраціями. Изданіе М. П. Чеховой. Москва. 1913. Цѣна 1 руб. 25 к.

Литературное наслѣдіе Чехова оказалось чрезвычайно обширнымъ. Вышелъ уже третій томъ полнаго собранія его писемъ, а между тѣмъ до конца еще далеко и изданіе его переписки пріобрѣло поэтому

исключительный характеръ; дѣло въ томъ, что, напр., послѣдніе два тома не могли вмѣстить больше, чѣмъ переписку за 4 года: 452 страницы 2-го тома содержатъ письма только за 1888—89 годы! Чисто дѣловыхъ писемъ у Чехова почти нѣтъ и всякое слово у него дышитъ своеобразными оттѣнками и особенностями его личности.

Извѣстно, что Чеховъ всю жизнь мечталъ написать романъ; романъ написанъ не былъ, но мечта осуществилась, и Чеховъ, самъ того не сознавая, подарилъ насъ романомъ въ видѣ художественной автобіографіи. Какъ звено этого длиннаго повѣствованія 3-ій томъ писемъ представляетъ интересъ исключительный. Всѣ письма указаннаго тома группируются вокругъ трехъ событій жизни Чехова за этотъ срокъ: путешествіе въ Сибирь, занявшее почти весь 1890 г., заграничная поѣздка 1891 г. и энергичная дѣятельность Чехова по поводу голода въ Россіи того же и слѣдующаго года. Причины и цѣль поѣздки въ Сибирь, вся эта затѣя, не вяжущаяся съ интересами литератора-художника, представляетъ довольно темный и неясный пунктъ въ біографіи Чехова; въ этомъ отношеніи письма первыхъ 150 страницъ, почти сплошь относящихся къ этой поѣздкѣ, даютъ намъ нѣкоторые отвѣты на наши недоумѣнія; особенно тутъ слѣдуетъ отмѣтить письмо къ Суворину (XVII) отъ 9 марта. Тотъ лихорадочный подъемъ, съ которымъ Чеховъ сталъ готовиться къ поѣздкѣ, его нетерпѣніе, томительное ожиданіе вскрытія рѣкъ (онъ ѣхалъ по Волгѣ и Камѣ) и доводы за цѣлесообразность поѣздки, которые приводятся въ упомянутомъ письмѣ—все это показываетъ, что Чеховъ видѣлъ большой смыслъ въ той работѣ, которую онъ хотѣлъ предпринять послѣ ознакомленія съ бытомъ ссыльныхъ Сахалина.

Для Чехова, какъ для беллетриста, поѣздка на Сахалинъ оказалась почти безплодной—всего два небольшихъ разсказа («Гусевъ», «Въ ссылкѣ») были написаны подъ впечатлѣніемъ сибирской жизни. Очень плохо отозвалось путешествіе на здоровье Чехова—въ письмахъ по возвращеніи въ Москву онъ постоянно жалуется на недомоганіе. Вѣроятно въ связи съ этимъ понижается и самочувствіе.

На слѣдующій годъ приходится другое путешествіе Чехова—на югъ Европы. Впечатлѣнія этой поѣздки въ письмахъ даютъ богатый матеріалъ для критиковъ, особенно для тѣхъ, которые пытаются раскрыть общія черты личности писателей въ связи съ ихъ оцѣнкой зап.-евр. культуры и вообще—отношеніями къ ея жизни, центромъ искусства и т. д. Для Чехова знаменательно то, что, несмотря на полную неудачу поѣздки, какъ въ смыслѣ погоды, такъ и денежныхъ обстоятельствъ, онъ сохранилъ очень хорошее впечатлѣніе о всемъ видѣнномъ и энергично отрицалъ слова Григоровича, что «Чеховъ принадлежитъ къ поколѣнію, которое замѣтно стало отклоняться отъ запада и ближе присматриваться къ своему». «Надо быть быкомъ,—говоритъ по этому поводу Чеховъ,—чтобы, пріѣхавъ въ первый разъ въ Венецію или Флоренцію, стать отклоняться отъ запада».

Во всемъ томѣ, какъ, впрочемъ, и въ предыдущихъ, мелькаетъ цѣлый рядъ удачныхъ и остроумныхъ афоризмовъ, иногда очень мѣткихъ критическихъ сужденій (какъ, напр., о «Крейцеровой сонатѣ» (VI)) и при этомъ каждое письмо выдаетъ своеобразный стиль автора, столь характернаго и въ разсказахъ своимъ меланхолико-юмористическимъ тономъ.

Для поклонниковъ Чехова его письма всегда будутъ лучшей литературной характеристикой любимаго автора, для противниковъ Чехова они разъяснятъ многія неясныя черты его личности, какъ писателя и какъ человѣка.

Разбираемое изданіе есть третье изданіе писемъ Чехова. Первыя двѣ попытки были сдѣланы гг. Бочкаревымъ и Вл. Брендеръ. Ихъ одно-томныя собранія на полноту, впрочемъ, не претендуютъ; но въ сравненіи съ новымъ изданіемъ они теряютъ и свое относительное достоинство. У г. Бочкарева очень неудаченъ планъ послѣдовательности писемъ по адресатамъ; хронологія оказывается спутанной, да и года большинства писемъ просто не проставлены. У г. Брендера планъ тотъ же, что и у М. П. Чеховой, но письма сплошь да рядомъ невѣрно расположены по годамъ. Напр., письмо изъ Аббаціи 4 окт. 1891 г. не могло быть этого года, п. ч. въ это время Чеховъ былъ въ Москвѣ. Къ Плещееву (159 стр.) Чеховъ пишетъ не о разсказѣ «Жена», а объ «Именинахъ», и письмо это относится къ 1888, а не къ 1891 г.; письмо 1891 г. къ Кони почему-то отнесено къ 1894 г. (стр. 194) и др.

Насколько новое изданіе обширнѣе предыдущихъ, можно судить потому, что, напр., письма 3-яго тома имѣютъ у Брендера соотвѣтствующихъ лишь 13 писемъ 1890—91 г.

Павелъ Поповъ.

В. А. Верещагинъ. «Русская карикатура, III, А. О. Орловскій», СПБ. 1913. Ц. 4 р. 50 к.».

«Гуляка праздный», талантливѣйшій мастеръ рисунка, чья буйная жизнь и быстрый карандашъ почтены вниманіемъ Мицкевича (въ «Панѣ Тадеушѣ») и Пушкина (въ «Русланѣ и Людмилѣ»); человѣкъ, сотканный изъ противорѣчій, носившій въ себѣ черты непримиримыя; то солдатъ костюшкинскихъ войскъ, повстанецъ за независимость Польши, опасно раненый при Зегржѣ, гдѣ онъ показалъ «опытъ необыкновенной отваги и мужества», — то искательный художникъ русскаго Двора, увѣковѣчивавшій по заказу великаго князя Константина русскую армію и событія, «гдѣ она со славой участвовала»; порой внимательный ученикъ славнаго Норблена, весь ушедшій въ художество, порой безпутный бродяга, пропадавшій по мѣсяцамъ Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть съ кѣмъ, бражничавшій и разгульничавшій по темнымъ корчмамъ; то спесивецъ, падкій до лести и поклоновъ, подписывавшійся, будучи сыномъ нищаго польскаго корчмаря, «A. d'Orlowsky», и сочинившій для себя какой-то небывалый дворянскій гербъ, — то размалеванный клоунъ труппы бродячаго балагана, потѣшавшій толпы зѣвакъ остротами; даже больше: наемникъ графа Іосифа Понятовскаго, легко исполнявшій сомнительной красоты обязанности: развлекать карикатурами и шутками ясновельможныхъ гостей польскаго магната, — таковъ Александръ Орловскій, чье творчество и жизнь снова очерчены въ книгѣ В. А. Верещагина,—книгѣ, являющейся продолженіемъ его работъ о русской карикатурѣ, превосходно изданной и живо написанной.

Въ книгѣ различимы двѣ части, соотвѣтствующія двумъ задачамъ автора: дать очеркъ жизни Орловскаго и характеризовать его, какъ сатирика. Скажемъ сразу, что цѣнность ихъ неодинакова. Личность Орловскаго очерчена сочно и выпукло. Матеріалы біографическіе,—пусть не новые,— сложены въ цѣлые съ искусствомъ, сообщившимъ облику художника новизну и свѣжесть. Привлекательно непредвзятое отношеніе изслѣдователя къ красочной суммѣ фактовъ, относящихся къ жизни Орловскаго. Въ угоду авторскому тезису, во имя слѣпого рѣшенія жизненная пестрота и нескладица не сглажена и не приведена къ одному знаменателю. Орловскій, бурный, кипучій Орловскій отразился въ зеркалѣ книги такимъ, какимъ онъ былъ, во всей своей предѣльной сложности,

Къ сожалѣнію, къ Орловскому-художнику авторъ подошелъ не столь свободно. Предвзятость въ этой части изслѣдованія В. А. Верещагина чувствуется явно и ведетъ къ невѣрнымъ выводамъ. Мы сѣтуемъ не на то, что художественная личность Орловскаго не умѣстится полностью въ границахъ характеристики его творчества, сдѣланной авторомъ. Избрать спеціальную сторону дѣятельности художника для изученія — законнѣйшее право изслѣдователя. Правда, въ нашемъ случаѣ, соотношеніе между біографической и критической частью книги слишкомъ не соразмѣрно, пожалуй, по существу противорѣчиво: то всестороннее освѣщеніе жизненныхъ путей Орловскаго, которое дано въ біографическомъ очеркѣ, обязываетъ и къ столь же обстоятельному изученію его художественной работы. Но не требуется большой уступчивости, чтобы примириться съ такой условностью, тѣмъ болѣе, что формальная полнота изслѣдованія соблюдена: нѣсколько, хоть и бѣглыхъ штриховъ авторъ удѣляетъ каждому художественному элементу въ творчествѣ Орловскаго.

Насъ останавливаетъ другая условность этой второй части книги,— условность, которую мы считаемъ вполнѣ неудачной. Представляется что, ставя себѣ тему, сосредоточивъ пристальное вниманіе на карикатуризмѣ Орловскаго, В. А. Верещагинъ избралъ зыбкую точку зрѣнія, съ которой «видъ на Орловскаго» становится весьма одностороннимъ, искаженнымъ, почти фантастичнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тема «Орловскій и русская карикатура» возможна, но возможность эта исключительно формальнаго свойства. Сказать, что Орловскій — сатирикъ, значитъ сказать маленькую истину, за которой — большая неправда. Карикатуризмъ Орловскаго — явленіе столь же нехарактерное, случайное, незначительное, какъ и его академизмъ. Вѣдь офиціальный Орловскій носилъ званіе академика. Въ числѣ его работъ есть усердно выписанныя, тщательно законченныя картины, отмѣченныя наградами и отличіями. Но мы относимся къ нимъ вполнѣ холодно; онѣ кажутся намъ произведеніями несвободными, нетворческими, и потому лишенными художественнаго значенія. Въ сужденіи объ Орловскомъ, мы, памятуя о подлинномъ обликѣ этого художника, не будемъ отягощать чашу критическихъ вѣсовъ академическими его работами. Съ огненной своей натурой, Орловскій менѣе всего, конечно, былъ «академикомъ», вѣрнѣе если и былъ имъ, то былъ по принужденію; тутъ—творчество не столько Орловскаго, сколько исполнителя заказовъ на чужія темы. «Академизмъ и Орловскій» — это тема поражающе случайная. И вотъ я полагаю, что столь же надумана и столь же эстетически безплодна, при всей своей формальной законности, тема: «Орловскій и карикатура». Достаточно отмѣтить, что въ «цехѣ задорномъ» карикатуристовъ Орловскій займетъ непримѣтное мѣсто уже въ силу скудости незамаскированнаго, прямого карикатуристическаго матеріала въ его творчествѣ. Открытая карикатура, та карикатура, которая выступаетъ съ поднятымъ забраломъ, которая ясна съ перваго взгляда—лишь единичное и случайное явленіе въ его работѣ. И рѣшительнымъ доводомъ тутъ для В. А. Верещагина будетъ то, что въ составленномъ имъ же спискѣ работъ Орловскаго на послѣднемъ, самомъ темномъ мѣстѣ стоитъ карикатура. Стоило ли ради этой скуднѣйшей доли «огородъ городить»? Стоило ли ради ея приводить въ ходъ сложную біографическую систему первой части книги; да и вообще была ли надобность въ интерпретированіи вполнѣ примитивнаго, дѣтски незамысловатаго карикатуризма Орловскаго? Едва ли, и, видимо, это отчетливо сознавалъ и самъ почтенный изслѣдователь русской карикатуры, ибо, чтобы спасти свою заман-

чивую тему, онъ рѣшился на ошибочный шагъ: въ категорію карикатуръ онъ отчасти зачислилъ жанръ Орловскаго. Въ жанровыхъ произведеніяхъ художника онъ мѣстами усмотрѣлъ ту искривленную, насмѣшливо отраженную реальность, которая составляетъ сущность карикатуры. Такъ получилъ онъ болѣе многочисленный матеріалъ и болѣе широкое поле для изслѣдованія.

Въ этомъ шагѣ полагаемъ мы другое доказательство надуманности темы В. А. Верещагина. Весь жанръ Орловскаго стоитъ подъ знакомъ не сатирическаго отношенія къ дѣйствительности, а романтическаго увлеченія ею. Его огромный реалистическій «дневникъ», всѣ эти типы и сценки, встрѣчи и приключенія его буйной жизни, проходящія такой торопливой поступью предъ глазомъ зрителя, замѣтки и наблюденія, схваченныя налету и вдругъ закрѣпленныя, рожденныя экспромптомъ, какъ тотъ рисунокъ дикообраза, котораго пальцемъ изъ лужицы разлитыхъ чернилъ вычертилъ Орловскій, обѣдая у своего друга, балетмейстера Дидло, — все это порождено тѣмъ же пламеннымъ чувствомъ, тѣмъ же «торжественнымъ» отношеніемъ къ дѣйствительности, которое понуждало его «быстрый карандашъ», на другой половинѣ его творчества, рисовать «ночь и сѣчу» (беру эти Пушкинскія слова какъ условную формулу), — пластически отражать столь свойственную Орловскому, неотдѣлимую отъ него, шумную романтику, исполненную неистовства, битвъ, бурь, катаклизмовъ природы и людскихъ страстей. Орловскаго цѣликомъ слѣдуетъ характеризовать, исходя изъ романтизма. Человѣкъ и художникъ равно выросли отсюда. И въ частности: здѣсь корни всего орловскаго жанра. Жанръ Орловскаго—это впечатлѣнія иностранца, прибывшаго изъ другой страны, ослѣпленнаго непривычной яркостью, своеобразіемъ, вычурностью лицъ и событій. «Ночь и сѣча» это—«обыденность» для Орловскаго; въ области романтизма онъ свободно пребывалъ такъ, какъ въ «бытѣ» пребываютъ другіе. Насколько огненный подъемъ чувства — рѣдкое явленіе для другихъ, минута особая, не похожая на постоянное, ровное теченіе дней, настолько же «кипѣніе восторга» для Орловскаго — повседневность, обычное его состояніе.

И за то обратно: скучный, трезвый «бытъ» имъ воспринимается со странной остротой, какъ нѣкое волшебство, фантастика, такъ, какъ воспринималъ древній путникъ пряную красочность заморскихъ странъ. Романтизму присуща страсть къ экзотичному. Жанръ — это экзотика Орловскаго. На родной бытъ онъ глядѣлъ глазами Герберштейна или Олеарія. Потому такъ жадно, такъ полно, такъ любовно уловляетъ онъ черты «незнакомой» жизни. Карикатурѣ здѣсь нѣтъ мѣста. А если смѣшной кажется намъ теперь эта экзотика Орловскаго, то виной тому не художникъ, а эпоха, отраженная имъ. Былой бытъ не кажется ли всегда карикатурнымъ? и путы условностей, которыми добровольно и благоговѣйно даютъ себѣ связать современники, не вызываютъ ли обычно усмѣшку у потомковъ? Тутъ—основа «смѣхотворности» жанра Орловскаго, но тутъ же доказательство серьезности его намѣреній, его любви къ изображаемому. И какъ разъ однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ этого служитъ то единственное, что давало В. А. Верещагину возможность поднять вопросъ о карикатуризмѣ въ жанрѣ Орловскаго: это — обширная галлерея «оригиналовъ», нелѣпыхъ людей, яркая среда «чудаковъ», закрѣпленныхъ карандашомъ Орловскаго.

Создана она не насмѣшкой, но влеченіемъ. Бар. Н. Н. Врангель, послѣдній предшественникъ В. А. Верещагина по изученію творчества Орловскаго, не забылъ отмѣтить эту «страсть къ чудачеству» какъ яркое свойство романтизма эпохи. Самъ Орловскій былъ изъ «чудаковъ» и

когда онъ, въ фантастическомъ восточномъ одѣяніи, гулялъ по улицамъ Петербурга, сопровождаемый двумя лакеями, черкезомъ и калмыкомъ, въ національныхъ костюмахъ, или когда онъ мчался по столицѣ на черкесской лошади — это было зрѣлище не менѣе чудаческое, нежели причуды знаменитаго Брызгалова, занесенныя въ художественный «дневникъ» Орловскимъ. Чудаки и оригиналы, — юродивые жизни, — зарисовывались не сатирическимъ, не карикатурящимъ, а именно «влюбленнымъ» карандашомъ, заботливо передающимъ особую, вполнѣ романтическую «прелесть уродства». Такъ уничтожается послѣдній, самый сильный оплотъ карикатуризма въ жанрѣ Орловскаго. Вопросъ о немъ рѣшается вполнѣ отрицательно психологіей творчества Орловскаго. За ней тутъ — послѣднее слово. Мы полагаемъ, что оно — противъ сужденій В. А. Верещагина.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе, и уже не художественнаго порядка. В. А. Верещагинъ, говоря о нѣкоторыхъ польскихъ біографахъ Орловскаго, клеймившихъ «измѣну» Орловскаго Польшѣ, счелъ нужнымъ, въ свою очередь, потягаться съ ними. Почти каждое слово «полякъ» сопровождается въ его книгѣ нелестнымъ, порой прямо браннымъ эпитетомъ. Мы полагаемъ, что націоналистическимъ предразсудкамъ не должно было бы быть мѣста въ такой «безпартійной» по существу книгѣ какъ художественно-историческое изслѣдованіе объ Орловскомъ.

Абрамъ Эфросъ.

Эдуардъ Фуксъ. Иллюстрированная исторія нравовъ. 2 тома. Пер. съ нѣм. В. М. Фриче. Цѣна 12 руб.

Книга извѣстнаго нѣмецкаго историка нравовъ и карикатуры представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Это приходится оговаривать съ самаго начала, потому что при бѣгломъ просмотрѣ подлинника и даже русскаго перевода, который по своему внѣшнему виду не можетъ и отдаленно итти въ сравненіи съ подлинникомъ, — большіе тома Фукса кажутся скорѣе альбомомъ веселыхъ и непристойныхъ изображеній. Правда, между подлинникомъ и русскимъ переводомъ есть большая разница. Нѣмцы берутъ дороже, но зато даютъ рисунки, исполненные очень хорошо. Русскій издатель рѣшилъ достигнуть дешевизны, и рисунки, за малыми исключеніями, крайне неудовлетворительны по исполненію. Сколько-нибудь удались лишь штриховые снимки съ гравюръ. Сѣтчатыя цинкографіи учатъ, какъ не слѣдуетъ воспроизводить рисунковъ. Между тѣмъ по плану автора рисунки должны были играть очень большую роль. Знатокъ гравюры и карикатуры, онъ умѣлъ сдѣлать великолѣпный подборъ. Для читателя русскаго изданія все это въ значительной мѣрѣ пропало. Остается текстъ. Онъ и безъ рисунковъ достаточно оправдываетъ появленіе перевода книги Фукса. Первый томъ ея посвященъ возрожденію и реформаціи, второй — вѣку галантности. Собрать факты, иллюстрирующіе исторію нравовъ за XIV—XVIII столѣтія, какъ a priori пойметъ всякій, знакомый хотя бы поверхностно съ литературой предмета—задача огромной трудности, требующая всеобъемлющей эрудиціи, большой начитанности въ произведеніяхъ изящной литературы, мемуарахъ, историческихъ сочиненіяхъ, философскихъ работахъ.

Эдуардъ Фуксъ обнаружилъ не только работоспособность, которая помогла ему подобрать факты, но и много умѣнія ихъ комбинировать и большой вкусъ. Его цѣль была научной цѣлью и, хотя совершенно несомнѣнно, что книгу его будутъ читать также и любители специ-

фической литературы, приходится сказать, что цѣль, поставленная авторомъ, достигнута. Исторію нравовъ можно обрабатывать очень различно. Изъ нея можно сдѣлать собраніе веселыхъ анекдотовъ; ее можно превратить въ подсобный иллюстративный матеріалъ къ общей исторіи, ее можно трактовать и какъ самостоятельную область изученія. Фуксъ выбралъ послѣдній способъ и, конечно, поступилъ правильно. Для него исторія нравовъ за XIV — XVIII вѣка представляетъ собою вполнѣ закономѣрный процессъ, обусловленный очень опредѣленными причинами. Исторія нравовъ — это внѣшняя эволюція быта, отражающая болѣе глубокую эволюцію соціально-экономическихъ отношеній. Отдѣльныя проявленія жизни пола, бытовыя детали, которыми эта жизнь сопровождается,—все это находится въ тѣсной зависимости отъ основного тонуса соціально-экономическихъ отношеній.

Это свое положеніе Фуксъ доказалъ. Именно потому, что ему удалось доказать его, данныя, имъ собранныя, не пріобрѣтаютъ характеръ букета случайно надерганныхъ отовсюду фактовъ, а въ цѣломъ даютъ стройную картину. Такова научная цѣнность этой книги, на видъ столь легкомысленной. Ее не только легко читать (въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить очень хорошаго русскаго перевода): изъ нея можно черпать матеріалъ для научныхъ конструкцій.

А. Дживелеговъ.

А. Д. Удальцовъ. Свободная деревня въ западной Нейстріи въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ. СПБ. 1912. 130 стр.

Изслѣдованіе г. Удальцова начинается изложеніемъ трехъ главныхъ теорій аграрнаго строя ранняго средневѣковья. По первой: франкское общество этого періода является демократическимъ обществомъ свободныхъ крестьянъ-воиновъ, при чемъ помѣщичье землевладѣніе лишь постепенно получаетъ господство надъ крестьянской поземельной общиной; по второй это аристократическое общество, рѣзко раздѣленное на крупныхъ помѣщиковъ и зависимыхъ крестьянъ, сидящихъ на помѣщичьей землѣ; и, наконецъ, по третьей теоріи преобладаніе въ этомъ обществѣ принадлежитъ мелкимъ помѣщикамъ, живущимъ по деревнямъ и образующимъ поземельныя общины, на ихъ мелкихъ помѣстьяхъ живутъ неполноправные крестьяне и крѣпостные.

Авторъ считаетъ, что выходомъ изъ затрудненія—вѣдь всѣ три взаимноисключающія теоріи основываются на данныхъ источниковъ—послужитъ изученіе «аграрныхъ отношеній въ ихъ мѣстныхъ и временныхъ конкретныхъ формахъ».

По характеру изученнаго матеріала авторъ дѣлитъ свою работу на двѣ части. Первая часть основывается преимущественно на данныхъ анжерскаго сборника формулъ VII вѣка, но съ самостоятельнымъ привлеченіемъ данныхъ другихъ источниковъ. Этотъ сборникъ выбранъ для спеціальнаго изученія, между прочимъ, и потому, что въ немъ сохранены особенности общественнаго строя романскаго типа. Г. Удальцовъ совершенно правильно указываетъ, что одинъ сборникъ формулъ можетъ дать матеріалъ только для опредѣленія типовъ землевладѣнія, но не можетъ отвѣтить на вопросъ о количественномъ соотношеніи между разными формами землевладѣнія. Послѣднее же можно получить только изъ всей совокупности формулъ нейстрійскихъ сборниковъ. Рецензенту кажется, что и въ этомъ случаѣ опредѣленнаго количественнаго вывода по недостаточности матеріала получить нельзя, а получится только извѣстное *впечатлѣніе*. Повидимому, къ этому выводу пришелъ и самъ авторъ, ибо

онъ не располагаетъ свои выводы изъ формулъ въ видѣ таблицъ, къ которымъ онъ имѣетъ большую склонность.

Г. Удальцовъ приходитъ въ концѣ первой части къ совершенно правильному заключенію, что въ разбираемую эпоху рядомъ съ крупными помѣстьями и несвободными деревнями были значительно распространены и свободныя деревни. Потому, какъ замѣчаетъ авторъ, не надо противополагать аграрный строй романскихъ областей франкскаго государства германскимъ.

Вторая часть изслѣдованія основана преимущественно на полиптикѣ Сенъ-Жерменскаго монастыря. Въ этой части авторъ не ограничивается установленіемъ типовъ землевладѣнія, но хочетъ выразить наглядно въ таблицахъ количественное соотношеніе между различными типами. Однако большого значенія полученнымъ цифровымъ результатамъ мы приписывать не можемъ, ибо, какъ говоритъ самъ авторъ (стр. 101,104), нельзя утверждать съ достовѣрностью о преобладаніи помѣщичьихъ крестьянскихъ владѣній. Подобную осторожность «количественнаго анализа» и самоограждение въ рѣшительности выводовъ изслѣдователя надо привѣтствовать. Въ этомъ отношеніи русское изслѣдованіе выше аналогичныхъ работъ Виттиха и Коро.

Результатъ второй части изслѣдованія совпадаетъ съ результатомъ перваго. Авторъ и для IX вѣка доказываетъ существованіе мелкой свободной собственности.

Неизвѣстно зачѣмъ понадобилось автору говорить въ заключеніе, что во Фрисландіи (!) въ началѣ IX вѣка различаются болѣе и менѣе состоятельныя группы населенія. Вѣдь отъ Фрисландіи дѣлать заключенія къ западной Нейстріи не приходится. Изъ приводимаго авторомъ капитулярія 807 г. врядъ ли можно сдѣлать выводъ о распространеніи значительномъ мелкаго землевладѣнія. Авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что распоряженіе, находящееся въ этомъ капитуляріи, издано по случаю голода (propter famis inopiam).

В. Протопоповъ.

Факты и матеріалы.

Дневники Н. И. Тургенева.

Лежащій передъ нами томъ дневниковъ Н. И. Тургенева (*Дневники Николая Ивановича Тургенева* за 1811 — 1816 годы. II томъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета Е. И. Тарасова. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, С.-Петербургъ, 1913 г., XXIII+500. Цѣна 3 руб.) обнимаетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ періодовъ жизни этого замѣчательнаго дѣятеля эпохи Александра I. Годы 1811 до 1816 были для Тургенева переходнымъ временемъ отъ университетской скамьи къ полосѣ дѣятельности на общественно-государственномъ поприщѣ, столь быстро оборвавшейся въ 1825 году, когда рухнули надежды декабристовъ и постигла ихъ, въ томъ числѣ и Тургенева, жестокая кара.

Покинувъ Геттингенъ въ іюнѣ 1811 года послѣ трехлѣтняго пребыванія въ университетѣ, Тургеневъ отправился путешествовать для завершенія своего образованія. Обстоятельный дневникъ, который онъ велъ по дорогѣ, даетъ возможность сопутствовать ему въ Парижѣ,

Швейцаріи и Италіи. гдѣ онъ подолгу останавливался въ Римѣ и Неаполѣ.

Это путешествіе, длившееся до февраля 1812 года, дало Тургеневу массу новыхъ впечатлѣній. Присматриваясь къ чужимъ нравамъ и порядкамъ, онъ изучалъ государственный строй, положеніе крестьянъ, системы податнаго обложенія, организацію суда, умственную и художественную жизнь на Западѣ, прессу, завязывалъ знакомства, особенно среди франкмасоновъ въ Парижѣ и Римѣ. Кстати изъ дневника мы впервые узнаемъ, что Тургеневъ вступилъ въ франкмасонскую ложу въ Парижѣ 19/31 августа 1811 года. Славные университетскіе годы, прожитые въ Геттингенѣ, Тургеневъ неоднократно вспоминаетъ съ нѣжной грустью и надеждой когда-нибудь снова попасть въ милый городокъ, но сильнѣе всего въ немъ трепетное желаніе скорѣе быть въ Россіи, на родинѣ. Любимой темой для размышленій является для него привязанность къ отечеству. Встрѣтившись въ Римѣ съ княземъ Козловскимъ и услышавъ отъ него отрицательный отзывъ о Россіи, о неприглядной русской дѣйствительности, Тургеневъ записалъ: «Долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ есть подлинно зараза для многихъ русскихъ: они не примѣтно перемѣняютъ образъ мыслей о всемъ, даже и объ отечествѣ. Но меня, кажется, таковые примѣры тѣмъ болѣе укрѣпляютъ въ любви къ этому божественному идеалу, усиливаютъ высокое мнѣніе мое о характерѣ русскомъ и подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія». Однако, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ, Тургеневъ нашелъ, что во многихъ отношеніяхъ Козловскій былъ правъ: «Незначущія лица, на которыхъ видна печать рабства, грубость, пьянство, — все уже успѣло заставить сердце обливаться кровію и желать возвращенія въ чужіе края». Въ Петербургѣ, гдѣ онъ поступилъ на службу, Тургеневъ нашелъ еще меньше отраднаго. Основной лейтмотивъ душевнаго его настроенія въ Петербургѣ: «Горесть и скука сноснѣе на чужой сторонѣ, чѣмъ на своей». Единственнымъ развлеченіемъ является для него работа о налогахъ, начатая еще въ Геттингенѣ. Года полтора томился онъ въ Петербургѣ, отчаиваясь въ своей дальнѣйшей судьбѣ, «воображая будущее еще хуже, нежели каково настоящее». Однако судьба оказалась милостивой къ Тургеневу, жаждавшему живой дѣятельности, свободнаго слова и общества живыхъ, интересныхъ людей, задыхавшемуся въ тяжелыхъ условіяхъ существованія въ отсталомъ отечествѣ.

Онъ назначенъ былъ членомъ Центральнаго Административнаго Департамента, учрежденнаго союзными государствами для управленія территоріями, отвоеванными и имѣющими быть отвоеванными у Наполеона. Начальникомъ Департамента состоялъ самый выдающійся, быть-можетъ, въ ту эпоху государственный дѣятель, баронъ Штейнъ. Служить подъ начальствомъ такого человѣка казалось Тургеневу очень лестнымъ. Онъ понималъ всю отвѣтственность своего назначенія и съ тоскою спрашивалъ себя, понравится ли барону Штейну, найдетъ ли тотъ въ немъ дѣйствительно полезнаго сотрудника. Опасенія Тургенева были напрасны. Штейнъ принялъ его во Франкфуртѣ весьма привѣтливо. Помимо дѣловыхъ между ними установились дружескія отношенія. Несмотря на громадную разницу въ соціальномъ положеніи между бывшимъ министромъ и коллежскимъ асессоромъ, на разницу въ лѣтахъ — Штейну шелъ седьмой десятокъ, — Тургеневу же не исполнилось еще 26 лѣтъ, они близко сошлись, хорошо понимали и искренно уважали другъ друга. Штейнъ импонировалъ Тургеневу своимъ широкимъ государственнымъ умомъ, работоспособностью, опытомъ въ дѣлѣ проведенія политическихъ и соціальныхъ реформъ, наконецъ, своимъ патріотизмомъ, прямотою

и честностью. Тургеневъ неоднократно заносилъ записи въ свои дневникъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ бесѣды со Штейномъ, изъ которой черпалъ свѣжія знанія, новыя идеи, практическіе совѣты и рвеніе къ служенію общему благу, которое такъ характерно для Тургенева и вообще для декабристовъ. Мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что Штейну и вліянію прусскихъ реформъ Тургеневъ обязанъ своимъ міросозерцаніемъ. Неясныя студенческія мечты, жажда посвятить себя дѣлу обновленія, оздоровленія и освобожденія несчастной родины получили болѣе реальное содержаніе. Бесѣды съ Штейномъ явились для Тургенева какъ бы продолженіемъ университетскихъ занятій. Изъ перваго тома дневниковъ Н. И. Тургенева, обнимающихъ, главнымъ образомъ, геттингенскій періодъ, мы узнаемъ, какъ высоко цѣнилъ онъ своихъ профессоровъ, какъ дорожилъ пріобрѣтенными на ихъ лекціяхъ знаніями. Штейнъ, получившій, впрочемъ, самъ образованіе въ Геттингенѣ и вынесшій оттуда интересъ къ историко-юридическимъ занятіямъ и отрицательное отношеніе къ отвлеченнымъ философскимъ проблемамъ, имѣлъ на Тургенева, пожалуй, еще болѣе глубокое вліяніе, чѣмъ геттингенскіе профессора. Если Тургеневъ всю жизнь придерживался взгляда о цѣлесообразности постепеннаго проведенія государственныхъ и общественныхъ реформъ въ Россіи до установленія конституціоннаго образа правленія, то здѣсь нетрудно узнать основной взглядъ Штейна на государственныя преобразованія. Конституція должна явиться заключительнымъ аккордомъ, завершающимъ многогранную и сложную работу по улучшенію судопроизводства и финансовой системы, упорядоченію администраціи, поднятію просвѣщенія и умственныхъ силъ націи и упраздненію крѣпостного права. До осуществленія этихъ реформъ Тургеневъ считалъ необходимымъ во избѣжаніе опасныхъ потрясеній, могущихъ нарушить теченіе государственной жизни, сохранить самодержавіе.

Помимо обмѣна мнѣній съ государственными людьми эпохи 1813 — 1815 годовъ, каковы Штейнъ, кн. Чарторыскій, Поццо ди Борго, Лагарпъ и др., Тургеневу представлялись еще другія возможности расширить свой умственный кругозоръ, развить и углубить свои общественно-политическіе взгляды. Отъ наблюдательнаго его взгляда не ускользаетъ перемѣна общественныхъ настроеній во Франціи и въ Германіи въ связи съ паденіемъ Наполеона; онъ является свидѣтелемъ затрудненій, возникающихъ въ нѣмецкихъ государствахъ при попыткѣ ввести конституціонный строй. Наконецъ, книги много дали Тургеневу за эти годы; онъ читалъ труды по исторіи и теоріи конституціонализма, по аграрному вопросу, по всеобщей исторіи, зачитывался особенно серьезными политическими журналами. Выписки изъ книгъ и журналовъ снабжены имъ мѣткими замѣчаніями.

Мы присутствуемъ при томъ, какъ работаетъ и учится будущій общественный дѣятель въ ту эпоху, когда въ его умѣ назрѣваютъ мысли иногда робкія, не вполнѣ ясно очерченныя и подчасъ противорѣчивыя. Любопытно, что Тургеневъ неоднократно высказываетъ полное сочувствіе республиканскому образу правленія, оставаясь, однако, монархистомъ, когда дѣло касается русскихъ условій; въ одномъ мѣстѣ онъ убѣжденно доказываетъ, что иниціатива реформы должна исходить отъ правительства. Ограниченіе самодержавной власти въ послѣдней стадіи государственныхъ преобразованій онъ себѣ рисуетъ «не такъ, какъ въ Англіи и во Франціи и пр.; у насъ она (самодержавная власть) всегда должна быть сильнѣе; могущество, сила и внѣшняя слава Россіи сего требуютъ».

Республиканскія симпатіи, диѳирамбъ самодержавію, горькія жалобы на грѣхи самодержавнаго строя въ Россіи, требованія самого широкаго развитія общественности, свободы слова и пр., характеризуютъ воззрѣнія Тургенева, довольно неустойчивыя.

Но не будемъ слишкомъ строги. Вспомнимъ съ признательностью этого благороднаго человѣка, который былъ искрененъ въ своихъ исканіяхъ и находилъ сильныя слова для осужденія крѣпостного права. Историкъ обязанъ ему обильнымъ матеріаломъ по психологіи общественныхъ и идейныхъ движеній александровской эпохи, которая въ дневникахъ его нашла разнообразное и глубокое отображеніе. Спасибо Академіи Наукъ, выпускающей, и въ быстромъ темпѣ, этотъ цѣнный памятникъ.

Второй томъ, какъ и первый, вышелъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова. Изданіе дневниковъ Тургенева—работа сложная и отвѣтственная. Она требуетъ отъ редактора внимательнаго ознакомленія съ общественными и умственными теченіями въ Россіи и на Западѣ. Примѣчанія должны сопровождать текстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Тургеневъ говоритъ о лицахъ, событіяхъ и книгахъ, не только болѣе или менѣе замѣчательныхъ, но и мало извѣстныхъ. Послѣднее особенно важно для того, чтобы мы могли конкретно представить себѣ, кого Тургеневъ имѣлъ въ виду, каковъ характеръ и значеніе книги, о которой онъ говоритъ вскользь. Къ сожалѣнію, Е. И. Тарасовъ не вездѣ удовлетворяетъ эти требованія. Злоупотребляя малоговорящимъ эпитетомъ «знаменитый», онъ почему-то надѣляетъ имъ наравнѣ съ Глюкомъ, Бернини, Давидомъ, Мартосомъ и Герценомъ довольно посредственнаго поэта Арндта, автора Was ist des Deutschen Vaterland?—Der Gott, der Eisen wachsen liess и др. патріотическихъ произведеній. Ничего характернаго не заключаетъ въ себѣ и неизмѣнно сопровождающее имя политико-эконома Сисмонди опредѣленіе «замѣчательный». Намѣреніе Е. И. Тарасова характеризовать творчество художниковъ, произведенія которыхъ вызывали въ Тургеневѣ опредѣленныя впечатлѣнія, конечно, очень похвально. Но врядъ ли приводимыя ниже слова даютъ представленіе о томъ, что такое былъ, напр., Канова. «Ему, — говоритъ Тарасовъ, — особенно удавались фигуры молодыхъ женщинъ, удавались и мужскія идеальныя фигуры, а еще лучше — надгробные памятники. Одинъ изъ такихъ памятниковъ, какъ разъ весьма удачный, памятникъ папы Климента XIV, видѣлъ и Тургеневъ. Онъ исполненъ Кановою въ 1783 году». Нѣсколько наивна характеристика «знаменитаго» Гретри, «извѣстнаго, по словамъ Тарасова, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ купилъ «Эрмитажъ» Ж.-Ж. Руссо въ Монморанси, гдѣ и скончался». Тургеневъ, правда, отмѣчаетъ по случаю посѣщенія Монморанси (въ 1811 г.), что здѣсь живетъ Гретри, но не ставитъ этого обстоятельства въ связь съ извѣстностью композитора. Между тѣмъ на ряду съ подчасъ излишней обстоятельностью Тарасовъ обнаруживаетъ чрезмѣрную сдержанность тамъ, гдѣ комментаріи казались бы необходимыми. Не снабжены никакими поясненіями цитируемые Тургеневымъ литературные источники, какъ журналъ «Ésprit des Journaux», изъ котораго авторомъ дневниковъ сдѣлано было много выписокъ, книга или, быть-можетъ, статья въ томъ же журналѣ — «Mémoire de M-r Brunn Neergard (у Тургенева неправильно; должно быть Bruun) sur la servitude et l'affranchissement du paysan danois», «Rheinischer Merkur» (не упомянуто, что этотъ журналъ редактировался извѣстнымъ публицистомъ Герресомъ), юмористическій листокъ «Die Grille» Коцебу (въ указателѣ сказано «Der Grille), лекціи А. Шлегеля «Ueber die neuere Geschichte, «24 Bücher Allgemeiner Geschichte» Мюллера, «L'Hermite de la Guianne и др. Упоминаніе Тургенева о Клюберѣ слѣдовало

снабдить примѣчаніемъ объ этомъ извѣстномъ въ свое время публицистѣ-государствовѣдѣ.

Болѣе досаднымъ, чѣмъ эти и другіе пропуски въ примѣчаніяхъ, является неправильная передача нѣмецкихъ текстовъ въ вышедшемъ томѣ дневниковъ [1].

Очень жаль, что въ академическомъ изданіи приходится констатировать перечисленные изъяны и извращенія текста, тѣмъ болѣе, что Е. И. Тарасовъ, несомнѣнно, положилъ много труда на редактированіе дневниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ полезныхъ и умѣстныхъ примѣчаній, какъ, напр., о книгѣ Стройновскаго (стр. 433), о сочиненіи Ricaut'a (459), о генералѣ Юзефовичѣ (476), о сочиненіи Delolme (468), о французскомъ экономистѣ Ganilh'ѣ (466), о журналѣ Le Censeur (464), о художникѣ-пейзажистѣ Ѳ. М. Матвѣевѣ (427) и др.

М. Вишницеръ.

Изъ архіерейскихъ записокъ.

Въ «Трудахъ Вятской Ученой Архивной Комиссіи» (вып. I—II, 1913 г.—значительную часть занимаетъ работа А. Спасской «Прошлое Вятки» съ 1374—1614 гг.), между прочимъ, продолжаются печатаніемъ записки еп. енисейскаго Никодима, въ періодъ ректорства въ вятской семинаріи (30 гг. прошлаго столѣтія). Записки сообщаютъ иногда любопытные бытовые штрихи. Ректоръ былъ человѣкъ простой, и записки его отзываются большой искренностью. Правда, въ немъ силенъ мѣстный патріотизмъ, и онъ не прочь съ нѣкоторымъ пристрастіемъ выступить въ защиту мѣстнаго духовенства. Идетъ вотъ «молва о вятскомъ духовенствѣ, что они грабители и оттого богаты». А все это «вздоръ и пустяки». И вся молва отъ «забавнаго случая», когда «мятежные крестьяне» въ 1824 г. пожаловались Александру I на духовенство, «будто они ихъ грабятъ». «Духовенство сыто и довольно», но и только; если синодъ, получая 20 т. р. свѣчного сбора изъ Вятки, заключаетъ «о благоговѣйствѣ вятскихъ жителей», то исключительно «отъ невѣжества». «Вятскіе ду-

---

[1]) Въ рукописи Тургенева мы читаемъ слова Виланда: Wie viele Könige, welche sich durch die heiligsten Gelübde verbinden mussten, nur für die Glückseligkeit ihrer Völker zu leben, erinnern sich dieser Gelübde noch, nachdem sie den ersten Zug aus dem Zauberkelche der willkührlichen Gewalt gethan haben». Въ изданіи Е. И. Тарасова эта цитата передана (на стр. 334) съ тремя ошибками: вмѣсто heiligsten fei(er)lichsten, вмѣсто noch — nach, вмѣсто Zauberkelche — Zauber kelche. Заглавіе «Über Preussens Rheinische Mark» превращено (на стр. 314) въ неграмотное сочетаніе словъ: Ueber Preussens Rheiniche Merk(ur). Слово Sippschaft превращено въ несуществующее Sizzschaft (стр. 314), hingegen въ eingegen (тамъ же), welchem въ welhem (тамъ же), nie въ ein (тамъ же), Unwissendsten въ Ünwissenschaften (стр. 273), Ehrlichkeit въ Ehelichkeit (стр. 225), Im Gegenteil въ Im Jedenteil (тамъ же), In der въ Jeder (стр. 320), Realkasten въ Reallassen (334) и др. На стр. 334 помѣщена такая безсмысленная фраза: Für den Wirth der Gebäude ward kein Preis in Anschlag gebracht und dies hat alle Welt ausser Atheen gebracht. Если исправимъ согласно рукописи Wirth въ Werth и Atheen въ Athem, то фраза станетъ понятной.

Описывая впечатлѣнія отъ пьесы Марія Стюартъ, Тургеневъ цитируетъ слова Мортимера: das Leben ist das höchste Gut des Lebens — Wehe dem, der es verschleudert. На стр. 279 эта цитата приведена неполностью; слова es verschleudert пропущены, такъ какъ г. Тарасову, по его словамъ, не удалось разобрать ихъ. Между тѣмъ нетрудно было заглянуть въ Шиллера, гдѣ можно было прочесть: «Ist Leben doch des Lebens höchstes Gut! Ein Rasender, der es umsonst verschleudert»... чтобы разобрать перефразированную Тургеневымъ цитату.

ховные отсылаютъ начисто всю прибыль отъ продажи свѣчъ, а другіе поступаютъ по-иному». Напримѣръ, въ «Москвѣ—похитрѣе. Тамъ отсылаютъ ли и третью часть, сомнѣваюсь». Ректоръ высчитываетъ, что Москва должна посылать не менѣе 300 т. р. ассигн., а между тѣмъ въ 1836 г. отъ всей епархіи въ Синодъ было доставлено лишь 74 т.

Противъ петербургской молвы «невозможны никакія разувѣренія». Вятка, напр., самая «правовѣрная епархія, а въ синодѣ, ежели есть дѣла и толки о раскольникахъ, то только о вятскихъ. Тутъ сыплются громъ и молніи на безпечность и невниманіе духовенства». Между тѣмъ въ Вятской епархіи «раскольниковъ менѣе 20 т. душъ обоего пола». Въ другихъ мѣстахъ гораздо больше. Почему же синодъ такъ несправедливъ. Ректоръ семинаріи дѣлаетъ по этому поводу такое заключеніе: «Мудрено бы было понять сіе, если бы не видѣть здѣсь хитрости сокровеннаго врага Божія—дьявола, который, не имѣя возможности скрываться всюду, предаетъ себя на жертву въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему всего менѣе жаль потерять». Впрочемъ, будущій архіерей не отрицаетъ, что и въ «Вяткѣ дѣла діавола порядочны». И виновато въ этомъ исключительно полицейское начальство. Разсказываетъ ректоръ такой случай. Однажды новообращенные въ христіанскую вѣру черемисы отпали въ язычество. Какъ ни убѣждалъ ихъ преосвященный—ничего не вышло. «Не хотимъ, бачка!» былъ единственный отвѣтъ. Оказалось, что «напередъ» архіерея объѣхалъ черемисовъ исправникъ, собралъ съ каждаго изъ нихъ по рублю и приказалъ: «если пріѣдетъ большой попъ и будетъ васъ уговаривать, чтобы вы остались въ христіанствѣ, говорите: «не хотимъ». «Я вашъ заступникъ. Не бойтесь, если и я васъ буду при томъ попѣ стращать. Я это буду дѣлать только для того, чтобы обмануть попа». Такъ дѣло съ обращеніемъ и не вышло. Отъ этого и «расколъ» растетъ—ихъ въ 1867 г. самъ епископъ насчитываетъ болѣе 100.000...

Много случаевъ высказываетъ авторъ воспоминаній о религіозности крестьянъ. «Скажу примѣръ, у насъ въ монастырѣ есть образъ мученика Христофора, написанный съ конскою главою. Когда въ монастырѣ собираются поселяне, половина всѣхъ доходовъ намъ отъ этого образа. Тутъ молебенъ, тутъ свѣчи, поклоненія. Спрашиваю мужика: «Что тебя расположило молиться этому угоднику?»—«Лошадки у меня, батюшка, плохо ведутся». Вотъ причина его усердія».

Хоть и сильна была полиція въ 30 гг. въ Вяткѣ, но сильнѣе ихъ была «славная вольница»—семинаристы. Въ 1837 г. между семинаристами и полиціей произошла «не шуточная баталія», побѣдителемъ въ которой вышла бурса. Все дѣло загорѣлось изъ-за «притона непотребныхъ женщинъ». Семинаристы «полицію избили, даже (это ужасно!) растаскали весь домишко по бревнышку». Губернаторъ хотѣлъ требовать полкъ солдатъ и «заарестовать всю семинарію»... Другой разъ семинаристы чуть ректора (предшественника автора) не высѣкли, «насилу, бѣдняжка, отецъ Іеронимъ умолилъ ихъ». Но хотя и «грубіаны» были семинаристы, зато «весьма ревностные къ ученію».

Такими бытовыми чертами изъ провинціальнаго прошлаго пересыпаны воспоминанія еп. Никодима и этимъ они сильно отличаются отъ обычныхъ аналогичныхъ повѣствованій.

С. М.

Н. Г. Чернышевскій въ Сибири.

Второй выпускъ книги «Чернышевскій въ Сибири» (*Чернышевскій въ Сибири.* — Переписка съ родными. Статья Е. А. Ляцкаго. Примѣчанія. М. Н. Чернышевскаго. — Портреты. Автографъ. — Вып. II. (1876 — 1877). — СПБ. 1913) такъ же, какъ и предыдущій, состоитъ изъ двухъ частей, не равныхъ по объему, но одинаково необходимыхъ въ такихъ изданіяхъ. Въ первой, меньшей размѣрами, печатается біографическая статья Е. А. Ляцкаго о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ Сибири, во второй помѣщены самыя письма Н. Г. Чернышевскаго, начиная съ 1865 года и кончая пока годомъ 1877-мъ. Письма Николая Гавриловича и предисловіе къ нимъ Е. А. Ляцкаго, который въ послѣднее время сдѣлалъ такъ много для изученія жизни и дѣятельности великаго русскаго критика и ученаго, не исчерпываютъ, однако, собой всего содержанія разбираемой книги. Составленная съ большой любовью къ Н. Г. Чернышевскому, съ чрезвычайной тщательностью, она заключаетъ, кромѣ того, рядъ автографовъ и портретовъ Николая Гавриловича, относящихся къ тому времени, когда велась переписка: нѣсколько набросковъ и плановъ его сибирскихъ тюремъ, автографъ стихотворенія Некрасова «Пророкъ», посвященнаго, какъ извѣстно, Н. Г. Чернышевскому: затѣмъ рядъ портретовъ родныхъ Николая Гавриловича, его дѣтей и жены, Ольги Сократовны, и, наконецъ, въ особыхъ выноскахъ въ концѣ книги рядъ примѣчаній къ письмамъ, которыя принадлежатъ Чернышевскому, то же много потрудившемуся въ послѣднее время надъ собираніемъ матеріаловъ для біографіи своего геніальнаго отца и надъ изданіемъ его сочиненій. Благодаря всему этому книга «Чернышевскій въ Сибири» занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ современной мемуарной литературѣ. Правда, въ ней есть нѣкоторые пробѣлы. Такъ въ первой части статьи Е. А. Ляцкаго, гдѣ идетъ разсказъ о пребываніи Чернышевскаго на каторгѣ и о первыхъ годахъ ссылки, не использованы воспоминанія о Чернышевскомъ покойнаго Шаганова, первоначально написанныя еще въ 70-хъ гг. въ Якутской области (Шагановъ, Вяч. Никол. каракозовецъ, былъ сначала вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ въ Забайкальѣ, а потомъ отбывалъ поселеніе въ Батурусскомъ улусѣ, Якутской обл., Вилюйскаго окр.), а затѣмъ изданныя въ Россіи Э. К. Пекарскимъ. Этотъ пропускъ тѣмъ болѣе значителенъ, что воспоминанія Шаганова одни изъ наиболѣе интересныхъ и писаны имъ, какъ непосредственнымъ очевидцемъ. Интересны они и въ томъ отношеніи, что Шагановъ былъ, кажется, единственнымъ человѣкомъ изъ міра революціоннаго, который видѣлъ Чернышевскаго въ Вилюйскѣ. Послѣ Шаганова, Николай Гавриловичъ оставался уже совершенно одинъ въ своемъ «Польскомъ Дворцѣ», какъ называли его тюрьму въ Вилюйскѣ, по имени Огрызко, въ ней первоначально содержавшагося...

Есть кромѣ этого въ статьѣ Е. А. Ляцкаго и еще одинъ пробѣлъ едва ли не болѣе значительный, касающійся инцидента съ заграничнымъ изданіемъ романа «Прологъ къ Прологу». Современный читатель съ этимъ инцидентомъ знакомъ, главнымъ образомъ, по статьѣ г. Кистяковскаго, помѣщенной не такъ давно въ «Русской Мысли» и проникнутой большимъ субъективизмомъ въ изложеніи чисто фактической стороны событій, Г. Кистяковскій предполагаетъ именно, что рукопись «Прологъ къ Прологу» была кѣмъ-то тайно скопирована у А. Н. Пыпина,

владѣльца подлинника, и передана П. Л. Лаврову, а П. Л. Лавровъ, несмотря на такой способъ полученія романа, напечаталъ его вопреки воли Чернышевскаго и несмотря на протесты А. Н. Пыпина и его повѣреннаго М. П. Драгоманова [1]). Теперь Е. А. Ляцкій, съ помощью Г. А. Лопатина, внесъ поправки въ эти обвиненія по адресу П. Л. Лаврова, но почему-то такъ же, какъ и г. Кистяковскій, не счелъ нужнымъ привести *печатное* свидѣтельство самого П. Л. Лаврова, относящееся именно къ этому инциденту съ романомъ «Прологъ къ Прологу» и первоначально опубликованное еще въ 1895 году въ «Народникахъ-пропагандистахъ» Лаврова:

Германъ Лопатинъ, появившійся за границей изъ Иркутска, въ 1874 году не присталъ, какъ дѣятельный членъ, ни къ одной изъ фракцій... но близкія дружественныя отношенія его къ редактору «Впередъ» позволяли ему сотрудничать въ послѣднемъ и оказывать самое разнообразное содѣйствіе его редакціи какъ дѣломъ, такъ и совѣтомъ. Ему *обязана была редакція доставленіемъ рукописи Чернышевскаго «Прологъ къ Прологу» (1877), которую онъ привезъ изъ Сибири съ порученіемъ пославшихъ рукопись напечатать ее за границей»...* [2])

Мы думаемъ, что съ этимъ показаніемъ не можетъ не считаться каждый біографъ Чернышевскаго. Сколько мы знаемъ, каракозовцы, жившіе за Байкаломъ съ Н. Г. Чернышевскимъ, копировали его рукописи и пересылали ихъ въ Россію и за границу черезъ попутчиковъ, напр., кажется, съ Орфановымъ (Мишла), а, можетъ быть, и съ Шелгуновой. Если такъ, то не было никакой нужды тайно похищать эти рукописи у Пыпина. Нѣтъ также основаній публично обвинять въ этомъ похищеніи кого бы то ни было, какъ то сдѣлалъ Б. А. Кистяковскій. Во всякомъ случаѣ Е. А. Ляцкій оказалъ бы несомнѣнную услугу русской исторической литературѣ, если бы подробнѣе выяснилъ этотъ вопросъ, отобравъ показанія у тѣхъ нынѣ здравствующихъ каракозовцевъ, которые отбывали каторжный срокъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. Къ такимъ лицамъ принадлежитъ, напр., М. Н. Загибаловъ въ Томскѣ, Баллодъ въ Благовѣщенскѣ, Юрасовъ въ Пензѣ или Самарѣ, Стахевичъ въ Ярославлѣ...

Если, несмотря на указанные пробѣлы, статьи Е. А. Ляцкаго, приложенныя при рецензируемой книгѣ, имѣютъ все-таки большое значеніе, то, разумѣется, тѣмъ большее мы должны сказать о самыхъ письмахъ Чернышевскаго, такъ полно рисующихъ его сибирскую жизнь, такъ потрясающе развертывающихъ всю трагедію этой жизни. Письма Чернышевскаго въ этомъ отношеніи занимаютъ совершенно особенное мѣсто въ русской литературѣ. Правда, русская литература и вообще Россія знала и теперь знаетъ рѣдкія по своему драматизму трагедіи, — что, напримѣръ, стоитъ одинъ Шлиссельбургъ! Но и рядомъ съ Шлиссельбургомъ судьба Чернышевскаго не кажется менѣе трагичной. Можно даже сказать, что сибирская жизнь Чернышевскаго была одна своего рода цѣлымъ Шлиссельбургомъ, хотя и въ нѣсколько особенномъ смыслѣ.

Чернышевскій былъ осужденъ на 7 лѣтъ каторжныхъ работъ, срокъ сравнительно небольшой, но въ сущности со дня своего ареста до переѣзда изъ Вилюйска въ Астрахань онъ всѣ 20 лѣтъ находился въ

---

[1]) См. его статью: «М. П. Драгомановъ въ его письмахъ». «Русская Мысль», кн. IX, 1911 г.

[2]) См. «Матеріалы», изд. «Группы старыхъ народниковъ», № 5, сент. 1895 г., стр. 73. Или по изданію «Народниковъ-пропагандистовъ» журналомъ «Русское Богатство», 1907 г., стр. 75.

строгомъ заключеніи. Письма Чернышевскаго тѣмъ и замѣчательны, что они даютъ теперь возможность прослѣдить день за днемъ его жизнь въ теченіе двадцатилѣтняго затворничества. Они даютъ намъ возможность войти въ его психологію, продумать вмѣстѣ съ нимъ его думами, перестрадать его страданіями, перемучиться его муками. Читая ихъ, нельзя отогнать отъ себя величаваго, но измученнаго, образа великаго русскаго писателя, жизнь котораго въ Сибири обернулась къ нему только своими терніями, который не видѣлъ и не слышалъ ни знакомаго лица, ни знакомаго голоса цѣлыми годами, передъ которымъ было одно только средство сократить дни, мѣсяцы, годы своей неволи— это читать, читать безъ конца, зная въ то же время, что некуда будетъ приложить свои знанія, что они будутъ похоронены тутъ же съ нимъ, въ этой вѣчной могилѣ. И если мы вспомнимъ, что такія чувства долженъ былъ переживать Чернышевскій въ то время, когда Россія впервые рвалась къ жизни, а онъ, какъ заживо погребенный, могъ внимать только отдаленнымъ шагамъ ея, по крышкѣ своего гроба, то мы поймемъ, что сибирская жизнь Чернышевскаго со всѣмъ, что онъ долженъ былъ пережить отъ холода, цынги, ревматизма, скорбута до ужаснаго сознанія безплодной траты своихъ колоссальныхъ силъ, оставшихся ни для кого не использованными,—что эта жизнь, какъ она ни обыденна по его же собственнымъ описаніямъ, на самомъ дѣлѣ полна невыразимыхъ страданій, способныхъ поставить Чернышевскаго на одинъ уровень съ мучениками Шлиссельбурга...

Быть-можетъ, Чернышевскій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ поставленъ въ условія даже худшія, чѣмъ шлиссельбургскіе узники. Тамъ въ Шлиссельбургѣ, путемъ жертвъ и борьбы, рано или поздно, но удалось-таки отвоевать право общенія другъ съ другомъ, право работать въ однихъ помѣщеніяхъ, сходиться на прогулкахъ, переговариваться стукомъ въ камерахъ черезъ стѣны или трубы. Тамъ, значитъ, было все-таки общеніе, было общество, была хотя и придушенная, но, тѣмъ не менѣе, своя общественная жизнь. Ничего подобнаго не было у Чернышевскаго. Онъ былъ почти двадцать лѣтъ совершенно одинокъ. Только первое время въ Забайкальѣ были около него поляки и каракозовцы, но потомъ въ самый мрачный періодъ его жизни, когда онъ страдалъ отъ сибирскихъ холодовъ, когда кругомъ его лежала раскинувшаяся на необозримыя пространства тайга и тундра и не было никакихъ надеждъ на спасеніе, не было даже возможности устроить себѣ жизнь сколько-нибудь сносно и приходилось страдать изъ года въ годъ отъ отсутствія самыхъ элементарныхъ, но тѣмъ болѣе необходимыхъ удобствъ культурной жизни, — во все это время Чернышевскій не видѣлъ около себя никого, кромѣ жандармовъ, исправниковъ, якутовъ и якутскихъ казаковъ. Это было то общество, отъ котораго онъ самъ бѣжалъ,—бѣжалъ сознательно, замыкаясь въ полное одиночество, зарываясь съ головой въ книги, книги и книги.

Тотъ, кто знаетъ хотя бы по небольшому опыту, что такое одиночное заключеніе, тотъ можетъ самъ оцѣнить весь ужасъ этого положенія, въ которомъ Чернышевскаго держали вопреки всѣмъ законамъ, вопреки даже всей административной практикѣ. Одиночное заключеніе на разныхъ людей вліяетъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Это вліяніе стихійное, независимое ни отъ нашей воли, ни отъ нашего желанія, такъ какъ здѣсь нѣтъ общихъ правилъ, а все рѣшается сообразно какимъ-то непонятнымъ для насъ законамъ индивидуальной психологіи. Въ томъ же Шлиссельбургѣ было два человѣка съ одинаково сильной волей — это Мышкинъ и Лопатинъ, къ безумно-героическимъ попыткамъ

которыхъ вырвать Чернышевскаго изъ Вилюйскаго плѣна Е. А. Ляцкій въ своей статьѣ относится, между прочимъ, нѣсколько односторонне. Въ Шлиссельбургѣ было еще двое, — для которыхъ гибельныя стороны одиночнаго заключенія парализовались жизнью въ области чистыхъ идей, — это Лукашевичъ и Морозовъ, но вѣдь въ области тѣхъ же идей все время вращался Чернышевскій, а между тѣмъ какая разница въ его судьбѣ и въ судьбѣ тѣхъ же шлиссельбургцевъ. Разница, ибо не будемъ закрывать глаза на истинный трагизмъ писемъ Чернышевскаго, не можетъ быть сомнѣнія, что Сибирь его погубила, и въ этомъ отношеніи его письма — въ чемъ ихъ огромное общественное значеніе — есть сплошное проклятіе той варварской пыткѣ, которой до сихъ поръ подвергаютъ людей въ одиночныхъ тюрьмахъ. Пусть же ихъ читаетъ всякій, кому дороги живыя силы Россіи и пусть на примѣрѣ Н. Г. Чернышевскаго учатся безъ единаго слова жалобы, безъ какой бы то ни было мольбы о пощадѣ, сносить самое ужасное, что только можетъ послать судьба — гибель своихъ силъ, такъ нужныхъ родинѣ, народу и свободѣ.

Евгеній Колосовъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Басовъ, А. «О еврейскомъ вопросѣ въ древнемъ Римѣ». Ц. 10 к.

Дельвигъ, А. И., бар. «Мои воспоминанія». Т. II. Изд. Импер. Московск. и Румянцевск. музея. Ц. 3 р.

Изюмовъ, А. Ф. «Книги икряной и поташной отдачи въ 1653—1654 (7162) г. въ г. Архангельскѣ». Изд. Имп. Об-ва Исторіи и Древностей Росс. при Моск. унив. Цѣна не обозн.

Кетлуяла, В. А. «Курсъ исторіи русской литературы». Ч. I. «Исторія древней русской литературы», кн. первая. «Исторія литературы отъ IX в. до половины XIII в.». Изд. 2-е, перес. и допол. Спб. 1913 г. Ц. 3 р.

Криничане. «Четверть вѣка Криницы». Ц. 2 р. Изд. журн. «Наше дѣло».

Кульжинскій, Я. С. «Опытъ методики систематич. курса исторіи». Изд. автора. Ц. 1 р. 40 к.

Мелиховъ, В. А. «С. В. Соловьевъ, проф. Имп. Харьковскаго унив. (некрологъ) 1862—1913 г. Ц. 15 к.

Мемуары **кн. Адама Чарторижскаго** и его переписка съ имп. Александромъ I. Пер. съ фр. А. Дмитріевой. Редакція и вступ. статья **А. Кизеветтера.** Т. II. Изд. К. Ф. Некрасова. Ц. 2 р.

Нелидова, Е. «Русь въ ея столицахъ». Историч. очерки, II. Новгородъ. Ц. 35 к.

«Отчетъ Московск. Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1912 годъ».

«Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея въ Москвѣ». Историческій очеркъ.

«Сборникъ Историко-Филол. об-ва при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ». Т. VIII. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ статей. Вып. I. «Студенческій историко-энтографич. кружокъ при универс. св. Владиміра подъ руков. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Троицкій, П. С. «Костромской край». Юбилейный сборникъ 1613—1913 гг. Ц. 75 к.

Шаховъ, А. «Вольтеръ и его время». Лекціи по исторіи франц. литературы XVIII в., читанныя въ Московск. университетѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Шаховъ, А. «Очерки-литературнаго движенія въ первую половину XIX в.». Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на выс. ж. курсахъ въ Москвѣ. 4-е изд. Ц. 1 р. 20 к.

Новыя книги.

«Архивъ сельца Зиновьева». (Акты и письма). Подъ ред. **А. Н. Куломзина** и **М. Г. Курдюмова.**

Волковичъ, В. А. «Національный воспитатель»—К. Д. Ушинскій».

«Документы по землевладѣнію въ XVII ст. въ одномъ изъ уголковъ Костромск. губ.».

Лобода, А. М., проф. «Лекціи по исторіи новой русской литературы». Ч. I. (XVIII в.).

«Новыя идеи въ соціологіи». Подъ ред. проф. **М. М. Ковалевскаго** и **Е. В. де-Роберти.** Сборникъ № 1. «Соціологія, ея предметъ и соврем. состояніе».

Перетцъ, В. Н. «Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы и палеографіи».

M. Sanders. Princess and queen of Engeland. The life of Mary II.

Интересно написанная біографія привлекательной женщины, жены Вильгельма III. Авторъ чрезвычайно тщательно подобралъ архивные документы какъ государственныхъ, такъ и частныхъ архивовъ Англіи и Голландіи и написалъ много новаго. Цѣнный вкладъ въ исторію Англіи. (**Outlook**).

The girlhood of queen Victoria. A selection from her Majestiys diairies.

Дневникъ веденъ день за днемъ, записывала королева вечеромъ, окончивъ государственныя дѣла, все, что казалось ей интереснымъ. Передъ нами встаютъ взгляды и привычка Англіи того времени, борьба отживающихъ взглядовъ съ нарождающимися.

Prince Murat. Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat 1767 — 1815 (6 томъ). Этимъ шестымъ томомъ переписки Мюрата, издаваемой его внукомъ съ помощью архиваріуса Ле Бретонъ, начинается драматически-героическая эпоха жизни Мюрата. Переписка и документы этого тома относятся къ испанскому возстанію 1808 г. и къ провозглашенію Мюрата королемъ Неаполитанскимъ. Разрушаются многія легенды, связанныя съ этими событіями и благодаря свидѣтельству современниковъ многія изъ послѣднихъ принимаютъ новую окраску.

Kurd von Schlözer. Römische Briefe. Письма Шлёцера политическаго сотрудника Бисмарка, прусскаго посла при папѣ отъ 1882 — до 92, обнимаютъ періодъ отъ 1864 до 1869 г. Письма къ роднымъ написаны совершенно непринужденнымъ тономъ. Безпристрастны отношенія къ выдающимся дѣятелямъ эпохи, рядъ женскихъ портретовъ, оживляютъ живую картину погибающаго папскаго Рима, какъ разъ въ это время рѣшившагося на отважные шаги: провозглашеніе Силлабуса и догмата непогрѣшимости *(Westermanns Monatshefte).*

Ado Trabert. Historich-literarische Erinnerungen. Несторъ католическихъ журналистовъ и писателей Австріи вспоминаетъ знаменательную эпоху 1848 г. съ ея политическими бурями. Какъ издатель вѣнской газеты, политикъ, народный ораторъ, Трабертъ — союзникъ Люэгера и Фогельзанга, онъ имѣетъ возможность знакомить насъ съ обширнымъ и цѣннымъ матеріаломъ. *(Westermanns Monatshefte).*

Ludwig Häusser neu herausgegeben von **Max Mendheim. Die Freiheitskriege 1813—1815.** I. Teil (Der Frühlingsfeldzug von 1813).

Эта книга, заимствованная изъ историческаго труда Гейссера «Deutsche Geschichte, обработана на основаніи новыхъ изслѣдованій, современныхъ мемуаровъ, плановъ и документовъ. *(West Monatsh).*

Ioseph Clayton. Robert Kett and the Norfolk rising; 1912. Сравнительно со старой книгой Росселя прибавлено мало новаго. Причины возстанія Кэта авторъ видитъ въ огораживаніяхъ. (**R. Hist.**)

R. H. Tawney. The agrarian problem in the XVI c.; 1912 (карты). Не всегда одинаково ясная по языку, но очень хорошо сосредоточивающая факты и глубоко продуманная работа. Многс новаго сравнительно съ трудами Лидама и Савина. (**R. Hist.**)

C. E. Wade. John Pym; 1912. Коренной пересмотръ взглядовъ на Пима. Авторъ не боится говорить спокойно о Страффордѣ и Лоудѣ и утверждать, что оппозиція Карлу I не всегда слѣдовала по пути, наиболѣе выгодному для страны. Пима авторъ считаетъ человѣкомъ, неспособнымъ создать свою партію, хотя и опытнымъ парламентскимъ бойцомъ. (**R. Hist.**)

Walter Phelps Hall. British Radicalism, 1791—1797; 1912.

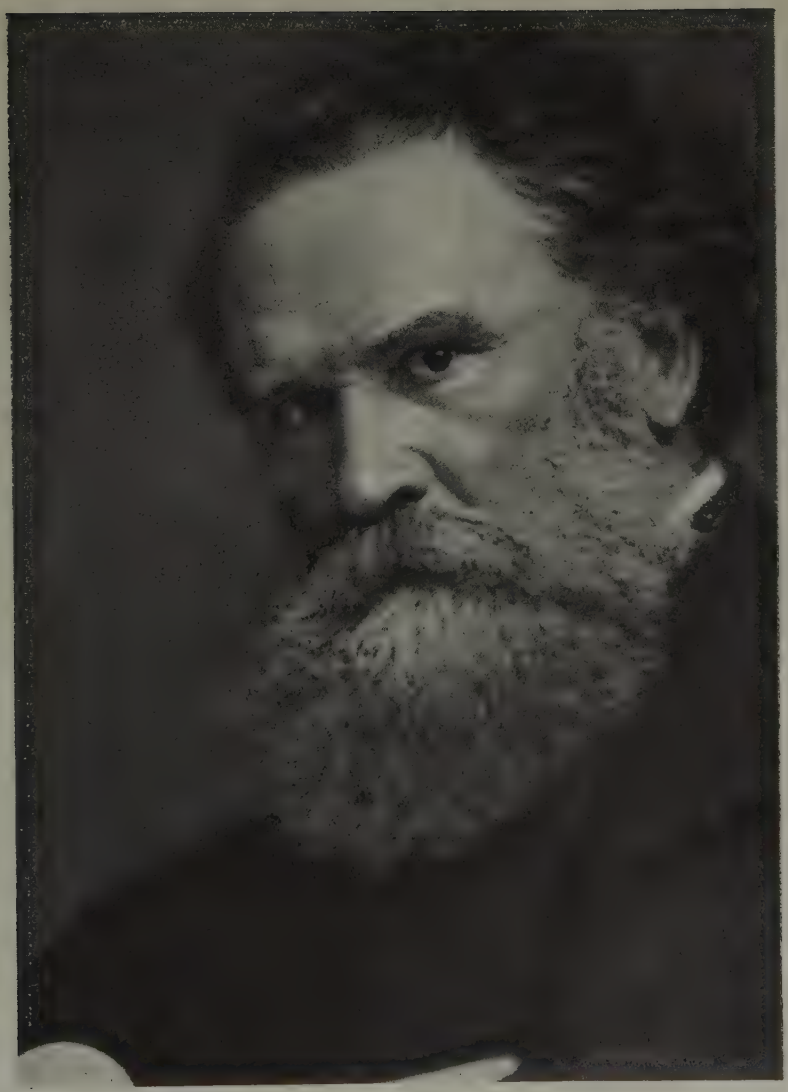
Работа американскаго ученаго, выясняющая происхожденіе англійскаго радикализма и его первые шаги. Источникомъ его авторъ считаетъ длительный экономическій кризисъ конца XVIII в., когда цѣны на товаръ поднимались, а рабочая плата законодательнымъ путемъ поддерживалась на очень низкомъ уровнѣ. (**R. Hist.**)

Elie Halevy. Histoire du peuple anglais. T. I. L'Angleterre en 1815; 1912 (иллюстрація). Первый изъ предполагающихся четырехъ томовъ, въ которыхъ изложеніе будетъ доведено до 1900 года. Очень серьезная популяризація. (**R. Hist.**)

Pierre Rain. Un tsar ideologue Alexandre I; 1913. Отношеніе автора къ Александру опредѣляется заглавіемъ и эпиграфомъ изъ Шатобріана: «послѣ Бонапарта Александръ—самая крупная фигура наполеоновскаго періода». (**Bibl. de France**).

Pierre Albin. La paix armée. L'Allemagne et la France en Europe (1885—1894); 1913. Очеркъ исторіи франко-нѣмецкихъ отношеній за указанный періодъ. Авторъ извѣстенъ хорошей работой объ агадирскомъ инцидентѣ. (**Bibl. de France.**)

Edmond Seligman. La justice en France pendant la Révolution (1791—93); 1913. Центръ изложенія исторія суда 17 августа, сентябрьскія убійства, процессъ Людовика XVI и учрежденіе революціоннаго трибунала. (**Bibl. de France**).



Вл. Галакт. КОРОЛЕНКО.

Владимиръ Галактіоновичъ Короленко.

15 іюля исполнилось 60 лѣтъ Владимиру Галактіоновичу Короленко, въ концѣ этого же года истекаетъ тридцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности. Въ связи съ послѣднею литературною датой мы предполагаемъ дать статью, посвященную Короленко—художнику и публицисту, а сейчасъ лишь отмѣчаемъ этотъ день шестидесятилѣтія жизни, столь дорогой всей русской интеллигенціи,—жизни, оставившей уже столь яркій слѣдъ и въ литературѣ нашей, и въ нашей общественности и неустающей и теперь свѣтить намъ такимъ мягкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ свѣтомъ. Лучшій изъ нашихъ писателей—современниковъ, онъ и своимъ художественнымъ творчествомъ, и своею публицистической дѣятельностью, и неизмѣнною личною стойкостью укрѣпляетъ въ насъ вѣру въ жизнь, въ побѣду ея творческихъ силъ надъ силами застоя и смерти. И вѣра эта, которую внушаетъ намъ его личность, пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность въ нашихъ глазахъ, когда мы вспоминаемъ, какимъ испытаніямъ подвергся знаменитый писатель на своемъ жизненномъ пути.

Вѣдь въ то самое время, когда разгорался литературный талантъ В. Г. Короленко, глубокая ночь,— ночь 80-хъ годовъ, сгущалась надъ русскою землею, а онъ зналъ хорошо, что значитъ долгая сѣверная ночь. Три года онъ прожилъ на далекомъ сѣверѣ, въ Якутской области, три раза встрѣчалъ онъ эту ночь, которая длится не часы, а мѣсяцы. Но ни мѣсяцы якутскихъ ночей, ни годы ночи реакціи не колебали въ немъ вѣры, что ночь не вѣчна, и свѣтъ восторжествуетъ надъ мракомъ. И эту вѣру онъ донесъ до лучшихъ временъ, и съ нею вступилъ въ годы новыхъ испытаній, когда новыя страшныя тѣни легли на нашу жизнь, когда въ предутреннемъ свѣтѣ взоръ сталъ различать явленія страшнѣе самыхъ ужасныхъ призраковъ ночи, когда «предутренній вѣтеръ, то и дѣло встрѣчая на своемъ пути висѣлицы, веревки, качающіеся трупы», сталъ приносить «на поля, на деревни, на города «святой Руси» послѣдніе стоны и хрипы казнимыхъ»... Эти стоны терзаютъ душу писателя, картины смертныхъ казней кошмаромъ давятъ ее, и для нея уже «лѣсъ не шумитъ» и не «играетъ рѣка». И мы всѣ, знающіе эту муку души писателя, знаемъ, что въ день его рожденія не можемъ выразить ему лучшаго пожеланія, какъ то, чтобы скорѣе исчезли зловѣщія тѣни уже уходящей ночи. И мы вѣримъ, что уже скоро исчезнутъ онѣ... Мы вѣримъ, что скоро снова «лѣсъ зашумитъ», и «рѣка заиграетъ», и новый вѣтеръ повѣетъ и понесетъ на поля, въ деревни, въ города «святой Руси» не «послѣдніе стоны и хрипы казнимыхъ», а голоса живыхъ людей. И вѣримъ, что среди этихъ голосовъ торжествующей жизни услышимъ попрежнему сильный, знакомый и дорогой намъ голосъ Владимира Галактіоновича. Онъ еще долго будетъ звучать на радость жизни, на благо искусства, для торжества свободы.

ХРОНИКА.

† Проф. С. В. Соловьевъ

(1862 — 1913).

Въ лицѣ скончавшагося 4 апрѣля 1913 г. Сергѣя Викторовича Соловьева, профессора исторіи всеобщей литературы въ Харьковскомъ университетѣ, русская наука и русское просвѣщеніе понесли очень тяжелую утрату, тѣмъ болѣе замѣтную, что спеціальность, достойнымъ представителемъ которой былъ покойный, обладаетъ до сихъ поръ у насъ очень немногочисленными научными силами. Въ то время, какъ въ цѣломъ рядѣ нашихъ университетовъ пустуетъ хронически каѳедра исторіи всеобщей литературы, внезапно пресѣкается еще одна высоко полезная, научная и академическая дѣятельность въ этой области. Тяжесть потери усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Сергѣй Викторовичъ былъ не только виднымъ ученымъ и прекраснымъ профессоромъ, но и замѣчательною нравственною личностью, красотою и благородствомъ которой нельзя было не залюбоваться.

С. В. Соловьевъ родился 15 іюня 1862 г. въ родовомъ имѣніи Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, въ одномъ изъ старыхъ культурныхъ «дворянскихъ гнѣздъ», гдѣ и получилъ заботливое воспитаніе подъ руководствомъ отца, врача по образованію, но служившаго мировымъ судьей «перваго призыва» и образованной матери. Отпечатокъ высокой культурности отличалъ всегда Сергѣя Викторовича, который людямъ, близко его знавшимъ, напоминалъ типъ благороднаго идеалиста шестидесятыхъ или даже сороковыхъ годовъ. Среднее образованіе будущій ученый получилъ въ 3-ей Харьковской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ 1881 г. на историко-филологическій факультетъ Харьковскаго же университета. Вотъ какъ за годъ до смерти вспоми-

налъ покойный о своихъ университетскихъ впечатлѣніяхъ: «Насталъ желанный моментъ: я въ университетѣ, въ святилищѣ... вижу профессоровъ, являющихся для меня пророками... Вхожу въ аудиторію № 2 и слышу первое слово моего незабвеннаго учителя А. И. Кирпичникова, читающаго исторію провансальской лирики, а затѣмъ новую литературу, выбирающаго въ ней наиболѣе крупныхъ представителей западно-европейской мысли, съ особенною любовью останавливающагося на проповѣдникахъ гуманности и милосердія. А. А. Потебня читаетъ введеніе въ русскую грамматику, а затѣмъ теорію поэзіи, знакомя съ Пушкинымъ, Тютчевымъ, Гете и Шекспиромъ, съ русскою сказкою и малорусскою пѣснью... М. Н. Петровъ рисуетъ картины изъ исторіи древняго и новаго міра; В. К. Надлеръ въ спеціальныхъ курсахъ въ деталяхъ освѣщаетъ эпоху крестовыхъ походовъ, время Наполеона I, эпоху Меттерниха... Г. Ѳ. Шульцъ вводитъ въ совершенно новую область конъектуральной критики и требуетъ необыкновенно точнаго перевода Еврипида...» Изъ другихъ своихъ профессоровъ С. В. Соловьевъ вспоминалъ съ особенною благодарностью Н. Ѳ. Сумцова, а также Д. И. Багалѣя, А. С. Лебедева, М. С. Дринова и Ѳ. А. Зеленогорскаго [1]).

Питая широкіе научные интересы, молодой студентъ проходилъ также и курсъ юридическихъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рано сталъ спеціализироваться въ области западно-европейскихъ литературъ подъ руководствомъ А. И. Кирпичникова, который въ Харьковѣ и Одессѣ былъ такимъ же піонеромъ вновь основанной каѳедры всеобщей литературы, какими являлись въ Петербургѣ и Москвѣ его старшіе коллеги по Московскому университету Александръ Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко.

Подъ вліяніемъ А. И. Кирпичникова, Сергѣя Викторовича стало тянуть къ средневѣковой литературѣ, что сказалось какъ въ выборѣ темы для кандидатскаго сочиненія: «Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ и его Парциваль», такъ и въ занятіяхъ романскими и германскими языками, къ изученію которыхъ поощрялъ его также и А. А. Потебня.

Окончивъ университетскій курсъ въ 1885 году, С. В. Соловьевъ сдѣлался вскорѣ (со 2 января 1887 г.) лекторомъ французскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ, по выдержаніи магистерскаго экзамена въ 1890 г., также и приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Въ 1895 г. онъ защитилъ въ Новороссійскомъ университетѣ, куда перешелъ изъ Харькова А. И. Кирпичниковъ, свою магистерскую диссертацію: «Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. Ч. I Харьковъ. 1895 г.». Въ этой солидной работѣ, по достоинству оцѣненной спеціалистами, молодой ученый обнаружилъ и весьма обширную начитанность и скрупулезную научную добросовѣстность и осторожность, и прекрасное умѣніе оперировать научными методами, и несомнѣнный литературный талантъ. Такими же достоинствами отличались и послѣдующія его работы.

Въ августѣ 1904 г. С. В. Соловьевъ, по представленію факультета, былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора и, получивъ такимъ образомъ права гражданства въ академической жизни, широко развилъ свою дѣятельность. Читавшіеся имъ курсы были весьма разнообразны, но особенно охотно С. В. бралъ темы изъ средневѣковой литературы. Кромѣ общаго курса по исторіи средневѣковыхъ литературъ, онъ читалъ также спеціальные курсы по «провансальской лирикѣ», «средневѣковой лирикѣ», «средневѣковому роману». Другіе курсы его были посвящены эпохѣ возрожденія, XVII и XVIII вѣкамъ и французскому романтизму.

Въ центрѣ научныхъ интересовъ С. В. стоялъ, несомнѣнно, романтизмъ какъ средневѣковой, такъ и новый. Въ теченіе семнадцати лѣтъ онъ работалъ

---

[1]) См. Празднованіе 25-лѣтняго юбилея проф. С. В. Соловьева. Харьковъ, 1912. Тип. «Мирный Трудъ».

надъ своей докторской диссертаціей по исторіи стараго и новаго романтизма во Франціи. Наконецъ Сергѣй Викторовичъ уже подписалъ къ печати послѣдній листъ, а проф. Н. Ѳ. Сумцовъ приступилъ къ составленію отзыва для диспута, который предлагался въ маѣ, какъ вдругъ безжалостная смерть подкосила ученаго въ самый моментъ полнаго расцвѣта его научнаго творчества. Но и помимо этой роковой случайности, нельзя по этому поводу не задуматься надъ тернистымъ путемъ русскаго ученаго. Въ сущности говоря, С. В. Соловьевъ былъ поставленъ въ очень благопріятныя условія: онъ былъ сравнительно обезпеченъ матеріально и поэтому былъ избавленъ въ противоположность большинству нашихъ молодыхъ ученыхъ отъ необходимости искать заработка въ средней школѣ, кромѣ того, былъ очень даровитъ, чрезвычайно добросовѣстенъ и работоспособенъ и, тѣмъ не менѣе, докторская диссертація подоспѣла лишь къ самому концу жизни, и Сергѣй Викторовичъ такъ и умеръ *исправляющимъ должность* экстраординарнаго профессора. А между тѣмъ въ январѣ 1912 г. былъ отпразднованъ уже двадцатипятилѣтній юбилей научной и литературной дѣятельности Сергѣя Викторовича. Сама жизнь показываетъ, что дѣйствующее положеніе о двухъ ученыхъ степеняхъ подлежитъ скорому пересмотру.

Юбилей этотъ отличался чрезвычайною сердечностью и блестяще доказалъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ и какою горячею любовью въ университетскихъ и близкихъ къ нимъ кругахъ пользовался почтенный профессоръ. Ближайшіе товарищи по факультету говорили въ своемъ адресѣ: «Мы высоко цѣнимъ вашу широту и разносторонность, какъ ученаго и какъ профессора... Мы цѣнимъ также ту прекрасную литературную форму, въ которую вы всегда умѣете облечь свою мысль въ печати и въ устной рѣчи,— тотъ духъ гуманности и высокаго идеализма, который проникаетъ все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, или исходитъ изъ вашихъ устъ. Въ лицѣ вашемъ мы привѣтствуемъ вѣрнаго и преданнаго сына нашего университета, всегда корректнаго члена нашей коллегіи, человѣка благородной души и лучшихъ намѣреній». Среди многочисленныхъ и чрезвычайно сердечныхъ привѣтствій, которыя получилъ Сергѣй Викторовичъ отъ своихъ слушателей, особенно выдается адресъ слушательницъ харьковскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, гдѣ также преподавалъ покойный. Приведу изъ него заключительныя строки: «Есть прекрасная легенда о лунномъ лучѣ, который въ ясныя ночи спускается къ душѣ и по этому неземному, волшебно блистающему пути высоко взлетаетъ и паритъ она въ воздушныхъ струяхъ голубого эѳира. Пусть же ваши лекціи и впредь будутъ для насъ тѣмъ луннымъ лучомъ, по которому мы взойдемъ ко всему истинно прекрасному!»

Широта и разносторонность научныхъ и литературныхъ интересовъ С. В. Соловьева обнаруживается въ темахъ, которыя онъ затрагивалъ въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ. Таковы его работы: «Провансальская поэзія» (1899), «Послѣдній миннезингеръ—Освальдъ фонъ Волькенштейнъ» (1902), «Рыцарскій романъ въ Германіи. Вольфранъ фонъ Эшенбахъ» (1904), «Викторъ Гюго» (1902), «Викторъ Гюго, какъ проповѣдникъ гуманности и другъ дѣтей», (1912), «Жоржъ Зандъ, какъ педагогъ» (1909), «Фридрихъ Мистраль» (1909) и др. [1]).

Какъ нравственная личность, Сергѣй Викторовичъ производилъ прямо обаятельное впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей, которыхъ только пришлось мнѣ встрѣтить на жизненномъ пути, и мнѣ остается горько сожалѣть, что мнѣ удалось ближе узнать и оцѣнить его только въ послѣдніе годы такъ скупо отмѣренной ему жизни. А узнать его—значило полюбить и преклоняться передъ кра-

---

[1]) Перечень работъ С. В. Соловьева см. въ брошюрѣ *В. А. Мелихова*: «С. В. Соловьевъ, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета». Харьковъ. 1913 г.

сотою его нравственнаго облика, въ которомъ такъ счастливо сочетались: высокій умъ и талантъ изслѣдователя и необычайно доброе сердце, научная положительность и благороднѣйшій идеализмъ, кипучая энергія и чрезвычайная мягкость, благородство и изящество всей его свѣтлой личности.

М. Розановъ.

† С. Н. Шубинскій.

28 мая умеръ основатель петербургскаго журнала «Историческій Вѣстникъ» Сергѣй Николаевичъ Шубинскій. Покойный и по образованію, и по службѣ былъ военный. Служа въ главномъ интендантскомъ управленіи, «совершенно случайно», какъ разсказывалъ С. Н. Шубинскій въ своей автобіографіи, ему пришлось взяться за составленіе воскреснаго фельетона въ «Инвалидѣ». Затѣмъ подъ вліяніемъ М. И. Семевскаго и М. Д. Хмырова Шубинскій «пристрастился къ русской исторіи и увлекся преимущественно XVIII вѣкомъ, столь обильнымъ разными трагическими, комическими и анекдотическими эпизодами». На основаніи этого матеріала Ш. писалъ «небольшіе историческіе очерки и разсказы, принимавшіеся редакціями весьма охотно, такъ какъ анекдотическая сторона нашей исторіи была тогда еще мало извѣстна и очень нравилась невзыскательной публикѣ». Такъ началась литературная дѣятельность покойнаго редактора «Историческаго Вѣстника». Почти такъ же случайно возникла и идея основанія новаго историческаго журнала (помимо существовавшей «Русской Старины»): съ 1875 г. сталъ выходить подъ редакціей Шубинскаго журналъ «Древняя и Новая Россія», который, однако, несмотря на участіе въ немъ извѣстныхъ тогда русскихъ историковъ, не получилъ значительнаго распространенія. За дѣло тогда взялся Суворинъ—возникъ «Историческій Вѣстникъ», начавшій выходить въ 1880 г., по программѣ, приноровленной къ «вкусамъ публики». Въ 1887 г. Шубинскій вышелъ въ отставку въ чинѣ генералъ-майора и съ этого времени исключительно посвятилъ себя литературной работѣ въ журналѣ и другихъ суворинскихъ изданіяхъ. Имъ написано большое количество мелкихъ замѣтокъ и историческихъ очерковъ (полная библіографія дана въ обширномъ некрологѣ, напечатанномъ въ № 6 «Истор. Вѣстника»). Часть этихъ очерковъ вышла отдѣльной книгой («Историческіе очерки и разсказы» выдержавшей уже пять изданій.

У автора былъ несомнѣнный даръ изложенія. — Статьи написаны живо, легко и читаются съ интересомъ. Какъ видно изъ автобіографіи, цитируемой г. Глинскимъ въ некрологѣ, авторъ былъ о себѣ очень скромнаго мнѣнія и смотрѣлъ на свои труды, какъ на работу популяризатора. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ достигалъ своей цѣли, и очерки его, вѣроятно, еще долгое время будутъ служить чтеніемъ для широкой публики. Добрымъ словомъ помянетъ покойнаго историческая наука и русскій интеллигентный читатель, такъ какъ его иниціативѣ и его содѣйствію мы обязаны выпуску Суворинымъ такихъ цѣнныхъ изданій, какъ труды Н. К. Шильдера, записки о Россіи иностранцевъ—Олеарія, Герберштейна, Мейерберга, Флетчера, Корба, записокъ Екатерины II, Дашковой, сборника «Цареубійство 11 марта 1801 г.» и др. Это, дѣйствительно, было огромнымъ вкладомъ въ науку и литературу.

С. Н. Шубинскій.

Всѣ знавшіе С. Н. Шубинскаго чрезвычайно тепло отзываются о немъ, какъ

о человѣкѣ. По своимъ дарованіямъ покойный, дѣйствительно, былъ подходящимъ редакторомъ для журнала такого типа, въ какой отлился «Историческій Вѣстникъ». Правда, въ погонѣ за успѣхомъ и крупнымъ барышомъ (С. Н. Шубинскій, по словамъ г. Глинскаго, указывалъ, что онъ за 32 года «далъ Суворину 132.000 руб. чистаго дохода») журналъ растерялъ постепенно всѣхъ видныхъ сотрудниковъ, и въ послѣдніе годы никто изъ извѣстныхъ историковъ не принималъ въ немъ участія. Не получилъ журналъ подъ редакціей С. Н. Шубинскаго и опредѣленной общественной физіономіи, хотя привѣтствіе отъ Совѣта «Русскаго собранія» «въ свѣтлый день двадцатипятилѣтія» «Историческаго Вѣстника» (1904 г.) за подписью, между прочимъ, г. Пуришкевича — отчасти само по себѣ характеризуетъ общее направленіе журнала. Въ послѣдніе годы, по мѣрѣ того какъ старѣвшаго редактора (Шубинскій родился въ 1834 г.) смѣнялъ его «помощникъ» и «стародавній сотрудникъ» г. Глинскій, журналъ все болѣе и болѣе приближался по своимъ воззрѣніямъ къ идеямъ «Русскаго собранія», не забывая, впрочемъ, отдавать внѣшнюю дань и либерализму.

С. М.

† Г. М. Фриденсонъ.

4 іюня въ Екатеринбургѣ скончался Г. М. Фриденсонъ, игравшій видную роль въ революціонномъ движеніи конца 70-хъ, рубежа 80-хъ гг. Сынъ бѣлостокскаго купца Г. М. родился въ 1854 г., воспитывался въ бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ поступилъ вольнослушателемъ въ московское техническое училище. Въ Москвѣ онъ сблизился съ тогдашними революціонными кружками и вожаками этихъ кружковъ.

Въ Москвѣ же онъ былъ въ первый разъ и арестованъ и привлекался къ дознанію по дѣлу объ убійствѣ Рейнштейна. Дознаніе по отношенію къ Г. М. было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, начальство техническаго училища не нашло возможнымъ имѣть въ числѣ студентовъ скомпрометированнаго въ политическомъ отношеніи вольнослушателя и уволила его изъ училища. Съ этого момента Г. М. всецѣло отдался революціонной работѣ, сближается съ Желябовымъ, Перовской, А. Михайловымъ и др. дѣятелями партіи «Народной воли». Скоро ему пришлось перейти на нелегальное положеніе, оставить Москву и скитаться по Россіи, исполняя различныя партійныя порученія.

Въ 1880 г. онъ подъ фамиліей Агаческулова поселяется въ Петербургѣ, гдѣ тогда собрались всѣ видные вожаки партіи «Народной воли». Въ конспиративной квартирѣ Г. М., между прочимъ, помѣщалась типографія революціоннаго изданія «Народная воля». Въ январѣ 1881 г. начался рядъ арестовъ революціонеровъ; былъ произведенъ обыскъ и въ квартирѣ Агаческулома. При обыскѣ были найдены революціонныя изданія и паспортъ на имя чиновника Коморскаго: по этому паспорту проживалъ въ Кишиневѣ одинъ изъ участниковъ подкопа подъ кишиневское губернское казначейство. Арестованные въ концѣ 70-хъ гг., въ 1880—81 г. были привлечены къ уголовной отвѣтственности. Создалось нѣсколько громкихъ политическихъ процессовъ и въ числѣ ихъ процессъ 20 народовольцевъ 1882 г., въ которомъ участвовалъ и Г. М. Въ этомъ процессѣ были сгруппированы наиболѣе выдающіеся народовольцы: А. Михайловъ, Н. А.

Морозовъ, Фроленко, лейт. Буцевичъ, Т. Лебедева и др. (см. журн. «Былое», № 1 за 1906 г.).

Г. М. отрицаетъ свое участіе въ террористическихъ актахъ и въ подкопѣ подъ кишиневское казначейство, призналъ свою принадлежность къ партіи «Народной воли» и участіе въ пропагандѣ идей этой партіи среди учащейся молодежи и рабочихъ. По приговору суда Особаго присутствія онъ былъ приговоренъ къ 20 гг. каторги, при чемъ судъ постановилъ ходатайствовать объ уменьшеніи наказанія ему до 10 лѣтъ. Приговоръ суда былъ смягченъ по отношенію ко всѣмъ обвиняемымъ, за исключеніемъ Буцевича, разстрѣленнаго въ Кронштадтѣ.

Въ то время, какъ нѣкоторые товарищи Г. М. были отправлены отбывать наказаніе одни на Кару, другіе въ Шлиссельбургъ, Г. М. былъ оставленъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ просидѣлъ до 1884 г., когда его, больного цынгой, отправили на Кару.

Благодаря манифесту и разнымъ узаконеннымъ льготамъ Г. М. былъ перечисленъ въ 1886 г. въ такъ называемую «вольную команду», а черезъ нѣкоторое время вышелъ на поселеніе въ одну изъ забайкальскихъ деревень. Вскорѣ ему удалось поселиться въ Читѣ, гдѣ онъ служилъ въ губернскомъ судѣ (уволенъ былъ по настоянію губернатора Хорошкина) и въ казенной палатѣ. Съ началомъ изысканій и работѣ по проведенію Забайкальской желѣзной дороги инженерамъ понадобились честные интеллигентные работники, и они широко использовали политическую ссылку. Въ числѣ поступившихъ на работы желѣзной дороги былъ и Г. М. Въ высшей степени честный, энергичный и добросовѣстный работникъ, Г. М. всегда относился къ дѣлу, которому онъ служилъ, какъ шутя говорили про него товарищи, съ «патріотическимъ рвеніемъ». Покойный не шелъ на компромиссъ съ своими убѣжденіями и ревниво охранялъ свою духовную жизнь отъ посторонняго вторженія. Онъ былъ безусловно талантливый человѣкъ, а пріобрѣтенныя имъ въ юности техническія знанія помогли ему выдвинуться и на желѣзной дорогѣ: вскорѣ онъ былъ уже начальникомъ дистанціи на одномъ изъ участковъ Забайкальской желѣзной дороги.

Постройка заканчивается и Г. М. поселяется въ Иркутскѣ, какъ представитель транспортнаго товарищества «Надежда» и инспекторъ страхового общества.

Занятый дѣлами по службѣ, живой, отзывчивый, энергичный, Г. М. попадаетъ въ большой городъ, находитъ мѣсто заниматься общественными дѣлами, принимаетъ участіе въ различныхъ обществахъ, близко интересуется судьбой своихъ товарищей, хлопочетъ о нихъ, устраиваетъ ихъ. Г. М. и на волѣ, и въ тюрьмѣ, и на каторгѣ, и въ юные годы, и въ зрѣломъ возрастѣ всегда былъ хорошимъ товарищемъ, отзывчивымъ человѣкомъ, свято хранившимъ идеалы юности.

Когда въ 1905 г. началось общественное движеніе, Г. М. уходитъ въ него съ головой и проявляетъ большую активность. Его избираютъ делегатомъ на ноябрьскій съѣздъ земско-городскихъ дѣятелей, гдѣ онъ выступаетъ, какъ представитель широкихъ слоевъ населенія. По возвращеніи въ Иркутскъ, когда тамъ началась ликвидація этого движенія, Г. М. арестуютъ; онъ нѣсколько мѣсяцевъ сидитъ въ тюрьмѣ, а потомъ вынужденъ переселиться въ Европ. Россію. Здѣсь начинаются поиски работы, занятій, но неудачи не обезкураживаютъ жизнерадостнаго Г. М., обремененнаго большою семьею; онъ не падаетъ духомъ. Мѣняя занятія, ему удается, въ концѣ-концовъ, устроиться управляющимъ на золотыхъ пріискахъ на Уралѣ. И здѣсь въ короткое время онъ успѣваетъ снискать любовь и уваженіе среди служащихъ и рабочихъ, но силы уже были подорваны годами заключенія, каторги, тюрьмы и тяжелыми жизненными невзгодами. Пришлось оставить и пріиски. И вотъ, на обратномъ пути въ Москву, Г. М., уже больной, окончательно слегъ въ Екатеринбургѣ и скончался на рукахъ своей дочери, оставивъ по себѣ у всѣхъ знавшихъ его свѣтлую память.

какъ объ отзывчивомъ, живомъ человѣкѣ и хорошемъ товарищѣ.

И. П—въ.

Исторія одного памятника.

(Отъ нашего кіевскаго корреспондента).

Въ засѣданіи кіевскаго украинскаго научнаго общества извѣстнымъ знатокомъ кіевской старины О. И. Левицкимъ былъ прочитанъ докладъ: «Исторія сооруженія памятника Богдану Хмѣльницкому». Авторъ доклада лично принималъ участіе въ комиссіи, завѣдывавшей сооруженіемъ памятника.

Мысль о постановкѣ памятника Хмѣльницкому въ Кіевѣ возникла еще въ 1850-хъ годахъ. Первымъ объ этомъ заговорилъ ректоръ Кіевскаго университета Максимовичъ въ своемъ альманахѣ «Украинецъ» (1859 г.). Потомъ объ этомъ писалъ извѣстный Юзефовичъ, тогдашній предсѣдатель кіевской археографической комиссіи, нѣсколько разъ мѣнявшій свое политическое «лицо» и въ либеральную эпоху Александра II считавшійся даже «украинофиломъ» и печатавшійся въ «Основѣ». Въ 1868 г. по иниціативѣ Юзефовича худ. Микѣшинъ набросалъ проектъ памятника и повѣсилъ его въ своей петербургской мастерской. Мастерскую посѣщалъ Александръ II, однажды заинтересовавшійся рисункомъ неизвѣстнаго всадника на горячемъ конѣ. Микѣшинъ пояснилъ, что на Украйнѣ подъ вліяніемъ польскаго возстанія возникло всеобщее желаніе достойно почтить патріотическую заслугу гетмана Хмѣльницкаго, присоединившаго Украйну къ Россіи, путемъ сооруженія ему памятника. Государь одобрилъ эту мысль. Микѣшинъ извѣстилъ объ этомъ Юзефовича, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кіевскій генералъ-губернаторъ А. Дондуковъ-Корсаковъ имѣлъ уже формальное государево разрѣшеніе собирать по всей Россіи пожертвованія на памятникъ Хмѣльницкому. Былъ образованъ особый комитетъ.

Комитетъ носилъ полуофиціальный характеръ. Всѣ его рѣшенія утверждались генералъ-губернаторомъ а болѣе важныя—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Комитетъ отпечаталъ и разослалъ по всей Россіи краткую записку о дѣятельности Хмѣльницкаго съ призывомъ жертвовать на памятникъ тому, кто «спасъ, можетъ-быть, православіе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшняго государственнаго зданія единой Россіи».

Тѣмъ временемъ Микѣшинъ изготовилъ свою модель памятника. Первоначальный его видъ былъ таковъ: подъ копытомъ коня лежалъ трупъ ксендза-езуита, покрытый разорваннымъ польскимъ знаменемъ; здѣсь же валялись куски разорванной цѣпи. Дальше, за конемъ сбитая его копытомъ стремглавъ летѣла со скалы фигура польскаго помѣщика, а еще ниже—фигура еврея-арендатора, у котораго руки застыли на просфорахъ, пасхахъ и награбленномъ церковномъ добрѣ. Во главѣ памятника, ниже конной статуи Хмѣльницкаго, проектировалась группа изъ пяти фигуръ: посрединѣ кобзарь поетъ и играетъ на бандурѣ (моделью Микѣшинъ хотѣлъ взять живую фигуру Т. Шевченко), а его въ глубокой задумчивости слушаютъ—съ одной стороны великороссъ и бѣлоруссъ, а съ другой—малороссъ и червоноросъ. Надъ нимъ на скалѣ, ниже конной статуи, надпись: «Единая недѣлимая Россія—гетману Богдану Хмѣльницкому». А подъ фигурой кобзаря на пьедесталѣ отрывокъ изъ народной думы временъ Хмѣльницкаго:

«Та не буде лучче, та не буде краше,
Якъ у нас на Вкраїні,
Що немаэ жида, що немаэ ляха
Не буде й уніи».

Или же другой варіантъ:

«Згине Польша, згине,
А Русь буде панувати»...

Модель эту впослѣдствіи пріобрѣлъ для своего музея В. Тарновскій.

Не только общество, но и нѣкоторые члены комитета, увидѣвъ на выставкѣ эту модель, возстали противъ такого проекта памятника, но онъ уже былъ Высочайше утвержденъ. По смѣтѣ художника сооруженіе такого памятника

должно было стоить 145.200 руб., не считая стоимости металла, лабрадора и каменныхъ работъ. Когда комитетъ заявилъ, что онъ не разсчитываетъ собрать такую сумму, Микѣшинъ уступилъ 49.500 руб. За этотъ «высокопатріотическій поступокъ» Микѣшину, по просьбѣ комитета и Дондукова-Корсакова, пожаловано 1000 десятинъ казенной земли въ Екатеринославской губ. На отливку памятника морское министерство по Высочайшему приказу отпустило безплатно 1600 пуд. казенной мѣди (отъ старыхъ пушекъ). Вся подготовительная работа была закончена къ веснѣ 1878 г. Тогда же государь осмотрѣлъ гипсовые оригиналы верхней группы и повелѣлъ уничтожить фигуру ксендза - езуита. польское знамя, звенья разорванныхъ цѣпей, а оставить только гетмана съ конемъ.

Между тѣмъ оказалось, что Микѣшинъ продалъ казенную мѣдь литейщику Дж. Берду, послѣдній же обязался отлить требуемыя части памятника изъ своей мѣди за ту же сумму 15.000 руб., которую комитетъ платилъ Микѣшину за одну только работу.

Комитетъ потребовалъ отъ Микѣшина возврата мѣди, а отъ министерства—преданія Микѣшина суду и наложенія запрещенія на пожалованное ему имѣніе. Но ничего не добился.

Пожертвованія на памятникъ поступали туго, а скоро и вовсе перестали поступать. Денегъ собрано было всего около 40.000 руб., на каковую сумму нечего было и думать о сооруженіи памятника по проекту Микѣшина. Статую Хмѣльницкаго, за отсутствіемъ иного мѣста, сдали на храненіе въ Старокіевскій участокъ. Въ связи съ этимъ кіевляне острили, что Хмѣльницкій арестованъ «за безписьменность». Комитетъ остановился на мысли—соорудить временный пьедесталъ: поставить каменный столбъ для статуи и обсыпать его землей по образцу степного кургана. Проектъ былъ утвержденъ.

Но не успѣли еще вырыть яму для фундамента, какъ изъ Петербурга пришло распоряженіе: немедленно пріостановить работы. Оказалось, что распоряженіе издано по проискамъ Побѣдоносцева, которому кіевское духовенство пожаловалось на постановку памятника на Софійской площади, приведя, между прочимъ, и такой мотивъ: если тамъ будетъ стоять памятникъ, то богомольцы, направляясь въ Софію, будутъ креститься не на «нерушимую стѣну», а на крупъ лошади, которая будетъ закрывать кіевскую историческую святыню. Комитетъ снова долженъ былъ отписываться. Юзефовичъ послалъ подробный планъ Софійской площади съ точнымъ исчисленіемъ разстоянія памятника отъ «нерушимой стѣны», колокольни и присутственныхъ мѣстъ. Въ докладной запискѣ къ этому плану Юзефовичъ, между прочимъ. отмѣтилъ, что онъ первый возбудилъ вопросъ о сооруженіи памятника въ знакъ протеста противъ «польскихъ притязаній»—съ одной стороны, и противъ «зарождавшагося тогда украинофильскаго сепаратизма»—съ другой. Излагая исторію выбора мѣста для памятника, Юзефовичъ писалъ, что комитетъ хотѣлъ было поставить памятникъ направо отъ прямой линіи между соборомъ и монастыремъ, но тогда гетманъ своей булавой показывалъ бы на Старокіевскій участокъ, а не на Москву; пришлось перенести памятникъ налѣво отъ этой линіи. Кромѣ этой записки Юзефовичъ послалъ еще частное письмо Побѣдоносцеву, съ которымъ былъ друженъ. Въ этомъ письмѣ Юзефовичъ во всемъ происшедшемъ недоразумѣніи обвинялъ П. Лебединцева (каѳедр. протоіерея) «достойнаго представителя украинскаго сепаратизма», который, навѣрное, ни слова не возразилъ бы, если бы «памятникъ ставился любезнымъ для украинофиловъ измѣнникамъ Выговскому или Мазепѣ». Неизвѣстно, что именно больше повліяло на петербургскія сферы: записка губ. Дрентельна или докладъ и письмо Юзефовича, но комитету разрѣшено было производить дальнѣйшія работы на томъ же мѣстѣ.

11 іюня 1888 г. памятникъ былъ освященъ.

М. Г.

Выставка произведеній печати, вышедшихъ въ 1912 году въ Россіи.

Мы привыкли видѣть въ библіотекахъ десятки, сотни тысячъ книгъ, обращенныхъ къ намъ своими корешками. На выставкѣ печати, устроенной въ г. Петербургѣ, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, около 35 тысячъ книгъ, 1.131 названій газетъ и 1.656 журналовъ глядятъ на насъ своимъ лицомъ. Эта необычная картина массы книгъ и брошюръ въ обложкахъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, расположенныхъ на щитахъ, поражаетъ своей массой, грандіозностью выпущенныхъ за одинъ только годъ изданій.

Еще въ 1908 году было выпущено 23.852 изданія, въ 1909 году — 26.638 изд.; въ 1910 г.—29.057 изд.; въ 1911 г.— уже 32.361 изд. и въ 1912 г.—34.630 изданій, въ количествѣ 131.561.886 экземпляровъ, на общую сумму 40.608.677 р. 45 коп. по номинальной стоимости.

И все-таки при всей громадности приведенныхъ цифръ — книга въ Россіи является предметомъ роскоши. Книгъ дешевыхъ, доступныхъ широкимъ массамъ населенія, издано очень немного. Правда, число такъ называемыхъ «народныхъ» изданій растетъ. Если въ 1908 году ихъ было 1051, то въ 1912 году такого рода изданій стало уже 2530 названій.

Но вѣдь это количество — капля въ морѣ, если мы вспомнимъ десятки милліоновъ населенія Россіи. Надо еще, однако, имѣть въ виду, что среди указанныхъ 2 слишкомъ тысячъ народныхъ изданій лишь нѣкоторая часть окажется дѣйствительно полезными изданіями, а часть должна быть отнесена къ числу лубочныхъ изданій.

Къ сожалѣнію, установить какую-либо цифру въ данномъ отношеніи не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ соотвѣтственныхъ данныхъ.

По содержанію книги можно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ. На первомъ мѣстѣ стоятъ разнаго рода отчеты — 2.521 назв., далѣе слѣдуютъ — учебныя пособія — 2421 назв., религія — 2.146 назв., беллетристика — 1739 назв., земское и городское дѣло — 1.504 назв., музыка, пѣніе и сцена — 1457 назв., сельское хозяйство — 1.128 назв., сборники — 1.025 назв., медицина и ветеринарія — 999 назв., драма — 989 назв., исторія—835 назв., календари—787 назв., библіографія — 741 назв., философія— 149 назв., археологія—119 назв., соціологія—391 назв., исторія литературы и критика — 330 назв., поэзія— 464 назв., собранія сочиненій — 404 авторовъ, искусство — 62 назв., словари — 152 назв.; исчислявшіяся въ прежніе годы сотнями приключенія сыщиковъ теперь достигаютъ всего лишь 47 названій и т. д.

Всѣ эти изданія напечатаны въ Россіи на 49 языкахъ и нарѣчіяхъ. На русскомъ — 27.399 назв. и 7.231 на другихъ языкахъ. Изъ послѣднихъ издано на польскомъ — 1.961 назв.; на нѣмецкомъ — 822 назв.; латышскомъ —738 названій; еврейскомъ— 556 назв.; древне-еврейскомъ — 505 назв.; эстонскомъ — 465 назв.; татарскомъ 361 назв., малороссійскомъ— 244 назв.; армянскомъ — 241 назв.; грузинскомъ — 22[illegible] назв.; французскомъ — 159 назв., церковно-славянскомъ — 129 назв.; литовскомъ — 83 назв., сартскомъ — 40 назв. и т. д. Приводя всѣ вышеуказанныя цифры, необходимо признать, что вопросъ о распредѣленіи на выставкѣ печатныхъ изданій *по содержанію* является числомъ относительнымъ.

Даже при бѣгломъ обзорѣ выставки бросается въ глаза произвольность распредѣленія книгъ по отдѣламъ; нерѣдко можно встрѣтить книги по одному вопросу въ разныхъ отдѣлахъ (мы находили, напримѣръ, книги по исторіи и археологіи въ отдѣлѣ «каталоговъ») и, съ другой стороны, разыскивая книги, завѣдомо принадлежащія къ опредѣленному отдѣлу, мы не могли найти ихъ, несмотря на внимательный просмотръ. Многому мѣшало также отсутствіе какого-либо пособія для пользованія выставленнымъ матеріаломъ. Изданная же къ выставкѣ брошюра «Статистика произведеній печати, вышедшихъ въ 1912 году въ

Россіи», будучи весьма интересной сама по себѣ (изъ нея мы заимствовали приведенныя выше цифры), ни въ чемъ не помогаетъ посѣтителю выставки.

Но несмотря на эти недостатки, нельзя не привѣтствовать выставку печати и ея главнаго организатора, А. Д. Торопова, уже не первый годъ знакомящаго петербуржцевъ съ тѣмъ, что дала за истекшій годъ пишущая Россія.

Мы такъ бѣдны библіографическими работами, что *библіографическая* выставка кажется поистинѣ роскошью. Вотъ почему такъ хотѣлось бы, чтобы въ будущемъ выставка печати носила болѣе «показательный» характеръ.

Къ числу дефектовъ слѣдуетъ отнести отсутствіе на выставкѣ книгъ конфискованныхъ. Вѣдь онѣ были напечатаны, онѣ имѣются у Главнаго Управленія по дѣламъ печати — и онѣ имѣютъ такое же право, наравнѣ съ другими — попасть на выставку печати.

Мало на выставкѣ и діаграммъ — кромѣ самыхъ общихъ. При чемъ не можемъ не отмѣтить одного важнаго упущенія, сдѣланнаго при составленіи діаграммы роста печати за послѣднія десятилѣтія. Въ то время какъ до 1905 года число вышедшихъ изданій растетъ, кривая поднимается все выше и выше и вдругъ въ 1906 году видимъ сразу паденіе, кривая образуетъ глубокій острый уголъ, и затѣмъ въ слѣдующіе годы снова значительно поднимается кверху. Выходитъ такимъ образомъ, что книгопечатаніе въ 1906 году сразу пало. Съ другой стороны, мы всѣ хорошо помнимъ массу брошюръ, выходившихъ въ этомъ году!

Дѣло же заключается въ томъ, что въ 1906 году издатели перестали посылать свои изданія въ цензуру. Главное Управленіе изданій не получало, и на кривой роста обозначило паденіе печатнаго дѣла!

Скажемъ еще нѣсколько словъ о періодической печати. На выставкѣ она выдѣлена въ особый отдѣлъ. Ростъ журналовъ по годамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1908 г.— 1.234 журн., въ 1909 г. — 1.309 журн., въ 1910 г. — 1.494 журн., въ 1911г.— 1.536 журн., въ 1912 г. — 1.656 журн. По языкамъ въ 1912 году—русскихъ— 1.208, польскихъ — 219, нѣмецкихъ 41, латышскихъ — 34, армянскихъ— 21, малороссійскихъ — 12 и т. д. По предметамъ за то же время — публицистика, политика и литература на русскомъ — 131 журн., а на другихъ языкахъ — 158 журн. (sic!), всего— 289 журн., далѣе слѣдуетъ на всѣхъ языкахъ—церковн. публицистика—185, сатира—77, сельск. хоз. — 71, медицина — 66, педагогика — 50 технологія — 43 и т. д.

Что же касается газетъ по годамъ, то въ 1908 г. было 794 назв., въ 1909— 854, 1910 — 897, 1911 г. — 1007, 1912 г. — 1131 названіе. По языкамъ— на русскомъ — 867, на польскомъ— 62, нѣмецкомъ — 39, латышскомъ —32, еврейскомъ — 28, грузинскомъ — 16 и т. д. По предметамъ, конечно, больше всего общеполитическихъ газетъ —904 назв., далѣе слѣдуютъ рекламныя—45, торговыя газеты — 30, справочныя—23, церковная публицистика — 14 и т. д.

Особаго вниманія заслуживаютъ представленныя на выставкѣ діаграммы извѣстнаго библіографа Н. М. Лисовскаго, касающіяся русской періодической печати. Эти діаграммы являются выводомъ изъ предпринятаго Н. М Лисовскимъ обширнаго труда по описанію всѣхъ русскихъ повременныхъ изданій, выходившихъ въ Россіи въ періодъ 1703 — 1900 гг.

Отсутствуетъ на выставкѣ отдѣлъ «Внѣшность книги», между тѣмъ вопросъ этотъ интересный и ему слѣдовало бы удѣлить вниманіе. Перелистывая же рядъ изданій и разсматривая множество синенькихъ, зелененькихъ, красненькихъ и прочихъ цвѣтовъ обложки, надо признать, что русская книга все еще носитъ на себѣ печать «рыночнаго» производства. Лишь книги по отдѣлу искусства выдѣляются своей внѣшностью да нѣкоторая часть изданій сборниковъ стиховъ и беллетристическихъ произведеній.

Привѣтствуя выставку какъ весьма важное начинаніе, проторяющее пути для выведенія русской библіографіи изъ

стадіи «благотворительности» на болѣе широкую дорогу, не можемъ не выразить пожеланія, чтобы въ дальнѣйшемъ болѣе совершенствовалась организація такихъ выставокъ.

Во многомъ помогло бы дѣлу, если бы устроители выставки обратились за помощью къ спеціалистамъ. Возможно, что на помощь могли бы прійти и наши ученыя учрежденія. Какъ ни говорить, а библіографическія работы въ послѣднее время начинаютъ пріобрѣтать интересъ и должную оцѣнку и «выставка печати» со временемъ могла бы стать не только общекультурнымъ, но и общеобразовательнымъ учрежденіемъ. Въ области библіографіи у насъ работаютъ отдѣльныя лица, но у насъ нѣтъ учрежденія, которое бы объединяло отдѣльныхъ работниковъ, а наши ученыя учрежденія ведутъ слишкомъ «замкнутую жизнь»...

Можетъ-быть, «выставкамъ печати», какъ постоянному учрежденію, въ должной степени организованному, суждено было бы объединить людей, работающихъ въ области библіографіи.

У насъ нѣтъ еще учрежденія, *библіографическаго института*, который бы заботился о судьбѣ книги, ея исторіи... Выставки печати—первый шагъ къ созданію такого института.

Вл. Тукалевскій.

Иванъ Франко.

(Къ сорокалѣтнему юбилею литературной дѣятельности).

Лѣтомъ текущаго года исполнилось 40 лѣтъ литературной дѣятельности извѣстнаго украинскаго писателя-народника Ивана Яковлевича Франка. Въ Россіи Франко извѣстенъ почти исключительно, какъ беллетристъ. Его разсказы изъ быта украинскихъ крестьянъ и рабочихъ Галиціи, ярко рисующіе бытъ народа и проникнутые любовью къ нему, завоевывали украинскому писателю вполнѣ заслуженныя симпатіи и русскихъ читателей. Но для украинской литературы и жизни значеніе Франка не исчерпывается художественнымъ творчествомъ: онъ, кромѣ

И. Я. Франко.

того, публицистъ, общественный дѣятель и историкъ. Франко — одинъ изъ первыхъ участниковъ и вдохновителей народо-соціалистическаго теченія въ украинской части Галиціи. При его участіи возникаютъ первые органы этого направленія на украинскомъ языкѣ «Громадській Другъ», «Молопія», «Дзвіи», «Світъ». Въ концѣ 90-хъ годовъ Франко является однимъ изъ вождей «національно-демократической» партіи. Въ періодъ своего активнаго участія въ соціально-политической жизни Франко неоднократно подвергался преслѣдованію со стороны властей Галиціи, и три раза сидѣлъ въ тюрьмѣ. За это свое политическое прошлое онъ не былъ утвержденъ въ 1895 г. профессоромъ исторіи украинской литературы при Львовскомъ университетѣ. Изъ его историко-литературныхъ работъ важнѣйшія «Іванъ Вишенськии і изо творі» (1895), «Варлаамъ і Иосафъ, старо християнскій духовный романъ і його літературна історія» (1896—97) и «Історія українськоі літератури» (1910). На русскомъ языкѣ перу Франка принадлежитъ статья «Южно-русская литература» въ Энц. Сл. Брокгауза и Ефрона.

Вся эта многосторонняя дѣятельность на протяженіи 40 лѣтъ объединялась одной страстной и искренней думой объ освобожденіи украинскаго народа отъ политическихъ и соціальныхъ путъ.

какъ онъ, представляютъ необходимое условіе появленія такихъ женщинъ.

Знаешь ли, возлюбленная, что вѣдь я извѣстенъ своей молчаливостью? А съ тобой я становлюсь болтливымъ! Я чувствую потребность дѣлиться съ тобой малѣйшимъ событіемъ, каждымъ мимолетнымъ чувствомъ, каждой мыслью. Мнѣ кажется, что именно такое полное духовное сліяніе отличаетъ любовь отъ простого волокитства.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ — Дельфинѣ

Этюпъ, 26 октября 1782 г.

Съ послѣдними, блѣдными розами изъ Этюпа посылаю тебѣ привѣтъ, единственная! Я прошелъ одинъ по запущеннымъ аллеямъ и съ глубокимъ благоговѣніемъ палъ на колѣни передъ храмомъ Венеры. Меня точно осѣнило прозрѣніе: съ тѣхъ поръ, какъ я однажды тутъ нашелъ тебя, Дельфина, я уже больше никогда тебя не терялъ!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 3 января 1783 г.

Курьеръ принесъ мнѣ, рано утромъ, потрясающее извѣстіе: племянникъ кардинала, принцъ Роганъ-Геменэ объявленъ несостоятельнымъ. Я немедленно передаю тебѣ эту новость, потому что и твоя подруга Кларисса должна потерять при этомъ банкротствѣ все свое состояніе. Безчисленное множество бѣдныхъ людей, въ томъ числѣ и его собственные слуги, довѣрившіе его честности свои сбереженія, теперь стали нищими, благодаря его преступному легкомыслію. Всеобщее негодованіе очень сильно и вполнѣ понятно, что вмѣсто усиленія гнѣва противъ сословныхъ привилегій, увеличивается только ненависть къ отдѣльнымъ личностямъ аристократіи.

Сегодня, отчасти изъ-за этого событія, мнѣ надо заняться очень большой корреспонденціей, и это лишаетъ меня счастья быть съ тобой.

Видишь, моя Дельфина, я написалъ эту фразу на бумагѣ, чернымъ по бѣлому, для того, чтобы ты знала, какъ я близокъ былъ къ тому, чтобы обмануть тебя! Нѣтъ у меня никакой работы, которая отнимала бы у меня возможность заключить тебя—хотя бы только на одну минуту! — въ свои объятія.

Но порою бываетъ у меня такое чувство, что мнѣ, самому, не хочется себя видѣть, а тѣмъ болѣе не хочется, чтобъ ты меня видѣла. Вчера, когда маркизъ, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Страсбургѣ, провелъ съ нами вечеръ и разговоръ поддержи-

вался съ трудомъ, прерываемый большими паузами, которыя казались безконечными, когда ты, охваченная любовью, низко склоняла свою головку, а онъ худой, изможденный, сѣдой, безсильно вытянувъ руки на темной бархатной обивкѣ локотниковъ кресла, медленно переводилъ взоръ своихъ глубоко запавшихъ глазъ съ тебя на меня, то я почувствовалъ съ острымъ сознаніемъ вины весь ужасъ нашего положенія. И не въ томъ вина, что мы любимъ другъ друга, моя возлюбленная, а въ томъ, что мы это скрываемъ отъ него, словно какое-нибудь преступленіе!

Я не могу жить безъ тебя, а между тѣмъ я не могу *такъ* жить! Дай мнѣ этотъ одинъ день, чтобы я могъ справиться съ собой.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Шато Ларозъ, 25 января 1783 г.

Дорогая маркиза. Моя бѣдная сестра такъ потрясена жестокимъ ударомъ, который на нее обрушился, что не въ состояніи сама отвѣчать на ваше милое, сочувственное письмо и поэтому проситъ меня сдѣлать это за нее.

Не стану отрицать, прекраснѣйшая, что, несмотря на несчастье, которое послужило поводомъ для этого письма, я все-таки съ радостью пользуюсь случаемъ, чтобы снова завязать съ вами сношенія. По крайней мѣрѣ, такимъ образомъ ваши глаза будутъ все же покоиться на строкахъ, написанныхъ моей рукой!

Вы чувствуете нетерпѣніе? Я сейчасъ перехожу къ дѣлу! Кларисса потеряла почти все свое состояніе, и это тѣмъ болѣе тяжело для нея, что она опасается, вслѣдствіе этого, оказаться въ зависимости отъ своего супруга, который не перестаетъ обманывать ее. Но едва только королева узнала объ этомъ несчастьи, какъ тотчасъ же сама отъ себя назначила ей ренту, соотвѣтствующую процентамъ съ ея прежняго капитала. Если что-нибудь могло еще крѣпче привязать насъ къ ея величеству, такъ это именно такая великая милость, еще болѣе цѣнная. благодаря тому, какъ она была оказана.

Королева страдаетъ. Иногда она часами сидитъ, задумавшись и никто изъ насъ не рѣшается нарушить гнетущей тишины, которая воцаряется въ залѣ. Но если кого-нибудь изъ ея приближенныхъ постигнетъ горе, то она первая приходитъ на помощь и утѣшаетъ и къ ней тогда возвращается ея прежняя веселость. У нея даже нашлись рѣзкія слова, — что всѣхъ поразило,—для того, чтобы осудить откровенное злорадство, выказанное партіей Шуазеля по поводу банкротства Рогана.

Въ Парижѣ всѣ повторяютъ теперь слова герцогини Граммонъ, сказавшей недавно: «Роганы давно уже заявляютъ притязаніе на титулъ уверенныхъ государей. Надо надѣяться, что ихъ денежное хозяйство,

разоблаченное теперь, является послѣднимъ доказательствомъ правильности ихъ притязаній».

Впрочемъ, фамилія Роганъ сдѣлала все, чтобы спасти честь своего имени. Кардиналъ, получивъ извѣстіе о банкротствѣ въ своемъ замкѣ Савеннъ, — гдѣ онъ, повидимому, сидитъ взаперти съ Каліостро, — тотчасъ же отвѣчалъ на это обѣщаніемъ внести значительныя суммы. Это было принято не безъ нѣкотораго трепета, въ виду ихъ происхожденія, при данныхъ обстоятельствахъ, изъ кухни Вельзевула. Маленькая принцесса Гемене-Субизъ пожертвовала свои драгоцѣнности, а принцесса Марсанъ ушла въ монастырь и пожертвовала все свое состояніе, чтобы спасти честь Рогановъ.

Но слѣдующая исторія еще трогательнѣе всѣхъ этихъ, въ сущности вполнѣ понятныхъ жертвъ, принесенныхъ близкими людьми.

Мы сидѣли за ужиномъ въ отелѣ Гимаръ. Шампанское вернуло насъ къ прежнимъ золотымъ днямъ полнѣйшей беззаботности. Восхитительная хозяйка, въ греческомъ одѣяніи, танцовала на паркетѣ, между роскошно сервированными столами. Она въ первый разъ исполнила передъ нами тотъ танецъ, который будетъ въ скоромъ времени исторгать восторги многочисленной публики зрительнаго зала, съ голыми ногами и держа въ рукахъ античную чашу, она раскачивала свое стройное тѣло, при чемъ пластично выступала каждая линія ея красивой фигуры и ея движенія постепенно ускорялись, выражали восторгъ вакхическаго упоенія. Съ высоко вздымающейся грудью она сразу осушила чашу, которую я ей наполнилъ, и вдругъ остановилась, когда раскрылись двери передъ султаномъ оперы, принцемъ Субизъ. Восторгъ, вызванный танцемъ, сразу затихъ. Принцъ принесъ извѣстіе о банкротствѣ, отъ котораго должна была сильнѣе всего пострадать его дочь. Не говоря ни слова, Гимаръ подходитъ къ своему письменному столику и, набросавъ нѣсколько строкъ, молча передаетъ бумагу своимъ подругамъ изъ балета, которыя также всѣ подписываютъ свои имена. Это былъ формальный отказъ въ пользу обѣднѣвшей челяди принцессы Геменэ-Субизъ отъ той ренты, которую каждая изъ танцовщицъ получала отъ принца. Ну развѣ въ самомъ дѣлѣ онѣ не восхитительны, эти распутныя малютки?

Когда же Версаль снова увидитъ васъ, очаровательная маркиза. Чтобы забыть то, что случилось и еще грозящія намъ бѣды, мы собираемся устраивать самыя необузданно веселыя празднества.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 11 марта 1783 г.

Слезы, возлюбленная? Я заставилъ тебя плакать — въ первый разъ! Я готовъ былъ бы пожертвовать жизнью, чтобы ихъ осушить, но поступить иначе я не могъ, даже зная, что ты будешь плакать отъ этого!

«Я отдаюсь тебѣ безъ всякаго раскаянія», сказала ты мнѣ съ упрекомъ. Развѣ ты не понимаешь, Дельфина, что любовь женщины все освящаетъ, тогда какъ честь мужчины стоитъ надъ его любовью? Я прекрасно знаю, что придворные господа въ Версалѣ гордятся своимъ умѣньемъ какъ можно утонченнѣе обманывать мужей. Но ихъ чувство чести стоитъ на той же ступени, какъ и то чувство, которое они не стыдятся называть любовью, я же чувствую все это съ постоянно усиливающейся тревогой. Эта необходимость ежедневно скрываться, запертая комната, боязнь каждаго шага, робость передъ глазами лакеевъ,—все это можетъ даже мою великую любовь къ тебѣ повергнуть въ грязь и унизить до степени толкованій этихъ мужчинъ.

Я долженъ уѣхать, не потому чтобы я пересталъ тебя любить, а потому, что я тебя слишкомъ люблю! Роль галантнаго кавалера не по мнѣ. Только когда я буду вдали отъ тебя, я въ состояніи буду радоваться нашей любви. И только тогда, я въ томъ увѣренъ, ты поймешь меня!

Думать о будущемъ, въ такую минуту страшной внутренней бури, я совершенно не въ состояніи. Но одно мнѣ все-таки совершенно ясно: ничто,—во всякомъ случаѣ не внѣшнее отдаленіе,—не можетъ разлучить насъ!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Парижъ, 6 апрѣля 1783 г.

Какъ могъ бы я обмануться въ тебѣ? Моя любовь не могла бы съ такой непоколебимой увѣренностью избрать тебя, если бы ты не выполнила всего, о чемъ я только мечталъ. Только простая чувственная связь можетъ оборваться, все равно, будетъ ли она освящена бракомъ или нѣтъ, если только чувства не возбуждаются ежедневно и взаимно.

Мое путешествіе было полно приключеній. Можетъ-быть, судьба хотѣла помочь мнѣ, отвлекая мои мысли. Дороги хуже, чѣмъ когда-либо, врядъ ли найдется хоть одинъ крестьянинъ, который согласился бы отбывать барщину, исправляя дорогу! а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ явнымъ умысломъ, на дорогу навалены камни. Два раза ломалось изъ-за этого колесо моего экипажа и тогда тотчасъ же появлялись какія-то сомнительныя фигуры въ лохмотьяхъ, которыя, заложивъ руки въ карманы, смотрѣли на то, какъ мои слуги старались исправить бѣду. На постояломъ дворѣ отказались дать кормъ моимъ лошадямъ, и я ужъ собирался ѣхать дальше, когда вдругъ хозяинъ, послѣ краткаго разговора съ моимъ кучеромъ, настоялъ на томъ, чтобы я дозволилъ покормить моихъ лошадей, и не взялъ съ меня за это платы. Какъ я узналъ, достаточно было назвать имя моего военнаго товарища Лафайета, чтобы вызвать эту перемѣну. Дальше на моемъ пути собирались уже всѣ жи-

тели этого мѣста и долго, въ ночной тишинѣ, раздавались въ моихъ ушахъ ихъ возгласы: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ свобода!»

Въ Парижѣ меня встрѣтили тревожныя извѣстія. Памфлетъ Мирабо о «Lettres de cachet» и государственныхъ тюрьмахъ находится въ рукахъ у всѣхъ, несмотря на запрещеніе. Это—блестящее произведеніе, проникнутое огнемъ и мужествомъ и заставляющее забывать о личныхъ недостаткахъ автора. Бываютъ времена, когда энергія и смѣлость имѣютъ такое преобладающее значеніе, что онѣ замѣняютъ всѣ другія добродѣтели.

Въ кофейняхъ теперь только и разговоровъ, что о случаѣ на послѣднемъ балу оперы, уже составляющемъ предметъ грубыхъ уличныхъ пѣсенъ. Королева, замаскированная и закутанная до полной неузнаваемости, явилась на этомъ балѣ, но тотчасъ же, вѣроятно, вслѣдствіе измѣны кого-нибудь изъ лакеевъ, была узнана въ толпѣ. Ее начали преслѣдовать шутками, которыя сначала забавляли ее, что, разумѣется, подстрекало къ дальнѣйшимъ грубымъ выходкамъ. Только когда маска въ кардинальской одеждѣ приблизилась къ ней и, несмотря на всѣ ея старанія уйти, не оставляла ее, королева залилась слезами и быстро удалилась. Никто не слышалъ, что говорила маска, но Гиберъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ, будто маска протянула ей туго набитый кошелекъ. Только послѣ такихъ отвратительныхъ сценъ монархи, наконецъ, узнаютъ, что толпа, не подготовленная къ ихъ пріему полицейскими мѣропріятіями и придворными приказаніями, скорѣе готова встрѣтить ихъ грубостями, нежели выраженіями восторга и преданности!

Перо мое останавливается. Какимъ незначительнымъ представляется мнѣ все то, что я пишу, въ сравненіи съ однимъ великимъ чувствомъ, владѣющимъ мной, и которое не можетъ вылиться въ словахъ. Не было ли безуміемъ, что я ушелъ отъ тебя? Развѣ не все, все безразлично, лишь бы ты была моей? Дельфина, ты, моя любимая, что сдѣлала ты со мной? Все зданіе моей жизни разлетается какъ карточный домикъ отъ одного твоего дыханія!..

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 3 мая 1783 г.

Не потому ли ты такъ долго заставила меня ждать твоего письма, моя любимая, чтобы всѣ другія мои чувства были поглощены огнемъ моего страстнаго желанія? И вдругъ ты спрашиваешь меня, какъ будто ты не знаешь заранѣе, каковъ будетъ отвѣтъ. «Должна ли я пріѣхать?» Если бы между нами было что-нибудь похожее, хотя бы отдаленнѣйшимъ образомъ на возможность запрещенія или приказанія, то я бы сказалъ: «Ты должна!» Да, ты должна, потому что даже если я живу, дышу, го-

ворю, то все это не имѣетъ отношенія къ моему *я*. Все мое *я* находится при тебѣ! Только какъ автоматъ двигаюсь я по улицамъ Парижа и паркету Версаля. Пріѣзжай, пріѣзжай такъ скоро, какъ только могутъ доставить тебя лошади изъ Фроберга въ Парижъ!

Королева часто спрашиваетъ о тебѣ. Любезный пріемъ, оказанный ею мнѣ, вызвалъ было надежду у меня, что, быть-можетъ, на нее можно имѣть вліяніе. Но двѣ недѣли, проведенныя мною среди ея приближенныхъ, доказали мнѣ, что это невозможно. Результатъ ли это вообще воспитанія монарховъ, принуждающаго ее скрывать свою настоящую натуру, или... она и въ самомъ дѣлѣ такая, какой показываетъ себя? Я пробовалъ заговаривать съ нею объ очень серьезныхъ вещахъ, но ничто ни въ состояніи приковать ея вниманія, если только не имѣетъ какого-либо личнаго отношенія къ ней. Искусствомъ она интересуется только тогда, когда украшаетъ свои замки и прогоняетъ свою скуку, а финансами Франціи, лишь постольку, поскольку они отражаются на ея бюджетѣ. Она никогда не бываетъ такъ счастлива, какъ послѣ конференціи о туалетахъ съ M-me Бертенъ или послѣ посѣщенія Бемера.

Уже достаточно плохо, когда король не умѣетъ быть ни чѣмъ другимъ, какъ только носителемъ короны, но еще хуже, когда королева оцѣниваетъ землю, на которой живетъ, только какъ питательную почву для себя!

Ты пишешь, когда пріѣдешь. Но я не смѣю этому вѣрить, пока не увижу тебя, пока не заключу тебя въ свои объятія. Неужели я тебя такъ мало любилъ, что могъ когда-нибудь раскрыть эти объятія и выпустить тебя?

Бомарше—Дельфинъ.

Парижъ, 10 іюля 1783 г.

Дорогая маркиза. Ваше возвращеніе въ Парижъ имѣетъ такое же значеніе для суевѣрныхъ чувствъ невѣрующаго, какъ появленіе бѣлаго голубя надъ храмомъ Аполлона.

Уже три мѣсяца актеры Comedie francaise репетируютъ комедію, а восемь недѣль тому назадъ мнѣ дано обѣщаніе графомъ Артуа, что она увидитъ свѣтъ со сцены Версаля. Но гдѣ бы ни состоялось первое представленіе, хотя бы въ самомъ маленькомъ театрѣ, передъ дюжиною зрителей, она все же завоюетъ этимъ міръ!

Однако, только ваше прибытіе, только надежда, что вы будете находиться въ залѣ, въ тотъ моментъ, когда занавѣсъ откроется для моего тріумфа, служитъ мнѣ порукой, что это дѣйствительно произойдетъ.

Представленіе состоится черезъ три дня. Послѣ этого вы разрѣшите мнѣ поцѣловать вашу ручку?

Бомарше—Дельфинъ.

Версаль, пятница 13 іюня.

Только что, за пять часовъ до представленія, офиціальные посланные маршала Дюраса и начальника парижской полиціи передали мнѣ и актерамъ приказъ короля: «Свадьбу Фигаро» запрещается играть!

Людовикъ французскій бросаетъ мнѣ вызовъ. Я, Каронъ Бомарше, принимаю его. Теперь мы будемъ бороться не изъ-за права существованія пьесы, но изъ-за права существованія цѣлаго сословія!

Бомарше—Дельфинъ.

Парижъ, іюля 1783 г.

Дорогая маркиза! Вечеръ у васъ былъ восхитителенъ. Ради васъ я готовъ примириться со всѣмъ восемнадцатымъ вѣкомъ и даже склоненъ былъ бы, если бы Господь Богъ сдѣлалъ меня своимъ отвѣтственнымъ министромъ, навсегда сохранить его.

Знакомство съ графомъ Водрейль, которому вы содѣйствовали, для меня неоцѣнимо, я завтра же уѣзжаю въ Женневилье, чтобы осмотрѣть сцену и, въ случаѣ нужды,—графъ далъ мнѣ на то широкія полномочія,—поспѣшно перестроить ее. А тогда!!.

Съ тѣхъ поръ какъ воздушный шаръ поднялся на воздухъ и братья Монгольфье собираются собственной персоной составить конкуренцію всему, что имѣетъ крылья: орламъ и ангеламъ, амурамъ и фантазіи, самое невозможное становится возможнымъ, а слѣдовательно, возможно рожденіе на свѣтъ и дѣтища моего юмора.

Если бъ вы только слышали, съ какимъ, подлинно патріотическимъ огорченіемъ, наши политики кофеенъ обсуждаютъ тѣ возрастающіе расходы, которые необходимо поведетъ за собой неотвратимое созданіе воздушнаго флота. Если бъ вы видѣли, какъ они заняты разработкой счастливой идеи учрежденія новаго воздушнаго департамента для тѣхъ, кто тщетно дожидается министерскаго поста на землѣ, и какъ серьезные друзья отечества поглощены разрѣшеніемъ жгучаго вопроса, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы во-время воспрепятствовать Англіи узурпировать царство Эола, какъ она уже узурпировала царство Посейдона. Ну, а меня во всѣхъ этихъ будущихъ возможностяхъ воздушныхъ путешествій привлекаетъ только одна мысль: медленно подняться вверхъ, вооружившись хорошей подзорной трубой, и тамъ спокойно ждать, пока наша планета повернется настолько, чтобы мой шаръ въ одинъ прекрасный вечеръ могъ опуститься въ Китаѣ. Для французскихъ писателей, философовъ и мечтателей о свободѣ это, должно-быть, идеальная страна!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Фробергъ, 20 іюля 1783 г.

Моя милая! За ваше дружеское освѣдомленіе о моемъ здоровьѣ я благодарю васъ отъ души. Я не ожидалъ, что вы интересуетесь этимъ. Въ этомъ году я отказываюсь отъ поѣздки въ Парижъ. Парижскія удовольствія слишкомъ утомительны для меня и слишкомъ дорого стоятъ. Я предпочитаю имъ тихую работу въ моей лабораторіи. Такъ какъ вы не собираетесь вернуться раньше поздней осени, то васъ, вѣроятно, не стѣснитъ то, что графъ Каліостро, который недавно вернулся изъ Англіи, пріѣдетъ ко мнѣ, какъ только кардиналъ отпуститъ его.

Я желаю вамъ столько удовольствій, сколько въ состояніи вынести ваше душевное равновѣсіе и ваше здоровье.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 1 августа 1783 г.

Ты жалуешься на мой мрачный видъ. Ты огорчаешься, возлюбленная, потому что ты думаешь, что я скрываю отъ тебя какое-то тайное страданіе, чтобы не огорчить тебя. Ахъ, вѣдь ты же знаешь слишкомъ хорошо, что меня мучаетъ! Я не выношу улыбающихся лицъ дураковъ, ихъ многозначительныя мины и тайный шопотъ вокругъ насъ! И часто я испытываю такое ощущеніе, какъ будто ты, ты, моя святая, стоишь обнаженная передъ похотливыми взорами толпы. Тогда невольно моя рука хватается за шпагу...

Что только было вчера, на Марсовомъ полѣ, гдѣ огромная толпа народа, затаивъ дыханіе, съ напряженіемъ ожидала подъема Монгольфье съ первымъ пассажиромъ, маркизомъ д'Арляндъ! Экипажи придворнаго общества, гдѣ сидѣли дамы, стояли рядами и ихъ окружали тѣснымъ кольцомъ кавалеры, верхомъ на лошадяхъ и пѣшіе. Когда я пришелъ, то мои взоры недолго искали тебя. Ты была окружена больше другихъ, — «красавица Монжуа», «прелестная Дельфина», «роза Вогезъ»... Какъ и всѣ прочіе, я подошелъ и поклонился тебѣ. И тотчасъ же всѣ многозначительно переглянулись и отодвинулись, совершенно такъ, какъ во времена Людовика XV отодвигались придворныя дамы, когда входила королевская любовница. Я молча поклонился и ушелъ, не обращая вниманія на твои прекрасные, увлаженные слезами глаза. Я позавидовалъ въ этотъ моментъ воздухоплавателю, который могъ навсегда скрыться въ облакахъ.

Позволь мнѣ съ этого времени видѣть тебя только въ твоей тихой комнаткѣ; утромъ, раньше чѣмъ праздные люди начинаютъ свой объѣздъ

съ визитами, въ полдень, когда истощивъ свой запасъ сплетенъ, они возвращаются домой, и ночью, мою возлюбленная, когда благодѣтельная темнота закроетъ доступъ всѣмъ любопытнымъ взорамъ.

Бомарше—Дельфинѣ.

Парижъ, 26 августа 1783 г.

Дорогая маркиза! Прежде всего, вернувшись изъ Лондона, я отправился не къ графу Водрейль, а къ вамъ, судите поэтому о моихъ чувствахъ къ вамъ. И у вашихъ дверей я узнаю, что вы больны. Какъ разъ теперь! Черезъ три недѣли, вы должны быть здоровы, хотя бы мнѣ пришлось предписать вамъ для этого средства всѣхъ чудесныхъ цѣлителей міра! Пробовали вы сахарные шарики Диллона, мышиный жиръ M-me Бернаръ, электрическое лѣченіе доктора Дюрана? Вѣдь вы же не Франція, которой для лѣченія у первѣйшихъ докторовъ не хватаетъ самаго главнаго — денегъ! Поэтому она и вынуждена позволить лѣчить себя цырюльнику, — бѣдняжка.

Могу я надѣяться получить отъ васъ извѣстіе, когда вы можете принять меня?

Бомарше —Дельфинѣ.

Парижъ, 12 сентября 1783 г.

Васъ нигдѣ не видно, ваши окна занавѣшаны, но вы вѣдь не сидите же въ уединенной лабораторіи и не размышляете надъ искусствомъ дѣлать золото! Ваши двери остаются для меня закрытыми, а между тѣмъ я видѣлъ гостя, для котораго они открылись!

Не бойтесь ничего. Все, что открыто или тайно возстаетъ противъ закона и установленныхъ обычаевъ, находится подъ защитою Фигаро.

Знаете ли, что именно по этой причинѣ, къ тѣмъ, кто уже находится подъ моей защитой, я уже причисляю и одну очень высокопоставленную даму. Вы, можетъ-быть, думаете о герцогинѣ Бурбонской, которая отплачиваетъ своему невѣрному супругу тою же монетой, или о маленькой принцессѣ Шартрской, которая... распѣваетъ дуэты съ красивымъ адъютантомъ своего супруга въ то время, какъ онъ самъ... учится играть на арфѣ у M-me Жанлисъ, или о хорошенькой Кондэ, соблазненной въ годы дѣвической невинности какимъ-то невидимымъ богомъ и потомъ, вѣроятно, въ награду за святость нашедшей принца королевской крови, который повелъ ее къ алтарю, но... не къ постели? Не идите дальше въ этомъ направленіи, моя красавица. Этотъ путь безконеченъ, но онъ все же не приводитъ къ той дамѣ, о которой я говорю.

Я хотѣлъ бы разсказать вамъ, что я видѣлъ, чтобы въ вашихъ выразительныхъ глазахъ прочесть любопытство, волненіе, испугъ,—словомъ, всѣ тѣ ощущенія, которыя ваши уста не высказали бы мнѣ изъ скромности. Долженъ я молчать? Но во мнѣ слишкомъ силенъ поэтъ и вслѣдствіе этого я не могу сохранить только для себя тотъ необыкновенно занимательный актъ пьесы, по всей вѣроятности, не первый и не послѣдній, котораго я былъ случайнымъ зрителемъ. Слушайте же!

Вы знаете, что я хожу гулять по ночамъ. Когда люди совлекутъ свои украшенія, смоютъ румяна со своихъ желтыхъ щекъ, снимутъ кудрявый парикъ со своихъ лысыхъ головъ и стащутъ прекрасные, чистые бѣлые чулки съ роскошными подушечками, замѣняющими икры, со своихъ худыхъ, грязныхъ, волосастыхъ ногъ, то и души ихъ такъ же снимаютъ свои одежды. Правда, нагота ихъ душъ не всегда бываетъ пріятна для взгляда, но всегда необыкновенно интересна. Я видѣлъ, какъ маршалы Франціи превращались въ кровожадныхъ революціонеровъ, архіепископы въ служителей дьявола, шутовскіе поэты въ трагическихъ героевъ, гетеры въ мадоннъ, а королевы... но помолчимъ объ этомъ, пока вы не услышите разсказъ о моемъ приключеніи.

Это было въ версальскомъ паркѣ. Никто во Франціи не спитъ такъ крѣпко, какъ ея сторожа, и въ этотъ ночной часъ ни одинъ возгласъ ни бряцаніе сабли не остановили моихъ шаговъ. Ночь въ концѣ лѣта! Легкій ароматъ разложенія, сильнѣе дѣйствующій на чувства, чѣмъ первые невинные запахи весны, уже тяготѣлъ надъ паркомъ.

Вдругъ я услышалъ шуршаніе, потомъ хрустѣніе гравія подъ ногами. Я быстро спрятался за ближайшимъ боскетомъ, но не для того, чтобы шпіонить, а чтобы не мѣшать влюбленной парѣ. Но мужчинъ и женщинъ, закутанныхъ въ плащѣ и шмыгающихъ взадъ и впередъ, привлекали другъ къ другу отнюдь не любовная страсть. Временами яркій свѣтъ потайного фонаря вырывался изъ-подъ ихъ плаща. Я уже хотѣлъ поднять тревогу, крикнуть «воры!..» но вдругъ мой взоръ упалъ на изящныя маленькія ножки и элегантные каблучки...

Внезапно всѣ эти фигуры отступили. Показались трое другихъ: стройный франтъ, въ полумаскѣ, можетъ-быть, графъ Шеврёзъ! За нимъ слѣдовалъ другой, поменьше ростомъ. Я разглядѣлъ шелковую мантію священника, тонзуру на непокрытой головѣ, можетъ-быть, Роганъ, кардиналъ? Затѣмъ женщина, окутанная вуалью, неузнаваемая, но такая осанка!.. Можетъ-быть — королева Марія Антуанета? Я притаилъ дыханіе. Эти трое не произносили ни слова. Священникъ положилъ что-то темное на двѣ руки, такія бѣлоснѣжныя, что, казалось, онѣ сіяли въ темнотѣ. Мнѣ вспомнилась парижская сплетня, что Роганъ хочетъ купить милость королевы при помощи знаменитаго ожерелья Бёмера. Но я не имѣлъ времени раздумывать. Снова шорохъ, хрустѣніе песка... я протеръ глаза. Можетъ-быть, все это были только ночные призраки? Быть-можетъ, потому это такъ потрясло меня? Вѣдь раньше я не вѣрилъ въ привидѣнія!

Развѣ графъ Шеврёзъ не вашъ другъ? Постарайтесь же предостеречь черезъ него даму съ такой измѣннической фигурой. Вѣдь не всѣ нечаянные свидѣтели будутъ такіе, какъ Фигаро!

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 15 сентября 1783 г.

Мысль о томъ, уважаемая маркиза, что я, во время моего вчерашняго посѣщенія, не совсѣмъ прилично велъ себя, выказалъ раздраженіе, несоотвѣтствующее этому дѣлу,—это были ночныя похожденія слугъ, какъ я уже говорилъ вамъ,—заставляетъ меня написать вамъ эти строки. Сторожамъ парка сдѣлано очень строгое внушеніе, чтобы они не допускали больше подобныхъ ночныхъ призраковъ. Чтобы разсѣять всѣ ваши опасенія, я бы хотѣлъ сказать вамъ то, что я, возмущенный подозрѣніемъ, которому подверглась наша дорогая королева, забылъ сообщить вамъ вчера. Въ ту ночь я находился въ Парижѣ у Гимаръ. Она сама и всѣ ея гости подтвердятъ мое присутствіе. А ея величество, какъ разсказывала мнѣ принцесса Ламбалль, удалилась на покой уже въ девять часовъ, вслѣдствіе сильной головной боли.

Парижане вездѣ видятъ призраки, съ тѣхъ поръ, какъ Каліостро сталъ вызывать духовъ!

О томъ, что вы упорствуете въ своемъ нежеланіи ѣхать въ Женневилье, я сожалѣю не только ради себя. Вы предостерегали меня. Не могу ли и я доказать вамъ свою благодарность за ваше доброе намѣреніе также предостереженіемъ?

Быть больнымъ часто бываетъ очень неблагоразумно!

Если я выражаю надежду, что въ своемъ обѣщанномъ отчетѣ о великомъ днѣ я въ состояніи буду сказать, что ваше отсутствіе, и отсутствіе принца было не слишкомъ замѣчено, то вы должны понять, что эту надежду я питаю не изъ нелюбезности, а лишь изъ дружбы къ вамъ.

Графъ Гюи Шеврёзъ—Дельфинѣ.

Версаль, 27 сентября 1783 г.

И васъ при этомъ не было! Такого дня еще не бывало. Дорога въ ниенневилье была уже съ ранняго утра запружена экипажами и всадЖками. Залы маленькаго замка были переполнены всѣмъ, что красотой, происхожденіемъ, умомъ и богатствомъ дѣлаетъ Парижъ центромъ вселенной. При томъ же напряженное лихорадочное ожиданіе, выражавшееся на лицахъ у всѣхъ и заставляющее блестѣть глаза, могло внушать мысль каждому, что ускоренное біеніе сердца является призна-

комъ юной силы. Въ этомъ ожиданіи забыты были и новѣйшіе скандалы и шансонетки, которыя обыкновенно наполняютъ жизнь.

Зала едва была въ состояніи вмѣстить всѣхъ гостей. Еще занавѣсъ не поднимался, а въ воздухѣ уже чувствовалось какъ будто приближеніе грозы. Это ощущеніе возрастало съ каждой сценой. Право, законъ, нравственность и религія, философія и политика,—все это появлялось передъ нами на сценѣ въ образахъ Гуцмана и Бартоло, Базиліо и Марселины, Альмавивы и Фигаро, и подвергалось обсужденію, издѣвательству и жестокому бичеванію остроумной насмѣшкой. А мы сидѣли, словно очарованные, переходя отъ возмущенія къ восторгу, отъ скрежета зубовъ къ громкому хохоту.

Было ли это результатомъ всеобщаго возбужденія или огня безчисленныхъ свѣчей, но даже солнце Сахары не могло быть болѣе знойнымъ, чѣмъ воздухъ, которымъ мы дышали! Я слышалъ уже громкіе крики ужаса дамъ, падающихъ въ обморокъ, когда стекла высокихъ оконъ, черезъ правильные промежутки времени, падали со звономъ на полъ. Это самъ Бомарше разбивалъ ихъ крючкомъ своей палки, чтобы дать доступъ въ залу свѣжему воздуху. Только когда я почувствовалъ его вѣяніе вокругъ своей головы, то понялъ, что эта пьеса точно ураганъ промчалась надъ нашими головами.

Автору бурно аплодировали. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самомъ скоромъ времени онъ добьется публичной постановки своей пьесы. Но будетъ ли это и тогда такъ же забавлять насъ? Я охотно смѣюсь надъ собой, но это было бы опаснымъ уравненіемъ въ правахъ, если бы и черни было позволено когда-нибудь смѣяться надо мной!

Большинство гостей, которыхъ не могъ помѣстить у себя графъ Водрейль, въ ту же ночь вернулись въ Парижъ. Парижскимъ врачамъ будетъ немало работы послѣ этого, потому что дождь лилъ потоками, а испорченныя дороги и почти непроницаемая темнота заставляли экипажи съ сидящими въ нихъ иззябшими людьми подвигаться впередъ лишь очень медленно.

Я ѣхалъ вмѣстѣ съ барономъ Вурмзеръ. Онъ находился въ очень угнетенномъ настроеніи. Ужъ не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко въ своемъ довѣріи къ Каліостро? «Боюсь, что время дѣлателя золота уже прошло и наступаетъ время цырюльника!» сказалъ онъ мнѣ съ горечью.

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Замокъ Фробергъ, 2 октября 1783 г.

Моя милая. Ваше намѣреніе избрать своимъ мѣстопребываніемъ замокъ Лаваль, давно уже никѣмъ необитаемый, да еще въ то же время, когда приближается зима, разумѣется, не могло не показаться мнѣ очень страннымъ. Но такъ какъ это исключительно ваше владѣніе, а

вы, какъ мнѣ кажется, хотите выбрать только между этимъ или какимъ-либо другимъ мѣстомъ, лишь бы быть подальше отъ меня, то я не могу и не хочу препятствовать вашему рѣшенію. Разсчитывая на ваше позволеніе, я отсылаю часть слугъ въ Лаваль, чтобы, по крайней мѣрѣ, самое необходимое было для васъ приготовлено.

Я чувствую себя хорошо.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 19 октября 1783 г.

Моя возлюбленная Дельфина. Какъ ты была права! Я уже дышу свободнѣе въ знакомой старой обстановкѣ, я вижу, какъ много запущено здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ мой братъ, герцогъ удалился въ свои прусскія владѣнія. Мнѣ придется много потратить силъ, чтобы исправить послѣдствія долговременнаго хозяйничанья здѣсь недобросовѣстнаго управителя. Но то, что я нуженъ, что меня ждетъ здѣсь работа, ужъ это одно дѣлаетъ меня веселымъ.

Я ѣздилъ сегодня въ Лаваль, по той хорошенькой, лѣсной тропинкѣ, по которой я буду ежедневно ѣздить къ моему ангелу. Съ бьющимся сердцемъ смотрѣлъ я, какъ подымаются передо мной изъ-за лѣса старыя, старыя башни, изъ окна которыхъ, въ былыя времена, лукаво кивала мнѣ въ отвѣтъ прелестная головка маленькой дѣвочки.

Во дворѣ замка кипѣла работа. Разгружали возы съ мебелью, ящики и сундуки. Странно: при этомъ зрѣлищѣ, которое, однако, служитъ признакомъ твоего скораго прибытія, у меня больно сжалось сердце! Я видѣлъ во всемъ этомъ заботу того, кто молча уступаетъ тебя мнѣ, изъ чувства ли презрительнаго равнодушія или великодушнаго самоотверженія? И то, и другое одинаково подавляетъ меня. Но я не хочу мучить тебя больше, моя бѣдняжечка, дѣлающая все это изъ любви ко мнѣ и такъ безконечно за меня страдающая!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Замокъ Фробергъ, ноября 1783 г.

Моя милая! Никакой благодарности не нужно. Я исполнилъ только мой долгъ, приготовивъ замокъ вашихъ предковъ, откуда я нѣкогда увезъ невиннаго ребенка, къ его возвращенію туда. Я желаю только одного, чтобы отъ времени до времени, согласно предварительному уговору, я былъ бы принятъ вами, чтобы не давать пищи злымъ языкамъ. Такъ какъ въ началѣ будущаго года я намѣренъ отправиться въ Парижъ по дѣламъ моего имѣнія, то я позволю себѣ на Рождество справиться о вашемъ здоровьи.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинъ.

Монбельяръ, 6 января 1784 г.

Сегодня посылаю тебѣ только нѣжный привѣтъ, возлюбленная. Я не хочу пріѣхать. Толпы поселянъ устремляются въ городъ и собираются передъ замкомъ. Страшный холодъ гонитъ ихъ сюда. И хотя я велѣлъ раздать почти всѣ запасы дровъ и съѣстныхъ припасовъ и далъ разрѣшеніе вырубить Навирскій лѣсъ, тѣмъ не менѣе, пришлые люди въ особенности держатся угрожающимъ образомъ. Я распорядился открыть конюшни и манежъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, женщины и дѣти могли тамъ укрываться.

Моему посланному поручено взять твой отвѣтъ и собственными глазами убѣдиться, находится ли Лаваль въ безопасности? Въ противномъ случаѣ я, разумѣется, бросаю здѣсь все и ѣду къ тебѣ.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинъ.

Монбельяръ, 7 января 1784 г.

Возлюбленная! Не бойся. Развѣ можетъ что-нибудь дурное приключиться со мной, когда такой ангелъ, какъ ты, охраняетъ меня своей любовью? Рейткнехтъ все разсказалъ мнѣ, самъ растроганный тѣмъ, что онъ видѣлъ. Въ рыцарскомъ залѣ Лаваля—толпа людей, блѣдныя лица, изодранныя одежды, худыя, покрытыя пузырями отъ мороза, руки и ноги,—все это освѣщено яркимъ пламенемъ камина и среди нихъ—ты, безстрашная, даже передъ самыми грубыми людьми!

Я посылаю тебѣ сегодня пару сильныхъ мужчинъ для твоей защиты. Огненный сигналъ на горѣ—и въ самый кратчайшій срокъ я буду возлѣ тебя!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинъ.

Этюнъ, 9 января.

Бродяги ворвались въ замокъ. Я со своими людьми прогналъ ихъ. Выстрѣлъ попалъ мнѣ въ бедро. У меня только одна мысль—ты! Мой рейткнехтъ мчится впереди коляски, которая везетъ меня къ тебѣ. Никто, кромѣ него и кучера, не знаетъ о цѣли моей поѣздки.

Баронъ Вурмзеръ—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 10 февраля 1784 г.

Уважаемая кузина. Тщетно хотѣлъ я повидать васъ во Фробергѣ и только тамъ узналъ, что вы находитесь въ Лавалѣ. Послѣ долгой внутренней борьбы я счелъ своею обязанностью сдѣлать вамъ слѣдующее сообщеніе: графъ Каліостро—обманщикъ. Своими силами—я слишкомъ много слышалъ и видѣлъ, чтобы могъ сомнѣваться въ этомъ,—онъ пользовался дьявольскимъ образомъ для уловленія своихъ жертвъ. И я тоже принадлежу къ ихъ числу. Маленькое состояніе, которое у меня было, теперь находится въ его рукахъ. Я подумывалъ о томъ, чтобы велѣть его арестовать безъ дальнихъ церемоній, но у меня нѣтъ доказательствъ, а свидѣтели, на которыхъ я бы могъ сослаться, откажутся говорить, частью изъ трусости, частью изъ боязни выставить себя въ смѣшномъ свѣтѣ. Кромѣ того, вѣдь всѣ деньги, полученныя графомъ, были отданы ему добровольно. Себя я уже не могу спасти, но, быть-можетъ, могу спасти другихъ.

Чтобы все уяснить себѣ, я не высказывалъ никому своихъ сомнѣній и нѣсколько дней тому назадъ отправился на сеансъ во дворецъ кардинала, гдѣ, кромѣ хозяина и меня, находился также, только что вернувшійся изъ Парижа маркизъ, вашъ супругъ. Ожидали словно какого-то чуда. Кучи золота лежали наготовѣ, что всегда являлось предварительнымъ условіемъ для всѣхъ экспериментовъ. Чѣмъ дальше оставались безрезультатными опыты, тѣмъ взволнованнѣе становился кардиналъ. «Я погибъ,—я и вы!» закричалъ онъ, наконецъ, въ безумномъ отчаяніи. И когда графъ въ отвѣтъ громко расхохотался, то онъ бросился на него, схватилъ его точно желѣзными тисками за горло, и зарычалъ какъ дикій звѣрь: «Милліонъ или...!» Мы съ трудомъ оторвали его, и пока я возился съ бѣснующимся, Каліостро покинулъ комнату вмѣстѣ съ маркизомъ.

Роганъ вчера уѣхалъ въ Парижъ. А маркизъ заперся съ обманщикомъ, которому онъ тѣмъ больше довѣряетъ, что надѣется пользоваться его силами только для себя одного.

Только вы, дорогая кузина, можете спасти ослѣпленнаго и вмѣстѣ съ этимъ свое собственное существованіе. Что бы ни разлучало васъ съ нимъ, что бы ни удерживало васъ въ Лавалѣ—пріѣзжайте скорѣе! Если бъ вы могли видѣть, маркиза, когда онъ, сгорбленный, съ дрожащими колѣнями бредетъ по улицѣ, если бъ вы посмотрѣли на его глаза, съ красными воспаленными вѣками, отвыкшіе отъ сна, на его выдавшіяся скулы, то, навѣрное, состраданіе привело бы васъ къ нему, даже если бы онъ и былъ вамъ совершенно чужой!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 5 февраля 1784 г.

Моя милая. Ваше предложеніе сдѣлано съ добрымъ намѣреніемъ, но ваша тревога все-таки неосновательна. Я здоровъ, ради меня вамъ не зачѣмъ покидать Лаваль. Химическіе опыты, которыми я занимаюсь, носятъ чисто научный характеръ. Васъ должно успокоить то, что это занятіе замѣнило мнѣ все, что прежде наполняло мою жизнь: дворъ, политику и женщинъ.

Я слышалъ, что вы устроили въ своемъ замкѣ нѣчто въ родѣ госпиталя. Женщины, дѣти и старики находятъ у васъ пріютъ отъ голода и холода, а за больными вы ухаживаете. Все это очень похвально и можетъ, разумѣется, заставить такую благонравную женщину, какъ вы, забыть всѣ удовольствія Версаля.

Кузенъ Вурмзеръ, о которомъ вы спрашиваете, занятъ теперь, вмѣстѣ съ г. Адорнъ, сооруженіемъ новаго воздушнаго шара. Такимъ образомъ каждый старается найти для себя отвлеченіе отъ мыслей и воспоминаній, которыя не всегда бываютъ пріятны!

Бомарше — Дельфинѣ.

Парижъ, 30 апрѣля 1784 г.

Прекрасная маркиза. Вы любите только тѣхъ, кто угнетенъ, и, повидимому, вамъ больше нравится утѣшать, нежели восхищаться? Съ тѣхъ поръ, какъ Фигаро торжествуетъ, вы ему измѣнили! А между тѣмъ я среди бѣснующагося отъ восторга театра думалъ о васъ. Я искалъ вашу очаровательную головку во всѣхъ ложахъ. Мнѣ не хватало властительницы сердецъ, передъ которой побѣдитель въ турнирѣ склоняетъ колѣно, чтобы она увѣнчала его.

Фигаро побѣдилъ, маркиза! И онъ выпустилъ на свободу мысли, заключенныя въ темницѣ трусливыхъ головъ. Онъ вернулъ рѣчь нѣмымъ и зрѣніе слѣпымъ. Скоро не найдется въ Парижѣ ни одной рыбной торговки и ни одного носильщика, которые не привѣтствовали бы бурнымъ ликованіемъ его появленіе. Собакъ и кошекъ на всѣхъ улицахъ называютъ его именемъ, а уличныя дѣвки и придворныя дамы носятъ шляпы и мантиліи à la Фигаро. Такимъ образомъ его имя постоянно и громко звучитъ въ ушахъ тѣхъ, кто его проклинаетъ.

Это была комедія въ комедіи. Съ ранняго утра толпа осаждала двери театра, знатныя дамы, чтобы поскорѣе получить мѣстечко въ театрѣ, часами дожидались въ гардеробной какой-нибудь маленькой актрисы, герцогини сражались за мѣста съ публичными женщинами. Весь Версаль былъ въ театрѣ. Король оказался въ этотъ вечеръ совершенно покинутымъ!

«Въ чемъ состоитъ ремесло царедворца?—спрашивалъ Фигаро.—Въ томъ, чтобы принимать, брать и требовать!»—и въ ложахъ знатные господа и дамы, блѣдные, прислушивались къ грому рукоплесканій паркета.

Поистинѣ, еще безумнѣе, еще необузданнѣе моей пьесы оказывается ея успѣхъ!

Громкій шумъ, поднятый ею, заглушаетъ тайный шопотъ, который все упорнѣе, все враждебнѣе пробирается сквозь заднія двери замковъ и дворцовъ.

Вы помните ту пьесу, которую я наблюдалъ? Ну, вотъ оттого, что въ ней участвуютъ знатные актеры и актрисы, она, пожалуй, не закончится шансонетками, подобно Фигаро! Даже графъ Шеврёзъ—онъ въ отроческомъ возрастѣ, вѣроятно, былъ близнецомъ моего Керубина—настолько уже лишился своего легкомыслія, что Гимаръ дала ему отставку.

Почему я вамъ пишу? Изъ тщеславія и изъ любопытства. Во Франціи, такая красивая женщина, какъ вы, удаляется отъ свѣта только по тремъ причинамъ: или у нея была оспа, или у нея мужъ Синяя борода, или она имѣетъ возлюбленнымъ своего лакея. Такъ какъ ни одна изъ этихъ причинъ не можетъ быть примѣнима къ вамъ,—оспа постыдилась бы портить такое прелестное личико, какъ ваше, супругъ вашъ, маркизъ, предался чорту, а у васъ слишкомъ хорошій вкусъ, чтобъ вы могли вступить въ любовную связь со служащимъ,—то невольно возникаетъ вопросъ: что же мѣшаетъ вамъ осчастливить насъ своимъ присутствіемъ?

Я ищу новаго матеріала для пьесы. Можетъ-быть, вы доставите мнѣ его, если только тутъ нѣтъ никакой трагедіи?

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Страсбургъ, въ іюлѣ 1784 г.

Сообщаю вамъ, чтобъ вы не прочли это раньше въ газетахъ, что съ барономъ Вурмзеромъ вчера случилось несчастье, при первомъ же подъемѣ на воздушномъ шарѣ Адорна. Падая съ высоты едва тридцати метровъ, онъ сломалъ себѣ обѣ ноги. Доктора подаютъ надежду на сохраненіе его жизни. Я вчера разговаривалъ съ нимъ. Онъ посылаетъ вамъ поклонъ и, кромѣ того, настоятельно просилъ меня передать вамъ, что онъ только теперь фактически «не удержался на высотѣ!»

У меня есть просьба къ вамъ. Мое здоровье не важное. Лѣченіе въ Спа принесло бы мнѣ пользу, и мнѣ было бы очень желательно, чтобъ вы сопровождали меня. Всѣ непріятные толки и слухи были бы подавлены въ самомъ зародышѣ этой совмѣстной поѣздкой.

Если вы согласны, то я, при первой же возможности, сдѣлаю дальнѣйшія распоряженія.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 25 іюля 1784 г.

Это была ужасная поѣздка! Душная, темная ночь; лишь вдали на горизонтѣ, мѣстами вспыхиваетъ блѣдная молнія, изрѣдка освѣщая его. Сердце полное горя и пылающее гнѣвомъ,—гнѣвомъ на тебя, моя ненаглядная Дельфина, на тебя, разрушающую наше счастье изъ своей собственной доброты!

Только потому, что старику внезапно пришла фантазія показаться передъ свѣтомъ съ молодой, прекрасной женой, ты немедленно же выразила готовность исполнить его желаніе? Ты увѣряешь, что обязана ему благодарностью. За что? За то, что онъ предоставляетъ тебѣ свободу? Дѣлаетъ ли онъ это изъ доброты или, скорѣе, изъ себялюбія? Онъ не мѣшаетъ тебѣ, потому что не хочетъ, чтобы ты ему мѣшала въ его тайныхъ занятіяхъ. И вотъ потому, что онъ не видитъ нашихъ отношеній,—не хочетъ ихъ видѣть!—ты считаешь его самоотверженнымъ, достойнымъ удивленія другомъ? Я же считаю его жалкимъ трусомъ! Тебѣ представляется выраженіемъ лишь скромнаго желанія то, въ чемъ я вижу осуществленіе закрѣпленныхъ документами супружескихъ правъ. Онъ нисколько не заботится о тебѣ, пока это удобно для него, но тотчасъ же требуетъ тебя къ себѣ, какъ только у него является старческое желаніе имѣть тебя возлѣ себя. И ты склоняешься передъ его требованіемъ! И меня, котораго сама природа отдала тебѣ,—меня, единственнаго, которому ты принадлежишь во имя вѣчной любви,—ты отпускаешь отъ себя!

Ты говоришь, что маркизъ несчастенъ. Но большое несчастье можетъ испытывать только большой человѣкъ. Несчастье маркиза мелкое, холодное, презрѣнное, и ты хочешь принести ему въ жертву наше великое, горячее, сверкающее счастье!

Ты говоришь: онъ не перенесетъ правды, если у тебя найдется мужество сказать ее. Что было бы потеряно если бъ дѣйствительно это сгубило бы его? Существуетъ ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, для котораго онъ былъ бы незамѣнимъ? Оставитъ ли онъ послѣ себя такой пробѣлъ, который никто не въ состояніи будетъ заполнить?

Я люблю тебя, Дельфина, за твою трогательную доброту, не желающую никому причинять страданій, за твою заботливую любовь, всегда готовую оказать попеченіе и защиту всему слабому и старому. Что было бы со мной теперь безъ твоихъ мягкихъ, нѣжныхъ ручекъ? Но жизнь, дорогая моя, сурова и тверда; гнилое дерево не должно мѣшать молодымъ деревьямъ устремляться къ свѣту, и состарившееся государство, дрожащее въ своихъ глубочайшихъ основахъ, не должно находить у насъ защиту, если оно уже стало тѣснымъ для новаго поколѣнія!

Мы будемъ разлучены на цѣлые мѣсяцы и не станемъ мучить другъ друга письменными жалобами и упреками. Но ты, возлюбленная,

должна испытать свое сердце и окончательно рѣшить, когда мы съ тобою увидимся. Онъ или я — вотъ вопросъ, который я ставлю передъ тобой!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 30 сентября 1784 г.

Моя милая. Я радъ былъ услышать, что вы хорошо перенесли путешествіе, и пользуюсь случаемъ, чтобы выразить вамъ благодарность за время, которое вы посвятили мнѣ. Я надѣюсь, что вы не совсѣмъ безъ удовольствія будете вспоминать о вполнѣ спокойныхъ недѣляхъ, прожитыхъ вами, что было необходимо и для васъ.

Мое пребываніе здѣсь продлится самое большее мѣсяца два. Парижъ, гдѣ повсюду выдвигается чернь и Версаль, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ лакейскаго духа—противны мнѣ.

Королева играетъ пастушескія пьесы не только на сценѣ, но и въ собственномъ будуарѣ. Во всѣхъ парижскихъ кофейняхъ разсказываютъ теперь, что Шеврёзъ и Водрейль—ея партнеры.

Каллонъ, съ которымъ я разговаривалъ, находится въ очень скверномъ настроеніи. Онъ съ радостью представилъ бы къ высшему ордену монархіи того, кто указалъ бы ему возможность ввести новый налогъ. Безпрестанныя посѣщенія разныхъ верховныхъ гостей—только что шведскій король покинулъ Парижъ—поглощаютъ громадныя суммы, что, естественно, дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ въ такое время небывалой дороговизны, какое мы переживаемъ. Въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Парижа полиціи приходится безпрестанно подавлять возмущенія, въ которыхъ принимаютъ участіе даже женщины. Весь Парижъ звенитъ отъ пѣсенъ, осмѣивающихъ благотворительность королевской семьи, дворянства и финансистовъ. Что шведскій король пожертвовалъ десять тысячъ франковъ на бѣдныхъ, а на триста тысячъ накупилъ фарфора только въ одномъ Севрѣ, и что ея величество дала пятьсотъ луидоровъ на раздачу супа бѣднымъ, а сама осталась должна тысячу M-me Бертенъ за новый туалетъ—все это, разумѣется, доставляетъ обильный матеріалъ для такихъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что все это неизбѣжно предается широкой огласкѣ. Пришлось бы заточить въ тюрьму половину парижскаго населенія, если бы, какъ прежде, стали наказывать за каждую насмѣшку, за каждое оскорбленіе короны и церкви!

Я доволенъ, что могу вернуться къ ненарушимой тишинѣ моей лабораторіи. Что я отпустилъ большую часть слугъ во Фробергѣ, это васъ не должно безпокоить. Удерживать ихъ тамъ,—значило бы воспитывать тунеядцевъ.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Этюпъ, 3 октября 1784 г.

Какъ я ждалъ письма отъ тебя! Чѣмъ больше возрастало мое страстное желаніе увидѣть тебя, чѣмъ болѣе яркими красками рисовало мнѣ мое воспоминаніе картину прошлаго счастья,—тѣмъ сильнѣе укрѣплялась во мнѣ увѣренность, что Дельфина будетъ моей, вполнѣ моей!

И вдругъ эти загадочныя строки: «Жди меня въ Этюпѣ. Каждое дерево, каждый цвѣтикъ, каждая маленькая струйка будутъ просить за меня!» Ты приходишь ко мнѣ и нуждаешься въ какомъ-то заступничествѣ?! Но я не хочу раздумывать объ этомъ, не хочу оскорблять тебя никакимъ подозрѣніемъ, хочу жить только блаженнымъ ожиданіемъ.

Каждый день я наполняю вазы свѣжими цвѣтами, каждый день велю ставить на круглый столъ, въ садовомъ залѣ, корзины, наполненныя фруктами. И когда я одиноко сижу за своимъ обѣдомъ, то всегда наполняю два стакана пламенно-краснымъ виномъ. Я смотрю часами въ подзорную трубу на дорогу, стою на террасѣ, пока не начну дрожать отъ сырого осенняго вѣтра, и жду, не покажется ли платье, не услышится ли голосъ...

Когда ты придешь, возлюбленная, чтобы больше не уходить? Все готово!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Этюпъ, 23 ноября 1784 г.

И вотъ ты опять ушла! Словно темное, траурное покрывало повисъ туманъ надъ садомъ и печально стоитъ бѣлый маленькій замокъ съ закрытыми ставнями. Я не могу оставаться здѣсь безъ тебя, здѣсь точно кладбище теперь! Въ каждой комнатѣ, на каждомъ стулѣ, передъ каждымъ столомъ и — снаружи, подъ вязами и плакучими ивами, какъ будто погребено мое мертвое счастье. Послѣдніе, поздніе цвѣты, которые ты сорвала, вянутъ въ стаканахъ и наполняютъ запахомъ разложенія комнаты, которыя такъ недавно были полны ароматнаго твоего присутствія.

Ты одарила меня неизъяснимымъ блаженствомъ, ты превратила дни въ сладостныя сновидѣнія, а ночи—въ праздникъ боговъ. Не была ли ты тайкомъ у Афродиты и не у нея ли ты научилась изготовлять волшебный напитокъ любви, обуздывающій мысли. прогоняющій сомнѣнія и сковывающій волю?

Только теперь я начинаю пробуждаться отъ опьянѣнія. Развѣ ты не сказала мнѣ: «Имѣй терпѣніе?» Говорила ли ты о нѣсколькихъ недѣляхъ или это были мѣсяцы!?!.

Ты оставила также безъ отвѣта вопросъ, который я поставилъ тебѣ, когда ты велѣла мнѣ уйти! Сегодня я сидѣлъ передъ храмомъ Венеры, подъ дождемъ желтыхъ листьевъ, сыпавшихся на меня, и вдругъ, — улыбка богини показалась мнѣ такой насмѣшливой, такой... двусмысленной!

Дельфина, возможно ли, что ты только играла со мной? Пиршъ, Шеврёзъ, Альтенау, — снова приходятъ мнѣ на умъ всѣ эти имена, которыя довели меня нѣкогда до отчаянія забытаго мною только въ твоихъ объятіяхъ. Или же я только увеличиваю собой этотъ рядъ?..

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 6 декабря 1784 г.

Возлюбленная! И я могъ тебя мучить, когда ты и безъ этого пережила столько дурного! Я слышалъ о внезапномъ исчезновеніи Каліостро. До меня дошли даже слухи, что Роганъ изъ-за этого пробовалъ лишить себя жизни. Онъ все потерялъ и увлекъ за собой еще другихъ въ эту финансовую катастрофу.

То, что тебѣ пришлось пережить, моя любимая, глубоко потрясло меня. Это было ужасно, когда маркизъ, въ слѣпой ярости, разбивалъ молоткомъ свою лабораторію, такъ что народъ, привлеченный шумомъ, сбѣгался къ его окнамъ. И какъ должно было обливаться кровью твое нѣжное сердце, когда этотъ несчастный обманутый упалъ передъ тобой, заливаясь слезами.

Нѣчто въ родѣ состраданія къ нему шевелится даже въ моемъ сердцѣ. Я постараюсь отогнать отъ себя всѣ сомнѣнія, всѣ упреки и нетерпѣніе, пока этотъ старикъ не оправится, и ты не будешь въ состояніи обсудить положеніе. Для него должно быть утѣшеніемъ то, что онъ потерялъ только половину своего состоянія. Для тебя же, моя ненаглядная, это безразлично. Если ты придешь ко мнѣ, окутанная только мерцающимъ шелковымъ покрываломъ твоихъ волосъ, то принесешь мнѣ съ собой всѣ неисчерпаемыя богатства земли!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 15 января 1785 г.

Ты возвращаешься назадъ, въ Лаваль? Такъ внезапно? Твой почеркъ дрожитъ, какъ будто твоимъ перомъ управляетъ біеніе твоего сердца?..

Я слѣдую пѣшкомъ за посланнымъ.

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Страсбургъ, 17 января 1785 г.

Моя милая. Ваше сообщеніе гораздо менѣе поразило меня, чѣмъ вы это думаете. Уже три года тому назадъ кардиналъ обратилъ мое вниманіе на ваши отношенія съ принцемъ Монбельяръ. Я считалъ это тогда одною лишней связью, не больше, и былъ убѣжденъ, — не только довѣряя предсказаніямъ Каліостро, но и на основаніи воспоминанія о томъ, какъ быстро вы отставляли своихъ прежнихъ любовниковъ, — что вы тѣмъ скорѣе покончите и съ этой связью, чѣмъ скорѣе я буду въ состояніи создать вамъ такое положеніе, которое дѣлаетъ васъ предметомъ зависти всѣхъ женщинъ Европы. Но я обманулся въ обоихъ направленіяхъ и если, несмотря на это, моя вѣра въ ясновидѣніе графа укрѣпилась, то только потому, что вѣдь онъ предсказалъ вамъ, какъ вы помните, появленіе еще одного ребенка! А я только ошибочно вообразилъ, что этотъ ребенокъ будетъ также моимъ!

Но мы не будемъ волноваться по поводу этого дѣла больше, чѣмъ это нужно. Это, въ лучшемъ случаѣ, ошибка, которая, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть исправлена. Я знаю въ Парижѣ врачей, которые исключительно занимаются такого рода операціями и вслѣдствіе своей огромной практики производятъ ихъ всегда съ благополучнымъ исходомъ.

Какъ сложатся обстоятельства потомъ—это будетъ видно. Обыкновенно такое событіе дѣйствуетъ какъ морозная погода на веселый источникъ любовныхъ утѣхъ. Въ такомъ случаѣ мой долгъ всегда будетъ служить для васъ убѣжищемъ.

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Страсбургъ, января 1772 г.

Моя милая. Я долженъ признаться, что на этотъ разъ вы меня дѣйствительно поразили. Вы хотите имѣть ребенка? «Даже если бъ мнѣ пришлось сознаться передъ цѣлымъ міромъ въ его происхожденіи!» говорите вы. Вы утверждаете даже, что уже теперь горячо любите его, — «потому что я никогда не любила и не буду любить ни одного мужчину, кромѣ его отца!» заявляете вы. Тогда остается только одинъ выходъ.

Въ моей жизни все ускользнуло изъ моихъ рукъ: любовь, власть, богатство. Только одно я могъ сохранить до сихъ поръ — незапятнанный щитъ моей чести. Но вы могли лишить меня его. Чувство, которое я питаю къ вамъ и которое вы, во всякомъ случаѣ, можете назвать любовью, дѣлало мнѣ слабымъ въ вашемъ присутствіи и я не сталъ насильственно приковывать васъ къ себѣ. Сознавая свою вину, — такъ что это казалось мнѣ даже чѣмъ-то въ родѣ искупленія, — я не мѣшалъ

вашимъ, какъ я думалъ, мимолетнымъ удовольствіямъ, которыя я самъ не могъ вамъ доставить.

Теперь же, какъ я полагаю, мы расквитались. Оставьте у себя ребенка, но въ глазахъ свѣта это будетъ мой ребенокъ. Вы должны немедленно же вернуться въ мой домъ и мнѣ, конечно, не надо васъ увѣрять, что ваше положеніе останется такимъ же, какъ было всегда.

Мое рѣшеніе относительно этого пункта неизмѣнно. И я не отступлю даже передъ серьезными мѣрами, если вы вздумаете сопротивляться.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 30 января 1785 г.

Моя возлюбленная Дельфина. Только что вернулся послѣ длиннаго разговора съ маркизомъ. Я скрылъ отъ тебя свое намѣреніе посѣтить его, чтобы не испугать тебя. Теперь я пишу тебѣ, моя единственная, дрожа отъ страха, потому что отъ тебя будетъ зависѣть, увидимся ли мы опять!

Я предложилъ маркизу вызвать меня на дуэль на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Но онъ отклонилъ это съ презрительнымъ смѣхомъ.

— Если бъ дѣло шло о простой связи маркизы, то, быть-можетъ, объ этомъ можно было говорить, — сказалъ онъ, — я или вы остались бы на мѣстѣ, это стоило бы нѣсколькими слезами больше или меньше, и только! Замѣна для каждаго изъ насъ была бы скоро найдена. Но, къ сожалѣнію, тутъ приходится имѣть дѣло съ той неудобной страстью, которая въ романѣ гораздо красивѣе, чѣмъ въ жизни. Что жъ вы думаете, сохранилась бы моя честь незапятнанной, если бъ вы пали? Предполагаете ли вы, что маркиза вернулась бы когда-нибудь въ мой домъ послѣ этого? И считаете ли вы возможнымъ, чтобы она могла быть счастлива, надъ моей могилой, — счастлива съ вами, отъ руки котораго я бы погибъ... Нѣтъ, судьбы людей, какъ и народовъ, не рѣшаются больше ударами меча!..

Я молча слушалъ его съ поникшей головой, я долженъ былъ сознаться, что онъ правъ. Когда же я потомъ попытался склонить его къ разлукѣ съ тобой, то онъ оказался неумолимъ.

— Маркиза знаетъ мой отвѣтъ. Ей предоставленъ выборъ. Только тогда, когда она не будетъ допускать явныхъ послѣдствій своей связи, я готовъ, — такъ какъ я разъ навсегда отказываюсь отъ своихъ супружескихъ правъ, — предоставить ей жить въ Лавалѣ отъ времени до времени. Но если родится ребенокъ, то онъ будетъ мой ребенокъ и будетъ принадлежать къ моему дому.

Ты должна выбрать между мной и еще неродившимся, между твоимъ возлюбленнымъ и надеждой, которая еще не стала жизнью!

Неужели ты будешь такъ немилосердна и рѣшишь противъ нашей любви? Ты не можешь желать меня убить, Дельфина, и не можешь заковать себя въ цѣпи! Я заклинаю тебя каждымъ воспоминаніемъ, которыхъ у насъ такъ много, каждымъ чувствомъ, которое мы дѣлили вмѣстѣ, каждой мыслью, — оставайся вѣрна любви! Если ты мужественно принесешь въ жертву этотъ первый плодъ нашей любви, то у насъ останется радостное настоящее и надежда на свободное будущее, когда тебѣ можно будетъ родить счастливыхъ дѣтей. Если же ты этого не сдѣлаешь, то намъ ничего больше не остается, кромѣ скорби о томъ, что потеряно навѣки.

Не отвѣчай мнѣ. Ты можешь принять слишкомъ поспѣшное рѣшеніе, когда твои глаза не будутъ читать въ моихъ глазахъ, что ты произносишь мнѣ смертельный приговоръ.

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Монбельяръ, 5 февраля 1785 г.

«Я не могу умертвить ребенка, потому что это твой ребенокъ! Его жизнь является для меня ручательствомъ, что насъ ничто не можетъ разлучить». — Я ношу на своемъ сердцѣ эту записку, которую передалъ мнѣ старый садовникъ, когда я стоялъ на опустѣвшемъ дворѣ, передъ закрытыми дверями... точно изгнанникъ!

Я пробую сердиться на тебя — и люблю тебя все больше! Я пробую ненавидѣть ребенка — и чувство глубокой нѣжности охватываетъ меня!..

Время, въ теченіе котораго онъ будетъ покоиться подъ твоимъ сердцемъ, должно быть для меня священнымъ, и мое страданіе не должно тебя безпокоить.

Прощай!

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Страсбургъ, 12 іюля 1785 г.

Моя милая. Такъ какъ мнѣ представляется желательнымъ устранить отъ васъ всякій поводъ къ волненію, въ теченіе послѣднихъ недѣль передъ вашими родами, то я и не послѣдую за вами во Фробергъ теперь же, а останусь въ Парижѣ, куда меня призываютъ неотложныя дѣла. Если я до сихъ поръ тщетно старался умножить наше состояніе, то теперь я долженъ позаботиться о томъ, чтобы сохранить его, — хотя бы уже ради наслѣдника, котораго я себѣ избралъ.

Я тотчасъ же переговорю съ докторомъ Дузе и попрошу его быть во Фробергѣ въ назначенное время.

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Парижъ, 25 іюля 1785 г.

Моя милая. Я боюсь, что тревожныя извѣстія въ газетахъ могутъ напугать васъ, поэтому я и тороплюсь предупредить васъ раньше. Въ Парижѣ, громко и по секрету, говорятъ теперь о какомъ-то сказочномъ ожерельѣ, которое будто бы кардиналъ купилъ по порученію королевы и за которое она, очевидно,... позабыла заплатить!

Вчера я былъ приглашенъ на ужинъ въ Тріанонъ. Когда я вошелъ въ замокъ, то меня поразили громкіе голоса и смѣхъ, дошедшіе до моего слуха, какъ будто я очутился на крестьянской ярмаркѣ. Удивленный, я остановился, какъ вдругъ двери въ театральный залъ раскрылись и оттуда ринулась группа людей, среди которыхъ находилась королева очень разгоряченная, очень веселая, а непосредственно за нею, съ видомъ тріумфатора, шелъ г. Бомарше. Я поклонился, немного менѣе низко, чѣмъ обыкновенно.

— Мы репетируемъ «Севильскаго цырюльника»! — услышалъ я громкій голосъ Бомарше, словно командующій на парадѣ. Необычайно изумленный такой неслыханной безцеремонностью, я ожидалъ взрыва. Но королева разсмѣялась еще громче. Однако, какъ мнѣ показалось, въ ея голосѣ слышался фальшивый звукъ.

За ужиномъ я наблюдалъ за ней. Краснота и блѣдность попеременно смѣнялись на ея лицѣ. Нарушая всякій этикетъ она, тотчасъ же послѣ ужина, встала изъ-за стола и исчезла... вдвоемъ съ Шеврёзомъ, въ темныхъ аллеяхъ парка, мы всѣ примолкли. Только Бомарше старался своими рискованными шутками поднять общее настроеніе.

Бомарше въ качествѣ режиссера королевы! — Я склоненъ вѣрить теперь самымъ дурнымъ слухамъ.

Вчера вечеромъ я рѣшился осмотрѣть знаменитыя аркады Пале Рояля, построенныя герцогомъ Шартрскимъ какъ будто нарочно для того, чтобы давать убѣжище всякому темному сброду. Съ наглыми рѣчами мужчинъ можетъ поспорить только безстыдство женщинъ, посѣтительницъ аркадъ. И съ этимъ обществомъ смѣшивались съ явнымъ удовольствіемъ мужчины и дамы придворнаго круга, возвращаясь изъ оперы, и я долженъ со стыдомъ признаться, что въ тонѣ разговора и обращеніи почти нельзя было замѣтить разницы между высшимъ обществомъ и этимъ уличнымъ сбродомъ.

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Версаль, 16 августа 1785 г.

Ужасное событіе, моя милая, задерживаетъ мой отъѣздъ. Кардиналъ, принцъ Луи Роганъ, былъ арестованъ вчера у капеллы версальскаго замка, въ полномъ облаченіи и въ присутствіи всѣхъ сановниковъ двора!

Едва произошло это неслыханное событіе, какъ всѣ члены семьи Рогана: принцы Субизъ, Геменэ и Монпансье, вмѣстѣ съ епископами и кардиналами, тотчасъ же покинули замокъ. Король и королева увидѣли передъ собой почти совершенно пустой залъ, когда появились. Марія-Антуанета была, повидимому, близка къ обмороку.

Что случилось — этого никто не знаетъ въ точности. Говорятъ, что Роганъ принесъ себя въ жертву ради королевы. Каліостро вѣдь предсказалъ ему: «съ вашимъ именемъ будетъ связано освобожденіе Франціи!»

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинъ.

Всю ночь я стоялъ, какъ воръ, подъ твоимъ окномъ, моя любимая! Каждый крикъ, который я слышалъ, разрывалъ мнѣ сердце. Потомъ наступила тишина — могильная тишина... И вдругъ тихій плачъ, точно чириканіе птички, донесся ко мнѣ черезъ темноту. Наше дитя! Ты, моя ненаглядная жена! Положи ему красные лепестки этой розы на сердечко. Его бѣдный отецъ шлетъ ему привѣтъ!

ПОСЛѢДНІЙ АКТЪ.

Принцъ Фридрихъ-Евгеній Монбельяръ—Дельфинъ.

Парижъ, 3 мая 1786 г.

Наконецъ-то, возлюбленная, вѣсть отъ тебя! Она снимаетъ съ насъ запрещеніе и не только подаетъ мнѣ надежду на свиданіе съ тобой,— въ мысляхъ объ этомъ я колеблюсь между мукой и блаженствомъ, такъ какъ купить это долженъ слишкомъ большимъ униженіемъ! — но, главнымъ образомъ, сулитъ мнѣ возможность обсудить съ тобой великій вопросъ нашего будущаго. Цѣлые мѣсяцы я молчалъ. Быть-можетъ, я не въ состояніи былъ бы исполнить твое желаніе, если бъ передо мной не явилось чудное видѣніе.

Это было въ октябрѣ прошлаго года. Страстная тоска истомила меня. Я забылъ все: твои желанія, мои обѣщанія! — и вотъ, передъ восходомъ солнца я выѣхалъ верхомъ, твердо рѣшивъ увидѣть тебя, если бъ даже мнѣ пришлось взорвать стѣны замка, чѣмъ ближе становилась моя цѣль, тѣмъ больше я пришпоривалъ свою лошадь, которая, непривычная къ такому обращенію, мчалась, какъ бѣшеная, впередъ. Внизу, въ деревенскомъ постояломъ дворѣ, я остановилъ ее стоять, а самъ пѣшкомъ пошелъ на гору. Запертыя ворота парка поддались моимъ ударамъ. Сквозь зелень уже бѣлѣли стѣны маленькаго замка. «Гора радости», шепталъ я себѣ, охваченный трепетнымъ ожиданіемъ, и вдругъ я остановился!...

Я услышалъ тихое пѣніе. Столько нѣжности было въ немъ, — хотя это не была любовная пѣснь, столько ликованія — хотя это не былъ гимнъ побѣды! Голосъ былъ мнѣ знакомъ. Я уже хотѣлъ броситься туда, откуда неслись эти звуки, но что-то новое, чуждое въ нихъ обуздало мою страсть. Я подкрался сквозь чащу кустарника...

И тутъ я увидалъ тебя! На бѣлой скамьѣ, подъ темно-краснымъ сводомъ каштановаго дерева, ты сидѣла съ маленькимъ мальчикомъ на рукахъ, крошечный ротикъ котораго съ жадностью прижимался къ твоей обнаженной розовой груди. Ты меня не видала, твой взглядъ былъ прикованъ къ ребенку. Ты не чувствовала моей близости. Всѣ твои чувства принадлежали ему, этому маленькому созданію! Мое страстное желаніе умолкло, и все-таки я еще никогда не любилъ тебя такъ сильно, такъ глубоко, какъ теперь! Но я ушелъ такъ же тихо, какъ пришелъ, никѣмъ незамѣченный. Нарушить этотъ миръ казалось мнѣ святотатствомъ.

И вотъ ты, моя дорогая, мать моего сына, я могу снова увидѣть тебя, могу осмѣлиться думать о тѣхъ волненіяхъ, которыя тебѣ придется вынести и которыя будутъ предшествовать нашему соединенію. Ты ни слова не пишешь объ этомъ. Я не нахожу даже въ твоемъ письмѣ веселаго тона радости по поводу твоего пріѣзда въ Парижъ. Ты жалуешься, что маркизъ все больше и больше требуетъ твоего присутствія и что онъ съ каждымъ днемъ все съ большею гордостью настоящаго отца взираетъ на мальчика. Я бы хотѣлъ, чтобы онъ выказалъ себя еще большимъ тираномъ, тогда ты менѣе стѣснялась бы добиваться своей свободы!

Не правда ли, ты вѣдь непоколебимо рѣшила, что ты принадлежишь мнѣ... одному мнѣ?

Когда я, въ Этюпѣ, проходилъ одинъ по пустымъ комнатамъ, то часто мнѣ слышался шорохъ платья, возлѣ меня и изъ коридора доносился ко мнѣ звонкій дѣтскій смѣхъ. Были ли то призраки прошлаго или, скорѣе, радостное предчувствіе будущаго? Когда мы соединимся, моя возлюбленная, то что же можетъ удерживать меня въ этомъ кипящемъ адскомъ болотѣ, называемомъ столицей?

Вся жизнь здѣсь превратилась въ лихорадку, каждый случай становится исходнымъ пунктомъ катастрофическихъ событій. Передъ парламентомъ, гдѣ обсуждается, въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль, исторія съ ожерельемъ, стекаются съ каждымъ днемъ все возрастающія и раздраженныя толпы народа. Если показывается Роганъ, на пути въ Бастилію или изъ нея, то его встрѣчаютъ бурными оваціями, и было бы трудно понять, какъ это тѣ самые люди, которые рычатъ на каждаго политическаго реакціонера, могутъ такъ привѣтствовать кардинала, врага всякаго прогресса, если бъ не было слишкомъ ясно, что въ этотъ моментъ они видятъ въ немъ только жертву монархическаго произвола! Кажущаяся любовь къ нему есть не что иное, какъ самая настоящая ненависть къ абсолютизму.

Я самъ съ возрастающимъ участіемъ слѣдилъ за производствомъ дѣла, хотя по традиціи оно и было секретнымъ. Но это соблюдалось только на бумагѣ, какъ и много другихъ традицій. Роганъ держитъ себя какъ благородный человѣкъ, спокойно, съ достоинствомъ, и не говоритъ ни одного лишняго слова.

Зато Ламоттъ, его соучастница, безумствуетъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ доказываетъ, что кровь Валуа, которой она хвастается, течетъ въ ея жилахъ въ очень разжиженномъ видѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что свой послѣдній неосторожный шагъ кардиналъ совершилъ по наущенію этой ловкой авантюристки. Но ея личность, выступающая въ яркомъ освѣщеніи судебнаго слѣдствія, бросаетъ темную тѣнь на личность другой особы, той, имя которой никто не осмѣливается произносить въ этой залѣ, но на которую, новая грозновозрастающая сила— общественное мнѣніе, уже указываетъ, — съ трагической серьезностью и въ разнузданныхъ шуткахъ, — какъ на истинную виновницу. Это— королева. Ожерелье, блестящіе камни котораго потускнѣли отъ послѣдняго чумнаго дыханія умирающаго короля, породило теперь еще болѣе опустошительную эпидемію, чѣмъ та, отъ которой погибъ Людовикъ XV.

Король и королева почти изолированы теперь. Духовенство и дворянство не могутъ простить имъ унизительнаго способа ареста одного изъ первыхъ сановниковъ церкви и аристократіи, а народъ съ радостью пользуется случаемъ, чтобы стащить королеву въ грязь своихъ человѣческихъ слабостей. Съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что Калоннъ употребилъ часть денегъ изъ государственнаго займа, чтобы уплатить долги графа Артуа и герцога Бурбонскаго, то всякій фантастическій слухъ относительно добыванія денегъ встрѣчаетъ уже полное довѣріе. Даже такой честный парень, какъ Люсьенъ Гальяръ, съ которымъ я вижусь каждый вечеръ въ Пале Роялѣ, былъ убѣжденъ въ существованіи въ замкѣ Тріанона серебрянаго пола и брильянтовой залы.

Популярности Гальяра могъ бы позавидовать каждый министръ. Вслѣдствіе послѣдняго остатка рабской покорности, всегда испытываемой буржуа передъ аристократами, общественное мнѣніе вообще тѣмъ болѣе заглушаетъ свой голосъ, чѣмъ выше рангъ того, кого оно видитъ передъ собой и поэтому къ стѣнамъ королевскихъ замковъ доносится лишь его отдаленный ропотъ. Гайльяръ же находится совершенно на высотѣ своего времени и настолько уже не чувствуетъ сословныхъ различій, что я, — позволь мнѣ, со смѣхомъ, сознаться тебѣ въ этой слабости! — зачастую очень непріятно чувствую его равенство, при всемъ моемъ теоретическомъ признаніи полной справедливости такого положенія. Я уже подумывалъ о томъ какъ-то, чтобы взять его въ качествѣ дворецкаго въ Этюпъ, но я все еще не могу свыкнуться съ мыслью дружески пожимать руку своему подчиненному и считать его взгляды такими же правомѣрными, какъ и мои.

По тому затрудненію, которое я испытываю, порывая съ простыми формами прошлаго, я сужу и о томъ, какъ трудно, и почти невозможно абсолютному монарху отказаться отъ внутренняго содержанія этихъ формъ.

Недавно я обѣдалъ въ Версали. Король очень плохо смотритъ, и сталъ необыкновенно серьезнымъ, а королёва проявляетъ искусственную веселость. Говорятъ, что нѣжное тѣлосложеніе дофина тревожитъ ее, и эту тревогу не можетъ прогнать даже цвѣтущій видъ ея второго сынка. Свою ферму въ паркѣ Тріанона, гдѣ она провела самые веселые часы своей жизни, королева предоставила для жительства двѣнадцати супружескимъ парамъ бѣдняковъ, а послѣ злополучнаго представленія Севильскаго цырюльника, — состоявшагося черезъ два дня послѣ ареста Рогана, когда ей пришлось играть передъ наполовину пустой залой, и публика оказалась скупа на аплодисменты, — королева уже ни разу не переступала порога маленькаго театра.

Оттого ли міръ рисуется мнѣ такими мрачными красками, что твое присутствіе уже не освѣщаетъ его, или же зрѣлые годы мѣшаютъ мнѣ видѣть все, какъ прежде, окрашеннымъ въ розовый свѣтъ юности? А можетъ-быть, дѣйствительно грозовыя тучи лѣтней ночи окутываютъ все кругомъ? Только съ тобой, моя любимая, я рѣшусь ближе подойти къ этому вопросу.

Я вспомнилъ еще объ одной встрѣчѣ. Въ клубѣ я столкнулся съ г. фонъ-Альтенау. Онъ какъ будто хотѣлъ избѣжать меня, такъ какъ онъ занимаетъ вліятельный постъ въ органѣ Неккера «Journal de Leyde», то я былъ заинтересованъ имъ и отправился съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ вышелъ изъ клуба. Онъ былъ молчаливъ. Только на Понъ Нефъ, гдѣ Сена, освѣщаемая новыми красными фонарями, медленно течетъ, точно потоками крови, Альтенау сталъ разговорчивѣе. Онъ спросилъ о тебѣ и разсказалъ торопливо о томъ, что испытала ты однажды на этомъ самомъ мосту; когда я ему сообщилъ, что ты обрадована рожденіемъ сына, у него изъ глазъ хлынули слезы. Знала ли ты, что онъ такъ любилъ тебя? Впрочемъ, кто же изъ тѣхъ, кто знаетъ тебя, можетъ не любить тебя?

Я едва осмѣливаюсь надѣяться, что ты, дѣйствительно, черезъ четыре недѣли будешь здѣсь, ты и твое дитя, — наше дитя, Дельфина!

Зачѣмъ надо принимать такія предосторожности съ этимъ письмомъ? Развѣ маркизъ слѣдитъ за твоей корреспонденціей? Это, однако, мало подходитъ къ его благородной натурѣ!

Крѣпко прижимаю тебя къ моему сердцу, ты, моя милая, любимая жена! Я живу только для того часа, когда я больше не отпущу тебя отъ себя.

Маркизъ Монжуа—Дельфинъ.

Парижъ, 20 мая 1786 г.

Моя милая. Послѣ того какъ я нашелъ подходящую квартиру для насъ въ отель де Руа, я прошу васъ какъ можно скорѣе выѣхать изъ Фроберга. Я уже далъ необходимыя указанія нашему дворецкому, и никакія измѣненія не должны быть допущены. Пользованіе почтой, вмѣсто собственныхъ лошадей и экипажей, безусловно предпочтительнѣе въ наше тревожное время. Когда у меня дорогой свалилась лошадь, и мой кучеръ отправился въ ближайшій крестьянскій дворъ за помощью, то крестьянинъ наотрѣзъ отказалъ ему, замѣтивъ при этомъ: «Прошли времена, когда дворянинъ, не имѣя лошадей, могъ запрягать насъ въ свою коляску!» Путешествующіе въ почтовыхъ экипажахъ, не выдавая своего сословія, не такъ легко подвергаются оскорбленіямъ.

Вы, впрочемъ, сами убѣдитесь, во время вашего путешествія, какъ я былъ правъ, возставая противъ вашего чрезмѣрнаго состраданія, привлекшаго къ намъ во Фробергъ всѣхъ нищихъ. Всюду теперь уже замѣчаются явные признаки усиленія благосостоянія, видны новые или хорошо исправленные дома, воздѣланныя поля и люди въ удобной одеждѣ.

И несмотря ни на что, пробужденный однажды духъ недовольства неискоренимъ. Чѣмъ больше идутъ съ реформами на встрѣчу черни, тѣмъ она становится требовательнѣе. Какъ это подтвердили мнѣ и сообщенія моихъ друзей въ Парижѣ, слабость короля и страхъ министра финансовъ передъ насильственнымъ переворотомъ дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ вмѣстѣ, чтобы двигать насъ дальше по этому пути. Процессъ Рогана могъ только ухудшить положеніе. Послѣ афронта, причиненнаго этимъ арестомъ, всѣ благонамѣренные люди отдалились отъ двора. Въ этомъ случаѣ я чувствую себя на сторонѣ рычащей черни передъ парламентомъ, требующей безотлагательнаго освобожденія кардинала.

Не легко мнѣ было промѣнять спокойный Фробергъ на Парижъ. Но, быть-можетъ, судьба всѣхъ насъ зависитъ отъ ближайшихъ недѣль и я не могу оставаться безучастнымъ зрителемъ. Вліяніе, которое я еще имѣю у короля, должно быть использовано теперь. Причину, вынудившую меня вызвать васъ изъ Фроберга, — къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ малюткой, съ которымъ вы не хотите разставаться, хотя ему было бы гораздо лучше въ деревнѣ — я бы хотѣлъ объяснить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ я, какъ вы знаете, избѣгаю словесныхъ пререканій, которыя легко ведутъ къ сценамъ. У меня еще нѣтъ довѣрія къ вамъ. Монбельяръ и Этюпъ находятся слишкомъ близко, и поэтому у меня возникаетъ опасеніе, что мать моего наслѣдника можетъ забыться.

Маркизъ Монжуа—Дельфинѣ.

Парижъ, 22 мая 1786 г.

Моя милая. Я вынужденъ до вашего отъѣзда написать вамъ еще нѣсколько словъ, для того, чтобъ вы знали, чего я жду отъ васъ. Вчера я видѣлъ принца Монбельяра. Вы, слѣдовательно, будете встрѣчаться съ нимъ въ обществѣ, и само собою понятно, что мы не можемъ избѣгать его, чтобы не давать повода къ разнымъ толкамъ. Поэтому я требую отъ васъ торжественнаго обѣщанія, что вы не возобновите съ нимъ отношеній. Я не стану напоминать вамъ о благодарности, которую вы должны чувствовать ко мнѣ, спасшему васъ и ребенка отъ публичнаго позора. Я хочу только объяснить вамъ, что съ того момента, какъ я призналъ своимъ наслѣдникомъ вашего ребенка, я сумѣю сохранить честь имени, которое я ему далъ.

Вчера Роганъ былъ оправданъ. Народъ встрѣтилъ его такими бурными оваціями, что отзвуки ихъ были слышны даже въ самыхъ внутреннихъ покояхъ Версаля. Королева заперлась одна въ своей комнатѣ. Она, можетъ-быть, чувствовала, что въ этомъ оправданіи заключается ея приговоръ!

Принцъ Фридрихъ Евгеній Монбельяръ—Дельфинѣ.

Версаль, 10 іюля 1786 г.

Моя бѣдная голубка, что онъ съ тобой сдѣлалъ? Ты, моя прежняя, смѣлая Дельфина, стала такой боязливой, такой малодушной! Даже проницательные взоры моей любви не въ состояніи были разгадать тебя, когда ты вчера стояла передо мной въ академіи, блѣдная и робкая, какъ маленькая дѣвочка. Только твои бѣгло набросанныя строки разъяснили мнѣ это. Ты дала маркизу обѣщаніе, которое онъ отъ тебя потребовалъ. «Я покупаю себѣ этимъ грѣхомъ послѣдній остатокъ свободы», пишешь ты и въ трогательныхъ словахъ просишь меня, — меня, отъ котораго исходятъ всѣ твои страданія! — простить тебѣ этотъ неправый поступокъ, какъ будто всѣ твои грѣхи, возлюбленная, когда-нибудь могли быть грѣхами! Только твоя слабость, допустившая, чтобы маркизъ нашего ребенка назвалъ своимъ, была несправедливостью противъ тебя самой, противъ насъ, и она страшно мститъ за себя! Но наша любовь будетъ достаточно сильна, чтобы и это преодолѣть.

Мы не должны писать другъ другу, говоришь ты. «Хотя маркизъ никогда не унизится до того, чтобы сдѣлать слугъ шпіонами, то все же онъ видитъ и чувствуетъ все, съ тѣхъ поръ какъ никакой Каліостро не отвлекаетъ его взоровъ». Но развѣ же мы не можемъ быть еще хитрѣе его?

Я спокойно поручилъ это письмо Гальяру, восхищеніе котораго тобой превышаетъ даже его республиканскія чувства. Я въ немъ совер-

шенно увѣренъ. Мы будемъ вскорѣ встрѣчаться съ тобой въ обществѣ, и чѣмъ оно будетъ многолюднѣе, тѣмъ легче мы можемъ уединиться въ толпѣ. Мы должны обсудить съ тобой, какъ быть дальше, и... я долженъ имѣть возможность цѣловать тебя снова, моя ненаглядная, для того, чтобы твои губки снова порозовѣли и кровь вернулась бы къ твоимъ щечкамъ. Я такъ люблю тебя, такъ люблю, и мое страстное желаніе такъ велико, что я, кажется, въ состояніи былъ бы вынести всѣ гадкія укрывательства тайной любви!

Увижу ли я тебя завтра у Пюи Сегюра, который, какъ онъ меня увѣрялъ, открылъ какую-то новую, удивительную сомнамбулу, — а послѣзавтра у M-me Сталь, которая намѣрена блеснуть своимъ умомъ въ какой-то новой общественной игрѣ?

Никогда еще ты не была такъ обворожительна, какъ вчера, моя прелестная! Маленькая маркиза, съ нѣжными ручками и ножками, съ тонкой таліей и грудью, возвышающейся точно роза изъ своей чашечки, и рядомъ съ ней новая шведская посланница [1]), съ крѣпкими костями, широкимъ лицомъ, пытливыми глазами и въ платьѣ, напоминающемъ отчасти греческій пеплумъ, отчасти монашескую рясу. Даже Гиберъ, привѣтствовавшій честолюбивую дочь Неккера какъ французскую Аспазію и выразившій свое уваженіе ко всей ея семьѣ даже въ своей вступительной рѣчи въ академіи,—чтобы совершенно сгладить воспоминаніе о своемъ прежнемъ отношеніи — на мгновеніе какъ будто растерялся, когда увидѣлъ тебя.

— Вы настоящій собиратель историческихъ документовъ эпохи, графъ, — замѣтилъ ему у выхода Шансене. — M-elle Леспинасъ, маркиза Монжуа, M-me Сталь!...» — Гиберъ, нахмуривъ брови, молча прошелъ мимо. Мнѣ же хотѣлось хорошенько задать этому шутнику. Но по какому праву могу я вступаться за тебя, моя возлюбленная?

Графъ Гиберъ—Дельфинѣ.

Парижъ, 23 іюня 1786 г.

Прекрасная маркиза. Ваша мраморная холодность, повидимому, не уступаетъ никакимъ увѣреніямъ въ преданности. Вы сердитесь на меня, какъ будто съ полнымъ правомъ, потому что я отдалился отъ васъ. Въ дѣйствительности же я чувствовалъ себя отвергнутымъ. Всякій солдатъ лишь очень неохотно вспоминаетъ свои пораженія и поэтому сворачиваетъ въ сторону отъ крѣпостей, оказавшихъ ему сопротивленіе!

Но если я не смогъ побѣдить ваше сердце, то, по крайней мѣрѣ, я хотѣлъ бы сохранить ваше доброе мнѣніе.

Умъ M-me Сталь обворожилъ меня какъ разъ въ такой моментъ, когда мое оскорбленное чувство должно было отступить и замкнуться

---

[1]) Г-жа Сталь. *Ред.*

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ
въ „Голосѣ Минувшаго".

1 страница	75 р.
1/2 « «	40 р.
1/4 « «	25 р.
Строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колон.)	60 к.
Страница обложки	100 р.
За каждую тысячу вкладныхъ объявленій до 1 листа	10 р.

Объявленія принимаются въ КОНТОРѢ журнала:
Москва, Тверская, 48
и въ **РЕДАКЦІИ:** Гранатный, 2, кв. 31.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
и выйдетъ въ началѣ осени текущаго года 2-е, исправленное и дополненное изданіе книги:

„ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА
ШКОЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ"
д-ра Д. Д. Бекарюкова.

Изданіе журнала „ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Книга будетъ заключать въ себѣ болѣе 500 страницъ, со многими рисунками.

Цѣна книги по выходѣ изъ печати 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 25 коп.

До выхода книги изъ печати на нее **ОТКРЫТА ПОДПИСКА:** подписная цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 75 коп.

Подписка принимается **исключительно** при конторѣ журнала „Вѣстникъ Воспитанія" (Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер., 32), при чемъ вся сумма вносится при подпискѣ.

40 дней
!!! БЕЗПЛАТНО !!!

Если вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по новѣйшему методу (всѣ другіе—реклама), **деньги возвращаемъ обратно.** Цѣна самоучителя одного языка съ перес. наложен. плат. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы исполняетъ единственный складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большой проспектъ, 56—567.

Я. К. Петерсъ.

1-е заочные кулинарные курсы.

Полный курсъ лекцій для самообученія **„Скоромный и постный столъ“**; около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печенья, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др. 300 стр. убористаго шрифта. Цѣна съ перес. нал. плат. 2 р. 60 к. Наставленіе, какъ правильно вести домашнее хозяйство и приготовлять экономическіе, вкусные и питательные обѣды, съ приложеніемъ разрѣзки мяса и украшеніемъ стола и блюдъ, около 100 стр., съ рисунками. Цѣна 1 р. 20 коп. Обѣ книги вмѣстѣ 3 р. 35 коп. (можно марками). Съ заказами обращаться исключительно къ

Я. К. ПЕТЕРСУ, С.-Петербургъ, Пет. стор., 556, Большой просп., № 56.

По удешевленной цѣнѣ! Временно распродается

вмѣсто 10 руб. за 7 руб. 50 коп., въ роскошномъ золотомъ тисненномъ переплетѣ 10 руб.

15 томовъ полнаго собранія большого формата СОЧИНЕНІЙ

ГЮИ де-МОПАССАНА.

Имя Гюи де-Мопассана гремитъ славою не только среди соотечественниковъ, но и **среди всего міра.** Достаточно указать на отзывы **И. С. Тургенева и Льва Толстого,** чтобы судить о томъ высокомъ положеніи, какое Гюи де-Мопассанъ занялъ въ исторіи **Всемірной литературы.** Памятникъ, воздвигнутый ему **въ Парижѣ,** краснорѣчиво говоритъ о симпатіяхъ **французской націи.** Его произведенія разошлись разновременно болѣе **300 изданій** въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ и переведены **на языки всѣхъ народовъ.** Сочиненія его особенно большой интересъ представляютъ теперь, когда такъ много говорятъ о половыхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Въ его романахъ читатель найдетъ разрѣшеніе этого вопроса въ изображеніи **правдивой дѣйствительности.** Книги высылаются наложеннымъ платежомъ; пересылка за счетъ покупателя по почтовому тарифу, упаковка безплатно.

Задатокъ въ размѣрѣ **2** руб. **50** коп. прошу выслать, можно марками почтовыми или гербовыми, безъ чего заказы не выполняются.

Единственный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Петерб. сторона, Большой пр., 56-1. Я. К. ПЕТЕРСЪ.

Вышелъ 5—6 №№ ежемѣсяч.

литературно-общественнаго журнала **„ПУТЬ“.**

СОДЕРЖАНІЕ: Туманъ. Раз. **В. Серебреникова.** Хозяинъ жизни. Раз. **К. Милля.** СТИХИ: **Н. Мѣшкова, П. Сухотина, С. Яшнова.** Воспомин. о Л. Н. Толстомъ. **М. Козырева.** Неизданное стих. **И. З. Сурикова.** Плѣнникъ Навьихъ чаръ Ст. **Треплева.** Научные очерки **д-ра Замиралова.** Новое о Пушкинѣ. Литературн. хроника. Провинціальн. очерки. За мѣсяцъ **И. И. Попова.** Замѣтки о новыхъ книгахъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1913 г. Подпис. цѣна: на годъ съ преміей «Дорогія мѣста»— 3 руб., на 1/2 г. — 1 руб. 50 коп., на 4 мѣс. — 1 руб.

Адресъ редакціи: *Москва, Соколиная ул., д. 22.*

Редакторъ-издатель **И. А. БѢЛОУСОВЪ.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ **„МУЗЫКА“.** Москва, Остоженка, Троицкій пер., д. 5, кв. 3, телеф. 210-98.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб., на 1/3 года 2 руб. 25 коп.

Отдѣльный № 15 копеекъ, съ пересылкой (почтовыми марками) 20 копеекъ.

Программа **„Музыки“** обнимаетъ собою **разработку теоретическихъ и практическихъ вопросовъ музыкальнаго искусства, освѣщеніе современныхъ исканій** въ музыкальномъ творчествѣ **и защиту профессіональныхъ интересовъ** музыкальныхъ дѣятелей.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ВЪ ЖУРНАЛѢ: Музыкальный календарь (въ теченіе большого сезона).— **Статьи** (научныя, популярныя, историческія изслѣдованія, воспоминанія, по вопросамъ педагогическимъ, музыкально-общественнымъ и пр.).—**Хроника Москвы и Петербурга.—Петербургскія письма.—Лѣтопись провинціи.—За рубежомъ. Библіографія** (рецензій на книги по музыкѣ, ноты, а также на общія сочиненія по теоріи и исторіи искусства и на художественныя произведенія изящной литературы).—**Тексты для музыки.—Иллюстраціи.**

Во второй половинѣ года въ числѣ др. статей и матеріаловъ будутъ помѣщ.: проф. **Н. Д. Кашкина:** «М. А. Балакиревъ и его отношенія къ Москвѣ» (по личнымъ воспоминаніямъ о музыкальной Москвѣ 50—80-хъ гг. прошлаго столѣтія).— Проф. **Г. Э. Конюса:** «О тактовой чертѣ въ пѣсняхъ безъ словъ Мендельсона».—**Б. Л. Яворскаго:** «Текстъ и музыка» (глава изъ книги «Строеніе музыкальной рѣчи»).— **Е. В. Богословскаго:** «Дж. Габріэлли» (историческій очеркъ). — **Л. Саминскаго:** «Млада» Н. А. Римскаго-Корсакова (Художественно-критическій очеркъ).—**К. Р. Эйгоса:** «О нормахъ въ музыкѣ» и много друг.

Редакторъ-издатель **Вл. ДЕРЖАНОВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ 1913 ГОДЪ

на единственную еженедѣльную общественно-педагогическую газету

ШКОЛА и ЖИЗНЬ,

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Задача газеты: тѣсное единеніе школы съ жизнью и семьи со школою; свободное развитіе всѣхъ видовъ школы, отъ высшей до низшей.

3-й годъ изданія.

Подписавшимся съ 1-го января уже разосланы:

Новый трудъ извѣстнаго германскаго педагога **Г. Кершенштейнера. „О характерѣ и его воспитаніи“.**

ТРАКТАТЪ **Джона Локка. „Мысли о воспитаніи и о воспитаніи разума“.**

Сборникъ статей самаго выдающагося представителя экспериментальной психологіи **СТЭНЛИ ХОЛЛА. „Соціальные инстинкты у дѣтей и учрежденія для ихъ развитія“ и „Инстинкты и чувства въ юношескомъ возрастѣ“.**

Въ числѣ прилож. за II полугод. подписч. получаетъ извѣстную классическую книгу **профес. Паульсена — „Педагогика“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс—2 руб.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ: Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18, во всѣхъ почтово-телегр. отдѣл. и въ солидныхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія: строка нонпарели впереди текста 60 коп., позади 30 коп.

Редакторъ: **Г. А. Фальборкъ.** Издатели: **Н. В. Мѣшковъ и Г. А. Фальборкъ.**

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“

(Москва, Большая Кисловка, домъ 1, кв. 4).

Вышло **9-ое**, заново переработанное и дополненное, подъ редакціей **Н. М. Никольскаго** изданіе книги

П. МЕЛЬГУНОВЪ. Первые уроки исторіи.

„ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ“

съ 85 рисунк. и картою. Цѣна **1** р. **25** к.

Историческая Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. З.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Книга для чтенія по исторіи новаго времени.

Томъ IV, часть I.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Содержаніе: Соціально-экономическая политика и административныя реформы консульства и имперіи—*И. М. Хераскова.* Реформы въ Пруссіи—*В. Н. Перцева.* Вѣнскій конгрессъ—*С. А. Котляревскаго.* Священный союзъ и международная политика эпохи реакціи—*В. А. Бутенко.* Политическія движенія въ Испаніи и Италіи въ 1820—1823 гг.—*Е. В. Тарле.* Политическія теоріи во Франціи—*М. Фельдштейна.* Основные моменты реставраціи во Франціи—*А. М. Васютинскаго.* Внутренняя политика іюльской монархіи—*Н. И. Карѣева.* Сенъ-Симонъ и Фурье—*А. А. Борового.* Коммунизмъ и религіозно-соціальныя ученія во Франціи передъ революціей 1848 г.—*А. А. Борового.* Революція 1848 г. во Франціи—*В. В. Филатова.* Реакція въ Германіи—*В. Н. Перцева.* Либеральныя, радикальныя и соціалистическія идеи въ предреволюціонной Германіи—*П. А. Берлина.* Революція 1848 г. и контръ-революція въ Германіи—*И. И. Шитца.* Революція въ Пруссіи—*А. К. Дживелегова.* Соціальная и національная борьба въ Австріи въ 1848 г.—*И. О. Левина.* Дореформенное мѣстное самоуправленіе въ Англіи—*М. В. Бердоносова.* Борьба за избирательныя права въ Англіи и реформа 1832 г.—*И. В. Лучицкаго.* Рабочій классъ и рабочее движеніе въ Англіи 20—40 гг. — *В. П. Потемкина.* Англійская свободная торговля — *I. М. Кулишера.* **744 стр. Ц. 3 р. 25 к.**

Томъ I. IV+627 стр. XVI и XVII столѣтія. Ц. **2** р. **75** к.
Томъ II. 748 стр. Первая половина XVIII столѣтія. Ц. **3** р. **25** к.
Томъ III. 796 стр. Вторая половина XVIII столѣтія. Ц. **3** р. **25** к.
Томъ IV. Часть II.—Исторія Восточной Европы въ первой половинѣ XIX столѣтія—**печатается.**
Томъ V.—Готовится къ печати.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина и „Сотрудникъ Школъ“.

О подпискѣ на „Голосъ Минувшаго“.

Подписка на $^1/_2$ года—**4** руб., на годъ—**8** руб., 9 мѣсяцевъ съ апрѣля—**6** р. **50** к., 1 мѣсяцъ—**1** р., за границу—**10** р. принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, 48, въ Петербургѣ и др. городахъ, въ отдѣленіяхъ **Т-ва И. Д. Сытина.**

Редакція проситъ гг. подписчиковъ своевременно извѣщать контору о каждой перемѣнѣ адреса, прилагая на 25 коп. марокъ.

Въ послѣдующихъ книгахъ „Голоса Минувшаго“, между прочимъ, будутъ печататься слѣдующія статьи, воспоминанія и матеріалы:

ВЪ ОТДѢЛѢ СТАТЕЙ:

М. О. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва.
А. К. Дживелеговъ. Пьетро Арентино и Возрожденіе.
И. И. Игнатовичъ. Продовольственный вопросъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наканунѣ освобожденія.
А. С. Лаппо-Данилевскій. Изъ исторій политич. ученій въ Россіи.
С. П. Мельгуновъ. Романъ Мережковскаго «Александръ I».
Ю. М. Стекловъ. Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго конгресса.
Е. И. Терасовъ. Русскіе «геттингенцы» первой четверти XIX вѣка и вліяніе ихъ на развитіе либерализма въ Россіи.
А. А. Чебышевъ. Арестъ Грунера. (Изъ исторіи патріотическаго движенія въ Германіи 1812 г.).

ВЪ ОТДѢЛѢ ВОСПОМИНАНІЙ.

Изъ дневниковъ кн. **Д. М. Волконскаго** (1803—1834 гг.).
Тимофей-Заяцъ. Записки о моей жизни. Съ предисловіемъ А. К. Чертковой.
А. Колянковскій. Воспоминанія о проф. А. Г. Брикнеръ.
А. Ѳ. Кони. Изъ воспоминаній о М. Т. Лорисъ-Меликовѣ.
Кудрявцева. Краткіе отрывки жизни моей (конецъ XVIII вѣка и начало XIX вѣка).
Н. А. Морозовъ. Во имя братства.
Изъ записокъ декабриста **М. И. Муравьева-Апостола.**
М. Новорусскій. О Шлиссельбургскомъ архивѣ.

ВЪ ОТДѢЛѢ МАТЕРІАЛОВЪ:

Письма **Гончарова** къ Мусиной-Пушкиной. Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина.
Переписка **М. Н. Муравьева-Виленскаго** съ мин. госуд. имущ. Зеленымъ о событіяхъ въ Сѣв.-Западномъ краѣ во время польскаго возстанія 1863 г. Съ предисловіемъ В. И. Семевскаго.
Изъ писемъ **Л. Н. Толстого** къ художнику Башилову по поводу иллюстрацій къ «Войнѣ и миру» (съ иллюстраціями).
А. С. Попельницкій. Письмо И. С. Тургенева къ Александру II (1859 г.).
Письма М. Н. Невзорова къ кн. А. Н. Голицину (1820 г.).
Т. О. Соколовская. Сокровенность масонскихъ списковъ.
В. В. Каллашъ. Замѣтки о Гоголѣ.
М. К. Лемке. Матеріалы по исторіи русской цензуры.
Л. Ѳ. Пантелѣевъ и А. С. Попельницкій. Матеріалы по исторіи Московскаго университета въ 50 гг.
Дѣло Ситникова (1831 г.); проектъ вѣчевого устройства.
А. С. Пругавинъ. Политическіе ссыльные въ далекомъ сѣверѣ (60 гг.).
М. Н. Коваленскій. Изъ неизданныхъ курсовъ Грановскаго.
Юношеская драматическая поэма «Стено» (1834 г.) **И. С. Тургенева.** Съ послѣсловіемъ М. О. Гершензона.

Со второй половины года начинается печатаніе первой части **новой исторической трилогіи** извѣстнаго польскаго романиста **Вл. Реймонта.** 1794-ый г. I. Послѣдній сеймъ «Рѣчи Посполитой».

Въ отдѣльномъ изданіи на русскомъ языкѣ, на основаніи соглашенія редакціи съ г. Реймонтомъ, романъ появится только по окончаніи печатанія его въ «Голосѣ Минувшаго», т.-е. въ **1915 году.**

Содержаніе вышедшихъ книгъ „Голоса Минувшаго“:

№ 1. (Январь).

I. Статьи:

Руссо—гражданинъ Женевы, М. М. Ковалевскаго.
М. В. Буташевичъ-Петрашевскій (біограф. очеркъ), В. И. Семевскаго.
Театръ и зрители. 1. Русскіе зрители XIX в., И. Н. Игнатова.
Королева Луиза и Александръ I, А. К. Дживелегова.
Народничество Н. Н. Златовратскаго, П. Н. Сакулина.

II. Воспоминанія:

А. В. Поджіо. Записки декабриста, съ предисловіемъ А. И. Яковлева.
Изъ далекихъ воспоминаній, К. К. Арсеньева.

III. Матеріалы:

Л. Н. Толстой о Наполеонѣ (письма Л. Н. Толстого къ А. И. Эртелю). П. И. Бирюкова.
М. Е. Салтыковъ въ Ниццѣ (изъ неизданной переписки съ Н. А. Бѣлоголовымъ), В. А. Розенберга.
Новые матеріалы о М. А. Бакунинѣ и А. И. Герценѣ, В. Я. Богучарскаго и М. О. Гершензона.

IV. Критика и библіографія:

Новая работа объ Александрѣ I (по поводу изслѣдованія великаго князя Николая Михайловича), С. П. Мельгунова.

V. Обзоръ журналовъ:

Статьи нѣмецкихъ авторовъ по русской исторіи въ нѣмецкомъ журналѣ Теодора Шимана, А. А. Кизеветтера.
Изъ иностранныхъ журналовъ, А. М. Васютинскаго.
Значеніе эпохи Отечественной войны (по поводу статьи г. Корнилова), М. Н. Покровскаго.

VI. Хроника:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ѳ. Д. Батюшкова.
Памяти В. Е. Якушкина, В. И. Семевскаго.
П. И. Бартеневъ, В. В. Каллаша.
П. И. Щукинъ, А. В. Орѣшникова.
Артуръ Гергей, А. К. Дживелегова.
П. А. Крапоткинъ, какъ историкъ французской революціи.
М. Ѳ. Казаковъ, И. Е. Бондаренко.
Акварель E. Lami въ Румянцевскомъ музеѣ, Н. И. Романова.
Музей Александра III въ Москвѣ, В. Е. Степановой.
Выставка 1812 года, Е. Ѳ. Корша.
Хроника научныхъ обществъ и мелкія сообщенія.

VII. Приложеніе:

„Письма маркизы“, романъ Лили Браунъ (изъ второй половины XVIII в., переводъ Э. К. Пименовой).

VIII. Рисунки:

Акварель E. Lami, поморскіе лубки (сатира на театръ) портреты: А. В. Поджіо, В. Е. Якушкина, П. И. Щукина, П. И. Бартенева, Т. Корзона, С. Кшеминскаго, М. Ѳ. Казакова.

№ 2. (Февраль).

I. Статьи:

В. И. Пичета. Смутное время въ русской исторіографіи.
А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу).
Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „украинской школы“.
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. I. Зрители нач. XIX в.
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

II. Воспоминанія:

Дневникъ Дюмона 1803 г. (съ портретомъ). Съ предисловіемъ С. М. Горяинова.
Записки А. В. Поджіо.
П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка“.

III. Матеріалы:

Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынѣ).
М. О. Гершензонъ. Н. П. Огаревъ.
Изъ дневника А. И. Эртеля.

IV. Критика и библіографія.

V. Обзоръ журналовъ:

1) С. П. Мельгуновъ. „Настоящая Россія“ (по поводу статьи А. А. Кизеветтера о Растопчинѣ).
2) Н. Л. Бродскій. Изъ исторіи русской литературы.
3) А. М. Васютинскій. „Французское общество въ началѣ второй имперіи. Новое о Стендалѣ“.
4) В. Н. Перцевъ. „Новое этнологическое освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ греческой культуры“.

VI. Хроника:

М. А. Дьяконовъ. Н. Е. Энгельманъ.
Ч. Вѣтринскій. Архивныя комиссіи.
К. С. Кузьминскій. Зауэрвейдъ (по повод. помѣщаемыхъ рисунковъ).
В. Н. Тукалевскій. Выставка въ память И. И. Срезневскаго.

Н. И. Херасковъ. Конгрессъ общества экономической исторіи революціи.

VII. Романъ:

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 3. (Мартъ).

I. Статьи:

А. К. Дживелеговъ. „Памяти Т. Н. Грановскаго".

М. М. Покровскій. Греческіе, римскіе и новѣйшіе гуманисты о женщинѣ и ея образованіи.

В. Викторовъ-Топоровъ. „Светозаръ Марковичъ" (изъ исторіи общественнаго движенія въ Сербіи).

А. Е. Грузинскій. Источники разсказа Л. Н. Толстого „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ".

В. И. Семевскій. М. В. Петрашевскій-Буташевичъ (характеристика).

II. Воспоминанія:

Дневникъ Дюмона 1803 г. Сообщ. С. М. Горяиновъ.

Записки Поджіо (окончаніе). Сообщ. А. И. Яковлевъ.

Записки Л. В. Дубельта. Сообщено Л. Ѳ. Пантелѣевымъ. Съ предисловіемъ С. П. Мельгунова.

П. Д. Боборыкинъ. „За полвѣка".

III. Матеріалы:

1) Изъ неизданной переписки Н. В. Гоголя. Сообщ. В. В. Каллашомъ и П. Н. Сакулинымъ. 2) „Грановскій и Шевыревъ" Ю. Соколова. 3) Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщ. В. И. Семевскимъ. 4) „Забота о довѣріи об-ва къ суду". Сообщ. В. Богучарскимъ.

IV. Обзоръ журналовъ:

А. А. Кизеветтеръ. „Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова". 2) Н. С. Русановъ. „Воспоминанія г. Вырубова о П. Л. Лавровѣ". 3) Н. Л. Бродскій. „Изъ исторіи русской литературы". 4) А. М. Васютинскій. „Тайная полиція во Франціи и Австріи въ эпоху реставраціи. Мемуары гр. Аппоньи".

V. Критика и библіографія:

VI. Хроника:

Т. И. Полнеръ. „В. В. Самойловъ". Съ рисунками.

Л. И. Гальберштадтъ. „Къ юбилею Румянцевскаго музея".

М. С. Сергѣевъ. „Выставка древне-русскаго искусства".

В. Н. Щепкинъ. „Миніатюра Сійскаго Евангелія 1339 г." (къ рисунку).

И. Н. Романовъ. „Литографія Э. Манэ «La Barricade». (Рисунокъ).

VII. Романъ.

Лили Браунъ. Письма маркизы.

№ 4. (Апрѣль).

I. Статьи:

В. М. Фриче. „К. Гольдони" (обществ. значеніе его комедій).

И. Н. Игнатовъ. „Театръ и зрители II. Послѣ Отечественной войны".

Н. О. Лернеръ. „Пушкинъ, Фотій и гр. Орлова".

К. Н. Левинъ. „Два эпизода изъ жизни А. И. Герцена". (По неизданнымъ матеріаламъ).

В. И. Семевскій. „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Пятницы Петрашевскаго въ 1845—48 гг.".

II. Воспоминанія:

„Дневникъ Э. Дюмона. 1803 г.". Сообщ. С. М. Горяиновъ.

Максимовъ. В. М. „Автобіографическія записки". Съ предисловіемъ И. Е. Рѣпина.

Бѣлоконскій, И. П. „Отрывки изъ воспоминаній".

III. Матеріалы:

„Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи". Сообщ. В. И. Семевскій. „Къ біографіи Т. Н. Грановскаго". Сообщ. Д. М. Щепкинъ. „Неизвѣстная сатира". Сообщ. Н. П. Кашинъ.

IV. Критика и библіографія:

V. Обзоръ журналовъ:

С. П. Мельгуновъ. 1) „Изъ исторіи русскаго самосознанія. Защита Мережковскимъ Александра I. Новое о декабристахъ". 2) Н. Л. Бродскій. „Новое о Пушкинѣ". 3) И. В. Лучицкій. „О феодализмѣ при Людовикѣ XVI". 4) А. М. Васютинскій. „Дж. Мадзини на защитѣ римской республики 1849 г. Новый варіантъ Мефистофеля. Фаустъ въ балаганѣ".

VI. Рисунки:

Портреты (дуплексъ): Гольдони; Н. А. Спѣшнева и В. М. Максимова. Картина И. Е. Рѣпина. „Арестъ" (въ краскахъ). Заставки изъ изданій Струйскаго XVIII в.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма Маркизы".

№ 5. (Май).

I. Статьи:

И. И. Шрейдеръ Джузеппе Мадзини о національномъ вопросѣ. R. „Валеріанъ Лукасинскій“.

Е. Колосовъ, М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

В. М. Максимовъ. Автобіографическія замѣтки (продолженіе).

И. П. Бѣлоконскій. Отрывки изъ воспоминанія (оконч.).

Н. М. Іорданскій. Изъ недавняго прошлаго.

Проф. І. А. Артоболевскій. Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.

Н. Н. Степаненко. Воспоминанія о Засодимскомъ. Автобіографическая замѣтка П. В. Засодимскаго. Сообщ. Ч. Вѣтринскій.

III. Матеріалы:

С. П. Мельгуновъ. Московскій университетъ въ 1894 г. (по поводу записокъ проф. Боголѣпова).

Черткова, А. К. Л. Н. Толстой и его знакомство съ духовно-православной литературой (по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ о немъ).

Письма В. О. Ключевскаго.

Гершензонъ, М. О. О способахъ распространенія „Колокола“.

(Письмо неизвѣстнаго къ А. И. Герцену). Гр. В. Н. Панинъ о Герценѣ.

IV. Обзоръ журналовъ:

1) Н. Л. Бродскій. Новое о Гаршинѣ.

2) А. М. Васютинскій и А. К. Живелеговъ. М-ль Сталь, вел. кн. Екатерина Павловна и Наполеонъ.

V. Критика и библіографія.

VI. Рисунки.

Портретъ В. Лукасинскаго. Картины Максимова.

VII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма Маркизы“.

№ 6. (Іюнь).

I. Статьи:

К. Н. Успенскій. Юстиніанъ и крупное землевладѣніе сенатской знати.

В. А. Филипповъ. Факты и легенды въ біографіи Ѳ. Г. Волкова.

В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Е. Е. Колосовъ. М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ.

II. Воспоминанія:

Изъ воспоминаній пажа Людовика XVI. Переводъ съ франц. Е. П. Чалѣевой.

В. М. Хижняковъ. Изъ разсказовъ бабушки.

В. М. Максимовъ. Автобіографическія записки.

III. Матеріалы:

Казанскій заговоръ 1863 г. Эпизодъ изъ польскаго возстанія. Сообщ. А. Ершовъ. Письмо фонъ-Тиле по поводу проекта „Уставной грамоты“ Новосильцева. Съ пред. И. С. Рябинина.

IV. Обзоръ журналовъ:

Н. П. Сидоровъ. Ломоносовъ, Новиковъ, Радищевъ.

V. Критика и библіографія:

Новый трудъ по экономической исторіи Россіи. М. Н. Покровскаго.

VI. Некрологъ:

В. М. Соболевскій, — А. Н. Максимова, И. П. Бѣлоконскаго.

VII. Рисунки:

Портретъ В. М. Соболевскаго, Джабадари Максимова. Празднества въ Версалѣ (изданіе конца XVII в.).

VIII. Романъ:

Л. Браунъ. „Письма Маркизы“.

Въ отдѣльной продажѣ
книга журнала 1 руб.

№ 8. Августъ. 1913.

№ 5. (1908).

I. Статьи.

[illegible]

II. Воспоминания.

[illegible]

III. Хроника.

[illegible]

IV. Обзоры журналов.

[illegible]

V. Критика и библіографія.

VI. Рецензіи.

[illegible]

VII. Рефераты.

[illegible]

№ 6. (1908).

I. Статьи.

[illegible]

II. Воспоминания.

[illegible]

III. Хроника.

[illegible]

IV. Обзоры журналов.

[illegible]

V. Критика и библіографія.

[illegible]

VI. Рецензіи.

[illegible]

VII. Рефераты.

[illegible]

VIII. Рефераты.

[illegible]

Въ отдѣльной продажѣ

книга журнала 1 руб.